СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АНДЕРСЕНА

ВЪ 4-хъ ТОМАХЪ.

Переводъ съ датскаго подлинника

А. и П. ГАНЗЕНЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

Импровизаторъ. Петька счастливецъ. Картинки-невидимки. Путевыя очерки. Первенецъ. Дороже жемчуга и злата. Грезы короля 45 стихотвореній (въ переводахъ русскихъ поэтовъ).

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Складъ въ книжномъ магазинѣ Акціон. Общ. «Издатель».
Невскій просп., д. № 68—40.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Октября 1898 г.

Типографія Спб. Акціон. Общ. печ. дѣла «Издатель», Ковенскій, № 14.

ИМПРОВИЗАТОРЪ. ПЕТЬКА СЧАСТЛИВЕЦЪ. КАРТИНКИ-НЕВИДИМКИ. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ. ПЕРВЕНЕЦЪ. ДОРОЖЕ ЖЕМЧУГА и ЗЛАТА. ГРЕЗЫ КОРОЛЯ. СТИХОТВОРЕНІЯ ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ИМПРОВИЗАТОРЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Первая обстановка моего дѣтства.

Кто бывалъ въ Римѣ, хорошо знаетъ площадь Барберини съ ея чуднымъ фонтаномъ: тритонъ опрокидываетъ раковину, и вода бьетъ изъ нея въ воздухъ высокою струею. Кто же не бывалъ тамъ, знаетъ ее по гравюрамъ. Жаль только, на нихъ не видно высокаго дома, что на углу улицы Феличе; изъ стѣны его струится вода и сбѣгаетъ по тремъ желобкамъ въ каменный бассейнъ. Домъ этотъ представляетъ для меня особый интересъ,—я родился въ немъ. Оглядываясь назадъ на свое раннее дѣтство, я просто теряюсь въ хаосѣ пестрыхъ воспоминаній и самъ не знаю, съ чего начать. Охвативъ же взоромъ драму всей моей жизни, я еще меньше соображаю, какъ мнѣ изложить ее, что пропустить, какъ несущественное, и на какихъ эпизодахъ остановиться, чтобы нарисовать возможно полную картину. Вѣдь, то, что кажется особенно интереснымъ мнѣ самому, будетъ, можетъ быть, безразличнымъ для лица посторонняго! Мнѣ хотѣлось бы разсказать все правдиво и безъ всякихъ прикрасъ, но—тщеславіе, это несносное тщеславіе, желаніе нравиться! Оно ужъ непремѣнно впутается и сюда! Оно было посѣяно во мнѣ, еще когда я былъ ребенкомъ, разрослось съ тѣхъ поръ, какъ евангельское горчичное зерно, въ цѣлое дерево, и въ вѣтвяхъ его свили себѣ гнѣзда мои страсти. Вотъ одно изъ первыхъ моихъ воспоминаній, уже ясно указывающее на эту черту моего характера.

Было мнѣ около шести лѣтъ отъ роду; я игралъ съ другими дѣтьми возлѣ церкви капуциновъ; всѣ мои товарищи были моложе меня. Къ церковнымъ дверямъ былъ прибитъ небольшой мѣдный крестъ; помѣщался онъ почти какъ разъ на самой серединѣ двери, и я только-только могъ достать до него рукою. Матери наши всякій разъ, какъ мы проходили съ ними мимо этой двери, подымали насъ ребятъ поцѣловать священное изображеніе. Теперь мы играли тутъ одни, и вдругъ самый младшій изъ

моихъ товарищей спросилъ: почему Младенецъ Іисусъ никогда не придетъ поиграть съ нами? Я, какъ самый старшій и умный, объяснилъ это тѣмъ, что Онъ виситъ на крестѣ, и затѣмъ мы всѣ направились къ церковнымъ дверямъ, посмотрѣть на Него. Младенца Іисуса мы на упомянутомъ крестѣ не нашли, но всетаки захотѣли поцѣловать крестъ, какъ учили насъ наши матери. Но гдѣ же намъ было достать до него! И вотъ мы принялись подымать другъ друга кверху, но силы оставляли подымающаго какъ разъ въ ту минуту, когда вытянутые губки поднятаго готовы были расцѣловать невидимаго Младенца, и ребенокъ шлепался. Въ это самое время матери моей случилось проходить мимо. Увидавъ нашу игру, она остановилась, сложила руки и промолвила: «Ангельчики вы Божьи! А ты—мой херувимчикъ!» И она крѣпко расцѣловала меня.

Я слышалъ потомъ, какъ она разсказывала объ этомъ нашей сосѣдкѣ, и опять называла меня невиннымъ ангелочкомъ; мнѣ это очень понравилось, зато невинность моя поубавилась: сѣмя тщеславія было пригрѣто первыми лучами солнышка! Душа у меня отъ природы была мягкая, благочестивая, но къ сожалѣнію добрая матушка, совсѣмъ не думая о томъ, что это отзовется на моей дѣтской невинности, дала мнѣ замѣтить, изучить всѣ мои дѣйствительныя и воображаемыя достоинства. Невинность, вѣдь, что василискъ: едва увидитъ себя—умираетъ.

Монахъ капуцинъ, фра Мартино, былъ духовникомъ моей матери, и она и ему разсказала, какой я благочестивый мальчикъ. Я, правда, отлично зналъ наизусть много молитвъ—хоть и не понималъ въ нихъ ни полслова— и монахъ очень любилъ меня за это. Онъ даже подарилъ мнѣ картинку съ изображеніемъ Мадонны, плакавшей горькими, крупными слезами, которыя дождемъ падали въ пекло, гдѣ ихъ съ жадностью ловили грѣшники. А одинъ разъ такъ онъ взялъ меня съ собою въ монастырь; особенное впечатлѣніе произвела на меня тамъ открытая галлерея со столбами, шедшая вокругъ небольшого четырехугольнаго картофельнаго огорода, на которомъ красовались также два кипариса и одно апельсинное дерево. По стѣнамъ галлереи висѣли рядами старые портреты умершихъ монаховъ, а на дверяхъ каждой кельи были наклеены лубочныя картинки, изображавшія страданія св. мучениковъ; я смотрѣлъ на нихъ тогда съ тѣмъ же благоговѣйнымъ чувствомъ, съ какимъ впослѣдствіи взиралъ на шедевры Рафаэля и Андреа дель-Сарто.

— Ты храбрый мальчикъ!—сказалъ мнѣ фра Мартино.—Сейчасъ я покажу тебѣ мертвыхъ!

Съ этими словами онъ отворилъ маленькую дверцу, и мы спустились внизъ на нѣсколько ступенекъ. Тамъ я увидѣлъ передъ собою черепа, черепа!.. Они были сложены въ правильные ряды и образовывали цѣлыя стѣны и даже отдѣльныя часовни и ниши, въ которыхъ стояли скелеты наи-

болѣе прославившихся монаховъ. Они были завернуты въ коричневыя рясы, подпоясаны веревками, а въ рукахъ держали молитвенники или высохшіе цвѣты. Алтари, подсвѣчники и разныя украшенія въ этихъ часовняхъ были изъ ключицъ и позвоночныхъ хребтовъ, барельефы изъ мелкихъ костей, но все отличалось грубою безвкусицей, какъ и самая идея. Я крѣпко прижался къ монаху, а онъ, сотворивъ молитву, сказалъ мнѣ: «Вотъ здѣсь буду когда-нибудь почивать и я; ты придешь тогда навѣстить меня?» Я не отвѣтилъ ни слова, боязливо поглядывая то на него, то на окружавшую насъ ужасную, диковинную обстановку. Нелѣпо было, въ самомъ дѣлѣ, приводить въ такое мѣсто ребенка. Я былъ совсѣмъ подавленъ, угнетенъ этимъ зрѣлищемъ и успокоился только вернувшись въ келейку фра Мартино; здѣсь въ окна заглядывали чудесные желтые апельсины, а на стѣнѣ висѣла пестрая картина: ангелы возносили Богородицу на небо, внизу же виднѣлась гробница ея, вся утопавшая въ цвѣтахъ.

Это первое посѣщеніе монастыря надолго дало пищу моей фантазіи, и я до сихъ поръ живо помню его. Монахъ сталъ казаться мнѣ совсѣмъ инымъ существомъ, нежели всѣ прочіе люди, которыхъ я зналъ. Онъ, вѣдь, постоянно былъ въ общеніи съ мертвыми, столь похожими въ своихъ коричневыхъ рясахъ на него самого, зналъ и разсказывалъ мнѣ столько исторій о святыхъ и чудесахъ, матушка моя такъ чтила его святость—все это заставляло меня мечтать о томъ, какъ бы и мнѣ когда-нибудь стать такимъ же.

Мать моя давно вдовѣла и жила только тѣмъ, что шила на людей, да отдавала внаймы нашу большую комнату. Прежде мы сами занимали ее, но теперь жили на чердачкѣ, залу же, какъ мы называли большую комнату, снялъ у насъ молодой художникъ Федериго. Онъ былъ веселый, живой молодой человѣкъ, родомъ издалека, оттуда, гдѣ не знали ни Мадонны, ни Іисуса,—говорила матушка—изъ Даніи. Я тогда еще не могъ взять въ толкъ, что есть на свѣтѣ иной языкъ, кромѣ нашего, и, думая, что художникъ не понимаетъ меня просто потому, что глухъ, принимался выкрикивать слова во все горло, а онъ смѣялся надо мною, часто угощалъ меня фруктами и рисовалъ мнѣ солдатиковъ, лошадокъ и домики. Мы скоро познакомились, я очень полюбилъ его, да и матушка говорила, что онъ славный человѣкъ. Но вотъ, я услыхалъ однажды между нею и фра Мартино такой разговоръ, который внушилъ мнѣ совсѣмъ особыя чувства къ молодому художнику. Мать спросила монаха, въ самомъ-ли дѣлѣ иностранецъ обреченъ на вѣчную гибель и адскія муки. «А, вѣдь, и онъ, и многіе изъ иностранцевъ славные, честные люди и не дѣлаютъ ничего дурного. Всѣ они добры къ бѣднымъ, аккуратно платятъ за квартиру, и, сдается мнѣ, за ними не водится такихъ грѣховъ, какъ за многими изъ нашихъ!»—прибавила она.

— Такъ!—отвѣтилъ фра Мартино.—Все это вѣрно! Часто они бываютъ людьми очень почтенными, но знаете отчего? Видите-ли, дьяволъ уже знаетъ, что всѣ еретики принадлежатъ ему и потому никогда не искушаетъ ихъ. Вотъ имъ и легко быть честными, не грѣшить. Напротивъ, всякій добрый католикъ—дитя Божіе, и дьяволу приходится пускать въ ходъ всѣ свои соблазны, чтобы уловить его въ свои сѣти. Онъ искушаетъ насъ, слабыхъ, и мы грѣшимъ; еретиковъ же, какъ сказано, не искушаетъ ни дьяволъ, ни плоть!

На это мать моя не нашлась что отвѣтить и только вздохнула отъ жалости къ бѣдному молодому человѣку. Я же началъ плакать: мнѣ казалось просто смертнымъ грѣхомъ осудить на вѣчныя мученія добраго молодого человѣка, который рисовалъ мнѣ такія чудныя картинки!

Третьимъ лицомъ, игравшимъ значительную роль въ моемъ дѣтствѣ, былъ дядюшка Пеппо, по прозвищу «злой Пеппо» или «король испанской лѣстницы» *); лѣстница эта была его постоянною резиденціей. У Пеппо отъ рожденія были сухія и крестообразно сведенныя ноги, и онъ съ ранняго дѣтства пріобрѣлъ изумительный навыкъ передвигаться съ мѣста на мѣсто съ помощью рукъ. Онъ упирался ими въ дощечки, прикрѣпленныя къ нимъ ремнемъ, и двигался такимъ образомъ почти такъ же быстро, какъ люди на здоровыхъ ногахъ. День-денской, до самого заката солнца, онъ сидѣлъ, какъ сказано, на испанской лѣстницѣ, но никогда не клянчилъ милостыни, а только вкрадчиво улыбался и привѣтствовалъ прохожихъ: «Bon giorno!» **). Мать моя не особенно жаловала его, и даже стыдилась родства съ нимъ, но поддерживала съ нимъ дружбу ради меня,— какъ часто говорила. У него было кое-что скоплено, и я могъ, если сумѣю поладить съ нимъ, сдѣлаться единственнымъ его наслѣдникомъ— конечно, лишь въ томъ случаѣ, если онъ не вздумаетъ завѣщать все церкви! Пеппо на свой ладъ благоволилъ ко мнѣ, но мнѣ въ его присутствіи всегда было какъ-то не по себѣ. Дѣло въ томъ, что мнѣ случилось однажды быть свидѣтелемъ довольно характернаго происшествія, заставившаго меня бояться дядюшку Пеппо. На одной изъ нижнихъ ступеней испанской лѣстницы сидѣлъ старый слѣпой нищій и побрякивалъ деньгами въ жестяной коробочкѣ, приглашая этимъ прохожихъ бросить въ нее и свою лепту. Многіе проходили мимо Пеппо, не обращая вниманія на его заискивающую улыбку и маханье шляпой, но подавали слѣпому, который такимъ образомъ выигрывалъ своимъ молчаніемъ куда больше. Уже трое

*) Съ испанской площади ведетъ къ холму Пинчіо и лежащимъ тамъ улицамъ широкая каменная лѣстница вышиной съ четырехъэтажные дома, стоящіе возлѣ. Лѣстница эта является сборнымъ пунктомъ римскихъ нищихъ и называется испанскою по имени площади.

**) Добрый день!

прохожихъ поступили такимъ образомъ; прошелъ четвертый и тоже бросилъ въ коробочку слѣпого монетку. Тутъ ужъ Пеппо не въ терпежъ стало. Я видѣлъ, какъ онъ, словно змѣя, скользнулъ внизъ и закатилъ слѣпому такую оплеуху, что тотъ уронилъ и деньги, и палку.

— Ахъ, ты, мошенникъ!—закричалъ Пеппо.—Ограбить меня вздумалъ! Ты и калѣка-то не настоящій! Не видитъ—вотъ и весь его изъянъ, а таскаетъ у меня деньги изъ-подъ носу!

Дальше я не слыхалъ, — я такъ испугался, что со всѣхъ ногъ пустился домой съ бутылкой вина, за которою меня посылали.

Въ большіе праздники мнѣ приходилось бывать съ матушкой у него въ гостяхъ, причемъ мы всякій разъ являлись съ гостинцами, приносили ему то кисть крупнаго винограда, то засахаренныхъ яблокъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Я долженъ былъ цѣловать ему руку и называть его дядюшкой. Онъ какъ-то странно посмѣивался при этомъ и давалъ мнѣ мелкую монетку, но всегда съ наставленіемъ спрятать ее, а не тратить на пирожное: съѣмъ я его, и у меня не останется ничего, а спрячу деньги—у меня всетаки что нибудь да будетъ!

Жилъ онъ грязно, гадко; въ одной коморкѣ вовсе не было оконъ, а въ другой всего одно, да и то подъ самымъ потолкомъ, и съ разбитымъ и склеенннымъ стекломъ. Мебели въ коморкахъ совсѣмъ не было, кромѣ большого широкаго ящика, на которомъ Пеппо спалъ, да двухъ бочекъ; въ нихъ онъ пряталъ свои платья. Я всегда шелъ къ нему со слезами, и немудрено: матушка, постоянно увѣщевая меня быть съ нимъ ласковымъ, въ то же время и стращала меня имъ подъ сердитую руку, говоря, что отдастъ меня моему милому дядюшкѣ, вотъ я и буду сидѣть, да распѣвать съ нимъ на лѣстницѣ—авось что нибудь заработаю! Я, впрочемъ, зналъ, что она никогда этого не сдѣлаетъ,—я былъ, вѣдь, зѣницей ея ока.

На стѣнѣ сосѣдняго дома висѣлъ образъ Мадонны, а передъ нимъ вѣчно теплилась лампада. Каждый вечеръ, когда начинали звонить къ «Ave Maria», я и другіе ребятишки падали ницъ передъ этимъ образомъ и пѣли молитву Богородицѣ и прелестному Младенцу, написаннымъ на образѣ и украшеннымъ лентами, бусами и серебряными сердечками. При мерцаніи огонька лампады мнѣ часто казалось, что Дѣва Марія и Младенецъ шевелятся и улыбаются намъ. Я пѣлъ чистымъ, высокимъ дискантомъ, и говорили, что я пою чудесно. Однажды передъ нами остановилось семейство англичанъ, прослушало наше пѣніе и, когда мы встали съ земли, знатный господинъ далъ мнѣ серебряную монету—«за мой чудесный голосъ»,—объяснила мнѣ матушка. Но сколько вреда мнѣ это принесло! Съ тѣхъ поръ я, распѣвая передъ Мадонной, не думалъ уже только о ней, а о томъ — слушаютъ-ли, какъ хорошо я пою. И вдругъ меня охватывали жгучія угрызенія совѣсти и страхъ разгнѣвать Мадонну, и я

начиналъ искренно молиться и просить, чтобы Она помиловала меня, бѣдняжку.

Вечерняя молитва передъ образомъ была единственнымъ связующимъ звеномъ между мною и другими дѣтьми. Я велъ вообще тихую, сосредоточенную жизнь мечтателя, могъ по цѣлымъ часамъ одинъ-одинешенекъ лежать на спинѣ и смотрѣть въ окно на дивное голубое итальянское небо и на удивительную игру красокъ при заходѣ солнца, когда облака принимали фіолетовые оттѣнки, а самый сводъ небесный горѣлъ золотомъ. Какъ часто хотѣлось мнѣ полетѣть туда, туда, за Квириналъ и дома, къ высокимъ пиніямъ, вырисовывавшимся гигантскими тѣнями на пурпуровомъ фонѣ неба. Совершенно иного рода зрѣлище открывалось изъ противоположнаго окошка нашей комнаты. Изъ него видны были нашъ и сосѣдній дворъ; оба представляли небольшія площадки, тѣсно сжатыя высокими стѣнами домовъ и затемненныя огромными, нависшими надъ ними деревянными галлереями. Посреди каждаго двора былъ каменный колодезь, и пространство вокругъ него было до того узко, что двумъ встрѣчнымъ, пожалуй, и не разойтись было. Сверху, изъ своего окна, я могъ такимъ образомъ видѣть лишь эти два глубокихъ колодца, поросшихъ тонкою, нѣжною зеленью, «Венериными волосами», какъ ее называютъ. Глядя въ ихъ безпросвѣтную глубину, я какъ будто глядѣлъ въ нѣдра самой земли, и воображеніе рисовало мнѣ рядъ причудливыхъ картинъ. Мать, впрочемъ, украсила окошко большимъ пучкомъ розогъ, чтобы я постоянно видѣлъ, какіе растутъ на немъ для меня плоды на тотъ случай, если я полѣзу туда, да не вывалюсь и не утону.

Но теперь я перейду къ описанію происшествія, чуть было не положившаго конецъ сказкѣ моей жизни, прежде нежели она успѣла достигнуть болѣе сложнаго развитія.

Посѣщеніе катакомбъ. Я поступаю въ пѣвчіе. Ангелочекъ. Импровизаторъ.

Жилецъ нашъ, молодой художникъ, бралъ меня иногда съ собою, отправляясь бродить за городъ; я не мѣшалъ ему, пока онъ срисовывалъ какой-нибудь видъ, когда же онъ кончалъ работу, забавлялъ его своею болтовней,—онъ уже сталъ понимать нашъ языкъ. Однажды я побывалъ съ нимъ и въ «curia hostilia», въ глубокихъ подземныхъ пещерахъ, гдѣ въ древности держали дикихъ звѣрей для игрищъ въ циркѣ, во время которыхъ безвинныхъ плѣнниковъ бросали на растерзаніе кровожаднымъ гіенамъ и львамъ.

Темные переходы, глухія каменныя стѣны, о которыя проводникъ нашъ, монахъ, безпрестанно ударялъ горящимъ факеломъ, глубокія ка-

менныя цистерны съ зеркальною прозрачною водою, къ которой то и дѣло приходилось прикасаться факеломъ—не то просто и не вѣрилось, что это вода, а не пустое пространство—все возбуждало мое воображеніе: страха же я не ощущалъ не малѣйшаго, такъ какъ и не подозрѣвалъ ни о какой опасности.

— Мы опять пойдемъ въ пещеры?—спросилъ я художника, завидѣвъ въ концѣ улицы верхушки Коллизея.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ.—Сегодня ты увидишь еще не то! И я срисую и тебя кстати, славный мой мальчикъ!

Мы шли все дальше и дальше, между двумя рядами бѣлыхъ стѣнъ, которыми были обнесены виноградники, и между развалинами древнихъ термъ, пока не вышли за городъ. Солнце жгло, и крестьяне, устроивъ надъ своими телѣгами бесѣдки изъ зеленыхъ вѣтвей, спали въ нихъ, а лошади, предоставленныя самимъ себѣ, плелись шагомъ, пощипывая связку сѣна, подвѣшенную для этой цѣли у нихъ сбоку. Наконецъ, мы добрались до грота Эгеріи, отдохнули тамъ, закусили и выпили вина пополамъ со свѣжею водою изъ источника, журчавшаго между каменными глыбами. Стѣны и своды грота и внутри и снаружи обросли нѣжною зеленью; все какъ будто было обито зеленымъ шелкомъ и бархатомъ; надъ самымъ же входомъ спускался густыми гирляндами плющъ, густотой и свѣжестью листьевъ не уступавшій калабрійскому винограду. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ грота стоитъ—вѣрнѣе стоялъ, такъ какъ теперь отъ него остались однѣ развалины—маленькій нежилой домикъ, построенный надъ однимъ изъ спусковъ въ катакомбы. Въ древности онѣ, какъ извѣстно, служили для соединенія Рима съ окрестными городами, но затѣмъ часть ходовъ была завалена обрушившимися стѣнами, а часть заложена, такъ какъ катакомбы стали служить убѣжищемъ для воровъ и контрабандистовъ. Спускъ черезъ могильные склепы церкви св. Себастіана и только что упомянутый и были тогда единственными открытыми для публики. Мы, впрочемъ, пожалуй, послѣдніе, спускались черезъ второй,—вскорѣ послѣ происшествія съ нами его заложили, и остался открытымъ для иностранцевъ только одинъ входъ черезъ упомянутую церковь, да и черезъ тотъ ихъ стали пускать лишь въ сопровожденіи монаха.

Глубоко подъ землею пересѣкаются ходы, прорытые въ мягкой землѣ; здѣсь ихъ такое множество, и всѣ они такъ похожи одинъ на другой, что въ нихъ можетъ заблудиться даже тотъ, кто отлично знакомъ съ направленіями главныхъ ходовъ. Я-то, впрочемъ, ни о чемъ такомъ не думалъ, а художникъ принялъ такія мѣры предосторожности, что даже не задумался прихватить съ собою и меня. Онъ зажегъ одну свѣчу, другую взялъ въ карманъ, прикрѣпилъ у входа клубокъ нитокъ, и наше странствіе началось. Своды то становились такъ низки, что даже я едва могъ дер-

жаться прямо, то опять уходили въ высь высокими арками, расширявшимися въ мѣстахъ пересѣченія ходовъ въ четырехъугольники. Мы миновали круглую пещеру съ маленькимъ алтаремъ посрединѣ; здѣсь тайно отправляли богослуженія первые христіане, преслѣдуемые язычниками. Федериго разсказывалъ мнѣ о погребенныхъ здѣсь четырнадцати папахъ и многихъ тысячахъ мучениковъ. Мы подносили свѣчу къ большимъ трещинамъ въ могильныхъ нишахъ и видѣли тамъ пожелтѣвшія кости. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, Федериго пріостановился: нитка кончалась. Онъ крѣпко привязалъ конецъ ея къ петлицѣ своей куртки, воткнулъ свѣчу между камнями и принялся срисовывать мрачные своды. Я сидѣлъ возлѣ, на камнѣ; художникъ велѣлъ мнѣ сложить руки и глядѣть вверхъ. Свѣча наполовину уже сгорѣла, но рядомъ лежала еще одна цѣльная; кромѣ того, Федериго взялъ съ собою огниво и трутъ, чтобы можно было вновь зажечь свѣчу, если она внезапно погаснетъ.

Фантазія рисовала мнѣ тысячи диковинныхъ предметовъ въ этихъ безконечныхъ переходахъ, погружавшихся вдали въ сплошной мракъ. Тихо было кругомъ; слышался только однообразный звукъ паденія водяныхъ капель. Я совсѣмъ забылся, предавшись своимъ мечтамъ, какъ вдругъ испугался, взглянувъ на моего друга—живописца. Онъ какъ-то странно вздохнулъ и сталъ вертѣться на мѣстѣ, ежеминутно наклоняясь къ землѣ, словно хватая что-то, потомъ зажегъ большую свѣчу и опять принялся искать около себя. Меня охватилъ испугъ, и я съ плачемъ поднялся съ мѣста.

— Ради Бога, сиди смирно, дитя!—сказалъ онъ.—Ради самого Бога!— И онъ опять впился глазами въ землю.

— Я хочу наверхъ!—закричалъ я.—Я не хочу оставаться тутъ!— И я схватилъ его за руку и потянулъ за собою.

— Дитя, дитя! Ты милый, славный мальчикъ! Я дамъ тебѣ пирожнаго и картинокъ! А вотъ тебѣ пока денегъ!—И онъ вытащилъ изъ кармана свой кошелекъ и отдалъ мнѣ все, что въ немъ было, но я чувствовалъ, что рука его холодна, какъ ледъ, что самъ онъ весь дрожитъ— испугался еще больше и началъ громко призывать матушку. Тогда онъ сердито схватилъ меня за плечо, сильно тряхнулъ и сказалъ:—Смирно, или я прибью тебя!—Затѣмъ онъ крѣпко обвязалъ мою руку своимъ носовымъ платкомъ, чтобы я не вырвался отъ него, но тутъ же наклонился ко мнѣ и крѣпко поцѣловалъ, называя меня «своимъ милымъ, дорогимъ Антоніо» и прося меня молиться Мадоннѣ!

— Развѣ нитка потерялась?—спросилъ я.

— Мы найдемъ ее, найдемъ!—отвѣтилъ онъ и опять принялся искать. Между тѣмъ, огарокъ первой свѣчи догорѣлъ, и по мѣрѣ того, какъ отъ сильныхъ движеній Федериго быстро оплывала и догорала въ его рукѣ

другая, страхъ его все возросталъ. Въ самомъ дѣлѣ, безъ нитки намъ невозможно было выбраться изъ катакомбъ; каждый шагъ могъ только удалить насъ отъ выхода и завести вглубь, откуда уже никто не могъ бы спасти насъ.

Послѣ тщетныхъ поисковъ, Федериго бросился ницъ на землю, обнялъ меня за шею и вздохнулъ:—Бѣдное дитя!—Я громко заплакалъ, чувствуя, что уже никогда не попаду домой. Лежа на землѣ, онъ крѣпко прижалъ меня къ себѣ, рука моя скользнула подъ него, я уперся пальцами въ щебень, и вдругъ ощупалъ нитку.

— Вотъ она!—закричалъ я.

Онъ схватилъ мою руку и точно обезумѣлъ отъ радости: вѣдь, и впрямь жизнь наша висѣла на этой ниточкѣ! Мы были спасены.

О, какъ тепло свѣтило солнышко, какою лазурью сіяло небо, какъ хороши были зеленыя деревья и кусты! Мы не могли наглядѣться на все это, выйдя опять на свѣтъ Божій. Федериго снова расцѣловалъ меня, потомъ вынулъ изъ кармана свои красивые серебряные часы и сказалъ мнѣ:—Вотъ тебѣ!—Я такъ обрадовался, что совсѣмъ позабылъ недавнее приключеніе, но мать моя никакъ не могла забыть его и больше ужъ не позволяла художнику брать меня съ собою на прогулки. Фра Мартино сказалъ, что Господь спасъ насъ единственно ради меня, что это мнѣ послала Мадонна нитку, а не еретику Федериго, что я добрый, благочестивый мальчикъ и никогда не долженъ забывать ея доброты и милости ко мнѣ. Это приключеніе, а также насмѣшливыя увѣренія нѣкоторыхъ знакомыхъ, что я уродился монахомъ, такъ какъ кромѣ матушки мнѣ вообще не была по сердцу ни одна женщина, убѣдили мою мать, что я предназначенъ въ служители церкви. И впрямь, самъ не знаю почему, я недолюбливалъ женщинъ; въ нихъ было, на мой взглядъ, что-то отталкивающее. Я пренаивно высказывалъ это, и зато всѣ дѣвушки и женщины, приходившія къ моей матери, безжалостно дразнили меня, настаивая, чтобы я непремѣнно поцѣловалъ ихъ. Въ особенности донимала меня своими насмѣшками и часто доводила даже до слезъ Маріучія, веселая, жизнерадостная крестьянская дѣвушка. Она была натурщица по ремеслу и поэтому одѣвалась всегда очень красиво и пестро, на головѣ же носила большое бѣлое покрывало. Она часто служила моделью Федериго, заходила и къ матери моей, и при этомъ всегда называла себя моею невѣстой, а меня своимъ женихомъ, который непремѣнно долженъ поцѣловать ее. Я всегда отказывался, но она заставляла меня силой. Однажды я не выдержалъ и разревѣлся; тогда она назвала меня груднымъ младенцемъ и сказала, что меня надо покормить. Я бросился къ дверямъ, но она поймала меня, посадила къ себѣ на колѣни и прижала мое лицо къ своей груди. Я отворачивался, что было силъ, а она все крѣпче и

крѣпче прижимала меня. Въ борьбѣ я вырвалъ изъ косы дѣвушки серебряную стрѣлу, и волосы ея пышною волною разсыпались по ея обнаженнымъ плечамъ и закрыли меня. Матушка стояла въ другомъ углу комнаты, смѣялась и подзадоривала Маріучію, а Федериго въ дверяхъ незамѣтно срисовывалъ всю группу.

— Не надо мнѣ невѣсты, не надо жены!—говорилъ я матери.—Я хочу быть священникомъ или капуциномъ, какъ фра Мартино!

Молчаливость и сосредоточенность моя, особенно по вечерамъ, также указывали моей матери на мое предназначеніе въ духовное званіе. А я сидѣлъ, да мечталъ о томъ, какіе дворцы и церкви построю, когда выросту и разбогатѣю, какъ буду тогда разъѣзжать кардиналомъ въ красныхъ каретахъ въ сопровожденіи раззолоченныхъ слугъ. Иногда же я рисовалъ себѣ цѣлую мученическую эпопею, похожую на тѣ, которыя разсказывалъ мнѣ фра Мартино; героемъ ея являлся, конечно, я самъ, и по волѣ Мадонны никогда не испытывалъ причиняемыхъ мнѣ мукъ. Въ особенности же увлекала меня мечта отправиться на родину Федериго, чтобы обратить тамъ всѣхъ его соотечественниковъ и сдѣлать ихъ сопричастными общему спасенію.

Какъ матушка и фра Мартино устроили это—я не знаю, но только въ одно прекрасное утро она нарядила меня въ лиловый стихарь, сверхъ него накинула кисейную рубашку, доходившую мнѣ до колѣнъ, и затѣмъ подвела меня къ зеркалу посмотрѣться. Я былъ принятъ въ пѣвчіе церкви капуциновъ, долженъ былъ кадить изъ большой кадильницы и пѣть передъ алтаремъ. Фра Мартино далъ мнѣ всѣ нужныя указанія. О, какъ я былъ счастливъ! Скоро я совсѣмъ освоился съ новою обстановкой и чувствовалъ себя въ маленькой, но уютной монастырской церкви, совсѣмъ какъ дома, зналъ на память каждую ангельскую головку, изображенную на образахъ, каждую пеструю завитушку на колоннахъ и могъ, зажмуря глаза, представить себѣ прекраснаго архангела Михаила, попирающаго безобразнаго дракона. А сколько самыхъ причудливыхъ мыслей возбуждали во мнѣ высѣченные на каменномъ полу черепа въ вѣнкахъ изъ зеленаго плюща!

Въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ монахи взяли меня съ собою въ капеллу мертвыхъ, куда водилъ меня фра Мартино въ первое же мое посѣщеніе монастыря. Монахи пѣли заупокойную обѣдню, а я съ двумя мальчиками-однолѣтками кадилъ передъ большимъ алтаремъ, составленнымъ изъ череповъ. Въ паникадила, сдѣланные изъ человѣческихъ костей, вставили свѣчи, скелетамъ монаховъ дали въ руки новые букеты, а на черепа имъ надѣли свѣжіе вѣнки. Народу, по обыкновенію, набралось туда множество, всѣ встали на колѣни, торжественно зазвучало Miserere... Долго глядѣлъ я на пожелтѣвшіе черепа и кадильный дымъ, стелившійся

причудливыми клубами между ними и мною, и, наконецъ, все закружилось передо мной, взоръ мой застлало какое-то радужное сіяніе, въ ушахъ зазвенѣли тысячи колокольчиковъ, мнѣ показалось, что я плыву, уношусь по теченію, невыразимо сладкое чувство охватило меня... Больше я ничего не помню: сознаніе оставило меня.

Тяжелый, спертый воздухъ и черезчуръ разгоряченное воображеніе были причинами моего обморока. Придя въ себя, я увидалъ, что лежу на колѣняхъ у фра Мартино, подъ тѣнью апельсиннаго дерева росшаго въ монастырскомъ саду.

Сбивчивый разсказъ мой о томъ, что мнѣ сейчасъ чудилось въ грезахъ, былъ истолкованъ имъ и всею братіей по своему: я удостоился небеснаго видѣнія и не въ силахъ былъ вынести зрѣлища блаженныхъ духовъ, воспарившихъ надо мною въ блескѣ и великолѣпіи.

Такое отношеніе ко мнѣ повело къ тому, что я часто сталъ видѣть чудесные сны, нѣкоторые даже сочинять самъ, разсказывалъ ихъ матери, а та передавала своимъ друзьямъ, и за мной съ каждымъ днемъ все больше и больше устанавливалась репутація избраннаго Богомъ дитяти.

Незамѣтно приблизилось и желанное Рождество. Горные пастухи, въ короткихъ плащахъ и остроконечныхъ, украшенныхъ лентами шляпахъ, стали стекаться въ городъ и возвѣщать звуками волынки о рожденіи Спасителя передъ всѣми домами, на дверяхъ которыхъ находились изображенія Мадонны. Я ежедневно просыпался подъ одну и ту же монотонную заунывную мелодію и сейчасъ принимался повторять свою рѣчь. Дѣло въ томъ, что я въ числѣ другихъ избранныхъ дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ—долженъ былъ на Рождествѣ произнести проповѣдь передъ образомъ Іисуса въ церкви св. Маріи Арачели.

И не только я самъ да матушка съ Маріучіей радовались тому, что я, девятилѣтній мальчуганъ, долженъ былъ держать рѣчь, но также и художникъ Федериго, передъ которымъ я безъ ихъ вѣдома дѣлалъ репетицію, стоя на столѣ. На такой же столъ, только покрытый ковромъ, поставили насъ, дѣтей, и въ церкви, гдѣ мы должны были передъ всею паствою держать заученную наизусть рѣчь «объ обливавшемся кровью сердцѣ Мадонны и о красотѣ Младенца Іисуса». Я совсѣмъ не трусилъ, сердечко мое билось только отъ радости, когда я очутился на возвышеніи и взоры всѣхъ устремились на меня. Казалось, что наибольшее впечатлѣніе на слушателей произвелъ именно я, но вотъ, на столъ поставили изящную, нѣжную маленькую дѣвочку, съ такимъ свѣтлымъ личикомъ и мелодичнымъ голоскомъ, что всѣ единогласно назвали ее ангелочкомъ. Даже матушка, которая охотно отдала бы пальму первенства мнѣ, громко заявила, что дѣвочка ни дать-ни взять ангелочекъ съ большого запрестольнаго образа—такія у нея дивные черные глазки, черные,

какъ смоль, волосы, дѣтское и въ то же время необыкновенно умное выраженіе личика, прелестныя маленькія ручки!.. Нѣтъ, право, матушка ужъ черезчуръ много занималась ею! Она, впрочемъ, сказала, что и я тоже былъ похожъ на ангелочка.

Есть пѣсня про соловья, который, сидя птенчикомъ въ гнѣздѣ, клевалъ зеленый листокъ розоваго куста и не замѣчалъ бутона, готоваго распуститься, спустя же нѣсколько недѣль, когда роза расцвѣла, пѣлъ только о ней, полетѣлъ прямо на шипы и истекъ кровью. Пѣсня эта часто приходила мнѣ на умъ впослѣдствіи, когда я сталъ постарше; тогда же она еще ничего не говорила ни моему дѣтскому слуху, ни сердцу.

Дома я долженъ былъ повторять мою рѣчь передъ матушкой, Маріучіей и другими матушкиными пріятельницами, и не одинъ, а много разъ. Это не мало льстило моему самолюбію, но онѣ скорѣе устали слушать меня, чѣмъ я повторять. Чтобы вновь заинтересовать мою публику, я додумался самъ составить новую рѣчь, и хотя она явилась скорѣе описаніемъ церковнаго торжества, нежели настоящею рождественскою проповѣдью, Федериго, который первый услышалъ ее, сказалъ, что она ничуть не хуже сочиненной фра Мартино, и что во мнѣ «сидитъ поэтъ». Говоря это, онъ смѣялся, но я тѣмъ не менѣе былъ польщенъ. Слово «поэтъ» заставило меня, однако, сильно призадуматься,—я не понималъ хорошенько, что оно значитъ, и, наконецъ, порѣшилъ, что это «сидитъ во мнѣ добрый ангелъ», можетъ быть, тотъ самый, который показываетъ мнѣ такія прелести во снѣ. И только лѣтомъ одинъ случай нѣсколько лучше выяснилъ мнѣ значеніе поэта и пробудилъ въ моей дѣтской душѣ новыя идеи.

Матушка рѣдко переступала предѣлы нашего квартала, поэтому для меня было настоящимъ праздникомъ услышать отъ нея, что мы отправимся съ нею къ одной изъ ея пріятельницъ, жившей въ Трастевере *). Меня нарядили въ праздничное платье: къ груди прикрѣпили булавками пестрый шелковый лоскутокъ, замѣнявшій мнѣ жилетку, сверху накинули коротенькую курточку, шейный платокъ завязали большимъ бантомъ, а на голову надѣли вышитую шапочку. Я былъ просто обворожителенъ!

Возвращались мы назадъ домой уже поздно, но лунный вечеръ былъ такъ ясенъ и свѣтелъ, воздухъ такъ свѣжъ; высокіе кипарисы и пиніи, росшіе на ближайшихъ холмахъ, рѣзко вырисовывались на голубомъ фонѣ неба. Это былъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, какихъ немного приходится пережить каждому; они не знаменуются никакими особенными событіями, но тѣмъ не менѣе глубоко запечатлѣваются со всѣми своими оттѣнками на крыльяхъ Психеи — души. Вспоминая впослѣдствіи Тибръ, я всегда вижу его передъ собою такимъ именно, какимъ видѣлъ въ тотъ вечеръ,

*) Часть Рима, расположенная по правому берегу Тибра.

вижу эту густую желтоватую воду, въ которой отражался мѣсяцъ, вижу черные старые быки ветхаго моста, рѣзкими тѣнями выступавшіе изъ потока, вижу пѣнившія потокъ мельничныя колеса и веселыхъ дѣвушекъ, отплясывавшихъ съ тамбуринами въ рукахъ сальтарелло *). На улицахъ вокругъ Санта Марія делла Ротонда движеніе и жизнь еще не прекращались. Мясники и торговки фруктами сидѣли за своими столами, на которыхъ между гирляндами изъ лавровыхъ листьевъ были разложены ихъ товары и горѣли на вольномъ воздухѣ свѣчи. Подъ горшками, въ которыхъ жарились каштаны, пылали огни; говоръ, крики, шумъ и гамъ стояли въ воздухѣ; чужестранецъ, не понимающій языка, могъ бы подумать, что тутъ идутъ ссоры не на жизнь, а на смерть. Матушка встрѣтила здѣсь свою старую пріятельницу, торговку рыбой, и женщина задержала насъ своими разговорами до поздней ночи. Начали уже тушить свѣчи, прежде чѣмъ мы двинулись дальше; когда же матушка проводила пріятельницу до дому—на улицахъ, даже на Корсо, стояла уже полная тишина, но какъ только мы обогнули площадь ди Треви, гдѣ находится великолѣпный каскадъ, навстрѣчу намъ опять понеслись веселые звуки.

Лунный свѣтъ озарялъ старое палаццо; между каменными глыбами, образующими его фундаментъ и будто наваленными какъ попало, журчала вода. Тяжелый каменный плащъ Нептуна развѣвался по вѣтру, а самъ Нептунъ глядѣлъ на каскадъ и на окружавшихъ его тритоновъ, правившихъ морскими конями. Струи воды ниспадали въ широкій бассейнъ, а на ступеняхъ вокругъ бассейна расположилась освѣщенная луннымъ свѣтомъ толпа поселянъ. Возлѣ нихъ валялись большія разрѣзанныя дыни, изъ которыхъ такъ и бѣжалъ сокъ. Маленькій коренастый парень, въ одной рубахѣ да короткихъ холщевыхъ панталонахъ, сидѣлъ съ гитарой въ рукахъ и, весело перебирая струны, распѣвалъ пѣсню. Крестьяне восторженно хлопали ему. Матушка пріостановилась, и я услышалъ пѣсню, которая сильно поразила меня. Она была совсѣмъ не похожа на обыкновенныя,—парень пѣлъ въ ней о насъ самихъ, о томъ, что мы видѣли и слышали сейчасъ вокругъ себя! Мы сами были выведены въ пѣснѣ, въ настоящей пѣснѣ! Онъ пѣлъ о томъ, какъ прекрасно спится подъ голубымъ небомъ вмѣсто полога и съ камнемъ подъ головой вмѣсто подушки, подъ звуки волынки этихъ двухъ горныхъ пастуховъ (тутъ онъ указалъ на тритоновъ, трубящихъ въ рога), о томъ, что всѣ эти поселяне, проливающіе сокъ дынь, должны выпить за здоровье его возлюбленной, которая теперь спитъ себѣ и видитъ во снѣ куполъ Св. Петра и дружка, разгуливающаго въ папскомъ городѣ. «Да, выпьемъ за ея здоровье и за здоровье всѣхъ дѣвушекъ,

*) Римскій народный танецъ.

стрѣлы которыхъ держатъ еще неразжатыя руки!» *) сказалъ онъ, щипнулъ матушку въ бокъ и прибавилъ: «А кстати ужъ и за твое здоровье, матушка, да за здоровье будущей возлюбленной твоего сынка, которую онъ сыщетъ себѣ прежде, чѣмъ у него пробьется первый пушокъ на губѣ!» —Браво! браво!—вскричала матушка, и всѣ крестьяне захлопали и закричали: «Браво! Браво, Джіакомо!»

На крыльцѣ маленькой церкви, лежавшей направо, мы замѣтили знакомое лицо. Это былъ Федериго; онъ стоялъ и набрасывалъ карандашемъ на бумагу всю эту веселую группу, облитую луннымъ свѣтомъ. По дорогѣ домой онъ и матушка весело разговаривали о славномъ импровизаторѣ—такъ назвали они крестьянина, распѣвавшаго такія забавныя пѣсни.

— Антоніо!—сказалъ мнѣ Федериго:—Что-жъ ты не отвѣтилъ ему импровизаціею? Ты, вѣдь, у насъ тоже маленькій поэтъ! Тебѣ надо учиться излагать свои рѣчи стихами!

Теперь я понялъ, что такое поэтъ: это тотъ, кто умѣетъ красиво воспѣвать все, что чувствуетъ и видитъ. Вотъ-то весело, да и не трудно! Будь только у меня гитара!

Первымъ предметомъ, который я воспѣлъ, была ни болѣе, ни менѣе, какъ мелочная лавочка, находившаяся напротивъ нашего дома. Фантазія моя давно уже воспламенялась причудливымъ разнообразіемъ ея товаровъ, которое привлекало даже вниманіе иностранцевъ. Между красивыми гирляндами изъ лавровыхъ листьевъ висѣли, словно большія страусовыя яйца, бѣлые буйволовые сыры; свѣчи, обвитыя золотой бумагой, представляли ни дать-ни взять трубы органа, а колбасы—колонны, на которыхъ покоился золотисто-янтарный кругъ пармезана. Вечеромъ, когда все это освѣщалось краснымъ пламенемъ лампады, висѣвшей передъ образомъ Мадонны, что помѣщался на стѣнѣ между колбасами и окороками, мнѣ казалось, что передо мной открывался какой-то волшебный міръ. Кошка, сидящая на прилавкѣ, и молодой капуцинъ, который всегда такъ долго торговался съ синьорой, тоже не были забыты въ моей поэмѣ, которую я столько разъ протвердилъ въ умѣ, что легко могъ продекламировать Федериго. Она заслужила его одобреніе, скоро разнеслась по всему дому и дошла и до самой синьоры лавочницы. Та много смѣялась надъ моей поэмой, называя ее дивнымъ твореніемъ, второю «Божественною комедіей».

Теперь-то я принялся воспѣвать все! Я постоянно жилъ въ царствѣ фантазіи, мечталъ и въ церкви, подъ пѣніе монаховъ, и на улицахъ подъ крикъ разнощиковъ и шумъ экипажей, и въ своей кроваткѣ, надъ изголовьемъ которой висѣли образъ Мадонны и кропильница. Зимою я могъ

*) Поселянки носятъ въ волосахъ стрѣлы, которыя у дѣвушекъ держатъ сжатыя ‹ру›ки, а у замужнихъ разжатыя.

часами сидѣть въ сумеркахъ за воротами дома и, не отрываясь, глядѣть на большой, разведенный среди улицы огонь, вокругъ котораго толпились кузнецы и простые крестьяне: первые калили желѣзо, вторые просто грѣлись. Въ этомъ красномъ огнѣ открывался мнѣ цѣлый міръ, пламенный какъ и моя собственная фантазія. А какъ ликовалъ я, когда зимою нагорный снѣгъ нагонялъ къ намъ такую стужу, что каменные тритоны на площади покрывались ледяными сосульками! Жаль только, что это случалось такъ рѣдко! Радовались этому и крестьяне,—это, вѣдь, предвѣщало урожайный годъ—брались за руки и плясали въ своихъ большихъ тулупахъ вокругъ бассейна, любуясь радугой, игравшей въ высокихъ водяныхъ струяхъ.

Но я слишкомъ долго останавливаюсь на отдѣльныхъ воспоминаніяхъ дѣтства, которыя для постороннихъ, конечно, не могутъ представлять того значенія и живого интереса, какіе представляютъ для меня: я, перебирая ихъ въ умѣ, точно снова переживаю всю мою жизнь съ самаго ранняго дѣтства.

«Ребенкомъ жилъ я въ чудномъ мірѣ грёзъ,
По морю звуковъ сладкихъ я носился...»

Теперь я перейду къ событію, которое, отдѣливъ меня терновою оградою отъ моего домашняго рая, бросило меня въ среду чужихъ людей и измѣнило все мое будущее.

Праздникъ цвѣтовъ въ Дженцано.

Насталъ іюнь мѣсяцъ; приближался день знаменитаго праздника цвѣтовъ, ежегодно справляемаго въ Дженцано*). У матери моей и Маріуччіи была тамъ общая пріятельница, державшая вмѣстѣ съ мужемъ своимъ постоялый дворъ и трактирчикъ, и онѣ уже нѣсколько лѣтъ собирались побывать на этомъ праздникѣ, но всегда что-нибудь мѣшало; на этотъ же разъ поѣздка должна была, наконецъ, состояться. Отправиться изъ дому приходилось за день до праздника,—путь предстоялъ не близкій; отъ радости я не спалъ всю ночь наканунѣ.

Веттурино пріѣхалъ за нами еще до восхода солнца, и мы покатили. До сихъ поръ мнѣ не случалось бывать въ горахъ, и я былъ просто внѣ себя и отъ радости и отъ ожиданія—столько я наслышался чудеснаго объ этомъ праздникѣ. Могъ бы я взрослымъ смотрѣть на жизнь и природу тѣми же глазами, какъ тогда, да высказать свои чувства словами—вышло бы без-

*) Маленькій городокъ въ Альбанскихъ горахъ, лежащій у самой проѣзжей дороги, что соединяетъ Римъ съ Понтійскими болотами.

смертное поэтическое произведеніе! Тишина на улицахъ, желѣзныя городскія ворота, широко раскинувшаяся долина Кампанья съ разбросанными по ней одинокими могилами, густой утренній туманъ, окутывавшій подножія отдаленныхъ горъ — все казалось мнѣ таинственнымъ прологомъ къ ожидавшему меня великолѣпному зрѣлищу. Даже воздвигнутые по краямъ дороги деревянные кресты съ привязанными къ нимъ бѣлыми костями разбойниковъ, напоминавшіе о погребенныхъ здѣсь невинныхъ жертвахъ и казни убійцъ, и тѣ занимали меня. Сначала я попробовалъ было сосчитать безчисленныя каменныя трубы водопроводовъ, снабжавшихъ Римъ водою, но скоро усталъ и принялся осаждать старшихъ тысячами вопросовъ о большихъ огняхъ, разведенныхъ пастухами возлѣ обрушившихся могильныхъ памятниковъ, и о большихъ овечьихъ стадахъ, скученныхъ на небольшихъ пространствахъ, огороженныхъ рыбачьими сѣтями.

Остатокъ пути отъ Альбано намъ предстояло сдѣлать пѣшкомъ, по кратчайшей и живописной дорогѣ черезъ Арричіа. Всюду росли дикая резеда и левкои; густыя, сочныя оливковыя деревья давали чудесную тѣнь; вдали виднѣлось море, а по нагорному склону возлѣ дороги, гдѣ воздвигнутъ былъ крестъ, въ припрыжку обгоняли насъ веселыя, хохочущія дѣвушки, не забывавшія, однако, по пути набожно приложиться къ кресту. Высившійся вдали куполъ собора въ Арричіа я принялъ за куполъ св. Петра, подвѣшенный ангелами къ голубому небу между темными оливковыми деревьями. На одной изъ улицъ цѣлая толпа окружила медвѣдя, плясавшаго на заднихъ лапахъ подъ звуки заунывной мелодіи, которую наигрывалъ на волынкѣ его вожатый; эту же самую мелодію игралъ послѣдній, являясь къ намъ изъ горъ передъ наступленіемъ Рождества, и передъ образомъ Мадонны! Славная обезьянка въ мундирѣ, «капралъ» — какъ величалъ ее вожатый — кувыркалась у медвѣдя на головѣ и на спинѣ. Мнѣ такъ хотѣлось остаться тутъ вмѣсто того, чтобы тащиться въ Дженцано! И праздникъ-то, вѣдь, долженъ былъ начаться только завтра! Но мать торопилась добраться до мѣста, чтобы помочь своей пріятельницѣ плести вѣнки и ковры изъ цвѣтовъ.

Скоро мы подошли къ дому Анджелины. Онъ стоялъ на окраинѣ Дженцано, обращенной къ озеру Неми. Домикъ былъ очень красивъ; изъ-подъ фундамента его бѣжалъ въ каменный бассейнъ источникъ прозрачной воды, возлѣ котораго тѣснились ослы.

Мы вошли въ самый трактиръ; тамъ стоялъ шумъ и гамъ, на очагѣ шипѣло и варилось кушанье. Цѣлая толпа крестьянъ и горожанъ сидѣла за длиннымъ деревяннымъ столомъ, попивая винцо и поѣдая ветчину. Передъ образомъ Мадонны стоялъ въ кружкѣ букетъ прекраснѣйшихъ розъ и горѣла лампадка; огонь ея едва мерцалъ сквозь кухонный чадъ. Кошка бѣгала по сырамъ, разложеннымъ на полкахъ, а по полу разгу-

ливали куры, то и дѣло попадаясь кому-нибудь подъ ноги; мы съ матушкой чуть не упали черезъ нихъ. Анджелина приняла насъ очень радушно, проводила насъ по крутой лѣсенкѣ въ верхнюю коморку и угостила королевскимъ, по моимъ понятіямъ, обѣдомъ. Все было здѣсь превосходно; даже бутылка съ виномъ, и та была украшена: вмѣсто пробки въ горлышкѣ ея красовалась роза. Всѣ три пріятельницы расцѣловались; на мою долю также пришелся поцѣлуй, я волею-неволею долженъ былъ примириться съ этимъ. Анджелина сказала, что я прехорошенькій мальчикъ, и матушка, трепля одною рукой меня по щекѣ, другою принялась прихорашивать меня—то обдергивала рукава курточки, изъ которой я уже выросъ, то натягивала ее повыше на плечи и грудь.

Сейчасъ же послѣ обѣда для насъ уже начался праздникъ: мы должны были принять участіе въ сборѣ цвѣтовъ и зелени для вѣнковъ. Черезъ низенькую дверь мы вышли въ садъ—скорѣе въ бесѣдку, всего въ нѣсколько шаговъ въ длину и въ ширину. Плохонькій заборъ поддерживался широкими твердыми листьями дикаго алоэ, которое образовывало здѣсь естественную изгородь. Гладкое, какъ зеркало, озеро неподвижно покоилось въ глубокой и широкой котловинѣ вулкана, изъ котораго когда-то билъ къ облакамъ огненный фонтанъ. Пробираясь между густыми платанами, вѣтви которыхъ были опутаны ползучими растеніями, мы стали спускаться по уступамъ горы, напоминавшимъ ступени амфитеатра. По ту сторону озера лежалъ, глядясь въ его голубое зеркало, городъ Неми. По дорогѣ мы рвали цвѣты и плели вѣнки, изъ темныхъ вѣтвей оливъ, свѣжихъ виноградныхъ листьевъ и дикихъ левкоевъ.

Синѣющее въ глубинѣ котловины озеро и ясное голубое небо надъ нами то скрывались отъ насъ за густыми вѣтвями деревьевъ и побѣгами виноградниковъ, то опять проглядывали, сливаясь въ одну безграничную синеву. Все было для меня ново и восхищало меня; душа моя была исполнена тихаго блаженства. И теперь еще бываютъ минуты, когда воспоминаніе воскрешаетъ въ моей душѣ всѣ эти чувства; они выступаютъ тогда вновь, такіе же свѣжія, блестящія, какъ мозаичные обломки, извлекаемые изъ погребеннаго подъ лавою города.

Солнце жгло, и, только спустившись къ самому озеру, гдѣ старые платаны, росшіе прямо изъ воды, купали въ ея струяхъ свои оплетенныя дикимъ виноградомъ вѣтви, нашли мы прохладу и могли продолжать нашу работу. Красивыя водяныя растенія лѣниво кивали головками, словно предаваясь подъ этой густою тѣнью сладкой дремотѣ. Скоро солнечные лучи перестали уже освѣщать озеро, а только золотили еще крыши домовъ въ Неми и въ Дженцано. Темнота разливалась все шире и шире и скоро совсѣмъ окружила насъ. Я отошелъ отъ остальныхъ, но всего на нѣсколько шаговъ, такъ какъ матушка боялась, что я упаду въ глубокое

озеро съ этого крутого обрыва. Возлѣ развалинъ древняго храма Діаны, лежало срубленное фиговое дерево, плотно обвитое и точно прикрѣпленное къ землѣ плющемъ. Я взлѣзъ на него и тоже принялся плести вѣнокъ, напѣвая отрывокъ изъ одной пѣсенки:

«...Ah rossi, rossi fiori
Un mazzo di violi
Un gelsomin d'amore...»

какъ вдругъ меня прервалъ странный шипящій голосъ:

...Per dar al mio bene!

Передъ нами неожиданно очутилась высокая старуха, удивительно прямая и стройная, одѣтая въ обычный костюмъ крестьянокъ изъ Фраскати. Длинное бѣлое покрывало, спускавшееся съ головы на плечи, еще рѣзче оттѣняло своею бѣлизною ея бронзовое лицо и шею. Все лицо было покрыто сѣтью мелкихъ морщинъ; въ огромныхъ черныхъ глазахъ почти не видно было бѣлковъ. Прошипѣвъ эти слова, она засмѣялась и уставилась на меня серьезнымъ и неподвижнымъ словно у муміи взглядомъ.

— Цвѣты розмарина, — сказала она: — станутъ еще прекраснѣе въ твоихъ рукахъ! Во взорѣ твоемъ горитъ звѣзда счастья!

Я удивленно глядѣлъ на нее, прижимая къ губамъ вѣнокъ, который плелъ.

— Въ прекрасныхъ лавровишневыхъ листьяхъ скрывается ядъ! Плети изъ нихъ вѣнокъ, но не вкушай ихъ!

— А, да это мудрая Фульвія изъ Фраскати! — сказала Анджелина, вышедшая изъ кустовъ.—И ты тоже плетешь вѣнки къ празднику, или,— прибавила она, понижая голосъ:—вяжешь при закатѣ солнца другого рода букеты?

— Умный взглядъ!—продолжала Фульвія, не сводя съ меня глазъ.— Когда онъ родился, солнце проходило подъ созвѣздіемъ Быка, а на рогахъ Быка—золото и почести!

— Да!—сказала матушка, подошедшая вмѣстѣ съ Маріучіей:—Когда онъ надѣнетъ черный плащъ и широкополую шляпу, выяснится—будетъ-ли онъ кадить Господу или пойдетъ по тернистому пути!

Сивилла, казалось, поняла, что матушка говорила о моемъ предназначеніи въ духовное званіе, но въ отвѣтѣ ея скрывался совсѣмъ иной смыслъ, нежели тотъ, который могли тогда придать ему мы.

— Широкополая шляпа не накроетъ его головы! Онъ предстанетъ передъ народомъ, и рѣчь его зазвучитъ музыкою, громче пѣнія монахинь за монастырскою рѣшеткой, сильнѣе раскатовъ грома въ Альбанскихъ

горахъ! Колесница счастья выше горы Каво, гдѣ покоятся между стадами овецъ облака небесныя!

— О, Господи!—вздохнула матушка, какъ-то недовѣрчиво покачивая головою, хотя ей и пріятно было слышать такое блестящее предсказаніе.— Онъ бѣдный мальчуганъ; одна Мадонна знаетъ, что будетъ съ нимъ! Колесница счастья выше телѣги альбанскаго крестьянина; колеса вертятся безпрерывно, гдѣ-жъ бѣдному мальчику взобраться на нее!

— А ты видѣла, какъ вертятся большія колеса крестьянской телеги? Нижняя спица подымается наверхъ и опять опускается внизъ, крестьянинъ ставитъ на нее ногу, колесо повертывается и подымаетъ его; но бываетъ также, что колесо наѣзжаетъ на камень, и тогда смѣльчакъ летитъ кувыркомъ!

— А нельзя-ли и мнѣ тоже взобраться на колесницу счастья?—спросила матушка, посмѣиваясь, но вдругъ вскрикнула отъ испуга. Огромная хищная птица стрѣлой ударила въ волны озера и обдала насъ всѣхъ брызгами. Съ заоблачной вышины завидѣла она своимъ острымъ взглядомъ большую рыбу, неподвижно лежавшую, словно камышъ, чуть не на самой поверхности воды, съ быстротою молніи бросилась на добычу, вцѣпилась острыми когтями въ спину ея, и хотѣла было снова подняться въ вышину. Но рыба, какъ мы могли заключить изъ сильнаго волненія, поднявшагося на озерѣ, была необыкновенной величины, а силою не уступала своему врагу, и, въ свою очередь, потащила птицу за собою въ глубину. Птица такъ глубоко впустила когти въ спину рыбы, что не могла уже вытащить ихъ, и вотъ, началась борьба. По тихому до сихъ поръ озеру заходили большія волны, въ которыхъ мелькали то блестящая спина рыбы, то широкія, бороздившія воду крылья повидимому ослабѣвавшей птицы. Борьба продолжалась уже нѣсколько минутъ; вотъ крылья птицы распростерлись на поверхности озера, словно для отдыха, потомъ она вдругъ взмахнула ими, послышался хрустъ, одно крыло погрузилось въ воду, а другое все еще продолжало вспѣнивать ее, затѣмъ исчезло и оно. Рыба увлекла птицу на дно, гдѣ онѣ скоро и должны были погибнуть обѣ.

Молча глядѣли мы всѣ на эту сцену. Когда же матушка обернулась къ намъ, сивиллы уже не было. Какъ это, такъ и только что случившееся происшествіе, которое, какъ увидитъ читатель, повліяло много лѣтъ спустя на всю мою судьбу и потому вдвое сильнѣе запечатлѣлось въ моей памяти, заставило насъ всѣхъ поспѣшно и молчаливо направиться къ дому. Мракъ густою волною лился изъ листвы деревьевъ; пурпуровыя облака отражались въ зеркальномъ озерѣ; мельничныя колеса монотонно шумѣли; все вокругъ носило отпечатокъ чего-то таинственнаго. Во время пути Анджелина шопотомъ разсказывала намъ разныя чудеса про Фульвію,

умѣвшую варить всякія ядовитыя и любовныя зелья. Между прочимъ услышали мы и о бѣдной Терезѣ изъ Олевано, изнывавшей отъ тоски по молодцѣ Джузеппе, который ушелъ туда, за горы, на сѣверъ. Старуха бросила въ мѣдный котелъ разныхъ кореньевъ и поставила его на горячіе уголья. Коренья кипѣли, пока Джузеппе не взяла тоска, и онъ безъ оглядки, безъ отдыха не заторопился домой, гдѣ варились чудодѣйственныя коренья вмѣстѣ съ локонами волосъ его и Терезы. Я потихоньку сталъ творить «Ave Maria» и не успокоился пока мы не очутились снова дома у Анджелины.

Всѣ четыре фитиля въ мѣдной лампѣ были зажжены, а самая лампа украшена вѣнкомъ; на ужинъ намъ подали блюдо изъ помидоровъ и бутылку вина. Внизу въ общей горницѣ крестьяне пили и импровизировали; двое изъ нихъ пѣли что-то вродѣ дуэта, а остальные подхватывали хоромъ, но когда я запѣлъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми молитву передъ образомъ Мадонны, висѣвшимъ возлѣ очага, гдѣ пылалъ огонь, всѣ умолкли, стали прислушиваться и хвалить мой прекрасный голосъ, такъ что я забылъ и мрачный лѣсъ и старуху Фульвію. Я бы съ удовольствіемъ пустился и импровизировать взапуски съ крестьянами, но матушка охладила мой пылъ вопросомъ—неужели по-моему пристойно церковному пѣвчему и, можетъ быть, будущему проповѣднику слова Божія строить изъ себя шута? Теперь еще, вѣдь, не карнавалъ, и она не позволитъ мнѣ дурачиться,— строго добавила она, но когда мы вечеромъ пришли въ нашу спаленку, и я улегся на широкую постель, она любовно прижала меня къ своему сердцу, называя своимъ утѣшеніемъ и радостью. Подушка моя оказалась слишкомъ низка, и добрая матушка позволила мнѣ прилечь на ея руку. Я спокойно спалъ до тѣхъ поръ, пока солнышко не заглянуло къ намъ въ окна, и матушка не разбудила меня,—насталъ чудный день праздника цвѣтовъ!

Какъ мнѣ передать первое впечатлѣніе, произведенное на меня пестрымъ убранствомъ улицы? Вся улица, слегка подымавшаяся въ гору, была сплошь усыпана цвѣтами. Фономъ служили голубые цвѣты,—казалось, обобрали всѣ поля, всѣ сады, чтобы нарвать такую массу цвѣтовъ одного оттѣнка—по голубому же фону шли на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга продольныя полосы изъ большихъ зеленыхъ листьевъ и розъ, а въ промежуткахъ между ними были насыпаны темнокрасные цвѣты; они же окаймляли, какъ бы бордюромъ и весь этотъ цвѣточный коверъ. Въ серединѣ его красовались звѣзды и солнце изъ ярко желтыхъ цвѣтовъ и разные инициалы, надъ которыми пришлось особенно потрудиться, пригоняя цвѣтокъ къ цвѣтку, листокъ къ листку. Вся мостовая представляла такимъ образомъ сплошной цвѣточный коверъ, мозаичный полъ пестрѣе богаче красками, нежели Помпейскія мозаики. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, и цвѣты прилегали къ землѣ такъ плотно, словно тяжелые дра-

гоцѣнные камни. Изо всѣхъ оконъ спускались по стѣнамъ домовъ большіе цвѣточные ковры, на которыхъ были изображены разныя событія изъ священной исторіи. Тутъ спасалось въ Египетъ Св. Семейство (лица, руки и ноги Іосифа, Маріи и Іисуса были изъ розъ, развѣвающіяся одежды Мадонны изъ левкоевъ и голубыхъ анемоновъ, а сіяніе вокругъ ихъ головъ изъ бѣлыхъ кувшинокъ съ озера Неми), тамъ боролся съ дракономъ св. Михаилъ, здѣсь сыпала розы на темноголубой земной шаръ св. Розалія; всюду, куда ни поглядишь, библейскія лица и событія. И у всѣхъ зрителей на лицахъ написана такая же радость, что и у меня! На балконахъ стояли разодѣтые богатые иностранцы, явившіеся съ той стороны горъ, а вдоль тротуаровъ двигались толпы людей въ національныхъ костюмахъ. Матушка отыскала себѣ мѣстечко возлѣ каменнаго бассейна, а я взобрался на голову сатира, выглядывавшаго изъ воды.

Солнце палило, колокола звонили, и вотъ, по цвѣтному ковру двинулось торжественное шествіе; прекрасная музыка и пѣніе возвѣстили намъ о его приближеніи. Впереди шли мальчики-пѣвчіе и кадили передъ ковчегомъ съ Св. Дарами, затѣмъ слѣдовали съ вѣнками въ рукахъ красивѣйшія дѣвушки изъ окрестностей, а бѣдныя дѣти съ крылышками за голенькими плечами ожидали шествіе у большого алтаря, воспѣвая ангельское славословіе. Молодые парни украсили свои остроконечныя шляпы, на которыхъ были прикрѣплены образки Мадонны, развѣвающимися лентами; на шеяхъ у нихъ были надѣты цѣпи изъ серебряныхъ или золотыхъ колецъ, а концы пестрыхъ шарфовъ красиво ниспадали на бархатныя куртки. Дѣвушки изъ Альбано и Фраскати щеголяли тонкими бѣлыми покрывалами, наброшенными на ихъ черныя косы, заткнутыя серебряными стрѣлами; у дѣвушекъ же изъ Веллетри на головахъ красовались вѣнки, а шейныя платочки были прикрѣплены къ кофточкамъ такъ, что открывали круглыя плечи и пышную грудь; уроженки Абруццкихъ горъ и Понтійскихъ болотъ тоже были въ своихъ національныхъ костюмахъ; получалась удивительно пестрая картина. Кардиналъ въ серебряной ризѣ выступалъ подъ украшеннымъ цвѣтами балдахиномъ; за нимъ шли монахи различныхъ орденовъ съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ. Когда шествіе вышло изъ церкви, толпа хлынула за нимъ. Мы съ матушкой были увлечены общимъ потокомъ; она крѣпко держала меня за плечи, чтобы меня не оттерли отъ нея. Я двигался впередъ, сжатый со всѣхъ сторонъ толпой, и видѣлъ только кусочекъ голубого неба надъ головой. Вдругъ въ толпѣ раздались крики ужаса, началась давка: прямо на народъ неслась пара взбѣсившихся лошадей... Больше я ужъ ничего не слыхалъ,—меня сбили съ ногъ, въ глазахъ у меня потемнѣло, въ ушахъ зашумѣло, точно надо мной несся водопадъ...

О, Матерь Божія, какое горе! Я и теперь еще вздрагиваю, припо-

миная, что случилось тогда. Когда я пришелъ въ себя, голова моя покоилась на колѣняхъ у Маріучіи, которая плакала и вопила, а рядомъ лежала на землѣ моя мать, тѣсно окруженная толпой постороннихъ людей. Бѣшеныя лошади опрокинули насъ, экипажъ переѣхалъ черезъ грудь моей матери, изо рта ея хлынула кровь, и—она скончалась.

Я видѣлъ, какъ ей закрыли глаза и сложили безжизненныя руки, такъ еще недавно ласкавшія и защищавшія меня! Монахи перенесли ее въ монастырь, а меня, такъ какъ я отдѣлался одною ссадиной на рукѣ, Маріучія взяла съ собою обратно въ трактиръ, гдѣ вчера я такъ веселился, плелъ вѣнки и спалъ въ объятіяхъ матушки! Я былъ очень огорченъ, хотя и не сознавалъ еще, какъ слѣдуетъ, своего сиротства. Мнѣ дали игрушекъ, фруктовъ и пирожнаго и пообѣщали, что завтра я опять увижу матушку, которая теперь у Мадонны, гдѣ вѣчно справляютъ чудный праздникъ цвѣтовъ и веселятся. Но и остальныя рѣчи не ускользнули отъ моего слуха. Я слышалъ, какъ всѣ шептались о вчерашней хищной птицѣ, о Фульвіи, и о какомъ-то снѣ, видѣнномъ матушкой; теперь, когда она умерла, оказывалось, что всѣ предвидѣли несчастье.

Взбѣсившіяся лошади были между тѣмъ остановлены сейчасъ же за городомъ, гдѣ онѣ зацѣпились за дерево. Изъ кареты высадили полумертваго отъ страха господина, лѣтъ сорока съ небольшимъ; говорили, что онъ изъ фамиліи Боргезе, владѣетъ виллою между Альбано и Фраскати и извѣстенъ своею страстью собирать разныя растенія и цвѣты; шептались даже, что онъ не уступитъ въ тайныхъ познаніяхъ самой Фульвіи. Слуга въ богатой ливреѣ принесъ отъ него сиротѣ кошелекъ съ двадцатью скудо.

На другой день, вечеромъ, прежде чѣмъ зазвонили къ Ave Maria, меня отвели въ монастырь проститься съ матушкой. Она лежала въ тѣсномъ деревянномъ гробу, въ томъ же праздничномъ платьѣ, въ какомъ была вчера; я поцѣловалъ ея сложенныя руки, и всѣ женщины заплакали вмѣстѣ со мной.

У дверей уже дожидались носильщики, въ бѣлыхъ плащахъ, съ надвинутыми на глаза капюшонами. Они подняли гробъ на плечи, капуцины зажгли восковыя свѣчи и запѣли погребальные псалмы. Маріучія шла со мной за гробомъ. Алое вечернее небо бросало на лицо матушки розоватый отблескъ, и она лежала точно живая. Другія ребятишки весело прыгали вокругъ насъ по улицѣ и собирали въ бумажныя трубочки воскъ, капавшій со свѣчей монаховъ. Мы шли по той же улицѣ, гдѣ вчера двигалась праздничная процессія; на мостовой валялись еще цвѣты и листья, но всѣ картины и красивыя фигуры исчезли, какъ и мои дѣтскія беззаботность и веселость! Я смотрѣлъ, какъ отвалили на кладбищѣ большую, каменную плиту, прикрывавшую спускъ въ склепъ, какъ скользнулъ туда

гробъ, слышалъ, какъ онъ глухо стукнулся о другіе гроба... Затѣмъ, всѣ ушли съ кладбища, а меня Маріучія заставила опуститься у могилы на колѣни и прочесть «Ora pro nobis».

Лунною ночью мы съ Маріучiей, Федериго и еще двумя другими иностранцами выѣхали изъ Дженцано. Альбанскія горы были окутаны густыми облаками; я смотрѣлъ на легкій туманъ, плывшій при свѣтѣ луны надъ Кампаньей; спутники мои говорили мало; скоро я заснулъ и видѣлъ во снѣ Мадонну, цвѣты и матушку: она опять была жива, улыбалась и разговаривала со мною!

Дядюшка Пеппо. Ночь въ Коллизеѣ. Прощаніе съ роднымъ домомъ.

Когда мы вернулись въ Римъ, въ домикъ моей матери, былъ поднятъ вопросъ о томъ, что собственно слѣдовало дѣлать со мной. Фра Мартино былъ за то, чтобы меня отправили въ Кампанью, къ родителямъ Маріучіи, почтенной пастушеской четѣ; мои двадцать скудо были, вѣдь, для нихъ цѣлымъ богатствомъ, и они приняли бы меня, какъ родного. Одно только смущало его: я наполовину уже принадлежалъ церкви, а, отправившись въ Кампанью, я бы уже не могъ служить пѣвчимъ въ церкви капуциновъ! Федериго же вообще стоялъ за то, чтобы меня помѣстили въ какое-нибудь почтенное семейство въ самомъ Римѣ; ему не хотѣлось,—сказалъ онъ—чтобы изъ меня вышелъ грубый невѣжественный крестьянинъ! Пока фра Мартино совѣтовался съ братіей въ монастырѣ, неожиданно прискакалъ на четвереалькахъ дядюшка Пеппо, услышавшій о смерти матушки и о доставшихся мнѣ двадцати скудо. Они-то главнымъ образомъ и привлекли его сюда. Онъ заявилъ, что въ качествѣ единственнаго моего родственника беретъ меня къ себѣ, что и я, и все имущество, оставшееся послѣ матушки, такъ же, какъ и двадцать скудо, принадлежатъ теперь ему! Маріучія принялась увѣрять его, что она и фра Мартино уже устроили все къ лучшему, и дала понять Пеппо, что ему, калѣкѣ-нищему, впору заботиться о самомъ себѣ, а въ это дѣло соваться нечего!

Федериго вышелъ изъ комнаты, и двое оставшихся высказали теперь другъ другу свои эгоистичныя побужденія, заставлявшія ихъ заботиться обо мнѣ. Дядюшка Пеппо излилъ на Маріучію весь запасъ своей желчи, а дѣвушка наступала на него, какъ фурія. Ей, впрочемъ, не было дѣла ни до него, ни до меня, ни до чего бы тамъ ни было! Пусть онъ возьметъ, да переломитъ мнѣ пару реберъ, сдѣлаетъ изъ меня такого же калѣку и нищаго, который будетъ собирать гроши въ его суму! Пусть онъ возьметъ меня, но деньги она отдастъ фра Мартино; фальшивымъ глазамъ Пеппо не удастся и взглянуть на нихъ! Пеппо, въ свою очередь,

грозилъ проломить ей голову своею дощечкой, пробить въ ней дыру величиной съ площадь дель Пополо! Я стоялъ между ними и плакалъ. Маріучія оттолкнула меня отъ себя, а Пеппо потащилъ къ дверямъ, говоря, что я долженъ идти за нимъ, держаться его одного, а если онъ возьметъ на себя такую обузу, то вправѣ получить и награду! Римскій сенатъ сумѣетъ защитить права честнаго гражданина! И не успѣлъ я опомниться, какъ онъ вывелъ меня изъ дверей на улицу, гдѣ уже дожидался насъ оборванный мальчишка съ осломъ. Для большихъ прогулокъ, а также, если дѣло было къ спѣху, дядюшка бросалъ свои дощечки, и садился на осла, крѣпко обхватывая его своими сухими ногами; оселъ и всадникъ составляли тогда какъ бы одно цѣлое. Пеппо посадилъ меня впереди себя, мальчишка стегнулъ осла, и мы поскакали во всю прыть. Пеппо на свой ладъ ласкалъ меня во все время пути.

— Видишь, мальчикъ!—говорилъ онъ.—Развѣ не чудесный у насъ оселъ? Ишь, какъ онъ летитъ! Словно рысакъ по Корсо! Тебѣ будетъ у меня хорошо, какъ ангелу на небѣ, стройный ты мой мальчуганъ!—И затѣмъ онъ принимался клясть Маріучію.

— Гдѣ ты укралъ такого хорошенькаго мальчугана?—спрашивали его знакомые, мимо которыхъ мы проѣзжали, и моя исторія разсказывалась и повторялась чуть не на каждомъ перекресткѣ. Торговка водой съ лимонными корками дала намъ за этотъ длинный разсказъ цѣлый стаканъ своей воды, и мы роспили его пополамъ. Едва мы успѣли добраться до дому, какъ солнце уже сѣло. Я не говорилъ ни слова, только закрывалъ лицо руками и плакалъ. Пеппо свелъ меня въ коморку рядомъ съ большою комнатой и указалъ мнѣ мою постель—ворохъ маисовой шелухи, прибавивъ, что я, вѣроятно, не голоденъ и ужъ тѣмъ меньше хочу пить: мы, вѣдь, только что выпили съ нимъ цѣлый стаканъ чудесной лимонной воды! Потомъ онъ потрепалъ меня по щекѣ, улыбаясь своею гадкою улыбкой, которая всегда такъ пугала меня, и спросилъ, много-ли серебряныхъ монетъ было въ кошелькѣ, брала-ли изъ нихъ Маріучія, чтобы заплатить веттурино, и что сказалъ слуга, передавая мнѣ деньги. Я не могъ отвѣтить ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ и только плакалъ, спрашивая въ свою очередь—развѣ я останусь тутъ навсегда, развѣ я не вернусь завтра домой?

— Конечно, конечно!—отвѣтилъ онъ.—А теперь засни, но не забудь сначала прочесть «Ave Maria!» Когда человѣкъ спитъ, дьяволъ бодрствуетъ! Огради себя крестнымъ знаменіемъ,—это желѣзная рѣшетка, которая защититъ тебя отъ рыкающаго льва! Молись хорошенько и проси Мадонну наказать фальшивую Маріучію, обидѣвшую тебя, невиннаго младенца! Положись теперь на меня одного! Ну, спи! Отдушину я оставлю открытой; свѣжій воздухъ—полъ-ужина! Не бойся летучихъ мышей! Онѣ

не влетятъ сюда, пролетятъ мимо, бѣдныя твари! Спи сладко, мой ангелочекъ!—И онъ закрылъ за собою дверь.

Долго ходилъ онъ по своей комнатѣ, прибирая что-то; потомъ я услышалъ тамъ чужіе голоса, а сквозь щелочку увидѣлъ и свѣтъ лампы. Я приподнялся, но какъ можно осторожнѣе, потому что сухая солома сильно шуршала, и я боялся, что на этотъ шумъ войдутъ ко мнѣ. Сквозь щель я увидѣлъ, что оба фитиля лампы были зажжены, на столѣ лежалъ хлѣбъ и коренья, а бутылка съ виномъ гуляла вокругъ стола изъ рукъ въ руки. За столомъ сидѣла цѣлая компанія нищихъ-калѣкъ. Я сразу узналъ ихъ, хотя они смотрѣли теперь совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно. Умирающій отъ лихорадки Лоренцо болталъ безъ умолку и громко смѣялся, а днемъ я всегда видѣлъ его распростертымъ на травѣ на холмѣ Пинчіо; обвязанная голова его опиралась тогда о древесный стволъ, а губы еле шевелились; жена его, указывая на несчастнаго страдальца, взывала къ состраданію прохожихъ. Франчіа, безпалый дѣтина, барабанилъ обрубками пальцевъ по плечу слѣпой Катарины и вполголоса напѣвалъ пѣсню о «Cavaliére Torchino». Двое-трое остальныхъ сидѣли ближе къ дверямъ и въ тѣни, такъ что я не могъ узнать ихъ. Сердце у меня такъ и стучало отъ страха; я услышалъ, что они говорятъ обо мнѣ.

— А годится мальчишка на что-нибудь? – спросилъ одинъ.—Есть у него какой нибудь изъянъ?

— Нѣтъ, Мадонна не была къ нему такъ милостива!—сказалъ Пеппо.—Онъ строенъ и красивъ, какъ барскій ребенокъ.

— Плохо!—сказали всѣ, но слѣпая Катарина прибавила, что ничего не стоитъ немножко попортить меня, чтобы я могъ снискивать себѣ хлѣбъ земной, пока Мадонна не удостоитъ меня небеснаго.

— Да,—сказалъ Пеппо:—была бы умна сестра моя, мальчишка давно нашелъ бы свое счастье! У него такой голосъ, что у твоихъ ангеловъ! Онъ прямо рожденъ папскимъ пѣвчимъ! Изъ него вышелъ бы такой пѣвецъ!

Они заговорили о моемъ возрастѣ, о томъ, что еще можетъ случиться и что можно предпринять для моего счастья. Я не понялъ хорошенько, что такое они хотѣли сдѣлать со мною, но ясно видѣлъ, что они замышляли дурное, и задрожалъ отъ страха. Какъ мнѣ вырваться оттуда? Вотъ чѣмъ были заняты всѣ мои мысли. И куда бѣжать? Надъ этимъ я, впрочемъ, не задумался. Я отползъ отъ дверей, взлѣзъ на какой-то чурбанъ, приподнялся къ самой отдушинѣ и высунулся. На улицѣ не было видно ни души; всѣ двери были заперты. Мнѣ предстояло сдѣлать большой прыжокъ внизъ, и я не рѣшался на него, но вдругъ мнѣ показалось, что за ручку двери взялись... Кто-то хотѣлъ войти ко мнѣ! Страхъ охватилъ меня, я разомъ скользнулъ по стѣнѣ внизъ и тяжело упалъ на землю и мягкій дернъ.

Живо вскочилъ я и побѣжалъ по узкимъ извилистымъ улицамъ куда глаза глядятъ; навстрѣчу мнѣ попался всего одинъ прохожій, громко распѣвавшій пѣсню и постукивавшій палкою о камни мостовой. Наконецъ, я очутился на большой площади, залитой луннымъ свѣтомъ. Я сразу узналъ мѣстность: это былъ Римскій форумъ или «Коровья площадь», какъ мы звали ее.

Луна освѣщала заднюю стѣну Капитолія, похожую на отвѣсную скалу. На ступеняхъ высокой лѣстницы, ведущей къ аркѣ Септимія Севера, растянулись нѣсколько спящихъ нищихъ, закутанныхъ въ широкіе плащи. Высокія колонны — остатки древнихъ храмовъ, отбрасывали длинныя тѣни. Никогда еще не бывалъ я тутъ послѣ заката солнца; все казалось мнѣ такимъ таинственнымъ! Я споткнулся о верхушку разбитой мраморной колонны, скрывавшуюся въ высокой травѣ, и упалъ. Поднявшись, я устремилъ взглядъ на развалины дворца цезарей; густой плющъ, одѣвавшій ихъ, придавалъ имъ еще болѣе мрачный видъ; высокіе кипарисы какъ-то зловѣще тянулись къ небу, и мнѣ стало еще страшнѣе. Но въ травѣ, между поверженными колоннами и кучами мраморнаго щебня, лежали коровы, пасся мулъ, и это слегка ободрило меня: здѣсь всетаки были живыя существа, которыя не сдѣлаютъ мнѣ ничего дурного!

При свѣтѣ луны было свѣтло почти какъ днемъ; всѣ предметы выступали такъ явственно. Вдругъ, я услышалъ чьи-то шаги... Что если это меня ищутъ? Въ ужасѣ шмыгнулъ я въ развалины огромнаго Коллизея, лежавшаго передо мною, будто цѣлая цѣпь скалъ. Я остановился между двумя рядами колоннъ, огибавшихъ половину всего строенія и будто воздвигнутыхъ только вчера—такъ хорошо онѣ сохранились. Холодно здѣсь было, мрачно!.. Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, но тихо-тихо,—меня пугалъ даже шумъ собственныхъ шаговъ. Невдалекѣ виднѣлся костеръ, разведенный на землѣ; возлѣ него вырисовывались тѣни трехъ человѣкъ; крестьяне-ли это расположились тутъ на ночлегъ, чтобы не ѣхать ночью черезъ пустынную Кампанью, или солдаты-караульные, или, наконецъ, разбойники? Мнѣ показалось, что я слышу звяканье ихъ оружія, и я тихонько отступилъ вглубь строенія, гдѣ надъ высокими колоннами уже не было другого свода, кромѣ густой сѣти вѣтвей и вьющихся растеній. Странныя тѣни рисовались на высокихъ стѣнахъ; квадратныя плиты ихъ во многихъ мѣстахъ разошлись и, казалось, держались еще на своихъ мѣстахъ только благодаря густо опутавшимъ ихъ стеблямъ плюща.

Вдали, въ среднемъ проходѣ, двигались между колоннами люди, вѣроятно, путешественники, вздумавшіе осмотрѣть эти достопримѣчательныя руины при лунномъ свѣтѣ. Въ числѣ ихъ была одна дама, вся въ бѣломъ. Я и теперь еще ясно вижу передъ собой эту странную картину: люди двигались, скрывались между колоннами и опять показывались, освѣ-

щенные луною и краснымъ огнемъ факеловъ. Небо было самаго густого синяго цвѣта, а кусты и деревья темнѣли чернымъ бархатомъ; каждый листочекъ дышалъ ночью. Я долго слѣдилъ взглядомъ за иностранцами, послѣ же того, какъ они скрылись изъ виду, за краснымъ отблескомъ ихъ факеловъ... Наконецъ, исчезъ и этотъ, и все вокругъ опять погрузилось въ мракъ и мертвую тишину.

Я усѣлся на верхушку разбитой колонны, что валялась въ травѣ позади одного изъ деревянныхъ алтарей, расположенныхъ тутъ одинъ возлѣ другого и изображавшихъ шествіе Христа на Голгоѳу. Камень былъ холоденъ, какъ ледъ, голова моя горѣла, по тѣлу пробѣгалъ лихорадочный ознобъ. Сонъ бѣжалъ отъ меня, я лежалъ и припоминалъ все, что слышалъ когда-то о древнемъ Коллизеѣ, о плѣнныхъ іудеяхъ, которые должны были, по повелѣнію могущественнаго римскаго цезаря, воздвигать эти огромныя каменныя глыбы, о дикихъ звѣряхъ, боровшихся тутъ на аренѣ другъ съ другомъ, а часто и съ людьми, и о зрителяхъ, сидѣвшихъ на каменныхъ ступеняхъ, подымавшихся отъ земли до самыхъ верхнихъ колоннъ.

Въ кустахъ позади меня зашуршало; я взглянулъ вверхъ, и мнѣ показалось, что тамъ что-то шевелится. Воображеніе мое принялось населять окружавшій меня мракъ блѣдными, мрачными образами, работавшими надъ постройкой зданія. Я явственно слышалъ удары ихъ орудій, воочію видѣлъ этихъ исхудалыхъ бородатыхъ евреевъ, вырывавшихъ траву и кусты и громоздившихъ камень на камень до тѣхъ поръ, пока сызнова не воздвигли гигантское зданіе... Передо мною волновалось цѣлое море головъ, двигалось какое-то безконечное живое гигантское тѣло...

Затѣмъ, я увидѣлъ весталокъ въ длинныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ, блестящій дворъ цезарей, голыхъ, истекающихъ кровью гладіаторовъ; вокругъ раздавался шумъ и ревъ... Это неслись со всѣхъ сторонъ стаи тигровъ и гіенъ; онѣ пробѣгали мимо меня, я ощущалъ на своемъ лицѣ ихъ горячее дыханіе, видѣлъ ихъ огненные глаза и все крѣпче и крѣпче прижимался къ своему камню, моля Мадонну о спасеніи, но дикій вой и шумъ вокругъ меня все усиливались. Сквозь эти бѣшеныя стаи я различилъ, однако, святой крестъ, который до сихъ поръ еще стоитъ здѣсь и къ которому я всегда набожно прикладывался мимоходомъ—напрягъ всѣ свои силы, доползъ до него и еще успѣлъ ясно почувствовать, что руки мои обвились вокругъ него, но затѣмъ все какъ будто рухнуло вокругъ меня, все смѣшалось: стѣны, люди, звѣри... Я лишился сознанія!

Когда я опять открылъ глаза, лихорадка моя уже прошла, но я совсѣмъ ослабѣлъ, весь былъ точно разбитъ.

Я дѣйствительно лежалъ на ступеняхъ передъ большимъ крестомъ. Окинувъ взоромъ всю окружающую обстановку, я не нашелъ въ ней уже ничего страшнаго: на всемъ лежалъ отпечатокъ величавой торжествен-

ности; въ кустахъ заливался соловей. Я сталъ думать о дорогомъ Младенцѣ Іисусѣ, Чья мать была теперь и моею,—другой у меня, вѣдь, не было—опять обвилъ руками крестъ, прислонился къ нему головою и скоро заснулъ подкрѣпляющимъ сномъ.

Я проспалъ, должно быть, нѣсколько часовъ; разбудило меня пѣніе псалмовъ. Солнце свѣтило на верхнюю часть стѣны, капуцины съ зажженными свѣчами въ рукахъ ходили отъ алтаря къ алтарю и пѣли «Киріе элейсонъ». Вотъ они подошли къ кресту, возлѣ котораго лежалъ я, и я узналъ между ними фра Мартино. Онъ наклонился ко мнѣ, мой разстроенный видъ, моя блѣдность и то, что я находился здѣсь въ такой часъ, испугали его. Какъ я объяснилъ ему все, не знаю, но мой страхъ передъ Пеппо, моя безпомощность и заброшенность достаточно говорили за меня. Я крѣпко схватился за коричневую рясу монаха и молилъ его не покидать меня; вся братія, казалось, приняла во мнѣ живое участіе; всѣ они, вѣдь, знали меня, я бывалъ у нихъ въ кельяхъ и пѣлъ съ ними передъ святыми алтарями.

Какъ же я былъ радъ, очутившись съ фра Мартино въ монастырѣ, какъ скоро забылъ всѣ свои злоключенія, сидя въ его келейкѣ, обклеенной по стѣнамъ старинными лубочными картинками, и глядя на апельсинное дерево, протягивавшее свои зеленыя душистыя вѣтви прямо въ окно! Вдобавокъ фра Мартино пообѣщалъ мнѣ, что я больше не вернусь къ Пеппо.

— Нельзя довѣрить мальчика нищему-калѣкѣ, который день-денской валяется на улицѣ, да клянчитъ милостыню!—сказалъ онъ другимъ монахамъ.

Въ полдень онъ принесъ мнѣ на обѣдъ кореньевъ, хлѣба и вина и сказалъ мнѣ такъ торжественно и прочувствованно, что сердце мое затрепетало:

— Бѣдный мальчикъ! Будь твоя мать жива, намъ бы не пришлось разставаться: церковь укрыла бы тебя, и ты взросъ бы въ ея тиши, подъ ея защитой! Теперь же ты будешь брошенъ въ бурное житейское море, будешь носиться по нему на шаткой доскѣ! Но не забывай своего Спасителя и Небесной Дѣвы! Крѣпко держись ихъ! У тебя во всемъ свѣтѣ нѣтъ никого, кромѣ ихъ!

— Куда же я дѣнусь?—спросилъ я, и онъ сказалъ, что я отправлюсь въ Кампанью къ родителямъ Маріучіи, совѣтовалъ мнѣ почитать ихъ, какъ своихъ родителей, слушаться ихъ во всемъ и никогда не забывать молитвъ и всего того, чему онъ училъ меня. Подъ вечеръ къ воротамъ монастыря явилась Маріучія со своимъ отцомъ. Фра Мартино вывелъ меня къ нимъ. Одеждою-то, пожалуй, и Пеппо перещеголялъ бы этого пастуха, которому сдавали меня на руки. Разорванные, запыленные кожанные са-

ноги, голыя колѣни и остроконечная шляпа съ воткнутымъ въ нее цвѣткомъ вереска—вотъ что прежде всего бросилось мнѣ въ глаза. Онъ опустился на колѣни, поцѣловалъ руку фра Мартино и сказалъ, что я прехорошенькій мальчикъ, и что онъ и жена его будутъ дѣлиться со мной послѣднимъ кускомъ хлѣба. Маріучія вручила ему кошелекъ со всѣмъ моимъ богатствомъ, и мы всѣ вошли въ церковь. Всѣ сотворили про себя молитву; я тоже опустился на колѣни, но не могъ молиться,—глаза мои все искали знакомые образа: Іисуса, плывущаго по морю высоко надъ церковными дверями, ангеловъ на запрестольномъ образѣ и дивнаго архангела Михаила. Даже черепамъ въ вѣнкахъ изъ плюща хотѣлъ я сказать послѣднее прости! Фра Мартино благословилъ меня и подарилъ мнѣ на прощанье книжечку съ рисункомъ на обложкѣ: «Modo di servire la sancta messa».

Затѣмъ мы разстались. Проходя по площади Барберини, я не могъ не бросить прощальнаго взгляда на домикъ, въ которомъ жилъ съ матушкой: всѣ окна были отворены, горницы ожидали новыхъ жильцовъ.

Кампанья.

Итакъ, я долженъ былъ теперь поселиться въ огромной степи, окружавшей старый Римъ. Иностранцу, поклоннику искусства и старины, являющемуся изъ-за Альпъ и впервые созерцающему волны Тибра, эта высохшая пустыня кажется, пожалуй, развернутою страницею всемірной исторіи, а разбросанные по ней отдѣльные холмы священными письменами или цѣлыми главами этой исторіи; художникъ также можетъ идеализировать ее: нарисуетъ одинокій остатокъ разрушеннаго водопровода, пастуха, сидящаго возлѣ стада овецъ, а на первомъ планѣ тощій репейникъ, и всѣ говорятъ: «Какая красивая картинка!» Но совсѣмъ иными глазами смотрѣли на эту огромную равнину мой спутникъ и я. Спаленная зноемъ трава, нездоровый лѣтній воздухъ, постоянно приносящій жителямъ Кампаньи лихорадку и злокачественныя болѣзни—вотъ какія тѣневыя стороны преобладали въ воззрѣніи моего провожатаго. Для меня, впрочемъ, картина эта представляла всетаки нѣчто новое, и я любовался красивыми горами, расцвѣченными всѣми оттѣнками лиловаго цвѣта и окаймлявшими равнину съ одной стороны. любовался дикими буйволами и желтымъ Тибромъ, по берегамъ котораго тащились длиннорогіе быки подъ тяжелымъ ярмомъ, двигавшіе противъ теченія барки. Мы шли по тому же направленію.

Кругомъ, куда ни взглянешь, лишь низкая, пожелтѣвшая трава и высокій полузавядшій репейникъ. Мы прошли мимо креста, воздвигнутаго надъ могилой убитаго; тутъ же висѣли и отрубленныя рука и нога убійцы. Я испугался, тѣмъ болѣе, что крестъ этотъ находился неподалеку отъ

моего новаго жилища. Жилищемъ же этимъ служила ни болѣе—ни менѣе какъ старая полуразрушившаяся древняя гробница, которыхъ въ этой мѣстности такое множество. Пастухи Кампаньи въ большинствѣ случаевъ и не ищутъ себѣ иныхъ помѣщеній: гробницы доставляютъ имъ нужный кровъ и защиту, а часто даже и удобства,—стоитъ только засыпать нѣкоторыя углубленія, задѣлать кое-какія отверстія, набросать тростниковую крышу и—жилье готово. Наше лежало на холмѣ и было двухъэтажное. Двѣ коринфскія колонны у узкаго входа свидѣтельствовали о древности постройки; три же широкихъ каменныхъ столба—о позднѣйшей передѣлкѣ. Можетъ быть, въ средніе вѣка гробница играла роль крѣпости. Дыра въ стѣнѣ надъ дверями замѣняла окно; половина крыши была изъ камыша и сухихъ вѣтвей, другая изъ живого кустарника; роскошныя каприфоліи свѣшивались надъ треснувшею стѣною.

— Ну, вотъ и пришли!—сказалъ Бенедетто, и это были первыя его слова за все время пути.

— Такъ мы тутъ будемъ жить?—спросилъ я, поглядывая то на мрачное жилье, то назадъ, на обрубленные члены разбойника. А Бенедетто, не отвѣчая мнѣ, принялся звать жену:—Доменика! Доменика!—Я увидѣлъ пожилую женщину, вся одежда которой состояла изъ одной грубой рубахи; ноги и руки были голы, а волоса свободно падали на спину. Она осыпала меня поцѣлуями и ласками, и ужъ если самъ Бенедетто былъ молчаливъ, то она зато говорила и за себя, и за него. Она назвала меня маленькимъ Измаиломъ, посланнымъ сюда, въ пустыню, гдѣ растетъ только дикій репейникъ.—Но мы не заморимъ тебя жаждою!—продолжала она.—Старая Доменика будетъ для тебя доброю матерью вмѣсто той, что молится теперь за тебя на небѣ! Постельку я тебѣ ужъ приготовила, бобы варятся, и мы всѣ трое сядемъ сейчасъ за столъ. А Маріучія не пришла съ вами? А ты не видалъ св. отца? А не забылъ ты привезти ветчины, мѣдныхъ крючковъ и новый образокъ Мадонны для дверей? Старый-то мы зацѣловали до того, что онъ почернѣлъ весь! Нѣтъ, не забылъ? Ты, вѣдь, у меня молодецъ, старина, все помнишь, обо всемъ думаешь, Бенедетто!

Продолжая сыпать словами, она ввела меня въ узкое пространство, называвшееся горницею; впослѣдствіи оно казалось мнѣ, впрочемъ, огромнымъ, какъ зала Ватикана.

Я, въ самомъ дѣлѣ, думаю, что это жилище имѣло большое вліяніе на развитіе моего поэтическаго воображенія; эта маленькая площадка была для моей фантазіи то же, что давленіе для молодой пальмы: чѣмъ больше ее гнететъ къ землѣ, тѣмъ сильнѣе она растетъ. Жилище наше, какъ сказано, служило нѣкогда фамильною усыпальницею и состояло изъ большой комнаты съ множествомъ небольшихъ нишъ, расположенныхъ

одна возлѣ другой въ два ряда; всѣ были выложены мозаикою. Теперь эти ниши служили для самыхъ разнообразныхъ цѣлей: одна замѣняла кладовую, другая—полку для горшковъ и кружекъ, третья служила мѣстомъ для разведенія огня, на которомъ варились бобы.

Доменика прочла молитву, Бенедетто благословилъ кушанье. Когда же мы насытились, старушка проводила меня наверхъ по приставной лѣстницѣ, проникавшей черезъ отверстіе въ сводѣ во второй этажъ, гдѣ мы всѣ должны были спать въ двухъ большихъ, нѣкогда могильныхъ, нишахъ. Для меня была приготовлена постель въ глубинѣ одной, рядомъ съ двумя связанными верхушками на крестъ палками, къ которымъ было подвѣшено что-то вродѣ люльки. Въ ней лежалъ ребенокъ—должно быть, Маріучіи. Онъ спалъ спокойно; я улегся на полъ; изъ стѣны выпалъ одинъ камень, и я могъ черезъ это отверстіе видѣть голубое небо и темный плющъ, колебавшійся отъ вѣтра, словно птица. Пока я еще укладывался поудобнѣе, по стѣнѣ пробѣжала пестрая, блестящая ящерица, но Доменика успокоила меня, говоря, что эти бѣдняжки больше боятся меня, чѣмъ я ихъ, и не сдѣлаютъ мнѣ никакого вреда. Затѣмъ, она прочла надо мною «Ave Maria» и придвинула колыбельку къ другой нишѣ, гдѣ спала сама съ Бенедетто. Я осѣнилъ себя крестомъ и сталъ думать о матушкѣ, о Мадоннѣ, о новыхъ своихъ родителяхъ и о рукѣ и ногѣ разбойника, видѣнныхъ мною неподалеку отъ дома, потомъ мало-по-малу все спуталось въ сонныхъ грезахъ.

На слѣдующій день съ утра полилъ дождь, который и держалъ насъ цѣлую недѣлю взаперти въ узкой комнатѣ, гдѣ царилъ полумракъ, не смотря на то, что дверь стояла полуотворенной, когда вѣтеръ дулъ съ нашей стороны.

Меня заставили качать малютку въ парусинной колыбели, а Доменика пряла и разсказывала мнѣ о разбойникахъ Кампаньи, которые, впрочемъ, никогда не обижали ихъ, пѣла мнѣ священныя пѣсни, учила меня новымъ молитвамъ и разсказывала еще неизвѣстныя мнѣ житія святыхъ. Обычную пищу нашу составляли лукъ и хлѣбъ; она была мнѣ по вкусу, но я ужасно скучалъ, сидя взаперти въ тѣсной комнатѣ. Чтобы развлечь меня, Доменика провела передъ дверью канавку, извилистый Тибръ въ миніатюрѣ, съ такою же желтою и медленно текущею водою. Флотъ мой состоялъ изъ щепочекъ и камышинокъ, и я заставлялъ его плавать отъ Рима до Остіи. Но, если дождь ужъ черезчуръ усиливался, дверь приходилось запирать, и мы сидѣли тогда почти въ потемкахъ. Доменика пряла, а я припоминалъ красивые образа монастырской церкви, представлялъ себѣ Іисуса, проплывающаго мимо меня на кораблѣ, Мадонну, возносимую ангелами къ облакамъ, и надгробныя плиты съ высѣченными на нихъ черепами въ вѣнкахъ.

Когда же дождливое время года кончилось, небо цѣлые два мѣсяца сіяло безоблачною лазурью. Мнѣ позволили бѣгать на волѣ съ тѣмъ только, чтобы я не подбѣгалъ слишкомъ близко къ рѣкѣ: рыхлая земля обрыва легко могла осыпаться подо мною,—говорила Доменика.—Кромѣ того, возлѣ рѣки паслись стада дикихъ буйволовъ. Но именно дикость-то ихъ и опасность и возбуждали мое любопытство. Мрачный взглядъ животныхъ, странный дикій огонь, свѣтившійся въ ихъ зрачкахъ—все это вызывало во мнѣ чувство, сродни тому, что влечетъ въ пасть змѣи птичку. Ихъ дикій бѣгъ, быстрота, превосходящая лошадиную, ихъ битвы между собою, состязаніе равныхъ силъ—приковывали мое вниманіе. Я старался изобразить на пескѣ видѣнныя мною сцены, а для поясненія своихъ рисунковъ слагалъ пѣсни, подбиралъ къ нимъ мелодіи и распѣвалъ ихъ къ большому удовольствію Доменики, говорившей, что я — умница мальчикъ и пою, какъ ангелъ небесный.

День ото дня солнце палило все сильнѣе; цѣлое море огненнаго свѣта лилось на Кампанью. Стоячія, гніющія воды заражали воздухъ, и мы могли выходить изъ дома только по утрамъ, да вечерамъ; ничего такого не знавалъ я въ Римѣ на холмѣ Пинчіо. Я помнилъ, каково тамъ было въ самую жаркую пору года, когда нищіе просили не на хлѣбъ, а на кружку холодной воды, помнилъ и наваленные грудами чудесные зеленые арбузы, разрѣзанные пополамъ и обнажавшіе свою пурпуровую мякоть съ черными зернышками... Губы сохли при этихъ воспоминаніяхъ еще сильнѣе! Солнце стояло прямо надъ головой, и тѣнь моя, казалось, старалась спрятаться отъ его лучей подъ мои ноги. Буйволы лежали на спаленной травѣ неподвижно распростертыми, словно безжизненными массами, или въ бѣшенствѣ описывали по равнинѣ большіе круги. Вотъ когда душа моя проникалась представленіемъ о мученіяхъ путешественника въ жгучей африканской пустынѣ!

Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ мы вели жизнь потерпѣвшихъ крушеніе въ океанѣ и спасшихся на обломкѣ судна. Ни одна живая душа не навѣщала насъ. Всѣ дѣла по дому справлялись ночью или раннимъ утромъ. Отъ нездороваго воздуха и нестерпимой жары у меня сдѣлалась лихорадка, и негдѣ было взять даже капли свѣжей воды для утоленія жажды. Всѣ болота высохли; тепловатая желтая вода Тибра еле-еле текла, сокъ въ дыняхъ былъ также совсѣмъ теплый, и даже вино, несмотря на то, что хранилось между камнями и прикрывалось травою, было кисло и точно наполовину сварено. Хоть бы единое облачко на горизонтѣ! И днемъ, и ночью та же ясная лазурь. Каждое утро, каждый вечеръ молились мы о ниспосланіи дождя или свѣжаго вѣтра, каждое утро, каждый вечеръ смотрѣла Доменика по направленію къ горамъ—не покажется-ли тамъ облачко, но нѣтъ, лишь ночь, душная ночь приносила съ собою

хоть какую-нибудь тѣнь; два долгихъ-долгихъ мѣсяца дулъ только удушливый, знойный сирокко.

Наконецъ, и то только на восходѣ, да при закатѣ солнца, стало вѣять прохладою, но тупость и какое-то оцѣпенѣніе, въ которое погрузили все мое существо мучительная жара и скука, все еще держали меня въ своихъ тискахъ. Мухи и другія докучливыя насѣкомыя, казалось, въ конецъ уничтоженныя жарою, опять возродились къ жизни да еще въ удвоенномъ количествѣ. Миріадами нападали они на насъ и жалили своими ядовитыми жалами. Буйволы часто бывали сплошь покрыты этими жужжащими миріадами, набрасывавшимися на нихъ, какъ на падаль. Доведенныя до бѣшенства животныя бросались въ Тибръ и барахтались въ мутной водѣ. Истомившійся отъ лѣтней жары римлянинъ, крадущійся по почти безжизненнымъ улицамъ города вдоль самыхъ стѣнъ домовъ, словно желая вдохнуть въ себя жмущуюся къ нимъ тѣнь, не имѣетъ всетаки и понятія о мученіяхъ обитателя Кампаньи. Здѣсь дышешь сѣрнымъ, зачумленнымъ воздухомъ; здѣсь насѣкомыя, словно какіе-то бѣшеные демоны, изводятъ обреченныхъ жить въ этой раскаленной печи.

Въ сентябрѣ дни стали прохладнѣе, и однажды къ намъ явился Федериго. Онъ сдѣлалъ нѣсколько эскизовъ спаленной солнцемъ степи, срисовалъ и наше оригинальное жилище, крестъ на мѣстѣ казни и дикихъ буйволовъ, подарилъ мнѣ бумаги и карандашъ, чтобы и я тоже могъ рисовать себѣ картинки, и пообѣщалъ, что въ слѣдующій разъ, когда опять придетъ къ намъ, возьметъ меня съ собою въ Римъ: пора мнѣ было навѣстить фра Мартино, Маріучію и всѣхъ моихъ друзей, а то они, кажется совсѣмъ позабыли меня! Но и самого-то Федериго пришлось упрекнуть въ томъ же.

Вотъ пришелъ и ноябрь, самое прекрасное время года въ Кампаньѣ. Съ горъ вѣяло прохладою, и я каждый вечеръ любовался богатою, свойственною только югу, игрою красокъ на облакахъ, которую не можетъ, не рискуетъ изобразить на своихъ картинахъ художникъ. Причудливыя оливково-зеленыя облака на желтоватомъ фонѣ казались мнѣ плавучими островами изъ райскаго сада, а темносинія, вырисовавшіяся на золотомъ небѣ, точно вершины пиній, казались горами въ странѣ блаженства, у подножія которыхъ играли и навѣвали крыльями прохладу добрые ангелы.

Однажды вечеромъ я сидѣлъ и предавался своимъ мечтамъ, глядя на солнышко сквозь проколотый листокъ. Доменика нашла это вреднымъ для глазъ и, чтобы положить конецъ моей забавѣ, заперла дверь. Мнѣ стало скучно, и я попросился погулять; Доменика позволила, я весело подпрыгнулъ, побѣжалъ къ двери и распахнулъ ее, но въ ту же минуту былъ сбитъ съ ногъ. Въ дверь ворвался какой-то мужчина и быстро захлопнулъ ее за собою. Я едва успѣлъ взглянуть на его блѣдное лицо и услы-

шать изъ его устъ отчаянное воззваніе къ Мадоннѣ, какъ вдругъ дверь потрясъ такой ударъ, что изъ нея вылетѣло и обрушилось на насъ нѣсколько досокъ. Въ образовавшееся отверстіе просунулась голова буйвола, яростно сверкавшаго глазами.

Доменика вскрикнула, схватила меня за руку и прыгнула со мной на лѣстницу, которая вела во второй этажъ. Смертельно блѣдный незнакомецъ растерянно оглядѣлся кругомъ, замѣтилъ ружье Бенедетто, постоянно висѣвшее, на случай ночного нападенія, на стѣнѣ, и быстро схватилъ его. Раздался выстрѣлъ, и я увидѣлъ сквозь пороховой дымъ, какъ незнакомецъ билъ прикладомъ животное по лбу. Буйволъ не шевелился: голова его застряла въ узкомъ отверстіи, и онъ не могъ двинуться ни взадъ, ни впередъ.

— Святые угодники!—были первыя слова Доменики.—Что же это такое? Вѣдь, вы убили животное!

— Хвала Мадоннѣ!—отвѣтилъ незнакомецъ.—Она спасла мнѣ жизнь! А ты былъ моимъ ангеломъ-спасителемъ!—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ и взявъ меня на руки.—Ты открылъ мнѣ дверь спасенія!—Онъ былъ еще совсѣмъ блѣденъ, и по лбу у него катились крупныя капли пота.

По рѣчи его мы сейчасъ же узнали, что передъ нами не иностранецъ, а римскій вельможа. Онъ объяснилъ намъ, что занимается собираніемъ разныхъ цвѣтовъ и растеній, оставилъ поэтому свой экипажъ у моста Молле и отправился пѣшкомъ вдоль Тибра, но тутъ наткнулся на буйволовъ. Одинъ изъ нихъ погнался за нимъ, и онъ спасся только благодаря тому, что наша дверь внезапно, какъ бы чудомъ какимъ, раскрылась въ самую опасную минуту.

— Пресвятая Дѣва—Заступница наша!—промолвила Доменика.—Это Она и спасла васъ! А орудіемъ вашего спасенія она избрала моего Антоніо! Она всегда благоволила къ нему. Eccellenza еще не знаетъ, что это за ребенокъ! Онъ читаетъ и по печатному, и по писанному, а рисуетъ какъ! Сразу можно угадать, что онъ хотѣлъ нарисовать. Онъ нарисовалъ и соборъ св. Петра, и буйволовъ, и толстаго патера Амброзіо! А голосъ у него какой! Послушалъ бы его Eccellenza! Папскимъ пѣвчимъ не поймать его ни въ одной невѣрной ноткѣ! И ко всему этому онъ такой добрый ребенокъ—на рѣдкость! Я не стану хвалить его при немъ, это вредно, но онъ стоитъ того!

— Но это, вѣдь, не вашъ же сынъ?—спросилъ незнакомецъ.—Онъ еще такъ малъ.

— А я такъ стара!—сказала она.—Правда, старое фиговое дерево не даетъ молоденькихъ отростковъ! У бѣдняжки нѣтъ ни отца, ни матери, никого на свѣтѣ, кромѣ меня и Бенедетто! Но мы-то ужъ не разстанемся съ нимъ—пусть даже выйдутъ всѣ его денежки! Но Пресвятая

Дѣва!—прервала она себя самое и схватила за рога буйвола, изъ головы котораго лилась въ комнату кровь.—Надо же убрать животное! Не то ни намъ не выйти, ни къ намъ не войти! Ахъ, Господи! Да онъ застрялъ такъ, что намъ и не отдѣлаться отъ него, пока не вернется Бенедетто! Только бы намъ не досталось за убійство животнаго!

— Не безпокойтесь, матушка!—сказалъ незнакомецъ.—Я все беру на себя. Вы, вѣдь, конечно, знаете Боргезе?

— Ахъ, ваше сіятельство!—сказала Доменика и поцѣловала край его одежды, а онъ пожалъ ей руку, подержалъ въ своихъ мою и наказалъ Доменикѣ придти завтра утромъ со мной въ Римъ, въ палаццо Боргезе.

Моя пріемная мать даже прослезилась отъ такой великой милости,—какъ она сказала—и непремѣнно пожелала показать Eccellenza всѣ мои царапанья карандашомъ на разныхъ клочкахъ бумаги, которые она припрятывала, словно эскизы самого Микеля-Анджело. Eccellenza пришлось пересмотрѣть все, что такъ радовало ее, и я былъ очень польщенъ, такъ какъ онъ улыбнулся, потрепалъ меня по щекѣ и сказалъ, что я маленькій Сальваторъ Роза.

— Да!—сказала Доменика:—Кто подумаетъ, что это рисовалъ ребенокъ? Вѣдь, сразу видно, что онъ хотѣлъ нарисовать! Буйволы, лодки и нашъ домикъ! А вотъ это я! И похожа, вѣдь? Только красокъ не хватаетъ. Но нельзя же было раскрасить карандашомъ! А теперь спой!—обратилась она ко мнѣ!—Спой, какъ умѣешь, что нибудь свое! Да, Eccellenza, онъ самъ слагаетъ цѣлыя исторіи и проповѣди, что твой монахъ! Ну, спой же! Eccellenza господинъ добрый и хочетъ послушать тебя, а ты, вѣдь, сумѣешь взять вѣрный тонъ!

Незнакомецъ улыбнулся; ему, видно, забавно было глядѣть на насъ обоихъ. Я хорошо помню, что я началъ пѣть, и что Доменика пришла отъ моей импровизаціи въ восторгъ, но чтó именно я пѣлъ и какъ—не помню. Одно только ясно удержалось у меня въ памяти: въ пѣснѣ моей фигурировали Мадонна, Eccellenza и буйволъ. Eccellenza сидѣлъ молча, и Доменика истолковала его молчаніе восхищеніемъ.

— Захватите съ собою мальчика!—вотъ все, что онъ сказалъ послѣ моей импровизаціи.—Я буду ждать васъ завтра утромъ! Впрочемъ, нѣтъ! Приходите лучше вечеромъ; такъ, за часокъ до Ave Maria! А когда придете, люди сейчасъ же доложатъ о васъ, я ужъ предупрежу ихъ! Но какъ же я выберусь отсюда? У васъ нѣтъ другаго выхода, черезъ который бы я могъ выйти и добраться до моего экипажа, не натыкаясь на буйволовъ?

— Есть-то есть,—сказала Доменика:—да не для Eccellenza! Мы-то можемъ лазить, но для такого знатнаго господина эта дорога не годится! Наверху, видите-ли, есть дыра, черезъ которую надо выползти

и тогда ужъ по-просту спуститься по стѣнѣ внизъ. Это дѣлаю даже я въ мои годы! Но я не могу предложить этого гостю, да еще такому знатному господину!

Тѣмъ не менѣе, Eccellenza поднялся по узенькой лѣсенкѣ наверхъ, просунулъ голову въ дыру и заявилъ, что спускъ такъ же удобенъ, какъ капитолійская лѣстница. Къ тому же буйволы въ это время какъ-разъ повернули къ Тибру, а по дорогѣ, недалеко отъ нашего домика, лѣниво тащился крестьянскій обозъ, направлявшійся къ большой дорогѣ; къ нему-то Eccellenza и рѣшилъ пристать: за нагруженными связками камыша возами онъ могъ быть въ безопасности отъ новаго нападенія буйволовъ. Еще разъ наказалъ онъ Доменикѣ придти со мною къ нему на другой день, за часъ до Ave Maria, протянулъ ей для поцѣлуя руку, потрепалъ по щекѣ меня, раздвинулъ густую зелень плюща и спустился по стѣнѣ внизъ. Скоро мы увидѣли, что онъ догналъ крестьянскій обозъ и скрылся между возами.

Палаццо Боргезе. Конецъ дѣтства.

Бенедетто, съ помощью двухъ другихъ пастуховъ, оттащилъ животное отъ дверей, и тутъ-то пошли разговоры, но я помню ясно только то, что на другой день я былъ на ногахъ еще до разсвѣта, приготовляясь къ вечернему путешествію въ Римъ. Мое праздничное платье, лежавшее столько мѣсяцевъ безъ употребленія, снова увидѣло свѣтъ Божій; меня принарядили, и шляпу мою украсили свѣжею розою. Башмаки составляли самую слабую часть моего костюма; трудно, право, было рѣшить, насколько они, собственно, соотвѣтствовали своему названію и не походили-ли скорѣе на римскія сандаліи?

Какъ долгъ показался мнѣ путь, какъ пекло солнце! Никогда еще фалернское или кипрское вино не казалось мнѣ такимъ вкуснымъ, какъ вода, что струилась изо рта каменнаго льва у обелиска на площади дель Пополо. Я прижался горячею щекою къ пасти льва и подставилъ подъ струю свою голову къ величайшему ужасу Доменики: я, вѣдь, замочилъ свое платье, и приглаженные волосы мои растрепались! Наконецъ, мы дошли до величественнаго палаццо Боргезе, расположеннаго на улицѣ Рипетта. Какъ часто и я, и Доменика проходили мимо него, не обращая на него особеннаго вниманія! Теперь же мы остановились передъ нимъ и созерцали его въ почтительномъ молчаніи. Насъ поразила его роскошь — особенно шелковыя занавѣси на окнахъ. Мы были уже знакомы съ самимъ вельможнымъ хозяиномъ палаццо; онъ, вѣдь, былъ вчера нашимъ гостемъ, а теперь мы пришли къ нему въ гости, и это обстоятельство придавало въ нашихъ глазахъ особый интересъ всему. Никогда не забуду

я страннаго трепета, который охватилъ меня при видѣ роскошной обстановки палаццо. Съ самимъ знатнымъ Eccellenza я уже познакомился, видѣлъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и другіе, но эта роскошь, это великолѣпіе..! Да, теперь я видѣлъ тотъ блескъ, то сіяніе, которое отличаетъ святыхъ отъ простыхъ смертныхъ! Внутри двора былъ разбитъ четыреугольный садикъ, обнесенный высокою бѣлою колоннадою; въ нишахъ красовались статуи и бюсты. Высокіе кусты алоэ и кактусовъ росли возлѣ колоннъ; вѣтви лимонныхъ деревьевъ сгибались подъ тяжестью зеленоватыхъ плодовъ,—солнце еще не успѣло позолотить ихъ. Двѣ пляшущія вакханки высоко подымали кверху чаши съ водою, которая и лилась имъ прямо на плечи. Большія водяныя растенія протягивали къ нимъ свои сочные зеленые листья. И сравнить только эту прохладу, эту зелень, этотъ ароматъ съ нашею желтою, дышущею огнемъ, спаленною Кампаньей!

Мы поднялись по широкой мраморной лѣстницѣ. Въ нишахъ стояли прекрасныя статуи; передъ одной изъ нихъ Доменика благочестиво преклонила колѣни и перекрестилась: она думала, что это Мадонна, а я узналъ впослѣдствіи, что это была Веста, тоже почитавшееся въ свое время олицетвореніе дѣвственности. Слуги въ богатыхъ ливреяхъ встрѣтили насъ и такъ дружески поклонились намъ, что страхъ мой мало-помалу прошелъ. Только бы залы не были такъ огромны и роскошны! Полы были выстланы гладкимъ блестящимъ мраморомъ, по стѣнамъ всюду висѣли чудныя картины, а гдѣ не было ихъ, тамъ самыя стѣны были изъ зеркальнаго стекла и разрисованы летающими ангельчиками, гирляндами, вѣнками и пестрыми птицами, клевавшими красные и золотые плоды. Сроду не видывалъ я такой красоты!

Намъ пришлось немножко подождать, пока, наконецъ, Eccellenza вышелъ къ намъ въ сопровожденіи прекрасной, одѣтой въ бѣлое, дамы. Большіе живые глаза ея пристально, но привѣтливо устремились на меня; потомъ она откинула мнѣ со лба волосы и сказала Eccellenza:—Ну, не говорила-ли я, что васъ спасъ ангелъ! Бьюсь объ закладъ, что подъ этимъ некрасивымъ узкимъ платьемъ у него спрятаны крылышки!

— Нѣтъ!—отвѣтилъ тотъ.—Я читаю на его красныхъ щекахъ, что много воды утечетъ въ море изъ Тибра, прежде чѣмъ онъ распустить свои крылышки. Небось, и старушка не хочетъ, чтобы онъ улетѣлъ отъ насъ на небо! Не правда-ли, вы не хотите лишиться его?

— Нѣтъ! Безъ него въ нашей хижинѣ стало бы такъ мрачно и пусто! Это все одно, что замуровать въ ней всѣ окна и двери! Нѣтъ, я не могу разстаться съ нашимъ милымъ мальчикомъ!

— Ну на сегодняшній-то вечеръ можете!—сказала дама.—Пусть онъ побудетъ у насъ нѣсколько часовъ, а потомъ вы придете за нимъ. Ночь лунная, идти домой будетъ свѣтло, а разбойниковъ, вѣдь, вы не боитесь?

— Да, пусть мальчикъ останется тутъ на часокъ, а вы, тѣмъ временемъ закупите себѣ, что нужно для дома!—сказалъ Eccellenza и сунулъ Доменикѣ въ руки небольшой кошелекъ. Больше я ничего не слыхалъ,—дама увела меня въ залу, оставивъ старуху съ Eccellenza.

Роскошь обстановки и блестящее знатное общество совсѣмъ ослѣпили меня. Я глядѣлъ то на нарисованныхъ на стѣнахъ улыбающихся ангельчиковъ, выглядывавшихъ изъ-за зеленыхъ гирляндъ, то на сенаторовъ въ лиловыхъ и кардиналовъ въ красныхъ чулкахъ; они всегда казались мнѣ какими-то полубогами, а теперь я самъ попалъ въ ихъ общество! Но больше всего привлекалъ мои взгляды прекрасный амуръ -- прелестный ребенокъ, сидѣвшій верхомъ на безобразномъ дельфинѣ, выбрасывавшемъ въ воздухъ двѣ высокія водяныя струи, которыя затѣмъ ниспадали обратно въ бассейнъ, стоявшій посреди залы.

Знатное общество, да, всѣ—и кардиналы, и сенаторы съ улыбкой поздоровались со мною, а одинъ молодой офицеръ, въ мундирѣ папскихъ гвардейцевъ, даже протянулъ мнѣ руку, когда молодая дама представила меня ему въ качествѣ ангела-хранителя ея дяди. Меня забросали вопросами, на которые я бойко отвѣчалъ, вызывая смѣхъ и рукоплесканія. Потомъ явился и Eccellenza и сказалъ, что я долженъ спѣть имъ пѣсню. Я охотно согласился. Молодой офицеръ поднесъ мнѣ шипучаго вина и велѣлъ выпить, но молодая дама покачала головой и отняла у меня стаканъ послѣ перваго же глотка. Словно огонь разлился по моимъ жиламъ, когда я выпилъ вино. Офицеръ предложилъ мнѣ воспѣть эту прекрасную молодую даму, стоявшую рядомъ и глядѣвшую на меня съ улыбкой, и я охотно исполнилъ его желаніе. Богъ знаетъ, что такое я плелъ, но моя болтовня сошла за краснорѣчіе, смѣлость за остроуміе, а то обстоятельство, что я былъ бѣдный мальчикъ изъ Кампаньи, придало всему отпечатокъ геніальности. Всѣ апплодировали мнѣ, а офицеръ снялъ прекрасный лавровый вѣнокъ съ бюста, стоявшаго въ углу, и смѣясь, надѣлъ его на голову мнѣ. Все это, конечно, было шуткой, но я-то принялъ все въ серьезъ, и оказанное мнѣ вниманіе привело меня въ самое блаженное настроеніе, доставило мнѣ лучшія минуты въ жизни. Затѣмъ я перешелъ къ пѣснямъ, которымъ научили меня Маріучія и Доменика, описывалъ обществу злые глаза буйволовъ и наше маленькое жилище, передѣланное изъ гробницы, и время пролетѣло для меня незамѣтно. Явилась Доменика, и я долженъ былъ отправиться домой. Я шелъ за своею пріемною матерью, нагруженный пирожными, фруктами и блестящими серебряными монетами. Доменика сіяла, какъ и я: она сдѣлала богатыя покупки: купила и на платья, и кое-что изъ кухонной утвари, и двѣ большія бутылки вина. Вечеръ былъ удивительно хорошъ. Ночная тьма окутывала деревья и кусты, но въ вышинѣ надъ нами сіялъ полный мѣсяцъ, словно

чудный золотой челнъ, колышущійся на волнахъ темносиняго моря, струившаго прохладу на спаленную Кампанью.

Вернувшись домой, я только и думалъ о богатыхъ покояхъ палаццо, о ласковой дамѣ и о рукоплесканіяхъ, и на яву и во снѣ бредилъ этою прекрасною мечтою, которая скоро опять стала дѣйствительностью, прекрасною дѣйствительностью. Я не разъ побывалъ въ гостяхъ въ роскошномъ палаццо, прекрасная ласковая дама забавлялась моею оригинальностью и заставляла меня разсказывать, болтать съ нею, какъ со старою Доменикою; ей это, повидимому, доставляло большое удовольствіе, и она хвалила меня Eccellenza. Онъ тоже былъ очень добръ ко мнѣ—главнымъ образомъ потому, что былъ невинною причиною смерти моей матери. Это онъ, вѣдь, сидѣлъ въ экипажѣ, который понесли взбѣсившіяся лошади. Прекрасную даму звали Франческою; она часто брала меня съ собою въ роскошную картинную галлерею палаццо Боргезе. Мои наивные вопросы и замѣчанія насчетъ чудныхъ картинъ часто смѣшили ее, она передавала ихъ другимъ, и тѣ тоже смѣялись. По утрамъ галлерея была открыта для публики, и въ ней толпились иностранцы, сидѣли и копировали разныя картины художники, но послѣ обѣда галлерея стояла пустою. Тогда-то мы съ Франческой и расхаживали по ней; путеводительница моя разсказывала мнѣ при этомъ разныя исторіи, имѣвшія отношенія къ картинамъ.

Особенно нравились мнѣ «Времена года» Франческо Альбани. Всѣ эти хорошенькіе, веселые ангелочки или амурчики,—какъ говорила Франческа—какъ будто выскочили изъ моихъ сновидѣній! Какъ чудно рѣзвятся они на картинкѣ «Весна!» Цѣлая толпа ихъ точитъ свои стрѣлы, одинъ вертитъ точило, а двое, паря въ воздухѣ, поливаютъ камень водою. На картинѣ «Лѣто» одни летаютъ вокругъ дерева и рвутъ съ него плоды, другіе купаются и шалятъ въ свѣжихъ струяхъ воды. На картинѣ «Осень» изображены осеннія удовольствія: амуръ сидитъ съ факеломъ въ рукахъ на маленькой колесницѣ, которую везутъ двое его товарищей, а любовь манитъ охотника въ уютный уголокъ, гдѣ они могутъ отдохнуть рядышкомъ. «Зима» убаюкала всѣхъ малютокъ; крѣпко спятъ они; нимфы стащили у нихъ колчаны и стрѣлы и бросаютъ эти опасныя орудія въ огонь, который скоро и уничтожитъ ихъ.

Почему ангелочки назывались амурами, зачѣмъ они стрѣляли—да и много еще о чемъ хотѣлъ я разузнать поподробнѣе, не довольствуясь бѣглыми объясненіями Франчески, но она говорила мнѣ:—Ты самъ долженъ прочесть обо всемъ! Многому надо еще тебѣ учиться! Но корень ученья горекъ! День-денской придется сидѣть за книжкой, на скамейкѣ, нельзя уже будетъ играть съ козлятами въ Кампаньѣ или ходить сюда любоваться на твоихъ маленькихъ друзей—амурчиковъ! А чего бы тебѣ больше хотѣлось, скакать верхомъ, съ развѣвающимся султаномъ на

каскѣ, за каретой св. отца, надѣть блестящіе доспѣхи, какъ тѣ, что носитъ Фабіани, или научиться понимать всѣ эти прелестныя картины, познавать міръ Божій и узнать множество исторій, куда прекраснѣе тѣхъ, которыя я тебѣ разсказывала?

— Но, развѣ я ужъ совсѣмъ не буду больше приходить къ тебѣ?— спросилъ я.—И развѣ я не могу всегда оставаться у доброй Доменики?

— Ты, вѣдь, помнишь еще свою мать, помнишь, какъ тебѣ хорошо жилось у нея? Тогда тебѣ вѣчно хотѣлось жить съ нею, ты и не думалъ ни о Доменикѣ, ни обо мнѣ, а теперь мы стали тебѣ самыми близкими людьми. Настанетъ время—опять все можетъ перемѣниться,—въ такихъ перемѣнахъ проходитъ вся жизнь!

— Но, вѣдь, вы же не умрете, какъ матушка?—спросилъ я со слезами на глазахъ.

— Умереть или вообще разстаться другъ съ другомъ всѣмъ намъ когда-нибудь придется! Наступитъ время, когда намъ уже нельзя будетъ такъ часто видѣться, какъ теперь, и мнѣ хотѣлось бы видѣть тебя тогда веселымъ и счастливымъ!

Потокъ слезъ былъ моимъ отвѣтомъ. Я чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, самъ хорошенько не зная причины. Франческа потрепала меня по щекѣ и сказала, что у меня слишкомъ мягкое сердце, а это не годится. Тутъ подошелъ Eccellenza съ молодымъ офицеромъ, который увѣнчалъ меня послѣ моей первой импровизаціи лаврами; звали его Фабіани, и онъ тоже очень любилъ меня.

Въ виллѣ Боргезе свадьба, блестящая свадьба!—Вотъ какой слухъ донесся, черезъ нѣсколько дней, до бѣдной хижины Доменики. Франческа выходила замужъ за Фабіани и затѣмъ должна была уѣхать съ нимъ въ его имѣніе близъ Флоренціи. Свадьбу праздновали въ виллѣ Боргезе, лежавшей неподалеку отъ Рима и окруженной густымъ паркомъ изъ вѣчно зеленыхъ лавровыхъ деревьевъ, мощныхъ дубовъ и высокихъ пиній, что и лѣтомъ, и зимою подымаютъ къ голубому небу свои одинаково зеленыя вершины. И въ тѣ времена, какъ теперь, паркъ этотъ служилъ излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ и для римлянъ, и для пріѣзжихъ иностранцевъ. По густымъ дубовымъ аллеямъ катились богатые экипажи; бѣлые лебеди плавали по тихимъ озерамъ, въ которыхъ отражались плакучія ивы; по гранитнымъ уступамъ сбѣгали водопады. Пышногрудыя римлянки съ огненными глазами ѣхали на праздникъ въ экипажахъ, гордо поглядывая на жизнерадостныхъ поселянокъ, плясавшихъ по дорогѣ, потряхивая тамбуринами. Старая Доменика пѣшкомъ приплелась со мной въ виллу Боргезе, чтобы присутствовать на свадьбѣ нашей благодѣтельницы. Мы стояли въ саду и смотрѣли на освѣщенныя окна виллы. Франческа и Фабіани

были уже обвѣнчаны. Изъ внутреннихъ покоевъ доносились звуки музыки, а надъ зеленымъ лугомъ, гдѣ былъ расположенъ амфитеатръ, взлетали ракеты и бураки, разсыпавшіеся искрами въ голубомъ воздухѣ.

Въ одной изъ высокихъ оконныхъ нишъ показались двѣ тѣни — кавалеръ и дама.—Это онъ и она!—сказала Доменика. Тѣни склонились другъ къ другу и какъ будто слились въ поцѣлуѣ... Я увидѣлъ, что моя пріемная мать сложила руки, творя молитву; я тоже невольно преклонилъ колѣни подъ темными кипарисами и началъ молиться за свою дорогую синьору. Доменика опустилась на колѣни рядомъ со мною: «Пошли имъ Богъ счастья!» Въ ту же минуту ракета разлетѣлась, и съ неба какъ-будто упали тысячи звѣздочекъ, въ знакъ того, что желаніе старухи сбудется. Но она всетаки плакала, плакала обо мнѣ: намъ предстояла скорая разлука! Eccellenza внесъ за меня деньги въ Іезуитскую коллегію, и я долженъ былъ воспитываться тамъ, вмѣстѣ съ другими дѣтьми, для болѣе блестящей будущности, нежели та, которая могла ожидать меня въ Кампаньѣ у Доменики и Бенедетто.

— Пожалуй, въ послѣдній разъ на моемъ вѣку иду я съ тобою черезъ Кампанью,—сказала мнѣ старуха.—Теперь ты будешь ходить по блестящему паркету, да мягкимъ коврамъ! Ихъ нѣтъ у бѣдной Доменики, но ты былъ добрымъ мальчикомъ, останешься имъ и никогда не забудешь ни меня, ни бѣднаго Бенедетто! Господи, подумать только, что теперь тебя можетъ еще осчастливить блюдо жаренихъ каштановъ! Ты можешь еще забавляться, играя на дудочкѣ изъ тростинки, и глаза твои свѣтятся радостью небесною, глядя какъ жарятся на камышѣ каштаны! Потомъ ты никогда уже не будешь такъ радоваться всякой бездѣлицѣ. Репейникъ Кампаньи цвѣтетъ всетаки красными цвѣтами, а на блестящемъ полу въ богатыхъ покояхъ не растетъ и соломинки, на немъ легко поскользнуться! Не забывай никогда, что ты изъ бѣдной семьи, мой милый Антоніо! Помни, что ты долженъ и видѣть, и не видѣть, и слышать, и не слышать! Вотъ какъ приведется тебѣ пробивать себѣ дорогу! Когда Господь призоветъ къ себѣ насъ съ Бенедетто, когда ребенокъ, котораго ты качалъ въ люлькѣ, будетъ мыкать жизнь бѣднымъ крестьяниномъ въ Кампаньѣ, ты, можетъ быть, пріѣдешь когда-нибудь въ богатой каретѣ или верхомъ на великолѣпномъ конѣ взглянуть на старую гробницу, гдѣ ты спалъ, игралъ и жилъ съ нами, и увидишь, что въ ней живутъ чужіе люди, которые низко поклонятся тебѣ! Но ты не возгордишься! Ты вспомнишь прежніе дни, старую Доменику, жареные каштаны и ребенка, котораго ты баюкалъ, вспомнишь свое собственное, бѣдное дѣтство,—у тебя, вѣдь, золотое сердце, мой Антоніо!—Тутъ она крѣпко поцѣловала меня и заплакала. Сердце мое готово было разорваться. Этотъ обратный путь домой и ея рѣчи были для меня тяжелѣе самой разлуки. Тогда Доме-

ника ужъ ничего не говорила, а только плакала. Когда же мы вышли изъ дому, она вдругъ вернулась назадъ, сорвала съ дверей старый закоптѣлый образокъ Мадонны и отдала его мнѣ: я, вѣдь, такъ часто цѣловалъ его, и ей больше нечего было дать мнѣ!

Школьная жизнь. Аббасъ Дада. «Divina commédia». Племянникъ сенатора.

Синьора уѣхала съ мужемъ во Флоренцію, а меня водворили въ Іезуитскую коллегію. У меня появились новыя занятія, новыя знакомства. драма моей жизни начала развиваться. Тутъ цѣлые годы какъ будто сокращаются въ одинъ годъ, каждый часъ богатъ содержаніемъ; это цѣлый рядъ картинъ, которыя теперь, при взглядѣ на нихъ издалека. сливаются въ одну общую картину моей школьной жизни. Какъ для путешественника, въ первый разъ поднявшагося на Альпы, открывается и выступаетъ изъ мало-по-малу разсѣевающагося тумана то вершина горы, съ городами и селеніями, то освѣщенная солнцемъ часть долины, такъ открывался, выступалъ и росъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ Божій міръ. Изъ-за горъ, окружавшихъ Кампанью, мало-по-малу выступали страны и города, которые мнѣ прежде и во снѣ не снились; исторія населяла каждое мѣстечко, пѣла мнѣ диковинныя преданія и сказанія; каждый цвѣтокъ, каждое растеніе получали для меня значеніе, но прекраснѣе всего казалось мнѣ мое отечество, чудная Италія. Я гордился тѣмъ. что родился римляниномъ: каждая пядь земли въ моемъ родномъ городѣ была мнѣ дорога и интересна; вершины колоннъ, служившія краеугольными камнями домовъ въ узкихъ улицахъ, были для меня священными памятниками, колоссами Мемнона, пѣвшими моему сердцу чудныя пѣсни. Тростникъ Тибра шепталъ мнѣ о Ромулѣ и Ремѣ; тріумфальныя арки, колонны и статуи укрѣпляли въ моей памяти исторію отчизны. Я жилъ душою во временахъ классической древности, и современники, въ лицѣ моего учителя исторіи, хвалили меня за это.

Въ каждомъ обществѣ—въ кругу дипломатовъ и въ кругу духовныхъ лицъ, въ веселой компаніи, собравшейся въ простой харчевнѣ, и въ знатномъ обществѣ, убивающемъ время за картежными столами—всюду бываетъ свой арлекинъ. Въ школахъ арлекины водятся и подавно. Молодые глаза легко отыскиваютъ себѣ мишень для насмѣшекъ! У насъ тоже былъ свой арлекинъ, да еще получше всякаго другого: самый серьезный, ворчливый, педантичный, и тѣмъ болѣе забавный. Это былъ аббатъ Аббасъ Дада, арабскій отпрыскъ, пересаженный на папскую почву еще въ юности, нынѣ руководитель и просвѣтитель нашего вкуса, свѣточъ Іезуитской коллегіи и даже самой академіи Tiberina.

Взрослымъ я много размышлялъ о поэзіи, объ этомъ удивительномъ дарѣ боговъ. Она представляется мнѣ богатою золотою рудою въ горѣ; образованіе и воспитаніе—вотъ искусные рудокопы, которые очищаютъ ее; попадаются, впрочемъ, въ горахъ и чисто золотые самородки; это—лирическія импровизаціи природнаго поэта. Но кромѣ золотыхъ и серебряныхъ рудъ, есть также и свинцовыя и другія менѣе цѣнныя, которыми тоже не слѣдуетъ пренебрегать: благодаря искусной обработкѣ и полировкѣ и простые металлы могутъ пріобрѣсть видъ и блескъ настоящаго золота или серебра. Я поэтому дѣлю всѣхъ поэтовъ на золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ. Но есть еще цѣлая толпа мастеровъ, занимающихся разработкою простыхъ глиняныхъ пластовъ; это—не-поэты, которымъ, однако, очень хочется попасть въ сонмъ поэтовъ. Къ такимъ-то вотъ и принадлежалъ Аббасъ Дада; его искусства какъ-разъ хватало только на лѣпку своего рода глиняныхъ горшковъ, которые онъ съ извѣстною поэтическою вольностью и разбивалъ о людей, далеко превосходившихъ его самого и глубиною чувства, и поэтическимъ дарованіемъ. Легкіе, гибкіе стихи, крайне вычурные по формѣ, образовывавшія на бумагѣ разныя вазы, сердечки и т. п.—вотъ что плѣняло и восхищало его. Поэтому пристрастіе его къ Петраркѣ приходится объяснить или дивною мелодіею сонетовъ послѣдняго, или модой, или просто, наконецъ, свѣтлою маніей его больного мозга; вообще же Петрарка и Аббасъ Дада были два наиболѣе разнородныхъ существа. Аббасъ Дада заставилъ насъ выучить наизусть чуть-ли не четвертую часть длинной эпической поэмы Петрарки «Африка», и Сципіоны стоили намъ многихъ слезъ и розогъ. Кромѣ того, онъ ежедневно восхвалялъ намъ основательность и глубину Петрарки. «Поверхностные же поэты», говорилъ онъ: «пишущіе акварелью, эти дѣти фантазіи—настоящее отродіе соблазна. Даже величайшій изъ нихъ, Данте, не могъ стяжать себѣ безсмертія иначе, какъ призвавъ на помощь и небо, и землю, и адъ, тогда какъ Петраркѣ довольно было написать одинъ маленькій сонетъ! И на мой взглядъ Данте весьма и весьма неважный поэтъ! Конечно, онъ мастеръ писать стихи! И эти-то волны звуковъ и доносятъ его Вавилонскую башню до отдаленнѣйшихъ поколѣній. Да, если бы еще онъ выполнилъ свой первоначальный планъ, написалъ всю поэму по-латыни, этимъ онъ доказалъ бы хоть свою ученость, но латинскій языкъ стѣснялъ его, и онъ предпочелъ ему наше вульгарное нарѣчіе, которое держится и по-нынѣ. Боккачіо сравниваетъ Данте съ потокомъ, по которому и левъ проплыветъ, и ягненокъ пройдетъ въ бродъ. Я же не нахожу въ немъ ни этой глубины, ни этой простоты. У него нѣтъ надлежащаго устоя; онъ вѣчно колеблется между древнимъ міромъ и нашимъ. А вотъ, Петрарка, этотъ апостолъ правды, такъ не сажалъ умершаго

папу или императора въ адъ, чтобы доказать этимъ свою храбрость! Онъ былъ для своего времени все равно, что хоръ для греческой трагедіи, выступалъ, какъ своего рода Кассандра, предостерегая и порицая какъ папъ, такъ и князей. Онъ осмѣлился сказать Карлу IV въ лицо: «По тебѣ видно, что добродѣтель не наслѣдственна!» Когда же Римъ и Парижъ хотѣли вѣнчать его лаврами, онъ съ благороднымъ сознаніемъ своего достоинства обратился къ своимъ современникамъ за подтвержденіемъ того, что онъ дѣйствительно достоинъ такой чести, и въ продолженіи трехъ дней позволилъ экзаменовать себя, какъ школьника, прежде чѣмъ вступилъ въ Капитолій, гдѣ король Неаполитанскій надѣлъ на него пурпуровую тогу, а Римскій сенатъ увѣнчалъ лаврами, которыхъ не дождался Данте!»

Такимъ образомъ Аббасъ Дада вѣчно билъ на то, чтобы вознести Петрарку и унизить Данте, между тѣмъ, какъ оба эти поэта достойны стоять рядомъ, какъ душистая фіалка и пышно-цвѣтущій розовый кустъ. Мы должны были выучить наизусть всѣ сонеты Петрарки, изъ Данте же не прочли ни одной строчки, и только изъ порицаній Аббаса Дада я узналъ, что Данте затронулъ въ своей поэмѣ и рай, и чистилище, и адъ, три стихіи, особенно увлекавшія меня и возбуждавшія во мнѣ пламенное желаніе познакомиться съ твореніемъ Данте хотя бы тайкомъ: Аббасъ Дада никогда не простилъ бы мнѣ прикосновенія къ этому запретному плоду!

Однажды, бродя по площади Навоне между грудами апельсиновъ, разбросанными по землѣ обломками стараго желѣза, старыми платьями и другимъ хламомъ, я наткнулся на столикъ букиниста, заваленный старыми книгами и картинами. Тутъ были разложены и каррикатуры на обжоръ, уплетающихъ макароны, и изображенія Мадонны съ сердцемъ, пронзеннымъ мечомъ, и другіе крайне разнообразные предметы. Вниманіе мое привлекъ томъ Метастазіо; въ карманѣ у меня былъ одинъ паоло *), послѣдній остатокъ карманныхъ денегъ, данныхъ мнѣ полгода тому назадъ Eccellenza. Для меня паоло было теперь цѣлымъ богатствомъ, и я готовъ былъ поступиться изъ него развѣ нѣсколькими байоко. Наконецъ, я почти уже сторговалъ Метастазіо, какъ вдругъ увидалъ заглавіе другой книги: «Divina commédia di Dante!» Запретный плодъ съ древа познанія добра и зла! Я бросилъ Метастазіо и схватился за «Комедію», но она оказалась мнѣ не по карману: за нее требовали три паоло! Я повертывалъ свое паоло въ рукахъ, оно просто жгло мнѣ руки, но удвоиться никакъ не хотѣло, а между тѣмъ, рѣшительная цѣна книги была объявлена—два паоло! Это была, вѣдь, лучшая итальянская книга, первое

*) Итальянское скудо равняется десяти паоло, а паоло десяти байоко.

поэтическое произведеніе въ мірѣ, — сказалъ продавецъ и принялся изливать потоки краснорѣчія, распинаясь за униженнаго Аббасомъ Дада Данте.

— Каждая страница стоитъ проповѣди!—говорилъ онъ.—Это пророкъ Божій, который черезъ пламень ада ведетъ васъ въ вѣчный рай! Вы не знаете его, молодой синьоръ, не то вы сейчасъ же ударили бы по рукамъ, хоть бы я запросилъ за него цѣлое скудо! Подумайте, вы на всю жизнь пріобрѣтете себѣ такую книгу, лучшее произведеніе своего отечества, и всего за два жалкихъ паоло!

Ахъ, я бы охотно отдалъ и три, будь они только у меня, но теперь я, какъ лисица, для которой виноградъ киселъ, захотѣлъ показать свою ученость и пустилъ въ ходъ грозныя филиппики Аббаса Дада противъ Данте, превознося въ то же время Петрарку.

Но букинистъ съ жаромъ и увлеченіемъ отпарировалъ мои нападки на его любимаго поэта и затѣмъ прибавилъ:—Да, да! Вы еще слишкомъ юны, а я слишкомъ невѣжественъ, чтобы намъ съ вами судить такихъ людей. Пусть каждый будетъ хорошъ по своему! Къ тому же вы не читали Данте! Не могли читать! Юная, горячая душа не можетъ изливать желчь на мірового генія!

Я честно сознался, что мое сужденіе основано единственно на отзывахъ моего учителя; тогда продавецъ, въ припадкѣ увлеченія своимъ любимымъ поэтомъ, сунулъ мнѣ въ руки книгу и попросилъ въ вознагражденіе за недоплаченный ему паоло одного—прочесть и не осуждать гордость Италіи, его дорогого, божественнаго Данте!

Какъ же я былъ счастливъ! Книга была теперь моею собственностью, моею вѣчною собственностью! Я всегда недовѣрялъ осужденію ея желчнымъ Аббасомъ Дада, а теперь любопытство мое еще болѣе было подзадорено восторженными похвалами букиниста, и я едва-едва дождался минуты, когда наконецъ могъ втихомолку приняться за чтеніе.

Съ этой минуты для меня началась новая жизнь! Мое воображеніе открыло въ Данте новую Америку съ величественною, роскошною природою, превосходящею все, что я зналъ доселѣ. Какія могучія скалы, какія яркія краски представились мнѣ! Я самъ переживалъ все, страдалъ и наслаждался вмѣстѣ съ безсмертнымъ пѣвцомъ, странствовалъ вмѣстѣ съ нимъ по аду, и въ ушахъ у меня безпрерывно раздавалась, словно гласъ трубный, надпись надъ вратами ада:

Здѣсь мною входятъ въ скорбный градъ къ мученьямъ,
Здѣсь мною входятъ къ мукѣ вѣковой,
Здѣсь мною входятъ къ падшимъ поколѣньямъ.
Подвигнутъ правдой вѣчный Зодчій мой.

Господня сила, разумъ всемогущій
И первыя любови духъ святой
Меня создали прежде твари сущей,
Но послѣ вѣчныхъ, и мнѣ вѣка нѣтъ.
Оставь надежду, всякъ, сюда идущій! *)

Я видѣлъ этотъ воздухъ, вѣчно черный, какъ песокъ пустыни, крутимый вихремъ, видѣлъ, какъ опадало сѣмя Адама, словно листья осенью, слышалъ, какъ стонали въ воздушномъ пространствѣ скорбящіе духи. Я оплакивалъ великихъ подвижниковъ мысли, обрѣтавшихся здѣсь за то только, что они не были христіанами. Гомеръ, Сократъ, Брутъ, Виргилій и другіе лучшіе, благороднѣйшіе представители древности, были навсегда удалены отъ рая. Меня не удовлетворяло то, что Данте устроилъ ихъ здѣсь такъ уютно и хорошо, какъ только можетъ быть въ аду,—все же существованіе ихъ было безнадежною тоской, скорбью безъ мученій, все же они принадлежали къ тому же царству проклятыхъ, которые заключены въ глубокихъ адскихъ болотахъ, гдѣ вздохи ихъ всплываютъ пузырями, полными яда и заразительныхъ испареній. Почему Христосъ, спустившись въ адъ и затѣмъ снова воспаривши въ обитель Отца Небеснаго, не могъ взять изъ этой долины скорби всѣхъ? Развѣ любовь могла выбирать между равно несчастными? Я совсѣмъ забывалъ, что все это было только плодомъ поэтическаго творчества. Вздохи, раздававшіеся изъ смоляного котла, доходили до моего сердца; я видѣлъ сонмъ симонистовъ, выплывавшихъ на поверхность, гдѣ ихъ кололи острыми вилами демоны. Исполненныя жизни описанія Данте глубоко врѣзывались въ мою душу, мѣшались днемъ съ моими думами, ночью—съ моими грезами. По ночамъ часто слышали, какъ я кричалъ во снѣ: «Pape Satan, alepp Satan pape!» и думали, что меня мучитъ лукавый, а это я бредилъ прочитаннымъ. Во время классовъ я былъ разсѣянъ; тысячи мыслей занимали мой умъ, и при всемъ своемъ добромъ желаніи я не могъ отдѣлаться отъ нихъ. «Гдѣ ты витаешь, Антоніо?» спрашивали меня, и меня охватывали страхъ и стыдъ: я зналъ—гдѣ, но разстаться съ Данте, прежде чѣмъ пройду съ нимъ весь путь, не могъ.

День казался мнѣ невыносимо длиннымъ и тяжелымъ, какъ вызолоченные свинцовые колпаки, которые должны были носить въ аду лицемѣры. Съ трепетомъ крался я къ запрещенному плоду и упивался ужасными видѣніями, казнившими меня за мои воображаемые грѣхи. Я самъ чувствовалъ ужаленіе адскихъ змѣй, кружащихся въ пламени, откуда онѣ возрождаются, какъ фениксы, и изливаютъ свой ядъ.

*) Переводъ Дмитрія Мина.

Другіе воспитанники, спавшіе въ одной комнатѣ со мною, часто просыпались по ночамъ отъ моихъ криковъ и разсказывали о моихъ странныхъ безсвязныхъ рѣчахъ объ адѣ и грѣшникахъ. Старый же дядька увидѣлъ однажды утромъ, къ великому своему ужасу, что я, съ открытыми глазами, но во снѣ, приподнялся на кровати, называя сатану, началъ бороться съ нимъ и, наконецъ, обезсиленный упалъ на подушки.

Тутъ ужъ всѣ убѣдились, что меня мучилъ лукавый, постель мою окропили святою водой, а меня ежедневно передъ отходомъ ко сну заставляли читать установленное число молитвъ. Ничто не могло вреднѣе отзываться на моемъ здоровьѣ: моя кровь волновалась еще сильнѣе, самъ я приходилъ въ еще болѣе нервное возбужденіе,—я, вѣдь, зналъ причину своего волненія и видѣлъ, какъ обнаруживаю ее. Наконецъ, насталъ кризисъ, и буря улеглась.

Первымъ по способностямъ и по знатности происхожденія былъ между нами, воспитанниками, Бернардо, жизнерадостный, почти черезчуръ рѣзвый юноша. Его ежедневною забавой было садиться верхомъ на выдававшійся надъ четвертымъ этажемъ строенія водосточный жолобъ или балансировать на доскѣ, перекинутой подъ самою крышей изъ одного углового окна въ другое. Всѣ шалости, случавшіяся въ нашемъ маленькомъ школьномъ царствѣ, приписывались ему и почти всегда справедливо. У насъ старались ввести монастырскую дисциплину и спокойствіе, но Бернардо игралъ роль духа возмущенія и разрушенія. Злыхъ шалостей онъ, впрочемъ, себѣ не позволялъ, развѣ только по отношенію къ педанту Аббасу Дада; между ними поэтому всегда были довольно натянутыя отношенія, но Бернардо это обстоятельство ничуть не безпокоило: онъ былъ племянникъ римскаго сенатора, очень богатъ, и его ожидала блестящая будущность. «Счастье»,—говаривалъ Аббасъ Дада: «часто бросаетъ свои перлы въ гнилые чурбаны и обходитъ стройныя пиніи!»

У Бернардо были свои опредѣленныя мнѣнія обо всемъ, и если товарищи не желали признавать ихъ, то онъ прибѣгалъ къ помощи кулаковъ, и ими ужъ вбивалъ въ спины безтолковыхъ свои молодыя, зеленыя идеи. Побѣда, такимъ образомъ, всегда оставалась за нимъ. Несмотря на несходство нашихъ натуръ, между нами установились наилучшія отношенія. Я всегда уступалъ ему во всемъ, но это-то именно и давало ему поводъ къ насмѣшкамъ надо мною.

— Антоніо!—говорилъ онъ.—Я бы побилъ тебя, если бы зналъ, что это хоть немножко расшевелитъ въ тебѣ желчь. Хоть бы разъ ты выказалъ характеръ! Ударь ты меня кулакомъ въ лицо за мои насмѣшки надъ тобою, я бы сталъ твоимъ вѣрнѣйшимъ другомъ, но такъ я просто отчаиваюсь въ тебѣ!

Однажды утромъ, когда мы остались съ нимъ одни въ залѣ, онъ

усѣлся на столъ передо мною, насмѣшливо поглядѣлъ мнѣ прямо въ глаза и сказалъ:—Ты, однако, и меня перещеголялъ, плутъ этакій, — превосходно играешь комедію! А они-то кропятъ его постель святою водою, окуриваютъ его ладономъ! Ты думаешь, я не знаю, въ чемъ дѣло? Ты читалъ Данте!

Я вспыхнулъ и спросилъ, какъ онъ можетъ обвинять меня въ подобномъ.

— Да ты самъ описалъ сегодня ночью дьявола точь-въ-точь, какъ онъ описанъ въ «Divina commédia»! Разсказать тебѣ, что-ли, исторію? У тебя, вѣдь, богатая фантазія, и тебѣ это должно быть по вкусу! Въ аду, какъ ты самъ знаешь изъ поэмы Данте, есть не только огненныя озера и отравленныя болота, но и большіе замершіе пруды, гдѣ души навѣкъ заморожены во льду. Миновавъ ихъ, приходишь къ глубочайшей безднѣ, гдѣ находятся измѣнники и предатели своихъ благодѣтелей; между ними и Люциферъ, какъ возставшій противъ Бога, нашего величайшаго благодѣтеля. Онъ стоитъ во льду по самую грудь, и держитъ въ разинутой пасти Брута, Кассія и Іуду Искаріота; голова Іуды находится въ самой глубинѣ ея. Ужасный Люциферъ стоитъ и машетъ крыльями, словно чудовищная летучая мышь! Такъ вотъ, дружокъ мой, разъ увидѣвъ такого молодца, не такъ-то скоро его позабудешь! Познакомился же я съ нимъ въ Дантовскомъ аду. И вотъ, сегодня ночью ты описалъ его со всѣми мельчайшими подробностями, и я сказалъ тебѣ тогда, какъ и теперь: «Ты читалъ Данте!» Но ты-то тогда былъ чистосердечнѣе, чѣмъ теперь! Ты зашикалъ и произнесъ имя нашего любезнаго Аббаса Дада! Ну, сознайся же мнѣ и теперь! Я не выдамъ тебя! Наконецъ-то и ты заявилъ себя молодцомъ! Недаромъ же я все еще не терялъ надежды на тебя! Но откуда ты досталъ книгу? Я бы могъ дать ее тебѣ! Я пріобрѣлъ ее, какъ только услышалъ брань Аббаса Дада: я сразу смекнулъ, что ее стоитъ прочесть! Два толстенныхъ тома напугали было меня, но я всетаки взялся за нихъ на зло Аббасу Дада и вотъ теперь перечитываю ихъ въ третій разъ. Не правда-ли, адъ превосходенъ? Какъ ты думаешь, куда угодитъ нашъ Аббасъ Дада? Его, пожалуй, доймутъ и жаромъ, и холодомъ!

Итакъ, въ мою тайну проникли, но я зналъ, что могъ положиться на скромность Бернардо. Съ тѣхъ поръ между нами установились еще болѣе тѣсныя дружескія отношенія; всѣ наши разговоры наединѣ вертѣлись на одномъ—«Divina commédia». Я былъ отъ нея въ восторгѣ, и чувствамъ моимъ нуженъ былъ исходъ,—Данте и его безсмертное произведеніе и дали мнѣ тему для перваго моего стихотворенія, которое я занесъ на бумагу.

Въ предисловіи къ «Divina commédia» находилась біографія Данте, конечно, краткая, но съ меня было довольно и этого. И вотъ, я воспѣлъ поэта и его возлюбленную Беатриче, его чистую духовную любовь, его

страданія во время борьбы Черныхъ и Бѣлыхъ, его изгнаніе, странствованія и смерть на чужбинѣ. Живѣе же всего описалъ я полетъ освобожденной души Данте, взиравшей съ высоты на землю и ея пропасти. Для этого описанія я воспользовался кое-какими чертами изъ его же безсмертнаго творенія: я описывалъ, какъ чистилище (такое, какимъ описывалъ его самъ Данте) открылось, какъ показалось чудесное дерево, обремененное великолѣпными плодами и орошаемое вѣчно-шумящимъ водопадомъ, какъ самъ Данте несся въ челнокѣ, окрыленномъ вмѣсто парусовъ большими бѣлыми крылами ангеловъ, какъ содрогались окружающія горы и какъ очистившіяся души возносились на небо, гдѣ и солнце, и всѣ ангелы служили только какъ бы зеркалами, отражавшими сіяніе вѣчнаго Бога, гдѣ всѣ одинаково блаженны: каждая душа, какую бы ступень— высшую или низшую ни занимала, вмѣщала въ себѣ столько блаженства, сколько въ силахъ была вмѣстить.

Бернардо прослушалъ мое стихотвореніе и призналъ его мастерскимъ.

— Антоніо!—сказалъ онъ.—Прочти его на празднествѣ! То-то разозлится Аббасъ Дада! Чудо! Да, да, непремѣнно прочти это, а не что-нибудь другое!

Я отрицательно покачалъ головой.

— Что же?—продолжалъ онъ.—Ты не хочешь! Такъ я прочту! Ужъ накажу же я Аббаса Дада за безсмертнаго Данте! Милый Антоніо, отдай мнѣ твои стихи! Я прочту ихъ! Но тогда надо выдать ихъ за мои! Ну, откажись же отъ своихъ великолѣпныхъ перьевъ и укрась ими галку! Ты, вѣдь, такой услужливый, а тутъ тебѣ какъ-разъ представляется случай заявить себя съ самой лучшей стороны! Ты, вѣдь, согласенъ, да?

Мнѣ самому такъ хотѣлось услужить ему и сыграть эту штуку съ Аббасомъ Дада, что меня не пришлось долго уговаривать.

Въ то время въ Іезуитской коллегіи существовалъ еще обычай, который и донынѣ соблюдается въ Пропаганда *): 13-го января—«in onore dei sancti re magi»—большинство воспитанниковъ публично декламировали свои собственныя стихотворенія на одномъ изъ преподававшихся въ заведеніи иностранныхъ языковъ или на своемъ родномъ. Тему мы избирали сами, но затѣмъ она проходила черезъ цензуру нашихъ учителей, отъ которыхъ уже и зависѣло разрѣшить намъ разработку ея.

— А вы, Бернардо,—сказалъ ему Аббасъ Дада въ день выбора темъ:—

*) Въ 1622 г. Григоріемъ XV основана въ Римѣ „конгрегація для пропаганды вѣры“ изъ кардиналовъ и прелатовъ для распространенія римско-католическаго вѣроисповѣданія и уничтоженія ересей. Съ нею соединено основанное Урбаномъ VI „Collegium Sen Seminarium de propaganda fide“—учрежденіе для образованія миссіонеровъ.

Примѣч. перев.

конечно, ничего не выбрали? Вы не принадлежите къ числу пѣвчихъ птицъ! Васъ можно пропустить.

— О, нѣтъ!—послѣдовалъ отвѣтъ.—На этотъ разъ и я осмѣлюсь выступить! Мнѣ вздумалось воспѣть одного изъ нашихъ поэтовъ, конечно, не изъ самыхъ великихъ,—на это я не рѣшаюсь—но я остановился на одномъ изъ менѣе выдающихся, на Данте!

— Эге!—отозвался Аббасъ Дада.—Онъ тоже собирается выступить, да еще съ Данте! То-то выйдетъ шедёвръ! Послушалъ бы я его! Но такъ какъ на торжество соберутся всѣ кардиналы и иностранцы со всѣхъ концовъ свѣта, то лучше будетъ отложить эту потѣху до карнавала!— И онъ пропустилъ въ спискѣ Бернардо, но этотъ не такъ-то легко позволилъ себя похерить и добился позволенія отъ другихъ учителей. Итакъ, каждый выбралъ себѣ тему; я рѣшилъ воспѣть красоту Италіи.

Каждый, конечно, долженъ былъ разработать свою тему самъ, но ничѣмъ нельзя было такъ подкупить Аббаса Дада и вызвать что-то вродѣ солнечнаго луча на его пасмурномъ лицѣ, какъ представивъ ему свои стихи на просмотръ и попросивъ у него совѣта и помощи. Обыкновенно онъ и передѣлывалъ все стихотвореніе сплошь: тамъ вставитъ заплатку, тамъ поправитъ—глядь, стихотвореніе-то хоть и осталось попрежнему плохимъ, да зато на другой ладъ. Случись же кому-нибудь изъ постороннихъ похвалить стихотвореніе, Аббасъ Дада умѣлъ дать понять, что это онъ украсилъ стихи блестками своего остроумія, сгладилъ шороховатости и т. д.

Моего стихотворенія о Данте, которое Бернардо собирался выдать за свое, Аббасу Дада, конечно, не пришлось просматривать.

День насталъ. Къ воротамъ то и дѣло подъѣзжали экипажи; старые кардиналы въ красныхъ плащахъ съ длинными шлейфами входили и занимали мѣста въ роскошныхъ креслахъ; всѣмъ были розданы афиши съ нашими именами и обозначеніемъ языковъ, на какихъ будутъ произнесены стихотворенія. Аббасъ Дада сказалъ вступительную рѣчь, и затѣмъ началось декламированье стихотвореній на сирійскомъ, халдейскомъ, коптскомъ, даже на санскритскомъ, англійскомъ и другихъ рѣдкостныхъ языкахъ. Чѣмъ удивительнѣе и незнакомѣе былъ языкъ, тѣмъ сильнѣе раздавались рукоплесканія и крики браво вперемежку съ искреннимъ смѣхомъ.

Съ трепетомъ выступилъ я и продекламировалъ нѣсколько строфъ въ честь Италіи. Дружнымъ «браво» привѣтствовало ихъ все собраніе; старые кардиналы рукоплескали, а Аббасъ Дада улыбался такъ ласково, какъ только могъ, и пророчески вертѣлъ въ рукахъ лавровый вѣнокъ,— изъ итальянскихъ стихотвореній оставалось непрочитаннымъ только произведеніе Бернардо, да одно англійское, которое тоже наврядъ-ли могло разсчитывать на награду. Но вотъ, на каѳедру взошелъ Бернардо. Я съ

безпокойствомъ слѣдилъ за нимъ и взоромъ, и слухомъ. Смѣло и гордо началъ онъ декламировать мои стихи о Данте; въ залѣ воцарилось глубокое молчанье. Всѣ, казалось, были поражены удивительною силою его декламаціи. Я самъ зналъ каждое словечко, и всетаки мнѣ казалось, что я слышу крылатую пѣснь поэта, несущуюся къ небу. Когда Бернардо кончилъ, его привѣтствовалъ взрывъ восторга. Кардиналы встали съ мѣстъ, какъ будто все ужъ было кончено; вѣнокъ былъ присужденъ Бернардо; слѣдующее стихотвореніе прослушали только ради порядка, поапплодировали чтецу, и затѣмъ всѣ опять принялись восхищаться красотой и вдохновенностью стихотворенія о Данте.

Щеки мои горѣли, какъ огонь, грудь волновалась, я не помнилъ себя отъ радости, душа моя упивалась фиміамомъ, который воскуряли Бернардо. Но, взглянувъ на него, я замѣтилъ, что на немъ лица нѣтъ: онъ стоялъ, смертельно блѣдный, съ опущенными глазами, похожій на преступника, это онъ-то, онъ, всегда такъ смѣло глядѣвшій въ глаза всѣмъ! Аббасъ Дада тоже представлялъ жалкую фигуру и, казалось, собирался разорвать вѣнокъ. Но одинъ изъ кардиналовъ взялъ его и возложилъ на голову Бернардо, который преклонилъ колѣни, закрывая лицо руками.

Когда празднество окончилось, я отыскалъ Бернардо, но онъ крикнулъ мнѣ: «завтра! завтра!» и вырвался отъ меня.

На слѣдующій день я замѣтилъ, что онъ просто избѣгаетъ меня; меня это огорчило,—я искренно привязался къ нему; душа моя искала привязанности и избрала предметомъ ея Бернардо.

Прошло два вечера; на третій онъ бросился ко мнѣ на шею, пожалъ мнѣ руку и сказалъ:—Антоніо! Надо мнѣ объясниться съ тобой,—я не могу больше терпѣть! Да и не хочу! Вѣнокъ, который возложили на меня, кололъ мою голову точно терновый! Похвалы звучали насмѣшкой! Тебѣ, вѣдь, принадлежала вся честь! Я видѣлъ, что твои глаза блестѣли радостью, и знаешь? Я возненавидѣлъ тебя! Да, я отношусь къ тебѣ уже не попрежнему. Это дурно, и я прошу у тебя прощенія! Но мы должны разстаться! Тутъ мнѣ вообще не житье! Я хочу вырваться отсюда! Не хочу на будущій годъ, когда чужія перья уже не будутъ украшать меня, служить посмѣшищемъ для другихъ! Дядя пристроитъ меня. Онъ долженъ это сдѣлать! Я уже объявилъ ему свое желаніе! Я даже унизился до просьбы! И... и мнѣ сдается, что во всемъ виноватъ ты! Я ожесточенъ противъ тебя, и это меня мучитъ!.. Только при иныхъ обстоятельствахъ можемъ мы опять стать друзьями!.. И мы будемъ друзьями, обѣщай мнѣ это, Антоніо!

— Ты несправедливъ ко мнѣ!—сказалъ я.—Несправедливъ и къ самому себѣ. Бросимъ и думать объ этихъ дурацкихъ стихахъ и обо всей

этой исторіи! Дай мнѣ руку, Бернардо, и не огорчай меня такими странными словами!

— Мы навсегда останемся друзьями!—сказалъ онъ и ушелъ.

Вернулся онъ въ коллегію только поздно вечеромъ и прямо прошелъ въ спальню, а на слѣдующее утро всѣ узнали, что онъ выходитъ изъ школы, избираетъ другую дорогу!

— Онъ промелькнулъ, какъ метеоръ! —иронически говорилъ о немъ Аббасъ Дада.—Блеснулъ и исчезъ! И онъ самъ, и стихотвореніе его—одинъ пустой трескъ! Я нарочно сохранилъ это сокровище! Но что оно такое въ сущности, если разобрать его хорошенько? Пресвятая Мадонна! Развѣ это поэзія! Вертится себѣ вокругъ да около—ни формы, ни образности! Сперва я было думалъ, что оно изображаетъ вазу, потомъ—французскую рюмку, или мидійскую саблю, но какъ ни вертѣлъ, какъ ни поворачивалъ его, выходила все та же безсмысленная форма реестра! Въ трехъ мѣстахъ у него встрѣчается лишній слогъ, попадаются ужаснѣйшія «зіянія» и двадцать пять разъ повторяется слово «divina», какъ будто черезъ это и само стихотвореніе можетъ стать «divina»! Чувство, чувство! Не оно показываетъ истиннаго поэта! Что значитъ и вся эта игра воображенія? Одно метаніе туда и сюда! Сила и не въ мысли даже, а въ разсудочности, уравновѣшенности, въ золотой уравновѣшенности! Поэтъ не долженъ увлекаться своею темою! Онъ долженъ оставаться холоднымъ, какъ ледъ; онъ долженъ разсѣчь свое дѣтище на части и каждую часть разсмотрѣть отдѣльно! Только такимъ образомъ можно создать истинно художественное произведеніе! Вся же эта горячка, скороспѣлость и восторженность—ни къ чему! И этакого-то мальчишку вѣнчаютъ лаврами! Розгами бы его слѣдовало за его историческіе промахи, за «зіянія» и за убожество формы!.. Я, однако, разсердился, а мнѣ это вредно! Противный Бернардо!

Вотъ приблизительно какою похвальною рѣчью почтилъ Аббасъ Дада Бернардо.

Пріятная и непріятная встрѣчи. Маленькая игуменья. Старый еврей.

Всѣмъ намъ недоставало веселаго сорви-головы Бернардо, но никто не скучалъ о немъ больше меня. Я ощущалъ вокругъ себя какую-то пустоту; однѣхъ книгъ мнѣ было мало; гармонія моей души разстроилась, я не могъ совладать съ ея диссонансами. Одна музыка еще умиротворяла меня на мгновенія: уносясь въ этотъ міръ звуковъ, я опять ясно сознавалъ и смыслъ, и цѣль моей жизни; звуки дѣйствовали на меня сильнѣе, нежели какой бы то ни былъ поэтъ, даже самъ Данте. Они давали

пищу не только мысли и чувству, но и слуху, и я лучше постигалъ заключавшіеся въ нихъ духовные образы. Въ звукахъ молитвы, которую пѣли каждый вечеръ передъ образомъ Мадонны дѣти, воскресало передо мною мое собственное дѣтство; въ заунывныхъ звукахъ пастушеской волынки слышалась мнѣ колыбельная пѣсня; монотонное пѣніе закутанныхъ лицъ, сопровождавшихъ какое нибудь погребальное шествіе, напоминало мнѣ похороны моей матери. Я начиналъ размышлять о прошедшемъ и будущемъ, сердце мое какъ-то странно сжималось, мнѣ хотѣлось пѣть, старыя мелодіи такъ и звучали у меня въ ушахъ, и слова громко, даже черезчуръ громко лились изъ моихъ устъ. Пѣніе мое безпокоило Аббаса Дада, хотя онъ и занималъ довольно отдаленную комнату, и онъ приказывалъ передать мнѣ, что тутъ не опера и не школа пѣнія, что въ Іезуитской коллегіи не желаютъ слышать никакихъ арій, кромѣ тѣхъ, что раздаются въ честь Мадонны. И вотъ, мнѣ приходилось молчать. Молчаливый и грустный стоялъ я разъ, прислонившись головой къ косяку окна, устремивъ взоръ на улицу, и думая свою думу. «Fellissima notte, Antonio!» («Счастливой ночи, Антоніо!») вдругъ донеслось до меня съ улицы. Подъ окномъ гарцовалъ всадникъ на прекрасномъ борзомъ конѣ; продѣлавъ нѣсколько смѣлыхъ эволюцій, онъ далъ коню шпоры и помчался дальше. На немъ былъ мундиръ офицера папской гвардіи; ловко и гибко поворачивался онъ на лошади, кланяясь мнѣ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не скрылся изъ виду. Я узналъ его; это былъ Бернардо, счастливый Бернардо! Какъ не похожа его жизнь на мою! Нѣтъ, прочь эти мысли! Я надвинулъ шляпу на лобъ и, словно преслѣдуемый злымъ духомъ, пустился куда глаза глядятъ. Я совсѣмъ и забылъ правило, воспрещавшее воспитанникамъ Іезуитской коллегіи, Пропаганды и другихъ учебныхъ заведеній папской столицы, показываться на улицѣ безъ провожатаго—старшаго товарища или хоть ровесника. Для одинокой прогулки требовалось спеціальное разрѣшеніе. Намъ, впрочемъ, какъ-то не внушали этого правила, такъ что я и не подозрѣвалъ ни о какомъ ограниченіи моей свободы и спокойно вышелъ за ворота. Старый дядька пропустилъ меня, полагая, вѣроятно, что я имѣю на то разрѣшеніе.

На Корсо тѣснились экипажи, переполненные римлянами и иностранцами; одинъ рядъ двигался въ одну сторону, другой въ другую; былъ часъ обычной вечерней прогулки. Народъ толпился передъ гравюрами, выставленными въ эстампномъ магазинѣ; нищіе приставали къ прохожимъ, прося милостыню; подвигаться впередъ можно было только съ трудомъ, да и то не иначе какъ пробираясь между самыми экипажами. Я благополучно лавировалъ между ними, какъ вдругъ меня схватила за платье чья-то рука и знакомый мнѣ отвратительный голосъ прохрипѣлъ: «Bon giorno, Antonio!» Я оглянулся — на тротуарѣ сидѣлъ мой дядя, ужас-

ный дядюшка Пеппо со своими сведенными на бокъ сухими ногами и деревянными дощечками на рукахъ. Уже много лѣтъ не встрѣчался я съ нимъ такъ близко лицомъ къ лицу: я всегда дѣлалъ большой обходъ вокругъ Испанской лѣстницы, чтобы избѣжать встрѣчи съ нимъ, а, проходя мимо нея въ процессіи или вмѣстѣ съ другими воспитанниками, тщательно скрывалъ свое лицо.

— Антоніо, мой родной!—говорилъ Пеппо, держа меня за полу.— Ты развѣ не узнаешь своего дядю Пеппо? Вспомни св. Іосифа*), вотъ вспомнишь и мое имя! Какъ же ты выросъ и возмужалъ!

— Пусти меня!—закричалъ я, видя, что люди смотрятъ на насъ.

— Антоніо!—продолжалъ онъ.—Помнишь, какъ мы ѣхали съ тобою на осликѣ? Милый мой мальчикъ! Да, теперь ты залетѣлъ высоко и знать не хочешь своего бѣднаго дядю! Никогда не навѣстишь меня на лѣстницѣ! А, вѣдь, когда-то ты цѣловалъ у меня руку, спалъ у меня на соломѣ! Не будь же неблагодарнымъ, Антоніо!

— Да пусти же!—закричалъ я, вырвался отъ него, шмыгнулъ между экипажами и перебрался на другую сторону улицы. Сердце мое колотилось отъ страха и отъ—признаться-ли?—отъ оскорбленной гордости! Мнѣ казалось, что всѣ люди, видѣвшіе эту встрѣчу, почувствовали ко мнѣ презрѣніе. Но я недолго находился въ этомъ настроеніи, скоро оно смѣнилось другимъ, болѣе горькимъ. Вѣдь, Пеппо говорилъ одну правду, я былъ сыномъ его единственной сестры! Я сознавалъ всю жестокость своего поступка, мнѣ было стыдно и передъ Богомъ, и передъ самимъ собою; раскаяніе жгло меня. Очутись я теперь наединѣ съ Пеппо, я бы разцѣловалъ его безобразныя руки и попросилъ у него прощенія. Я былъ глубоко взволнованъ.

Въ церкви св. Августино зазвонили къ «Ave Maria»; грѣхъ мой тяготилъ мнѣ душу, и я зашелъ въ храмъ помолиться Божьей Матери. Мрачно, пустынно было подъ высокими сводами; тускло горѣли на алтаряхъ свѣчи, мерцая какъ трутъ ночью, когда дуетъ влажный сирокко. Душа моя мало-по-малу прониклась отраднымъ чувствомъ облегченія.

— Синьоръ Антоніо!—раздался позади меня чей-то голосъ.—Eccellenza вернулся и прекрасная синьора тоже. Они пріѣхали изъ Флоренціи и привезли съ собою своего ангелочка. Не хотите-ли сейчасъ же отправиться навѣстить ихъ?

Со мной говорила старая Фенелла, жена привратника, служившаго въ палаццо Боргезе. Моя благодѣтельница прибыла сюда съ мужемъ и ребенкомъ. Я не видѣлъ ихъ вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, очень обрадовался этому извѣстію и поспѣшилъ въ палаццо повидаться съ дорогими мнѣ людьми.

*) Пеппо—уменьшительное имя отъ имени Джузеппе, т.-е. Іосифъ.

Фабіани обошелся со мною очень благосклонно и ласково, Франческа встрѣтила меня съ чисто материнскою радостью и вынесла ко мнѣ свою маленькую дочку, Фламинію, милаго ребенка съ удивительно яснымъ, свѣтлымъ взоромъ. Малютка сейчасъ же протянула мнѣ губки для поцѣлуя, охотно пошла ко мнѣ на руки, и не прошло и двухъ минутъ, какъ мы съ нею были уже старыми знакомыми и друзьями. Она сидѣла у меня на рукахъ и громко смѣялась, а я плясалъ съ нею по залѣ, напѣвая одну изъ своихъ любимыхъ веселыхъ старинныхъ пѣсенокъ.

— Не зарази мою маленькую игуменью*) свѣтскою суетою!—смѣясь сказалъ Фабіани.—Не видишь развѣ, она уже носитъ знакъ своего достоинства?—И онъ указалъ мнѣ на серебряный крестикъ съ распятіемъ, прикрѣпленный къ бантику, красовавшемуся на груди малютки.—Самъ святой отецъ далъ ей его; она давно уже носитъ у сердца образъ своего Небеснаго Жениха!

Счастливые супруги обѣщали посвятить свое первое дитя Богу, и папа подарилъ малюткѣ на зубокъ святой знакъ. Ей, какъ родственницѣ знатной фамиліи Боргезе, было открыто первое мѣсто въ Римскомъ женскомъ монастырѣ, вотъ почему всѣ окружающіе уже и звали ее почетнымъ именемъ маленькой игуменьи. Разсказы, игры, все, чѣмъ ее забавляли, было приноровлено къ тому, чтобы укрѣпить въ ней представленіе о мірѣ, которому она собственно принадлежала, и о счастьѣ, которое ее ожидало.

Малютка показала мнѣ своего Младенца Іисуса и маленькихъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья, монашенокъ, которыя ежедневно ходили къ обѣднѣ, разставила ихъ въ два ряда на столѣ, какъ учила ее няня, и разсказала мнѣ, какъ хорошо онѣ поютъ и молятся прекрасному Младенцу Іисусу. Я же принялся рисовать ей веселыхъ крестьянъ, одѣтыхъ въ длинныя шерстяныя блузы и плясавшихъ вокругъ каменныхъ тритоновъ бассейна, пульчинеллей, сидѣвшихъ другъ у друга на горбахъ, и эти новыя картинки несказанно позабавили малютку. Она нѣжно цѣловала ихъ, а потомъ, въ порывѣ шалости, рвала въ клочки, и мнѣ приходилось рисовать ей все новыя и новыя, пока, наконецъ, за нею не явилась нянька: маленькой игуменьѣ пора было спать; она и то ужъ засидѣлась сегодня дольше обыкновеннаго.

Фабіани и Франческа разспрашивали меня о моемъ житьѣ-бытьѣ въ школѣ, освѣдомлялись здоровъ-ли я и доволенъ-ли, обѣщали мнѣ свое покровительство и желали мнѣ всякаго счастія.

---

*) Среди итальянской знати изстари существуетъ обычай предназначать одну изъ дочерей Богу, и ее уже съ самаго ранняго дѣтства зовутъ какимъ-нибудь почетнымъ именемъ, вродѣ невѣсты Іисуса, игуменьи, монахини и т. п.

— Мы должны видѣться ежедневно!—прибавила Франческа.—Смотри, навѣщай насъ, пока мы здѣсь!

Спросила она и о старой Доменикѣ, и я разсказалъ, какъ радуется старушка моимъ рѣдкимъ посѣщеніямъ весною или осенью, какъ жаритъ для меня каштаны и словно молодѣетъ, вспоминая то время, когда мы жили вмѣстѣ, какъ всякій разъ водитъ меня взглянуть на уголокъ, гдѣ я спалъ, и показываетъ мнѣ нацарапанные мною когда-то рисунки, которые она хранитъ у себя вмѣстѣ съ четками и старымъ молитвенникомъ.

— Какъ онъ смѣшно кланяется!—сказала Франческа мужу, когда я сталъ прощаться.—Хорошо, конечно, заботиться объ образованіи ума, но не надо пренебрегать и манерами! На это обращаютъ въ свѣтѣ большое вниманіе! Но, конечно, это все придетъ современемъ! Правда, Антоніо?

И она, улыбаясь, протянула мнѣ для поцѣлуя руку.

Было еще не поздно, но уже совсѣмъ темно, когда я опять очутился на улицѣ. Въ то время на улицахъ Рима еще не было фонарей; они, какъ извѣстно, введены лишь въ послѣдніе годы. Узкія, неровныя улицы освѣщались только лампадами, горѣвшими на перекресткахъ передъ образами Мадонны. Приходилось подвигаться впередъ ощупью, и я шелъ очень медленно, весь погруженный въ мысли о событіяхъ нынѣшняго дня.

Вдругъ моя протянутая впередъ рука наткнулась на кого-то.

— Чортъ возьми!—послышался знакомый голосъ.—Не выколи мнѣ глазъ! И безъ того мало вижу, а тогда и вовсе ослѣпну!

— Бернардо!—радостно воскликнулъ я.—Такъ мы всетаки встрѣтились съ тобою!

— Антоніо! Милый Антоніо!—вскричалъ онъ и схватилъ меня подъ руку.—Вотъ забавная встрѣча! Откуда ты? Съ маленькаго приключенія? Не ожидалъ! Вотъ ты и пойманъ на запретномъ пути! Гдѣ-жъ твой провожатый, чичисбей или какъ тамъ зовутъ твоего вѣрнаго спутника?

— Я одинъ!—отвѣтилъ я.

— Одинъ!—повторилъ онъ.—Да ты, въ сущности, ловкій парень! Тебѣ слѣдовало бы поступить въ папскую гвардію, тогда, можетъ быть, намъ и удалось бы какъ слѣдуетъ расшевелить тебя!

Я разсказалъ ему вкратцѣ о возвращеніи Eccellenza и синьоры и выразилъ ему свою радость по поводу нашей встрѣчи. Онъ былъ радъ не меньше моего; мы больше и не думали о темнотѣ, а шли себѣ, да шли впередъ, даже не замѣчая за разговорами—куда.

— Видишь-ли, Антоніо,—говорилъ онъ:—теперь только я узналъ, что такое жизнь. Ты же ея совсѣмъ не знаешь! Она слишкомъ хороша, чтобы можно было просидѣть ее на жесткой школьной скамьѣ, слушая воркотню Аббаса Дада! Теперь я умѣю править конемъ! Ты видѣлъ меня сегодня? И красавицы-синьоры посылаютъ мнѣ такіе жгучіе взгляды!..

Я, вѣдь, парень красивый, и мундиръ идетъ ко мнѣ! Эта дьявольская темнота мѣшаетъ тебѣ разглядѣть меня! Мои новые товарищи просвѣтили меня! Они не такіе сидни, какъ вы! Мы осушаемъ кубки въ честь государства, заводимъ порою и маленькія интрижки, но не твоимъ ушамъ слушать о нихъ, святоша! Да, плохой ты мужчина, Антоніо! Я же въ эти нѣсколько мѣсяцевъ набрался опыта за десять лѣтъ! Теперь я чувствую, что молодъ, кровь во мнѣ кипитъ, сердце бьется, и я пью изъ чаши наслажденія большими глотками, пока губы мои еще горятъ, и я ощущаю эту жгучую жажду!

— Ты попалъ въ нехорошую компанію, Бернардо!—сказалъ я.

— Въ нехорошую!—произнесъ онъ.—Не читай мнѣ, пожалуйста, нравоученія! Чѣмъ моя компанія не хороша? Товарищи мои всѣ истые римскіе патриціи! Мы составляемъ почетную стражу святого отца, и его благословеніе очищаетъ насъ отъ нашихъ маленькихъ грѣшковъ! Въ первое время по выходѣ изъ коллегіи я тоже еще былъ зараженъ этими монастырскими понятіями, но я тоже не дуракъ—не далъ моимъ новымъ товарищамъ замѣтить этого! Я послѣдовалъ ихъ примѣру! Моя плоть, моя кровь, все мое существо жаждало жизни, и я не противился этому влеченію, оно было сильнѣе меня! Сначала-то, впрочемъ, въ глубинѣ моей души все еще раздавался какой-то непріятный голосъ. Это бунтовались моя монастырская закваска и ребячество, говорившіе мнѣ: «Ахъ, ты уже не невинный ребенокъ теперь! Но потомъ я сталъ только смѣяться надъ этимъ голосомъ,—поумнѣлъ! Теперь я—взрослый человѣкъ! Ребенку пришлось уступить мѣсто мужчинѣ, вотъ этотъ-то ребенокъ и плакалъ во мнѣ!.. Но мы какъ-разъ у Кіавика! Это лучшая остерія, гдѣ собираются художники. Зайдемъ туда роспить бутылочку по случаю нашей пріятной встрѣчи. Зайдемъ, тамъ превесело!

— Что ты!—сказалъ я.—А если въ коллегіи узнаютъ, что я былъ въ остеріи вмѣстѣ съ офицеромъ папской гвардіи!

— Большая въ самомъ дѣлѣ бѣда—выпить стаканъ вина и послушать, какъ иностранцы-художники поютъ пѣсни на своемъ родномъ—нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и Богъ знаетъ какомъ тамъ еще языкѣ! Тутъ превесело, даю тебѣ слово!

— То, что можно тебѣ, не дозволено мнѣ! И не уговаривай меня лучше!—Тутъ я заслышалъ невдалекѣ смѣхъ и крики «браво» и ухватился за это обстоятельство, чтобы перевести разговоръ на другое.— Смотри, какая тамъ толпа! Что случилось? Право, кажется, они затѣяли какіе-то фокусы прямо передъ образомъ Мадонны!—И мы направились туда.

Парни и мальчишки изъ черни загородили всю улицу, окружая какого-то стараго еврея; слышно было, какъ его понуждали перепрыгнуть черезъ палку, которую держалъ предъ нимъ одинъ изъ парней.

Извѣстно, что въ Римѣ, столицѣ христіанскаго міра, евреямъ позволено жить лишь въ отведенномъ имъ кварталѣ, узкомъ, грязномъ «Гэто». Каждый вечеръ ворота Гэто закрываются, къ нимъ ставится стража, и ужъ ни въ ворота, ни изъ воротъ не впускается и не выпускается никто. Ежегодно старѣйшины еврейскіе являются въ Капитолій и на колѣняхъ молятъ о дарованіи имъ позволенія остаться въ Римѣ еще на годъ. благодарность же обязуются взять на себя всѣ издержки по бѣгу лошадей на Корсо во время карнавала и явиться въ извѣстный день къ католической обѣднѣ, чтобы выслушать проповѣдь обращенія.

Старикъ, который стоялъ передъ нами, проходилъ одинъ въ потьмахъ по узкой улицѣ мимо толпы играющихъ парней и мальчишекъ. — Глядите, жидъ! — закричалъ одинъ, и всѣ принялись надсмѣхаться надъ старикомъ. Онъ было хотѣлъ молча пройти мимо, но парни загородили ему дорогу, и одинъ изъ нихъ, толстый, широкоплечій малый, протянулъ передъ нимъ длинную палку и закричалъ:

— Ну, жидъ, прыгай, не то Гэто закроютъ, и ты не попадешь на ночь домой!.. Ну, покажи же свою ловкость!

— Прыгай, жидъ! — кричали мальчишки. — Богъ Авраама поможетъ тебѣ!

— Что я вамъ сдѣлалъ? — спрашивалъ онъ. — Пустите меня, старика. идти своею дорогой, не смѣйтесь надъ моими сѣдинами, да еще передъ образомъ Той, Которую вы сами молите о милосердіи!

— Ты думаешь, Мадоннѣ есть дѣло до жида? — сказалъ парень. — Ну, прыгнешь-ли ты, старая собака? — И онъ показалъ ему кулакъ, а мальчишки стали напирать на него.

Тутъ Бернардо бросился впередъ, оттолкнулъ ближайшихъ, въ одно мгновеніе выхватилъ у парня палку, замахнулся на него саблей и, держа передъ нимъ ту же самую палку, вскричалъ громовымъ голосомъ:

— Прыгай-ка самъ, или я расшибу тебѣ башку! Да живо! Или, клянусь всѣми святыми, я раскрою тебѣ черепъ!

Парень словно съ облаковъ упалъ; всѣ остальные тоже остолбенѣли: громовой звукъ голоса, обнаженная сабля и офицерскій гвардейскій мундиръ — все это какъ бы наэлектризовало парня, и онъ, не говоря ни слова, перепрыгнулъ черезъ палку, которую только что подставлялъ бѣдному еврею. Вся толпа была поражена не меньше его, никто не смѣлъ пикнуть; всѣ только удивленно глазѣли на происходившее. Едва парень перепрыгнулъ черезъ палку, Бернардо схватилъ его за плечо, погладилъ по щекѣ саблею плашмя и закричалъ:

— Браво, песъ! Отлично! Еще разокъ! И тогда, я думаю, будетъ съ тебя этихъ собачьихъ фокусовъ!

Парню пришлось опять прыгнуть, и толпа, проникшись смѣшною стороной дѣла, принялась кричать «браво» и хлопать въ ладоши.

— Гдѣ ты, еврей?—спросилъ Бернардо.—Иди, я провожу тебя!— Но старикъ уже успѣлъ скрыться; никто не отозвался.

— Пойдемъ! — сказалъ я Бернардо, когда мы вышли изъ толпы.— Пойдемъ, и пусть говорятъ, что хотятъ, а я разопью съ тобой бутылку вина! Я хочу выпить за твое здоровье! Мы останемся друзьями, чтобы тамъ ни произошло между нами!

— Дурень ты, Антоніо!—отвѣтилъ онъ.—Да и я хорошъ! Стоило сердиться на грубаго парня! Но, я думаю, онъ теперь не скоро заставитъ кого-нибудь прыгать!

Мы зашли въ остерію; никто изъ веселой компаніи не обратилъ на насъ вниманія. Мы сѣли за маленькій столикъ въ углу, велѣли подать себѣ бутылку вина и принялись пить за нашу удачную встрѣчу и возобновленную дружбу. Потомъ мы разстались. Я вернулся въ коллегію; старый дядька, мой добрый покровитель, осторожно впустилъ меня. Скоро я заснулъ и видѣлъ во снѣ разнообразныя приключенія этого вечера.

Еврейка.

Меня очень безпокоила моя вечерняя самовольная отлучка и посѣщеніе остеріи, гдѣ я вдобавокъ распивалъ съ Бернардо вино, но случай мнѣ благопріятствовалъ: никто не хватился меня, а, можетъ быть, и хватились, да, какъ и старый дядька, полагали, что я получилъ разрѣшеніе. Я, вѣдь, считался въ высшей степени скромнымъ и добросовѣстнымъ юношею. Дни медленно шли, за ними шли и недѣли; я прилежно учился и время отъ времени посѣщалъ свою благодѣтельницу; посѣщенія эти служили мнѣ лучшимъ поощреніемъ. Маленькая игуменья день ото дня становилась мнѣ все милѣе; я приносилъ малюткѣ картинки, нарисованныя мною еще въ дѣтствѣ, и она, поигравъ съ ними, рвала ихъ въ клочки и сорила по полу, а я подбиралъ и пряталъ.

Въ то же время я читалъ Виргилія; шестая книга, гдѣ описывается странствованіе Энея по преисподней, особенно интересовала меня своимъ сходствомъ съ Данте. Я вспоминалъ, читая ее, и мое стихотвореніе о Данте и Бернардо. Я давно уже не видалъ своего друга и успѣлъ сильно соскучиться по немъ. Былъ какъ-разъ одинъ изъ тѣхъ дней недѣли, въ которые Ватиканскія художественныя галлереи открыты для публики, и я попросилъ позволенія сходить туда посмотрѣть мраморныхъ боговъ и чудныя картины; настоящею же цѣлью моею было—встрѣтить тамъ моего дорогого Бернардо.

И вотъ, я очутился въ огромной открытой галлереѣ, гдѣ находится лучшій бюстъ Рафаэля и гдѣ весь потолокъ покрытъ великолѣпными фресками, выполненными по наброскамъ великаго мастера его учениками.

Для меня уже не были новостью всѣ эти причудливыя арабески и легіоны колѣнопреклоненныхъ и парящихъ въ небесахъ ангеловъ; если же я и медлилъ здѣсь, дѣлая видъ, что разсматриваю ихъ, то лишь въ надеждѣ на счастливый случай—на встрѣчу съ Бернардо. Я прислонился къ каменной баллюстрадѣ и принялся любоваться роскошными очертаніями горъ, волнообразною линіей окружавшихъ Кампанью, не забывая въ то же время поглядывать на дворъ Ватикана всякій разъ, какъ о каменныя плиты его звенѣла чья-нибудь сабля,—не Бернардо-ли? Но онъ не показывался.

Тщетно бродилъ я по заламъ, останавливался и передъ Нильскою группою, и передъ Лаокономъ — толку все не было; мнѣ стало досадно и скучно. Бернардо не являлся, и мнѣ было ужъ все равно вернуться-ли домой или продолжать разглядывать древніе торсы и Антиноя.

Вдругъ по корридору промелькнула легкая тѣнь въ каскѣ съ развѣвающимся султаномъ, послышалось бряцанье шпоръ... Я въ догонку— это былъ Бернардо! Онъ обрадовался нашей встрѣчѣ не меньше меня и поспѣшно увлекъ меня за собою: ему надо было сообщить мнѣ тысячу вещей.

— Ты не знаешь, сколько я выстрадалъ! Да и теперь еще страдаю! Будь моимъ докторомъ! Ты одинъ можешь помочь мнѣ своими волшебными травами!

И, говоря это, онъ повелъ меня черезъ большую залу, гдѣ стояли на часахъ папскіе гвардейцы, въ большой покой, отведенный дежурному офицеру.

— Надѣюсь, ты не боленъ?—спросилъ я.—Этого не можетъ быть! Твои глаза, твои щеки такъ и горятъ!

— Да, они горятъ!—отвѣтилъ онъ.—Я весь горю, какъ въ огнѣ, но теперь все пойдетъ хорошо. Ты моя счастливая звѣзда. Ты предвѣщаешь мнѣ счастливое приключеніе, внушаешь добрыя идеи! Ты поможешь мнѣ! Сядь же! Ты не знаешь, что я пережилъ съ нашей послѣдней встрѣчи! Тебѣ я довѣрюсь, ты вѣрный другъ и самъ примешь участіе въ моемъ приключеніи!

Онъ не давалъ мнѣ вымолвить ни слова, говоря безъ умолку о томъ, что такъ волновало его.

— Помнишь ты еврея?—продолжалъ онъ.—Старика еврея, того, что мальчишки заставляли прыгать? Онъ еще удралъ тогда, даже не сказавъ спасибо за мою рыцарскую помощь! Я-то скоро забылъ его и всю эту исторію, но вотъ, нѣсколько дней спустя, прохожу мимо входа въ Гэто... Я бы и не замѣтилъ этого, если бы не часовой. Онъ отдалъ мнѣ честь,—я, вѣдь, теперь «персона»—я отвѣтилъ ему и случайно увидалъ за воротами цѣлую толпу черноокихъ красавицъ-евреекъ. Ну, понятно, мнѣ захотѣлось пройтись разокъ по этой узкой, грязной улицѣ. Тамъ настоящая

синагога! Дома одинъ возлѣ другого, высокіе, точно лѣзутъ на небо! Изо всѣхъ оконъ слышится: «Берешитъ бара Элохимъ!» Голова на головѣ, словно когда эти толпы переходили черезъ Черяное море! Кругомъ развѣшаны старыя платья, зонтики и другой хламъ; я перепрыгивалъ черезъ груды стараго желѣза, картинъ и грязи. А кругомъ стонъ стоялъ: ко мнѣ приставали, спрашивали не продаю-ли я, не покупаю-ли... За этимъ содомомъ мнѣ еле-еле удалось разсмотрѣть нѣсколькихъ черноокихъ красотокъ, улыбавшихся мнѣ изъ дверей. То-то было странствованіе, достойное пера Данте! Вдругъ ко мнѣ бросается старый еврей, кланяется мнѣ чуть не до земли, словно самому папѣ, и начинаетъ: «Eccellenza, благодѣтель мой, спаситель, да благословенъ будетъ часъ нашей встрѣчи! Не считайте старика Ганноха неблагодарнымъ!» И много еще чего говорилъ онъ; всего я не упомню, да и не разобралъ. Я узналъ его: это былъ тотъ самый старикъ, котораго заставляли прыгать. «Вотъ мое убогое жилище; но мой порогъ черезчуръ низокъ, я не смѣю просить васъ переступить его»,—продолжалъ онъ, цѣлуя мнѣ руки и платье. Я хотѣлъ было отдѣлаться отъ него,—неловко, вѣдь, было: всѣ окружающіе вытаращились на насъ—да вдругъ увидалъ въ окнѣ прелестнѣйшую головку! Это была сама Венера изъ мрамора, но съ такимъ горячимъ румянцемъ и огненными глазами, какіе бываютъ только у дочерей Аравіи! Ну, понятно, я послѣдовалъ за евреемъ, — онъ, вѣдь, пригласилъ меня! Пришлось пройти узкій темный корридоръ, похожій на тотъ, что ведетъ въ могилу Сципіоновъ; каменная же лѣстница и чудесная деревянная галлерея годилась какъ-разъ для того, чтобы выучить людей ходить съ оглядкой. Зато въ самомъ помѣщеніи было не такъ дурно; недоставало только дѣвушки, а для чего-же я и зашелъ туда! Мнѣ еще разъ пришлось выслушать длинную благодарственную рѣчь, уснащенную восточными эпитетами и картинами. Тебѣ, такой поэтической натурѣ, она навѣрное пришлась бы по вкусу! Но я пропустилъ ее мимо ушей и все ждалъ, что вотъ-вотъ войдетъ она, но она не входила. Зато еврею пришла въ голову мысль, которая при иныхъ обстоятельствахъ была бы, пожалуй, очень и очень недурна. Онъ заявилъ, что я, какъ свѣтскій молодой человѣкъ, вѣроятно, долженъ тратить много денегъ, а также и чувствовать въ нихъ иногда недостатокъ, заставляющій меня прибѣгать къ помощи сострадательныхъ душъ, готовыхъ по-христіански выручить ближняго—за двадцать, тридцать процентовъ! А вотъ онъ—подумай, вотъ чудо-то въ еврейскомъ царствѣ!—готовъ снабжать меня деньгами совсѣмъ безъ процентовъ! Слышишь? Безъ процентовъ!? Я, вѣдь, такой благородный человѣкъ, и онъ полагается на мою честность! Я защитилъ отпрыскъ еврейскаго древа, и сучья его не станутъ рвать моей одежды! Но такъ какъ я не нуждался въ деньгахъ, то и не взялъ

нхъ. Тогда онъ спросилъ, не соблаговолю-ли я отвѣдать его вина,—у него есть одна особенная бутылочка! Не знаю, что я отвѣтилъ, знаю только, что въ комнату вошла моя красавица. Что за формы, что за колоритъ!.. Волосы черные, какъ смоль, какъ эбеновое дерево!.. Она поднесла мнѣ превосходнаго кипрскаго вина, и царская кровь Соломона бросилась ей въ щеки, когда я осушилъ стаканъ за ея здоровье. Послушалъ бы ты, какъ она благодарила меня за своего отца! А, право, и благодарить-то было не за что! Рѣчь ея звучала для меня небесною музыкой. Нѣтъ, положительно передо мною было неземное существо! Затѣмъ она исчезла, и со мною остался одинъ старикъ.

— Да это точно поэма!—сказалъ я.—Превосходная тема для поэмы!

— Ты не знаешь, какъ я мучился потомъ, какъ строилъ разные планы, разрушалъ ихъ и опять строилъ—все, чтобы встрѣтить опять эту дщерь Сіона! Подумай, я даже унизился до того, что пошелъ и попросилъ у старика взаймы, въ чемъ вовсе не нуждался. Я занялъ у него двадцать блестящихъ скудо на недѣлю, но *ея* не видалъ. На третій день я принесъ ему деньги нетронутыя, и старикъ съ улыбкой потеръ руки. Онъ, пожалуй, не очень-то всетаки довѣрялъ моей хваленой честности. Я сталъ выхвалять его кипрское вино, но на этотъ разъ не она угостила меня! Онъ самъ налилъ и поднесъ мнѣ стаканъ своими худыми трясущимися руками. Мои глаза обѣжали всѣ углы,—ея не было нигдѣ. Она такъ и не показалась; только уже спускаясь съ лѣстницы, я замѣтилъ, что занавѣска открытаго окна шевелится. Должно быть, за занавѣской притаилась она! Я крикнулъ: «До свиданья, синьора!» но никто не отозвался, никто не показался. И вотъ я до сихъ поръ не подвинулся въ моемъ приключеніи ни на шагъ! Дай же мнѣ совѣтъ! Я не могу отказаться отъ нея, да и не хочу! Но что же я могу сдѣлать?.. Слушай же, душа моя, какая явилась у меня теперь блестящая идея! Будь моею Венерою, которая свела въ потаенномъ гротѣ Энея съ Ливійскою царицею!

— Чего ты хочешь отъ меня? Не знаю, что я вообще могу сдѣлать для тебя.

— Все, если только захочешь! Еврейскій языкъ—чудный языкъ, поэтическій, образный! Тебѣ надо взяться за изученіе его и пригласить учителемъ стараго еврея! Заплачу за все я! Ты пригласишь именно стараго Ганноха,—я узналъ, что онъ принадлежитъ къ ученымъ. Когда же ты покоришь своею внушающею довѣріе особой его самого, ты познакомишься и съ дочерью, и тогда возьмешься помогать мнѣ! Но живо, съ мѣста въ карьеръ! Въ крови моей разлитъ жгучій ядъ любви! Сегодня же иди къ еврею!

— Нѣтъ, не могу!—отвѣтилъ я.—Ты совсѣмъ не входишь въ мое положеніе. Какую роль придется играть во всемъ этомъ дѣлѣ мнѣ? И

какъ можешь ты, милый Бернардо, унизиться до любовной связи съ еврейкою?

— О, ты тутъ ровно ничего не понимаешь!—прервалъ онъ меня:— Еврейка-ли, нѣтъ-ли—безразлично, лишь бы товаръ былъ хорошъ. Ну же, благословенный младенецъ, мой милый, безцѣнный Антоніо, возьмись за еврейскій языкъ! Мы оба будемъ изучать его, только на разные лады! Будь же благоразуменъ и подумай, какъ ты можешь осчастливить меня!

— Ты знаешь,—сказалъ я:—какъ искренно я привязанъ къ тебѣ! Знаешь, какъ дѣйствуетъ на меня твоя сила воли! Будь ты дурнымъ человѣкомъ, ты могъ бы испортить меня, меня такъ и тянетъ въ твой магическій кругъ! Я не сужу тебя по себѣ,—каждый слѣдуетъ влеченіемъ своей природы — и не считаю также грѣхомъ твоей манеры наслаждаться жизнью! Что-жъ, разъ ты созданъ такъ, а не иначе! Но самъ-то я держусь совсѣмъ иныхъ правилъ! Не уговаривай же меня принять участіе въ твоей интрижкѣ, которая если даже и удастся, не доставитъ тебѣ истиннаго счастья!

— Ладно, ладно!—перебилъ онъ, и я замѣтилъ въ его взорѣ то же холодное, гордое выраженіе, съ какимъ онъ бывало уступалъ Аббасу Дада, когда тотъ, въ силу своего положенія, заставлялъ его молчать.— Ладно, Антоніо! Я, вѣдь, пошутилъ только! Тебѣ не придется изъ-за меня бѣгать лишній разъ исповѣдываться! Но какой грѣхъ въ томъ, что ты сталъ бы учиться еврейскому языку и именно у моего еврея—я понять не могу! Впрочемъ, ни слова больше объ этомъ!.. Спасибо за посѣщеніе! Хочешь закусить? Или выпить? Сдѣлай одолженіе!

Я былъ разстроенъ; въ тонѣ его голоса, въ манерахъ такъ и звучала обида. Мое горячее пожатіе руки было встрѣчено съ холодною, леденящею вѣжливостью. Разстроенный и огорченный я скоро ушелъ отъ него.

Я чувствовалъ его неправоту и сознавалъ, что самъ поступилъ, какъ должно, и всетаки въ иныя минуты мнѣ сдавалось, что я какъ будто обидѣлъ Бернардо. Такъ, борясь самъ съ собою, зашелъ я въ еврейскій кварталъ, надѣясь, что моя счастливая звѣзда выручитъ меня, пославъ мнѣ здѣсь какое-нибудь приключеніе, которое послужитъ въ пользу моему дорогому Бернардо; но мнѣ не удалось встрѣтить даже старика-еврея. Изъ всѣхъ оконъ и дверей выглядывали чужія лица; грязные ребятишки валялись на мостовой между кучами всевозможнаго хлама; непрерывный крикъ о покупкѣ и продажѣ почти оглушалъ меня. Нѣсколько дѣвушекъ забавлялись, перекидывая другъ дружкѣ въ окна мячикъ; одна была довольно красива,—не это-ли возлюбленная Бернардо? Я невольно снялъ шляпу, но тутъ же устыдился и провелъ рукой по лбу, словно только жара, а не дѣвушка, заставила меня обнажить голову.

Карнавалъ. Пѣвица.

Если бы только держаться нити, связывающей мою жизнь съ любовью Бернардо, то пришлось бы пропустить цѣлый годъ моей жизни. А, между тѣмъ, годъ этотъ, несмотря на свой ровный обычный ходъ, представлялъ для меня гораздо большее значеніе, нежели только лишнихъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Онъ явился какъ бы антрактомъ въ драмѣ моей жизни.

Я рѣдко видѣлся съ Бернардо, а при встрѣчахъ находилъ въ немъ все того же веселаго, браваго юношу; но относился ко мнѣ онъ уже не попрежнему. Изъ-подъ маски дружелюбія проглядывало холодное, важное равнодушіе. Это разстраивало и огорчало меня, и я не рѣшался спрашивать у него, какъ идутъ его дѣла.

Зато я часто посѣщалъ палаццо Боргезе, сдѣлавшееся для меня истинно роднымъ домомъ. Тѣмъ не менѣе, Eccellenza и Франческа часто глубоко огорчали меня. Душа моя была переполнена благодарностью къ нимъ за все, что они для меня сдѣлали, и малѣйшее неодобреніе ихъ набрасывало на мое веселое расположеніе духа мрачную тѣнь. Франческа хвалила меня за мои добрыя качества, но постоянно стремилась воспитывать меня: моя манера держать себя и выражаться вѣчно подвергалась ея строгой, слишкомъ даже строгой критикѣ, зачастую вызывавшей у меня, шестнадцатилѣтняго юноши, на глазахъ слезы. Самъ Eccellenza, который вызвалъ меня изъ хижины Доменики въ свое роскошное палаццо, относился ко мнѣ попрежнему сердечно, но и онъ тоже не уступалъ синьорѣ въ желаніи воспитывать меня. Я не раздѣлялъ его страсти къ собиранію цвѣтовъ и растеній, и онъ называлъ это недостаткомъ серьезности и положительности во мнѣ, находилъ, что я слишкомъ занятъ собственнымъ «я», что «радіусы моего ума не пересѣкаютъ великой окружности вселенной». «Помни, сынъ мой», говаривалъ онъ мнѣ: «что листокъ, который свертывается во внутрь, увядаетъ!» Но, погорячившись немного, онъ трепалъ меня по щекѣ и иронически увѣрялъ, что свѣтъ въ сущности очень дуренъ и что людямъ, какъ и цвѣтамъ, нужно побывать подъ прессомъ для того, чтобы изъ нихъ вышли хорошіе экземпляры для Мадонны! Фабіани же смотрѣлъ на все съ веселой точки зрѣнія, смѣялся надъ доброжелательными проповѣдями жены и Eccellenza и увѣрялъ, что мнѣ никогда не достигнуть ни учености Eccellenza, ни остроумія Франчески, но что изъ меня выйдетъ третій сортъ человѣка, тоже не изъ послѣднихъ! Потомъ онъ призывалъ свою маленькую игуменью, и съ нею я скоро забывалъ всѣ свои маленькія огорченія.

Слѣдующій годъ они собирались провести въ сѣверной Италіи: лѣто въ Генуѣ, а зиму въ Миланѣ. Мнѣ же предстояло въ этотъ годъ сдѣ-

лать важный шагъ—сдать экзаменъ на аббата и такимъ образомъ занять болѣе высокую ступень общественнаго положенія.

Передъ отъѣздомъ моихъ покровителей, въ палаццо Боргезе данъ былъ большой балъ, на который пригласили и меня. Палаццо было окружено какъ бы огненнымъ смолянымъ вѣнкомъ: всѣ факелы, которые несли передъ экипажами гостей, были воткнуты въ желѣзные канделябры, прикрѣпленные къ наружной стѣнѣ дома, и образовывали каскады огня. Предъ воротами разъѣзжали конные папскіе гвардейцы. Садикъ весь былъ убранъ разноцвѣтными бумажными фонариками, мраморная лѣсница залита огнями; ароматъ цвѣтовъ разливался повсюду: на каждой ступени лѣстницы стояли вазы съ цвѣтами и небольшія апельсинныя деревца. Къ дверямъ былъ приставленъ почетный караулъ; толпы разодѣтыхъ слугъ сновали взадъ и впередъ. Франческа была ослѣпительно хороша въ бѣломъ атласномъ платьѣ, отдѣланномъ дорогими кружевами; на головѣ же у нея красовалось роскошное перо райской птицы; блестяшій нарядъ удивительно шелъ къ ней, но особенно плѣнила она меня тѣмъ, что такъ ласково протянула мнѣ руку. Въ двухъ залахъ шли подъ звуки оркестровъ танцы. Въ числѣ танцующихъ былъ и Бернардо. Какъ онъ былъ хорошъ! Красный, вышитый золотомъ мундиръ, узкія бѣлыя брюки — все сидѣло на немъ восхитительно и обрисовывало его стройныя формы. Онъ танцовалъ съ царицей бала, и она любовно и довѣрчиво улыбалась ему. Какъ мнѣ было досадно, что я не могъ танцовать! Никто не обращалъ на меня вниманія. Въ самомъ близкомъ, почти родномъ мнѣ домѣ, я чувствовалъ себя чужимъ, но Бернардо дружески протянулъ мнѣ руку, и уныніе мое какъ рукой сняло. Мы скрылись съ нимъ въ оконную нишу, за длинныя красныя занавѣси, и стали пить пѣнящееся шампанское. Онъ дружески чокнулся со мною; чудныя мелодіи лились намъ прямо въ душу, и дружба наша воскресла съ прежнею силой! Я даже не побоялся упомянуть о прекрасной еврейкѣ; Бернардо громко расхохотался; казалось, онъ совершенно излѣчился отъ своей глубокой раны.

— Я поймалъ себѣ новую райскую птичку!—сказалъ онъ.—Она оказалась болѣе ручною и прогнала своимъ пѣніемъ мою хандру. Такъ пусть себѣ другая летитъ, куда хочетъ! Она и въ самомъ дѣлѣ улетѣла, исчезла изъ еврейскаго квартала и даже изъ Рима, если вѣрить моимъ людямъ.

Мы чокнулись еще разъ; шампанское и веселая музыка вдвойнѣ разгорячили нашу кровь. Бернардо опять унесся въ вихрь танцевъ, а я остался одинъ, но на душѣ у меня воцарилось блаженное спокойствіе; мнѣ хотѣлось прижать къ своему сердцу весь міръ! На улицѣ передъ окнами палаццо слышались радостныя восклицанія бѣдныхъ мальчишекъ, которые любовались сыпавшимися отъ смоляныхъ факеловъ искрами. Мнѣ вспомнилось мое бѣдное дѣтство: и я тогда игралъ такъ же, какъ они, а те-

перь я, въ числѣ первыхъ вельможъ Рима, принятъ въ этомъ богатомъ палаццо какъ свой! Благодарность и любовь къ Божьей Матери, моей милостивой покровительницѣ, переполнили мою душу, колѣни мои сами собой подогнулись, и я сталъ молиться. Длинныя, плотныя занавѣси скрывали меня отъ глазъ остального общества. Я былъ безконечно счастливъ.

Ночь пролетѣла, за ней прошли еще два дня, и семейство Боргезе уѣхало изъ Рима. Аббасъ Дада ежечасно напоминалъ мнѣ, что этотъ годъ принесетъ мнѣ съ собой имя и санъ аббата. Я учился прилежно и почти не видѣлся съ Бернардо и вообще со знакомыми. Недѣли шли, шли и мѣсяцы, и вотъ настал́ъ день экзамена, послѣ котораго я надѣлъ черное платье и короткій шелковый плащъ аббата.

Все казалось торжествовало вмѣстѣ со мною: и высокія пиніи, и только что распустившіеся анемоны, и крики на улицѣ, и легкое облачко, скользившее по голубому небу!.. Надѣвъ черный шелковый плащъ аббата, я какъ будто сталъ другимъ, болѣе счастливымъ человѣкомъ. Франческа прислала мнѣ на мои нужды и удовольствія чекъ на сто скудо. Это привело меня въ еще болѣе радужное настроеніе, и я помчался на испанскую лѣстницу, бросилъ дядюшкѣ Пеппо блестящій скудо и быстро удалился, не слушая его криковъ: «Eccellenza, Eccellenza, Антоніо!»

Было начало февраля; миндальныя деревья уже цвѣли, апельсины начинали золотиться; приближался веселый карнавалъ, словно нарочно совпавшій съ моимъ поступленіемъ въ аббаты, чтобы достойно отпраздновать его. Трубачи-герольды, разъѣзжавшіе на коняхъ, съ развѣвающимися бархатными знаменами въ рукахъ, уже возвѣстили о приближеніи празднества. Еще не разу въ жизни не приходилось мнѣ какъ слѣдуетъ насладиться удовольствіями карнавала, всласть упиться зрѣлищемъ этого общаго народнаго праздника, когда всѣ—и старъ, и младъ, и бѣдный, и богатый—веселятся напропалую. Когда я былъ ребенкомъ, матушка моя никогда не пускала меня въ толпу, боясь, что меня задавятъ, и мнѣ поэтому удавалось полюбоваться всѣмъ этимъ весельемъ только мелькомъ, стоя съ матушкой гдѣ-нибудь на углу. Во время пребыванія въ коллегіи я видѣлъ празднество не лучше; намъ, воспитанникамъ, разрѣшалось смотрѣть на него только съ одного опредѣленнаго мѣста—съ плоской крыши флигеля палаццо дель-Доріа. О томъ же, чтобы самому принимать участіе во всемъ, порхать съ одного конца улицы на другой, побывать въ Капитоліи и въ Травестере, словомъ, гдѣ захочется—нечего было и думать. Не мудрено, что я теперь съ такою жадностью бросился въ этотъ вихрь удовольствій и радовался всему, какъ дитя. Я и не чаялъ, что тутъ-то какъ-разъ и наступитъ важнѣйшая эпоха моей жизни, что событіе, когда-то живо занимавшее меня, вновь воскреснетъ, что забытое

зерно, невидимкою лежавшее въ моей душѣ, взойдетъ зеленымъ душистымъ росткомъ, который крѣпко обовьется вокругъ дерева моей жизни.

Карнавалъ поглощалъ всѣ мои мысли. Раннимъ утромъ я побывалъ на площади дель-Пополо, чтобы полюбоваться приготовленіями къ бѣгу лошадей, а вечеромъ бродилъ по Корсо, разсматривая выставленные въ окнахъ пестрые карнавальные наряды и фигуры въ маскахъ и полныхъ костюмахъ. Я взялъ на прокатъ костюмъ адвоката, какъ одинъ изъ наиболѣе веселыхъ и забавныхъ, и почти не спалъ всю эту ночь, приготовляясь къ своей новой роли.

Слѣдующій день былъ для меня настоящимъ праздникомъ. Я былъ счастливъ, какъ дитя. Въ боковыхъ улицахъ устраивались со своими столами и лотками продавцы «конфетти» *). Улица Корсо была чисто выметена; изо всѣхъ оконъ спускались пестрые ковры. Около трехъ часовъ, по французскому способу считать часы **), я уже былъ въ Капитоліи, чтобы впервые насладиться зрѣлищемъ начала празднества. Всѣ балконы были переполнены знатными иностранцами; сенаторъ въ пурпуровой тогѣ возсѣдалъ на бархатномъ тронѣ; прелестные маленькіе пажи въ бархатныхъ беретахъ съ перьями стояли по лѣвую сторону трона, впереди папской швейцарской гвардіи. И вотъ, явилась толпа еврейскихъ старѣйшинъ; всѣ они были съ обнаженными головами и, приблизившись къ трону, преклонили колѣни. Я узналъ средняго; это былъ Ганнохъ, старый еврей, дочерью котораго такъ интересовался Бернардо. Старикъ обратился къ сенатору съ рѣчью, въ которой просилъ для себя и своихъ единовѣрцевъ позволенія остаться въ Римѣ, въ отведенномъ имъ кварталѣ, еще на годъ, обѣщая въ теченіе этого времени явиться разъ, въ назначенный день, въ католическую церковь и прося позволенія заплатить всѣ издержки по бѣгу лошадей вмѣсто того, чтобы, согласно древнему обычаю, самимъ бѣжать по Корсо на потѣху римлянъ. Сенаторъ милостиво кивнулъ головою (старый обычай—ставить на плечо просителя ногу—былъ уже оставленъ), затѣмъ сошелъ при звукахъ музыки съ лѣстницы, сѣлъ вмѣстѣ съ пажами въ великолѣпную карету и открылъ карнавалъ. Большой колоколъ Капитолія зазвонилъ, а я бросился домой, торопясь облечься въ свой адвокатскій костюмъ. Въ немъ я казался самому себѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Довольный выскочилъ я на улицу, гдѣ встрѣтилъ уже цѣлую

*) Маленькіе бѣлые и красные шарики изъ извести или изъ ячменныхъ зеренъ, закатанныхъ въ гипсъ, которыми перебрасываются во время карнавала гуляющіе.

**) Въ Италіи часы считаются отъ захода солнца, когда сутки кончаются, и колоколъ звонитъ къ Ave Maria. Пройдетъ съ того времени часъ—и часы показываютъ часъ, потомъ два, и такъ до двадцати четырехъ. Каждую недѣлю часы переставляются по солнцу на четверть часа впередъ или назадъ. Обыкновенный же способъ счисленія времени итальянцы называютъ французскимъ.

толпу масокъ. Это были бѣдные ремесленники, которые въ дни карнавала пользуются одинаковыми правами съ богатѣйшими вельможами. Костюмы ихъ были очень оригинальны, а стоили очень дешево. Они накинули на себя поверхъ обыкновенной одежды грубые балахоны, на которыхъ, вмѣсто пуговицъ, были нашиты лимонныя корки, на плечахъ и на башмакахъ красовались пучки салата, на головахъ парики изъ сельдерея и на носу огромные очки, вырѣзанные изъ апельсинной корки.

Я сталъ угрожать имъ процессомъ, указывая имъ въ своей книгѣ на такія-то и такія-то статьи закона, воспрещавшія одѣваться такъ роскошно. Затѣмъ, сопровождаемый ихъ аплодисментами, я вышелъ на Корсо, превратившуюся изъ улицы въ маскарадную залу. Изо всѣхъ оконъ, со всѣхъ балконовъ и временно устроенныхъ возвышеній для зрителей спускались пестрые ковры. Вдоль стѣнъ домовъ тянулся безконечный рядъ стульевъ— «лучшихъ мѣстъ для зрителей», какъ выкрикивали барышники. Экипажи тянулись непрерывною двойною цѣпью; у нѣкоторыхъ экипажей даже колеса были украшены лавровыми вѣтвями, такъ что самые экипажи смотрѣли движущимися зелеными бесѣдками. Въ промежуткахъ между ними волновалась веселая толпа людей. Всѣ окна были заняты зрителями. Прелестныя римлянки въ офицерскихъ мундирахъ и съ намалеванными усиками на нѣжныхъ губкахъ, бросали въ знакомыхъ конфетти. Я обратился къ нимъ съ рѣчью, угрожая привлечь ихъ къ суду за то, что онѣ бросаютъ не только конфетти, но и огненныя взгляды, воспламеняющіе сердца! Цвѣточный дождь былъ наградой за мою рѣчь.

Вслѣдъ затѣмъ я наткнулся на разряженную барыню, шествовавшую подъ руку съ кавалеромъ; путь намъ преградила толпа затѣявшихъ свалку пульчинеллей, и барынѣ пришлось отвѣдать моего краснорѣчія.

— Синьора!—началъ я.—Такъ-то вы исполняете предписанія римско-католической церкви? Увы, гдѣ теперь найдешь Лукрецію, супругу Тарквинія Коллатина! Вы, и многія вамъ подобныя, отправляете на время карнавала вашихъ почтенныхъ мужей въ монастырь въ Трастевере, клянясь, что и сами будете вести богобоязненную, тихую жизнь, сидѣть дома въ то время, какъ они станутъ истязать свою плоть, молиться и работать день и ночь въ стѣнахъ монастыря! А вмѣсто того, вы себѣ бѣгаете по улицамъ съ кавалерами?! Эге, синьора! Я притяну васъ къ суду на основаніи параграфа 16-го статьи 27-й!

Тяжеловѣсный ударъ вѣеромъ по щекѣ былъ мнѣ отвѣтомъ; судя по основательности удара, я нечаянно угодилъ барынѣ не въ бровь, а въ самый глазъ.

— Ты спятилъ, Антоніо!?—шепнулъ мнѣ ея кавалеръ, и затѣмъ оба исчезли въ толпѣ сбировъ, грековъ и пастушекъ. Но мнѣ довольно было и этихъ немногихъ словъ,—я узналъ Бернардо. Кто же, однако, была его дама?

— Luogi! Luogi! Patroni!—кричали барышники, торговавшіе мѣстами, и крики ихъ спутали всѣ мои соображенія. Да и гдѣ тутъ было соображать! Вокругъ меня плясала толпа увѣшанныхъ колокольчиками арлекиновъ, а рядомъ шагалъ на высокихъ ходуляхъ въ ростъ человѣка другой адвокатъ. Увидавъ коллегу, т. е. меня, онъ началъ насмѣхаться надъ моимъ низкимъ положеніемъ и увѣрять, что только онъ одинъ можетъ выигрывать процессы: на землѣ, гдѣ пресмыкаюсь я, нѣтъ справедливости; ее надо искать только тутъ! При этомъ онъ указалъ на окружавшее его воздушное пространство и зашагалъ дальше.

На площади Колонна игралъ оркестръ и рѣзвыя докторессы и пастушки весело плясали вокругъ одинокихъ группъ солдатъ, машинально расхаживавшихъ тутъ для поддержанія порядка. Я было опять началъ забавную рѣчь, но явился какой-то писарь, и мое краснорѣчіе пропало даромъ: слуга писаря, бѣжавшій впереди его, такъ неистово зазвонилъ въ колокольчикъ надъ самымъ моимъ ухомъ, что я самъ пересталъ слышать свои слова; затѣмъ прогремѣлъ и пушечный выстрѣлъ—сигналъ къ разъѣзду экипажей и окончанію празднества на сегодня. Я добылъ себѣ мѣстечко на подмосткахъ; внизу волновалось море человѣческихъ головъ, не поддававшееся усиліямъ солдатъ очистить мѣсто для лошадей, которыя скоро должны были промчаться по улицѣ.

Въ концѣ Корсо, обращенномъ къ площади дель-Пополо, уже стояли за протянутою поперекъ улицы веревкою полуодичавшія лошади. Къ спинамъ ихъ былъ привязанъ горящій трутъ, за ушами прикрѣплены маленькія ракеты, а на бокахъ желѣзныя бляхи съ острыми шипами, пришпоривавшими лошадей во время бѣга. Конюха едва сдерживали животныхъ. Раздался пушечный выстрѣлъ, веревка упала, и лошади вихремъ понеслись по Корсо. Мишурныя украшенія шуршали, гривы и пестрыя ленты развѣвались по воздуху, изъ-подъ копытъ сверкали искры, народъ неистово гикалъ лошадямъ вслѣдъ, и едва тѣ пронеслись, снова сомкнулся за ними, какъ волны за килемъ корабля.

На сегодня празднеству наступилъ конецъ. Я поспѣшилъ домой, чтобы сбросить свой костюмъ, и нашелъ у себя Бернардо.

— Ты здѣсь?—воскликнулъ я.—А гдѣ же твоя донна? Куда ты дѣвалъ ее?

— Шш!—прервалъ онъ меня, шутливо грозя пальцемъ.—Пусть между нами не замѣшивается женщина!.. Но какъ это тебѣ взбрело въ голову наговорить ей такихъ вещей..? Впрочемъ, мы даруемъ тебѣ отпущеніе! Пойдемъ сегодня вмѣстѣ въ театръ Алиберта; даютъ оперу «Дидона»; музыка, говорятъ, божественная, въ театрѣ соберутся всѣ первыя красавицы Рима. и кромѣ того, заглавную роль будетъ пѣть одна иностранная примадонна, которая недавно свела съ ума весь Неаполь. Говорятъ, у

нея такой голосъ, такой талантъ, о какихъ мы и понятія не имѣемъ; къ тому же она хороша, дивно хороша собою! Не забудь захватить карандашъ: если она хоть на половину соотвѣтствуетъ описаніямъ, то должна вдохновить тебя, и ты посвятишь ей прелестнѣйшій сонетъ! Я же сберегъ отъ карнавала послѣдній букетъ фіалокъ, чтобы поднести ей, если она плѣнитъ меня.

Я охотно принялъ его приглашеніе; я хотѣлъ испить всю чашу карнавальныхъ удовольствій до дна, не упустивъ ни единой капельки. То былъ знаменательный вечеръ для насъ обоихъ: въ моемъ календарѣ третье февраля отмѣчено двойною чертой; Бернардо имѣлъ основанія сдѣлать тоже.

Новая пѣвица дебютировала въ роли Дидоны на сценѣ театра Алиберта—перваго римскаго опернаго театра. Великолѣпный потолокъ, на которомъ парили музы, занавѣсъ, изображавшій весь Олимпъ, и золотые арабески, украшавшіе ложи—все блестѣло новизною. Театръ былъ полонъ съ низу до верху. Надъ каждою ложей горѣли лампочки,—вся зала утопала въ морѣ свѣта. Бернардо обращалъ мое вниманіе на каждую, вновь входившую въ какую-нибудь ложу, красавицу и прохаживался на счетъ дурнушекъ.

Началась увертюра—своего рода музыкальное введеніе къ оперѣ. Въ морѣ бушуетъ буря и гонитъ Энея къ берегамъ Ливіи. Но вотъ буря утихаетъ, и слышатся звуки благочестивыхъ гимновъ, которые постепенно переходятъ въ восторженныя ликованія; нѣжные звуки флейтъ поютъ о еще незнакомомъ мнѣ чувствѣ, о пробуждающейся любви Дидоны. Раздаются звуки охотничьихъ роговъ, буря опять усиливается, и я переношусь вмѣстѣ съ влюбленными въ таинственный гротъ; мелодіи дышатъ любовью, бурною страстью и вдругъ разрѣшаются громкимъ диссонансомъ. Въ тотъ же моментъ занавѣсъ взвился. Эней собирается уѣхать завоевать для Асканія Гесперійское царство, хочетъ покинуть Дидону, пріютившую его—чужеземца, пожертвовавшую для него своею честью и своимъ спокойствіемъ. Она еще не знаетъ о его намѣреніи, «но скоро сладкій сонъ прервется»—говоритъ Эней. Тутъ появляется Дидона. Глубокая тишина воцарилась въ залѣ. Всѣхъ, какъ и меня, поразила новая примадонна своею царственною осанкой, соединенной съ какою-то нѣжною воздушною граціей. Нельзя, однако, сказать, чтобы она соотвѣтствовала моему представленію о Дидонѣ. Она была въ высшей степени женственна, нѣжна, прелестна духовною красотой Рафаэлевскихъ типовъ. Черныя какъ смоль волосы облегали прекрасный, высокій лобъ, темные глаза были полны выраженія. Раздались рукоплесканія,— ими публика привѣтствовала пока одну красоту, такъ какъ пѣвица не взяла еще ни одной ноты. На лицѣ ея въ то время, какъ она кланялась восхищенной толпѣ, вы-

ступилъ легкій румянецъ. Опять настала тишина; всѣ чутко прислушивались къ глубоко обдуманной, прекрасной передачѣ ею речитатива.

— Антоніо!—вполголоса воскликнулъ Бернардо и схватилъ меня за руку:—Это она!.. Или я съ ума сошелъ, или это она, моя упорхнувшая птичка!.. Да, да, я не могу ошибаться! И голосъ ея! Я слишкомъ хорошо помню его!

— О комъ ты говоришь? Кто она?—спросилъ я.

— Еврейка изъ Гэто!—отвѣтилъ онъ.—И въ то же время это просто невозможно! Не можетъ быть, чтобы это была она!..

Онъ умолкъ и весь ушелъ въ созерцаніе дивной красавицы. Она пѣла о своемъ счастьи, о своей любви. Вся душа ея выливалась въ этихъ звукахъ; на ихъ крылахъ возносилось къ небу вырывавшееся изъ ея груди глубокое чистое чувство. Какая-то сладкая грусть охватила меня; эти звуки какъ будто выманили изъ глубины моей души какія-то давно похороненныя въ ней воспоминанія, и я готовъ былъ воскликнуть вмѣстѣ съ Бернардо: «Это она!» Да, событіе, о которомъ я столько лѣтъ и не думалъ и не вспоминалъ, вдругъ воскресло предо мною съ необыкновенной живостью и яркостью: я вспомнилъ церковное торжество въ церкви Арачели, мою рождественскую проповѣдь и стройную, прелестную дѣвочку съ удивительно нѣжнымъ, чистымъ голоскомъ, похитившую у меня пальму первенства. Чѣмъ больше смотрѣлъ я на пѣвицу и слушалъ ее, тѣмъ увѣреннѣе твердилъ себѣ: «Это она, она!»

А когда затѣмъ Эней объявилъ ей, что уѣзжаетъ, что они, вѣдь, не мужъ и жена—какъ поразительно выразила она въ своей аріи происшедшій въ душѣ ея переворотъ—отчаянье, боль, бѣшенство! Звуки вздымались, словно волны морскія, бросаемыя бурею къ облакамъ. Какъ высказать, какъ передать словами мои тогдашнія чувства? Въ этихъ звукахъ открылся для меня цѣлый міръ, но они какъ будто исходили не изъ человѣческой груди, и мысль моя искала пріурочить ихъ къ какому-нибудь подходящему живому образу. Да, такъ поетъ лебедь, влагающій въ свою пѣсню всю свою жизнь и то разсѣкающій своими широкими, свѣтлыми крыльями волны эфира, то погружающійся въ глубину моря, чтобы затѣмъ снова вознестись къ небу!

Взрывъ рукоплесканій огласилъ залу; раздались вызовы: «Аннунціата! Аннунціата!» И ей пришлось выходить и кланяться восхищенной толпѣ безъ конца.

И все же эта арія уступала дуэту второго дѣйствія, когда Дидона умоляетъ Энея не уѣзжать такъ поспѣшно, не покидать царицу, «оскорбившую ради него, Ливійское племя и князей Африканскихъ, пренебрегшую своею скромностью, своимъ добрымъ именемъ». «Я, вѣдь, не посылала кораблей подъ стѣны Трои, я не оскорбляла памяти и праха Анхиза!»

Въ голосѣ ея звучала такая искренность, такое горе, что у меня слезы выступили на глазахъ; воцарившаяся въ залѣ глубокая тишина показывала, что и другіе слушатели были тронуты не меньше моего.

Эней всетаки покидаетъ Дидону, и вотъ она стоитъ съ минуту блѣдная, холодная, какъ мраморное изображеніе Ніобеи... Затѣмъ, кровь бросается ей въ лицо,—это уже не нѣжно-любящая Дидона, покинутая супруга, это—фурія! Прекрасныя черты дышатъ смертельною ненавистью; Аннунціата сумѣла придать своему лицу такое выраженіе, что у всѣхъ кровь застыла въ жилахъ; всѣ жили и страдали теперь вмѣстѣ съ нею.

Леонардо де Винчи написалъ голову Медузы, которая находится въ Флорентійской галлереѣ; на нее жутко смотрѣть и въ то же время нельзя оторваться: это Венера Медицейская, созданная изъ ядовитой пѣны морской, застывшей въ прекрасномъ, но ужасномъ, дышащемъ смертью, образѣ. Такою-то вотъ явилась теперь предъ нами и Аннунціата-Дидона.

Сестра ея Анна воздвигла костеръ; весь дворецъ увѣшанъ черными вѣнками и гирляндами; на заднемъ планѣ взволнованное море, по которому уносится вдаль корабль Энея; Дидона стоитъ съ забытымъ имъ кинжаломъ; глухо звучитъ ея пѣснь, затѣмъ переходитъ въ громкія стенанія, похожія на плачъ падшаго ангела. Костеръ вспыхиваетъ, сердце разрывается, послѣдній аккордъ замираетъ...

Занавѣсъ опустился. Раздался громъ рукоплесканій. Красота и чудный голосъ артистки привели всѣхъ въ неописанный восторгъ. «Аннунціата! Аннунціата!» раздавалось изъ партера, изо всѣхъ ложъ. Занавѣсъ снова взвился, и передъ нами стояла пѣвица, такая скромная и прелестная, съ взоромъ, исполненнымъ любви и кротости. Къ ногамъ ея посыпался настоящій дождь цвѣтовъ; дамы махали платками, а мужчины восторженно выкрикивали ея имя. Занавѣсъ опять опустили, но энтузіазмъ публики все росъ, и Аннунціатѣ опять пришлось показаться; на этотъ разъ она вышла объ руку съ пѣвцомъ, исполнявшимъ партію Энея. Крики «Аннунціата! Аннунціата!» однако, все не прекращались; тогда она вышла со всею труппою, содѣйствовавшею ея успѣху, но ее продолжали вызывать одну. Она вышла, и въ краткихъ, но прочувствованныхъ словахъ поблагодарила присутствующихъ за такое щедрое поощреніе ея таланта. Я въ порывѣ восторга набросалъ на клочкѣ бумаги нѣсколько строчекъ, и бумажка полетѣла къ ея ногамъ вмѣстѣ съ цвѣтами и вѣнками.

Занавѣсъ больше не поднимался, но вызовы все продолжались; публика хотѣла еще разъ увидать пѣвицу, еще разъ выразить ей свое восхищеніе. Аннунціата вышла изъ-за боковыхъ кулисъ и прошла вдоль рампы, посылая своимъ восторженнымъ поклонникамъ воздушные поцѣлуи. Глаза ея сіяли радостью, все лицо дышало счастьемъ. Видно было, что она переживала теперь лучшія, счастливѣйшія минуты своей жизни.

Не то же ли было и со мной? Я, вѣдь, раздѣлялъ и ея радость, и восторгъ зрителей; взоръ мой, вся душа моя упивалась ея красотою; я не видѣлъ ничего, не думалъ ни о чемъ, кромѣ Аннунціаты!

Толпа повалила изъ театра; меня увлекъ общій потокъ, стремившійся къ углу театра, гдѣ стояла карета пѣвицы; тамъ меня притиснули къ стѣнѣ; всѣмъ хотѣлось еще разокъ взглянуть на Аннунціату; всѣ стояли съ непокрытыми головами и восторженно провозглашали: «Аннунціата!» Я кричалъ то же, и сердце мое при этомъ какъ будто выростало въ груди. Бернардо протискался къ самымъ дверцамъ кареты и открылъ ихъ для Аннунціаты. Восторженная молодежь рѣшила сама везти карету съ пѣвицей и моментально отпрягла лошадей. Аннунціата благодарила своихъ поклонниковъ и взволнованнымъ голосомъ просила ихъ отказаться отъ этого намѣренія; отвѣтомъ были тѣ же восторженные клики. Бернардо вскочилъ на подножку кареты и принялся успокаивать Аннунціату; я же, вмѣстѣ съ другими, повезъ карету и былъ счастливъ, какъ и всѣ. Къ сожалѣнію, счастью этому слишкомъ скоро наступилъ конецъ; эти нѣсколько минутъ промчались, какъ чудный сонъ.

Какъ же я былъ радъ, когда опять столкнулся съ Бернардо! Онъ, вѣдь, говорилъ съ нею, стоялъ около нея, такъ близко!

— Ну, что скажешь, Антоніо? Неужели твое сердце еще не затронуто? Если ты еще не горишь любовью, то недостоинъ называться мужчиною! Понимаешь ты теперь, какъ ты проигралъ, отказавшись тогда познакомиться съ нею, понимаешь, что изъ-за такого созданія стоило бы начать учиться по-еврейски! Да, Антоніо, я не сомнѣваюсь,—какъ все это ни загадочно—что она-то и есть моя исчезнувшая еврейка! Это ее я видѣлъ у старика Ганноха, это она угощала меня виномъ! Теперь я опять нашелъ ее! Она, словно фениксъ, возродилась изъ гнѣзда — изъ этого отвратительнаго Гэто!

— Это немыслимо, Бернардо!—отвѣтилъ я.—Она и во мнѣ пробудила воспоминанія, но они говорятъ какъ-разъ противное: она не можетъ быть еврейкою. Нѣтъ, навѣрное, она принадлежитъ къ единой истинной церкви! И если бы ты вглядѣлся въ нее пристальнѣе, ты бы убѣдился, что у нея совсѣмъ не еврейскій типъ; на ея лицѣ нѣтъ печати отверженія, отмѣчающей это несчастное, изгнанное племя. Самый языкъ ея, эти звуки!.. Нѣтъ, они не могли вылетать изъ еврейскихъ устъ! О, Бернардо! Я такъ счастливъ, такъ упоенъ этими звуками! Но что она говорила? Ты, вѣдь, разговаривалъ съ нею! Стоялъ рядомъ! Что, она была такъ же счастлива, какъ и мы всѣ?

— Да ты и впрямь внѣ себя отъ восторга, Антоніо!—прервалъ меня Бернардо.—Наконецъ-то ледъ Іезуитской коллегіи растаялъ!.. Что она говорила? Да она и была испугана, и гордилась тѣмъ, что вы, сумасброды,

повезли ее по улицамъ. Она спустила на лицо свой густой вуаль и прижалась въ уголокъ кареты; я сталъ успокоивать ее и высказалъ ей все, что подсказало мнѣ мое сердце и что слѣдовало высказать царицѣ красоты и невинности, но она даже не приняла моей руки, когда я хотѣлъ помочь ей выйти изъ кареты.

— Да какъ же ты осмѣлился? Она, вѣдь, не знаетъ тебя! Я бы никогда не рѣшился на это!

— Ахъ, ты не знаешь ни свѣта, ни женщинъ! Теперь она обратила на меня вниманіе, и это уже кое-что значитъ.

Затѣмъ мнѣ пришлось прочесть ему мой экспромптъ, и онъ нашелъ его божественнымъ, достойнымъ появиться въ печати! Мы зашли въ кафе и выпили за здоровье Аннунціаты; да и всѣ, бывшіе тамъ, говорили только о ней; всѣ, какъ и мы, продолжали восхвалять ее. Было уже поздно, когда я простился съ Бернардо. Я вернулся домой, но нечего было и думать заснуть! Мнѣ доставляло такое наслажденіе вспоминать всю оперу: и первый выходъ Аннунціаты, и ея арію, и дуэтъ, и, наконецъ, за душу хватающій финалъ. Въ пылу восторга я даже нѣсколько разъ принимался апплодировать и громко вызывать Аннунціату! Затѣмъ мнѣ вспомнилось и мое маленькое стихотвореніе; я написалъ его на бумажкѣ, прочелъ и нашелъ очень красивымъ, перечелъ еще разъ и—если ужъ быть откровеннымъ—любовь моя къ Аннунціатѣ какъ будто перешла въ восхищенье своимъ собственнымъ стихотвореніемъ! Теперь, спустя столько лѣтъ, я смотрю на все это иными глазами, тогда же я находилъ свои стишки маленькимъ шедёвромъ. «Она навѣрное подняла ихъ», думалъ я: «и теперь сидитъ, полураздѣтая, на мягкой шелковой софѣ, облокотившись прекрасною ручкой на подушку, и читаетъ:

Душа стремилась, замирая,
Вслѣдъ за тобою улетѣть,
Минуя адъ, къ чертогамъ рая,
Но то лишь Данте могъ посмѣть!
Онъ описалъ красу Эдема,
Могучъ его блестящій стихъ,
Но ярче, жизненнѣй поэма
Лилась сейчасъ изъ устъ твоихъ!

До сихъ поръ я не зналъ міра богаче, прекраснѣе міра поэзіи, открытаго мнѣ твореніемъ Данте, но теперь онъ сталъ для меня какъ-то еще жизненнѣе, яснѣе, чѣмъ прежде: чарующее пѣніе Аннунціаты, ея взгляды, страданіе и отчаяніе, которыя она сумѣла такъ художественно выразить, какъ будто впервые выяснили мнѣ всю гармонію Дантовскаго стиха. Навѣрное ей понравились мои стихи! Я представлялъ себѣ, что́ она ду-

наетъ, читая ихъ, какъ желаетъ познакомиться съ авторомъ, и, право, засыпая, я хоть и воображалъ, что занятъ одною Аннунціатою, на самомъ-то дѣлѣ больше былъ занятъ самимъ собою и своимъ ничтожнымъ стихотвореніемъ!

Бернардо является, какъ Deus ex machina. «La pruova d'un opera seria». Моя первая импровизація. Послѣдній день карнавала.

На другой день я все утро напрасно искалъ случая увидѣться съ Бернардо; много разъ проходилъ я и по площади Колонна, не для того, чтобы любоваться на колонну Антонія, но чтобы увидать хоть край платья Аннунціаты: она, вѣдь, жила на этой площади! Бродилъ я, конечно, все возлѣ ея дома. У нея были гости; счастливцы! До меня доносились звуки фортепіано и пѣніе; я прислушался, но это пѣла не она. Низкій басъ пропѣлъ нѣсколько гаммъ; вѣроятно, это былъ капельмейстеръ, или одинъ изъ пѣвцовъ ея труппы. Какой завидный жребій! Вотъ бы быть на мѣстѣ того, кто пѣлъ Энея! Видѣть ее такъ близко, лицомъ къ лицу, упиваться ея ласковыми взглядами, переѣзжать съ нею изъ города въ городъ, пожиная лавры!.. Я совсѣмъ ушелъ въ эти мечты, а вокругъ меня плясали увѣшанные бубенчиками арлекины, пульчинелли и чародѣи. Я совсѣмъ и забылъ, что сегодня опять карнавалъ, что веселье уже началось, и вся эта пестрая толпа, весь этотъ шумъ и гамъ производили на меня самое непріятное впечатлѣніе. Мимо катились экипажи; почти всѣ кучера были переодѣты дамами, но эти черные усы и бороды, виднѣвшіеся изъ-подъ дамскихъ капюшоновъ, эти рѣзкія угловатыя движенія просто рѣзали мнѣ глаза! Я не былъ, какъ вчера, расположенъ веселиться и, бросивъ послѣдній взглядъ на домъ, гдѣ жила Аннунціата, хотѣлъ уже уйти домой, какъ вдругъ изъ воротъ выскочилъ Бернардо и бросился прямо ко мнѣ, весело крича: «Иди же сюда! Не стой тамъ! Я представлю тебя Аннунціатѣ! Она уже ждетъ тебя! Видишь, какой я хорошій другъ!»

— Она!—пробормоталъ я, и кровь бросилась мнѣ въ лицо.—Не шути со мною! Куда ты ведешь меня?

— Къ ней, къ той, которую ты воспѣлъ!—отвѣтилъ онъ.—Къ ней, къ волшебницѣ, вскружившей всѣмъ намъ головы, къ божественной Аннунціатѣ!—И онъ повлекъ меня за собою.

— Но объясни же мнѣ, какъ ты самъ попалъ туда? Какъ ты можешь вводить къ ней меня?

— Послѣ, послѣ все узнаешь!—отвѣтилъ онъ.—Смотри же теперь повеселѣе!

— Но костюмъ мой!..—пробормоталъ я, торопливо охорашиваясь.

— О, ты безподобенъ, другъ мой! Лучше и быть нельзя! Ну, вотъ мы и у дверей!

Двери отворились, и я очутился передъ Аннунціатою. Она была въ черномъ шелковомъ платьѣ; на плечи былъ накинутъ газовый, голубой съ краснымъ, шарфъ, черные волосы зачесаны назадъ и оставляли открытымъ высокій благородный лобъ, на который спускалось какое-то черное украшеніе, кажется камея. Поодаль отъ нея, возлѣ окна, сидѣла старушка въ темномъ простенькомъ платьѣ; глаза и весь обликъ ея обнаруживали еврейку. Я вспомнилъ утвержденіе Бернардо, будто Аннунціата и красавица-еврейка изъ Гэто одно и то же лицо; но нѣтъ, сердце мое протестовало противъ этого! Въ комнатѣ находился еще одинъ, незнакомый мнѣ господинъ. При нашемъ входѣ онъ всталъ; сама Аннунціата съ улыбкой направилась намъ на встрѣчу, и Бернардо шутливо представилъ меня ей:

— Милостивая синьора, имѣю честь представить вамъ поэта, моего друга, аббата Антоніо, любимца семейства Боргезе!

— Синьоръ извинитъ,—начала она:—но, право, это не моя вина! Я не желала напрашиваться на ваше знакомство, какъ оно ни лестно для меня!.. Вы почтили меня стихотвореніемъ,—тутъ она покраснѣла:—вашъ другъ назвалъ мнѣ автора и обѣщалъ представить его мнѣ... Но вдругъ увидалъ васъ въ окно, крикнулъ: «сейчасъ вы увидите его!» и устремился за вами, прежде чѣмъ я успѣла остановить его, предупредить... Вѣдь, такимъ образомъ... Но вы лучше меня знаете своего друга!

Бернардо принялся смѣяться, а я пробормоталъ что-то похожее на извиненіе и выразилъ, какъ умѣлъ, свое счастье и радость.

Щеки мои горѣли; она протянула мнѣ руку, и я, въ порывѣ восторга, прижалъ ее къ губамъ. Она познакомила меня съ упомянутымъ выше господиномъ, капельмейстеромъ ихъ труппы, старушку же назвала своею воспитательницей. Послѣдняя окинула насъ съ Бернардо серьезнымъ, почти строгимъ взглядомъ, но я скоро забылъ объ этомъ подъ впечатлѣніемъ остроумія и дружески-ласковаго обращенія Аннунціаты.

Капельмейстеръ сказалъ мнѣ нѣсколько обязательныхъ комплиментовъ насчетъ моего стихотворенія, протянулъ мнѣ руку и посовѣтовалъ мнѣ взяться за составленіе оперныхъ либретто. Для начала я могъ бы написать одно для него.

— Не слушайте его!—прервала Аннунціата.—Вы не знаете, въ какія бѣдствія онъ хочетъ ввергнуть васъ! Композиторы и не думаютъ о жертвахъ, какія приходится приносить автору либретто, а публика и того меньше. Сегодня вечеромъ вы увидите въ театрѣ «La pruova d'un opera seria»—правдивую картину мученій бѣднаго автора, и все же они обрисованы тамъ еще недостаточно ярко.

Композиторъ хотѣлъ было возразить, но Аннунціата подошла ко мнѣ поближе и, смѣясь, продолжала:

— Вы создаете вещь, вкладываете въ прекраснѣйшіе стихи всю вашу душу; идея, характеры—все у васъ строго обдумано, но вотъ является композиторъ. У него своя идея, и ее надо провести, а вашу по боку. Онъ желаетъ ввести барабаны и дудки, и вы должны плясать подъ нихъ. Примадонна говоритъ, что не станетъ пѣть, если у нея не будетъ блестящей выходной аріи; ей нужна арія въ темпѣ furioso maestoso, а кстати это или не кстати, это ужъ не ея дѣло. Первый теноръ предъявляетъ такія же требованія. Вы должны метаться отъ прима къ терціа-доннѣ, отъ басовъ къ тенорамъ, кланяться, улыбаться, переносить всѣ наши капризы, а ихъ не мало!

Капельмейстеръ хотѣлъ что-то возразить, но Аннунціата не дала ему сказать ни слова и продолжала:

— Затѣмъ является самъ директоръ, взвѣшиваетъ, соображаетъ и бракуетъ. Вы же должны разыгрывать роль его покорнѣйшаго слуги во всемъ, даже въ глупостяхъ и нелѣпостяхъ. Завѣдующій монтировочною частью увѣряетъ, что средства театра не позволяютъ такой-то обстановки, такихъ-то декорацій, и вотъ, вы должны измѣнить въ вашей пьесѣ то-то и то-то, или, какъ говорятъ на театральномъ языкѣ: «прилаживаться къ обстоятельствамъ». Декораторъ съ своей стороны не позволяетъ приладить къ его новой декораціи такого-то аксессуара, и вы должны выкинуть всѣ реплики, въ которыхъ упоминается этотъ аксессуаръ. Затѣмъ, оказывается, что синьора не можетъ брать трель на томъ слогѣ, которымъ кончается какой-нибудь стихъ; ей нуженъ слогъ на *а*, откуда же вы возьмете его—ей нѣтъ никакого дѣла. Вы должны прилаживаться, прилаживаться, и когда, наконецъ, ваше либретто, въ неузнаваемомъ для васъ самихъ видѣ, появится на сценѣ, вамъ предстоитъ удовольствіе присутствовать при провалѣ оперы и услышать вопль композитора: «Все погубило невозможное либретто! Даже мои мелодіи не могли окрылить такого истукана; онъ и провалился!»

Въ окна къ намъ врывались звуки веселой музыки; ряженые шумѣли на площади и на улицахъ. Громкіе крики восторга и апплодисменты привлекли насъ всѣхъ къ открытому окну. Теперь, стоя рядомъ съ Аннунціатой, достигнувъ исполненія моего завѣтнаго желанія, я опять былъ счастливъ, карнавалъ опять веселилъ меня, какъ вчера, когда я самъ принималъ въ немъ участіе.

Подъ окномъ собралось больше полсотни пульчинеллей. Они выбрали себѣ короля и усадили его въ маленькую тележку, разукрашенную пестрыми флагами и гирляндами изъ лавровыхъ вѣтвей и лимонныхъ корокъ, развѣвавшихся словно ленты и шнурки. На голову королю надѣли ко-

рону изъ вызолоченныхъ и раскрашенныхъ яицъ, въ руку дали скипетръ—огромную погремушку, обвитую макаронами, затѣмъ всѣ принялись плясать вокругъ него, а онъ милостиво раскланивался на всѣ стороны. Наконецъ, пульчинелли впряглись въ тележку, чтобы везти его по улицамъ; тутъ онъ случайно увидѣлъ Аннунціату, узналъ ее, дружески кивнулъ ей и крикнулъ: «Вчера ѣхала ты, а сегодня ѣду я на тѣхъ же кровныхъ римлянахъ!» Я видѣлъ, какъ Аннунціата вся вспыхнула и отшатнулась, но вдругъ, овладѣвъ собой, мгновенно бросилась впередъ, перегнулась чрезъ перила балкончика и крикнула ему: «Да, но ни ты, ни я не достойны этого счастья!»

Ее увидали, услышали ея слова, громкое «виватъ» огласило воздухъ, и на балконъ полетѣли букеты. Одинъ задѣлъ ея плечо и упалъ мнѣ на грудь. Я крѣпко прижалъ къ сердцу это сокровище, съ которымъ рѣшилъ не разставаться.

Бернардо былъ возмущенъ этою, какъ онъ выразился, дерзостью пульчинелля, хотѣлъ было сейчасъ же бѣжать на улицу и наказать парня, но капельмейстеръ и другіе удержали его, обративъ все въ шутку.

Слуга доложилъ о приходѣ перваго тенора, который привелъ съ собою какого-то аббата и иностраннаго художника, желавшихъ представиться Аннунціатѣ. Минуту спустя, вошли новые гости: еще нѣсколько иностранныхъ художниковъ, явившихся засвидѣтельствовать пѣвицѣ свое почтеніе. Эти отрекомендовались ей сами. Такимъ образомъ, составилось цѣлое общество. Разговоръ шелъ о веселомъ празднествѣ, состоявшемся прошедшую ночь въ театрѣ Аргентина, гдѣ собрались маски, въ костюмахъ, скопированныхъ съ знаменитыхъ статуй: Аполлона, гладіаторовъ и метателей диска. Въ общій разговоръ не вмѣшивалась только пожилая дама, которую я принялъ за еврейку; она совсѣмъ ушла въ свое вязанье и только кивала головой всякій разъ, какъ Аннунціата обращалась къ ней въ разговорѣ.

Какъ не похожа была сегодняшняя Аннунціата на то существо, которое я рисовалъ себѣ заранѣе! Дома она казалась жизнерадостнымъ, почти рѣзвымъ ребенкомъ, но и это шло къ ней удивительно и нравилось мнѣ несказанно. Она восхищала и меня, и всѣхъ остальныхъ своими бѣглыми, шутливыми замѣчаніями и своимъ остроуміемъ. Вдругъ она взглянула на часы, быстро поднялась и извинилась предъ нами, что должна оставить насъ,—пора было одѣваться; она, вѣдь, пѣла въ этотъ вечеръ главную партію въ «La pruova d'un opera seria». Дружески кивнувъ намъ головкой, она скрылась въ сосѣднюю комнату.

— Какъ ты осчастливилъ меня сегодня, Бернардо!—сказалъ я, очутившись съ нимъ на улицѣ.—Какая она милая! Такая же милая, какъ и на сценѣ!.. Но какимъ образомъ ты самъ очутился у нея, какъ могъ

ты такъ скоро познакомиться? Я ничего не понимаю! Все это кажется мнѣ сномъ, даже то, что я былъ сейчасъ у нея!

— Какъ я попалъ къ ней? Очень просто!—отвѣчалъ Бернардо.—Я, какъ одинъ изъ представителей знатной римской молодежи, какъ офицеръ папской гвардіи и, наконецъ, какъ поклонникъ красоты, счелъ своимъ долгомъ явиться къ ней съ визитомъ! Да любви не нужно и половины всѣхъ этихъ предлоговъ. Вотъ я и явился къ ней, а ужъ само собою разумѣется, что представиться-то ей я сумѣлъ не хуже тѣхъ художниковъ, что явились при тебѣ, также безъ всякихъ глашатаевъ или дядекъ!.. Разъ я влюбленъ, я всегда бываю интереснымъ, и можешь быть увѣреннымъ, что я сумѣлъ занять ее разговоромъ. Черезъ полчаса мы были съ нею уже настолько знакомы, что я могъ ввести къ ней и тебя!

— Ты любишь ее?—спросилъ я.—Любишь ее истинною любовью?

— Да, больше чѣмъ когда-либо!—сказалъ онъ.—Въ томъ же, что она и есть та самая красавица, которая угощала меня виномъ въ домѣ еврея, я и не сомнѣваюсь. И она узнала меня, какъ только я вошелъ къ ней; я сразу замѣтилъ это. А старая еврейка, что сидитъ словно истуканъ, только покачивая головой да спуская петли, является своего рода Соломоновою печатью, подтверждающею мое предположеніе. Но самато Аннунціата не еврейка; меня ввели въ заблужденіе ея черные волосы, темные глаза и мѣсто нашей первой встрѣчи съ нею. Твое предположеніе вѣрнѣе: она нашей вѣры и будетъ въ нашемъ раю!

Мы уговорились встрѣтиться вечеромъ въ театрѣ, но народу было столько, что мнѣ такъ и неудалось отыскать Бернардо. Я всетаки досталъ себѣ мѣсто; театръ былъ набитъ биткомъ, жара стояла ужасная, а кровь моя и безъ того уже была лихорадочно возбуждена; событія двухъ послѣднихъ дней представлялись мнѣ какимъ-то бредомъ. Дававшаяся же пьеса меньше всего годилась для успокоенія расходившихся нервовъ. Опера-буффъ «La pruova d'un opera seria», какъ извѣстно, продуктъ самой развеселой фантазіи. Въ ней собственно нѣтъ общей связи; либреттистъ и композиторъ имѣли въ виду только посмѣшить публику и дать пѣвцамъ побольше случаевъ блеснуть своимъ голосомъ и умѣньемъ пѣть. Въ оперѣ выведены страстная, капризная примадонна, такой же композиторъ и разные капризничающіе артисты, этотъ особый сортъ людей, съ которыми и обходиться нужно на особый ладъ, словно съ ядомъ, что и убиваетъ и исцѣляетъ! Бѣдный же либреттистъ играетъ въ пьесѣ роль несчастнаго козла отпущенія.

Появленіе Аннунціаты вызвало бурю восторговъ и цвѣточный дождь. Выказанныя ею въ этой новой роли веселость и живость сочли высшимъ проявленіемъ искусства; я же назову это скорѣе проявленіемъ ея истинной природы: такою точно была она и вчера у себя дома. Пѣніе ея

напоминало сегодня звонъ серебряныхъ колокольчиковъ; всѣ сердца упивались радостью, сіявшею въ ея взорѣ.

Дуэтъ между нею и композиторомъ, причемъ они мѣняются партіями— онъ поетъ женскую, а она мужскую—былъ тріумфомъ для обоихъ, но особенно поразила всѣхъ слушателей Аннунціата своими искусными переходами отъ самаго низкаго альта къ высочайшему сопрано. Въ танцахъ же она казалась самою Терпсихорою, какъ та изображается на этрусскихъ вазахъ; каждое движеніе дышало плѣнительною граціей и могло послужить предметомъ изученія для художника или скульптора. Но вся эта плѣнительная живость и рѣзвость казались мнѣ только естественнымъ проявленіемъ ея природы, которую я уже имѣлъ случай изучить. Роль Дидоны была, по моему, въ исполненіи Аннунціаты дѣйствительно проявленіемъ высшаго искусства, роль же «примадонны» въ этой оперѣ— высшимъ проявленіемъ субъективности.

Бравурныя аріи буффонады были набраны отовсюду, но Аннунціата исполняла ихъ такъ естественно-шаловливо, что безсмыслица какъ-то скрадывалась.

Въ концѣ-концовъ композиторъ увѣряетъ, что теперь все превосходно, что можно начать увертюру и раздаетъ ноты музыкантамъ настоящаго оркестра; примадонна помогаетъ ему; затѣмъ даютъ знакъ, и начинается ужаснѣйшая, уши и душу раздирающая какофонія. Но самъ композиторъ и примадонна апплодируютъ и кричатъ: «браво! браво!» Публика вторила имъ, смѣхъ почти заглушалъ музыку, но меня все это возбуждало еще больше; я положительно былъ разстроенъ. Аннунціата казалась мнѣ рѣзвымъ, восхитительно шаловливымъ ребенкомъ; пѣніе же ея напоминало дикіе дифирамбы вакханокъ, и я не могъ слѣдовать за нею даже въ этотъ міръ веселыхъ звуковъ. При взглядѣ на нее, мнѣ вспоминалась чудная фреска Гвидо-Рени «Аврора». На ней богини временъ года порхаютъ вокругъ колесницы солнца; одна изъ нихъ поразительно похожа на портретъ Беатриче Ченчи, но только какъ бы снятый съ послѣдней въ одинъ изъ счастливыхъ моментовъ ея жизни. То же выраженіе нашелъ я и въ лицѣ Аннунціаты. Будь я скульпторомъ, я бы изваялъ ее изъ мрамора, и люди назвали бы эту статую «невинною радостью». Все громче и громче гремѣли диссонансы въ оркестрѣ; композиторъ и примадонна пѣли, и затѣмъ воскликнули: «Великолѣпно! Увертюра кончена, теперь можно поднять занавѣсъ!» и въ ту же минуту занавѣсъ опустили. Буффонада была кончена. Аннунціату принялись вызывать по вчерашнему, осыпая букетами, вѣнками и стихами. Кружокъ моихъ ровесниковъ, изъ которыхъ я зналъ нѣкоторыхъ, рѣшилъ дать ей въ этотъ вечеръ серенаду; я примкнулъ къ нимъ, несмотря на то, что не пѣлъ уже цѣлую вѣчность.

Черезъ часъ послѣ ея возвращенія домой, мы гурьбой отправились

на площадь Колонна и расположились подъ балкономъ Аннунціаты; за длинными оконными занавѣсями мелькалъ еще свѣтъ; душа моя была взволнована; я думалъ только о *ней*, и голосъ мой смѣло слился съ голосами другихъ. Кромѣ того, я долженъ былъ исполнить соло; по мѣрѣ того, какъ я пѣлъ, я все больше и больше забывалъ окружающее и все на свѣтѣ; я весь ушелъ въ міръ звуковъ, и голосъ мой звучалъ такъ мощно и въ то же время такъ нѣжно, какъ никогда прежде. Товарищи мои не могли удержаться отъ тихаго «браво», и съ меня было довольно,—я самъ сталъ прислушиваться къ своему голосу, и радость стѣснила мнѣ грудь: я чувствовалъ въ себѣ присутствіе божества! Когда Аннунціата показалась на балконѣ и низко поклонилась намъ въ знакъ благодарности, мнѣ казалось, что это относится ко мнѣ одному. Я слышалъ, какъ мой голосъ покрывалъ весь хоръ, являясь какъ бы душою этого огромнаго тѣла. Въ какомъ-то чаду упоенія вернулся я домой; суетныя мысли мои были заняты однимъ—удовольствіемъ, которое навѣрно доставило мое пѣніе Аннунціатѣ! Я, вѣдь, поразилъ имъ даже себя самого.

На слѣдующій день я отправился къ ней съ визитомъ и засталъ у нея Бернардо и многихъ другихъ знакомыхъ. Она была въ восторгѣ отъ чудеснаго тенора, который слышала вчера во время серенады; я покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ. Кто-то изъ присутствующихъ выдалъ меня, и она сейчасъ же повлекла меня къ фортепіано, требуя, чтобы я спѣлъ съ нею дуэтъ. Я стоялъ передъ инструментомъ, какъ преступникъ передъ эшафотомъ, увѣряя, что никакъ не могу пѣть. Но всѣ принялись просить меня, а Бернардо даже бранить за то, что я хотѣлъ лишить ихъ удовольствія слышать синьору. Она взяла меня за руку, и я былъ пойманъ, какъ птица; напрасно я билъ крыльями—пришлось пѣть! Дуэтъ былъ мнѣ знакомъ; Аннунціата сыграла прелюдію и начала; я поддерживалъ ее дрожащимъ голосомъ. Взглядъ ея покоился на мнѣ, какъ бы говоря: «Не робѣй! Слѣдуй за мною въ міръ звуковъ!» Я и думалъ только объ этомъ, да объ Аннунціатѣ. Скоро робость моя прошла, и я кончилъ дуэтъ смѣло и увѣренно. Бурные аплодисменты привѣтствовали насъ обоихъ, даже молчаливая старая еврейка дружески кивнула мнѣ головой.

— Да ты просто поразилъ меня!—шепнулъ мнѣ Бернардо и затѣмъ разсказалъ всѣмъ, что я отличаюсь еще однимъ прекраснымъ талантомъ—даромъ импровизаціи, которымъ и долженъ сейчасъ порадовать общество. Я былъ глубоко взволнованъ, но лестныя похвалы моему пѣнію и нѣкоторая увѣренность въ своихъ способностяхъ, а также просьбы Аннунціаты заставили меня рѣшиться импровизировать—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ взрослымъ человѣкомъ. Я взялъ гитару Аннунціаты, а она задала мнѣ тему: «Безсмертіе». Я быстро обдумалъ богатую тему, взялъ нѣсколько вступительныхъ аккордовъ и началъ импровизацію.

Геній фантазіи понесъ меня чрезъ фосфорно-голубое Средиземное море въ пышныя долины Греціи. Аѳины лежатъ въ развалинахъ; надъ поверженными колоннами растутъ дикія фиговыя деревья. И духъ мой проникся печалью. Во времена Перикла здѣсь, подъ высокими сводами, весело толпился народъ, собравшійся на праздникъ красоты; по улицамъ плясали увѣнчанныя цвѣтами женщины, прекрасныя, какъ Лаиса, громко раздавалось пѣніе рапсодовъ!.. Они пѣли о безсмертіи красоты и добра. Но теперь отъ благородныхъ красавицъ остался одинъ прахъ; восхищавшія древнихъ грековъ прекрасныя формы забыты! И вдругъ, въ то самое время, какъ геній фантазіи оплакивалъ разрушеніе Аѳинъ, изъ земли извлекли дивные образы красоты, изваянные великими мастерами изъ мрамора, и геній узналъ въ нихъ дочерей Аттики! Красота получила въ этихъ статуяхъ отпечатокъ божественности, и бѣлый мраморъ сохранилъ ее для грядущихъ поколѣній! Красота безсмертна! Да, но земная власть и величіе—преходящи! Геній фантазіи понесся черезъ море, въ Италію, и съ развалинъ древняго дворца Цезарей смотрѣлъ на вѣчный городъ. Тибръ попрежнему катилъ свои мутныя волны, но тамъ, гдѣ нѣкогда боролся Горацій Коклесъ, плыли въ Остію барки съ бревнами и оливками. На томъ мѣстѣ, откуда бросился нѣкогда въ огненную пучину Курцій, росла высокая трава и пасся скотъ. Августъ! Титъ! Славныя имена! Но о нихъ говорятъ нынѣ лишь стѣны разрушенныхъ храмовъ и арки. Римскій орелъ, мощная птица Юпитера, лежитъ мертвымъ въ своемъ гнѣздѣ. Римъ, гдѣ твое безсмертіе? Но вотъ сверкнула молнія церковнаго проклятія надъ возникающими царствами Европы. Поверженный Римскій престолъ сталъ престоломъ св. Петра, и земные владыки потекли въ священный градъ босые, съ непокрытыми головами. Римъ сталъ повелителемъ міра! Въ шумѣ крылъ пролетающихъ вѣковъ звучитъ, однако: «Смерть, смерть всему, что доступно рукѣ человѣка, открыто его глазу!» Но можетъ-ли заржавѣть мечъ св. Петра? Можетъ-ли рушиться власть церкви? Возможно-ли невозможное? Римъ гордо лежитъ въ развалинахъ со своими древними богами и священными образами, но властвуетъ надъ міромъ, какъ очагъ вѣчнаго искусства! Вѣчно будутъ стекаться, о, Римъ, къ твоимъ холмамъ сыны Европы—и съ востока, и съ запада, и съ холоднаго сѣвера—восклицая: «Римъ, твоя власть безсмертна!»

Бурныя одобренія привѣтствовали меня, когда я остановился. Одна Аннунціата не шевельнулась; она сидѣла молчаливая и прекрасная, какъ статуя Венеры, не сводя съ меня пламеннаго взора. Я понялъ нѣмой языкъ сердца, и слова вновь полились изъ моихъ устъ, складываясь въ стихи подъ диктовку вдохновенной мысли.

Съ великой міровой арены геній фантазіи понесъ моихъ слушателей на меньшую: я описалъ великую артистку, приковывающую къ себѣ

сердца людей своею игрою и пѣніемъ. Аннунціата опустила глаза: я, вѣдь, имѣлъ въ виду ее и постарался, чтобы ее узнали въ моемъ изображеніи. «Когда замрутъ послѣдніе звуки ея голоса», продолжалъ я: «когда занавѣсъ упадетъ, когда умолкнутъ шумныя ликованія толпы—ея художественное созданіе становится прекраснымъ трупомъ, погребеннымъ въ груди слушателей. Но грудь поэта подобна гробницѣ Мадонны: въ ней все превращается въ цвѣты и благоуханіе, умершіе воскресаютъ въ еще болѣе прекрасныхъ образахъ; изъ нея взвивается ввысь мощная пѣснь, обѣщающая артисткѣ «безсмертіе»!»

Я смотрѣлъ на Аннунціату; уста мои высказали мои мысли, я низко поклонился ей, и всѣ окружили меня, осыпая похвалами.

— Вы доставили мнѣ истинное наслажденіе!—сказала Аннунціата, ласково глядя на меня, и я осмѣлился поцѣловать ея руку.

Моя импровизація возбудила въ ней интересъ ко мнѣ; она уже тогда чувствовала то, что я понялъ только позже, что это любовь заставила меня вознести ее и ея искусство на такую высоту, до которой они никогда не могли возвыситься на самомъ дѣлѣ. Драматическое искусство не безсмертно, къ сожалѣнію! Оно напоминаетъ радугу, отражающую великолѣпіе неба; это мостъ, соединяющій небо съ землей; имъ восхищаются, но черезъ минуту онъ исчезаетъ со всѣми своими лучезарными красками.

Я ежедневно посѣщалъ Аннунціату. Немногіе еще остававшіеся дни карнавала пролетѣли какъ сонъ, но я всецѣло насладился ими: въ обществѣ Аннунціаты я вкушалъ такую радость и блаженство, какихъ не знавалъ раньше.

— Ну, вотъ и ты начинаешь вести себя по-человѣчески!—сказалъ мнѣ Бернардо.—Какъ и мы всѣ! Но всетаки ты еще чуть только прикоснулся губами къ чашѣ наслажденій. Я готовъ поклясться, что ты еще ни разу въ жизни не цѣловалъ ни одной дѣвушки, ни разу не склонялъ головы на ея плечо! А что, если бы Аннунціата полюбила тебя?..

— Что ты говоришь!—возразилъ я почти сердито, и кровь бросилась мнѣ въ лицо:—Аннунціата, эта чудная женщина, настолько выше меня!..

— Да ужъ тамъ выше или ниже—все же она женщина, а ты поэтъ! Вашихъ отношеній нельзя опредѣлить съ точностью. Но разъ поэту удастся забраться въ сердце, онъ можетъ ввести туда и возлюбленнаго.

— Я только восторгаюсь ею, восхищаюсь ея веселостью, ея умомъ и талантомъ, но любить ее—этого мнѣ и въ голову не приходило!

— Фу, какъ все это важно, торжественно!—смѣясь, сказалъ Бернардо.—Такъ ты не влюбленъ? Впрочемъ, вѣдь, ты изъ породы духовныхъ амфибій, занимающихъ между духами и людьми среднее мѣсто!.. Такъ ты не влюбленъ, какъ я, какъ былъ бы влюбленъ всякій другой

на твоемъ мѣстѣ. Ты самъ говоришь это, и я хочу вѣрить тебѣ. Но тогда ты долженъ доказать это и на дѣлѣ: не краснѣть и не блѣднѣть, когда она говоритъ съ тобою, и не бросать на нее такихъ пламенныхъ взоровъ! Я совѣтую тебѣ это ради нея же! Какъ ты думаешь, какими глазами смотрятъ на это другіе?.. Но, къ счастью, она уѣзжаетъ послѣ завтра, и кто знаетъ, вернется-ли она послѣ Пасхи, какъ обѣщаетъ!

Да, Аннунціата собиралась покинуть насъ на пять долгихъ недѣль! Она была приглашена пѣть во Флоренцію, и отъѣздъ ея былъ назначенъ въ первый же день поста.

— Теперь у нея будетъ толпа новыхъ вздыхателей! — продолжалъ Бернардо.—Старые скоро забудутся, а также забудется и твоя прекрасная импровизація, за которую она наградила тебя такими ласковыми взглядами, что, право, страшно становилось! Но глупъ тотъ, кто занятъ одною женщиной! Всѣ онѣ къ нашимъ услугамъ! Лугъ усыпанъ цвѣтами—рви сколько душѣ угодно!

Вечеромъ мы были съ нимъ въ театрѣ; Аннунціата пѣла въ послѣдній разъ передъ своимъ отъѣздомъ. Она опять выступила въ роли Дидоны; пѣніе и игра ея были такъ же совершенны, какъ и въ первый разъ; это была та высшая степень искусства, выше которой идти уже нельзя. Она опять явилась для меня тѣмъ же чистымъ идеаломъ, какъ и въ первый вечеръ. Веселость, рѣзвая шаловливость, проявленныя ею въ буффонадѣ и въ своей домашней жизни, казались мнѣ только пестрымъ свѣтскимъ нарядомъ, который она временами накидывала на себя; онъ очень шелъ къ ней, но въ Дидонѣ мы видѣли самую ея душу, ея духовное «я». Крики восторга привѣтствовали пѣвицу; едва-ли восторженнѣе привѣтствовали римляне даже Юлія Цезаря и Тита!

Аннунціата сердечно благодарила публику и, прощаясь, обѣщала скоро вернуться въ Римъ. Опять раздались «браво». Вызывали ее безъ конца, и молодежь опять выпрягла изъ экипажа лошадей и съ тріумфомъ повезла ее по улицамъ. Я былъ впереди всѣхъ. Бернардо восторгался не меньше меня, и мы оба крѣпко держались за дышло кареты, въ которой сидѣла улыбающаяся Аннунціата; видно было, что благородное сердце ея переживало въ эти минуты высшее счастье.

Вотъ насталъ и послѣдній день карнавала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пребыванія Аннунціаты въ Римѣ. Я пришелъ къ ней проститься. Она была очень тронута вчерашними оваціями и говорила, что уже заранѣе радуется возможности опять вернуться сюда послѣ Пасхи, хотя и Флоренція, со своею чудною природою и великолѣпными картинными галлереями, очень привлекаетъ ее. Нѣсколькими бѣглыми штрихами она такъ хорошо обрисовала мнѣ городъ и всѣ его окрестности, что я какъ бы воочію увидѣлъ предъ собою и покрытыя лѣсами Аппенины, съ разбросанными

по нимъ виллами, и площадь дель Грандука и роскошные, старинные палаццо.

— Я опять увижу великолѣпную галлерею,—радовалась Аннунціата:— гдѣ впервые научилась любить скульптуру и познала величіе человѣческаго духа, властнаго, подобно Прометею, вдохнуть жизнь въ мертвый камень! Ахъ, если бы я могла сейчасъ ввести васъ въ одну изъ залъ, самую маленькую, но самую дорогую мнѣ, я знаю, вы были бы такъ же счастливы, какъ была счастлива я, увидѣвъ ее впервые, какъ счастлива и теперь, только вспоминая о ней! Въ этой небольшой восьмиугольной залѣ находятся одни шедёвры искусства; но всѣ они меркнутъ предъ статуей Венеры Медицейской! Никогда не видала я подобнаго выраженія, подобной жизненности въ статуѣ! Даже обыкновенно мертвые мраморные глаза— здѣсь какъ живые! Художникъ сумѣлъ вложить въ ея взглядъ столько жизни, что при извѣстномъ освѣщеніи онъ какъ будто заглядываетъ вамъ прямо въ душу. Да, вы видите передъ собою живую богиню, родившуюся изъ пѣны морской! На стѣнѣ, позади статуи, висятъ двѣ великолѣпныхъ Венеры Тиціана; это тоже богини красоты, но красоты земной, тогда какъ мраморная богиня дышетъ красотою небесною. Рафаэлевскія Форнарина и неземныя Мадонны также много говорятъ моей душѣ и сердцу, но больше всего влечетъ меня всетаки къ статуѣ Венеры; она для меня не только художественное произведеніе, но свѣтлое, живое созданіе, заглядывающее мнѣ своимъ мраморнымъ взоромъ прямо въ душу. Ни одна статуя, ни одна группа въ мірѣ не нравится мнѣ такъ — даже группа Лаокоона, хотя въ послѣдней самый камень, кажется, вздыхаетъ отъ боли! Одного ватиканскаго Аполлона,—вы, вѣдь, знаете его?—считаю я достойнымъ стоять рядомъ съ Венерою Медицейской. Но сила и духовное величіе, которыя придалъ художникъ изображенію бога поэзіи, въ богинѣ красоты еще облагорожены женственностью!

— Я видѣлъ гипсовую копію этой дивной статуи! Приходилось мнѣ видѣть также и хорошія слѣпки.

— Да, но что можетъ быть несовершеннѣе ихъ!—сказала она.—Въ мертвомъ гипсѣ и выраженіе мертво. Мраморъ же сообщаетъ изображенію жизнь, одухотворяетъ его; камень превращается въ плоть! Такъ и кажется, что подъ тонкой кожей струится живая кровь!.. Ахъ, если бы вы были со мною во Флоренціи! Мы бы вмѣстѣ восхищались этими дивными произведеніями искусства! Тамъ я была бы вашимъ гидомъ, какъ вы будете моимъ здѣсь, когда я опять вернусь въ Римъ.

Я низко поклонился, обрадованный и польщенный выраженнымъ ею желаніемъ.

— Такъ мы увидимъ васъ опять только послѣ Пасхи?

— Да, я вернусь къ иллюминаціи собора св. Петра!—отвѣтила она.—

Но вы вспоминайте обо мнѣ, какъ и я въ флорентійской галлереѣ буду вспоминать о васъ! Я буду жалѣть, что вы не можете вмѣстѣ со мною любоваться этими сокровищами! Я всегда такъ: любуясь чѣмъ-нибудь, я жалѣю, что тутъ нѣтъ моихъ друзей, желаю, чтобы и они раздѣляли со мною мое наслажденіе! Чувство это нѣсколько сродни тоскѣ по родинѣ!

Аннунціата протянула мнѣ руку; я поцѣловалъ ее и позволилъ себѣ сказать полушутя:

— Смѣю просить васъ передать этотъ поцѣлуй Венерѣ Медицейской?

— Такъ онъ не мнѣ предназначался? — сказала она. — Ну, я свято исполню порученіе! — Она ласково кивнула мнѣ и поблагодарила за тѣ пріятные часы, которые доставили ей мое пѣніе и импровизація. — Мы еще увидимся!—прибавила она.

Я простился и вышелъ отъ нея, не чувствуя подъ собой ногъ.

Въ корридорѣ я встрѣтилъ пожилую еврейку; она раскланялась со мною привѣтливѣе обыкновеннаго, и я въ порывѣ умиленія поцѣловалъ ей руку; тогда она потрепала меня по плечу и сказала:

— Вы славный, хорошій человѣкъ!

Затѣмъ я очутился на улицѣ, все еще подъ обаяніемъ дружескаго обращенія, ума и красоты Аннунціаты.

Я былъ теперь какъ нельзя больше расположенъ веселиться во всю въ этотъ послѣдній день карнавала; я какъ-то не могъ хорошенько освоиться съ мыслью, что Аннунціата уѣзжала; ужъ черезчуръ просто мы съ ней распростились — какъ будто намъ предстояло опять свидѣться завтра! Безъ всякой маски на лицѣ вмѣшался я въ веселую войну конфетти. Всѣ стулья, разставленные вдоль троттуаровъ, были заняты, всѣ подмостки и окна тоже. Экипажи разъѣзжали взадъ и впередъ, а въ промежуткахъ между ними волновалась пестрая толпа людей. Если хотѣлось перевести духъ свободнѣе, приходилось забѣгать впередъ какого-нибудь экипажа, — между двумя, слѣдовавшими одинъ за другимъ, экипажами всетаки оставалось маленькое пространство, гдѣ можно было двигаться свободнѣе. Музыка такъ и гремѣла, веселыя маски распѣвали пѣсни, а въ одномъ изъ экипажей ѣхалъ, спиною къ кучеру, какой-то капитанъ и трубилъ о своихъ великихъ подвигахъ на сушѣ и на морѣ. Шалуны-мальчишки, верхомъ на деревянныхъ лошадкахъ, покрытыхъ пестрыми попонами, изъ-подъ которыхъ виднѣлись лишь голова да хвостъ, а ноги всадника, замѣнявшія четыре ноги животнаго, были скрыты—разъѣзжали между экипажами и еще болѣе увеличивали суматоху. Я не могъ двинуться ни взадъ, ни впередъ; пѣна со взмыленныхъ лошадей клочьями летѣла мнѣ въ лицо. Наконецъ, мнѣ не осталось ничего другого, какъ вскочить на подножку одной изъ колясокъ, въ которой ѣхали двое замаскированныхъ: какой-то старый тол-

стякъ въ халатѣ и ночномъ колпакѣ и прелестная цвѣточница. Послѣдняя сейчасъ замѣтила, что я вскочилъ къ нимъ не изъ шалости, а скорѣе по нуждѣ, погладила мою руку и предложила пару конфетти. Старикъ же принялся осыпать меня цѣлымъ градомъ конфетти, и какъ только около насъ стало попросторнѣе, цвѣточница послѣдовала примѣру своего кавалера. Защищаться съ пустыми руками я не могъ и весь осыпанный съ головы до пятъ мукою, обратился въ бѣгство. Двое арлекиновъ весело принялись чистить меня своими складными палками, но вотъ та же самая коляска повернула обратно, и на меня опять посыпался градъ конфетти. Я было рѣшилъ для защиты и самъ запастись конфетти, но раздался пушечный выстрѣлъ—сигналъ къ удаленію экипажей въ боковыя улицы, и мои непріятели скрылись. Они, повидимому, знали меня. Кто же они? Въ этотъ день я ни разу не встрѣтилъ на Корсо Бернардо, и меня осѣнила мысль: старикъ въ халатѣ и колпакѣ—онъ, а цвѣточница—его «ручная птичка»! Вотъ бы заглянуть имъ въ лицо! Я досталъ мѣстечко на одномъ изъ стульевъ возлѣ самаго угла площади. Скоро опять прогремѣла пушка—сигналъ къ бѣгу, и лошади стремглавъ помчались по Корсо по направленію къ Венеціанской площади. Вслѣдъ затѣмъ улицу опять запрудилъ народъ. Я тоже собирался было сойти на тротуаръ, какъ вдругъ раздались испуганные крики: «Cavallo!» (Лошадь!) Одна изъ лошадей, прежде всѣхъ достигшая цѣли, не была остановлена тамъ и немедленно повернула назадъ по Корсо. При видѣ этой густой толпы, спокойно разгуливавшей по улицѣ, легко было представить себѣ, какая могла произойти бѣда! Какъ молнія блеснуло у меня въ умѣ вспоминаніе о смерти моей матери; я какъ будто вновь пережилъ тотъ ужасный моментъ, когда мы съ нею очутились подъ лошадьми... Я неподвижно глядѣлъ предъ собою: толпа, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, разомъ отхлынула съ середины улицы въ стороны, словно какъ-то сжалась вся; какъ вѣтеръ пронеслась мимо меня, вся покрытая пѣною, съ окрававленными боками и развѣвающеюся гривою, одичавшая лошадь; изъ-подъ копытъ ея такъ и сыпались искры; и вдругъ она, точно пораженная внезапнымъ выстрѣломъ, растянулась на землѣ мертвою. Всѣ испуганно спрашивали другъ друга, не случилось-ли какого-нибудь несчастья, но Мадонна взяла народъ свой подъ свою защиту,—ничего не случилось, и сознаніе минувшей опасности только настроило всѣхъ еще веселѣе.

Снова былъ поданъ знакъ, экипажи опять запрудили Корсо; скоро долженъ былъ начаться блестящій финалъ карнавала—праздникъ мокколи *). Экипажи разъѣзжали теперь какъ хотѣли, давка и тѣснота еще увеличились, мракъ съ каждою минутою густѣлъ, но вотъ всюду замелькали

*) Тоненькія восковыя свѣчки.

огоньки; не было человѣка безъ зажженной свѣчки въ рукахъ; нѣкоторые же держали цѣлые пучки мокколи. Во всѣхъ окнахъ тоже сіяли огоньки; вечеръ стоялъ чудный, тихій; и дома, и экипажи казались усѣянными блестящими звѣздочками. Въ воздухѣ колебались прикрѣпленные къ палкамъ бумажные фонарики и цѣлыя пирамиды изъ мокколи. Каждый старался оградить свой огонекъ и потушить свѣчку у другого; все громче и громче раздавались крики: Sia ammazato, chi non porta moccoli!» («Смерть тому, у кого нѣтъ мокколи!»). Тщетно защищалъ я свою свѣчку, ее каждую минуту гасили; тогда я бросилъ ее, и всѣ окружающіе должны были послѣдовать моему примѣру. Дамы, стоявшія вдоль тротуаровъ возлѣ самыхъ стѣнъ домовъ, просовывали свои свѣчи въ окна подвальныхъ этажей и насмѣшливо кричали мнѣ: «Senza moccoli!» (Безъ свѣчки!) Онѣ думали, что ихъ-то свѣчи въ безопасности, но ребятишки, ютившіеся въ подвалахъ, взбирались на столы и тушили огоньки. Изъ оконъ верхнихъ этажей свѣшивались бумажные шары и фонарики со свѣчками, а на подоконникахъ сидѣли люди съ цѣлыми пучками зажженыхъ мокколи, прикрѣпленныхъ къ длиннымъ палкамъ, и помахивали ими въ воздухѣ, выкрикивая: «Смерть тому, у кого нѣтъ мокколи!» Но находились смѣльчаки, которые, держа въ рукахъ длинныя палки съ привязанными къ ихъ концамъ носовыми платками, карабкались по водосточнымъ жолобамъ на крыши и тушили свѣчки сидѣвшихъ у открытыхъ оконъ, а сами высоко подымали въ воздухъ свои, крича: «Senza moccoli!» Не видѣвшій этого зрѣлища не можетъ составить себѣ и понятія обо всемъ этомъ оглушительномъ шумѣ, объ этой толкотнѣ и суматохѣ. Въ воздухѣ становилось душно и жарко отъ человѣческаго дыханія и горящихъ свѣчъ. Нѣсколько экипажей свернули въ неосвѣщенную боковую улицу, и я вдругъ увидѣлъ передъ собою моихъ двухъ масокъ. У кавалера мокколи всѣ были потушены, но у цвѣточницы остался еще цѣлый букетъ горящихъ восковыхъ свѣчекъ, прикрѣпленный къ палкѣ, аршина въ четыре длиною; красавица высоко подымала ее надъ головою и громко смѣялась отъ радости, видя, что ни одна палка съ платкомъ не могла достать до ея свѣчей; старый же кавалеръ ея осыпалъ градомъ конфетти всякаго, кто осмѣливался подойти къ нимъ слишкомъ близко. Но я не струсилъ, въ одно мгновеніе вскочилъ въ коляску и крѣпко ухватился за палку, не обращая вниманія на умоляющее восклицаніе цвѣточницы и отчаянную бомбардировку конфетти со стороны ея защитника. Палка вдругъ переломилась, и пылающій букетъ, при крикахъ ликующей толпы, упалъ на землю.

— Стыдно, Антоніо!—крикнула цвѣточница.

Меня такъ и кольнуло въ сердце, —я узналъ голосъ Аннунціаты! Она бросила мнѣ въ лицо весь свой запасъ конфетти вмѣстѣ съ корзинкой.

Я смутился и спрыгнулъ внизъ; коляска помчалась дальше, но мнѣ, въ знакъ примиренія, былъ брошенъ изъ нея букетъ цвѣтовъ. Я поймалъ его на лету, хотѣлъ было броситься за коляской въ догонку, но гдѣ! Не было никакой возможности пробраться между экипажами, разъѣзжавшими взадъ и впередъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Я свернулъ въ одну изъ боковыхъ улицъ и тамъ только перевелъ духъ свободнѣе, но зато на сердцѣ у меня стало еще тяжелѣе. «Кто же это былъ съ Аннунціатою?» Конечно, вполнѣ естественно, что и она захотѣла повеселиться въ послѣдній день карнавала; меня безпокоилъ только господинъ въ халатѣ. Ахъ! мое первое предположеніе, вѣрно, было справедливо! Это Бернардо! Но мнѣ всетаки хотѣлось убѣдиться въ этомъ. Поспѣшно бросился я боковыми улицами на площадь Колонна и притаился у воротъ дома Аннунціаты, ожидая ея возвращенія. Коляска скоро подъѣхала; я, будто привратникъ, подскочилъ открыть дверцу; Аннунціата выпрыгнула, даже не взглянувъ на меня; за нею медленно вылѣзъ и ея грузный спутникъ... Нѣтъ, это не Бернардо! «Спасибо, любезный!» услышалъ я и узналъ по голосу старую воспитательницу Аннунціаты; увидавъ къ тому же изъ-подъ халата коричневое платье, я окончательно убѣдился въ ошибочности моего перваго предположенія.

— Fellissima notte, signora!—радостно воскликнулъ я. Аннунціата засмѣялась и сказала, что я злой человѣкъ и что она желаетъ поскорѣе уѣхать отъ меня во Флоренцію, но въ то же время крѣпко пожала мнѣ руку. На сердцѣ у меня опять стало легко, и я, возвращаясь домой, въ порывѣ восторга принялся громко выкрикивать: «Смерть тому, у кого нѣтъ свѣчки!»—а у меня и у самого-то ея не было. Мысли мои продолжали заниматься Аннунціатою и доброю старушкой, которая, разумѣется, только изъ желанія порадовать свою питомицу, облеклась въ халатъ и ночной колпакъ и приняла участіе въ такомъ неподходящемъ ей по возрасту увеселеніи. Но какъ это было мило со стороны Аннунціаты, что она не поѣхала съ кѣмъ-нибудь постороннимъ, не позволяла сопровождать себя ни Бернардо, ни даже своему капельмейстеру! Теперь мнѣ самому себѣ не хотѣлось признаться, что я могъ ревновать ее къ ночному колпаку! Веселый и счастливый, я не хотѣлъ упустить и тѣхъ нѣсколькихъ часовъ, которые еще оставались до конца готоваго промелькнуть, какъ сонъ, карнавала и отправился въ театръ Фестино. Все зданіе и снаружи, и внутри было убрано гирляндами изъ лампочекъ и фонариковъ; всѣ ложи были переполнены масками и иностранцами безъ масокъ. Высокая и широкая лѣстница вела изъ партера на сцену, превращенную въ эстраду для танцевъ. Два оркестра играли по очереди, цѣлая толпа квакеровъ и веттурино водили веселый хороводъ вокругъ Вакха и Аріадны; они прихватили въ свой кругъ и меня, и я, попробовавъ только

плясать, такъ увлекся, что, и возвращаясь ночью домой, опять вмѣшался въ хороводъ веселыхъ масокъ на улицѣ и отъ души вторилъ имъ всякій разъ, какъ онѣ кричали: «Счастливѣйшая ночь прекраснѣйшаго карнавала!»

Спалъ я очень не долго; проснувшись рано утромъ, я сейчасъ же вспомнилъ объ Аннунціатѣ, которая, быть можетъ, въ эту самую минуту уѣзжала изъ Рима, вспомнилъ и о веселомъ карнавалѣ, съ котораго для меня началась какъ бы новая жизнь и который теперь со всѣмъ своимъ шумомъ и блескомъ канулъ въ вѣчность. Меня потянуло на улицу. Какъ все измѣнилось! Всѣ лавочки, всѣ двери заперты, улицы почти пусты; по Корсо, еще вчера только кишѣвшей веселою толпою, сквозь которую едва можно было пробиться, расхаживали только метельщики улицъ, въ своихъ бѣлыхъ балахонахъ съ широкими синими полосами, и сметали съ мостовой конфетти, усыпавшіе ее точно снѣгомъ; жалкая кляча, пощипывая связку сѣна, которая была подвѣшена у нея сбоку, тащила тележку съ соромъ. Передъ однимъ изъ домовъ стоялъ веттурино, занятый укладкою на крышу кареты разныхъ сундуковъ и ящиковъ; уставивъ вещи, онъ прикрылъ ихъ сверху циновкою и прикрѣпилъ желѣзною цѣпью. Изъ боковой улицы показался другой веттурино съ такою же нагруженною каретою. Всѣ разъѣзжались изъ Рима: кто въ Неаполь, кто во Флоренцію; Римъ какъ бы вымиралъ на цѣлыя пять недѣль — отъ чистой среды до Пасхи.

Постъ. Miserere Allegri въ Сикстинской капеллѣ. Въ гостяхъ у Бернардо. Аннунціата.

Тихо, убійственно медленно прошелъ этотъ день; мысли постоянно возвращались къ карнавалу и къ сопровождавшимъ его событіямъ, въ которыхъ главную роль играла Аннунціата. День ото дня однообразная могильная тишина и пустота вокругъ меня все возростали и просто давили меня. Книги мои уже не занимали меня попрежнему всецѣло. До сихъ поръ Бернардо былъ для меня всѣмъ въ жизни, теперь же я чувствовалъ, что между нами легла какая-то пропасть; я испытывалъ въ его присутствіи неловкость и все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что всѣ мысли мои занимала одна Аннунціата. Были минуты, когда это сознаніе наполняло мою душу блаженствомъ, но выдавались часы, даже цѣлыя ночи, когда я не могъ освободиться отъ угрызеній совѣсти. Бернардо, вѣдь, полюбилъ ее раньше моего, онъ же и познакомилъ меня съ нею! И я еще увѣрялъ его, что не чувствую къ ней ничего, кромѣ восхищенія ея талантомъ! Я, значитъ, обманывалъ моего лучшаго друга, котораго такъ часто увѣрялъ въ своей сердечной неизмѣнной привязанности! Рас-

каяніе начинало жечь мнѣ сердце, но мысли все не хотѣли оторваться отъ Аннунціаты. Воспоминанія о ней и о счастливѣйшихъ минутахъ моей жизни возбуждали въ моей душѣ глубочайшую грусть. Такъ созерцаемъ мы прекрасный живой образъ дорогого намъ умершаго существа и чѣмъ живѣе, ласковѣе онъ намъ улыбается, тѣмъ сильнѣе охватываетъ насъ грусть. Великая жизненная борьба, о которой я столько наслышался еще на школьной скамьѣ, но которую представлялъ себѣ тогда лишь въ видѣ затрудненія справиться съ уроками или перенести непріятность отъ безтолковаго учителя, только начиналась для меня теперь. Не слѣдовало-ли мнѣ побѣдить вспыхнувшую во мнѣ страсть и такимъ образомъ вернуть себѣ утраченное спокойствіе? Да и къ чему могла привести меня эта любовь? Аннунціата—великая артистка, но тѣмъ не менѣе всѣ осудили бы меня, если бы я, ради нея, оставилъ избранное мною поприще; сама Мадонна прогнѣвалась бы на меня,—я, вѣдь, съ самаго рожденія былъ предназначенъ для служенія ей! Бернардо также никогда не простилъ бы мнѣ моего вѣроломства, да и — кто знаетъ — любитъ-ли еще меня Аннунціата? Вотъ эта-то неизвѣстность больше всего и сокрушала меня. Тщетно прибѣгалъ я къ Мадоннѣ, падалъ ницъ передъ ея образомъ и молилъ укрѣпить мою душу. Я только грѣшилъ въ эти минуты: лицо Мадонны напоминало мнѣ Аннунціату! Увы, мнѣ казалось, что и каждое красивое женское лицо старалось усвоить себѣ то же выраженіе духовной красоты, которымъ отличалось лицо Аннунціаты! «Нѣтъ, надо вырвать изъ сердца всѣ эти чувства!» говорилъ я самому себѣ. «Я не стану больше видѣться съ ней!»

Теперь-то я понялъ то, чего никакъ не могъ понять прежде, потребность истязать свою плоть ради укрѣпленія духа. Мои горящія уста цѣловали мраморныя ноги Мадонны, и миръ на мгновеніе осѣнялъ мою душу. Я вспоминалъ свое дѣтство, дорогую матушку, свою счастливую жизнь съ нею и радости, какія приносилъ мнѣ съ собою даже этотъ тихій постъ. А, между тѣмъ, все вокругъ было, вѣдь, по старому: на углахъ улицъ и теперь красовались такія же маленькія зеленыя бесѣдки, украшенныя золотыми и серебряными звѣздами, пестрѣли такія же вывѣски, на которыхъ въ стихахъ восхвалялись прекрасныя постныя кушанья, а по вечерамъ, среди зелени, горѣли такіе же пестрые бумажные фонарики. Какъ любовался я ими въ дѣтствѣ, какъ восхищался, заглядывая въ роскошную бакалейную лавку, представлявшую для меня постомъ какой-то волшебный міръ! Какіе тамъ были прелестные ангелочки изъ масла, плясавшіе въ храмѣ, съ колоннами изъ обвитыхъ серебряною бумагою колбасъ и куполомъ изъ золотистаго пармезана! Эта лавка, вѣдь, вдохновила меня когда-то! Я воспѣлъ ее въ первомъ моемъ поэтическомъ произведеніи, которое синьора лавочница назвала второю «божественною

комедіей!» Тогда еще я не зналъ ея дивнаго пѣвца, но не зналъ и никакой пѣвицы! Ахъ, если-бъ я могъ забыть Аннунціату!

Я посѣтилъ съ процессіею семь святыхъ церквей римскихъ, пѣлъ вмѣстѣ съ пилигримами и былъ проникнутъ искреннимъ глубокимъ чувствомъ, но вотъ подошелъ Бернардо и съ демонскою насмѣшкою во взорѣ шепнулъ мнѣ:—Ты-ли это, веселый адвокатъ и смѣлый импровизаторъ? Съ раскаяніемъ во взорѣ, съ главою, посыпанной пепломъ?! Какой же ты мастеръ играть разныя роли, Антоніо! Мнѣ за тобой не угнаться!

Колкая насмѣшка огорчила меня тѣмъ сильнѣе, что въ ней скрывалась истина!

Настала послѣдняя недѣля поста; иностранцы начали мало-по-малу возвращаться въ Римъ. Карета за каретою въѣзжала въ ворота дель Пополо и въ ворота дель Джіовани. Въ среду послѣ полудня началась обѣдня въ Сикстинской капеллѣ. Моя душа жаждала музыки; въ мірѣ звуковъ я надѣялся найти облегченіе и утѣшеніе. Давка была ужасная даже въ самой капеллѣ; переднее отдѣленіе ея все было занято женщинами. Для пріѣзжихъ особъ царской крови были устроены великолѣпныя, задрапированныя бархатомъ съ золотыми бахромами ложи на такой высотѣ, что изъ нихъ видно было даже отдѣленіе, переполненное женщинами и отгороженное отъ внутренной части капеллы искусной рѣзьбы рѣшеткою. Папская швейцарская гвардія щеголяла своими праздничными пестрыми мундирами; офицеры были въ легкихъ кирасахъ и каскахъ, украшенныхъ развѣвающимися султанами. Какъ шелъ этотъ нарядъ къ Бернардо, то и дѣло раскланивавшемуся со знакомыми ему красивыми молодыми дамами.

Я досталъ себѣ мѣсто возлѣ самыхъ перилъ, недалеко отъ хоръ, гдѣ помѣщались папскіе пѣвчіе. Позади меня сидѣла группа англичанъ; я видѣлъ ихъ во время карнавала въ неимовѣрно пестрыхъ маскарадныхъ костюмахъ, но и теперь они были одѣты чуть-ли не по маскарадному. Повидимому, имъ всѣмъ, даже десятилѣтнимъ мальчикамъ, хотѣлось изображать изъ себя офицеровъ! На всѣхъ были дорогіе мундиры изъ самыхъ яркихъ, бьющихъ въ глаза матерій съ такими же украшеніями. Одинъ, напримѣръ, былъ одѣтъ въ свѣтло-голубой сюртукъ, расшитый серебромъ; сапоги его были изукрашены золотомъ, а на головѣ красовалось что-то вродѣ тюрбана съ перьями и жемчугомъ. Въ Римѣ, гдѣ мундиръ помогаетъ всюду занимать лучшія мѣста, такіе костюмы, впрочемъ, не въ диковинку; окружающіе смѣялись надъ ними, меня же они не долго занимали.

Вотъ явились старые кардиналы въ своихъ великолѣпныхъ фіолетовыхъ бархатныхъ мантіяхъ съ бѣлыми пелеринами и усѣлись большимъ полукругомъ по ту сторону перилъ; каноники, несшіе шлейфы кардина-

ловъ, расположились у ихъ ногъ. Изъ маленькой боковой двери, ведущей въ алтарь, показался самъ святой отецъ, въ пурпуровой мантіи и серебраной тіарѣ. Онъ взошелъ на тронъ; епископы съ кадильницами обступили его, а молодые каноники въ красныхъ стихаряхъ и съ зажженными факелами въ рукахъ преклонили колѣни впереди его, противъ главнаго алтаря.

Начались часы; но взоръ мой положительно отказывался слѣдить за мертвыми буквами и увлекалъ мои мысли къ украшавшему потолокъ и стѣны великому изображенію вселенной, работы Микеля Анджело. Я не могъ оторваться отъ его могучихъ сивиллъ и дивныхъ пророковъ; каждое изображеніе могло послужить темой для цѣлаго трактата объ искусствѣ. Я восхищался ихъ величественными чертами, восхищался и группами прекрасныхъ ангеловъ; я смотрѣлъ на нихъ не только какъ на картины, нѣтъ, всѣ эти сцены дышали жизнью. Вотъ древо познанія добра и зла; Ева протягиваетъ Адаму запретный плодъ; вотъ Іегова, носящійся надъ пучиной морской; не Его носятъ сонмы ангеловъ, какъ на картинахъ старыхъ мастеровъ, а Онъ Самъ носитъ ихъ на Своихъ развѣвающихся одеждахъ. Я, конечно, видѣлъ всѣ эти картины и прежде, но никогда еще не производили онѣ на меня такого сильнаго впечатлѣнія; мое возбужденное состояніе, толпа людей, можетъ быть, даже самое настроеніе моей души придавали всему окружающему какой-то особый поэтическій отпечатокъ. Я не могъ смотрѣть на все это иначе, да и всякая другая поэтическая натура испытывала, вѣроятно, въ данную минуту то же самое.

Смѣлость и сила рисунка въ этихъ фигурахъ такъ поразительна, что отъ нихъ нельзя оторваться! Это какъ бы духовная нагорная проповѣдь въ краскахъ и образахъ! Нельзя не благоговѣть вмѣстѣ съ Рафаэлемъ предъ могучею силой кисти Микеля Анджело. Каждый изъ его пророковъ— Моисей, какъ тотъ, котораго онъ создалъ изъ мрамора. Какіе могучіе образы! Они приковываютъ вашъ взоръ, едва вы вступите въ капеллу, но затѣмъ онъ, какъ бы освященный этимъ созерцаніемъ, обращается къ задней стѣнѣ капеллы,—тутъ священный алтарь искусства и мысли. Всю стѣну, отъ самаго пола до потолка, занимаетъ огромная хаотическая картина, которой всѣ остальныя служатъ только какъ бы рамою. Это картина Страшнаго Суда.

Судія—Христосъ стоитъ на облакѣ; апостолы и Божія Матерь простираютъ къ нему руки, моля за бѣдный грѣшный родъ людской. Мертвые встаютъ изъ своихъ могилъ; блаженныя души возносятся къ Богу, между тѣмъ, какъ преисподняя поглощаетъ своихъ жертвъ. Вотъ здѣсь возносящаяся на небо душа хочетъ спасти своего осужденнаго брата, котораго ужъ обвиваютъ адскія змѣи; здѣсь грѣшники, въ отчаяньи ударяя

себя кулакомъ по лбу, погружаются въ бездну. Цѣлые легіоны духовъ носятся между небомъ и адомъ. Участіе на лицахъ ангеловъ, восторгъ встрѣчающихся на небѣ влюбленныхъ, радость ребенка, прижимающагося, возставъ изъ могилы, къ груди матери—все это изображено дивно прекрасно и правдиво; такъ вотъ и кажется, что самъ присутствуешь на Судѣ въ числѣ тѣхъ, кто слышитъ свой приговоръ. Микель Анджело изобразилъ красками то, что воспѣлъ въ стихахъ Данте.

Заходящее солнце какъ-разъ свѣтило въ верхнія окна капеллы, такъ что Христосъ и окружающіе его блаженные духи были ярко освѣщены, а нижняя часть картины, гдѣ встаютъ изъ гробовъ умершіе, и демоны отталкиваютъ отъ береговъ барку съ осужденными, утопала въ полумракѣ. Часы кончились, и въ ту же минуту погасъ послѣдній лучъ солнца; всю картину заволокло мракомъ, но въ тотъ же моментъ начались музыка и пѣніе. То, что я видѣлъ сейчасъ въ краскахъ, выливалось теперь въ звукахъ: надъ нами гремѣлъ судъ, раздавались ликованія праведныхъ и стенанія грѣшныхъ.

Глава церкви, сложивъ съ себя свое папское убранство, стоялъ передъ алтаремъ и молился святому кресту. Мощные звуки трубъ, какъ на крылахъ, возносили къ небу потрясающій гимнъ: «Populus meus, quid feci tibi?» Изъ мощнаго хора выдѣлялись нѣжные ангельскіе звуки, выходившіе, казалось, не изъ человѣческой груди; такъ не могли пѣть люди; это плакали и жаловались сами ангелы.

Душа моя упивалась этими звуками, почерпая въ нихъ силу и обновленіе. Давно уже я не былъ такъ бодръ и ясенъ духомъ. Но Аннунціата, Бернардо и всѣ другіе дорогіе, милые моему сердцу люди не выходили у меня изъ головы, и только блаженныя души могутъ такъ любить другъ друга, какъ я ихъ всѣхъ въ данную минуту. Миръ, о ниспосланіи котораго я тщетно молился, осѣнилъ теперь мою душу, упоенную дивною музыкою.

Когда Miserere кончилось, и всѣ разошлись, я отправился къ Бернардо. Отъ всего сердца пожалъ я ему руку и излилъ предъ нимъ всю свою душу. Да и было о чемъ поговорить: Miserere Allegri, наша дружба, самая исторія моей жизни, исполненная столь диковинныхъ событій—все это могло дать богатый матеріалъ для бесѣды. Я разсказалъ Бернардо, какъ музыка укрѣпила мой духъ, какъ тяжело было у меня на душѣ незадолго передъ тѣмъ, какъ я томился, страдалъ и грустилъ весь долгій постъ, но не обмолвился ни словомъ о томъ, какую роль играли во всемъ этомъ онъ самъ и Аннунціата. Да, этого завѣтнаго уголка сердца я открыть ему не могъ. Но Бернардо только посмѣялся надо мною, говоря, что я плохой мужчина, что пастушеская жизнь у Доменики, да вліяніе синьоры—словомъ, бабье воспитаніе и, наконецъ, Іезуитская коллегія страшно испор-

тили меня! Моя горячая итальянская кровь была, по его словамъ, разбавлена козьимъ молокомъ, и я просто-на-просто хворалъ отъ своей траппистской воздержанности. Мнѣ слѣдовало обзавестись «ручною птичкой», которая бы сумѣла своимъ пѣніемъ выманить меня изъ міра сновъ и мечтаній, слѣдовало стать человѣкомъ, какъ и всѣ, и тогда я буду здоровъ и тѣломъ, и духомъ!

— Мы очень не похожи другъ на друга, Бернардо!—сказалъ я.—И всетаки я такъ привязанъ къ тебѣ, что мнѣ часто хочется вѣкъ не разлучаться съ тобою!

— Ну, это бы повредило нашей дружбѣ!—отвѣтилъ онъ.—Она порвалась бы прежде, чѣмъ мы сами успѣли замѣтить это. Дружба, что любовь: разлука только укрѣпляетъ и ту, и другую. Я часто представляю себѣ, какъ скучно, въ самомъ дѣлѣ, быть женатымъ! Видѣть другъ друга постоянно при всякихъ обстоятельствахъ! Зато большинство супруговъ и тяготятся другъ другомъ, и связь ихъ держится только въ силу извѣстнаго рода чувства приличія или добродушія. Я же чувствую заранѣе, что какъ бы ни горѣло мое сердце любовью, встрѣть оно такую же пламенную взаимность—скоро оба сердца потухли бы: любовь—желаніе; разъ оно удовлетворено—оно умираетъ!

— Но если бы жена твоя,—сказалъ я:—была хороша и умна, какъ...

— Какъ Аннунціата!—подхватилъ онъ, такъ какъ я пріостановился подыскивая сравненіе.—Да, Антоніо, я бы любовался прекрасною розою, пока она была бы свѣжа; но едва бы ея лепестки увяли, ароматъ пропалъ, я... Да, Богъ вѣсть, какія желанія пробудились бы во мнѣ тогда! Въ настоящую же минуту я чувствую одно довольно странное желаніе... Правда, мнѣ и раньше приходило въ голову нѣчто подобное... Я бы хотѣлъ посмотрѣть, красна-ли у тебя кровь, Антоніо?.. Но, вѣдь, я человѣкъ благоразумный, ты мой другъ, истинный другъ, и мы не стали бы драться съ тобою, если бы даже встрѣтились на одномъ и томъ же любовномъ свиданіи!—Тутъ онъ громко засмѣялся, горячо прижалъ меня къ своей груди и полушутя сказалъ:—Я уступаю тебѣ мою ручную птичку,—она становится черезчуръ чувствительною и тебѣ вѣрно понравится! Пойдемъ къ ней сегодня вечеромъ; истинные друзья ничего не должны скрывать другъ отъ друга. Мы весело проведемъ вечеръ! А въ воскресенье святой отецъ дастъ намъ всѣмъ отпущеніе грѣховъ.

— Нѣтъ, я не пойду!—отвѣтилъ я.

— Ты трусъ, Антоніо!—сказалъ онъ.—Не давай же козьему молоку испортить въ тебѣ всю кровь! И твое сердце можетъ горѣть такою же пламенною, чувственною любовью, какъ мое! Я убѣдился въ этомъ! Твои страданья, страхъ, твое умерщвленіе плоти во время поста, все это—сказать-ли тебѣ на чистоту?—ничто иное, какъ тоска по свѣжимъ устамъ,

прекраснымъ формамъ! Меня-то ужъ не проведешь, Антоніо; я хорошо знаю все это. Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Прижми красотку къ своему сердцу! Что же, боишься? Эхъ, трусъ ты, Антоніо!

— Твои слова оскорбляютъ меня, Бернардо!

— И все же ты снесешь ихъ!—отвѣтилъ онъ.

Кровь бросилась мнѣ въ голову, но въ то же время на глазахъ выступили слезы.

— Какъ ты можешь такъ шутить съ моею привязанностью къ тебѣ!—воскликнулъ я.—Ты думаешь, что я стою между тобой и Аннунціатою, что она относится ко мнѣ благосклоннѣе, чѣмъ къ тебѣ?..

— О, нѣтъ!—прервалъ онъ.—Ты знаешь, что я не страдаю такою пылкою фантазіей. Но не будемъ говорить объ Аннунціатѣ! Что же до твоей привязанности ко мнѣ, о которой ты безпрестанно толкуешь, то я не понимаю ея. Мы, конечно, протягиваемъ другъ другу руки, мы друзья, благоразумные друзья, но твои понятія о дружбѣ черезчуръ выспренни; меня же ты долженъ брать такимъ, какимъ я уродился.

Вотъ приблизительно главное содержаніе нашего разговора; я привожу изъ него только то, что, такъ сказать, врѣзалось мнѣ въ сердце, заставило его облиться кровью. Я былъ оскорбленъ, но дружескія чувства мои всетаки взяли верхъ, и я на прощаніе крѣпко пожалъ Бернардо руку.

На другой день благовѣстъ призвалъ меня въ соборъ св. Петра. Въ притворѣ, который по величинѣ своей былъ, говорятъ, принятъ однимъ иностранцемъ за самый соборъ, была такая же давка, какъ на улицахъ и на мосту св. Ангела. Казалось, сюда собрался весь Римъ, чтобы вмѣстѣ съ иностранцами удивляться колоссальности собора, который словно все увеличивался по мѣрѣ того, какъ переполнялся народомъ.

Вотъ раздалось пѣніе; два могучихъ хора отвѣчали одинъ другому изъ различныхъ угловъ собора. Всѣ тѣснились впередъ, чтобы видѣть обрядъ омовенія ногъ, который только что начался. Изъ-за перегородки, за которою помѣщались дамы-иностранки, кто-то дружески кивнулъ мнѣ. Это была Аннунціата! Она вернулась, была тутъ, въ церкви! Сердце мое такъ и забилось въ груди! Я стоялъ отъ нея такъ близко, что могъ привѣтствовать ее.

Оказалось, что она пріѣхала еще вчера, но такъ поздно, что ей пришлось пропустить Miserere Allegri; она успѣла только къ Ave Maria въ соборъ св. Петра.

— Вчерашній таинственный полумракъ,—сказала она:—производилъ какъ-то большее впечатлѣніе, нежели это дневное освѣщеніе. Не горѣло ни единой свѣчи, кромѣ лампадъ у гроба св. Петра; онѣ окружали его лучезарнымъ вѣнцомъ, но освѣщали только ближайшія колонны. Всѣ стояли

на колѣняхъ; я тоже пала ницъ, и вотъ когда я живо почувствовала, какая сила въ уничиженіи, въ благоговѣйномъ безмолвіи!..

Ея старая воспитательница, которую я сразу не узналъ подъ густымъ вуалемъ, также ласково кивнула мнѣ. Торжественная церемонія окончилась; дамы стали собираться домой, но никакъ не могли отыскать своего слугу, который долженъ былъ проводить ихъ до кареты. Группа молодыхъ людей, между тѣмъ, замѣтила Аннунціату, и она заволновалась, желая поскорѣе выбраться отсюда. Я осмѣлился предложить ей проводить ихъ до кареты. Старуха сейчасъ же взяла меня подъ руку, но Аннунціата пошла рядомъ одна. Я бы такъ и не рѣшился попросить ее опереться на меня, но въ дверяхъ насъ такъ стиснуло и понесло впередъ общимъ потокомъ, что она сама взяла меня подъ руку. Прикосновеніе ея руки заставило вспыхнуть во мнѣ всю кровь.

Я отыскалъ карету и, когда дамы усѣлись, Аннунціата пригласила меня запросто отобѣдать у нихъ сегодня.

— Но обѣщаю вамъ только скудный обѣдъ, какъ оно и подобаетъ постомъ!—прибавила она.

Я былъ въ восторгѣ; старуха же вѣрно не разслышала хорошенько словъ своей воспитанницы, но догадалась по выраженію ея лица, что дѣло идетъ о приглашеніи и, вообразивъ, что Аннунціата приглашаетъ меня ѣхать съ ними, живо очистила для меня отъ платковъ и шалей мѣсто на переднемъ сидѣньи и сказала:

— Да, да, сдѣлайте одолженіе, синьоръ аббатъ! Мѣста хватитъ!

Аннунціата не разсчитывала на это; щеки ея покрылись легкимъ румянцемъ, но я уже сидѣлъ передъ нею, и карета тронулась.

Вмѣсто «скуднаго обѣда» насъ ожидалъ маленькій пиръ. Аннунціата разсказывала о своемъ пребываніи во Флоренціи, о сегодняшнемъ торжествѣ, разспрашивала меня, какъ прошелъ постъ у насъ, въ Римѣ, и какъ я самъ провелъ его. На послѣдній вопросъ я отвѣчалъ не вполнѣ откровенно.

— Вы пойдете въ субботу смотрѣть крещеніе евреевъ?—спросилъ я и вдругъ посмотрѣлъ на старую еврейку; я совсѣмъ было забылъ о ней.

— Она не разслышала!—сказала Аннунціата.—Да если бы и слышала, врядъ-ли смутилась бы! Но я бываю только тамъ, куда она можетъ сопровождать меня; присутствовать же на этой церемоніи ей не кстати *). Да и меня она не занимаетъ,—рѣдко, вѣдь, случается, чтобы еврей или турокъ перемѣнялъ вѣру по внутреннему убѣжденію. И у меня

*) Въ Римѣ ежегодно въ Великую субботу крестятъ нѣсколькихъ евреевъ или турокъ. Въ „Diario romano“ (римскомъ календарѣ) день этотъ поэтому и называется: ĩi aſ il battessimo di Ebrei e Turchi.

еще съ дѣтства сохранилось отъ этого зрѣлища самое непріятное впечатлѣніе. Я видѣла крещеніе шести или семилѣтняго еврейскаго мальчика; онъ явился въ грязныхъ чулкахъ и башмакахъ, съ пухомъ въ нечесанныхъ волосахъ и, словно для пущаго контраста, въ великолѣпной бѣлой шелковой рубашкѣ, которую подарила ему Церковь. Съ нимъ явились и его родители, одѣтые такъ же неряшливо. Они продали душу его ради блаженства, въ которое сами не вѣрили.

— Вы видѣли этотъ обрядъ въ Римѣ? Такъ вы бывали здѣсь въ дѣтствѣ?—спросилъ я.

— Да!—отвѣтила она и покраснѣла.—Но я не римлянка.

— Въ первый же разъ, какъ я увидѣлъ и услышалъ васъ, мнѣ показалось, что я уже видѣлъ васъ раньше. И теперь, самъ не знаю почему, я продолжаю думать то же. Если бы мы вѣрили въ переселеніе душъ, я подумалъ бы, что мы съ вами были когда-то птицами, сидѣли на одной вѣткѣ и давно-давно знаемъ другъ друга! А въ васъ не пробуждается никакихъ такихъ воспоминаній? Вамъ ничто не говоритъ, что мы встрѣчались раньше?

— Нѣтъ!—отвѣтила Аннунціата, глядя мнѣ прямо въ глаза.

— Сейчасъ, когда я услышалъ отъ васъ, что вы бывали ребенкомъ въ Римѣ, а не провели, какъ я думалъ, все ваше дѣтство въ Испаніи, воспоминаніе, которое возникло въ моей душѣ, въ первый же разъ, какъ я увидѣлъ васъ въ роли Дидоны, ожило вновь. Не случалось-ли вамъ ребенкомъ, въ числѣ другихъ дѣтей, говорить рождественскую проповѣдь передъ образомъ Младенца Іисуса въ церкви Арачели?

— Да, да!—живо подхватила она.—А вы, значитъ—Антоніо, тотъ самый мальчикъ, которымъ всѣ такъ восхищались тогда?

— И котораго вы затмили!—отвѣтилъ я.

— Такъ это были вы!—воскликнула она и, схвативъ меня за руки, ласково поглядѣла мнѣ въ глаза. Старуха придвинула свой стулъ поближе и серьезно посмотрѣла на насъ. Аннунціата разсказала ей, въ чемъ дѣло, и старуха сама улыбнулась такому обновленію стараго знакомства.

— Матушка моя и всѣ другіе просто наговориться не могли о васъ!—сказалъ я.—Ваша нѣжная, почти эфирная фигурка, мягкій голосокъ—все восхищало ихъ, и я завидовалъ вамъ. Мое тщеславіе не допускало, чтобы кто-нибудь могъ затмить меня!.. Какъ, однако, странно переплетаются жизненные пути людей!

— Я хорошо помню васъ!—сказала она.—На васъ была надѣта коротенькая жакетка съ блестящими пуговицами; онѣ-то больше всего и заинтересовали меня тогда.

— А у васъ,—подхватилъ я:—на груди красовался великолѣпный красный бантикъ! Но меня-то занималъ главнымъ образомъ не онъ, а

ваши глаза и черные, какъ смоль, волосы! Да, какъ мнѣ было не узнать васъ! Вы и не измѣнились почти, только черты лица стали еще выразительнѣе! Впрочемъ, я узналъ бы васъ, если бы вы измѣнились и куда больше. Я сейчасъ же высказалъ свои предположенія Бернардо, а онъ-то спорилъ со мною, воображая совсѣмъ другое...

— Бернардо! — произнесла она, какъ мнѣ показалось, дрожащимъ голосомъ.

— Да,—продолжалъ я, нѣсколько смутившись:—ему тоже показалось, что онъ знаетъ васъ, то-есть видѣлъ васъ раньше, совсѣмъ при иныхъ обстоятельствахъ, противорѣчившихъ моему предположенію! Ваши черные волосы, ваши глаза... Только не разсердитесь за это, онъ теперь и самъ перемѣнилъ мнѣніе!.. При первомъ взглядѣ на васъ онъ принялъ васъ за...—тутъ я остановился:—за... не католичку! И, значитъ, я не могъ слышать васъ въ церкви Арачели.

— Онъ думалъ, можетъ быть, что я одной вѣры съ моею воспитательницей?—сказала Аннунціата, указывая на старуху.

Я невольно кивнулъ головой, но сейчасъ же схватилъ ее за руку и спросилъ:

— Вы не сердитесь на меня?

— За то, что вашъ другъ принялъ меня за еврейку?—улыбаясь спросила она.—Какой вы забавный!

Я чувствовалъ, что наше дѣтское знакомство сблизило насъ и совсѣмъ забылъ всѣ свои прежнія печальныя мысли, а также рѣшеніе— не видѣться съ нею, не любить ее! Я весь горѣлъ любовью къ ней.

Художественныя галлереи были закрыты въ эти два послѣдніе дня поста, но Аннунціата замѣтила, что теперь-то вотъ и хорошо было бы побродить по какой-нибудь изъ нихъ на свободѣ. Желаніе Аннунціаты было для меня закономъ, и къ счастью я могъ удовлетворить его: я, вѣдь, хорошо зналъ всѣхъ смотрителей и сторожей палаццо Боргезе, гдѣ находится одна изъ интереснѣйшихъ римскихъ художественныхъ галлерей, та самая, по которой я расхаживалъ ребенкомъ съ моею благодѣтельницей, разсматривая амурчиковъ Франческо Альбани.

Я предложилъ Аннунціатѣ свести туда ее и ея старую воспитательницу; она съ благодарностью согласилась, и я не помнилъ себя отъ радости.

Дома, наединѣ съ самимъ собою, я, однако, невольно сталъ думать о Бернардо. Нѣтъ, онъ не любитъ ея,—утѣшалъ я себя самого. Его любовь только чувственное влеченіе, тогда какъ моя велика и чиста! Послѣдній нашъ разговоръ съ нимъ сталъ мнѣ теперь казаться гораздо оскорбительнѣе для меня, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Теперь я помнилъ только выказанную Бернардо гордость, чувствовалъ себя оскорбленнымъ ею и вскипѣлъ противъ него такимъ негодованіемъ, о какомъ

прежде не имѣлъ и понятія. Конечно, его гордость возмущена тѣмъ, что Аннунціата относится ко мнѣ лучше, чѣмъ къ нему! Правда, онъ самъ познакомилъ меня съ нею, но, можетъ быть, именно изъ желанія нарядить меня въ шуты! Вотъ почему его такъ и поразили мое пѣніе и импровизація; ему и въ голову не приходило, что я могу чѣмъ-либо соперничать съ его красотою, его развязностью и ловкостью!.. Теперь онъ хотѣлъ своими рѣчами отбить у меня охоту посѣщать ее! Но добрый геній мой рѣшилъ иначе. Ея ласковое обращеніе, ея взгляды, все говоритъ мнѣ, что она меня любитъ, что она относится ко мнѣ благосклонно, даже болѣе чѣмъ благосклонно! Не можетъ же она не чувствовать, что я люблю ее!

И въ порывѣ восторга я осыпалъ горячими поцѣлуями свою подушку; но любовный восторгъ только еще болѣе усиливалъ чувство досады противъ Бернардо. Я упрекалъ себя самого въ томъ, что не выказалъ въ разговорѣ съ нимъ болѣе характера, болѣе желчи. Теперь на языкѣ у меня вертѣлись сотни великолѣпныхъ отвѣтовъ, которыми я могъ срѣзать его, когда онъ третировалъ меня, словно мальчишку! Теперь я живо чувствовалъ малѣйшую его насмѣшку надо мной. Въ первый разъ въ жизни кровь во мнѣ кипѣла отъ гнѣва, и это раздраженіе, смѣшанное съ чувствомъ высокой, чистой любви, окончательно отняло у меня сонъ. Я забылся только подъ утро, но и этотъ короткій сонъ укрѣпилъ и успокоилъ меня. Предупредивъ смотрителя, что я приду сегодня осматривать галлерею вмѣстѣ съ двумя иностранками, я зашелъ за Аннунціатою, и затѣмъ мы всѣ трое отправились въ палаццо Боргезе.

Картинная галлерея. Пасха. Переворотъ въ моей судьбѣ.

Я испытывалъ какое-то особенное ощущеніе, водя Аннунціату по тѣмъ самымъ заламъ, гдѣ игралъ въ дѣтствѣ и слушалъ объясненія картинъ изъ устъ Франчески, забавлявшейся моими наивными вопросами и выраженіями. Я зналъ здѣсь каждую картину, но Аннунціата знала и понимала ихъ еще лучше. Сужденія ея были поразительно мѣтки; отъ ея зоркаго взгляда и тонкаго эстетическаго чутья не ускользало ни одной истинно-прекрасной подробности.

Мы остановились предъ знаменитою картиною Джерардо дель Нотти «Лотъ и его дочери». Я сталъ восхвалять яркость и живость, съ какими изображены Лотъ и его жизнерадостная дочь, а также яркое вечернее небо, просвѣчивающее сквозь темную зелень деревьевъ.

— Кистью художника водило пламенное вдохновеніе!—сказала Аннунціата.—Я восхищаюсь сочностью красокъ и выраженіемъ лицъ, но сюжетъ мнѣ не нравится. Я даже въ картинѣ прежде всего ищу извѣстнаго рода благопристойности, цѣломудрія сюжета. Вотъ почему мнѣ не нра-

вится и «Даная» Корреджіо; сама она хороша, амурчикъ съ пестрыми крыльями, что сидитъ у нея на постели и помогаетъ ей собирать золото, божественно-прекрасенъ, но самый сюжетъ меня отталкиваетъ, оскорбляетъ, если можно такъ выразиться, мое чувство прекраснаго. Потому-то я такъ высоко ставлю Рафаэля: онъ во всѣхъ своихъ картинахъ — по крайней мѣрѣ, извѣстныхъ мнѣ — является апостоломъ невинности. Да иначе бы ему и не удалось дать намъ Мадонну!

— Но совершенство исполненія можетъ же заставить насъ примириться съ вольностью сюжета!—сказалъ я.

— Никогда!—отвѣтила она.—Искусство во всѣхъ своихъ отрасляхъ слишкомъ возвышенно и священно! И чистота замысла куда болѣе захватываетъ зрителя, нежели совершенство исполненія. Потому-то насъ и могутъ такъ глубоко трогать наивныя изображенія Мадоннъ старыхъ мастеровъ, хотя зачастую онѣ напоминаютъ китайскія картинки: тѣ же угловатые контуры, тѣ же жесткія, прямыя линіи! Духовная чистота должна стоять на первомъ планѣ какъ въ живописи, такъ и въ поэзіи. Нѣкоторыя отступленія можно еще допустить; они хотя и рѣжутъ глазъ, но не мѣшаютъ всетаки любоваться всѣмъ произведеніемъ въ его цѣлости.

— Но, вѣдь, нужно же разнообразіе сюжетовъ! Вѣдь, не интересно вѣчно...

— Вы меня не такъ поняли! Я не хочу сказать, что надо вѣчно рисовать одну Мадонну. Нѣтъ, я восхищаюсь и прекрасными ландшафтами, и жанровыми картинками, и морскими видами, и разбойниками Сальватора Розы. Но я не допускаю ничего безнравственнаго въ области искусства, а я называю безнравственною даже прекрасно написанную картину Шидони въ палаццо Шіаріа. Вы, вѣрно, помните ее? Двое крестьянъ на ослахъ проѣзжаютъ мимо каменной стѣны, на которой лежитъ черепъ, а на немъ сидятъ мышь, червь и оса; на стѣнѣ же надпись: «et ego in Arcadia».

— Я знаю ее!—сказалъ я. — Она виситъ рядомъ съ прекраснымъ скрипачомъ Рафаэля.

— Да!—отвѣтила Аннунціата. — И упомянутая надпись гораздо болѣе подходила бы къ картинѣ Рафаэля, чѣмъ къ той, отвратительной!

Очутившись съ нею предъ «временами года» Франческо Альбани, я разсказалъ ей, какъ нравились мнѣ эти маленькіе амурчики, когда я былъ ребенкомъ, и какъ весело я проводилъ время въ этой галлереѣ.

— У васъ были счастливыя минуты въ дѣтствѣ! — сказала она, подавляя вздохъ, вызванный, можетъ быть, воспоминаніями о ея собственномъ дѣтствѣ.

— Такъ же, какъ и у васъ, конечно?—сказалъ я.—Въ первый разъ я видѣлъ васъ веселымъ, счастливымъ ребенкомъ, предметомъ общаго

восхищенія, а во второй разъ встрѣтилъ знаменитою артисткою, сводившею съ ума весь Римъ! Вы казались тогда счастливою и, надѣюсь, что оно такъ и было?

Я слегка наклонился къ ней; она посмотрѣла на меня грустнымъ взглядомъ и сказала:

— Счастливое, осыпаемое похвалами дитя скоро стало круглою сиротою, безпріютною птичкой на голой вѣткѣ; она умерла бы съ голоду, если бы не всѣми презираемый еврей! Онъ заботился о ней до тѣхъ поръ, пока она не смогла подняться на собственныхъ крылышкахъ надъ бурнымъ моремъ житейскимъ.

Она умолкла, покачала головою и затѣмъ продолжала:

— Но такія исторіи вовсе не занимательны для постороннихъ, и я не знаю, зачѣмъ завела разговоръ объ этомъ!

Тутъ она хотѣла встать, но я схватилъ ея руку и спросилъ:

— Развѣ я для васъ совсѣмъ посторонній?

Она молча поглядѣла передъ собой и сказала съ грустною улыбкой.

— Да, и я видѣла хорошія минуты въ жизни и... — добавила она съ обычною веселостью:—только ихъ и буду помнить! Наша встрѣча въ дѣтствѣ и ваши воспоминанія заставили и меня углубиться въ прошлое и созерцать его картины вмѣсто того, чтобы любоваться окружающими насъ.

Вернувшись въ отель Аннунціаты, мы узнали, что безъ насъ былъ Бернардо; ему сказали, что Аннунціата со своею старою воспитательницей и со мною куда-то уѣхали. Я могъ представить себѣ его досаду, но вмѣсто того, чтобы опечалиться за него, какъ прежде, продолжалъ питать къ нему вызванныя во мнѣ моею любовью къ Аннунціатѣ непріязненныя чувства. Что-жъ, онъ самъ такъ часто желалъ, чтобы я, наконецъ, выказалъ характеръ, хотя бы даже противъ него самого! Ну, вотъ, пусть теперь полюбуется!

Въ ушахъ моихъ не переставали раздаваться слова Аннунціаты, сказавшей, что безпріютную птичку пріютилъ всѣми презираемый еврей. Въ такомъ случаѣ Бернардо не ошибался! Это ее онъ видѣлъ у старика Ганноха! Обстоятельство это безконечно интересовало меня, но какъ завязать съ ней объ этомъ разговоръ?

Явившись къ ней опять на другой день, я узналъ, что она разучиваетъ въ своей комнатѣ новую партію. Пришлось вступить въ бесѣду со старухою, которая оказалась еще болѣе глухою, нежели я предполагалъ. Она, повидимому, была мнѣ очень благодарна за то, что я занялся ею. Мнѣ вспомнилось, какъ ласково она посмотрѣла на меня послѣ моей импровизаціи,—значитъ она поняла ее?

— Да!—отвѣтила она.—Я поняла все, отчасти изъ выраженія вашего лица, отчасти изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, долетѣвшихъ до меня.

Ваша импровизація была прекрасна! Такъ же вотъ, исключительно благодаря мимикѣ Аннунціаты, понимаю я и ея пѣніе. Зрѣніе мое стало лучше съ тѣхъ поръ, какъ слухъ ослабѣлъ.

Затѣмъ она начала разспрашивать меня о Бернардо, который приходилъ вчера безъ насъ, и очень жалѣла, что ему не удалось сопровождать насъ въ галлерею. Вообще она проявила къ нему необычайный интересъ и сочувствіе.

— Да!—сказала она, когда я замѣтилъ ей это.—Онъ благородный человѣкъ! Я знаю о немъ кое-что! Да наградитъ его за это Богъ христіанъ и евреевъ!

Мало-по-малу старуха разговорилась; любовь ея къ Аннунціатѣ высказывалась просто трогательно; изъ отрывочныхъ и не вполнѣ ясныхъ разсказовъ ея я успѣлъ узнать, что Аннунціата испанка родомъ, ребенкомъ была привезена въ Римъ, здѣсь осиротѣла и была взята на попеченіе старымъ Ганнохомъ, который когда-то бывалъ въ Испаніи и знавалъ ея родителей. Спустя нѣсколько времени, ее опять отправили на родину, и она воспитывалась тамъ у одной дамы, которой и была обязана обработкой своего голоса и драматическаго таланта. Когда Аннунціата подросла, въ нее влюбился какой-то знатный вельможа, но равнодушіе красавицы ожесточило его, и любовь его перешла въ ненависть. Старуха видимо, не хотѣла приподымать завѣсы, скрывающей какія-то ужасныя подробности; я узналъ только, что жизни Аннунціаты угрожала опасность, что она бѣжала въ Италію, въ Римъ, и скрылась у Ганноха, въ Гэто, гдѣ ее едва-ли стали бы искать. Происходило все это только полтора года тому назадъ. Тогда-то Аннунціата, вѣроятно, и видѣла Бернардо и угощала его виномъ, о чемъ онъ столько разъ разсказывалъ. Разумѣется, съ ея стороны было очень неосторожно показываться постороннему,—вѣдь, она во всѣхъ должна была видѣть подосланныхъ къ ней убійцъ! Впрочемъ, она знала, что Бернардо не изъ такихъ; она, вѣдь, слышала однѣ похвалы его мужеству и благородству. Скоро они узнали, что гонитель Аннунціаты умеръ; она уѣхала, поступила на сцену и стала разъѣзжать по разнымъ городамъ, восхищая всѣхъ своимъ дивнымъ голосомъ и красотою. Старуха сопровождала свою питомицу въ Неаполь, гдѣ та пожала первые лавры, и съ тѣхъ поръ не покидала ея.

— Да, она сущій ангелъ!—прибавила словоохотливая еврейка.—Благочестивая, какъ и слѣдуетъ быть женщинѣ, и умница вдобавокъ! Дай Богъ всякому быть такою!

Только что я вышелъ изъ отеля Аннунціаты, грянулъ пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій—безъ конца. По всѣмъ улицамъ и площадямъ, изо всѣхъ оконъ, со всѣхъ балконовъ палили изъ ружей и маленькихъ пушекъ въ знакъ того, что постъ кончился. Въ то же время

были убраны и черныя занавѣси, скрывавшія въ теченіи пяти долгихъ недѣль въ церквахъ и часовняхъ всѣ картины; все сіяло пасхальною радостью. Время скорби миновало, завтра начиналась Пасха, день всеобщей радости, вдвойнѣ радостный для меня: Аннунціата пригласила меня сопровождать ее на торжественное богослуженіе и иллюминацію собора.

Звонили во всѣ колокола; кардиналы мчались въ своихъ пестрыхъ каретахъ съ лакеями на запяткахъ; экипажи богатыхъ иностранцевъ и толпы пѣшеходовъ переполняли узкія улицы. На замкѣ св. Ангела развѣвались флаги съ папскимъ гербомъ и изображеніемъ Мадонны. На площади св. Петра играла музыка, а вокругъ расположились продавцы четокъ и лубочныхъ картинъ, на которыхъ былъ изображенъ папа, благословляющій народъ. Фонтаны били ввысь радужными струями; вокругъ всей площади шли ложи и скамьи для зрителей, и всѣ эти мѣста такъ же, какъ и самая площадь, были уже почти переполнены народомъ. Скоро едва-ли не такая же огромная толпа хлынула на площадь изъ собора, гдѣ благочестивые люди усладили свои души пѣніемъ, церковною церемоніею и зрѣлищемъ священныхъ реликвій—кусочковъ копья и гвоздей, служившихъ при распятіи Христа. На площади словно волновалось море: несмѣтныя толпы народа, ряды экипажей, двигавшихся непрерывными рядами, крестьяне и мальчики, взбиравшіеся на пьедесталы статуй святыхъ—все это двигалось, колыхалось, шумѣло. Казалось, что въ данную минуту здѣсь былъ на лицо весь Римъ. Вотъ шесть священниковъ въ лиловыхъ облаченіяхъ торжественно вынесли изъ церкви на драгоцѣнномъ тронѣ папу; двое младшихъ каноников обмахивали его колоссальными опахалами изъ павлиньихъ перьевъ; другіе каноники кадили, а кардиналы шли сзади, распѣвая священные гимны. На встрѣчу процессіи понеслись ликующіе звуки музыки. Папу взнесли по мраморной лѣстницѣ на галлерею, и онъ показался съ балкона народу, окруженный свитою кардиналовъ. Всѣ пали на колѣни: и ряды солдатъ, и старики и дѣти; одни иностранцы-протестанты стояли неподвижно, не желая преклониться предъ благословеніемъ старца. Аннунціата стала на колѣни въ каретѣ и смотрѣла на святого отца растроганнымъ взглядомъ; глубокая тишина царила на площади, благословеніе папы витало надъ головами присутствующихъ невидимыми огненными языками. Затѣмъ съ балкона, гдѣ стоялъ папа, полетѣли въ народъ два листка: одинъ съ отпущеніемъ грѣховъ, другой съ проклятіемъ противъ враговъ церкви. Среди черни началась свалка: всякому хотѣлось получить хоть клочокъ ихъ. Снова зазвонили колокола, сливаясь съ звуками музыки. Я былъ счастливъ, какъ и Аннунціата. Карета наша двинулась; вдругъ мимо проскакалъ Бернардо; онъ раскланялся съ дамами, но меня какъ будто и не замѣтилъ.

— Какой онъ блѣдный!—сказала Аннунціата.—Не боленъ-ли онъ?

— Не думаю! — отвѣтилъ я, отлично зная, что̀ именно согнало съ его щекъ живой румянецъ. И тутъ-то въ душѣ моей созрѣло новое рѣшеніе: я почувствовалъ, какъ искренно я люблю Аннунціату, созналъ, что готовъ на все, если только она отвѣчаетъ мнѣ взаимностью, и рѣшилъ бросить свое поприще, чтобы всюду слѣдовать за нею. Я не сомнѣвался въ своемъ драматическомъ талантѣ, зналъ также, какое впечатлѣніе производитъ на всѣхъ мое пѣніе, и могъ надѣяться съ честью выступить на любой сценѣ, разъ только отважусь на этотъ шагъ. Вѣдь, если Аннунціата любитъ меня, то какія же претензіи можетъ заявить Бернардо? Онъ и самъ можетъ посвататься за нее, если его любовь такъ же сильна, какъ моя! И если окажется, что Аннунціата любитъ его, я немедленно уступлю ему мѣсто! Все это, придя домой, я и изложилъ въ письмѣ къ Бернардо. Думаю, что оно вышло сердечнымъ и теплымъ,—я пролилъ надъ нимъ не мало слезъ, напоминая Бернардо о нашей прежней дружбѣ и о моихъ чувствахъ къ нему. Отославъ письмо, я значительно успокоился, хотя одна мысль о томъ, что я могу лишиться Аннунціаты, терзала мое сердце, какъ коршунъ печень Прометея. Но печальныя мысли смѣнялись надеждою всюду слѣдовать за Аннунціатою, пожинать лавры вмѣстѣ съ нею, и я опять ликовалъ! Да, теперь мнѣ предстояло выступить на жизненныхъ подмосткахъ уже въ качествѣ пѣвца и импровизатора!

Послѣ «Ave Maria» я отправился вмѣстѣ съ Аннунціатою и ея воспитательницей на иллюминацію. Весь фасадъ собора св. Петра, главный куполъ и оба боковые были изукрашены прозрачными бумажными фонариками, обрисовывавшими всѣ контуры зданія огненными линіями. Давка на площади, кажется, еще увеличилась противъ утренней; мы могли двигаться впередъ только шагомъ. Съ моста св. Ангела передъ нами развернулась полная картина иллюминаціи; гигантское зданіе, все залитое огнями, отражалось въ мутныхъ волнахъ Тибра, по которымъ скользили лодки, переполненныя людьми и очень оживлявшія всю картину. Только что мы добрались до самой площади, гдѣ играла музыка, раздавался звонъ колоколовъ и шло всеобщее ликованіе, какъ былъ поданъ сигналъ къ фейерверку. Нѣсколько сотенъ людей, облѣплявшихъ крышу и куполы собора, по данному знаку вдругъ зажгли смоляные вѣнки, лежавшіе на желѣзныхъ сковородахъ, и все зданіе было какъ будто охвачено пламенемъ, засвѣтилось надъ Римомъ, какъ звѣзда надъ Виѳлеемомъ! Ликованія толпы еще усилились. Аннунціата вся ушла въ созерцаніе дивнаго зрѣлища.

— Но всетаки это ужасно!—произнесла она.—Этотъ несчастный, который долженъ зажечь самый верхній огонекъ на крестѣ главнаго купола!.. У меня просто голова кружится при одной мысли объ этомъ!

— Да, крестъ этотъ находится на одной высотѣ съ вершинами высочайшихъ египетскихъ пирамидъ. Надо обладать большою отвагою, чтобы взобраться туда и укрѣпить тамъ веревки. Зато св. Отецъ и даетъ ему напередъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ!

— Рисковать жизнью человѣка только ради минутнаго блеска!—вздохнула она.

— И также ради прославленія Господа!—возразилъ я.—А какъ часто рискуютъ жизнью изъ-за меньшаго!

Экипажи такъ и мчались мимо; большинство стремилось на холмъ Пинчіо, чтобы оттуда полюбоваться иллюминаціей собора и общимъ видомъ города, утопавшаго въ этомъ сіяніи.

— Это, однако, прекрасная мысль,—сказалъ я:—освѣтить весь городъ сіяніемъ, льющимся отъ святого храма! Можетъ быть, обычай этотъ и подалъ Корреджіо идею его безсмертной Ночи!

— Извините!—отвѣтила она.—Вы развѣ не помните, что картина была написана ранѣе, чѣмъ воздвигнутъ самый соборъ? Идею эту онъ навѣрное почерпнулъ въ собственной душѣ, и это, по моему, еще лучше. Но надо полюбоваться иллюминаціей издали. Что, если поѣхать на холмъ Маріо? Тамъ нѣтъ такой давки, какъ на Пинчіо. И мы какъ-разъ недалеко отъ воротъ.

Мы обогнули колоннаду и скоро очутились за городомъ. Карета остановилась у маленькой гостиницы, расположенной на вершинѣ холма; видъ отсюда открывался чудесный. Куполъ собора казался отлитымъ изъ солнечнаго сіянія. Фасада, конечно, не было видно, но и это обстоятельство производило свое впечатлѣніе: составленный какъ бы изъ сіяющихъ звѣздъ куполъ словно плавалъ въ сіяющемъ воздухѣ. До насъ доносились изъ города звонъ колоколовъ и музыка, кругомъ же царила темная ночь; даже звѣзды какъ будто померкли предъ ослѣпительнымъ пасхальнымъ блескомъ Рима и мелькали на синемъ небѣ какими-то бѣловатыми точками. Я вышелъ изъ кареты и пошелъ въ гостиницу, чтобы достать для дамъ вина и фруктовъ. Очутившись опять въ узкомъ проходѣ, гдѣ горѣла передъ образомъ Мадонны лампада, я вдругъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Бернардо. Онъ былъ блѣденъ, какъ и въ тотъ разъ, когда на него надѣли вѣнокъ послѣ декламаціи моихъ стиховъ. Глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ; онъ схватилъ меня за руку, словно бѣшеный.

— Я не убійца, Антоніо!—воскликнулъ онъ какимъ-то страннымъ, глухимъ голосомъ:—Не то бы я вонзилъ свою шпагу прямо въ твое вѣроломное сердце! Но ты долженъ драться со мной, хочешь ты или не хочешь, трусъ этакій! Иди за мной!

— Бернардо, ты съ ума сошелъ?!—вскрикнулъ я, вырываясь отъ него.

— Кричи, кричи громче!—продолжалъ онъ все тѣмъ же глухимъ голосомъ.—Пусть къ тебѣ прибѣгутъ на помощь! Одинъ на одинъ ты не осмѣлишься драться! Но я убью тебя прежде, чѣмъ мнѣ свяжутъ руки!—Тутъ онъ протянулъ мнѣ пистолетъ.—Стрѣляйся со мной, или я просто убью тебя!—И онъ потащилъ меня къ выходу. Я, защищаясь, направилъ пистолетъ прямо на него.

— Она любитъ тебя! И ты хвастаешься этимъ передъ всѣми римлянами, предо мною! Ты обманывалъ меня своими лукавыми, сладкими рѣчами, хотя я и не подавалъ тебѣ къ тому никакого повода!

— Ты боленъ, Бернардо! Сумасшедшій, не подходи ко мнѣ!

Но онъ бросился на меня, я оттолкнулъ его, раздался выстрѣлъ... Рука моя дрогнула, все заволокло дымомъ, но слухъ мой, мое сердце были поражены какимъ-то страннымъ вздохомъ, — крикомъ его назвать было нельзя. Бернардо лежалъ на землѣ, плавая въ крови. Я, какъ лунатикъ, стоялъ неподвижно, сжимая въ рукахъ пистолетъ. Испуганные голоса людей, выбѣжавшихъ изъ гостиницы, и восклицаніе Аннунціаты: «Іисусъ! Марія!» привели меня въ себя, и тутъ только я почувствовалъ всю глубину случившагося несчастія.

— Бернардо! — отчаянно воскликнулъ я и хотѣлъ припасть къ его трупу, но возлѣ него стояла на колѣняхъ Аннунціата, стараясь остановить льющуюся изъ раны кровь. Я еще вижу передъ собою ея блѣдное лицо и твердый взглядъ, который она вперила въ меня. Меня точно пригвоздили къ мѣсту.

— Бѣгите, бѣгите! — кричала между тѣмъ старуха, таща меня за рукавъ.

Въ приливѣ невыразимой скорби я воскликнулъ:

— Я невиненъ! Клянусь вамъ, я невиненъ! Онъ хотѣлъ убить меня, самъ далъ мнѣ пистолетъ, и все вышло случайно!—И то, чего я при другихъ обстоятельствахъ не осмѣлился бы высказать громко, сорвалось у меня теперь съ языка въ припадкѣ отчаянья:—Аннунціата! Мы оба любили тебя! За тебя и я бы умеръ, какъ онъ! Кто же изъ насъ двухъ былъ тебѣ дороже? Скажи мнѣ! Если ты любишь меня, я попытаюсь спастись!

— Уходите!—сказала она, махая мнѣ рукою и продолжая хлопотать надъ убитымъ.

— Бѣгите!—кричала старуха.

— Аннунціата! Кого же любишь ты?—спросилъ я, изнемогая отъ горя. Тогда она склонилась къ мертвому, и я услышалъ ея плачъ, увидѣлъ, что она прижимается устами ко лбу Бернардо!

— Жандармы!—раздались голоса.—Бѣгите! Бѣгите!—и словно чьи-то невидимыя руки повлекли меня оттуда.

Крестьяне изъ Ронка дель Папа. Разбойничья пещера. Парка моей жизни.

«Она любитъ Бернардо!» Вотъ что пронзило мое сердце смертельною стрѣлою, разлилось ядомъ по моимъ жиламъ, гнало меня впередъ и даже заглушало голосъ, твердившій мнѣ: ты убилъ твоего друга и брата! Я инстинктивно продирался сквозь кусты и перелѣзалъ черезъ заборы, которыми были обнесены виноградники на горѣ. Куполъ собора св. Петра ярко горѣлъ въ вышинѣ; такъ же ярко пылали огни на жертвенникахъ Каина и Авеля въ ту минуту, когда бѣжалъ убійца.

Нѣсколько часовъ кряду шелъ я впередъ безостановочно; остановилъ меня только мутный Тибръ, перерѣзавшій мнѣ путь. Отъ Рима до самаго Средиземнаго моря мнѣ не найти было ни моста, ни даже лодки для переправы. Это неожиданное препятствіе поразило меня, какъ ударомъ ножа, и на минуту какъ бы перерѣзало червя, точившаго мое сердце, но скоро червь этотъ ожилъ опять, и я вдвойнѣ живо созналъ все свое несчастіе.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня лежали развалины старой гробницы, куда болѣе обширной, но и еще болѣе обветшавшей, нежели та, въ которой я жилъ ребенкомъ со старою Доменикою. Къ обрушившейся каменной плитѣ были привязаны три лошади, пожевывавшія сѣно, подвѣшенное имъ подъ морды.

Въ гробницу велъ спускъ въ нѣсколько ступенекъ; внутри виднѣлся огонь. Вокругъ костра лежали въ растяжку, покуривая коротенькія трубки, два коренастыхъ крестьянина въ овчинныхъ тулупахъ, огромныхъ сапогахъ и остроконечныхъ шляпахъ, украшенныхъ образками Мадонны. Человѣкъ, поменьше ростомъ, закутанный въ большой сѣрый плащъ, и въ широкополой, нахлобученной на лицо шляпѣ, стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, и потягивалъ изъ бутылки вино. Я не успѣлъ еще хорошенько разглядѣть эту группу, какъ они замѣтили меня, схватились за ружья, словно опасаясь нападенія, и быстро выступили мнѣ на встрѣчу.

— Что вы ищете тутъ?—спросили они.

— Лодку, чтобы переправиться черезъ Тибръ!—отвѣтилъ я.

— Долго же будете искать! Тутъ ни мостовъ, ни плотовъ,—развѣ съ собой притащишь!

— Но,—продолжалъ одинъ изъ нихъ, оглядывая меня съ головы до ногъ:—синьоръ сбился съ прямой дороги, а здѣсь таки не безопасно ночью. У разбойничьей шайки все еще длинные корни, хотя святой отецъ и дѣйствовалъ заступомъ такъ усердно, что у него, пожалуй, заломило руки!

— Вамъ бы слѣдовало запастись хоть оружіемъ!—подхватилъ дру-

гой.—Какъ мы! У насъ у всѣхъ по трехстволкѣ, да по пистолету за поясомъ на случай, если ружье дастъ осѣчку.

— А у меня еще добрый складной ножъ!—прибавилъ первый, вытащилъ изъ-за пояса острый блестящій ножъ и началъ играть имъ.

— Спрячь свой ножъ, Эмиліо! Синьоръ-то поблѣднѣлъ весь! Молодъ онъ еще больно, гдѣ-жъ ему было свыкнуться съ такимъ острымъ оружіемъ! Разбойники какъ-разъ оберутъ его! Съ нами же имъ не такъ-то легко справиться! Знаете что?—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—Давайте-ка ваши деньги на сохраненіе намъ,—цѣлѣе будутъ!

— Берите все, что у меня есть!—отвѣтилъ я равнодушно, какъ человѣкъ, удрученный горемъ и не дорожащій жизнью.—Особенно поживиться вамъ не придется!—Я понялъ, въ какую компанію попалъ, поспѣшно сунулъ руку въ карманъ, гдѣ, какъ я зналъ, лежали всего два скудо, но, къ своему удивленію, ощупалъ тамъ кошелекъ. Я вынулъ его; онъ былъ ручной работы; недавно еще я видѣлъ его въ рукахъ старой воспитательницы Аннунціаты; это она, значитъ, сунула мнѣ его въ карманъ на случай нужды! Всѣ трое потянулись къ туго набитому кошельку; я высыпалъ всѣ деньги на каменную плиту передъ костромъ.

— Золото, серебро!—вскричали они, глядя на блестящіе луидоры и піастры.—Грѣхъ былъ бы, если бы эти красавчики достались разбойникамъ!

— А теперь убейте меня, коли хотите!—сказалъ я.—По крайней мѣрѣ, будетъ конецъ моимъ страданіямъ!

— Madonna mia!—воскликнулъ первый.—За кого вы насъ принимаете? Мы честные крестьяне изъ Рокка дель Папа. Мы не убиваемъ ближнихъ. Выпейте-ка съ нами стаканчикъ, да разскажите, зачѣмъ васъ сюда занесло?

— Ну, до этого вамъ нѣтъ дѣла! — отвѣтилъ я и быстро схватилъ протянутый мнѣ стаканъ вина; я умиралъ отъ жажды.

Они пошептались между собою. Потомъ человѣкъ въ широкополой шляпѣ всталъ, кивнулъ головой остальнымъ двумъ, насмѣшливо поглядѣлъ на меня и сказалъ:

— Придется вамъ провести холодную ночь послѣ теплаго, веселаго вечера!—Затѣмъ онъ ушелъ, и скоро мы услышали топотъ его лошади, на которой онъ помчался черезъ Кампанью.

— Вы, вѣдь, хотѣли перебраться черезъ Тибръ?—спросилъ меня одинъ изъ оставшихся.—Если не присоединитесь къ намъ, вамъ долго придется ждать переправы! Садитесь-ка на крупъ моей лошади,—пуститься черезъ рѣку вплавь, держась за лошадиный хвостъ, вамъ, вѣроятно, еще меньше будетъ по вкусу!

Я зналъ, что здѣсь оставаться мнѣ было не безопасно, чувствовалъ, что мое мѣсто теперь между безпріютными скитальцами, и поспѣшилъ съ

помощью парня взобраться на его сильную, горячую лошадь; самъ онъ усѣлся на нее впереди меня.

— Теперь дайте привязать васъ!—продолжалъ онъ.—Не то вы не удержитесь.—И онъ опуталъ веревкой мой станъ и руки, а затѣмъ обвязалъ ее вокругъ себя самого. Мы сидѣли другъ къ другу спиною, и мнѣ нельзя было шевельнуть ни одной рукой. Осторожно и медленно стала лошадь переходить рѣку вбродъ; мѣстами было такъ глубоко, что она погружалась въ воду по самые бока; но она сильно работала ногами и скоро вынесла насъ на другой берегъ. Когда мы выбрались туда, парень отвязалъ меня отъ себя, но зато еще крѣпче прикрутилъ мнѣ руки къ подпругѣ.—Не то вы можете свалиться и сломать себѣ шею!—сказалъ онъ.— Держитесь же! Теперь мы понесемся чрезъ Кампанью вскачь.—Онъ сжалъ ногами бока лошади, спутникъ его сдѣлалъ тоже, и мы понеслись, словно опытные наѣздники. Я крѣпко держался руками и ногами. Вѣтеръ развѣвалъ длинные, черные кудри парня, и онѣ били меня по щекамъ. Мы проѣзжали мимо разрушенныхъ гробницъ и водопроводовъ; на горизонтѣ сіялъ кроваво-красный мѣсяцъ; по небу скользили легкія бѣлыя облачка.

Все случившееся со мною сегодня: убійство Бернардо, разлука съ Аннунціатою, бѣгство изъ родного города и эта дикая скачка по Кампаньѣ привязаннымъ къ разбойничьей лошади—все казалось мнѣ сномъ, страшнымъ сномъ. Ахъ, если бы я могъ поскорѣе проснуться, если бы всѣ эти ужасныя картины исчезли безслѣдно! Я зажмурилъ глаза и чувствовалъ только, какъ освѣжалъ мое лицо холодный вѣтеръ, дувшій съ горъ.

— Ну, скоро мы опять будемъ подъ крылышкомъ у нашей старухи!— сказали парни, когда мы въѣхали въ горы.—А что, лихіе у насъ кони? Моя лошадь вчера, вѣдь, только получила благословеніе св. Антонія! Мальчишка мой разубралъ ее кистями и лентами, ее окропили святою водою, и теперь ей ужъ цѣлый годъ нечего бояться ни самого лукаваго, ни дурного глаза!

Начинало свѣтать.—Свѣтленько становится!—сказалъ другой парень.— У синьора еще глаза заболятъ, пожалуй! Дай-ка я навяжу ему глазной зонтикъ!—Съ этими словами онъ крѣпко завязалъ мнѣ глаза платкомъ; теперь я ничего не видѣлъ, руки мои были связаны, словомъ, я находился въ полной власти разбойниковъ, но мнѣ теперь было ужъ все равно. Я былъ слишкомъ несчастенъ и безъ того. Я замѣтилъ, что мы подымаемся въ гору; затѣмъ стали опять спускаться; вѣтви кустарниковъ хлестали меня по лицу; должно быть, мы ѣхали не по дорогѣ, а просто продирались сквозь чащу. Наконецъ, меня заставили слѣзть съ лошади и повели; спутники мои не обмѣнивались ни словомъ; пришлось спуститься по какой-то лѣстницѣ, затѣмъ пролѣзть въ какое-то узкое отверстіе. Я слишкомъ былъ занятъ самимъ собою и своими мыслями, чтобы замѣчать направленіе, по которому

меня вели, но мнѣ казалось, что мы не особенно сильно углубились въ горы. Впослѣдствіи, нѣсколько лѣтъ спустя, я познакомился съ этою мѣстностью, которую посѣщаютъ любопытные иностранцы и изображаютъ на полотнѣ художники; мѣстность эта находится у древняго Тускулума. Отъ него еще до сихъ поръ сохранились развалины, находящіяся за Фраскати, гдѣ скаты горъ покрыты каштановыми лѣсами и лавровыми рощами. Ступени амфитеатра обросли бѣлымъ терномъ и дикими розами. Мѣстами встрѣчаются глубокія пещеры и каменные своды, почти совсѣмъ скрытые сочною зеленью травъ и кустовъ. Надъ долиною виднѣются высокія Абруццкія горы, составляющія границу болотъ; онѣ придаютъ всему ландшафту мрачный и суровый, но величественный видъ; древнія же развалины еще усиливаютъ впечатлѣніе. Меня провели черезъ узкій проходъ, почти незамѣтный за густо нависшимъ надъ нимъ плющемъ и другими ползучими растеніями; затѣмъ мы пріостановились. Послышался тихій свистъ и скрипъ отворявшагося люка или двери. Мы спустились еще на нѣсколько ступеней внизъ; тутъ я услышалъ говоръ людей; платокъ съ меня сняли—я стоялъ подъ низкимъ сводомъ; вокругъ деревяннаго стола, сидѣли рослые, мускулистые люди, въ такихъ же длинныхъ овчинныхъ тулупахъ, какъ и мои спутники, и играли въ карты. Надъ столомъ висѣли двѣ зажженныя мѣдныя лампы о нѣсколькихъ свѣтильняхъ, ярко освѣщавшія мрачныя, выразительныя лица игроковъ. Передъ ними стояло нѣсколько бутылокъ вина. Появленіе мое никого не удивило; для меня только очистили мѣсто за столомъ, да придвинули ко мнѣ стаканъ и кусокъ колбасы. Разговоръ шелъ на какомъ-то особомъ, непонятномъ мнѣ жаргонѣ и, повидимому, нисколько не касался меня. Голода я не ощущалъ, зато пить хотѣлъ страшно и принялся за вино. Взглядъ мой скользилъ, между тѣмъ, по стѣнамъ; всюду были развѣшены ружья и разная одежда; въ одномъ углу, подъ сводомъ, было углубленіе, и тамъ висѣли два полуободранныхъ зайца; подъ ними же я увидѣлъ еще одну фигуру. Въ углу неподвижно сидѣла занятая пряжею худощавая старуха, удивительно стройная и прямая. Сѣдые волосы ея распустились и падали прядями вдоль щекъ и на бронзовую шею; черные глаза не отрывались отъ веретена. Старуха была живымъ изображеніемъ одной изъ Парокъ. У ногъ ея лежала куча горящихъ угольевъ, отдѣлявшихъ ее отъ всего остального міра, какъ бы магическимъ кругомъ.

Я не долго былъ предоставленъ самому себѣ; меня подвергли нѣкотораго рода допросу относительно моего положенія въ обществѣ, моихъ матеріальныхъ средствъ и семейныхъ обстоятельствъ. Я отвѣтилъ имъ, что взятыя у меня деньги составляли все мое имущество, что въ случаѣ, если они будутъ требовать выкупа, ни одна душа въ Римѣ не дастъ за меня и одного скудо, что я бѣдный сирота и давно уже собирался от-

правиться въ Неаполь, чтобы попытать тамъ счастья въ качествѣ импровизатора. Не скрылъ я также и настоящей причины моего бѣгства—нечаяннаго и несчастнаго выстрѣла, не входя, однако, въ подробности происшествія.—Единственный выкупъ,—прибавилъ я:—дастъ вамъ за меня полиція, если вы выдадите меня ей! И въ настоящую минуту я ничего лучшаго не желаю!

— Славное желаніе, нечего сказать!—сказалъ одинъ изъ людей.— У васъ, конечно, найдется въ Римѣ зазнобушка, которая отдастъ за ваше освобожденіе свои золотыя побрякушки. И вамъ еще удастся импровизировать въ Неаполѣ. Мы-то сумѣемъ перевести васъ черезъ границу. Или же выкупъ можетъ быть замѣненъ вашимъ вступленіемъ въ товарищество, и тогда вотъ вамъ моя рука! Вы попали къ честнымъ людямъ, какъ видите! Но теперь заснитe-ка,—утро вечера мудренѣе! Вотъ постель, найдется и одѣяло, испытанное и въ холодъ, и въ дождь — мой коричневый плащъ, что виситъ на гвоздѣ.—Онъ бросилъ его мнѣ, указалъ на соломенную цыновку, лежавшую по другую сторону стола и вышелъ, напѣвая народную пѣсенку: «Discendi, o mia bettina!»

Я бросился на свое ложе, не надѣясь, однако, заснуть. Событія послѣдняго дня носились передо мною какими-то страшными призраками. Но всетаки скоро глаза мои сомкнулись, — физическія силы мои были истощены въ конецъ; я заснулъ и проспалъ цѣлый день.

Проснувшись, я почувствовалъ себя удивительно свѣжимъ и бодрымъ; все, что вчера такъ потрясло мою душу, казалось мнѣ теперь только сномъ, но мѣсто, гдѣ я находился и окружавшія меня мрачныя лица скоро убѣдили меня въ дѣйствительности всего происшедшаго.

Какой-то незнакомецъ съ длиннымъ, сѣрымъ плащомъ черезъ плечо, и двумя пистолетами за поясомъ, сидѣлъ верхомъ на скамьѣ и велъ горячую бесѣду съ остальными разбойниками. Въ углу попрежнему сидѣла смуглая старуха, занятая своею пряжею и до того неподвижная. что ее можно было принять за картину, нарисованную на темномъ фонѣ стѣны. На плитахъ передъ нею попрежнему лежали горящіе уголья, распространявшіе вокругъ теплоту.

— У него прострѣленъ бокъ!—услышалъ я слова незнакомца.—Онъ потерялъ много крови, но черезъ мѣсяцъ все заживетъ.

— Эй, вы, синьоръ! — крикнулъ мнѣ мой вчерашній проводникъ, увидавъ, что я проснулся.—Въ двѣнадцать часовъ можно таки было выспаться! Ну, вотъ, Грегоріо принесъ намъ новости изъ Рима, которыя навѣрно обрадуютъ васъ. Это, вѣдь, вы наступили на сенаторскій шлейфъ? Конечно, вы! Всѣ обстоятельства сходны! Такъ вы попортили шкурку сенаторскому племяннику! Молодецкій выстрѣлъ!

— Онъ умеръ?—вотъ все, что я могъ выговорить.

— Не совсѣмъ!—отвѣтилъ незнакомецъ.—Да и врядъ-ли умретъ на этотъ разъ. По крайней мѣрѣ, докторъ ручается за него. Красавица-синьора, что поетъ какъ соловей, всю ночь просидѣла у постели молодчика, пока, наконецъ, докторъ не убѣдилъ ее, что она можетъ быть спокойна,—опасности никакой.

— Вы промахнулись оба раза, — ваши выстрѣлы не попали ни въ его, ни въ ея сердце! Такъ пусть эта парочка летитъ себѣ куда хочетъ, а вы оставайтесь съ нами! Живется намъ весело и вольготно! Вы заживете просто царькомъ, и опасности вамъ будетъ грозить не больше, чѣмъ вообще всѣмъ коронованнымъ особамъ. Вина вдоволь, приключеній и красавицъ вмѣсто одной, которая улетѣла, тоже! Лучше, вѣдь, пить изъ чаши жизни большими глотками, чѣмъ тянуть по капелькамъ!

«Бернардо живъ! Я не убійца! Эта мысль вдохнула въ мою душу новую жизнь, но не могла утѣшить меня въ потерѣ Аннунціаты. Спокойно и твердо отвѣтилъ я незнакомцу, что они могутъ дѣлать со мной, что хотятъ, но ни воспитаніе, ни воззрѣнія мои не позволяютъ мнѣ вступить съ ними въ иныя отношенія, кромѣ тѣхъ, къ которымъ принудилъ меня случай.

— Ваше освобожденіе будетъ стоить по меньшей мѣрѣ шестьсотъ скудо!—отвѣтилъ онъ мрачно.—Они должны быть доставлены въ теченіе шести дней, иначе вы нашъ—живой или мертвый! Ничто не поможетъ: ни ваше хорошенькое личико, ни моя симпатія къ вамъ. Или мы получимъ за васъ шестьсотъ скудо, или вамъ останется выбрать одно изъ двухъ: вступить въ товарищество съ нами, или съ тѣми, что цѣлуются другъ съ другомъ вонъ тамъ, въ колодцѣ. Напишите вашему другу или красавицѣ-пѣвицѣ! Въ сущности они, вѣдь, обязаны вамъ: благодаря вамъ, они объяснились! И они, конечно, съ удовольствіемъ внесутъ за васъ этотъ ничтожный выкупъ. Такъ дешево не отдѣлывался отъ насъ еще ни одинъ нашъ постоялецъ! Подумайте!—прибавилъ онъ, смѣясь:—Мы на свой счетъ доставили васъ сюда, да будемъ кормить и поить цѣлыхъ шесть дней! Никто не скажетъ, что мы беремъ лишнее! — Я оставался непреклоннымъ. — Упрямая голова! — сказалъ онъ. — Вотъ это я люблю и скажу это даже тогда, когда мнѣ придется всадить тебѣ пулю въ сердце! Но дивлюсь я тебѣ! Наша беззаботная жизнь должна привести въ восхищеніе любого юношу, а ты еще вдобавокъ поэтъ, импровизаторъ и вдругъ, не увлекаешься ею! Ну, а если бы я попросилъ тебя воспѣть удаль и силу, гнѣздящіяся здѣсь, въ скалахъ, развѣ ты не сталъ бы восхвалять эту самую жизнь, которую теперь отвергаешь? На! Выпей вина и покажи намъ свое искусство, воспой «удаль и силу!» Коли угодишь намъ, я накину тебѣ еще лишній денекъ сроку! — Съ этими словами онъ снялъ со стѣны гитару и протянулъ ее мнѣ; всѣ остальные

разбойники приступили ко мнѣ съ тою же просьбою. Я призадумался. Мнѣ приходилось воспѣвать лѣсъ и горы, которыхъ я въ сущности совсѣмъ не зналъ; вчерашнее путешествіе я совершилъ съ завязанными глазами, а, живя въ Римѣ, я бывалъ только въ пиніевыхъ рощахъ, окружавшихъ виллу Боргезе, да виллу Памфили. Въ дѣтствѣ, правда, горы живо интересовали меня, но я видѣлъ ихъ только издали, изъ хижины Доменики. Побывать же въ нихъ мнѣ довелось только разъ въ жизни — въ ту несчастную поѣздку на праздникъ цвѣтовъ въ Дженцано. Въ памяти моей живо воскресли лѣсной мракъ и тишина, нашъ спускъ къ озеру Неми и плетеніе вѣнковъ въ тѣни высокихъ платановъ. Душа моя проникласъ этими картинами въ одно мгновеніе, тогда какъ чтобы только перечислить ихъ надобно вдвое больше времени. Я взялъ нѣсколько аккордовъ, и мысли стали облекаться въ слова, слова складываться въ звучные стихи.

«Въ глубокой котловинѣ лежитъ озеро, окруженное лѣсомъ и горами, подымающими свои вершины къ самымъ облакамъ. Высоко, высоко лѣпится орлиное гнѣздо. Въ гнѣздѣ сидитъ орлица и учитъ птенцовъ, какъ надо пользоваться мощными крыльями, какъ упражнять гордый взоръ, заставляя его смотрѣть прямо на солнце. «Вы цари птицъ, взоръ вашъ остеръ, когти мощны! Летите же изъ гнѣзда матери, мой взоръ будетъ слѣдить за вами, и я воспою предсмертною лебединою пѣснью вашу удаль и силу!» Птенцы взвились изъ гнѣзда. Одинъ усѣлся на ближайшій выступъ скалы и устремилъ гордый взоръ на солнце, словно желая вдохнуть въ себя его пламя. Другой же смѣло взвился ввысь и принялся описывать большіе круги надъ озеромъ, отражавшимъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, лѣсъ и голубое небо. Почти на самой поверхности воды лежала неподвижно, словно камышъ, огромная рыба. Какъ молнія ударилъ орелъ на добычу, вонзилъ ей въ спину острые когти, и орлица-мать вся затрепетала отъ радости. Но силы птицы и рыбы были равны, острые же когти вонзились такъ глубоко, что выдернуть ихъ было невозможно, и вотъ, началась борьба. По тихому озеру заходили большіе круги; на мгновенье все успокоилось, широкія крылья неподвижно распростерлись на поверхности озера, точно лепестки лотоса, затѣмъ орелъ высоко взмахнулъ ими, раздался хрустъ, одно крыло погрузилось въ воду, другое все еще бороздило и вспѣнивало ее; наконецъ, исчезло и оно: и рыба, и птица вмѣстѣ пошли ко дну. Орлица испустила стенаніе и обратила взоръ на острый выступъ скалы, куда сѣлъ другой птенецъ. Его уже тамъ не было, но высоко-высоко въ поднебесьи увидѣла она черную точку, взвивавшуюся къ самому солнцу; скоро точка потонула въ сіяніи его лучей. И сердце матери затрепетало отъ радости, и она воспѣла «удаль и силу», достигшія величія лишь благодаря цѣли своего стремленія».

Я кончилъ; меня привѣтствовали громкія рукоплесканія, я же не могъ оторвать взгляда отъ старухи, сидѣвшей въ углу. Въ серединѣ моей импровизаціи она вдругъ бросила пряжу и устремила на меня свой пронзительный взоръ. Эти-то темные, огненные глаза еще живѣе и воскресили въ моей памяти ту сцену изъ моего дѣтства, которую я описывалъ. Когда я кончилъ, она встала и быстро подошла ко мнѣ со словами:

— Ты выкупилъ себя своимъ пѣніемъ! Звуки пѣсни звонче бряцанія золота! Я видѣла въ твоемъ взорѣ звѣзду счастья еще тогда, когда рыба и птица пошли вмѣстѣ ко дну! Воспари же къ солнцу, смѣлый орелъ мой! Старуха останется въ своемъ гнѣздѣ и будетъ радоваться за тебя! Никто не свяжетъ тебѣ крыльевъ!

— Мудрая Фульвія!—сказалъ, почтительно кланяясь старухѣ, разбойникъ, заставившій меня импровизировать.—Ты знаешь синьора? Ты уже раньше слышала его импровизацію?

— Я видѣла звѣзду въ его взорѣ!—сказала она.—Видѣла невидимый лучъ, горящій въ очахъ избранниковъ счастья! Онъ плелъ вѣнокъ, сплететъ и еще болѣе прекрасный, но не связанными руками!.. Черезъ шесть дней ты хочешь застрѣлить моего орленка за то, что онъ не желаетъ вонзить своихъ когтей въ спину рыбы! Шесть дней онъ отдохнетъ здѣсь въ гнѣздѣ, а затѣмъ взовьется къ солнцу!—Она открыла маленькій шкафъ, вынула оттуда бумагу и собралась писать.—Чернила загустѣли, что сухая глина, но этой черной влаги и у тебя найдется вдоволь! Царапни-ка себѣ руку, Космо! Старая Фульвія заботится и о твоемъ счастьи!

Разбойникъ молча взялъ ножъ, слегка надрѣзалъ кожу на рукѣ и обмакнулъ перо въ выступившую кровь. Старуха вручила перо мнѣ и велѣла написать: «Я ѣду въ Неаполь».—Подпишись внизу!—прибавила она.

— Къ чему все это?—услышалъ я недовольный шопотъ одного изъ младшихъ разбойниковъ.

— Что? Червякъ подаетъ голосъ?—сказала она.—Берегись, я раздавлю тебя пятой!

— Мы полагаемся на твою мудрость, матушка!—сказалъ старшій.—Твоя воля—законъ; въ немъ наше счастье!

Больше объ этомъ не было и разговора. Опять началась веселая бесѣда, бутылка съ виномъ заходила по рукамъ. Меня дружески потрепали по плечу и предоставили мнѣ лучшій кусокъ жареной дичи. Старуха опять усѣлась въ уголъ и принялась за свою пряжу, а младшій изъ разбойниковъ началъ раскладывать вокругъ нея новый запасъ горящихъ углей, приговаривая: «бабушка зазябла!» Какъ рѣчи, такъ и имя ея подтвердили мнѣ, что это та самая старуха, которая предсказала мнѣ мою судьбу еще въ дѣтствѣ, когда я вмѣстѣ съ матушкой и Маріучіей плелъ вѣнки на берегу озера Неми. Я чувствовалъ, что моя судьба все-

цѣло въ ея рукахъ. Она заставила меня написать: «Я ѣду въ Неаполь». Лучшаго я и не желалъ, но какъ же я переберусь черезъ границу безъ паспорта? Какъ я устроюсь въ чужомъ городѣ, гдѣ никого не знаю? Бѣглецу изъ сосѣдняго города рискованно, вѣдь, было выступать публично! Впрочемъ, я надѣялся на мое знаніе языковъ и дѣтски вѣрилъ въ благосклонность ко мнѣ Мадонны. Даже мысль объ Аннунціатѣ возбуждала во мнѣ теперь только какую-то тихую грусть, похожую на ту, что испытываетъ послѣ крушенія корабля шкиперъ, несущійся въ утломъ челнокѣ въ невѣдомому берегу.

День шелъ за днемъ; разбойники уходили и приходили; сама Фульвія уходила разъ на цѣлый день, и я оставался одинъ на одинъ съ моимъ стражемъ—молодымъ разбойникомъ. Ему врядъ-ли было больше двадцати лѣтъ; черты лица его были грубы, но взглядъ поражалъ своимъ грустнымъ выраженіемъ, хотя порою и загорался дикимъ огнемъ, какъ у звѣря; длинные прекрасные волосы его падали на плечи. Долго сидѣлъ онъ молча, подперевъ голову рукой, потомъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:—Ты умѣешь читать; прочти мнѣ какую-нибудь молитву изъ этой книги!—и онъ подалъ мнѣ маленькій молитвенникъ. Я началъ читать; онъ внимательно слушалъ меня, и въ его большихъ темныхъ глазахъ свѣтилось искреннее благоговѣйное чувство.

— Отчего ты уходишь отъ насъ?—сказалъ онъ затѣмъ, дружески протягивая мнѣ руку.—И въ городахъ царятъ обманъ и вѣроломство, какъ въ лѣсу, но въ лѣсу по крайней мѣрѣ воздухъ чище,—меньше людей!

Я, видимо, внушилъ ему нѣкоторое довѣріе, и онъ разговорился со мною. Разсказъ его не разъ заставилъ меня и содрогнуться отъ негодованія, и пожалѣть молодого человѣка,—онъ былъ такъ несчастенъ!

— Тебѣ, вѣрно, знакомо сказаніе о князѣ Савелли?—началъ онъ.— О веселой свадьбѣ въ Ариччіа? Женихъ былъ простой бѣднякъ, невѣста тоже бѣдная дѣвушка, но чудно хороша собою,—вотъ и сыграли свадьбу. Знатный вельможа осчастливилъ невѣсту приглашеніемъ на танецъ, а потомъ назначилъ ей свиданіе въ саду. Она открылась жениху; тотъ надѣлъ ея платье и вѣнчальную фату и вышелъ на свиданье. Когда же вельможа захотѣлъ прижать красавицу къ своему сердцу, женихъ вонзилъ ему въ грудь кинжалъ. Я тоже знавалъ такого вельможу и такого жениха, только невѣста-то не была такъ откровенна: вельможа справилъ съ нею свадьбу, а женихъ справилъ по ней поминки. Острый ножъ нашелъ дорогу къ ея сердцу, трепетавшему въ бѣлой, какъ снѣгъ, груди!

Я молча смотрѣлъ ему въ глаза, не находя словъ сочувствія.

— Ты думаешь, что я никогда не знавалъ любви? Никогда не впивалъ въ себя, какъ пчела, ея душистаго меда?—продолжалъ онъ.— Однажды въ Неаполь ѣхала знатная англичанка съ красавицей—дочерью;

на щекахъ ея цвѣли розы, въ глазахъ горѣлъ живой огонь. Товарищи мои заставили ихъ выйти изъ кареты и смирно лежать на землѣ, пока шелъ грабежъ изъ пожитковъ. Затѣмъ мы увели къ себѣ въ горы обѣихъ женщинъ и молодого человѣка — возлюбленнаго дѣвушки, какъ я полагаю. Его мы привязали къ дереву. Молодая дѣвушка была хороша собою, была невѣста... я тоже могъ разыграть роль князя Савелли!.. Когда былъ присланъ выкупъ за всѣхъ троихъ—румянецъ уже не игралъ на щекахъ дѣвушки, огонь въ очахъ потухъ!.. Должно быть оттого, что въ горахъ мало свѣта!—Я отвернулся отъ него, а онъ прибавилъ полуоправдывающимся тономъ:—Дѣвушка была, вѣдь, не христіанка, а протестантка, дочь Сатаны!..

Долго сидѣли мы оба молча.—Прочтите мнѣ еще молитву!—сказалъ онъ наконецъ. Я исполнилъ его просьбу.

Подъ вечеръ вернулась Фульвія и вручила мнѣ письмо, но не позволила прочесть его сейчасъ же.—Горы закутались въ свой мокрый плащъ; пора тебѣ улетѣть отсюда. Ѣшь и пей; намъ предстоитъ долгій путь, а на голыхъ скалахъ не ростетъ лепёшекъ!—прибавила она.

Молодой разбойникъ поспѣшно поставилъ на столъ кушанье; я поѣлъ. Фульвія набросила на себя плащъ и повлекла меня за собою по темнымъ узкимъ переходамъ пещеры.—Въ письмѣ этомъ твои крылья!—сказала она.—Ни одинъ солдатъ пограничной стражи не помнетъ тебѣ перышковъ, мой орленокъ! У тебя въ рукахъ очутится и волшебный жезлъ, который снабдитъ тебя золотомъ и серебромъ, пока у тебя не будетъ своихъ собственныхъ сокровищъ!—Она раздвинула голыми худыми руками густую завѣсу плюща, и мы вышли на волю; кругомъ стояла непроницаемая тьма; горы были окутаны сырымъ туманомъ. Я крѣпко держался за плащъ старухи и едва поспѣвалъ за нею; несмотря на почти непроходимую дорогу и темноту, она неслась впередъ словно духъ. Кусты, шурша раздвигались на обѣ стороны. Такъ шли мы нѣсколько часовъ кряду и, наконецъ, очутились въ узкой лощинѣ между горами; тутъ стоялъ соломенный шалашъ, какіе часто попадаются въ болотахъ: стѣнъ нѣтъ, одна крыша изъ тростника и соломы, спускающаяся до самой земли. Сквозь щель въ низенькой двери виднѣлся свѣтъ. Мы вошли въ шалашъ, напоминавшій большой улей; все внутри было закопчено дымомъ,—ему былъ одинъ выходъ въ дверь. Столбы, балки и самая солома лоснились отъ покрывавшей ихъ сажи. Посреди пола былъ небольшой глиняный очагъ; на немъ варилось кушанье, онъ же служилъ и для отопленія шалаша. Въ задней стѣнѣ виднѣлось отверстіе, которое вело въ слѣдующій шалашъ, поменьше, словно приросшій къ большому, какъ маленькая луковка къ болѣе крупной. Во второмъ шалашѣ спала на полу женщина съ ребятами; возлѣ нихъ стоялъ оселъ и глазѣлъ на насъ. Къ намъ вышелъ полуголый старикъ въ однихъ г

зорванныхъ штанахъ изъ козьей шкуры. Онъ поцѣловалъ руку Фульвіи и, не обмѣнявшись съ нами ни словомъ, набросилъ на голыя плечи тулупъ, подвелъ ко мнѣ осла и знакомъ пригласилъ меня сѣсть на него.

— Конь счастья понесетъ тебя впослѣдствіи быстрѣе, чѣмъ оселъ Кампаньи!—сказала мнѣ Фульвія.

Старикъ вывелъ осла изъ хижины. Сердце мое было переполнено благодарностью къ этой странной старухѣ; я хотѣлъ было поцѣловать у нея руку, но она отрицательно покачала головой и, откинувъ мнѣ со лба волосы, приложилась къ нему холодными устами. Потомъ, она махнула намъ рукой, и скоро мы скрылись отъ нея за кустами. Старикъ погонялъ осла кнутомъ и самъ бѣжалъ взапуски рядомъ. Я заговорилъ съ нимъ; онъ издалъ какой-то тихій звукъ и знаками объяснилъ мнѣ, что онъ нѣмой. Мнѣ нетерпѣлось узнать содержаніе письма, которое дала мнѣ Фульвія; я досталъ его и вскрылъ конвертъ. Въ немъ было нѣсколько листковъ, но, какъ я ни напрягалъ зрѣніе, не могъ разобрать ни единаго слова—было совсѣмъ еще темно. На разсвѣтѣ мы достигли вершины горнаго хребта; кругомъ былъ одинъ голый гранитъ, кое-гдѣ обвитый ползучими растеніями. Въ ясномъ небѣ горѣли звѣзды; подъ нами плавалъ какой-то призрачный міръ тумана. Онъ подымался съ Понтійскихъ болотъ, которыя тянутся отъ самыхъ Альбанскихъ горъ между Веллетри и Террачина и ограничены Абруццкими горами съ одной и Средиземнымъ моремъ съ другой стороны. Вотъ плывшія внизу облака засіяли, и скоро голубое небо приняло фіолетовую окраску, перешедшую затѣмъ въ розовую; горы стали отливать свѣтло-голубымъ бархатомъ; я былъ просто ослѣпленъ этою роскошью красокъ. На скатѣ горы свѣтился, словно звѣздочка, огонекъ. Я сложилъ руки на молитву; моя душа обратилась къ Богу въ этомъ великомъ храмѣ природы, и я тихо прошепталъ:—Да будетъ воля Твоя надо мною!

Теперь было уже довольно свѣтло, и я могъ приняться за письмо. Въ конвертѣ оказался паспортъ, выданный на мое имя римскою полиціей и визированный неаполитанскимъ посланникомъ, затѣмъ чекъ на пятьсотъ скудо на неаполитанскій банкирскій домъ Фальконета и, наконецъ, записочка, содержавшая всего нѣсколько словъ: «Бернардо внѣ опасности, но не возвращайтесь въ Римъ по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ».

Фульвія была права: въ этомъ письмѣ были и крылья, и волшебный жезлъ. Я былъ свободенъ! Вздохъ облегченія и признательности вырвался изъ моей груди. Скоро мы выѣхали на болѣе сносную дорогу и завидѣли нѣсколькихъ завтракавшихъ въ полѣ пастуховъ. Проводникъ мой остановилъ осла; пастухи, казалось, знали старика; онъ объяснился съ ними знаками, и они пригласили насъ раздѣлить ихъ трапезу—хлѣбъ и сыръ, которые они запивали ослинымъ молокомъ. Я закусилъ немножко и по-

чувствовалъ себя уже достаточно подкрѣпленнымъ, чтобы продолжать путь. Затѣмъ старикъ указалъ мнѣ тропинку, а пастухи объяснили, что она идетъ до городка Террачина, куда я могъ добраться сегодня же къ вечеру. Мнѣ слѣдовало только держаться этой тропинки, оставляя горы влѣво; черезъ нѣсколько часовъ я долженъ былъ увидѣть каналъ, который идетъ отъ горъ къ большой дорогѣ, обсаженной деревьями; ихъ я увижу еще раньше, какъ только разсѣется туманъ. Держась же канала, я выйду на дорогу, къ бывшему монастырю, который теперь превращенъ въ гостиницу «Torre di tre Ponte».

Охотно отдарилъ бы я чѣмъ-нибудь своего проводника за его услугу, но у меня ничего не было. Вдругъ я вспомнилъ о своихъ двухъ скудо, бывшихъ у меня въ карманѣ, когда я бѣжалъ изъ Рима; я, вѣдь, отдалъ разбойникамъ только кошелекъ съ деньгами, сунутый мнѣ въ карманъ воспитательницею Аннунціаты. Одинъ изъ двухъ скудо я хотѣлъ отдать проводнику, а другой рѣшилъ сохранить на свои надобности; вѣдь, только въ Неаполѣ могу я воспользоваться своимъ чекомъ. Я полѣзъ въ карманъ, но тщетно шарилъ въ немъ: его давно уже очистили! Итакъ, у меня не было ни гроша. Я снялъ съ шеи шелковый платокъ, отдалъ его старику, пожалъ руки остальнымъ и одинъ направился по указанной мнѣ тропинкѣ къ болотамъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Понтійскія болота. Террачина. Старый знакомый. Родина Фра-Дьяволо. Апельсинная роща у Мола ди Гаэта. Неаполитанка. Неаполь.

Многіе представляютъ себѣ Понтійскія болота сырою, грязною пустынею, покрытою стоячею водой, словомъ, крайне печальною дорогою. Напротивъ, они скорѣе похожи на роскошныя долины Ломбардіи и даже еще превосходятъ послѣднія своею богатою растительностью; подобной не сыщешь во всей сѣверной Италіи. Вообще трудно даже представить себѣ дорогу удобнѣе той, что пролегаетъ черезъ болота; это чудесная аллея, обсаженная липами, дающими густую тѣнь. По обѣ же стороны ея разстилается безконечная равнина, поросшая высокою травой и сочными болотными растеніями. Ее изрѣзываютъ каналы, впивающіе въ себя воду изъ множества раскиданныхъ по равнинѣ болотъ, прудовъ и озеръ, поросшихъ тростникомъ и широколиственными кувшинками. Налѣво—если ѣдешь изъ Рима—возвышаются Абруццкія горы, на которыхъ раскинулись маленькіе города; бѣлыя стѣны домовъ рѣзко выдѣляются на сѣромъ фонѣ скалъ, будто горные замки. Направо же зеленая равнина про-

стирается до самаго моря, и въ той сторонѣ виднѣется утесъ Цицелло—прежній островъ Цирцеи, возлѣ котораго, согласно преданію, потерпѣлъ крушеніе Одиссей.

Туманъ мало-по-малу рѣдѣлъ и открывалъ зеленую равнину, на которой блестѣли, точно холсты, разостланные по лугамъ для бѣленья, серебристые каналы. Солнце такъ и палило, хотя и было только начало марта. Въ высокой травѣ бродили стада буйволовъ, бѣгали табуны лошадей; рѣзвые кони то и дѣло брыкались за ими ногами, такъ что изъ топкой почвы высоко летѣли вверхъ водяные брызги. Забавныя позы и шаловливые прыжки животныхъ такъ и просились на полотно художника. Налѣво отъ меня подымался цѣлый столбъ густого чернаго дыма; это пастухи зажгли костеръ, чтобы очистить воздухъ возлѣ своихъ хижинъ. Мнѣ встрѣтился крестьянинъ; желтое, болѣзненное лицо его составляло рѣзкій контрастъ съ окружающею пышною растительностью. На своемъ черномъ конѣ онъ казался просто мертвецомъ; въ рукахъ у него было что-то вродѣ копья, которымъ онъ сгонялъ въ кучу разсыпавшихся по болоту буйволовъ. Нѣкоторые изъ нихъ лежали прямо въ грязи, высунувъ изъ нея только безобразныя морды со злыми глазами. По краямъ дороги попадались также трехъ и четырехъэтажные дома—почтовыя станціи; ихъ стѣны тоже свидѣтельствовали о ядовитости болотныхъ испареній: всѣ онѣ сплошь были покрыты густою плѣсенью. И на зданіяхъ, какъ и на людяхъ, лежалъ тотъ же отпечатокъ гнилости, что представляло такой рѣзкій контрастъ съ богатою, свѣжею растительностью и живительною теплотою солнца. Мое болѣзненное настроеніе заставило меня увидѣть въ этой картинѣ живое изображеніе лживости и бренности земного счастья на землѣ. Да, человѣкъ почти всегда смотритъ на жизнь и природу сквозь очки душевнаго настроенія; если очки изъ чернаго стекла—все рисуется ему въ черномъ свѣтѣ, если изъ розоваго—въ розовомъ. Приблизительно за часъ до Ave Maria я, наконецъ, оставилъ болота позади себя. Желтоватые кряжи горъ становились все ближе и ближе, а какъ-разъ передъ ними лежалъ и городокъ Террачина, отличающійся чудною, богатою природою. Недалеко отъ дороги росли три высокія пальмы, покрытыя плодами; огромные фруктовые сады покрывали скаты горъ, словно безконечные зеленые ковры, усѣянные милліонами золотыхъ блестковъ; это были апельсины и лимоны, подъ тяжестью которыхъ вѣтви деревьевъ пригибались къ самой землѣ. Передъ крестьянскимъ домикомъ, стоявшимъ у дороги, была навалена цѣлая груда лимоновъ, точно сбитыхъ съ деревьевъ каштановъ. Въ ущельяхъ росли дикіе темнокрасные левкои и розмаринъ; ими же была одѣта вершина скалы, гдѣ находятся великолѣпныя развалины замка короля вестготовъ Теодориха.

Развернувшаяся предо мною картина просто ослѣпила меня, и я во-

шелъ въ Террачина молча, въ самомъ созерцательномъ настроеніи духа. Тутъ я впервые увидалъ море, чудное Средиземное море. Это было само небо, только чистѣйшаго ультрамариноваго цвѣта; ему казалось, не было границъ. Вдали виднѣлись островки, напоминавшіе чудеснѣйшія фіолетовыя облачка. Увидѣлъ я вдали и Везувій, испускавшій синеватые клубы дыма, стелившагося надъ горизонтомъ. Поверхность моря была недвижна и гладка, какъ зеркало; только у берега, гдѣ я стоялъ, былъ замѣтенъ сильный прибой; большія волны, прозрачныя и чистыя, какъ самый эфиръ, съ шумомъ набѣгали на берегъ и будили эхо въ горахъ.

Я стоялъ, какъ вкопанный, не въ силахъ оторвать взгляда отъ чуднаго зрѣлища. Казалось, и плоть, и кровь мои—все физическое въ моемъ существѣ перешло въ духовное, я какъ будто отдѣлился отъ земли и виталъ въ пространствѣ между этими двумя небесами: безграничнымъ моремъ снизу и небомъ сверху. Слезы бѣжали по моимъ щекамъ.

Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ, находилось большое бѣлое зданіе; морской прибой достигалъ до его фундамента. Нижній этажъ фасада, выходившаго на улицу, представлялъ одинъ сводъ, подъ который ставились экипажи проѣзжихъ. Это была гостиница, самая большая и лучшая на всемъ пути отъ Рима до Неаполя.

Въ горахъ послышалось эхо отъ щелканья бичомъ; скоро къ гостиницѣ подкатила карета, запряженная четверкою лошадей. На заднемъ сидѣньи, за каретой, помѣщалось нѣсколько вооруженныхъ слугъ. Внутри же, развалясь, возсѣдалъ блѣдный, худой господинъ въ широкомъ пестромъ халатѣ. Кучеръ соскочилъ съ козелъ, щелкнулъ бичомъ еще раза два и запрягъ въ карету свѣжихъ лошадей. Проѣзжій иностранецъ хотѣлъ немедленно продолжать путь, но такъ какъ онъ требовалъ конвоя, безъ котораго не безопасно было ѣхать черезъ горы, укрывавшія не мало смѣлыхъ послѣдователей Фра-Діаволо и другихъ разбойниковъ, то ему пришлось подождать съ четверть часа. Онъ принялся браниться, перемѣшивая англійскія слова съ итальянскими, и проклинать лѣность народа и мытарства, выпадающія на долю путешественника; затѣмъ свернулъ изъ своего носового платка ночной колпакъ, напялилъ его на голову, развалился къ углу кареты, закрылъ глаза и, казалось, примирился съ своею участью.

Я узналъ, что это былъ англичанинъ, который въ десять дней объѣхалъ всю сѣверную и среднюю Италію и, такимъ образомъ, ознакомился съ страною, въ одинъ день изучилъ Римъ, и теперь направлялся въ Неаполь, чтобы побывать на Везувіи, и затѣмъ уѣхать на пароходѣ въ Марсель,—онъ собирался также познакомиться съ южною Франціей, но въ еще болѣе краткій срокъ, нежели съ Италіей. Наконецъ, явились восемь вооруженныхъ всадниковъ, кучеръ защелкалъ бичомъ, и карета и всадники исчезли за воротами.

— И всетаки онъ, со всѣмъ своимъ конвоемъ и вооруженіемъ, далеко не такъ безопасенъ, какъ мои иностранцы!—сказалъ, похлопывая бичомъ, стоявшій возлѣ гостиницы невысокій, коренастый веттурино.—Эти англичане страсть любятъ разъѣзжать. И вѣчно въ галопъ! Рѣдкостныя птицы! Santa Philomena di Napoli!

— А у васъ много иностранцевъ въ каретѣ?—спросилъ я.

— По одному въ каждомъ углу!—отвѣтилъ онъ.—Значитъ, четверо! А въ кабріолетѣ только одинъ. Коли синьору хочется въ Неаполь, такъ вы можете быть тамъ послѣ завтра, когда солнышко еще будетъ освѣщать верхушки Санъ-Эльмо.

Мы сговорились, и я тутъ же былъ выведенъ изъ неловкаго положенія, въ которое ставило меня полное неимѣніе наличныхъ денегъ

— Вы, конечно, хотите взять съ меня задатокъ, синьоръ? *)—спросилъ веттурино, вертя въ рукахъ монету въ пять паоло.

— Нѣтъ, только позаботься для меня о хорошемъ столѣ и ночлегѣ!—отвѣтилъ я.—Такъ мы ѣдемъ завтра?

— Да, если это будетъ угодно св. Антоніо и моимъ лошадкамъ!—сказалъ онъ.—Выѣдемъ мы часовъ около трехъ утра. Намъ, вѣдь, придется проѣхать черезъ двѣ таможни и три раза предъявлять бумаги,—завтрашній путь самый тяжелый!—Съ этими словами онъ приложился къ козырьку фуражки, кивнулъ мнѣ и ушелъ.

Мнѣ отвели комнатку, выходившую въ садъ; въ окна врывался свѣжій вѣтерокъ и доносился гулъ морского прибоя. Какъ вся эта картина ни была не похожа на Кампанью, необъятная равнина морская невольно заставила меня вспомнить огромную пустыню, въ которой я жилъ со старою Доменикою. Теперь я очень сожалѣлъ, что рѣдко навѣщалъ старушку, сердечно любившую меня. По правдѣ-то сказать, она одна и любила меня искренно. Конечно, меня любили и Eccellenza и Франческа, но совсѣмъ иначе. Съ ними связывали меня ихъ благодѣянія, но въ тѣхъ случаяхъ, когда облагодѣтельствованный не можетъ воздать благодѣтелю, между ними всегда образуется какъ бы пропасть, которая хотя и можетъ съ годами слегка прикрыться верескомъ признательности, всетаки никогда не заростаетъ совершенно. При воспоминаніи о Бернардо и Аннунціатѣ я почувствовалъ на губахъ соленую влагу, но откуда она взялась—изъ глазъ-ли моихъ, или ее принесъ вѣтеръ съ моря? Прибой осыпалъ брызгами даже стѣны дома.

---

*) Веттурино не платятъ впередъ за проѣздъ, а, напротивъ, съ него берутъ задатокъ, чтобы быть увѣреннымъ въ его честности; онъ же заботится и о продовольствіи, и о пріютѣ на ночь для своихъ пассажировъ. Всѣ эти расходы оговариваются заранѣе и затѣмъ включаются въ общую плату.

На слѣдующее утро, еще до зари, я сѣлъ въ карету веттурино и вмѣстѣ съ остальными пассажирами покинулъ Террачина. На разсвѣтѣ насъ остановили у границы. Всѣ вышли изъ кареты; наши паспорта подверглись провѣркѣ. Теперь только я могъ разглядѣть своихъ спутниковъ. Одинъ изъ нихъ, бѣлокурый, голубоглазый господинъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ, привлекъ мое вниманіе. Гдѣ-то я видѣлъ его раньше, но гдѣ именно, какъ ни старался, припомнить не могъ. По разговору его я заключилъ, что онъ иностранецъ.

Повѣрка паспортовъ сильно задержала насъ, и немудрено: большинство паспортовъ были иностранные, и солдаты не могли ничего разобрать въ нихъ. Интересовавшій меня иностранецъ вынулъ въ это время альбомъ съ чистыми страницами и принялся набрасывать туда карандашомъ видъ окружавшей насъ мѣстности: двѣ высокія башни, ворота, черезъ которыя проходила столбовая дорога, живописныя пещеры, находившіяся неподалеку, и на заднемъ планѣ маленькій городокъ. Я подошелъ къ художнику, и онъ обратилъ мое вниманіе на козъ, живописно сгруппировавшихся въ одной изъ самыхъ большихъ пещеръ. Вдругъ всѣ онѣ встрепенулись. Связка сухихъ прутьевъ, затыкавшая одно изъ меньшихъ отверстій, служившее выходомъ, была вынута, и козочки попарно стали выпрыгивать оттуда, — живая картина выхода животныхъ изъ Ноеваго ковчега! Пастушокъ былъ совсѣмъ еще маленькій крестьянскій мальчикъ въ очень живописномъ нарядѣ: маленькая остроконечная шляпа, обвитая шерстяною лентою, разорванные чулки, сандаліи и коротенькій коричневый плащъ, красиво переброшенный черезъ плечо. Козы принялись прыгать между невысокими кустами, а мальчикъ остановился на выступѣ скалы, торчавшемъ надъ пещерою, и посматривалъ на насъ всѣхъ и на художника, который въ это время срисовывалъ его и всю картину.

— Maledetto!—донесся до насъ возгласъ веттурино, и затѣмъ мы увидѣли его самого, бѣжавшаго къ намъ со всѣхъ ногъ. Оказалось, что въ одномъ изъ паспортовъ «что-то неладно». Вѣрно въ моемъ! И вся кровь хлынула мнѣ въ лицо. Иностранецъ же принялся бранить безтолковыхъ солдатъ, не умѣющихъ читать, и затѣмъ мы всѣ трое отправились въ одну изъ башень, гдѣ нашли шестерыхъ солдатъ, чуть не лежавшихъ на столѣ, на которомъ были разложены наши паспорта. Солдаты разбирали ихъ по складамъ.

— Кого изъ васъ зовутъ Фредерикомъ?—спросилъ старшій изъ солдатъ.

— Меня!—отвѣтилъ иностранецъ.—Меня зовутъ Фредерикъ, а по-итальянски Федериго.

— Значитъ, Федериго Six?

— Да нѣтъ же! Это имя моего государя!

— А, вотъ что!—сказалъ солдатъ и медленно сталъ читать: «Frede-

ric Six par la grâçe de Dieu Roi de Danemark, des Vandales, des Gothes etc...» Что? Что? — прервалъ онъ самъ себя:—Развѣ вы вандалъ? Вѣдь, это же варварскій народъ?

— Да!—смѣясь, отвѣчалъ иностранецъ.—Я варваръ и пріѣхалъ въ Италію цивилизоваться. Внизу написано и мое имя. Меня, какъ и моего государя, зовутъ Фредерикъ или Федериго.

— Это англичанинъ!—сказалъ одинъ изъ писцовъ.

— Нѣтъ!—возразилъ другой.—Ты вѣчно путаешь націи. Читай,—онъ съ сѣвера; значитъ—русскій!

Федериго, Данія—эти имена освѣтили мою память, какъ молніей. Да, вѣдь, это же другъ моего дѣтства, матушкинъ жилецъ, который водилъ меня въ катакомбы, подарилъ мнѣ свои прекрасные серебряные часы и рисовалъ мнѣ чудесныя картинки!

Паспортъ оказался въ порядкѣ; солдаты вполнѣ убѣдились въ этомъ, получивъ отъ художника паоло, который онъ сунулъ имъ, чтобы они поскорѣе отпустили насъ.

Выйдя изъ башни, я сейчасъ же объяснился съ иностранцемъ. Да, я не ошибся, это былъ тотъ самый датчанинъ, Федериго, который квартировалъ у насъ съ матушкой. Онъ очень обрадовался нашей встрѣчѣ и назвалъ меня «своимъ маленькимъ Антоніо». Мы оба осыпали другъ друга вопросами, намъ столько надо было сообщить другъ другу, и Федериго попросилъ моего сосѣда помѣняться съ нимъ мѣстами. Усѣвшись рядомъ со мной, онъ еще разъ пожалъ мнѣ руку и затѣмъ принялся разспрашивать меня.

Я вкратцѣ разсказалъ ему о моемъ житьѣ-бытьѣ съ самаго водворенія моего въ Кампанью и до поступленія въ аббаты, а затѣмъ, обходя молчаніемъ послѣднія событія, прибавилъ:—Теперь же я ѣду въ Неаполь.

Федериго хорошо помнилъ данное мнѣ имъ въ послѣднее наше свиданіе слово свезти меня въ Римъ на денекъ. Не сдержалъ же онъ его потому, что вскорѣ получилъ письмо съ родины, принудившее его къ немедленному отъѣзду. Во время пребыванія на родинѣ любовь его къ Италіи разгоралась, между тѣмъ, съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, заставила его опять направиться сюда.—И вотъ, только теперь я воистину наслаждаюсь жизнью!—прибавилъ онъ.—Я упиваюсь этимъ дивнымъ воздухомъ и радостно привѣтствую каждое знакомое мнѣ мѣстечко! Здѣсь моя истая родина, здѣсь все блещетъ красками, пластичностью формъ! Италія въ этомъ смыслѣ—благодатный рогъ изобилія!

Быстро летѣло время въ обществѣ Федериго; я даже не замѣтилъ долгой остановки въ таможнѣ въ Фонди. Федериго былъ мастеръ ловить штрихи прекраснаго во всемъ и былъ для меня вдвойнѣ дорогимъ и интереснымъ товарищемъ; мое наболѣвшее сердце нашло въ немъ ангела-утѣшителя.

— Вонъ лежитъ мой грязный Итри!—вдругъ вскричалъ онъ, указывая на разстилавшійся предъ нами городокъ.—Ты, пожалуй, не повѣришь, Антоніо, что у себя, на сѣверѣ, гдѣ улицы такъ чисты, правильно расположены, я иногда просто скучалъ по такому вотъ грязному итальянскому городишкѣ! Они такъ характерны, такъ милы сердцу художника! Эти узкія, грязныя улицы, сѣрыя закопченныя каменныя галлереи, завѣшанныя чулками и нижними юбками, окошки—одно повыше, другое пониже, одно маленькое, другое большое, лѣстницы въ четыре, пять аршинъ вышины, ведущія къ дверямъ, на порогѣ которыхъ сидитъ какая-нибудь матрона съ веретеномъ, лимонныя деревья, перекидывающія черезъ стѣну свои большіе золотые плоды—все это такъ и просится на полотно! А наши образцовыя улицы, гдѣ дома стоятъ въ струнку, словно солдаты, гдѣ каждая лѣстница, каждый выступъ сдѣланы по линейкѣ,—куда они годятся!

— Вотъ родина Фра-Діаволо!—закричали другіе пассажиры, когда мы проѣзжали по узкому, грязному Итри, который такъ нравился Федериго. Городокъ этотъ расположенъ высоко на скалѣ, возвышающейся надъ глубокою пропастью. Главная улица была мѣстами до того узка, что двумъ повозкамъ и не разъѣхаться было. Въ большинствѣ домовъ первые этажи были совсѣмъ безъ оконъ; вмѣсто послѣднихъ въ стѣнахъ были пробиты огромныя широкія ворота, черезъ которыя виднѣлся дворъ, напоминавшій какой-то темный погребъ. Всюду попадались грязные ребятишки и женщины, протягивавшія руки за подаяніемъ. Женщины смѣялись, а ребятишки визжали и передразнивали насъ. Нечего было и думать высунуть голову изъ окна кареты,—живо прищемилъ бы ее между экипажемъ и выступавшими впередъ стѣнами домовъ. Нѣкоторые балконы выдавались на самую середину улицы и помѣщались такъ высоко, что мы какъ будто проѣзжали по сводчатой галлереѣ. По обѣ стороны виднѣлись только черныя стѣны, закопченыя дымомъ.

— Чудесный городокъ!—говорилъ Федериго, хлопая въ ладоши.

— Разбойничье гнѣздо!—сказалъ веттурино, когда мы выѣхали за городъ.—Половину населенія полиція перевела въ другой городъ, а сюда переселила новыхъ жителей, да толку не вышло. На этой почвѣ только и растутъ одни плевелы. Впрочемъ, и этимъ бѣднягамъ надо, вѣдь, жить чѣмъ-нибудь!

Расположеніе городка на большой дорогѣ между Римомъ и Неаполемъ въ самомъ дѣлѣ располагало къ развитію въ жителяхъ хищническихъ наклонностей,—было гдѣ устраивать засады: кругомъ оливковыя рощи, горныя пещеры, остатки каменныхъ стѣнъ и другія руины. Федериго обратилъ мое вниманіе на одиноко возвышавшуюся въ полѣ гигантскую гробницу, обросшую ползучими растеніями. Это была могила

Цицерона; здѣсь настигъ бѣглеца кинжалъ убійцы, здѣсь замолкли навѣкъ краснорѣчивыя уста.

— Веттурино свезетъ насъ въ его виллу въ Мола ди Гаэта! — сказалъ Федериго.—Тамъ теперь лучшая гостиница, а видъ изъ нея открывается такой, что поспоритъ съ панорамой Неаполя.

Очертанія горъ были удивительно живописны; растительность роскошна. Теперь мы ѣхали по густой липовой аллеѣ и, наконецъ, остановились передъ упомянутою гостиницею. Оффиціантъ, съ салфеткой въ рукахъ, уже ожидалъ насъ на широкой лѣстницѣ, уставленной статуями и цвѣтами.

— Eccellenza, вы-ли это!—воскликнулъ онъ, помогая выйти изъ кареты какой-то полной дамѣ. Я посмотрѣлъ на нее: красивое, очень красивое лицо, черные какъ смоль волосы и огненные глаза ясно обнаруживали неаполитанку.

— Увы! Я!—отвѣтила она.—Я только съ одной горничной вмѣсто провожатаго. Ни одного изъ слугъ я не взяла съ собою. Что вы скажете о подобной храбрости?

Съ усталымъ, страдальческимъ видомъ бросилась она на диванъ, подперла щеку бѣленькою, пухленькою ручкой и принялась пробѣгать глазами карту кушаній: Brodetto, Cipollette, Facioli... Вы, вѣдь, знаете, что мнѣ не нужно супа. Не то я наживу себѣ фигуру, что твой Castello dell' ovo! *) Кусочекъ animelle dorate **) и немножко салата—вотъ и довольно съ меня. Мы, вѣдь, успѣемъ къ ужину въ Санта-Агата. Ахъ, теперь мнѣ дышится легче!—продолжала она, развязывая ленты своего чепчика.—Здѣсь уже вѣетъ неаполитанскимъ воздухомъ! О, bella Napoli!— Съ этими словами она распахнула дверь на балконъ, выходившій въ садъ, широко распростерла руки и стала жадно впивать въ себя воздухъ.

— Развѣ уже виденъ Неаполь?—спросилъ я.

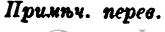
— Нѣтъ еще!—отвѣтилъ Федериго.—Но отсюда видно царство Гесперидъ, волшебный садъ Армиды.

Мы вышли на каменный балконъ. Что за роскошь, превосходящая всякую фантазію! Подъ нами разстилалась роща изъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, осыпанныхъ плодами; вѣтви деревьевъ склонялись подъ тяжестью своей золотой ноши къ самой землѣ. Вокругъ всего сада шли кипарисы, спорившіе высотою съ тополями сѣверной Италіи; зелень ихъ казалась еще темнѣе въ сравненіи съ яснымъ, небесно-голубымъ моремъ, разстилавшемся позади нихъ. Прибой волнъ достигалъ развалинъ древнихъ термъ и храмовъ, находившихся по ту сторону низенькой ка-

---

*) Одинъ изъ неаполитанскихъ замковъ.

**) Баранина, приготовленная особымъ образомъ. *Примѣч. перев.*

менной ограды сада. Корабли и лодки, окрыленные бѣлыми парусами, скользили по спокойному заливу, возлѣ котораго раскинулась Гаэта *). Изъ-за города виднѣлся небольшой утесъ съ развалинами на самой вершинѣ. Взоръ мой былъ ослѣпленъ этою очаровательною картиной.

— А видишь вонъ тамъ курится Везувій? — прибавилъ Федериго, указывая налѣво, гдѣ горы группировались словно облака, отдыхавшія на дивно прекрасномъ морѣ. Я какъ дитя восхищался чуднымъ зрѣлищемъ; Федериго раздѣлялъ мой восторгъ. Насъ потянуло сойти внизъ, подъ тѣнь апельсинныхъ деревьевъ, и тамъ я принялся цѣловать висѣвшіе на вѣтвяхъ золотые плоды, подбиралъ съ земли упавшіе и подбрасывалъ ихъ кверху, любуясь игрою этихъ золотистыхъ шариковъ, мелькавшихъ въ темно-голубомъ воздухѣ надъ лазурнымъ моремъ.

— Чудная Италія!—восторгался Федериго.—Да, вотъ такою именно ты и рисовалась мнѣ на дальнемъ сѣверѣ. Я ежеминутно вспоминалъ твой ароматъ, который теперь впиваю при каждомъ дуновеніи вѣтерка!.. Глядя на наши ивы, я думалъ о твоихъ оливковыхъ рощахъ, любуясь золотистыми яблоками въ саду датскаго крестьянина, близь благоухающаго клевернаго поля, мечталъ о твоихъ апельсинныхъ рощахъ! Но зеленоватыя волны нашего моря никогда не играютъ такою лазурью, какъ Средиземное море! Сѣверное небо никогда не стоитъ такъ высоко, никогда не тѣшитъ глазъ такою роскошью красокъ, какъ дивное теплое южное небо!—Радость его переходила въ вдохновеніе, рѣчь дышала поэзіей.—Какъ я тосковалъ на родинѣ!—продолжалъ онъ.—Да, тотъ, кто никогда не видалъ рая, куда счастливѣе того, кто побывалъ тамъ и затѣмъ удалился изъ него на всегда! Моя родина прекрасна. Данія—цвѣтущій садъ, который можетъ поспорить красотою со всѣмъ, что есть по ту сторону Альпъ. Въ ней есть буковые лѣса и море. Но что значитъ земная красота въ сравненіи съ небесной! Италія — страна фантазіи, царство красоты. Вдвойнѣ счастливъ тотъ, кто привѣтствуетъ тебя во второй разъ!—И онъ, какъ и я, цѣловалъ золотистые апельсины, а слезы такъ и текли у него по щекамъ. Онъ крѣпко обнялъ меня, и его горячія губы прикоснулись къ моему лбу.

Тутъ мое сердце открылось для него; онъ, вѣдь, былъ не чужой мнѣ, былъ другомъ моего дѣтства. Я и разсказалъ ему о послѣднихъ событіяхъ моей жизни, и на сердцѣ у меня стало какъ-то легче, когда я громко назвалъ имя Аннунціаты, излилъ все горе, тяготившее мою душу. Федериго выслушалъ меня съ сердечнымъ, истинно дружескимъ участіемъ. Я разсказалъ ему также и о моемъ бѣгствѣ, о приключеніи въ разбойничьей пещерѣ, о Фульвіи, и о томъ, что я зналъ о здоровьи Бернардо.

---

*) Городъ, названный по имени похороненной здѣсь Энеемъ кормилицы его.

Онъ протянулъ мнѣ руку, и его голубые глаза съ такимъ участіемъ заглянули мнѣ, казалось, въ самую душу. Вдругъ до насъ долетѣлъ изъ ближайшихъ кустовъ подавленный вздохъ. Мы оглянулись, но за высокими лавровыми деревьями и отягощенными плодами апельсинными вѣтками ничего не было видно. Можно было отлично притаиться за ними и подслушать все, что я разсказывалъ,—объ этомъ я и не подумалъ. Мы раздвинули вѣтви и увидѣли на скамьѣ, у самаго входа въ развалины купальни Цицерона, прекрасную неаполитанку, всю въ слезахъ.

— Ахъ, молодой человѣкъ!—произнесла она.—Я, право, не виновата! Я уже сидѣла тутъ, когда вы пришли сюда съ вашимъ другомъ. Здѣсь такъ свѣжо, прохладно, вы говорили такъ громко, что я и не замѣтила, какъ прослушала почти весь вашъ разговоръ. Тогда только я сообразила, что онъ не предназначался для ушей постороннихъ... Вы глубоко тронули меня!.. Не сердитесь же на непрошенную свидѣтельницу! Я буду нѣма, какъ мертвая!

Я смущенно поклонился незнакомой дамѣ, которая такимъ неожиданнымъ образомъ оказалась посвященною въ тайну моего сердца. Когда мы остались одни, Федериго принялся успокоивать меня, говоря, что никто не можетъ знать, къ чему этотъ случай поведетъ.—Что же до меня, то я фаталистъ, настоящій турокъ!—прибавилъ онъ.—Да и кромѣ того, ты повѣрялъ мнѣ, вѣдь, не какую-нибудь государственную тайну! Въ тайникѣ каждаго человѣческаго сердца найдутся подобныя печальныя воспоминанія. Можетъ быть, въ твоей исторіи синьора услышала исторію собственной молодости. Я по крайней мѣрѣ такъ думаю; люди рѣдко бываютъ тронуты до слезъ страданіями ближняго, если они не задѣваютъ подобныхъ же струнъ ихъ собственнаго сердца. Всѣ мы эгоисты даже въ величайшихъ своихъ страданіяхъ и скорбяхъ.

Мы опять усѣлись въ карету и покатили. Природа вокругъ становилась все роскошнѣе; широколиственные алоэ въ ростъ человѣка окаймляли дорогу густою изгородью. Большія плакучія ивы, казалось, цѣловали низко опущенными колеблющимися вѣтвями свою собственную тѣнь на землѣ.

Незадолго до солнечнаго заката мы переправились черезъ рѣку Гарильяно, на которой прежде лежалъ городъ Минтурна; увидалъ я и желтую Лирисъ *), поросшую тростникомъ, какъ и въ тѣ времена, когда Марій скрывался здѣсь отъ жестокаго Суллы. Но до деревушки Санта-Агата было еще далеко. Стемнѣло; синьора начала опасаться нападенія разбойниковъ и безпрестанно выглядывала въ окно,—не собирается-ли кто-нибудь отрѣзать наши чемоданы, привязанные позади кареты. Тщетно хле-

*) Названіе рѣки. *Примѣч. перев.*

сталъ лошадей и бранился нашъ веттурино; темнота надвигалась быстрѣе, чѣмъ бѣжали лошади. Наконецъ, мы завидѣли передъ собою свѣтъ,— мы были въ Санта-Агата.

За ужиномъ синьора была удивительно молчалива, но отъ меня не ускользнуло, что взоръ ея не отрывался отъ меня. На слѣдующее утро, когда я спустился въ общую залу, чтобы напиться кофе, она привѣтливо направилась мнѣ на встрѣчу. Мы были одни. Она протянула мнѣ руку и ласково сказала:—Вы не сердитесь на меня? Мнѣ просто стыдно передъ вами, а между тѣмъ, все это вышло съ моей стороны совершенно нечаянно.— Я поспѣшилъ успокоить ее, завѣряя, что питаю неограниченное довѣріе къ ея скромности.—Да, вѣдь, вы меня совсѣмъ еще не знаете!—сказала она.—Но мы, конечно, можемъ познакомиться. Можетъ быть, мужъ мой будетъ вамъ въ чемъ-нибудь полезенъ въ этомъ большомъ, чужомъ для васъ городѣ. Вы должны навѣстить насъ! У васъ, вѣроятно, нѣтъ здѣсь знакомыхъ, а молодому человѣку такъ легко надѣлать промаховъ, вступая въ новое общество.—Я отъ всего сердца поблагодарилъ ее за ея участіе, которое трогало меня. Да, повсюду можно встрѣтить добрыхъ людей!— Неаполь опасный городъ!—продолжала она, но тутъ вошелъ Федериго, и наша бесѣда прервалась.

Скоро мы опять сидѣли въ каретѣ; стекла были опущены; всѣ мы успѣли ближе познакомиться другъ съ другомъ и теперь радовались, приближаясь къ общей цѣли нашихъ стремленій, къ Неаполю. Федериго восхищался живописными группами поселянъ, то и дѣло попадавшимися намъ на встрѣчу: верхомъ на ослахъ ѣхали крестьянки, накинувъ на головы подолы своихъ красныхъ юбокъ и придерживая у груди малютокъ; нѣкоторыя же везли ребятишекъ постарше въ корзинкахъ, подвѣшенныхъ сбоку осла; встрѣчались и цѣлыя семейства на одной лошади. Особенно хороша была одна группа, будто сошедшая съ одной изъ чудныхъ жанровыхъ картинокъ Пиньяли: жена сидѣла позади мужа, положивъ руку и голову на его плечо и, казалось, спала, а впереди мужа сидѣлъ ихъ маленькій сынъ и игралъ кнутикомъ. Небо было сѣро; накрапывалъ дождичекъ; не видно было ни Везувія, ни Капри. На полѣ, обсаженномъ высокими фруктовыми деревьями и тополями, вокругъ которыхъ обвивались виноградныя лозы, пышно зеленѣли хлѣба.

— Видите?—сказала мнѣ синьора.—Наша Кампанья—накрытый столъ, уставленный и хлѣбомъ, и виномъ, и фруктами. А скоро вы увидите и нашъ веселый городъ и чудное море.

Къ вечеру мы прибыли въ Неаполь. Вотъ и роскошная улица Толедо; точно наша Корсо: ярко освѣщенные магазины, столы на тротуарахъ, заваленные апельсинами и финиками и освѣщенные лампами и разноцвѣтными фонариками. Вся улица, съ ея безчисленными огоньками, казалась

усыпанною звѣздами. По обѣ стороны шли высокіе дома съ балконами передъ каждымъ окошкомъ. На балконахъ стояли дамы и мужчины, какъ будто здѣсь все еще шелъ веселый карнавалъ. Одна карета пересѣкала дорогу другой. Вотъ лошади застучали подковами по мостовой, вымощенной кусками лавы. На встрѣчу стали попадаться маленькіе двухколесные кабріолетики; пять-шесть человѣкъ помѣщались въ тѣсномъ кузовкѣ экипажа, сзади прицѣпились нѣсколько оборванныхъ мальчишекъ, а внизу, въ сѣткѣ, привольно покачивался полунагой лаццарони; и всю эту компанію везла одна лошадь, да еще вдобавокъ вскачь. Передъ домомъ на углу былъ разложенъ костеръ; двое полунагихъ парней въ однихъ купальныхъ панталонахъ и застегнутыхъ на груди на одну пуговицу курткахъ лежали у огня и играли въ карты. Раздавались звуки шарманокъ, женщины напѣвали, всѣ кричали, всѣ бѣгали и суетились — и военные, и греки, и турки, и «инглези». Меня какъ будто перенесли въ совершенно иной міръ. Тутъ жизнь кипѣла южнымъ весельемъ, какого я еще не знавалъ. Синьора хлопала въ ладоши, привѣтствуя свой веселый Неаполь. Да, Римъ былъ могилою въ сравненіи съ ея смѣющимся городомъ!

Мы свернули на площадь Ларго дель Кастелло; тотъ же шумъ, то же оживленіе. Кругомъ освѣщенные театры; у входовъ разноцвѣтныя афиши и картины, изображавшія главныя сцены дававшихся здѣсь пьесъ. На высокихъ подмосткахъ шумѣло цѣлое семейство паяцовъ: жена зазывала публику, мужъ трубилъ, а меньшой ребенокъ хлесталъ обоихъ большимъ кнутомъ; маленькая же лошадка сидѣла на заднихъ ногахъ и «читала» раскрытую передъ нею книгу. Посреди толпы сидѣвшихъ на корточкахъ матросовъ стоялъ какой-то человѣкъ, размахивавшій руками. Это былъ импровизаторъ. Высокій старикъ читалъ вслухъ обступившей его толпѣ «Неистоваго Орланда»,—какъ мнѣ сказали. Въ то время, какъ мы проѣзжали мимо, слушатели принялись шумно аплодировать ему.

— Везувій!—вскричала синьора, и я увидѣлъ въ концѣ площади, за маякомъ, Везувій, подымавшій къ небу свою дымящуюся вершину. Изъ боковой расщелины кратера струилась, словно потокъ крови, огненная лава. Надъ вершиною горы стояло облако, освѣщенное заревомъ лавы. Но все это я видѣлъ лишь одну минуту: карета пересѣкла площадь и подъѣхала къ гостиницѣ Каза Тедеска. Неподалеку стоялъ театръ маріонетокъ; напротивъ возвышался другой поменьше, передъ которымъ прыгалъ, свистѣлъ, хныкалъ и произносилъ забавныя рѣчи пульчинелль. Кругомъ стонъ стоялъ отъ смѣха. Мало кто обращалъ вниманіе на монаха, проповѣдывавшаго со ступеней каменной лѣстницы на другомъ углу. Коренастый старикъ, похожій съ виду на шкипера, стоялъ подлѣ него съ распятьемъ въ рукахъ. Монахъ сверкающими глазами смотрѣлъ на деревянныхъ маріонетокъ, которыя отвлекали вниманіе толпы отъ его рѣчи,

— Развѣ такъ проводятъ дни, посвященные Богу!—восклицалъ онъ.— Намъ слѣдуетъ истязать свою плоть, посыпать главы пепломъ! А вы словно справляете карнавалъ! Вѣчно справляете карнавалъ—и днемъ, и ночью, изо дня въ день, изъ года въ годъ, пока васъ не пожретъ преисподняя! Тамъ вы будете ныть, тамъ вы будете зубоскалить, плясать и праздновать, терзаемые вѣчными муками!

Онъ возвышалъ голосъ все сильнѣе и сильнѣе; мягкое неаполитанское нарѣчіе ласкало мой слухъ, какъ звучные стихи; слова лились мелодическою волной. Но по мѣрѣ того, какъ возвышалъ свой голосъ монахъ, кричалъ все громче и пульчинелль, удваивая старанія насмѣшить толпу. Тогда проповѣдникъ, въ порывѣ бѣшенства, выхватилъ изъ рукъ старика распятіе и ринулся съ нимъ въ толпу, восклицая:

— Вотъ вамъ настоящій пульчинелль! На Него смотрите! Его слушайте, если у васъ есть глаза и уши! Киріе элейсонъ!—Побѣжденная видомъ святыни толпа сразу повергласъ на колѣни съ крикомъ: «Киріе элейсонъ!» Самъ содержатель театра маріонетокъ спряталъ своего петрушку. Пораженный всею этою сценою, я стоялъ возлѣ кареты, какъ вкопанный.

Федериго отыскалъ для синьоры экипажъ, она протянула ему въ знакъ благодарности руку, меня же крѣпко обняла и обожгла поцѣлуемъ, прошептавъ: «Добро пожаловать въ Неаполь!» Когда экипажъ ея тронулся, она послала мнѣ еще воздушный поцѣлуй. Мы съ Федериго поднялись въ наши комнаты, которыя указалъ намъ слуга.

Горе и утѣшеніе. Знакомство съ синьорою. Профессоръ. Письмо. Такъ-ли я понялъ ее?

Федериго улегся спать, а я все еще сидѣлъ на открытомъ балконѣ, выходящемъ на площадь; съ него открывался видъ на Везувій. Мнѣ не давалъ спать этотъ новый міръ, въ который меня перенесли какъ бы волшебствомъ. Мало-по-малу на улицѣ подо мною водворилась тишина, огоньки одинъ за другимъ погасали; было уже за полночь.

Взоръ мой не отрывался отъ Везувія, надъ которымъ подымался къ окрашеннымъ багрянцемъ небесамъ огненный столбъ; казалось, изъ кратера выросла мощная пинія, вся изъ огня и пламени; потоки лавы служили ей корнями, которыми она крѣпко вросла въ гору. Душа моя была потрясена этимъ величественнымъ зрѣлищемъ; изъ вулкана и съ тихаго ночного неба мнѣ слышался голосъ самого Бога. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда, если можно такъ выразиться, душа человѣческая созерцаетъ лицомъ къ лицу Бога. Въ эту минуту я ясно постигалъ всемогущество, мудрость и благость Того, Кому служатъ и повинуются молнія и

ураганъ, безъ Чьей воли не упадетъ на землю и воробышекъ. На меня снизошло просвѣтленіе, и, созерцая свою жизнь, я ясно видѣлъ въ ней перстъ Божій: вѣдь, всякое, даже несчастное событіе, служило лишь къ лучшему! Несчастная смерть моей матери, задавленной бѣшеными лошадьми и оставившей меня обездоленнымъ сиротою, грозила отрѣзать у меня всякую надежду на лучшее будущее. Но не это же ли событіе послужило настоящею и благороднѣйшею причиною, побудившею Eccellenza позаботиться о моемъ образованіи, чтобы такимъ образомъ загладить свой грѣхъ предо мною. Затѣмъ, схватка Маріучіи съ Пеппо и нѣсколько ужасныхъ мгновеній, которыя мнѣ пришлось пережить въ его жилищѣ, толкнули меня въ водоворотъ жизни; но не попади я въ Кампанью, къ Доменикѣ, Eccellenza, можетъ быть, никогда бы и не обратилъ на меня особеннаго вниманія. Такимъ образомъ, я перебиралъ въ памяти всѣ главныя событія моей жизни и находилъ между всѣми ими ясную и мудрую связь. И только передъ послѣдними событіями она какъ будто обрывалась. Знакомство съ Аннунціатою озарило мою жизнь весеннимъ солнышкомъ, заставившимъ распуститься въ моей душѣ каждый бутонъ; ради нея я бы сдѣлался всѣмъ, ея любовь осчастливила бы меня вполнѣ. Любовь Бернардо была лишь чувственнымъ порывомъ, и въ случаѣ потери Аннунціаты онъ скоро утѣшился бы. Но, увы! Аннунціата любила его, и это разрушало все мое земное счастье! Въ этомъ случаѣ я переставалъ понимать премудрыя цѣли Провидѣнія и только горевалъ о своихъ несбывшихся мечтахъ. Вдругъ подъ балкономъ зазвучала гитара; какой-то человѣкъ въ плащѣ перебиралъ струны и тихо напѣвалъ пѣснь любви. Немного погодя, сосѣдняя дверь отворилась, и пѣвецъ скрылся за нею. Счастливецъ! Его ждутъ поцѣлуи и объятья!.. А я все сидѣлъ и смотрѣлъ то на прозрачное звѣздное небо, то на блестящее темно-голубое море, на которомъ играли огненные отблески лавы, извергаемой Везувіемъ. «Чудная природа!» воскликнулъ я мысленно: «Ты моя возлюбленная! Ты прижимаешь меня къ своему сердцу, открываешь для меня небо и цѣлуешь меня каждымъ дыханьемъ вѣтерка! Я и буду воспѣвать тебя, твою красоту, твое величіе! Я стану громко пересказывать народу то, что ты тихо шепчешь моему сердцу! Такъ пусть же оно истекаетъ кровію! Бабочка, трепещущая на булавкѣ, блеститъ еще ярче, потокъ, низвергающійся со скалы и разбивающійся въ пѣну, смотритъ еще прекраснѣе,—такова же и участь поэта. Къ тому же жизнь, вѣдь, лишь краткій сонъ, мечта! Когда мы встрѣтимся съ Аннунціатою въ иномъ мірѣ, она отвѣтитъ на мою любовь взаимностью; всѣ чистыя души любятъ другъ друга; рука объ руку летятъ блаженные духи къ Богу!»

Вотъ какія мысли и чувства зрѣли въ моей душѣ, и она мало-по-малу ободрилась и окрѣпла; я твердо рѣшилъ попытать счастья на поприщѣ

импровизатора; вѣдь, къ этому давно влекло меня мое сердце. Одно только еще смущало меня: что скажутъ Eccellenza и Франческа о моемъ бѣгствѣ изъ Рима и объ избранномъ мною новомъ поприщѣ? Они-то думаютъ, что я прилежно занятъ своими книгами!.. Мысль эта не давала мнѣ покоя, и я сейчасъ же, ночью, принялся за письмо. Съ сыновнею довѣрчивостью подробно изложилъ я въ немъ все, что случилось со мною, описалъ свою любовь къ Аннунціатѣ, прибавилъ, что единственную отраду я нахожу теперь въ природѣ и искусствѣ, и закончилъ мольбой о добромъ отвѣтѣ, который могло продиктовать имъ ихъ любящее сердце. Не получивъ его, я не сдѣлаю ни шагу, не выступлю публично. Я разсчитывалъ, что они не заставятъ меня протомиться больше мѣсяца. Слезы такъ и капали изъ моихъ глазъ на письмо, но, окончивъ его, я почувствовалъ, что съ сердца у меня какъ будто свалился камень. Скоро я заснулъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ, какого не знавалъ уже давно.

На слѣдующій день мы съ Федериго устроили наши дѣла. Онъ переѣхалъ на квартиру въ одну изъ боковыхъ улицъ, а я остался въ Каза Тедеска, откуда могъ любоваться Везувіемъ и моремъ, двумя новыми для меня чудесами міра. Я ревностно посѣщалъ также музей Борбонико, театры и гулянья, и черезъ три дня совсѣмъ освоился съ чужимъ городомъ.

На четвертый день намъ съ Федериго было прислано приглашеніе отъ профессора Маретти и его супруги Санты. Въ первую минуту я было подумалъ, что это ошибка: я, вѣдь, не зналъ этихъ лицъ, а, между тѣмъ, приглашеніе относилось главнымъ образомъ ко мнѣ, и я уже долженъ былъ ввести въ домъ Федериго. Изъ разспросовъ я, однако, узналъ, что Маретти—ученый археологъ и что синьора Санта только что вернулась изъ поѣздки въ Римъ,—вѣроятно, мы познакомились съ нею въ пути. Значитъ, это была наша неаполитанка!

Вечеромъ мы съ Федериго отправились по приглашенію. Въ ярко освѣщенномъ салонѣ мы нашли уже довольно большое и веселое общество; блестящій мраморный полъ отражалъ яркіе огни канделябръ; огромный каминъ, огороженный рѣшеткою, распространялъ вокругъ пріятную теплоту.

Хозяйка дома, синьора Санта,—мы, вѣдь, уже знаемъ ея имя—встрѣтила насъ съ распростертыми объятіями. Свѣтло-голубое шелковое платье очень шло къ ней; не будь она такъ полна, ее бы можно было назвать красавицей. Она представила насъ обществу и просила быть какъ дома.

— У меня собираются лишь одни мои друзья! И вы скоро познакомитесь со всѣми!—Тутъ она принялась называть намъ имена всѣхъ гостей по порядку.—Мы болтаемъ, танцуемъ, занимаемся музыкой, и часы летятъ незамѣтно.—Она указала намъ мѣсто. Затѣмъ какая-то молодая дама сѣла за фортепіано и запѣла ту самую арію изъ оперы «Дидона», которую пѣла Аннунціата. Но впечатлѣніе получалось уже совсѣмъ не то,

арія не хватала меня за душу. Пришлось всетаки вмѣстѣ съ другими поапплодировать пѣвицѣ, которая вслѣдъ затѣмъ принялась играть веселый вальсъ. Трое, четверо изъ кавалеровъ пригласили дамъ и пошли кружиться по гладкому, блестящему полу. Я отошелъ къ окну, гдѣ стоялъ маленькій, подвижной человѣчекъ, съ какими-то стеклянными глазами; онъ низко поклонился мнѣ; я уже и раньше обратилъ на него вниманіе,— онъ, словно гномъ, безпрерывно шмыгалъ изъ двери въ дверь. Чтобы завязать разговоръ, я заговорилъ объ изверженіи Везувія и объ эфектномъ зрѣлищѣ огненной лавы.

— Все это ничто, другъ мой,—отвѣтилъ онъ:—ничто въ сравненіи съ изверженіемъ 96-го года, которое описываетъ Плиній. Тогда пепелъ долеталъ до Константинополя. Да и въ мое время въ Неаполѣ ходили съ зонтиками въ защиту отъ пепла, но Неаполь и Константинополь — большая разница. Классическое время во всемъ выше нашего! Въ то время приходилось молиться: «Serus in coelum redeas!»

Я заговорилъ о театрѣ Карлино, а собесѣдникъ мой свернулъ на колесницу Ѳесписа и прочелъ мнѣ цѣлую лекцію о трагическихъ и комическихъ маскахъ. Я упомянулъ о смотрѣ войскъ, а онъ сейчасъ же принялся разсматривать древній способъ веденія войны и командованія цѣлою фалангою. Единственный вопросъ, который онъ самъ задалъ мнѣ, былъ— не занимаюсь-ли я исторіей искусствъ и археологіей? Я отвѣтилъ, что меня интересуетъ міровая жизнь вообще, но что особенное призваніе я чувствую къ поэзіи. Собесѣдникъ мой захлопалъ въ ладоши и продекламировалъ.

O decus Phoebi, et dapibus supremi
Grata testudo Jovis!

— Ну, ужъ онъ поймалъ васъ!—сказала, смѣясь, Санта.—Теперь вы навѣрно съ головой ушли во времена Сезостриса. Но наше время предъявляетъ къ вамъ свои требованія,—васъ ожидаютъ дамы, вы должны танцовать!

— Но я не танцую! Никогда не танцовалъ!—отвѣтилъ я.

— А если сама хозяйка дома попроситъ васъ, развѣ вы откажетесь?

— Да, потому что я съ своею неловкостью упалъ бы самъ и уронилъ свою даму!

— То-то бы хорошо было! — сказала она, порхнула къ Федериго и скоро закружилась съ нимъ въ вальсѣ.

— Веселая женщина!—сказалъ мой собесѣдникъ и прибавилъ: — И красивая, очень красивая, господинъ аббатъ!

— Да, очень!—вѣжливо отвѣтилъ я, и затѣмъ мы, Богъ вѣсть какъ, съѣхали на этрусскія вазы. Онъ предложилъ мнѣ быть моимъ гидомъ въ

музеѣ Борбонико и затѣмъ пустился въ объясненіе искусства древнихъ мастеровъ, которые расписывали эти хрупкія сокровища: рисовать приходилось еще на мокрой глинѣ, и ни одной черты уже нельзя было стереть; стоило провести штрихъ, и онъ долженъ былъ остаться!

— Вы все еще блуждаете во мракѣ исторіи?—спросила Санта, опять подходя къ намъ.—Продолженіе слѣдуетъ! — шутливо крикнула она и, отведя меня въ сторону, прибавила вполголоса:—Не стѣсняйтесь же съ моимъ мужемъ!.. Вамъ надо повеселиться! Я хочу вылечить васъ! Вы должны разсказать мнѣ обо всемъ, что вы видѣли и слышали, что вамъ понравилось!

Я далъ ей отчетъ о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ на меня Неаполь, затѣмъ разсказалъ о своей сегодняшней прогулкѣ къ гроту Позилиппо; въ густомъ виноградникѣ возлѣ него я нашелъ развалины маленькой церкви, превращенной теперь въ жилище. Хозяйка его, прекрасная молодая женщина, мать двухъ славныхъ ребятишекъ, угостила меня виномъ, и эта встрѣча придала моей прогулкѣ еще болѣе романтическій характеръ.

— Такъ вы ужъ завязываете знакомства?—сказала Санта, улыбаясь и грозя пальчикомъ.—Ну, ну, нечего конфузиться! Въ ваши годы сердце не можетъ довольствоваться постными проповѣдями.

Вотъ чѣмъ на этотъ разъ ограничилось мое знакомство съ синьорой и ея мужемъ. Въ ея манерѣ выражаться и держать себя проглядывало что-то такое свободное, естественное, свойственное только неаполитанкамъ, какая-то сердечность, которыя и привлекали меня къ ней. Мужъ ея былъ ученый, и это было не худо: я надѣялся найти въ немъ прекраснаго гида по музеямъ. И я не ошибся. Санта же, которую я сталъ навѣщать очень часто, занимала меня все больше и больше; мнѣ льстило вниманіе, которое она оказывала мнѣ, а ея участіе заставляло меня раскрывать передъ ней всю свою душу. Я еще мало зналъ свѣтъ, былъ во многихъ отношеніяхъ сущимъ ребенкомъ и поэтому ухватился за первую дружески протянутую мнѣ руку, а за пожатіе платилъ полнымъ довѣріемъ.

Однажды Санта затронула важнѣйшій моментъ моей жизни, разлуку съ Аннунціатою, и мнѣ доставило истую отраду и утѣшеніе излить предъ сочувствующею душой всю свою душу. У меня какъ-то легче становилось на сердцѣ, слушая, какъ Санта осуждала Бернардо и отыскивала въ его характерѣ разныя темныя стороны. Но съ тѣмъ, что она отыскивала недостатки и у Аннунціаты, я примириться не могъ.

— Вы должны согласиться, что она слишкомъ миніатюрна для сцены!—говорила Санта.—Слишкомъ эфирна! А на этомъ свѣтѣ надо всетаки имѣть плоть! Знаю, что и здѣшняя молодежь съ ума сходила по ней, но это все творилъ ея голосъ, дивный, безподобный голосъ! Онъ уносилъ ихъ изъ этого міра въ заоблачныя сферы, гдѣ только и мѣсто такому эфирному

созданію. Будь я мужчиной, я бы никогда не влюбилась въ нее! Я бы боялась, что она переломится пополамъ, какъ только я обойму ее покрѣпче!—Она заставила меня улыбнуться и, можетъ быть, этого только и добивалась. Впрочемъ, она отдавала справедливость таланту, уму и чистому сердцу Аннунціаты.

Въ послѣдніе вечера я, вдохновленный красотой окружавшей меня природы, написалъ нѣсколько небольшихъ стихотвореній: «Тассо въ темницѣ», «Нищій-монахъ» и еще одну небольшую эллегію, въ которой вылилась моя несчастная любовь. Я сталъ читать ихъ Сантѣ, но едва успѣлъ дочитать до средины и первое, какъ не совладѣлъ съ нахлынувшими чувствами и залился слезами. Санта сжала мою руку и стала плакать вмѣстѣ со мною; этими слезами она приковала меня къ себѣ навѣки. Домъ ея сталъ для меня роднымъ домомъ; меня постоянно тянуло къ ней; ея веселость и забавныя выходки часто заставляли меня смѣяться, хотя я и чувствовалъ, насколько чище, благороднѣе были остроуміе и рѣзвость Аннунціаты. Но такъ какъ Аннунціата была уже не для меня, то я былъ доволенъ и пріязнью Санты.

— Что, вы видѣлись опять съ тою красавицей у грота Позилиппо, обитательницей романтическаго жилища?—спросила она меня однажды.

— Всего одинъ разъ еще!—отвѣтилъ я.

— Она была очень ласкова съ вами?—продолжала разспрашивать Санта.—Ребятишки навѣрно ушли съ туристами, а мужъ былъ на морѣ? Берегитесь, синьоръ! По ту сторону Неаполя лежитъ преисподняя!

Я чистосердечно завѣрилъ ее, что меня привлекала къ гроту Позилиппо одна лишь романтичность мѣстности.

— Милый другъ!—сказала она задушевнымъ тономъ.—Я понимаю все лучше васъ! Ваше сердце было полно любовью, первою сильною любовью къ женщинѣ, не скажу — недостойной, но всетаки бывшей съ вами не вполнѣ искреннею! Не возражайте! Затѣмъ, какъ вы сами увѣряли меня, вамъ пришлось вырвать изъ сердца ея образъ; слѣдовательно — въ вашемъ сердцѣ образовалась пустота, которую надо заполнить! Прежде вы жили только своими книгами да мечтами, пѣвица низвела васъ въ настоящій, человѣческій міръ, вы стали человѣкомъ, какъ и всѣ, и теперь плоть и кровь предъявляютъ свои права! И почему же нѣтъ? Я вообще не сужу молодыхъ людей строго... Да и къ тому же мужчины вольны дѣлать, что хотятъ!

Я сталъ возражать на ея послѣднія слова; что же касается той пустоты, которая воцарилась въ моей душѣ съ тѣхъ поръ, какъ я лишился Аннунціаты, то я чувствовалъ, что Санта была права. Чѣмъ, однако, могъ я замѣнить утраченный образъ?

— Вы не похожи на другихъ людей! Вы—поэтическая фигура, а ви-

дите, даже ваша идеальная Аннунціата предпочла настоящаго человѣка, этого Бернардо, хотя онъ и стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже васъ!.. Но,—продолжала она:—вы вынуждаете меня затрогивать предметы, которыхъ я, какъ женщина, вообще не должна бы касаться. Право, кажется, ваша удивительная невинность, неопытность и наивность заразительны!—Тутъ она громко засмѣялась и потрепала меня по щекѣ.

Однажды вечеромъ я сидѣлъ съ Федериго; онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и разсказывалъ мнѣ о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ имъ въ Римѣ. Въ любовныхъ приключеніяхъ его играла не малую роль Маріучія. Въ домѣ Санты собиралось много молодыхъ людей; они были отличными танцорами, умѣли заинтересовать собою, и дамы бросали на нихъ умильные взгляды, а мужчины относились къ нимъ съ уваженіемъ. Я зналъ ихъ всѣхъ лишь очень недавно, но они уже успѣли повѣрить мнѣ свои сердечныя дѣла того же рода, какими такъ пугалъ меня когда-то Бернардо и которыя я извинялъ ему только въ силу своей особой привязанности къ нему. Да, всѣ мужчины были такъ не похожи на меня! Неужели Санта права, неужели я только «поэтическая фигура»? Любовь Аннунціаты къ Бернардо служила уже, впрочемъ, нѣкоторымъ подтвержденіемъ. Можетъ быть, мое духовное «я» и было ей дорого, но самъ я покорить ея сердца всетаки не могъ.

Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ прожилъ я въ Неаполѣ, а все еще ничего не слыхалъ ни о ней, ни о Бернардо. Вдругъ мнѣ принесли съ почты письмо; сердце у меня забилось; я старался по почерку и печати узнать, отъ кого оно и какія вѣсти приноситъ. А, гербъ Боргезе и почеркъ Eccellenza! Я едва осмѣлился вскрыть конвертъ. «Матерь Божія, будь милостива ко мнѣ!» прошепталъ я. «Воля Твоя все направляетъ къ лучшему!» Вотъ что я прочелъ въ письмѣ:

«Синьоръ!

«Я думалъ, что вы воспользуетесь данною мною вамъ возможностью научиться чему-нибудь и сдѣлаетесь полезнымъ членомъ общества, но вы предпочли пойти совсѣмъ другою дорогою. Я, сознавая себя невольнымъ виновникомъ смерти вашей матери, сдѣлалъ для васъ все, что могъ, и теперь мы квиты. Выступайте импровизаторомъ, поэтомъ, чѣмъ хотите, но дайте мнѣ единственное доказательство вашей, столь часто упоминаемой, благодарности—никогда не связывайте моего имени, моего участія къ вамъ съ вашею публичною дѣятельностью. Оказать мнѣ большую услугу—научиться чему-нибудь вы не захотѣли, въ такой же маленькой, какъ именованіе меня вашимъ благодѣтелемъ, я не только не нуждаюсь, но даже считаю ее оскорбленіемъ».

Сердце мое сжалось отъ боли, руки безпомощно упали на колѣни, но плакать я не могъ, хотя это и облегчило бы меня. «Іисусъ, Марія!»

прошепталъ я; голова моя упала на столъ, и я такъ и застылъ, не думая ни о чемъ, не ощущая даже горя. Слова молитвы не шли мнѣ на умъ; мнѣ казалось, что и самъ Богъ и всѣ святые отступились отъ меня, какъ весь свѣтъ. Тутъ вошелъ ко мнѣ Федериго.

— Ты боленъ, Антоніо?—спросилъ онъ, пожимая мнѣ руку.—Нельзя же такъ замуровываться со своимъ горемъ! Кто знаетъ, былъ-ли бы ты счастливъ съ Аннунціатою? Все къ лучшему! Такъ всегда бываетъ! Мнѣ самому приходилось убѣждаться въ этомъ не разъ, хоть и не всегда пріятнымъ путемъ.

Я молча протянулъ ему письмо; онъ сталъ читать его. Въ то же время слезы неудержимо хлынули у меня изъ глазъ. Я, однако, стыдился ихъ и отвернулся, чтобы скрыть ихъ отъ Федериго, но онъ обнялъ меня и сказалъ:—Плачь, плачь! Выплачь свое горе, легче будетъ!—Когда же я нѣсколько успокоился, онъ спросилъ меня, принялъ-ли я какое-нибудь рѣшеніе. Тутъ какъ молнія озарила меня мысль: «я оскорбилъ Мадонну, на служеніе Которой былъ призванъ съ дѣтства, у Нея же долженъ я и искать защиты!»—Лучше всего будетъ мнѣ пойти въ монастырь!—сказалъ я.—Къ этому, вѣдь, и готовила меня судьба! И что мнѣ осталось теперь въ мірѣ? Я, вѣдь, только поэтическая фигура, а не человѣкъ, какъ всѣ! Да, только въ лонѣ церкви обрѣту я пріютъ и миръ!

— Ну, будь же благоразумнѣе, Антоніо!—сказалъ Федериго.—Покажи Eccellenza и всему свѣту, что у тебя есть сила характера, пусть удары судьбы возвысятъ тебя, а не сломятъ. Впрочемъ, я думаю и надѣюсь, что это только сегодня вечеромъ ты хочешь пойти въ монастырь. Завтра, когда солнышко заглянетъ въ твое сердце, ты перемѣнишь взглядъ. Ты, вѣдь, импровизаторъ, поэтъ, у тебя есть талантъ, познанія, и все еще можетъ устроиться для тебя прекрасно. Завтра мы наймемъ кабріолетъ и покатимъ осматривать Геркуланумъ и Помпею, а потомъ взберемся на Везувій! Мы еще не были тамъ. Тебѣ нужно развлечься! Вотъ, когда хандра твоя пройдетъ, тогда мы и поговоримъ серьезно о твоемъ будущемъ. Теперь же маршъ со мной! Погуляемъ по Толедо! Жизнь мчится въ галопъ, и у всѣхъ насъ, какъ у улитокъ, своя ноша на спинѣ,—изъ свинца или изъ погремушекъ все равно, если она гнететъ всѣхъ одинаково!

Его участіе ко мнѣ растрогало меня,—у меня еще оставался хоть одинъ другъ на землѣ! Молча взялъ я шляпу и послѣдовалъ за нимъ. Изъ маленькихъ балаганчиковъ на площади неслась музыка; мы остановились передъ однимъ изъ нихъ, вмѣшавшись въ толпу народа. Вся семья балаганныхъ артистовъ стояла по обыкновенію на подмосткахъ; мужъ и жена, оба въ пестрыхъ одѣяніяхъ, охрипли отъ зазываній; маленькій блѣдный мальчикъ, съ унылымъ личикомъ, одѣтый въ бѣлый балахонъ Пьерро, игралъ на скрипкѣ, а двѣ его сестренки плясали. Но отъ всей этой сцены

вѣяло трагизмомъ. «Несчастные!» думалъ я: «И ихъ будущее такъ же темно, неопредѣленно, какъ мое!» Я крѣпко прижался къ Федериго и не могъ подавить невольнаго вздоха.

— Ну, успокойся же, будь благоразумнѣе! Теперь мы погуляемъ немножко, глаза твои не будутъ такъ красны, а затѣмъ пойдемъ къ синьорѣ Маретти! Она или развеселитъ тебя, или поплачетъ съ тобою, пока ты самъ не устанешь плакать. Она на все мастерица!—И вотъ мы поплелись къ дому Маретти.

— Наконецъ-то вы хоть разъ зашли запросто!—ласково привѣтствовала насъ Санта.

— Синьоръ Антоніо находится въ элегическомъ настроеніи! Его надо подбодрить, такъ куда же было привести его, какъ не къ вамъ! Завтра мы поѣдемъ въ Геркуланумъ и Помпею, а потомъ взберемся на Везувій! То-то хорошо бы попасть на изверженіе!

— Carpe diem!—сказалъ Маретти.—Мнѣ тоже хочется съ вами. Только не на Везувій, а посмотрѣть, какъ идутъ раскопки въ Помпеѣ. Я только что получилъ оттуда нѣсколько украшеній изъ разноцвѣтнаго стекла; я размѣстилъ ихъ, согласно ихъ цвѣту, и написалъ по этому поводу opusculum. Надо показать эти сокровища вамъ!—обратился онъ къ Федериго.—Вы дадите мнѣ нѣкоторыя указанія относительно красокъ. А вы,—сказалъ онъ мнѣ, трепля меня по плечу:—глядите веселѣе! Потомъ мы всѣ выпьемъ по стаканчику фалернскаго и споемъ:

Ornatus viridi tempora pampino,
Liber vota bonos ducit ad exitus!

Я остался одинъ съ Сантою.

— Не написали-ли вы чего-нибудь новенькаго?—спросила она.—У васъ сегодня такой видъ, какъ будто вы опять написали какіе-нибудь красивые стихи вродѣ тѣхъ, которыя такъ тронули меня. Я не разъ вспоминала васъ и вашего «Тассо», и мнѣ становилось такъ грустно, хотя я, какъ вы знаете, вообще не принадлежу къ «плачущимъ сестрамъ»! Ну, развеселитесь же теперь! Поглядите на меня! Разскажите мнѣ что-нибудь хорошенькое!.. Ничего не знаете? Ну, скажите что-нибудь о моемъ новомъ платьѣ! Видите, какъ оно сидитъ? Поэтъ долженъ быть чутокъ ко всему!.. Я стройна, какъ пинія! Довольно тонка, не правда-ли?

— Еще бы!—отвѣтилъ я.

— Льстецъ!—сказала она.—Развѣ я не такая, какъ всегда? Платье сидитъ на мнѣ совсѣмъ свободно! Ну, что же тутъ краснѣть! Вотъ такъ мужчина! Нѣтъ, васъ надо пріучить къ женскому обществу, воспитать! На это мы, женщины, мастерицы! Теперь мужъ мой и Федериго по уши ушли въ древность, а мы будемъ жить настоящимъ,—это веселѣе! Вы сейчасъ

же должны попробовать нашего превосходнаго фалернскаго, а потомъ можно выпить опять и съ ними.

Я отказался и попытался завязать обыкновенный разговоръ о мелочахъ дня, но увы! я самъ сознавалъ, что былъ ужасно разсѣянъ.— Я вамъ въ тягость!— сказалъ я, наконецъ, всталъ и взялся за шляпу.— Извините меня, синьора! Я несовсѣмъ хорошо чувствую себя и не гожусь для общества!

— Нѣтъ, не уходите отъ меня!—сказала она, опять усадила меня на стулъ и поглядѣла мнѣ въ глаза задушевнымъ, соболѣзнующимъ взглядомъ.—Что съ вами? Откройтесь мнѣ! Я такъ расположена къ вамъ! Не оскорбляйтесь моими шутками,—такая ужъ у меня натура! Скажите мнѣ, что съ вами? Не получили-ли вы писемъ? Не умеръ-ли Бернардо?

— Нѣтъ! Сохрани Богъ!—отвѣтилъ я.—Дѣло совсѣмъ не въ этомъ!— Я не хотѣлъ было говорить о письмѣ Eccellenza, но всетаки чистосердечно разсказалъ ей все. Она со слезами стала упрашивать меня не огорчаться такъ.— Теперь я брошенъ всѣми!— сказалъ я.— Никто, никто больше не любитъ меня!

— Любитъ, Антоніо!—сказала она, гладя меня по головѣ и прижимаясь къ моему лбу горячими устами.— Васъ любятъ! Вы хороши, вы добры! Я люблю васъ, люблю васъ, Антоніо!— И она страстно обняла меня; щека ея прильнула къ моей. Въ крови моей вспыхнулъ огонь, трепетъ пробѣжалъ по тѣлу, духъ захватило... Никогда еще не испытывалъ я ничего подобнаго. Вдругъ дверь заскрипѣла и отворилась. Вошли Маретти и Федериго.—У вашего друга лихорадка!—сказала Санта своимъ обычнымъ, ровнымъ тономъ.—Онъ было напугалъ меня! Я думала, что онъ упадетъ мнѣ на руки! Но теперь ему лучше. Не правда-ли, Антоніо?— И она, какъ ни въ чемъ ни бывало, принялась подшучивать надо мною. А у меня сердце такъ и колотилось въ груди; мнѣ было и стыдно, и досадно, и я отвернулся отъ этой прекрасной дщери соблазна.

— Qvæ sit hiems Veliæ, quod coelum Vala Salerni!— сказалъ Маретти.—Ну, какъ ваша голова и сердце, синьоръ? Что сдѣлалъ съ вами купидонъ, который вѣчно точитъ свои ядовитыя стрѣлы на раскаленномъ точилѣ?

Въ бокалахъ заискрилось фалернское. Санта чокнулась со мною и сказала, какъ-то странно глядя на меня:—За лучшія времена!

— За лучшія времена!—повторилъ Федериго.—И они придутъ! Никогда не надо отчаиваться!—Маретти тоже чокнулся со мною и сказалъ:— За лучшія времена!—А Санта громко засмѣялась и потрепала меня по щекѣ.

Поѣздка въ Геркуланумъ и Помпею. Вечеръ на Везувіи.

На слѣдующее утро Федериго явился за мною. Маретти тоже усѣлся съ нами въ экипажъ; съ моря тянулъ свѣжій вѣтерокъ; мы поѣхали берегомъ.

— Дымъ-то какъ валитъ изъ Везувія!—сказалъ Федериго, указывая на гору.—То-то зрѣлище ждетъ насъ вечеромъ!

— Не такой еще дымъ валилъ въ 79 году по Р. Х.—сказалъ Маретти.—Тогда надъ всею окрестностью стояло густое облако! Тогда-то и были залиты лавою оба города, въ которые мы теперь ѣдемъ.

Сейчасъ за предмѣстьемъ Неаполя начинаются города Санъ-Джіовани, Портичи и Резина, которые собственно можно принять и за одинъ городъ, такъ тѣсно они примыкаютъ одинъ къ другому. Не успѣлъ я опомниться, какъ мы уже были у цѣли нашей поѣздки. Остановились мы у одного изъ домовъ въ Резинѣ. Подъ этимъ городомъ лежитъ другой — Геркуланумъ. Лава и пепелъ погребли его подъ собою въ нѣсколько часовъ; о существованіи его забыли, и надъ нимъ возникъ новый городъ. Мы зашли въ первый же домъ; во дворѣ находился глубокій колодезь; въ глубину его вела витая лѣстница.

— Видите, синьоры?—сказалъ Маретти.—Колодезь этотъ выкопанъ въ 1720 году по приказанію принца Эльбёфскаго. Но едва углубились въ землю на нѣсколько футовъ, нашли статуи, и дальнѣйшія раскопки были воспрещены. И—mirabile dictu—въ теченіе тридцати лѣтъ никто не принимался за эту работу, пока не явился Карлъ Испанскій и не велѣлъ копать глубже. Тогда-то и отрыли эту роскошную мраморную лѣстницу, которую видно отсюда.

Дневной свѣтъ проникалъ въ колодезь и освѣщалъ ступени лѣстницы— вѣрнѣе скамьи большого амфитеатра. Проводникъ нашъ далъ каждому изъ насъ по зажженой свѣчкѣ; мы спустились вглубь и остановились на ступеняхъ, гдѣ тысячу семьсотъ лѣтъ тому назадъ сиживала огромная толпа смѣявшихся и ликовавшихъ зрителей.

Маленькая, низенькая дверь вела въ длинный, просторный проходъ; мы спустились въ оркестръ, осмотрѣли помѣщенія для музыкантовъ, уборныя и самую сцену. Все поражало своими грандіозными размѣрами, хотя мы и могли видѣть заразъ лишь небольшую освѣщенную часть пространства. Пустынно и мрачно было вокругъ, а надъ головами нашими кипѣла жизнь. Подобно духамъ исчезнувшихъ поколѣній, которые, по народному повѣрію, появляются и бродятъ по нашей землѣ, бродили теперь по древнему городу мы, словно привидѣнія нашего времени. Меня скоро потянуло на свѣтъ Божій; мы вышли, и я съ наслажденіемъ вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ. Затѣмъ, мы повернули по улицѣ направо и опя-

наткнулись на взрытую площадь, но меньшихъ размѣровъ. Тутъ мы увидѣли цѣлую улицу застроенную небольшими домиками; стѣны тѣсныхъ, узкихъ комнатъ были окрашены въ яркіе голубые и красные цвѣта. Вотъ все, что осталось отъ цѣлаго города; болѣе величественное зрѣлище ожидало насъ въ Помпеѣ. Резина осталась позади насъ, и теперь кругомъ разстилалось застывшее неровными буграми море изъ черной, какъ смоль, лавы. Но здѣсь уже было возведено много новыхъ зданій, зеленѣли небольшіе виноградники; только маленькая полуразрушенная церковь напоминала еще о погребенной подъ лавою мѣстности.

— Я самъ былъ свидѣтелемъ ея гибели!—сказалъ Маретти.—Я былъ тогда еще ребенкомъ, но никогда не забуду этого ужаснаго дня. Этотъ черный шлакъ лился тогда съ горы на Торре дель Греко раскаленнымъ потокомъ. Отецъ мой—beati sunt mortui!—самъ рвалъ для меня спѣлый виноградъ тутъ, гдѣ теперь одна черная, твердая, какъ камень, кора; въ этой церкви ярко сіяли тогда свѣчи, а на стѣнахъ горѣло зарево изверженія. Виноградникъ залило лавою, но церковь уцѣлѣла въ этомъ огненномъ морѣ, словно Ноевъ ковчегъ.

Я всегда воображалъ, что Помпея лежитъ подъ землею, какъ и Геркуланумъ, но оказалось, что я ошибался. Она смотритъ на виноградники и на голубое море съ горы. Мы поднялись по крутой тропинкѣ и достигли полуразрушеннаго вала изъ темно-сѣрой золы; зеленыя растенія кусты и хлопчатника пытались кое-гдѣ одѣть его наготу. Пройдя мимо часовыхъ, мы вошли въ предмѣстье Помпеи.

— Вы вѣрно читали письма къ Тациту?—спросилъ Маретти.—Читали Плинія Младшаго? Сейчасъ вы увидите комментаріи къ его труду, какихъ не можетъ дать вамъ никто!

Мы пошли по длинной «улицѣ Гробницъ»; тутъ памятникъ на памятникѣ. Передъ двумя изъ нихъ стояли круглыя скамьи съ красивою рѣзьбою. На нихъ отдыхали когда-то помпейцы и помпеянки, любуясь цвѣтущею природою вокругъ и суетою, кипѣвшею на проѣзжей дорогѣ и въ гавани. Затѣмъ, по обѣимъ сторонамъ потянулись ряды домовъ, всѣ съ лавочками; они казались мнѣ человѣческими скелетами, устремившими на насъ свои пустыя глазныя впадины.

Кругомъ были видны слѣды землетрясенія, которое постигло городъ еще до разрушенія. Видно было, что многіе дома только строились, когда ихъ залило огненною лавою; на землѣ лежали недоконченные мраморные карнизы, а рядомъ съ ними терракотовыя модели ихъ.

Наконецъ, мы добрались и до стѣнъ города. Къ нимъ вели широкія ступени, какъ въ амфитеатрѣ; передъ нами развернулась длинная, узкая улица, вымощенная, какъ и неаполитанскія, широкими плитами лавы, говорившей о еще болѣе раннемъ изверженіи, нежели разрушившее Пом-

пею. На мостовой виднѣлись глубокія колеи отъ колесъ, на домахъ можно еще было прочесть имена ихъ владѣльцевъ; кое-гдѣ уцѣлѣли даже вывѣски; одна изъ нихъ гласила, что въ этомъ домикѣ изготовлялись мозаичныя издѣлія. Всѣ комнатки были маленькія, свѣтъ падалъ сверху, черезъ отверстіе въ потолкѣ или въ дверяхъ. Четырехъугольные дворики, обнесенные портиками, были такъ малы, что въ нихъ помѣщалась только какая-нибудь цвѣточная грядка или бассейнъ съ фонтаномъ. Зато и дворикъ и всѣ полы были изукрашены чудною мозаикою. Стѣны были пестро раскрашены въ бѣлый, голубой и красный цвѣта. На пурпуровомъ фонѣ порхали танцовщицы, геніи и другіе причудливые воздушные образы, такіе яркіе и живые, словно они были нарисованы только вчера. Федериго и Маретти вступили въ жаркую бесѣду о дивной композиціи и яркости красокъ рисунковъ, которые такъ удивительно сохранились, и прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться, оба съ головой ушли въ десятитомный каталогъ античныхъ памятниковъ Байярди. Они, какъ и многіе, забыли поэтическую дѣйствительность ради критическихъ комментарій къ ней; сама Помпея была забыта ради сухихъ изслѣдованій ея. Я же, непосвященный въ эти ученыя мистеріи, чувствовалъ себя среди этой поэтической обстановки, какъ дома; здѣсь столѣтія какъ бы сливались для меня въ годы, годы въ минуты. Скорбь моя утихла, душа вновь обрѣла покой и прониклась восторгомъ.

Мы остановились передъ домомъ Саллюстія.—Саллюстій!—воскликнулъ Маретти, снимая шляпу.—Corpus sine animo! Душа отлетѣла, но и мертвому тѣлу воздаютъ почтеніе!

Всю переднюю стѣну занимала большая картина «Діана и Актеонъ». Любуясь ею, мы вдругъ услышали радостныя восклицанія: рабочіе отрыли великолѣпный столъ изъ бѣлоснѣжнаго каррарскаго мрамора; вмѣсто ножекъ служили два превосходныхъ мраморныхъ сфинкса. Но еще больше поразили меня отрытыя тутъ же пожелтѣвшія человѣческія кости и ясно сохранившійся въ пеплѣ отпечатокъ прекрасной женской груди.

Мы перешли черезъ форумъ въ храмъ Юпитера; солнце освѣщало бѣлыя мраморныя колонны; за ними виднѣлся Везувій. Изъ кратера валилъ густой черный дымъ; отъ огненной же лавы, вытекавшей изъ бокового отверстія, подымались бѣлоснѣжные клубы пара.

Осмотрѣли мы и амфитеатръ и посидѣли на ступеняхъ, служившихъ скамьями. Сцена со своими колоннами, каменная задняя стѣна съ главною выходною дверью—все смотрѣло такъ, какъ будто здѣсь вчера еще только давалось представленіе. Но давнымъ давно изъ оркестра не раздавалось никакихъ звуковъ, давнымъ давно никакой Росціусъ не ожидалъ рукоплесканій отъ ликующей толпы; все было мертво; дышала жизнью только природа вокругъ. Густые зеленые виноградники, проѣзжая дорога

въ Салерно и рисовавшіяся вдали рѣзкими контурами на свѣтломъ фонѣ неба темноголубыя горы — все образовывало сцену, на которой роль хора въ трагедіи исполняла сама Помпея, пѣвшая о могуществѣ ангела смерти. И я видѣлъ его предъ собою, словно воочію: грозно простиралъ онъ надъ городами и мѣстечками свои крылья изъ чернаго пепла и огненной лавы.

Мы рѣшили взойти на Везувій только вечеромъ, когда сочетаніе огненнаго блеска лавы съ кроткимъ сіяніемъ луны производитъ особый эффектъ. Въ Резинѣ мы наняли ословъ и стали взбираться на гору. Дорога шла сначала мимо виноградниковъ и одинокихъ домиковъ, но затѣмъ растительность измѣнилась, пошли чахлые кусты и какіе-то сухіе тростникообразные стебли. Дулъ сильный холодный вѣтеръ, но вечеръ всетаки выдался прекрасный. Солнце садилось раскаленнымъ шаромъ, небо сіяло золотомъ, море было синяго цвѣта, а острова казались голубоватыми облачками. Глазамъ моимъ представлялся чисто волшебный міръ. Очертанія Неаполя таяли во мракѣ; вдали виднѣлись горы со снѣжными вершинами, сіявшими словно Альпійскіе глетчеры, а направо, близехонько отъ насъ струилась изъ Везувія огненная лава.

Вотъ мы выѣхали на равнину, покрытую черною лавою; нигдѣ ни дороги, ни тропинки. Ослы наши прежде чѣмъ твердо ступить на почву осторожно пробовали ее ногами. Такимъ образомъ мы поднимались очень медленно, пока не достигли той части горы, которая выдается уступомъ надъ этимъ мертвымъ, окаменѣлымъ моремъ. Тутъ мы пустились по узенькой тропинкѣ, на которой пробивались только сухіе тростникообразные стебли, и вскорѣ увидѣли хижину пустынника. Около нея, вокругъ разведеннаго костра, расположились солдаты, распивавшіе Lacrymæ Christi. Изъ нихъ набирался конвой для туристовъ, необходимый на случай нападенія разбойниковъ. Зажгли факелы, рѣзкій порывъ вѣтра налетѣлъ на огни, точно собираясь потушить ихъ и разметать по вѣтру всѣ искры до единой. При этомъ неровномъ, дрожащемъ свѣтѣ мы и отправились въ темнотѣ по узенькой тропинкѣ, проложенной между нагроможденными кусками лавы; по обѣимъ сторонамъ тропинки шли глубокіе обрывы. Наконецъ, передъ нами выросла, словно новая гора, черная вершина изъ пепла; тутъ пришлось слѣзть съ ословъ и взбираться пѣшкомъ, оставивъ животныхъ подъ присмотромъ мальчишекъ-погонщиковъ. Проводникъ нашъ шелъ впереди съ факеломъ, мы за нимъ, но не по прямой линіи: подъемъ былъ крутой, мы увязали въ мягкой золѣ по колѣни, и изъ-подъ ногъ нашихъ то и дѣло сыпались камни и обломки лавы. Сдѣлавъ два шага впередъ, мы соскальзывали на шагъ внизъ, ежеминутно падали, ноги у насъ какъ будто были налиты свинцомъ. — Courage! — покрикивалъ нашъ проводникъ: — Скоро будемъ наверху! — Но вершина, казалось, была все такъ же далека отъ насъ.

Ожиданіе и любопытство окрыляли меня; наконецъ, послѣ часового подъема, мы достигли вершины; я—первый.

Передъ нами разстилалась большая площадь, безпорядочно загроможденная глыбами застывшей лавы. Посреди же возвышался еще цѣлый холмъ изъ пепла, съ конусообразнымъ углубленіемъ—кратеромъ. Въ вышинѣ, словно какой-то огненный плодъ, висѣла луна. Она взошла уже давно, но мы-то увидѣли ее только теперь, да и то на одну минуту. Затѣмъ изъ кратера вдругъ повалилъ густой черный дымъ, кругомъ воцарилась непроглядная тьма, изъ нѣдръ горы раздались глухіе громовые раскаты, почва заколебалась подъ нашими ногами, мы должны были крѣпко ухватиться другъ за друга, чтобы не упасть, и вотъ, раздался такой грохотъ, что съ нимъ не могъ бы сравниться и залпъ изъ ста орудій. Столбъ дыма раздвоился, и изъ кратера взвился огненный столбъ вышиною чуть не въ милю. Въ бѣломъ пламени мелькали, словно кровавые рубины, раскаленные камни; они взлетали въ воздухъ точно ракеты и, казалось, сыпались намъ прямо на головы. Но они или падали назадъ въ кратеръ, или градомъ катились внизъ по пепельному склону его. «Всемогущій Боже!» простоналъ я, едва смѣя дышать.

— Везувій сегодня разгулялся!—сказалъ проводникъ и сдѣлалъ намъ знакъ слѣдовать за нимъ дальше. Я было думалъ, что нашему странствованію конецъ, но проводникъ указалъ рукою впередъ, въ ту сторону, гдѣ на горизонтѣ пылало зарево, и на огненномъ фонѣ вырисовывались гигантскія черныя тѣни. Это были другіе туристы. Чтобы обойти отдѣлявшій насъ отъ нихъ огненный потокъ лавы, мы обогнули гору и стали взбираться на нее съ восточной стороны. Изверженіе не позволяло намъ подойти къ самому кратеру, но мы рѣшили приблизиться къ тому мѣсту, откуда вытекалъ, словно ручей, свѣжій потокъ лавы, и, оставивъ кратеръ влѣво, пошли напрямикъ по равнинѣ, перелѣзая черезъ огромныя глыбы. Ни дороги, ни даже тропинки! Благодаря блѣдному свѣту луны и красноватому отблеску факеловъ, каждая тѣнь, каждая трещина на неровномъ грунтѣ казалась намъ пропастью. Вновь раздались глухіе подземные раскаты, опять воцарился непроницаемый мракъ, и засверкало новое изверженіе. Медленно, цѣпляясь ногами и руками, карабкались мы къ нашей цѣли, но скоро почувствовали, что все, до чего мы ни дотрогивались, пышетъ жаромъ. Передъ нами лежала болѣе ровная площадка, покрытая еще не совсѣмъ успѣвшею застыть лавою, извергнутою всего двое сутокъ тому назадъ. Подъ вліяніемъ воздуха успѣлъ почернѣть и затвердѣть только самый верхній слой ея, и образовалась корка, но толщина ея не превышала полъ-аршина, подъ нею же текла расплавленная лава. Огненное море только подернулось сверху тонкою пленкою, какъ озеро зимою льдомъ. Черезъ это-то море намъ и надо было перейти. По ту

сторону его опять громоздились неровныя глыбы, на которыхъ стояли туристы-иностранцы и смотрѣли внизъ на потокъ лавы. Мы гуськомъ потянулись за проводникомъ; горячая кора жгла наши подошвы; во многихъ мѣстахъ лава прорвала ее, и въ эти трещины виднѣлась расплавленная огненная масса. Провались подъ нами кора, мы бы погрузились въ море пламени. Мы шагали осторожно и всетаки возможно быстро,—ноги такъ и жгло. Желѣзо, остывая, чернѣетъ, но стоитъ прикоснуться къ нему—мгновенно раскаляется опять; то же самое происходило и здѣсь; какъ на снѣгу отъ ногъ человѣка остаются черные слѣды, такъ здѣсь за нами оставались дымящіеся. Никто изъ насъ не произносилъ ни слова. Пускаясь въ путь, мы и не представляли себѣ такой опасности. На встрѣчу намъ попался англичанинъ, возвращавшійся съ своимъ проводникомъ обратно.—Нѣтъ-ли между вами англичанъ?—спросилъ онъ, поровнявшись съ нами.—Итальянцы и одинъ датчанинъ!—отвѣтилъ я.—A Diavolo!—тѣмъ и окончилась наша бесѣда.

Мы достигли огромныхъ глыбъ, на которыхъ стояли иностранцы, и тоже вскарабкались; передъ нами внизъ по склону горы медленно лился свѣжій потокъ лавы, словно струя огненной гущи или расплавленнаго металла, вытекающаго изъ горнила. Потокъ этотъ разливался внизу на огромное пространство. Ни словами, ни красками не передать грознаго величія этой картины. Самый воздухъ надъ потокомъ былъ какъ будто пропитанъ сѣрою и огнемъ; кверху подымались густые клубы дыма, освѣщенные кровавымъ отблескомъ лавы, вокругъ же все тонуло во мракѣ. Въ подземной глубинѣ раздавался грохотъ, а надъ нашими головами взвивался столбъ огня, въ которомъ мелькали раскаленные камни. Никогда еще не чувствовалъ я такъ близко присутствія Бога. Сознаніе Его силы и величія наполнило мою душу; окружающее пламя какъ будто выжгло изъ нея всѣ слабости; она окрѣпла, прониклась мужествомъ и развернула свои мощныя крылья. «Великій Боже! Я буду Твоимъ апостоломъ! Я буду воспѣвать среди міроваго хаоса Твое имя, Твою силу, Твое величіе! И пѣснь моя зазвучитъ громче славословія монаха-отшельника! Я поэтъ! Даруй же мнѣ силу, сохрани во мнѣ чистую душу, какою долженъ обладать жрецъ природы и служитель Твой!» Я сложилъ руки, и мысли мои вмѣстѣ съ пламенемъ и облаками дыма вознеслись къ Тому, Чьи чудеса и величіе внушали мнѣ такое благоговѣніе.

Мы сошли съ высокихъ глыбъ, и вдругъ, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, большой обломокъ застывшей лавы съ трескомъ провалился сквозь верхнюю корку; изъ трещины брызнули тучи искръ и вырвались облака пара. Я не дрогнулъ: я ощущалъ близость Бога, и въ душѣ моей не было мѣста страху. Изъ маленькихъ кратеровъ горы летѣли искры, изъ большого каждую минуту извергались новые потоки лавы.

Въ воздухѣ слышался свистъ, словно надъ нами проносились несмѣтныя стаи птицъ. Федериго былъ въ такомъ же восторгѣ, какъ и я. Спускъ съ горы по мягкому пеплу какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ нашему душевному настроенію. Мы какъ будто неслись по воздуху, скользили, бѣжали и падали на пепелъ, мягкій, какъ только что выпавшій снѣгъ. Всего десять минутъ понадобилось намъ, чтобы пройти то разстояніе, на которое при подъемѣ пошелъ цѣлый часъ. Вѣтеръ улегся; у хижины пустынника дожидались насъ ослы, а въ хижинѣ сидѣлъ нашъ ученый, который отказался отъ утомительнаго восхожденія на гору. Меня же оно словно возродило къ новой жизни, и взоръ мой все обращался назадъ. Лава свѣтилась издали колоссальными огненными звѣздами; отъ лучей мѣсяца было свѣтло какъ днемъ. Мы направились вдоль залива, любуясь двумя длинными—голубоватою и красноватою полосами, дрожавшими на его зеркальной поверхности; это отражались въ водѣ лучи луны и лавы. Духъ мой обрѣлъ силу, понятія и мысли—необыкновенную ясность; со мною, если позволено будетъ сравнить ничтожное съ великимъ, произошло то же, что съ Боккачіо, посѣтившимъ могилу Виргилія: впечатлѣнія даннаго мѣста и обстановки наложили свою печать на всю мою умственную дѣятельность въ будущемъ. Боккачіо заплакалъ на могилѣ великаго поэта, и міръ обрѣлъ новаго; грозное величіе Везувія уничтожило во мнѣ чувства малодушія и сомнѣнія, заставило меня воспрянуть духомъ; вотъ почему этотъ день такъ крѣпко и запечатлѣлся въ моей памяти, вотъ почему я такъ подробно и описалъ свое восхожденіе на вулканъ, стараясь показать, какъ всѣ эти впечатлѣнія отразились въ моей душѣ.

Маретти пригласилъ насъ къ себѣ; на мгновенье я какъ-то смутился и испугался при мысли опять увидѣться съ Сантой послѣ того, что произошло въ послѣдній разъ, но чувство это было побѣждено общимъ моимъ душевнымъ настроеніемъ. Санта дружески протянула мнѣ руку, налила намъ въ бокалы вина, была такъ весела и проста, что я, наконецъ, сталъ упрекать себя за свое рѣзкое осужденіе ея. Это мои мысли были нечисты, оттого-то я и принялъ ея сердечное участіе, высказанное, правда, съ увлеченіемъ южанки, за порывъ чувственной страсти. И я старался загладить свою вину шутками и дружески-непринужденнымъ обращеніемъ. Во взглядѣ Санты я прочелъ, что она поняла меня и питаетъ ко мнѣ тѣ же истинно сестринскія участіе и любовь.

Супруги Маретти еще ни разу не слыхали моей импровизаціи и попросили меня доставить имъ это удовольствіе. Я воспѣлъ наше восхожденіе на Везувій, и меня наградили восторженными рукоплесканіями. То, что Аннунціата выражала молча однимъ своимъ взоромъ, выливалось краснорѣчивымъ потокомъ изъ устъ Санты, и краснорѣчіе еще возвышало ея красоту; выразительные взгляды ея глубоко западали мнѣ въ душу.

Неожиданная встрѣча. Мой дебютъ въ театрѣ Санъ-Карло.

Я рѣшился выступить публично, и день ото дня рѣшеніе мое крѣпло. Въ домѣ Маретти и во всѣхъ другихъ семействахъ, съ которыми я успѣлъ познакомиться здѣсь, вездѣ, гдѣ я ни выступалъ импровизаторомъ, меня награждали шумными похвалами. Успѣхъ мой проливалъ утѣшительный бальзамъ на мою больную душу; я былъ счастливъ и признателенъ Провидѣнію. Но никто, прочитавъ мои мысли, не назвалъ бы огня, горѣвшаго въ моихъ глазахъ, огнемъ тщеславія; нѣтъ, это было пламя чистой радости. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти похвалы какъ будто и пугали меня немножко: я боялся, что былъ недостоинъ или что не всегда буду достоинъ ихъ. Между тѣмъ, я глубоко чувствовалъ, и смѣло выскажу это, хотя дѣло и касается такъ близко меня самого, что похвалы и одобреніе—лучшая школа для хорошо направленной души и что, напротивъ, строгость и несправедливыя порицанія угнетаютъ или ожесточаютъ ее. Все это я знаю по собственному опыту. Маретти былъ ко мнѣ чрезвычайно внимателенъ, выходилъ ради меня изъ сферы исключительно интересовавшихъ его предметовъ и знакомилъ меня съ разными лицами, которыя могли быть мнѣ полезными на избранномъ мною новомъ поприщѣ. Санта также была со мною безконечно мила и любезна, но меня всетаки что-то отталкивало отъ нея, и я являлся къ ней всегда или съ Федериго, или въ такое время, когда зналъ, что у нея гости. Я боялся повторенія послѣдней сцены. И все же я часто заглядывался на нее, когда думалъ, что она этого не замѣчаетъ, и невольно любовался ею. Со мной происходило то, что вообще нерѣдко случается съ людьми: стóитъ подразнить человѣка, увѣряя его, что онъ влюбленъ въ такую-то особу, и онъ, хотя до сихъ поръ и не думалъ о ней, не замѣчалъ ея, невольно начинаетъ приглядываться къ ней, желая узнать, что же въ ней такого особеннаго, благодаря чему онъ долженъ былъ остановить на ней свой выборъ. Простое любопытство мало-по-малу переходитъ въ чувство особаго интереса, а это зачастую и въ любовь. Мое чувство къ Сантѣ ограничивалось пока только интересомъ; это было что-то вродѣ чувственнаго созерцанія, какого я не знавалъ раньше; тѣмъ не менѣе, оно смущало и пугало меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ и удерживало отъ сближенія съ нею.

Я прожилъ въ Неаполѣ цѣлыхъ два мѣсяца прежде чѣмъ дебютъ мой былъ, наконецъ, назначенъ въ ближайшее воскресенье. Я долженъ былъ выступить подъ именемъ Ченчи въ большомъ театрѣ Санъ-Карло; настоящей своей фамиліи я выставить на афишѣ не рѣшился. Я нетерпѣливо ждалъ дня дебюта, который долженъ былъ положить основаніе моей будущей славѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ испытывалъ и какой-то болѣзненный лихорадочный трепетъ. Федериго успокоивалъ меня, сваливая все

на вліяніе воздуха,—и онъ самъ, и почти всѣ окружающіе испытывали подобное же возбужденіе. Везувій ужъ очень расходился, изверженіе слѣдовало за изверженіемъ, и потоки лавы угрожали даже Торре дель Аннунціата *). По вечерамъ слышались глухіе громовые раскаты, пепелъ такъ и леталъ въ воздухѣ и густыми слоями садился на цвѣты и деревья; вершина вулкана вся была окутана черными грозовыми тучами; при каждомъ изверженіи изъ нихъ сверкали зигзагами ослѣпительныя молніи. Сантѣ тоже нездоровилось.—Это лихорадка!—говорила она; глаза ея горѣли, лицо было блѣдно. Она очень досадовала на свое нездоровье, говоря, что ей непремѣнно хочется присутствовать на моемъ дебютѣ.—Ну, да я всетаки буду въ театрѣ, хотя бы потомъ и пришлось поплатиться еще сильнѣйшею лихорадкою!—прибавляла она.—Надо жертвовать для друзей даже жизнью, даромъ что они не цѣнятъ этого!

Я то рыскалъ по гуляньямъ, по кофейнямъ и разнымъ театрамъ, то искалъ успокоенія въ церкви передъ образомъ Мадонны, исповѣдывалъ передъ Нею всѣ свои грѣховные помыслы и просилъ Ее подать мнѣ мужество и силу послѣдовать своему призванію. «Bella ragazza!» (прекрасная дѣвушка!) нашептывалъ мнѣ голосъ искусителя, и щеки мои загорались огнемъ, но я старался не слушать этого голоса. Между духомъ и плотью завязывалась борьба; я чувствовалъ, что во мнѣ совершается какой-то переворотъ и ждалъ, что къ воскресенью возбужденіе мое достигнетъ высшей своей точки. «Надо намъ побывать съ тобою въ игорномъ домѣ!» не разъ говаривалъ мнѣ Федериго. «Поэту надобно знать и испытать все!» Но намъ все какъ-то не удавалось побывать тамъ вмѣстѣ, одному же мнѣ идти туда казалось неловко. Да, правъ, пожалуй, былъ Бернардо, говоря, что воспитаніе у доброй Доменики и монастырская жизнь въ Іезуитской коллегіи разбавили мою кровь козьимъ молокомъ и сдѣлали изъ меня какого-то труса. Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, недоставало рѣшительности и твердости характера. Между тѣмъ, мнѣ нужно было ближе познакомиться съ свѣтомъ, а не избѣгать его, разъ я хочу быть поэтомъ! Вотъ эти-то мысли и бродили у меня въ головѣ, когда я позднимъ вечеромъ направлялся къ игорному дому. «Я пойду туда именно потому, что боюсь!» сказалъ я себѣ самому. «Играть же мнѣ нѣтъ надобности. Федериго и другіе мои друзья навѣрно похвалили бы меня за мое благоразуміе!» Какое, однако, слабое существо человѣкъ! Сердце мое билось, словно я шелъ на дурное дѣло, хотя разсудокъ и успокоивалъ меня. У входа стояли швейцары, лѣстница была великолѣпно освѣщена, въ передней толпились слуги, которые взяли у меня шляпу и трость, распахнули предо мною двери, и я увидѣлъ цѣлую амфиладу ярко освѣщенныхъ комнатъ. Народу

---

*) Маленькій городокъ между Неаполемъ и Помпеей. *Примѣч. перев.*

было много—и мужчинъ, и дамъ. Я не хотѣлъ обнаружить своей робости и быстро прошелъ въ первую залу; никто не обратилъ на меня вниманія. По всей залѣ были разставлены столы для игроковъ, передъ которыми лежали цѣлыя кучи золота. За однимъ столомъ сидѣла пожилая дама, видно бывшая когда-то красавицей, разрумяненная и разряженная въ пухъ и прахъ; глаза ея такъ и пожирали кучи золота, а костлявыя руки крѣпко впились въ карты. Молодыя, красивыя дѣвушки непринужденно болтали съ мужчинами. Всѣ эти красавицы были дщери соблазна; и старуха съ алчнымъ взоромъ когда-то, какъ и онѣ, покоряла сердца, а теперь одерживала побѣды только на зеленомъ полѣ.

Въ одной изъ залъ поменьше стоялъ столъ съ красными и зелеными кружками; я видѣлъ, какъ ставили на эти кружки по одной или по нѣскольку монетъ, какъ пускали шарикъ, и если онъ останавливался на избранномъ игрокомъ цвѣтѣ, счастливецъ получалъ двойную ставку. Серебро и золото перекатывались съ одного конца стола на другой съ быстротой молніи. Я вынулъ изъ кармана серебряную монету и бросилъ на столъ; она угодила на красный кружокъ; человѣкъ, стоявшій возлѣ, поглядѣлъ на меня, словно спрашивая, оставить-ли ее тамъ, куда она упала. Я невольно кивнулъ головой; шарикъ покатился, и я выигралъ вдвое противъ того, что поставилъ. Я смутился и не взялъ денегъ; они остались на томъ же мѣстѣ, шарикъ пустили еще разъ, потомъ еще и еще. Мнѣ везло, я все выигрывалъ; кровь во мнѣ заиграла, но я продолжалъ рисковать только выигранными деньгами. Скоро передо мною лежала цѣлая куча серебра, а на противоположной ставкѣ сверкали луидоры. Я выпилъ залпомъ стаканъ вина,—въ горлѣ у меня пересохло. Двойная куча золота и серебра все росла, но вотъ шарикъ пустили еще разъ, и крупье хладнокровно сгребъ весь мой выигрышъ. Золотой сонъ мой разсѣялся, и я проснулся, пересталъ играть, потерявъ въ сущности лишь первую ставку. Утѣшая себя этимъ, я перешелъ въ слѣдующую залу. Одна изъ молодыхъ женщинъ обратила на себя мое вниманіе сходствомъ съ Аннунціатою; она была только выше ростомъ и полнѣе послѣдней. Мой пристальный взглядъ не ускользнулъ отъ нея, она подошла ко мнѣ и, указывая на одинъ изъ маленькихъ столиковъ, предложила сыграть съ нею партію. Но я извинился и вернулся въ первую залу; красавица проводила меня взглядомъ. Въ задней комнатѣ группа молодыхъ людей играла на билліардѣ; они поснимали съ себя сюртуки, несмотря на то, что въ игрѣ участвовали и дамы. Меня это удивило; я и забылъ о царствовавшей здѣсь свободѣ. У дверей, спиной ко мнѣ, стоялъ рослый, стройный молодой человѣкъ. Онъ приставилъ къ шару кій и сдѣлалъ такой мастерской ударъ, что вокругъ раздались рукоплесканія. Дама, привлекшая мое вниманіе, дружески кивнула ему и, вѣроятно, сказала что-

нибудь забавное. Онъ обернулся и поцѣловалъ ее въ щеку; она, шутя, ударила его по плечу. Сердце мое затрепетало,—это былъ Бернардо! У меня не хватило духа подойти къ нему поближе, а между тѣмъ мнѣ необходимо было убѣдиться, онъ-ли это. Я прошелъ вдоль стѣны къ открытой двери въ большую полуосвѣщенную залу, чтобы оттуда присмотрѣться къ молодому человѣку, не привлекая на себя его вниманія. Въ этой полутемной залѣ, слабо освѣщенной красными и бѣлыми фонариками, былъ устроенъ искусственный садъ съ бесѣдками изъ раскрашенныхъ жестяныхъ листьевъ, апельсинными деревцами въ кадкахъ и чучелами пестрыхъ попугаевъ на вѣткахъ. Изъ-за зелени раздавались тихіе, мягкіе звуки гармоніума, наигрывавшаго прелестныя мелодіи, лившіяся прямо въ душу. Изъ полуотворенной двери на галлерею вѣяло прохладою. Я едва успѣлъ оглядѣться, какъ въ садъ вбѣжалъ Бернардо; я машинально укрылся въ ближайшую бесѣдку; онъ заглянулъ туда, смѣясь кивнулъ мнѣ головой, словно увидалъ знакомаго, шмыгнулъ въ слѣдующую бесѣдку и, бросившись на диванъ, принялся напѣвать вполголоса какой-то мотивъ. Тысячи чувствъ волновали мою душу. Онъ здѣсь! Такъ близко отъ меня! Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и принужденъ былъ сѣсть. Благоуханіе цвѣтовъ, тихіе звуки музыки, полумракъ, даже мягкій эластичный диванъ—все это вмѣстѣ перенесло меня въ какой-то волшебный міръ; да только тамъ я и могъ надѣяться встрѣтиться съ Бернардо! Вдругъ въ мою бесѣдку впорхнула та самая красавица, на которую я обратилъ вниманіе; я взволновался еще больше, но въ эту минуту Бернардо возвысилъ голосъ, она узнала его и убѣжала къ нему. Раздался звукъ поцѣлуя... Меня такъ и кольнуло въ сердце!..

И этого-то вѣроломнаго, легкомысленнаго человѣка предпочла мнѣ Аннунціата! А онъ могъ такъ скоро забыть ее и оскверняетъ свои уста, прикасаясь ими къ образу красоты, запятнанному порокомъ! Я выбѣжалъ изъ комнаты и изъ самаго дома. Сердце мое сжималось отъ гнѣва и боли; я успокоился лишь подъ утро.

Но вотъ насталъ и день моего публичнаго дебюта въ театрѣ Санъ-Карло. Никогда еще я такъ искренно не молился Мадоннѣ и всѣмъ святымъ, какъ въ это утро. Я побывалъ у обѣдни, причастился и почувствовалъ себя подкрѣпленнымъ и очищеннымъ святымъ таинствомъ. Одна только мысль нарушала мое спокойствіе, столь нужное мнѣ теперь: чтó если и Аннунціата здѣсь, чтó если Бернардо пріѣхалъ съ нею? Но Федериго справился и узналъ, что ея не было въ городѣ; зато Бернардо, согласно газетнымъ извѣстіямъ о пріѣзжающихъ, находился здѣсь уже четыре дня. У Санты лихорадка все продолжалась, но я зналъ, что она будетъ въ театрѣ. Афиши, извѣщавшія о моемъ дебютѣ, были уже вывѣшены; Федериго развлекалъ меня разсказами; Везувій извергалъ огонь

и пепелъ сильнѣе обыкновеннаго; все какъ будто волновалось вмѣстѣ со мною.

Я долженъ былъ выступить по окончаніи оперы «Севильскій цирульникъ», но экипажъ за мною послали гораздо раньше, едва опера началась. Если бы въ эту минуту въ карету рядомъ со мною сѣла Парка, готовясь перерѣзать своими ножницами нить моей жизни, я бы, кажется, сказалъ ей: «рѣжь скорѣе!» «Боже, устрой все къ лучшему!» вотъ о чемъ я молился дорогою.

Въ фойэ артистовъ я встрѣтилъ пѣвцовъ и актеровъ труппы, нѣсколькихъ любителей искусства и одного импровизатора, профессора французскаго языка, Сантини. Я былъ хорошо знакомъ съ нимъ черезъ Маретти. Завязался непринужденный разговоръ, всѣ смѣялись, шутили. Участвовавшіе въ оперѣ приходили и уходили, словно на балу,—они чувствовали себя на сценѣ, какъ дома.

— Ужъ мы зададимъ вамъ тему!—сказалъ Сантини.—Такой орѣхъ, что и не разгрызть! Но ничего, сойдетъ! Я помню, какъ я дрожалъ, выступая въ первый разъ. Однако, все обошлось благополучно. Я, конечно, прибѣгнулъ къ кое-какимъ маленькимъ уловкамъ: выучилъ наизусть нѣсколько небольшихъ стишковъ на темы о любви, о старинѣ, о красотѣ Италіи, о поэзіи и объ искусствѣ, которыя всегда можно примѣнить къ дѣлу, а кромѣ того, у меня были въ запасѣ и два-три цѣльныя стихотворенія.—Я сталъ увѣрять его, что и не подумалъ о такихъ приготовленіяхъ.—Да, да, такъ всегда говорятъ!—отвѣтилъ онъ, смѣясь.—Ну, ну, ладно! Мы знаемъ, что вы человѣкъ умный и выйдете изъ испытанія съ честью.

Опера кончилась; я стоялъ одинъ посреди пустой сцены.—Эшафотъ воздвигнутъ!—сказалъ, улыбаясь, режиссеръ и подалъ знакъ машинисту. Занавѣсъ взвился.

Я видѣлъ передъ собою только какую-то черную бездну и съ трудомъ различилъ лишь нѣсколько ближайшихъ головъ возлѣ самаго оркестра да въ крайнихъ ложахъ; изъ этой бездны меня обдавало густымъ, теплымъ воздухомъ. Я чувствовалъ въ себѣ мужество, которое удивляло меня самого. Правда, я былъ сильно взволнованъ, но такъ и слѣдовало: для воспринятія идей и впечатлѣній нужна извѣстная нервная чуткость, гибкость души. Какъ зимою во время самыхъ жестокихъ морозовъ воздухъ бываетъ всего чище и яснѣе, такъ и въ этомъ случаѣ душевное напряженіе обусловливало ясность мыслей. Всѣ мои духовныя способности пробудились, я былъ какъ нельзя болѣе расположенъ импровизировать.

Каждый могъ подать записочку съ предложеніемъ темы; бумажки шли сначала на разсмотрѣніе секретаря полиціи, который наблюдалъ за тѣмъ, чтобы не пропустить какой-нибудь противозаконной темы, а послѣ того пре-

доставлялись на выборъ мнѣ. Первая попавшаяся мнѣ записочка гласила: «Il cavalier servente». Къ сожалѣнію, я имѣлъ объ этой должности довольно смутное понятіе, зналъ только, что cavalier servente или чичисбей—что-то вродѣ средневѣковаго рыцаря, который хоть и не ломаетъ за свою даму копій на аренѣ, всетаки является ея вѣрнымъ слугою, заступающимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣсто ея супруга. Я вспомнилъ знакомый сонетъ: «Femina di costume di maniere» *), но не въ силахъ былъ сразу связать съ нимъ ни одной мысли. Я съ любопытствомъ развернулъ другую бумажку; на ней было написано: «Капри». И эта тема привела меня въ смущеніе: я ни разу не былъ на упомянутомъ островкѣ, видѣлъ его красивыя очертанія лишь изъ Неаполя, а то, чего не знаешь, мудрено и воспѣть. Лучше ужъ было взять первую тему. На третьей бумажкѣ было написано: «Неаполитанскія катакомбы». Въ нихъ я тоже не бывалъ никогда, но самое слово катакомбы напомнило мнѣ римскія катакомбы, въ которыхъ мы съ Федериго заблудились, когда я былъ ребенкомъ. Все это приключеніе разомъ воскресло въ моей памяти, я взялъ нѣсколько аккордовъ, и стихи сами собою полились изъ моихъ устъ. Я разсказалъ въ нихъ то, что пережилъ самъ, перенеся только дѣйствіе изъ римскихъ въ неаполитанскія катакомбы. И въ этотъ вечеръ я во второй разъ поймалъ нить счастья: меня привѣтствовалъ громъ рукоплесканій, ударившій мнѣ въ голову, какъ шампанское. Затѣмъ, мнѣ задали новую тему: «Фата-Моргана». Я не былъ знакомъ съ этимъ воздушнымъ явленіемъ, которое наблюдается въ Неаполѣ и Сициліи, но хорошо зналъ прекрасную фею Фантазію, обитающую въ этихъ ослѣпительныхъ воздушныхъ замкахъ. Я могъ описать міръ собственныхъ грезъ; въ немъ также витали волшебные сады и замки: въ моей душѣ жила, вѣдь, прекраснѣйшая Фата-Моргана!

Я быстро обдумалъ тему, и у меня сложился въ головѣ небольшой разсказъ; по мѣрѣ же того, какъ я пѣлъ, рождались все новыя и новыя идеи. Я описалъ мѣстность—не называя, ея, впрочемъ, по имени—возлѣ маленькой покинутой церкви и грота Позилиппо, произведшую на меня

*) Обычай приставлять къ дамѣ чичисбея ведетъ свое начало изъ Генуи. Тамошніе купцы, часто отлучаясь по дѣламъ изъ дому и не желая запирать своихъ женъ, вынуждены были ввѣрять ихъ попеченію одного изъ своихъ друзей (обыкновенно изъ духовнаго званія), который и становился неизмѣннымъ спутникомъ и покровителемъ ввѣренной ему дамы. Впослѣдствіи обычай этотъ вошелъ въ моду, которой слѣдовали ужъ всѣ и каждый. Отношенія между дамой и ея чичисбеемъ бывали зачастую истинно благородны и чисты, и извѣстны даже случаи, что въ надгробной рѣчи умершему чичисбею воздавалась хвала именно за честное исполненіе имъ своихъ обязанностей. Чичисбей оставался при своей дамѣ безотлучно съ той минуты, какъ она встанетъ и до поздняго вечера. Ему вмѣнялось въ долгъ выказывать ей величайшее вниманіе и предупредительность и относиться равнодушно ко всѣмъ остальнымъ дамамъ.

такое сильное впечатлѣніе своею романтичностью, а затѣмъ и самую церковь, обращенную теперь въ жилище семьи рыбака. У окна, на стеклѣ котораго выжжено изображеніе св. Георгія, стоитъ постелька. Въ ней спитъ маленькій мальчикъ. Къ нему является въ ясную лунную ночь прелестная дѣвочка, легкая какъ эфиръ, съ большими пестрыми крылышками за плечами. Она выводитъ мальчика изъ дому въ зеленый виноградникъ, показываетъ ему тысячи невиданныхъ чудесъ и играетъ съ нимъ; потомъ они идутъ вмѣстѣ въ раскрывающуюся передъ ними гору, видятъ тамъ блестящія церкви съ дивными образами и алтарями, переплываютъ черезъ чудное голубое море на тотъ берегъ, гдѣ возвышается дымящійся Везувій; вулканъ становится прозрачнымъ, какъ стекло, и они видятъ, какъ кипитъ и бурлитъ въ немъ огненная лава. Посѣщаютъ они и погребенные подъ землею города, о которыхъ мальчикъ столько наслышался. Народъ, нѣкогда населявшій эти города, вновь оживаетъ, и мальчикъ видитъ жизнь древнихъ во всей ея роскоши и блескѣ, о какихъ не даютъ людямъ понятія отрытыя нынѣ руины. Затѣмъ дѣвочка привязываетъ свои крылья къ плечамъ мальчика,—сама она легка, какъ воздухъ и не нуждается въ нихъ, и вотъ, они летятъ надъ апельсинными рощами, надъ горами, надъ сочною зеленью болотъ, надъ мертвою Кампаньей, надъ древнимъ Римомъ, пролетаютъ надъ чуднымъ голубымъ моремъ, далеко оставляютъ позади себя Капри и отдыхаютъ на розовыхъ облакахъ. Дѣвочка цѣлуетъ мальчика и говоритъ, что ее зовутъ Фантазіей, показываетъ ему дивный замокъ своей матери, построенный изъ воздуха и солнечныхъ лучей, и они играютъ въ этомъ замкѣ, оба такіе радостные, счастливые! Но по мѣрѣ того, какъ мальчикъ подростаетъ, дѣвочка навѣщаетъ его все рѣже и рѣже. Только въ лунныя ночи выглядываетъ она иногда изъ-за зелени виноградныхъ лозъ и вѣтвей апельсинныхъ деревьевъ, киваетъ ему головкой и исчезаетъ. И онъ становится все грустнѣе и задумчивѣе. Вотъ онъ выросъ и долженъ помогать своему отцу въ его промыслѣ, долженъ учиться грести, обращаться съ парусами и править лодкой въ бурю. Но чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ сильнѣе тосковалъ о подругѣ дѣтства, которая больше не являлась къ нему. Часто, плывя лунною ночью по зеркальной поверхности моря, онъ опускалъ весла и смотрѣлъ въ ясную прозрачную воду: онъ видѣлъ сквозь нее дно, покрытое пескомъ и водяными растеніями, а изъ-за нихъ выглядывала своими чудными черными очами Фантазія! Она кивала ему и какъ будто манила къ себѣ. Однажды утромъ рыбаки столпились на берегу: въ лучахъ восходящаго солнца, близехонько отъ Капри, сіялъ новый чудный островъ, отливавшій всѣми цвѣтами радуги, съ свѣтлыми башнями, звѣздами и ясными пурпурными облаками. «Фата-Моргана!» воскликнули всѣ, восхищаясь дивнымъ зрѣлищемъ, но молодому рыбаку

оно было не въ диковинку: онъ, вѣдь, самъ игралъ въ этомъ замкѣ ребенкомъ вмѣстѣ съ прекрасною Фантазіей. Грусть и тоска охватили его, слезы затуманили его глаза, и знакомая картина сначала потускнѣла, а затѣмъ исчезла безслѣдно. Яснымъ луннымъ вечеромъ вновь возникъ надъ моремъ чудный замокъ изъ лучей и воздуха. И рыбаки, стоявшіе на мысѣ, увидѣли лодку, несшуюся къ диковинному плавучему острову съ быстротой стрѣлы. Вдругъ лодка исчезла, померкло и все сіяющее видѣніе; на море спустилось черное облако, поднялся и закружился смерчъ, заходили темно-зеленыя волны... Смерчъ пронесся, море опять успокоилось, луна попрежнему отражалась въ голубой водѣ, но лодки уже не было видно; молодой рыбакъ исчезъ вмѣстѣ съ прекрасною Фата-Морганою!

Меня опять привѣтствовали рукоплесканіями; мужество и воодушевленіе мои все росли; каждая тема воскрешала во мнѣ какое-нибудь воспоминаніе изъ моей собственной жизни, и мнѣ оставалось только разсказать его. Импровизируя на тему «Тассо», я тоже говорилъ о самомъ себѣ; Леонорою была Аннунціата; мы видѣлись съ нею при Феррарскомъ дворѣ; я вмѣстѣ съ Тассо страдалъ въ темницѣ, вмѣстѣ съ нимъ наслаждался свободою, чуя смерть въ груди, вмѣстѣ съ нимъ смотрѣлъ изъ Сорренто чрезъ волнующееся море на Неаполь, вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ подъ дубомъ у монастыря св. Онуфрія... Вотъ зазвонили въ честь Тассо капитолійскіе колокола, но ангелъ смерти уже вѣнчалъ его вѣнцомъ безсмертія! Сердце мое усиленно билось; мысли уносили меня въ заоблачный міръ. Наконецъ, я началъ послѣднюю импровизацію—«Смерть Сафо». Думая о Бернардо, я самъ испытывалъ такія же муки ревности; поцѣлуй, который запечатлѣла на его лбу Аннунціата, жегъ мою душу. Красотою Сафо напоминала Аннунціату, любовными же страданіями—меня. И вотъ, волны сомкнулись надъ головою Сафо.

Слушатели мои были тронуты до слезъ; со всѣхъ сторонъ раздались шумные аплодисменты. Занавѣсъ упалъ, но меня вызвали еще два раза. Я не помнилъ себя отъ радости, сердце мое разрывалось отъ избытка чувствъ. Меня обнимали и поздравляли, а я вдругъ залился слезами. Остатокъ вечера я, впрочемъ, провелъ очень весело въ обществѣ Сантини, Федериго и нѣкоторыхъ изъ пѣвцовъ; всѣ они пили за мое здоровье; я былъ счастливъ, но уста мои словно сковалъ кто.

— Онъ—душа человѣкъ!—шутливо сказалъ про меня Федериго.— Единственный недостатокъ его—онъ второй Іосифъ! Наслаждайся жизнью, Антоніо! Рви розы, пока онѣ не увяли!

Поздно вернулся я домой, возблагодарилъ Мадонну и Іисуса, и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Санта. Изверженіе. Старыя связи.

Утромъ я пошелъ къ Федериго. Я чувствовалъ себя какъ бы совсѣмъ новымъ человѣкомъ, вновь обрѣлъ даръ слова и могъ высказать свою радость; вмѣстѣ съ тѣмъ я сталъ отзывчивѣе и къ окружающей жизни, чувствовалъ себя какъ бы старше, зрѣлѣе, и все это, благодаря росѣ поощренія, окропившей вчера дерево моей жизни! Надо было сегодня же навѣстить Санту; она, вѣдь, вчера слушала меня, и я жаждалъ упиться ея похвалами. Маретти принялъ меня восторженно, но сказалъ, что Санта всю ночь провела въ сильной лихорадкѣ и теперь спитъ. Онъ надѣялся, что сонъ подкрѣпитъ ее и просилъ меня опять зайти къ нимъ вечеромъ. Обѣдалъ я съ Федериго и моими новыми друзьями; тосты слѣдовали за тостами, пили то Lacrymæ Christi, то калабрійское вино. Наконецъ, я отказался пить, чувствуя, что кровь во мнѣ разгорѣлась, хотя друзья и уговаривали меня прохладиться шампанскимъ. Разстались мы въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Выйдя на улицу, мы увидѣли зарево сильнаго изверженія. Многіе уже спѣшили въ экипажахъ на мѣсто катастрофы, чтобы полюбоваться этимъ грознымъ, но прекраснымъ зрѣлищемъ вблизи. Я же поспѣшилъ къ Сантѣ. Было это вскорѣ послѣ «Ave Maria». Санта была дома одна и, по словамъ горничной, чувствовала себя лучше; сонъ подкрѣпилъ ее, и я могъ войти къ ней; кромѣ же меня она не велѣла принимать никого.

Я вошелъ въ прелестную, уютную комнату; окна были завѣшаны длинными плотными занавѣсями; въ углу красовалась чудная мраморная статуя Амура, точившаго стрѣлы; причудливой конструкціи лампа бросала на все какой-то волшебный отблескъ; Санта въ пеньюарѣ лежала на мягкой шелковой кушеткѣ. Увидя меня, она полуприподнялась, придерживая одною рукою одѣяло, а другую протянула мнѣ.

— Антоніо!—сказала она.—Какъ это было великолѣпно! Счастливецъ! Вы всѣхъ привели въ восторгъ! Ахъ, вы не знаете, какъ я боялась за васъ, какъ билось мое сердце и какъ я была счастлива, убѣдившись, что вы превзошли всѣ мои ожиданія!—Я низко поклонился и спросилъ о ея здоровьи. Она протянула мнѣ руку, говоря, что ей лучше.—Даже гораздо лучше!—повторила она.—Вы тоже какъ будто переродились! Какъ вы были хороши вчера! Вдохновеніе преобразило васъ въ какое-то идеальное существо! И въ каждомъ стихотвореніи я узнавала васъ! Слушая о маленькомъ мальчикѣ и художникѣ, заблудившихся въ катакомбахъ, я представляла себѣ васъ и Федериго!

— Такъ оно и было!—сказалъ я.—Я самъ пережилъ все, о чемъ пѣлъ вчера.

— Да!—сказала она.—Вы сами пережили все, пережили и блажен-

ство и муки любви! Дай же вамъ Богъ изведать то счастье, котораго вы достойны!

Я заговорилъ о томъ превращеніи, которое испытывалъ во всемъ своемъ существѣ и которое заставляло меня смотрѣть на жизнь совсѣмъ иными глазами. Санта слушала меня, не выпуская моей руки и не сводя съ меня своихъ темныхъ выразительныхъ глазъ. Она была сегодня еще прекраснѣе обыкновеннаго; легкій румянецъ игралъ на ея щекахъ, длинные блестящіе волосы были гладко зачесаны назадъ и открывали прекрасно сформированный лобъ; она напоминала Юнону, изваянную Фидіемъ.

— Да, вы должны жить для свѣта!—сказала она.—Вы его достояніе! Вы можете радовать и восхищать своимъ талантомъ милліоны людей, такъ не давайте же себѣ мучиться мыслью о какомъ-нибудь одномъ существѣ! Вы достойны любви, вы восхищаете своею душою, своимъ талантомъ!— Съ этими словами она притянула меня къ себѣ на кушетку.—Надо намъ поговорить серьезно. Мы еще не бесѣдовали съ вами, какъ слѣдуетъ, съ того самого вечера, когда вы были такъ удручены горемъ... Вы, кажется... какъ бы это сказать?.. не поняли меня тогда!..

Да, такъ оно и было, и я много разъ уже упрекалъ себя за это.— Я недостоинъ вашей доброты!—сказалъ я, цѣлуя ея руку и прямо и просто глядя въ ея темные глаза, смотрѣвшіе на меня какъ-то особенно пристально, словно прожигавшіе меня насквозь. Погляди на насъ въ эту минуту кто-нибудь посторонній, онъ навѣрное нашелъ бы тѣни тамъ, гдѣ я видѣлъ одинъ свѣтъ; я смотрѣлъ въ эту минуту на Санту, какъ на сестру. Она и сама, видимо, была тронута; грудь ея высоко вздымалась, и она развязала поясъ, чтобы дышать свободнѣе.

— Вы достойны меня!—сказала она.—Умъ и красота дѣлаютъ васъ достойнымъ каждой женщины!—Она положила мнѣ руку на плечо, посмотрѣла мнѣ въ глаза и съ какою-то многозначительною улыбкою добавила:—И я могла думать, что вы живете только въ мірѣ идеаловъ! Вашъ умъ, ваше образованіе дарують вамъ побѣду! Вотъ почему лихорадочный жаръ горѣлъ у меня въ крови, вотъ почему я была больна!.. Вы можете сдѣлать со мной все, Антоніо! Я день и ночь думаю, мечтаю о вашей любви, жажду вашихъ поцѣлуевъ!—Она крѣпко прижала меня къ своей груди; губы ея горѣли, и поцѣлуй ея зажегъ во мнѣ всю кровь... Матерь Божія! Со стѣны упало на меня въ эту минуту Твое святое изображеніе! Да, это была не случайность! Нѣтъ, Ты сама дотронулась до моего чела, Ты не дала мнѣ пасть въ бездну пагубной страсти!

— Нѣтъ! Нѣтъ!—вскричалъ я и вскочилъ съ кушетки. Кровь во мнѣ горѣла, словно расплавленная лава.

— Антоніо!—воскликнула она.—Убей меня, но не уходи!—Ея щеки, ея глаза, все лицо ея дышало страстью, и она была въ эту минуту дивно

хороша! Это было живое изображеніе красоты, набросанное пламенными чертами. Трепетъ пробѣжалъ у меня по тѣлу, и я, не говоря ни слова, выбѣжалъ изъ комнаты и помчался внизъ по лѣстницѣ, словно за мной гнался злой духъ.

Въ воздухѣ было разлито такое же пламя, какъ и въ моей крови. Везувій стоялъ весь въ огнѣ; изверженіе освѣщало и городъ, и всѣ окрестности. «Воздуха! Воздуха!» Я просто задыхался, поспѣшилъ на набережную и спустился къ самой водѣ. Отъ прилива крови къ головѣ у меня горѣли даже глаза. Я освѣжилъ свой лобъ соленою водою, разстегнулъ жилетъ, чтобы было прохладнѣе, но самый воздухъ пылалъ отъ жара, на морѣ игралъ багровый отблескъ огненной лавы, мощнымъ потокомъ струившейся изъ кратера. Предо мною же, какъ живая, все стояла Санта, смотрѣвшая на меня умоляющимъ, пламеннымъ взоромъ. Слова ея: «Убей меня, но не уходи!» не переставали звучать у меня въ ушахъ. Я закрылъ глаза и вознесъ мысли къ Богу, но пламя грѣха словно опалило имъ крылья, и онѣ безсильно опустились. Не мудрено, что человѣкъ изнемогаетъ подъ бременемъ дурной совѣсти, если одна мысль о грѣхѣ такъ удручаетъ и обезсиливаетъ его!

— Не желаетъ-ли Eccellenza переѣхать къ Торре дель Аннунціата?— раздался возлѣ меня чей-то голосъ, и имя Аннунціаты вновь взволновало мою душу.

— Лава протекаетъ три аршина въ минуту!—продолжалъ перевозчикъ, причаливая къ берегу.—Въ полчаса мы будемъ на мѣстѣ.

«На морѣ прохладнѣе!» подумалъ я и вскочилъ въ лодку. Перевозчикъ отчалилъ, поднялъ парусъ, и мы понеслись по багровой водѣ на крыльяхъ вѣтра. Прохладный вѣтерокъ обдувалъ мои щеки, я сталъ дышать свободнѣе и, когда мы пристали къ противоположному берегу залива, уже чувствовалъ себя значительно лучше, спокойнѣе. «Никогда больше не пойду къ Сантѣ!» твердо рѣшилъ я. «Я убѣгу отъ прекрасной змѣи, показывающей мнѣ плодъ познанія добра и зла! Пусть смѣются надо мною: мнѣ легче перенести насмѣшки людскія, нежели отчаянные вопли моего собственнаго сердца. Мадонна уронила со стѣны Свое святое изображеніе, чтобы помѣшать моему паденію!» Я глубоко чувствовалъ Ея милость ко мнѣ, и душа моя прониклась несказанною радостью, — сердце мое воспѣвало побѣду добрыхъ, благородныхъ стремленій, я опять былъ чистъ душою и помыслами, какъ дитя! «Отецъ, устрой все къ лучшему!» прошепталъ я, и радостно, словно счастье мое уже было упрочено, побѣжалъ по улицамъ маленькаго городка, направляясь къ большой дорогѣ.

Здѣсь царила страшная суматоха. Кареты и кабріолеты, переполненные людьми, безостановочно мчались мимо; слышались вопли отчаянія, восклицанія восторга и пѣніе; вся окрестность была какъ бы объята пламенемъ. По-

токъ лавы уже достигъ одного изъ маленькихъ городковъ, расположенныхъ на скатѣ горы, и жители торопились спасти свою жизнь и имущество. Навстрѣчу мнѣ то и дѣло попадались женщины съ грудными дѣтьми на рукахъ и съ узелками подъ мышками. Всѣ онѣ плакали и вопили; я раздѣлилъ между первыми же попавшимися мнѣ на встрѣчу бывшую при мнѣ небольшую сумму денегъ. Затѣмъ я послѣдовалъ за общимъ потокомъ народа, стремившимся къ мѣсту катастрофы, по дорогѣ между двумя рядами виноградниковъ. Вотъ, между вулканомъ и нами остался лишь небольшой виноградникъ. Потокъ лавы, низвергавшійся съ вершины горы, заливалъ строенія и стѣны. Стоны и вопли бѣглецовъ, восторженные возгласы иностранцевъ, любовавшихся величественнымъ зрѣлищемъ, крики кучеровъ и торговцевъ, толпы подвыпившихъ крестьянъ, толпившихся возлѣ продавцовъ водки, всадники и экипажи—все это, освѣщенное огненнымъ заревомъ, представляло картину, которую во всей ея цѣлости и не описать, не передать словами. Можно было подойти почти къ самому потоку лавы, текущему по одному опредѣленному направленію. Многіе обмакивали въ нее палки или монеты и вытаскивали ихъ обратно покрытыми лавою. Но что за грозно-прекрасное зрѣлище представлялось нашимъ глазамъ, когда отъ огненной массы, катившейся съ высоты, отрывался словно морской валъ! Оторвавшійся кусокъ сіялъ лучезарною звѣздой, затѣмъ, подъ вліяніемъ воздуха. края его охлаждались и чернѣли, и огненная середина казалась кускомъ золота въ черной оправѣ. На одно изъ деревьевъ въ виноградникѣ повѣсили образъ Мадонны въ надеждѣ, что пламя остановится предъ святыней, но оно продолжало разливаться. Листья на высокихъ деревьяхъ свертывались отъ жары въ трубочки, а вершины пригибались къ землѣ, словно прося пощады. Взоры толпы съ упованіемъ смотрѣли на святое изображеніе, но дерево склонялось къ огненному потоку все ниже и ниже. Возлѣ меня стоялъ капуцинъ; онъ воздѣлъ руки къ небу и громко воскликнулъ: «Образъ Мадонны сгоритъ! Спасите его, и Она спасетъ васъ всѣхъ отъ огня и пламени!» Никто не трогался съ мѣста; всѣ словно оцѣпенѣли отъ ужаса. Вдругъ сквозь толпу пробилась женщина и, призывая Мадонну, хотѣла броситься навстрѣчу огненной смерти. Но въ ту же минуту возлѣ нея очутился какой-то офицеръ верхомъ на лошади и преградилъ женщинѣ дорогу своимъ обнаженнымъ мечомъ.

— Безумная!—воскликнулъ онъ.—Мадонна не нуждается въ твоей помощи! Она хочетъ, чтобы ея дурно-написанное изображеніе, оскверненное руками грѣшниковъ, сгорѣло въ огнѣ!—Это былъ Бернардо; я узналъ его по голосу. Его находчивость спасла человѣческую жизнь, не оскорбляя религіознаго чувства народа. Я проникся уваженіемъ къ нему и отъ души пожелалъ, чтобы ничто не разлучало насъ съ нимъ. Но какъ ни влекло меня къ нему мое сердце, я не рѣшился подойти.

Огненный потокъ уже покрылъ и дерево, и образъ Мадонны. Я стоялъ неподалеку отъ того мѣста, прислонясь къ стѣнѣ, близъ которой сидѣла за столомъ группа иностранцевъ.

— Антоніо! Ты-ли это?—услышалъ я вдругъ позади себя чей-то голосъ. Я обернулся, думая, что это заговорилъ со мной Бернардо; въ ту же минуту кто-то пожалъ мнѣ руку; это былъ Фабіани, мужъ Франчески, знававшій меня еще ребенкомъ! А я-то, судя по письму Eccellenza, думалъ, что и онъ тоже сердится на меня! — Такъ вотъ гдѣ мы встрѣтились! — продолжалъ онъ. — Франческа будетъ рада видѣть тебя. Но съ твоей стороны нехорошо, что ты до сихъ поръ не отыскалъ насъ здѣсь! Мы, вѣдь, уже цѣлую недѣлю живемъ въ Кастелламаре.

— Я не зналъ!—отвѣтилъ я.—А кромѣ того...

— Да, да, ты, вѣдь, вдругъ сталъ другимъ человѣкомъ, влюбился и даже,—прибавилъ онъ болѣе серьезнымъ тономъ:—дрался на дуэли, а потомъ бѣжалъ, чего ужъ я никакъ не могу одобрить. Мы были очень поражены, узнавъ обо всемъ этомъ отъ Eccellenza. Онъ, конечно, писалъ тебѣ и, вѣроятно, не особенно ласково!

Сердце мое сильно билось; я опять почувствовалъ себя опутаннымъ цѣпью благодѣяній и съ прискорбіемъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что благодѣтели мои отвернулись отъ меня.

— Полно, полно, Антоніо!—сказалъ Фабіани.—Ничего такого нѣтъ! Садись со мною въ карету; для Франчески твое появленіе будетъ пріятнымъ сюрпризомъ. Мы живо будемъ въ Кастелламаре, а въ гостиницѣ найдется мѣсто и для тебя. Ты долженъ разсказать мнѣ обо всемъ. Глупо отчаиваться! Eccellenza горячъ, ты его знаешь, но все еще обойдется!

— Нѣтъ, я не могу!—вполголоса отвѣтилъ я, опять впадая въ уныніе.

— Можешь и долженъ!—сказалъ Фабіани твердо и повлекъ меня къ каретѣ. Я долженъ былъ разсказать ему все.—Надѣюсь, что ты не импровизируешь?—спросилъ онъ съ улыбкой, когда я дошелъ до приключенія въ разбойничьей пещерѣ.—Все это до того романтично, что разсказъ твой кажется скорѣе продиктованнымъ фантазіей, нежели памятью!.. Ну, это черезчуръ сурово!—отозвался онъ, узнавъ содержаніе письма Eccellenza. — Но видишь-ли, онъ оттого такъ строго и отнесся къ тебѣ, что любитъ тебя. Ты, однако, надѣюсь, не выступалъ еще на театральныхъ подмосткахъ?

— Вчера вечеромъ!—отвѣтилъ я.

— Смѣло! Ну и что же?

— Я имѣлъ огромный успѣхъ! Меня вызвали два раза!

— Вотъ какъ!—Въ тонѣ его звучало сомнѣніе, которое больно уязвило меня, но чувство благодарности, которою я былъ обязанъ его семьѣ, сковало мои уста. Мнѣ было неловко предстать передъ Франческою; я, вѣдь,

зналъ ея строгіе принципы. Но Фабіани шутливо успокоивалъ меня, говоря, что на этотъ разъ дѣло обойдется безъ грозной проповѣди, маленькой же головомойки я заслуживалъ.

Мы подъѣхали къ гостиницѣ.—А, Фабіани!—воскликнулъ молодой, щегольски одѣтый и завитой господинъ, бросаясь ему навстрѣчу.—Хорошо, что ты пріѣхалъ! Твоя синьора ждетъ тебя, не дождется. А!—прибавилъ онъ, увидавъ меня:—Ты привезъ съ собой молодого импровизатора!.. Ченчи, не такъ-ли?

— Ченчи?—повторилъ Фабіани, удивленно глядя на меня.

— Я выставилъ это имя на афишѣ!—отвѣтилъ я.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ.—Что же, это умно!

— Вотъ кто мастерски воспѣваетъ любовь!—продолжалъ незнакомецъ.—Жаль, что тебя не было вчера въ Санъ-Карло! Это такой талантъ!—Тутъ онъ любезно протянулъ мнѣ руку и выразилъ свое удовольствіе познакомиться со мною.—Я ужинаю съ вами!—обратился онъ затѣмъ къ Фабіани.—Я самъ напрашиваюсь, чтобы имѣть удовольствіе насладиться обществомъ нашего превосходнаго пѣвца! Ты и твоя супруга, надѣюсь, не закроете передо мною дверей?..

— Ты всегда желанный гость! Самъ знаешь!—отвѣтилъ Фабіани.

— Ну, такъ представь же меня господину импровизатору!

— Что за церемоніи!—сказалъ Фабіани.—Мы съ нимъ такъ близко знакомы, что моимъ друзьямъ нѣтъ надобности представляться ему. Онъ, конечно, за честь почтетъ познакомиться съ тобою.—Я поклонился, хотя и не особенно былъ доволенъ тономъ и выраженіями Фабіани.

— Ну, такъ я представлюсь самъ!—сказалъ незнакомецъ.—Васъ я уже имѣю честь знать, меня же зовутъ Дженаро. Я офицеръ королевской гвардіи и изъ хорошей, многіе говорятъ даже—первой неаполитанской фамиліи! Можетъ статься, это и правда! Особенно любятъ утверждать это мои тетушки!.. Но я несказанно радъ познакомиться съ такимъ даровитымъ молодымъ человѣкомъ, который...

— Довольно, довольно!—перебилъ Фабіани.—Онъ не привыкъ къ подобному обращенію. Ну, теперь вы знаете другъ друга. Франческа ждетъ насъ. Предстоитъ сцена примиренія между нею и твоимъ импровизаторомъ. Можетъ быть, тогда тебѣ и выпадетъ случай вновь блеснуть своимъ краснорѣчіемъ.—Послѣдняя фраза тоже была мнѣ не по сердцу, но Фабіани и Дженаро были, вѣдь, друзьями, да и какъ могъ Фабіани войти въ мое положеніе? Онъ ввелъ насъ къ Франческѣ; я невольно отступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ.

— Наконецъ-то, милый мой Фабіани!—сказала она.

— Наконецъ!—повторилъ онъ.—Да и не одинъ, а съ двумя гостями!

— Антоніо!—громко вырвалось у нея, но затѣмъ она понизила го-

лось:—Синьоръ Антоніо!—И она устремила на насъ съ Фабіани строгій, серьезный взглядъ. Я поклонился, хотѣлъ было поцѣловать ея руку, но она какъ будто не замѣтила этого и протянула руку Дженаро, выражая свое удовольствіе видѣть его у себя за ужиномъ.—Разскажи же мнѣ объ изверженіи!—обратилась она затѣмъ къ мужу.—Что, потокъ лавы перемѣнилъ направленіе?

Фабіани удовлетворилъ ея любопытство, а затѣмъ расказалъ о нашей встрѣчѣ и прибавилъ, что я теперь у нея въ гостяхъ и что она поэтому должна сложить гнѣвъ на милость.

— Да, да, хоть я и не знаю, въ чемъ онъ провинился!—подхватилъ Дженаро.—Но генію прощается все!

— Вы сегодня въ превосходномъ расположеніи духа!—сказала ему Франческа и, милостиво кивнувъ мнѣ, стала увѣрять Дженаро, что ей не за что прощать меня.—Ну, что у васъ новаго сегодня?—спросила она его затѣмъ.—Что говорятъ французскія газеты? Какъ вы провели вчерашній вечеръ?

На первые вопросы онъ отвѣтилъ вскользь, послѣдній же видимо интересовалъ его, и онъ пустился въ подробности.

— Я былъ въ театрѣ, слушалъ послѣдній актъ «Цирульника». Жозефина пѣла, какъ ангелъ, но послѣ Аннунціаты никто, вѣдь, не можетъ удовлетворить. Я, впрочемъ, зашелъ главнымъ образомъ ради дебюта новаго импровизатора.

— Что же, остались довольны?—спросила Франческа.

— Онъ превзошелъ мои ожиданія, да и не мои одни! Я не желаю льстить ему, да онъ и не нуждается въ моей ничтожной критикѣ, но скажу я вамъ, вотъ это такъ импровизаторъ! Онъ увлекъ насъ всѣхъ! Сколько чувства, какая богатая фантазія! Онъ пѣлъ и о Тассо, и о Сафо, и о катакомбахъ! Стоило бы записать и сохранить всѣ эти стихи!

— Да, такому счастливому таланту нельзя не удивляться!—сказала Франческа.—Хотѣлось бы мнѣ быть тамъ вчера!

— Да, вѣдь, импровизаторъ-то здѣсь на лицо!—сказалъ Дженаро, указывая на меня.

— Антоніо?!—вопросительно протянула она.—Развѣ онъ импровизировалъ?

— И еще какъ! Мастерски!—отвѣтилъ Дженаро.—Но, вѣдь, вы же знаете синьора и должны были слышать его раньше?

— Слышали, слышали, и даже часто!—сказала она, смѣясь.—Онъ еще мальчикомъ удивлялъ насъ.

— Я даже увѣнчалъ его въ первый разъ лаврами!—такъ же шутливо прибавилъ Фабіани.—Онъ воспѣлъ мою жену—тогда еще невѣсту. Вотъ я, какъ влюбленный, и почтилъ ее въ лицѣ ея пѣвца. Но теперь за столъ!

Ты поведешь Франческу, а такъ какъ дамъ больше нѣтъ, то мы пойдемъ съ импровизаторомъ. Синьоръ Антоніо! Предлагаю вамъ свою руку!— И онъ ввелъ меня вслѣдъ за другими въ столовую.

— Но почему ты никогда не говорилъ мнѣ о Ченчи, или какъ тамъ настоящее имя нашего молодого импровизатора?—сказалъ Дженаро, обращаясь къ Фабіани.

— Мы зовемъ его Антоніо!—сказалъ Фабіани.—И мы даже не знали, что онъ выступилъ въ качествѣ импровизатора. Вотъ отчего я и говорилъ о примиреніи. Надо сказать тебѣ, что онъ какъ бы членъ нашей семьи. Не правда-ли, Антоніо?—Я поклонился и поблагодарилъ его взглядомъ.— Онъ отличный малый, про характеръ его тоже нельзя сказать ничего дурного; одно—серьезно учиться не хочетъ!

— Ну, если онъ предпочитаетъ учиться всему изъ великой книги природы, такъ бѣды еще нѣтъ!

— Вы не должны захваливать его!—шутливо прервала его Франческа.—Мы-то думали, что онъ весь ушелъ въ своихъ классиковъ, въ физику и математику, а онъ себѣ сгоралъ въ это время отъ любви къ молодой пѣвицѣ!

— Значитъ, въ немъ заговорило чувство!—сказалъ Дженаро.—А она красива? Какъ ее зовутъ?

— Аннунціата!—отвѣтила Франческа.—Дивный талантъ! Удивительная женщина!

— О, въ нее я и самъ былъ влюбленъ! У него есть вкусъ! За здоровье Аннунціаты, господинъ импровизаторъ!—Онъ чокнулся со мной. Я не могъ вымолвить ни слова. Мнѣ было больно, что Фабіани такъ легко относился къ моему чувству и бередилъ мою рану въ присутствіи посторонняго. Но, вѣдь, онъ смотрѣлъ на все совсѣмъ иными глазами, нежели я.

— Да!—продолжалъ, между тѣмъ, Фабіани.—Онъ даже дрался изъ за нея на дуэли, прострѣлилъ своему сопернику, племяннику сенатора, бокъ, ну и долженъ былъ бѣжать изъ Рима. Богъ знаетъ, какъ онъ перебрался черезъ границу. А вотъ теперь взялъ да выступилъ въ Санъ-Карло. Право, я и не ожидалъ отъ него такой прыти!

— Племяннику сенатора?—повторилъ Дженаро.—Вотъ интересно! А онъ какъ-разъ прибылъ сюда на-дняхъ и поступилъ на королевскую службу. Я провелъ съ нимъ вечеръ. Красивый, интересный молодой человѣкъ... А! Теперь я понялъ все! Аннунціата скоро пріѣдетъ сюда, и возлюбленный поспѣшилъ впередъ. Скоро, вѣроятно, мы прочтемъ на афишѣ, что пѣвица поетъ въ послѣдній разъ!

— Вы думаете, онъ женится на ней?—спросила Франческа.—Но, вѣдь, это вызвало бы семейный скандалъ!

— Бывали примѣры,—сказалъ я дрожащимъ голосомъ:—что люди благороднаго званія считали за честь для себя и за счастье получить руку артистки!

— За счастье, можетъ быть, но за честь—никогда!—сказала она.

— И за честь, синьора!—вмѣшался Дженаро.—Я бы самъ почелъ за честь, если бы она остановила свой выборъ на мнѣ! Думаю, что и другіе тоже.—И они долго, долго еще говорили объ Аннунціатѣ и Бернардо, забывая, какою тяжестью ложилось мнѣ на сердце каждое ихъ слово.— Но вы должны доставить намъ удовольствіе своей импровизаціей! Синьора задастъ вамъ тему!—вдругъ сказалъ Дженаро.

— Хорошо!—сказала, улыбаясь, Франческа.—Воспой намъ любовь. Это самая интересная тема для Дженаро, да и твоему сердцу она очень близка.

— Да, да, любовь и Аннунціату!—повторилъ Дженаро.

— Въ другой разъ я готовъ на все, чего вы потребуете!—сказалъ я.— Но сегодня я не могу,—я несовсѣмъ здоровъ. Я безъ плаща проѣхался по морю, отъ потоковъ лавы разливался такой жаръ, а потомъ я опять ѣхалъ по вечернему холоду...

Дженаро продолжалъ настаивать, но я не могъ принудить себя пѣть въ этомъ мѣстѣ и на эту тему.

— Онъ уже усвоилъ себѣ замашки артистовъ!—сказала Франческа. Онъ хочетъ, чтобы его упрашивали. Ты, пожалуй, не захочешь и поѣхать съ нами завтра въ Пестумъ? А тамъ ты могъ бы запастись впечатлѣніями для своихъ импровизацій! Но, конечно, надо заставить просить себя, хоть и врядъ-ли что́ можетъ задерживать тебя въ Неаполѣ.— Я смущенно поклонился, не находя предлога для отказа.

— Да, да, онъ долженъ ѣхать съ нами!—воскликнулъ Дженаро.— Тамъ, въ греческихъ храмахъ, на него снизойдетъ вдохновеніе, и онъ запоетъ, какъ самъ Пиндаръ!

— Мы ѣдемъ завтра!—сказалъ Фабіани.—Вся поѣздка займетъ четыре дня. На обратномъ пути мы посѣтимъ Амальфи и Капри. Такъ ты съ нами?

Скажи я «нѣтъ», это, какъ видно изъ послѣдствій, можетъ быть, измѣнило бы все мое будущее. Эта короткая четырехдневная поѣздка стоила мнѣ шести лѣтъ жизни. И еще говорятъ, что человѣкъ свободенъ въ своихъ поступкахъ! Да, мы свободны ухватиться за нити, которыя лежатъ передъ нами, но мы не видимъ, къ чему онѣ прикрѣплены. Я поблагодарилъ за приглашеніе и согласился—схватился за нить и плотнѣе затянулъ завѣсою свое будущее.

— Завтра мы еще поговоримъ!—сказала Франческа, прощаясь со мною послѣ ужина и протягивая мнѣ для поцѣлуя руку.

— Я сегодня же напишу Eccellenza!—сказалъ Фабіани.—Я хочу подготовить примиреніе.

— А я постараюсь увидѣть во снѣ Аннунціату!—сказалъ Дженаро.—Вы, вѣдь, не вызовете меня за это на дуэль!—прибавилъ онъ, смѣясь и пожимая мнѣ руку.

Я написалъ нѣсколько словъ Федериго, сообщая ему о встрѣчѣ съ родственниками Eccellenza и о моемъ отъѣздѣ на нѣсколько дней. Окончивъ письмо, я отдался волновавшимъ меня чувствамъ. Сколько принесъ мнѣ съ собою сегодняшній вечеръ! Какое неожиданное стеченіе обстоятельствъ! Я вспоминалъ Санту, Бернардо передъ пылавшимъ образомъ Мадонны, и эти послѣдніе часы, обновившіе для меня прежнія отношенія. Вчера совсѣмъ чужая для меня публика восторженно рукоплескала мнѣ, еще сегодня вечеромъ прекрасная женщина молила меня объ одномъ ласковомъ взглядѣ, а, часъ спустя, я сидѣлъ среди друзей, которымъ былъ обязанъ всѣмъ, и опять превратился въ бѣдняка, первымъ долгомъ котораго была благодарность!

Но, вѣдь, Франческа и Фабіани были любезны со мною! Они приняли блуднаго сына, посадили меня съ собою за столъ, пригласили участвовать въ ихъ поѣздкѣ,—благодѣяніе за благодѣяніемъ, они любили меня!.. Но небрежно швыряемый даръ богача тяжелымъ камнемъ ложится на сердце бѣдняка!

Поѣздка въ Пестумъ. Греческіе храмы. Слѣпая.

Красотъ Италіи нечего искать въ Кампаньѣ или въ Римѣ; я насладился ими мелькомъ только въ поѣздку на озеро Неми, да на пути въ Неаполь. Поэтому красоты, открывшіяся мнѣ во время четырехдневнаго путешествія съ Фабіани и Франческою, подѣйствовали на меня еще сильнѣе, нежели на туристовъ-иностранцевъ, знакомыхъ съ красотами другихъ странъ и такимъ образомъ имѣющихъ возможность сравнивать. Въ памяти моей эта поѣздка представляется мнѣ путешествіемъ въ волшебное царство, въ міръ фантазіи, но какъ передать, какъ описать картины, которыми упивались тогда мой взоръ, вся моя душа! Красотъ природы нельзя передать словами. Слова примыкаютъ къ словамъ, какъ кусочки мозаики, и вся картина создается лишь по частямъ, постепенно, а не предстаетъ взору сразу во всей своей величавой цѣлости, какъ въ дѣйствительности. Разсказчикъ рисуетъ отдѣльныя ея части, и слушатель уже самъ долженъ составить изъ нихъ цѣлое; но сколькимъ бы лицамъ ее не описывали, всѣ представятъ ее себѣ различно. Однимъ словомъ, въ данномъ случаѣ происходитъ то же, что бываетъ, если говорятъ о какомъ-нибудь красивомъ лицѣ: описывая отдѣльныя черты его, вы все-

таки не дадите о немъ настоящаго цѣльнаго представленія; только посредствомъ сравненія съ другими, извѣстными вашему собесѣднику предметами, да еще подробно перечисливъ всѣ мельчайшія уклоненія отъ этого сходства, можете вы дать ему о данномъ лицѣ мало-мальски удовлетворительное представленіе.

Если бы меня заставили импровизировать на тему «красоты Гесперійскаго царства», я бы только нарисовалъ вѣрную картину того, что видѣлъ въ это краткое путешествіе. Тотъ же, кто никогда не бывалъ въ южной Италіи, не можетъ и создать себѣ о ней вѣрнаго понятія, какъ ни напрягай онъ свою фантазію! Природа богаче всякой человѣческой фантазіи!

Мы выѣхали изъ Кастелламаре раннимъ утромъ. Погода была чудная. Я и теперь еще вижу передъ собой дымящійся Везувій, прекрасную долину, покрытую густыми виноградниками, стѣны гордыхъ замковъ, бѣлѣющія на открытыхъ зеленыхъ скалахъ или выглядывающія изъ темныхъ оливковыхъ рощъ, и древній храмъ Весты съ его мраморными колоннами и куполомъ—нынѣ церковь Санта-Марія Маджіоре. Часть стѣны обрушилась, отверстіе заткнуто человѣческими черепами и костями, но ихъ обвиваютъ зеленыя лозы дикаго винограда, словно желающія скрыть силу и могущество смерти. Вижу я еще и причудливыя очертанія горъ, и одинокія башни, на которыхъ были развѣшены сѣти для ловли морскихъ птицъ. Глубоко подъ нами лежалъ Салерно, раскинувшійся на берегу темно-голубого моря. Намъ попалась навстрѣчу телѣга, запряженная двумя бѣлыми длиннорогими быками; въ ней лежали четверо скованныхъ разбойниковъ; злые глаза ихъ такъ и сверкали, изъ устъ вырывались безобразныя насмѣшки. Черноглазые красивые калабрійцы съ ружьями на плечахъ конвоировали телѣгу. Благодаря этой встрѣчѣ, только что описанная картина еще сильнѣе врѣзалась въ мою память.

Салерно—средоточіе науки въ средніе вѣка, былъ первою цѣлью нашего путешествія.—Фоліанты разсыпаются въ прахъ!—сказалъ Дженаро.—Позолота учености сходитъ съ Салерно, но книга природы ежегодно выходитъ новымъ изданіемъ, и Антоніо, какъ и я, думаетъ, что изъ нея можно научиться бо́льшему, нежели изъ прочаго ученаго хлама!

— Нельзя пренебрегать ни тѣмъ, ни другимъ; это—какъ хлѣбъ и вино; одно не замѣняетъ другого!—возразилъ я. Франческа нашла, что я правъ.

— Да, говорить-то онъ мастеръ!—замѣтилъ Фабіани.—А вотъ докажи-ка намъ это на дѣлѣ, когда вернешься въ Римъ!

Въ Римъ? Я долженъ вернуться въ Римъ? Этого мнѣ и въ голову не приходило. Я молчалъ, но въ душѣ живо сознавалъ, что не могу, не долженъ возвращаться въ Римъ, въ прежнюю обстановку. Фабіани про-

должалъ разговоръ съ другими, и не успѣли мы оглянуться, какъ уже прибыли въ Салерно. Прежде всего мы отправились въ церковь.

— Здѣсь я могу служить вамъ чичероне!—сказалъ Дженаро.—Это капелла святого отца Григорія VII, умершаго въ Салерно. Вотъ его памятникъ предъ алтаремъ. А вотъ тутъ покоится Александръ Великій!—продолжалъ онъ, указывая на величественный саркофагъ.

— Александръ Великій?—вопросительно протянулъ Фабіани.

— Конечно! Не такъ-ли?—спросилъ Дженаро церковнаго сторожа.

— Eccellenza правъ!—отвѣтилъ онъ.

— Это недоразумѣніе!—возразилъ я, поближе присмотрѣвшись къ саркофагу.—Александръ не можетъ быть погребенъ здѣсь; это противорѣчитъ всѣмъ историческимъ даннымъ. На гробницѣ только изображено тріумфальное шествіе Александра, вотъ отчего, вѣроятно, ее и прозвали Александровой!—При самомъ входѣ въ церковь намъ уже показывали подобный же саркофагъ съ изображеніемъ тріумфа Вакха; онъ былъ взятъ изъ одного изъ древнихъ храмовъ въ Пестумѣ и теперь украшалъ могилу какого-то князя; на древнемъ саркофагѣ помѣщалась и мраморная статуя князя, изваянная современнымъ художникомъ. Разсматривая такъ называемый саркофагъ Александра, я вспомнилъ о первомъ саркофагѣ, и мнѣ пришло въ голову, что оба одинаковаго происхожденія. Соображеніе это показалось мнѣ довольно остроумнымъ, и я принялся горячо развивать свою мысль, но Дженаро отозвался на это только сухимъ «можетъ быть», Франческа же шепнула, что мнѣ некстати воображать себя умнѣе и знающѣе Дженаро. Я почтительно замолчалъ и стушевался.

Вечеромъ, незадолго до Ave Maria, мы сидѣли съ Франческой на балконѣ гостиницы. Фабіани гулялъ съ Дженаро, и мнѣ было предоставлено занимать синьору.

— Что за дивная игра красокъ!—началъ я, указывая на молочно-бѣлое море, начинавшееся у конца улицы, вымощенной широкими плитами лавы, и уходившее въ пурпурную сіяющую даль. Горы были окрашены въ темно-синій цвѣтъ; такого богатства красокъ я не видывалъ въ Римѣ.

— Облако уже пожелало намъ fellissima notte!—сказала Франческа, указывая на облачко, отдыхавшее на горѣ выше разбросанныхъ по ней виллъ и оливковыхъ лѣсовъ, но гораздо ниже древняго замка, достигавшаго зубцами своихъ башенъ почти до самой вершины горы.

— Вотъ гдѣ хотѣлъ бы я жить!—сказалъ я.—Обитать высоко надъ облаками и оттуда любоваться вѣчно измѣнчивою красою моря!

— Да, тамъ бы ты могъ импровизировать на просторѣ!—улыбаясь, отвѣтила Франческа.—Только никто не услышалъ бы тебя тамъ, а это, вѣдь, было бы для тебя большимъ лишеніемъ, Антоніо!

— О, да! — также шутливо сказалъ я.—Если ужъ быть откровеннымъ, то, по-моему, импровизатору не обойтись безъ рукоплесканій, какъ дереву безъ лучей солнца! Это лишеніе, мнѣ кажется, и угнетало Тассо въ темницѣ не меньше, чѣмъ его несчастная любовь.

— Милый мой!—прервала она меня серьезнымъ тономъ.—Мы говоримъ о тебѣ, а не о Тассо. Причемъ тутъ онъ?

— Я взялъ его для примѣра! Тассо былъ поэтъ и...

— И ты тоже воображаешь себя поэтомъ? Милый Антоніо, ради Бога, не впутывай ты именъ безсмертныхъ поэтовъ, когда дѣло идетъ о тебѣ самомъ! Не воображай себя поэтомъ и импровизаторомъ потому только, что у тебя воспріимчивая натура и ты въ состояніи увлекаться твореньями великихъ поэтовъ! Такихъ, какъ ты, тысячи! Не губи же себя такимъ самомнѣніемъ!

— Но, вѣдь, тысячи же и апплодировали мнѣ недавно!—возразилъ я, весь вспыхнувъ. — Что же мудренаго, если я вообразилъ себя... И я знаю людей, которые радуются моему счастью и признаютъ за мной кое-что хорошее!

— Я первая! Мы всѣ отдаемъ должное твоему прекрасному сердцу, твоему благородному характеру! И я ручаюсь, что за нихъ-то и Eccellenza проститъ тебѣ все! Кромѣ того, у тебя прекрасныя способности, которыя могутъ еще развиться, но ихъ непремѣнно надо развивать, Антоніо! Ничто не дается намъ само собою! Надо трудиться! У тебя есть талантъ, симпатичный талантъ, ты можешь радовать имъ своихъ друзей, но міроваго значенія онъ имѣть не можетъ,—слишкомъ онъ невеликъ!

— Но, вѣдь, Дженаро, совершенно посторонній мнѣ человѣкъ, былъ въ восторгѣ отъ моего перваго дебюта!

— Дженаро!—отвѣтила она. — Я уважаю его, но какъ цѣнителя искусства ставлю очень невысоко. Что же касается до одобренія большой публики, то артисты зачастую перетолковываютъ его по своему, придаютъ ему совсѣмъ не то значеніе, какое оно имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Но хорошо, конечно, что тебя не освистали; это огорчило бы меня. Слава Богу, что все обошлось благополучно; теперь можно надѣяться, что скоро и ты, и импровизаціи твои будутъ забыты. Къ счастью, ты и выступилъ подъ чужимъ именемъ. Черезъ три дня мы вернемся въ Неаполь, а еще черезъ день уѣдемъ въ Римъ. Смотри тогда на случившееся съ тобою въ Неаполѣ, какъ на сонъ, чѣмъ все это въ сущности и было, и докажи намъ своимъ прилежаніемъ и благоразуміемъ, что ты окончательно пробудился! Не возражай! Я желаю тебѣ добра, и я одна говорю тебѣ правду!—Она протянула мнѣ руку и позволила поцѣловать ее.

На слѣдующій день намъ предстояло выѣхать въ путь на зарѣ, чтобы успѣть провести нѣсколько часовъ въ Пестумѣ и въ тотъ же день вер-

нуться обратно въ Салерно: ночевать въ Пестумѣ нельзя, да и дорога туда не безопасна. Насъ поэтому сопровождалъ вооруженный конвой. По обѣ стороны дороги шли апельсинные сады, вѣрнѣе — рощи; мы переправились черезъ рѣку Селу, отражающую въ зеркалѣ своихъ водъ плакучія ивы и лавровыя деревья. Тучныя хлѣбныя поля были окаймлены цѣпью горъ. По дорогѣ росли алоэ и кактусы; вообще растительность поражала своимъ богатствомъ. Наконецъ, мы завидѣли и воздвигнутые двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ величественные храмы, поражающіе красотою и чистотою стиля. Они-то, жалкій постоялый дворъ, три бѣдныхъ домика, да нѣсколько соломенныхъ шалашей и составляли теперь весь, нѣкогда знаменитый, городъ. Мы не нашли здѣсь ни одного розоваго куста, а въ древности Пестумъ славился розами; въ тѣ времена окрестности его алѣли пурпуромъ, а теперь отливали тою же синевою, какъ и цѣпи горъ. Между репейникомъ и другими кустами массами пробивались душистыя фіалки. Да, растительность здѣсь поражала своею роскошью, храмы красотой, а жители бѣдностью. Насъ обступили цѣлыя толпы нищихъ, напоминавшихъ дикарей съ острововъ южнаго океана. Мужчины ходили въ длинныхъ, вывернутыхъ шерстью наружу, овчинныхъ тулупахъ, но съ голыми ногами; густые черные волосы космами висѣли вокругъ бронзовыхъ лицъ. Стройныя, прекрасно сложенныя, дѣвушки тоже ходили полунагія, въ однѣхъ коротенькихъ рваныхъ юбкахъ; голыя плечи были прикрыты темными плащами изъ грубой матеріи, а длинные черные волосы связаны на затылкѣ въ узелъ; глаза горѣли огнемъ. Между ними я замѣтилъ дѣвушку лѣтъ одиннадцати; она не была похожа ни на Аннунціату, ни на Санту, но могла назваться самою богинею красоты. Глядя на нее, я вспомнилъ Венеру Медицейскую, которую описывала мнѣ Аннунціата. Я не могъ бы влюбиться въ нее, но готовъ былъ преклониться передъ ея красотою. Она стояла нѣсколько поодаль отъ остальныхъ нищихъ; четырехугольный кусокъ какой-то темной матеріи свободно висѣлъ на одномъ плечѣ; другое же плечо, грудь, руки и ноги были обнажены. Видно было, однако, что и она заботится о своей внѣшности: на гладко причесанныхъ волосахъ красовался вѣнокъ изъ фіалокъ, обрамлявшій ея прекрасный, чистый лобъ. Лицо дѣвушки выражало умъ, стыдливость и какую-то затаенную скорбь; глаза были опущены внизъ, словно она чего-то искала на землѣ.

Дженаро первый замѣтилъ ее и, хотя она не говорила ни слова, далъ ей монету; потомъ взялъ ее за подбородокъ и заявилъ, что она черезчуръ красива, чтобы ходить по-міру. Франческа и Фабіани были съ нимъ вполнѣ согласны. Нѣжный румянецъ разлился по смуглому лицу дѣвушки; она подняла глаза, и я увидѣлъ, что она слѣпа. Мнѣ тоже хотѣлось дать ей денегъ, но я не смѣлъ. Когда же остальное общество, преслѣдуемое

толпой нищихъ, направилось въ гостиницу, я быстро вернулся назадъ и зажалъ въ руку дѣвушки скудо. Она осязаніемъ узнала стоимость монеты, щеки ея вспыхнули, она наклонилась, и ея прекрасныя свѣжія уста коснулись моей руки. Я весь вздрогнулъ, вырвалъ у нея руку и поспѣшилъ догнать остальныхъ.

Въ большомъ каминѣ, занимавшемъ чуть не всю стѣну комнаты, пылалъ огонь. Дымъ клубами взвивался къ закопченному потолку; пришлось выйти на воздухъ. Намъ стали накрывать столъ въ тѣни высокихъ плакучихъ ивъ, но мы прежде, чѣмъ позавтракать, рѣшили осмотрѣть храмы. Пришлось пробираться сквозь густую чащу кустовъ. Фабіани и Дженаро сложили руки на подобіе носилокъ и понесли Франческу.—Ужасное путешествіе!—говорила она, смѣясь.—Помилуйте, Eccellenza!—сказалъ одинъ изъ нашихъ проводниковъ.—Теперь здѣсь превосходно! А вотъ года три тому назадъ такъ и впрямь прохода не было,—одинъ тернъ! Когда же я былъ ребенкомъ, самыя колонны были покрыты землею и пескомъ.—Остальные проводники подтвердили его слова. Мы продолжали идти впередъ въ сопровожденіи толпы нищихъ, молча поглядывавшихъ на насъ. Стоило же намъ встрѣтиться съ однимъ изъ нихъ глазами, онъ тотчасъ же машинально протягивалъ руку и затягивалъ свое: «miserabile». Слѣпой дѣвушки между ними, однако, не было; она, вѣроятно, осталась сидѣть у дороги. Мы прошли мимо развалинъ театра и храма Мира.—Храмъ Мира и театръ!—сказалъ Дженаро.—Какъ они могли очутиться въ сосѣдствѣ?

Вотъ мы добрались и до развалинъ храма Нептуна, который вмѣстѣ съ такъ называемою «базиликою» и храмомъ Цереры возсталъ въ наше время изъ мрака забвенія, какъ новая Помпея. Цѣлые вѣка лежали эти храмы въ прахѣ, скрытые въ чащѣ растеній, пока одинъ художникъ-иностранецъ, въ поискахъ за сюжетами для своихъ эскизовъ, не набрелъ на это мѣсто и не замѣтилъ вершинъ колоннъ. Восхищенный ихъ красотою, онъ срисовалъ ихъ, и онѣ получили извѣстность. Чащу расчистили, и мощныя колоннады возстали въ прежнемъ своемъ великолѣпіи. Онѣ изъ желтаго травертинскаго камня; ихъ обвиваютъ лозы дикаго винограда, полъ въ храмахъ поросъ фиговыми деревьями, а изъ всѣхъ трещинъ и щелей пробиваются фіалки и темнокрасные левкои.

Мы присѣли на подножіе сломанной колонны, и Дженаро отогналъ докучливыхъ нищихъ, чтобы дать намъ возможность спокойно насладиться видомъ роскошной природы. Голубыя горы, море, красота самой мѣстности произвели на меня чарующее впечатлѣніе.

— Ну, дай же намъ теперь послушать тебя!—сказалъ Фабіани; Франческа выразила то же желаніе. Я оперся о ближайшую колонну и сталъ воспѣвать, на мотивъ одной знакомой мнѣ съ дѣтства пѣсни, красоту окружающей насъ природы и дивныхъ памятниковъ искусства. Затѣмъ

мнѣ вспомнилась слѣпая дѣвушка, отъ которой все это великолѣпіе было скрыто, и я сталъ пѣть о ея убожествѣ. Она была вдвойнѣ бѣдна, вдвойнѣ несчастна! На глазахъ у меня навернулись слезы. Дженаро принялся аплодировать, а Фабіани и Франческа согласились, что у меня есть чувство. Затѣмъ они спустились по ступенямъ во внутрь храма; я медленно поплелся за ними и вдругъ за колонной, на которую сейчасъ опирался, увидѣлъ какую-то человѣческую фигуру; она сидѣла или, вѣрнѣе, лежала подъ благоухающимъ миртовымъ кустомъ, уткнувъ голову въ колѣни и крѣпко охвативъ руками затылокъ. Это была слѣпая красавица.

Она слышала мою импровизацію, слышала, что я пѣлъ о ея тоскѣ и желаньяхъ! Меня такъ и рѣзнуло ножемъ по сердцу. Я наклонился надъ нею; она услышала шорохъ листьевъ и подняла голову. Лицо ея показалось мнѣ еще блѣднѣе прежняго. Я не смѣлъ шевельнуться; она продолжала прислушиваться.—Анджелло!—вполголоса позвала она. Не знаю зачѣмъ, но я притаилъ дыханье. Передо мною было изображеніе самой греческой богини красоты съ ея невидящимъ и въ то же время проникающимъ въ душу взоромъ, какъ описывала ее Аннунціата. Она сидѣла на одномъ изъ камней, служившихъ фундаментомъ храма, между дикими фиговыми деревьями и душистою миртою. Вдругъ я увидѣлъ, что она, улыбаясь, прижимаетъ къ губамъ какую-то вещицу. Это была монета, которую я далъ ей. Меня это сильно тронуло, я невольно наклонился къ ней, и... мои горячіе уста обожгли ея лобъ.

Она вскрикнула. Этотъ отчаянный крикъ оледенилъ мое сердце Какъ испуганная лань вскочила она съ мѣста и исчезла изъ моихъ глазъ. Я кинулся бѣжать въ другую сторону, ничего не видя передъ собою, не разбирая дороги, чрезъ кусты и тернъ. «Антоніо! Антоніо!» услышалъ я далеко позади себя голосъ Фабіани и тутъ только опомнился.— Что ты, за зайцами гонялся?—спросилъ онъ меня.—Или, можетъ быть, это былъ поэтическій полетъ?

— Онъ хочетъ показать намъ, что можетъ летать, тогда какъ мы можемъ только ходить!—сказалъ Дженаро.—Я, однако, готовъ поспорить съ нимъ!—И онъ сталъ рядомъ со мною, готовясь пуститься бѣжать.

— Вы думаете, мнѣ угнаться за вами съ моей синьорой на рукахъ?— сказалъ Фабіани. Дженаро остановился.

Когда мы вернулись къ гостиницѣ, я все озирался, ища бѣдную слѣпую, но напрасно. Крикъ ея не переставалъ раздаваться у меня въ ушахъ и надрывать мнѣ сердце. Мнѣ все казалось, что я совершилъ какой-то грѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, я, хотя и невольно, пробудилъ въ ея душѣ всѣ горестныя чувства, описывая ея несчастіе, и затѣмъ еще испугалъ ее своимъ поцѣлуемъ. Это былъ первый поцѣлуй, который я далъ женщинѣ. Если бы дѣвушка могла видѣть меня, я бы никогда не рѣшился

на это; значитъ—ея несчастье, ея беззащитность ободрили меня! И я могъ такъ строго осуждать Бернардо! Я такой же грѣшникъ, какъ и онъ, какъ и всѣ. Я готовъ былъ пасть передъ дѣвушкой на колѣни и просить у нея прощенія, но ея нигдѣ не было видно.

Мы сѣли въ коляску, чтобы вернуться въ Салерно; еще разъ окинулъ я взоромъ окрестность, ища слѣпую, но не посмѣлъ спросить о ней.

— А гдѣ же слѣпая красавица?—спросилъ вдругъ Дженаро.

— Лара?—сказалъ нашъ проводникъ.—Она, вѣрно, по обыкновенію, сидитъ въ храмѣ Нептуна!

— Bella divina!—воскликнулъ Дженаро, посылая по направленію къ храму воздушный поцѣлуй. Мы тронулись въ путь.

Итакъ, ее звали Ларой! Я сидѣлъ спиной къ кучеру и смотрѣлъ, какъ все больше и больше удаляются отъ насъ колонны храма, а сердце все мучилось воспоминаніемъ о крикѣ слѣпой. На дорогѣ расположился таборъ цыганъ; въ канавѣ пылалъ большой костеръ, на которомъ они варили себѣ пищу. Старая цыганка ударила въ тамбуринъ и предложила погадать намъ, но мы проѣхали мимо. Двѣ черноглазыя дѣвушки долго бѣжали за нами. Онѣ были очень хороши собою, и Дженаро любовался ихъ легкостью, быстротою и жгучими черными глазами. Онѣ были очень хороши собою, но какое же сравненіе со слѣпой красавицей!

Къ вечеру мы прибыли въ Салерно, на слѣдующее утро рѣшено было отправиться въ Амальфи, а оттуда на Капри.

— Въ Неаполѣ мы пробудемъ еще одинъ день!—сказалъ Фабіани.— Въ концѣ же этой недѣли мы уже должны быть въ Римѣ. Тебѣ, вѣдь, не много надо времени, чтобы привести свои дѣла въ порядокъ, Антоніо?—Я не могъ и не хотѣлъ возвращаться въ Римъ, но чувство робости и страха, внушаемое мнѣ моимъ зависимымъ положеніемъ и признательностью, позволило мнѣ только возразить, что Eccellenza, вѣроятно, разсердится за мое самовольное возвращеніе.—Ну, это-то ужъ мы все устроимъ!—прервалъ меня Фабіани.

— Простите меня, но я не могу ѣхать!—настаивалъ я и схватилъ руку Франчески.—Я и такъ чувствую, чѣмъ обязанъ вамъ!..

— Объ этомъ ни слова!—отвѣтила она, прижимая свою руку къ моимъ губамъ. Въ ту же минуту доложили о какихъ-то гостяхъ, и я молча отошелъ въ сторону, глубоко сознавая, до какой степени я слабъ. Всего два дня тому назадъ я былъ свободенъ, независимъ, какъ птица, и Тотъ, безъ Чьего соизволенія не упадетъ на землю и воробей, позаботился бы также и обо мнѣ, а я далъ тонкой нити, опутавшей мои ноги, разростись въ якорный канатъ! «Въ Римѣ у тебя истинные друзья», думалъ я: «истинные, если и не такіе вѣжливые, какъ въ Неаполѣ!» Я вспомнилъ Санту, съ которою рѣшилъ больше не видѣться, Бернардо и Аннунціату,

съ которыми мнѣ пришлось бы встрѣтиться здѣсь, въ Неаполѣ, вспомнилъ ихъ взаимную любовь и счастье... «Нѣтъ, скорѣе въ Римъ! Тамъ лучше!» шептало мнѣ мое сердце въ то время, какъ душа тосковала о свободѣ и независимости.

Приключеніе въ Амальфи. Лазурный гротъ на Капри.

Какъ хорошъ былъ видъ на Салерно съ моря въ то прекрасное утро, когда мы отплыли изъ него! Шесть мускулистыхъ гребцовъ усердно работали веслами; на рулѣ же сидѣлъ прелестный мальчикъ, такъ и просившійся на картину. Звали его Альфонсо. Вода была прозрачно-зеленая. Весь правый берегъ былъ, казалось, покрытъ роскошными садами, какіе могла создать лишь фантазія Семирамиды. Изъ воды выглядывали своды глубокихъ пещеръ, въ которыя плескали волны. На выдающемся уступѣ одной скалы стоялъ замокъ; подъ каменной башней его плыло облачко. Мы проѣхали мимо Майорки и Минорки, а вскорѣ затѣмъ достигли и родины Мазаніелло и Флавіо Джіовайа*), городка Амальфи, выглядывавшаго изъ зелени виноградниковъ.

Красота здѣшней природы произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Ахъ, если бы всѣ народы земные могли насладиться этимъ чуднымъ зрѣлищемъ! Ни съ сѣвера, ни съ запада не дышетъ холодомъ на этотъ цвѣтущій садъ, среди котораго расположенъ Амальфи; сюда достигаетъ лишь вѣтерокъ съ юга и востока, изъ страны апельсинныхъ деревьевъ и пальмъ, проносящійся черезъ дивное море. Городъ со свѣтлыми бѣлыми домиками расположенъ на скатѣ горы; выше идутъ виноградники; кое-гдѣ поднимаютъ къ голубому небу свои зеленыя вершины одинокія пиніи, а на самомъ верху стоитъ окруженный зубчатою стѣною старый замокъ—пріютъ облаковъ.

Рыбаки на рукахъ перенесли насъ черезъ буруны на берегъ. Подъ самымъ городомъ въ скалахъ находятся глубокія пещеры; въ нѣкоторыхъ плещетъ вода, другія пусты; на берегу лежали рыбачьи лодки; въ нихъ играли беззаботные ребятишки, большинство въ однихъ рубашонкахъ или курточкахъ. На горячемъ пескѣ потягивались полуголые лаццарони; единственной защитой отъ палящихъ лучей солнца служили имъ надвинутыя на самыя уши темныя шапки. Громко звонили церковные колокола; мимо насъ двигалась, съ пѣніемъ псалмовъ, процессія священниковъ въ лиловыхъ облаченіяхъ. Распятіе, которое несли впереди, было украшено вѣнкомъ изъ цвѣтовъ.

На горѣ, высоко надъ городомъ, стоитъ великолѣпное зданіе; это мо-

*) Изобрѣтатель компаса.

настырь и вмѣстѣ съ тѣмъ гостиница для путешественниковъ. Противъ него глубокая пещера. Франческу несли на носилкахъ, а мы слѣдовали за нею по высѣченной въ скалѣ тропинкѣ пѣшкомъ; глубоко подъ нами лежало голубое море. Наконецъ, мы достигли монастырскихъ воротъ; прямо противъ насъ зіяла пещера. Въ глубинѣ виднѣлись три креста съ распятыми на нихъ Спасителемъ и двумя разбойниками. Повыше надъ ними, на камнѣ, стояли колѣнопреклоненные ангелы съ большими бѣлыми крыльями и въ пестрыхъ одѣяньяхъ. Изображенія были самой грубой работы, всѣ изъ крашеннаго дерева, но благочестивыя души умѣютъ вдохнуть красоту и въ самыя простыя, грубыя изображенія.

Мы прошли по маленькому дворику и поднялись въ отведенныя намъ комнаты. Изъ окна моей видна была безконечная синева моря вплоть до самой Сициліи; вдали на горизонтѣ блестѣли серебряными точками корабли.

— Господинъ импровизаторъ!—сказалъ Дженаро.—Не спуститься-ли намъ въ болѣе низменныя сферы—поглядѣть, не найдется-ли и тамъ такихъ же красотъ, какъ здѣсь? Я говорю о красотѣ женской. Навѣрно мы найдемъ что-нибудь получше англичанокъ, нашихъ сосѣдокъ! Онѣ черезчуръ ужъ холодны и блѣдны. А вы, вѣдь, другъ женщинъ? Ахъ, извините! Вѣдь, это онѣ-то какъ-разъ и вернули васъ свѣту и доставили мнѣ пріятный вечеръ въ театрѣ и ваше интересное знакомство!—Мы спустились по тропинкѣ.—А слѣпая-то въ Пестумѣ была хороша!—продолжалъ онъ.—Я, пожалуй, выпишу ее вмѣстѣ съ калабрійскимъ виномъ къ себѣ, въ Неаполь. Она не хуже вина заставляетъ волноваться мою кровь!

Мы вошли въ городъ; зданія и улицы были въ немъ какъ-то скученны; даже тѣсное римское Гэто могло показаться въ сравненіи съ Амальфи обширною Корсо. Улицы здѣсь ни что иное, какъ узенькіе проходы между высокими домами, а частью проложены даже черезъ самые дома. Мы то проходили по длиннымъ корридорамъ, мимо дверей, въ которыя виднѣлись темныя, узкія комнаты, то по узкимъ переулкамъ, между глухими стѣнами и скалами, то поднимались, то спускались по лѣстницамъ, словомъ путались въ какомъ-то грязномъ лабиринтѣ. Часто и не разобрать было, идешь-ли по комнатѣ, или по улицѣ. Во многихъ мѣстахъ въ корридорахъ горѣли лампы, а то, несмотря на дневную пору. въ нихъ было бы темно, какъ ночью. Наконецъ, мы вздохнули свободнѣе. выйдя на большой каменный мостъ, соединявшій двѣ скалы. Передъ мостомъ оказалась небольшая площадь, пожалуй, самая обширная во всемъ городѣ. На ней плясали сальтарелло двѣ дѣвочки; на нихъ любовался маленькій, прелестный, какъ амурчикъ, смуглокожій и совсѣмъ голенькій мальчуганъ. Здѣсь не боятся озябнуть! Самый страшный холодъ въ Амальфи—это восемь градусовъ тепла.

Близехонько отъ небольшой башни, воздвигнутой на скалистомъ вы-

ступѣ, съ котораго виденъ красивый заливъ и Майорка и Минорка, вьется между кустами алоэ и миртъ узенькая тропинка. Мы пошли по ней и скоро очутились подъ сводомъ изъ переплетающихся виноградныхъ лозъ. Мы умирали отъ жажды и направились къ бѣленькому домику, привѣтливо выглядывавшему изъ свѣжей зелени. Мягкій теплый воздухъ былъ напоенъ ароматомъ, вокругъ насъ жужжали массы пестрыхъ насѣкомыхъ. Домикъ былъ очень живописенъ; въ стѣны, ради красы, были вдѣланы мраморныя украшенія отъ колоннъ и прекрасныя рука и нога, найденныя среди развалинъ. На самой крышѣ былъ разведенъ чудный садикъ изъ апельсинныхъ деревьевъ и пышныхъ ползучихъ растеній, свѣшивавшихся по стѣнѣ зеленымъ бархатнымъ ковромъ. Передъ домомъ былъ цѣлый кустарникъ мѣсячныхъ розъ. Здѣсь играли и плели вѣнки двѣ прелестныя дѣвочки лѣтъ шести-семи. Еще прекраснѣе была молодая женщина, съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ, встрѣтившая насъ у дверей. Выразительные глаза съ длинными черными рѣсницами, пышная грудь и стройный станъ,—да, она была очень хороша! Зато мы и отвѣсили ей по глубокому поклону.

— Итакъ, въ этомъ домѣ обитаетъ прекраснѣйшая дѣва!—сказалъ Дженаро.—Не утолитъ-ли она жажду двухъ истомленныхъ путниковъ?

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтила она, смѣясь и показывая между свѣжими пунцовыми губками два ряда бѣлыхъ какъ снѣгъ зубовъ.—Я принесу вамъ вина, но у меня только одинъ сортъ.

— Если вы сами нальете его, оно будетъ превосходно!—сказалъ Дженаро.—Изъ рукъ прекрасной дѣвушки я выпью его съ особеннымъ удовольствіемъ!

— Увы, Eccellenza! На этотъ разъ къ услугамъ вашимъ только женщина!

— Вы замужемъ? Такая молоденькая?—засмѣялся Дженаро.

— О, я ужъ не молода!—также со смѣхомъ отвѣтила красавица.

— А сколько же вамъ лѣтъ?—спросилъ я.—Она насмѣшливо посмотрѣла на меня и отвѣтила:—Двадцать восемь!—Ей, однако, нельзя было дать больше пятнадцати, хотя она и смотрѣла вполнѣ сформировавшеюся. Сама Геба не могла быть сложена лучше.

— Двадцать восемь!—повторилъ Дженаро.—Прекрасный возрастъ! И какъ онъ идетъ вамъ! А давно-ли вы замужемъ?

— Двадцать лѣтъ!—отвѣтила она.—Спросите моихъ дочерей!—И она кивнула на двухъ дѣвочекъ, которыя въ это время подбѣжали къ намъ.

— Это ваша мама?—спросилъ я, хотя и зналъ, что этого быть не могло. Онѣ, смѣясь, посмотрѣли на нее, потомъ кивнули головками и прижались къ ней. Она вынесла намъ вина, чуднаго вина, и мы выпили за ея здоровье.

— Вотъ это поэтъ, импровизаторъ!—сказалъ Дженаро, указывая на меня.—Онъ вскружилъ головы всѣмъ дамамъ въ Неаполѣ, но самъ холоденъ, какъ ледъ! Онъ чудакъ! Подумайте, онъ ненавидитъ женщинъ и ни разу еще не цѣловалъ ни одной!

— Быть не можетъ!—сказала она и засмѣялась.

— А вотъ я, такъ совсѣмъ иного сорта! Я поклонникъ красоты и цѣлую всѣ прекрасныя уста! Я его вѣрный спутникъ и искупаю его вину передъ женщинами и цѣлымъ свѣтомъ! Ни одна красавица еще не отказывала мнѣ въ законной пошлинѣ, я жду ее и здѣсь!—Тутъ онъ схватилъ ее за руку!

— Мнѣ не нужно выкупа! Я освобождаю отъ него и васъ, и другого господина. Пошлинъ же я никакихъ знать не знаю! Это дѣло моего мужа!

— А гдѣ онъ?

— Не очень далеко!

— Такой хорошенькой ручки я еще не видывалъ въ Неаполѣ!—сказалъ Дженаро.—Что стоитъ поцѣловать ее?

— Скудо!—отвѣтила красавица.

— А если въ губки, то вдвое?

— Этого совсѣмъ нельзя! Губы — собственность моего мужа! — Она опять налила намъ крѣпкаго вина, смѣялась и шутила съ нами, и, наконецъ, мы вывѣдали отъ нея, что ей всего четырнадцать лѣтъ, что замужемъ она лишь съ прошлаго года и что мужъ ея, красивый молодой малый, находится теперь въ Неаполѣ и вернется только завтра. Дѣвочки были ея сестры, гостившія у нея въ отсутствіи мужа. Дженаро попросилъ ихъ нарвать намъ букетъ розъ, обѣщая имъ за него карлино; онѣ побѣжали въ кусты. Напрасно, однако, уговаривалъ онъ красавицу поцѣловать его, напрасно говорилъ ей любезности и обнималъ ея станъ. Она вырывалась отъ него, бранилась, убѣгала, но потомъ опять возвращалась; ее, видимо, забавляли эти шутки. Тогда Дженаро взялъ въ руку золотой и сталъ говорить ей, сколько красивыхъ лентъ она можетъ накупить на него, какъ онѣ украсятъ ея черныя косы!.. И все это будетъ стоить ей лишь одного поцѣлуя!

— Другой господинъ лучше васъ! — сказала она ему, указывая на меня. Я вспыхнулъ, взялъ ее за руку и сказалъ, что ей не слѣдуетъ слушать Дженаро и соблазняться его золотомъ, что онъ дурной человѣкъ и что она въ отместку ему должна поцѣловать меня!—Она слушала, пристально глядя на меня.—Изъ всего, что онъ сказалъ, одно лишь правда!—продолжалъ я.—Я дѣйствительно не цѣловалъ еще ни одной женщины, уста мои чисты, я берегъ ихъ для самой первой красавицы и, надѣюсь, что вы вознаградите меня за мою добродѣтель!

— Однако, вы завзятый обольститель!—сказалъ Дженаро.—И меня за поясъ заткнете, даромъ что я не новичокъ!

— Вы злой человѣкъ! Подите вы съ вашимъ золотомъ!—сказала она ему.—А вотъ, чтобы показать вамъ, какъ мало я нуждаюсь въ немъ и въ вашемъ поцѣлуѣ, я поцѣлую импровизатора!—Она обвила меня руками за шею и дотронулась губами до моихъ губъ, а затѣмъ исчезла за дверями дома.

Послѣ заката солнца я сидѣлъ въ монастырѣ, въ своей каморкѣ наверху, и смотрѣлъ изъ окна на равнину морскую, отливавшую пурпуромъ. По морю ходили широкія волны. Рыбаки вытаскивали на берегъ лодки. Когда совсѣмъ стемнѣло, огоньки заблестѣли ярче, волны засвѣтились фосфорическимъ блескомъ. Стояла невозмутимая тишина. Вдругъ раздалось пѣніе; это запѣли хоромъ рыбаки со своими женами и дѣтьми. Дѣтскіе сопрано сливались съ могучими басами. Какая-то грусть охватила мою душу. Съ неба скатилась звѣздочка и, казалось, упала позади того виноградника, гдѣ меня цѣловала красавица. Я сталъ вспоминать, какъ она была хороша, вспомнилъ и слѣпую дѣвушку, стоявшую въ руинахъ храма. какъ живое изваяніе красоты, но скоро и ту и другую затмилъ образъ Аннунціаты. Она была вдвойнѣ прекрасна: въ ней слились двѣ красоты—духовная и физическая! Грудь моя вздымалась, душа горѣла любовью, тоскою желанія. Аннунціата зажгла въ моемъ сердцѣ чистое пламя любви, но затѣмъ покинула свой храмъ, и теперь жертвенникъ въ немъ былъ опрокинутъ, огонь охватилъ все зданіе! «Вѣчная Матерь Божія!» взмолился я. «Душа моя полна любовью, сердце рвется отъ тоски и желанья!» Я выхватилъ изъ стакана букетъ розъ и, думая объ Аннунціатѣ, горячо прижалъ къ своимъ устамъ прекраснѣйшую изъ нихъ. Мнѣ стало не въ мочь, и я сошелъ къ морю, плескавшему на берегъ, гдѣ пѣли рыбаки и вѣялъ прохладный вѣтеръ. Я взошелъ на каменный мостъ, на которомъ уже стоялъ сегодня. Мимо меня мелькнулъ человѣкъ, закутанный въ широкій плащъ; это былъ Дженаро. Онъ пустился по тропинкѣ къ бѣленькому домику; я за нимъ. Онъ прошелъ мимо окна, въ которомъ свѣтился огонекъ. Я же спрятался въ виноградникѣ противъ самаго окна, такъ что мнѣ видно было всю комнату. Такое же окно находилось и на противоположной сторонѣ дома; высокая лѣстница вела изъ большой комнаты въ мезонинъ. Обѣ маленькія дѣвочки, полураздѣтыя молились на колѣняхъ передъ столикомъ, на которомъ горѣла лампа и стояло распятіе. Старшая сестра ихъ стояла на колѣняхъ между ними. Это была сама Мадонна съ двумя ангелами, живая картина для алтаря, написанная самимъ Рафаэлемъ! Черные глаза красавицы были подняты къ небу, волосы роскошною волной падали на обнаженныя плечи, прекрасныя руки были скрещены на пышной груди. Пульсъ мой забился ускорен-

нѣе, я едва смѣлъ дышать. Вотъ всѣ трое поднялись съ колѣнъ; молодая женщина проводила дѣвочекъ по лѣстницѣ въ мезонинъ, заперла дверь, вернулась въ первую комнату и стала прибирать ее. Вотъ она вынула изъ ящика красную книжечку, повертѣла ее въ рукахъ, улыбнулась, хотѣла было раскрыть ее, да вдругъ словно испугавшись чего-то, покачала головой и поспѣшно бросила ее обратно въ ящикъ. Минуту спустя, я услышалъ тихій стукъ въ противоположное окно. Молодая женщина испуганно поглядѣла въ ту сторону и прислушалась. Стукъ повторился. Я услышалъ чей-то голосъ, но не могъ разобрать ни слова.

— Eccellenza!—вскрикнула она.—Что вамъ надо? Зачѣмъ вы приходите въ такую пору? Ради Бога! Я сердита, очень сердита на васъ!— Онъ заговорилъ опять.—Да, да, правда!—отвѣтила она.—Вы забыли вашу записную книжку! Сестренка моя бѣгала съ нею въ гостиницу, но вы, кажется, живете наверху, въ самомъ монастырѣ! Она искала васъ тамъ по-утру! Вотъ книжка!—Она вынула ее; онъ что-то проговорилъ опять; она энергично покачала головой:—Нѣтъ, нѣтъ! Что вы выдумали! Двери я не открою! Вы не войдете!—Она подошла къ окну и открыла его, чтобы отдать книжку. Онъ схватилъ ея руку, и она уронила книжку на подоконникъ. Затѣмъ Дженаро просунулъ голову въ отворенное окно, а молодая женщина быстро отскочила къ тому, которое было ближе ко мнѣ. Теперь мнѣ было слышно каждое слово Дженаро.

— И вы не хотите позволить мнѣ поцѣловать, въ знакъ благодарности, вашу прекрасную ручку? Не хотите никакой награды за находку? Даже не хотите дать мнѣ стакана вина? А я умираю отъ жажды! Что же въ этомъ дурного? Почему мнѣ нельзя войти?

— Нѣтъ!—отвѣтила она.—Намъ не о чемъ говорить съ вами въ такую пору. Возьмите вашу книжку и дайте мнѣ закрыть окно!

— Я не уйду,—сказалъ Дженаро:—пока вы не протянете мнѣ руки, пока не поцѣлуете меня,—вы обманули меня сегодня, поцѣловавъ этого дурака!

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала она, но, несмотря на свой гнѣвъ, разсмѣялась.—Вы хотите силой добиться своего! Ну, а я не хочу и не хочу!

— Вѣдь, мы же видимся съ вами навѣрно въ послѣдній разъ!—продолжалъ Дженаро мягкимъ, умоляющимъ тономъ.—И вы можете отказывать мнѣ, не хотите даже протянуть мнѣ на прощанье руки! Бо́льшаго я не требую, хотя сердце мое и хотѣло бы высказать вамъ много, много! Сама Мадонна желаетъ, чтобы люди любили другъ друга, какъ братья и сестры! Я и хочу по-братски подѣлиться съ вами моимъ золотомъ! Сколько нарядовъ вы купите себѣ на эти деньги! Вы будете еще вдвое красивѣе. всѣ подруги станутъ завидовать вамъ, и никто, никто не узнаетъ о нашемъ счастьѣ!—И онъ однимъ прыжкомъ очутился въ комнатѣ. Молодая жен-

щина вскрикнула:—Іисусъ, Марія!—Я съ такою силою ухватился за раму окна, что стекла задребезжали. Затѣмъ, точно подталкиваемый невидимою силою, я перебѣжалъ къ открытому окну и вырвалъ изъ виноградника жердь, чтобы имѣть хоть какое-нибудь оружіе.

— Это ты, Николо?—громко вскричала молодая женщина.

— Я!—отвѣтилъ я грубымъ, твердымъ голосомъ. Дженаро живо выскочилъ въ окно; плащъ его вздуло вѣтромъ, лампа погасла и въ комнатѣ стало темно.

— Николо!—дрожащимъ голосомъ закричала красавица, высовываясь изъ окна.—Ты вернулся? Слава Мадоннѣ!

— Синьора!—сказалъ я.

— Святители!—вскрикнула она. Затѣмъ окно захлопнулось. Я стоялъ, какъ вкопанный. Прошло нѣсколько мгновеній, и я услышалъ, что она тихо идетъ по комнатѣ; вотъ отворилась и опять захлопнулась дверь, и послышались удары, точно вбивали молоткомъ гвозди. «Теперь она въ безопасности!» подумалъ я и тихо отошелъ радостный и довольный, какъ нельзя болѣе. «Теперь я поквитался съ нею за ея поцѣлуй! Знай она, что я явился сейчасъ ея ангеломъ хранителемъ, она, пожалуй, подарила бы мнѣ еще одинъ!»

Едва я успѣлъ вернуться въ монастырь, меня позвали къ ужину; раньше же никто не хватился меня. Дженаро къ ужину не явился; Франческа стала безпокоиться, и Фабіани посылалъ за нимъ гонца за гонцомъ во всѣ стороны, пока онъ, наконецъ, не отыскался. Дженаро разсказалъ намъ, что заблудился, гуляя въ горахъ, да, къ счастью, встрѣтилъ крестьянина, который и вывелъ его на дорогу.

— Да, одежда ваша вся въ клочьяхъ!—замѣтила Франческа. Дженаро схватился за полу сюртука.

— Этотъ клокъ я оставилъ на терновомъ кусту! И Богъ знаетъ, какъ это я заблудился! Вечеръ былъ такой прекрасный, но стемнѣло какъ-то вдругъ, я хотѣлъ сократить себѣ дорогу, да и совсѣмъ сбился съ нея.

Франческа и Фабіани посмѣялись надъ его приключеніемъ; я тоже; вѣдь, мнѣ-то оно было извѣстно лучше, чѣмъ другимъ; затѣмъ мы всѣ выпили за его здоровье. Вино было превосходное и привело насъ въ самое веселое расположеніе духа. Когда мы разошлись по своимъ комнатамъ, ко мнѣ вошелъ полураздѣтый Дженаро; его комната приходилась рядомъ съ моей. Онъ, смѣясь, положилъ мнѣ руку на плечо и дружески посовѣтовалъ не слишкомъ мечтать о молодой красавицѣ, видѣнной нами утромъ.

— Поцѣлуй-то всетаки достался мнѣ!—шутливо сказалъ я.

— Да, да!—отвѣтилъ онъ, смѣясь.—И вы думаете, что она обдѣлила меня своею благосклонностью?

— Кажется!

— Ну, нѣтъ, этого еще со мной не случалось!—сухо возразилъ онъ, словно его обидѣли. Но вотъ на губахъ его снова заиграла улыбка, и онъ шепнулъ мнѣ:—Я бы разсказалъ вамъ кое-что, да будете-ли вы скромны?

— Разскажите, разскажите!—попросилъ я.—У меня не вырвутъ ни словечка!—И я приготовился слушать его сѣтованья по поводу неудачнаго похожденія.

— Я нарочно забылъ сегодня въ саду красавицы мою записную книжку, чтобы имѣть предлогъ вернуться туда вечеромъ. Въ эту пору женщины не такъ строги. Такъ вотъ гдѣ я былъ! И платье я разорвалъ перелѣзая чрезъ заборъ въ ея садъ.

— Ну, а красавица-то что же?—спросилъ я.

— Она была еще прекраснѣе,—сказалъ онъ, многозначительно кивая головою:—и вовсе не такъ строга, когда мы очутились съ нею наединѣ! Да такъ я и думалъ! Вамъ она дала одинъ поцѣлуй, а мнѣ тысячу, да и свое сердце въ придачу! Всю ночь буду мечтать о своемъ счастьѣ!— Онъ послалъ мнѣ воздушный поцѣлуй и выбѣжалъ изъ комнаты.

По-утру, когда мы вышли изъ монастыря, небо было точно задернуто сѣроватою пеленой. На берегу дожидались насъ наши бравые гребцы, опять перенесли насъ черезъ буруны и усадили въ лодку. Мы направились къ Капри; вотъ пелена разорвалась на клочки—легкія облачка, и небо стало какъ будто вдвое выше, вдвое синѣе. На морѣ стояла тишина, не было даже ряби. Чудный Амальфи скрылся за скалою. Дженаро послалъ въ ту сторону воздушный поцѣлуй и сказалъ мнѣ:—Тамъ мы рвали розы!—«Ты-то, по крайней мѣрѣ, накололся на шипы!» подумалъ я, утвердительно кивая ему головой.

Передъ нами разстилалась безграничная синева моря, уходившая къ берегамъ Сициліи и Африки; налѣво лежалъ гористый берегъ итальянскаго полуострова, изрытый причудливыми пещерами; передъ нѣкоторыми изъ нихъ были расположены маленькіе города, словно выползшіе изъ мрачныхъ пещеръ погрѣться на солнышкѣ; въ другихъ сидѣли рыбаки, варившіе себѣ на кострахъ пищу или смолившіе лодки. Вода морская была похожа на голубое масло; мы погружали въ нее руки, и онѣ принимали въ ней тотъ же оттѣнокъ. Тѣнь лодки на водѣ была чистѣйшаго синяго цвѣта, а тѣни веселъ представлялись змѣйками всѣхъ оттѣнковъ голубого. «Чудное море!» восторгался я въ душѣ. «Ничто въ природѣ, исключая неба, не можетъ сравниться съ тобой красотою!» Я вспомнилъ, какъ любилъ въ дѣтствѣ лежать на спинѣ и, глядя ввысь, мечтать, что ношусь въ голубомъ эфирѣ; теперь мнѣ казалось, что мечта моя сбылась. Мы проплыли мимо трехъ скалистыхъ островковъ «I galli»; они состоятъ изъ мощныхъ каменныхъ глыбъ, нагроможденныхъ одна на другую и похожихъ на выросшія со дна морского гигантскія башни.

Голубыя волны омывали зеленоватые камни. Въ бурю тутъ, должно быть, образовывалась настоящая Сцилла съ ея воющими собаками. Волны сонно плескались о дикій, голый мысъ Минервы, служившій въ древности пристанищемъ сиренъ; передъ нимъ же лежалъ романтическій Капри, откуда Тиверій, утопая въ сладострастіи, любовался на Неаполитанскій заливъ. Гребцы наши натянули паруса; вѣтеръ и теченіе поднесли насъ къ острову. Вода была здѣсь необычайно чиста и прозрачна; мы какъ будто плыли по воздуху; каждый камешекъ, каждая тростинка, находившіеся на саженной глубинѣ, виднѣлись подъ водою такъ явственно, что у меня просто кружилась голова, когда я глядѣлъ изъ лодки въ эту прозрачную бездну, надъ которою скользилъ. Къ острову можно пристать лишь съ одной стороны; окружающія его кольцомъ отвѣсныя и гладкія, какъ стѣны, скалы спускаются со стороны Неаполя уступами вродѣ амфитеатра; уступы покрыты виноградниками, апельсинными и оливковыми рощами; внизу же, у самой воды, разбросаны рыбачьи хижины и стоитъ сторожевая будка. Повыше выглядываетъ изъ зелени садовъ городокъ Анна-Капри, въ который ведетъ крошечный подъемный мостикъ и ворота. Мы остановились отдохнуть въ гостиницѣ Пагани, построенной въ тѣни высокихъ пальмъ. Послѣ обѣда мы рѣшили отправиться верхомъ на ослахъ къ развалинамъ виллы Тиверія; время же между завтракомъ и обѣдомъ Франческа и Фабіани хотѣли посвятить на отдыхъ передъ предстоявшею прогулкою. Но мы съ Дженаро въ этомъ совсѣмъ не нуждались. Островокъ казался мнѣ такимъ маленькимъ, что его, по-моему, можно было объѣхать на лодкѣ часа въ два и разсмотрѣть высокіе скалистые своды, возвышающіеся изъ воды съ южной стороны острова. Мы наняли лодку съ двумя гребцами; дулъ вѣтерокъ, такъ что полпути мы сдѣлали подъ парусами. Волны разбивались въ пѣну о низкіе рифы, между которыми были протянуты рыбачьи сѣти. Пришлось объѣхать ихъ. Прогулка была превеселая. Скоро мы видѣли предъ собою только море, небо, да отвѣсныя скалы. Въ трещинахъ этихъ сѣрыхъ каменныхъ громадъ кое-гдѣ мелькали кусты алоэ и дикіе левкои; скалы были до того неприступно круты, что на нихъ не отыскалъ бы точки опоры для ногъ и каменный козелъ. Внизу, подъ бурунами, разбивавшимися въ мелкія, сверкавшія голубыми искрами брызги, виднѣлись приросшія къ скаламъ кроваво-красныя морскія яблоки; скалы какъ будто сочились кровью отъ ударовъ волнъ. Вотъ, наконецъ, открытое море осталось вправо, островъ же лежалъ влѣво, и мы увидѣли въ скалахъ глубокія пещеры, слегка выставлявшія изъ воды свои каменистые своды. Въ этихъ-то пещерахъ и жили сирены; цвѣтущій Капри служилъ только крышею ихъ скалистаго замка!

— Да, здѣсь живутъ злые духи!—сказалъ мнѣ одинъ изъ гребцовъ, сѣдой старикъ.—Чудесно, говорятъ, у нихъ, но они ужъ никогда не

выпускаютъ своихъ жертвъ обратно; если же кто-нибудь и вырвется отъ нихъ, то не человѣкомъ!—Немного погодя, старикъ указалъ намъ на входъ въ одну пещеру, нѣсколько шире и выше другихъ, но всетаки недостаточно просторный, чтобы мы могли вплыть въ пещеру, даже если бы спустили паруса и сами растянулись на днѣ лодки.

— Это «заколдованная пещера!» *)—шепнулъ молодой гребецъ, сидѣвшій на рулѣ, и повернулъ лодку прочь отъ скалы.—Тамъ хранятся сокровища: золото и драгоцѣнныя камни, но войди-ка туда — сгоришь! Санта Лючія, моли Бога о насъ!

— Ахъ, если бы у насъ въ лодкѣ очутилась сирена!—сказалъ Дженаро.—Только красивая! Мы бы съ ней живо поладили!

— Вашъ обычный успѣхъ у женщинъ не измѣнилъ бы вамъ и тутъ!—сказалъ я, смѣясь.

— Волны морскія вѣчно ласкаются къ берегамъ, вѣчно цѣлуютъ ихъ, поневолѣ взманятъ къ поцѣлуямъ и людей. Ахъ!—вздохнулъ онъ.—Будь съ нами та красавица изъ Амальфи! Что за женщина! Не правда-ли? Вѣдь, и вы лизнули съ ея устъ каплю нектара! Съ виду такая недотрога, а посмотрѣли бы вы на нее вчера вечеромъ! Сама страсть, огонь!

— Неправда!—невольно вырвалось у меня; меня взорвало его безстыдное хвастовство.—Я лучше знаю! Ничего такого не было.

— То-есть какъ это?—спросилъ онъ, удивленно глядя на меня.

— Я самъ видѣлъ все! Случай привелъ меня туда. Я вообще не сомнѣваюсь въ вашихъ успѣхахъ у женщинъ, но на этотъ разъ вы только шутите со мною!—Онъ продолжалъ молча смотрѣть на меня. — «Я не уйду»,—повторилъ я, смѣясь, его слова: «пока вы не поцѣлуете меня! Вы обманули меня сегодня, поцѣловавъ того дурака!»

— Синьоръ! Вы подслушали меня!—сказалъ онъ, весь поблѣднѣвъ отъ гнѣва.—Какъ смѣете вы оскорблять меня? Вы будете драться со мною или я стану презирать васъ!

Этого я не ожидалъ.—Дженаро, вы не серьезно же говорите?—сказалъ я и взялъ его за руку. Онъ выдернулъ ее, не отвѣчая мнѣ ни слова, и велѣлъ гребцамъ пристать къ берегу.—Придется опять огибать островъ!—сказалъ старикъ.—Надо вернуться туда, откуда мы отчалили.—Они принялись работать веслами, и скоро мы приблизились къ высокимъ скалистымъ сводамъ, высовывавшимся изъ голубыхъ волнъ. Досада во мнѣ смѣнилась грустью; я смотрѣлъ на Дженаро, бившаго по водѣ своею тростью.

---

*) Подъ этимъ названіемъ извѣстенъ былъ у неаполитанцевъ нынѣшній „Лазурный гротъ", открытый, если не ошибаюсь, въ 1831 г. нѣмцами-путешественниками: Фрисомъ и Копишемъ.

— Una tromba!—вскричалъ вдругъ младшій изъ гребцовъ, указывая на черный косой смерчъ, подымавшійся изъ воды къ облакамъ. Вода кругомъ него клокотала, какъ кипятокъ. Гребцы быстро спустили паруса.

— Куда же мы теперь?—спросилъ Дженаро.

— Назадъ! Назадъ!—отвѣтилъ младшій гребецъ.

— Опять вокругъ всего острова?—спросилъ я.

— Укроемся въ скалахъ! Смерчъ уходитъ въ открытое море!

— Но волненье разобьетъ лодку о скалы!—сказалъ старикъ и быстро принялся грести.

— Боже милосердный!—простоналъ я, видя, съ какою быстротою подвигался по водѣ смерчъ.—Онъ или подыметъ и закрутитъ нашу лодку въ воздухѣ, или придавитъ насъ къ отвѣсной скалѣ!—Я схватился за весло старика, Дженаро сталъ помогать молодому; мы гребли изо всѣхъ силъ, но уже слышали за собою свистъ вѣтра и клокотанье воды,—смерчъ какъ будто самъ отталкивалъ насъ отъ себя.

— Санта Лючія, спаси насъ!—вскричали оба гребца, бросили весла и пали на колѣни.

— Да гребите же!—закричалъ Дженаро, но они оба, блѣдные какъ смерть, не сводили глазъ съ неба. Вотъ надъ головами нашими пронесся ураганъ, а слѣва надвинулась на лодку черная стѣна волнъ; насъ высоко подбросило кверху, лодку обдало брызгами и пѣною, воздухъ сгустился до того, что у меня кровь готова была брызнуть изъ глазъ. Затѣмъ все померкло вокругъ, но я еще успѣлъ почувствовать, какъ надъ головой моей сомкнулись волны, понять, что мы всѣ обречены смерти, и послѣ того лишился чувствъ.

Зрѣлище, открывшееся моимъ глазамъ, когда я пришелъ въ себя, подѣйствовало на меня еще сильнѣе, нежели величественная картина изверженія Везувія, такъ же сильно, какъ разлука съ Аннунціатою. Со всѣхъ сторонъ, снизу и сверху меня окружалъ голубой эфиръ. Я шевельнулъ рукою, и вокругъ меня, словно электрическія искры, засверкали милліоны голубыхъ звѣздочекъ. Да, я несся по воздуху! Я, конечно, умеръ и летѣлъ теперь на небо. Но какая-то тяжесть давила мою голову; это были земные грѣхи мои. Они гнели меня внизъ. Надъ головой моей проносилось холодное дуновеніе вѣтра. Машинально вытянулъ я руку, коснулся какого-то твердаго предмета и ухватился за него. Но тутъ мною опять овладѣла смертная слабость; я совсѣмъ не ощущалъ своего тѣла. Конечно, тѣло мое лежитъ на днѣ морскомъ, а я, то-есть, душа моя, возносится къ небу. «Аннунціата!» простоналъ я, и вѣки мои опять сомкнулись. Это безсознательное состояніе продолжалось, вѣроятно, долго. Но вотъ я вздохнулъ свободнѣе, почувствовалъ себя сильнѣе, и сознаніе мое прояснилось. Я лежалъ на холодной и твердой, какъ камень,

поверхности, возносившейся въ безконечную небесную синеву. Надо мною разстилался сводъ небесный съ причудливыми и синими, какъ само небо, облаками. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, но я ощущалъ во всемъ тѣлѣ леденящій знобъ. Медленно приподнялъ я голову. Платье мое было какъ бы изъ голубого пламени, руки блестѣли, точно серебряныя, но все же я чувствовалъ, что онѣ тѣлесныя. Я тщетно напрягалъ мысли, стараясь рѣшить, живъ я или мертвъ? Я погрузилъ руку въ струившійся подо мною блестящій эфиръ и захватилъ горстью воду, горѣвшую голубымъ пламенемъ, какъ спиртъ, и всетаки холодную. Близехонько отъ меня возвышался, похожій на смерчъ, только меньшихъ размѣровъ и блестящаго голубого цвѣта, столбъ. Или это только чудилось мнѣ со страху? Немного погодя, я рѣшился дотронуться до него. Столбъ былъ твердъ и холоденъ, какъ камень. Я протянулъ руку въ полутемное пространство, оказавшееся за нимъ, и ощупалъ твердую, гладкую стѣну темно-голубого цвѣта, какъ ночное небо. Гдѣ же я? То, что я принялъ за воздухъ подо мною, была блестящая, горѣвшая фосфорнымъ пламенемъ, но холодная вода. Она-ли это бросала на все лазурный отблескъ, или своды и скалистыя стѣны свѣтились сами? Не находился-ли я въ обители мертвыхъ, въ той обители, которая уготована была моей душѣ? Во всякомъ случаѣ, я былъ не на землѣ. Всѣ предметы вокругъ меня отливали различными голубыми оттѣнками, самъ я тоже былъ окруженъ голубымъ сіяніемъ, какъ будто свѣтился весь. Неподалеку отъ меня поднималась ввысь вырубленная въ скалѣ лѣстница; ступени ея были какъ будто изъ громадныхъ цѣльныхъ сапфировъ. Я взобрался по ней, но передо мною очутилась глухая стѣна. Или я недостоинъ приблизиться къ самой обители небесной? Да, я покинулъ свѣтъ, навлекши на себя гнѣвъ ближняго! Гдѣ же Дженаро, гдѣ гребцы? Я былъ здѣсь одинъ, совсѣмъ одинъ. Я вспомнилъ о матушкѣ, о Доменикѣ, о Францескѣ, о всѣхъ близкихъ моему сердцу и ясно чувствовалъ, что представлявшееся моимъ глазамъ зрѣлище не было миражемъ. Окружавшій меня блескъ существовалъ на самомъ дѣлѣ, какъ и я самъ—живой или мертвый. Въ разсѣлинѣ скалы стоялъ какой-то предметъ. Я дотронулся до него. Это была массивная ваза, наполненная золотыми и серебряными монетами. Я ощупалъ отдѣльныя монеты, и мѣсто, гдѣ я находился, стало для меня еще загадочнѣе. Вдругъ я увидѣлъ надъ водою, недалеко отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ, блестящую голубую звѣзду, бросавшую на воду длинный дрожащій лучъ. Но вотъ звѣзду скрылъ отъ меня какой-то темный предметъ,—по ярко горѣвшей голубой водѣ медленно скользила лодочка, какъ будто вынырнувшая изъ самой глубины водъ. Гребцомъ былъ старикъ. Вода при каждомъ ударѣ веселъ загоралась пурпуромъ. Кромѣ гребца въ лодкѣ сидѣла еще дѣвушка. Оба были до того молчаливы и неподвижны, что, не шевели старикъ вес-

лами, обоихъ можно было бы принять за каменныя изваянія. До слуха моего долетѣлъ глубокій скорбный вздохъ; гдѣ-то я слышалъ его прежде? Лодка описывала полукругъ, приближаясь къ тому мѣску, гдѣ я стоялъ. Старикъ сложилъ весла; дѣвушка встала, воздѣла руки къ небу и съ отчаянною мольбой въ голосѣ произнесла: — Матерь Божія, не оставь меня! Ты повелѣла мнѣ явиться сюда, и я здѣсь!

— Лара!—громко вскрикнулъ я. Это была она. Я узналъ голосъ и лицо слѣпой дѣвушки изъ Пестума.

— Открой мнѣ очи! Дай мнѣ видѣть чудный міръ Божій!—сказала она. Мнѣ показалось, что я слышу голосъ выходца съ того свѣта, и я весь затрепеталъ. Слѣпая требовала отъ меня того міра, существованіе котораго я открылъ ей своимъ пѣніемъ. Уста мои онѣмѣли, я молча простеръ къ ней руки. Она еще разъ воздѣла къ небу свои:—Дай мнѣ!.. простонала она и затѣмъ упала въ лодку. Вода заплескалась вокругъ нея огненными кругами. Старикъ на мгновенье склонился къ дѣвушкѣ, затѣмъ вышелъ на берегъ, долго смотрѣлъ на меня, потомъ начертилъ въ воздухѣ знаменье креста, схватилъ массивную вазу и, поставивъ ее въ лодку, опять занялъ свое мѣсто. Я инстинктивно шагнулъ за нимъ. Онъ вперилъ въ меня какой-то странный взоръ, взялся за весла, и мы поплыли по направленію къ лучезарной звѣздѣ. Холодный вѣтеръ дулъ намъ на встрѣчу. Я наклонился надъ Ларой. Вотъ мы проплыли черезъ узкое ущелье, и, минуту спустя, увидѣли передъ собою безконечную равнину морскую; позади же насъ вздымались къ небу отвѣсными стѣнами скалы. Почти рядомъ съ ущельемъ находился невысокій и отлогій скатъ, поросшій кустами и темнокрасными цвѣтами. Молодая луна ярко сіяла на небѣ.

Лара поднялась. Я не смѣлъ коснуться ея руки; она представлялась мнѣ неземнымъ существомъ. Мнѣ казалось, что я нахожусь въ царствѣ духовъ, и все, что я вижу—не миражъ, а неземная дѣйствительность.

— Дай мнѣ травъ!—сказала Лара, протягивая руку, и слова ея раздались для меня велѣніемъ духа. Я посмотрѣлъ на зеленые кусты, на красные цвѣты, вышелъ изъ лодки, нарвалъ цвѣтовъ, испускавшихъ какой-то особый ароматъ, и протянулъ букетъ Ларѣ. Тутъ мною опять овладѣла смертельная слабость, я опустился на колѣни, но еще видѣлъ, какъ старикъ, сотворивъ крестное знаменье, взялъ изъ рукъ моихъ цвѣты, перенесъ Лару въ другую лодку, побольше, привязалъ къ ней маленькую, поставилъ паруса и отплылъ. Я протянулъ имъ вслѣдъ руки, но сердце мое сжала холодная рука смерти, и оно словно разорвалось...

— Онъ живъ!—вотъ первыя слова, которыя я услышалъ, придя въ себя. Я открылъ глаза и увидѣлъ Фабіани и Франческу. Кромѣ нихъ возлѣ меня стоялъ еще какой-то незнакомецъ; онъ держалъ меня за руку и серьезно смотрѣлъ на меня. Я лежалъ въ красивой, просторной ком-

натѣ; былъ день. Гдѣ же я находился? Я весь горѣлъ въ жару, и только мало-по-малу мысли мои прояснились, и я могъ узнать подробности своего спасенія.

Не дождавшись вчера вечеромъ насъ съ Дженаро, Фабіани и Франческа очень обезпокоились, тѣмъ болѣе, что и рыбаковъ, гребцовъ нашихъ, не находили нигдѣ; узнавъ же о бывшемъ на морѣ смерчѣ, всѣ сочли насъ погибшими. Немедленно были высланы на поиски двѣ рыбачьи лодки; онѣ объѣхали весь островокъ, но не нашли ни малѣйшихъ слѣдовъ нашего крушенія. Франческа плакала; она всетаки любила меня! Жалѣла она также и Дженаро и бѣдныхъ гребцовъ. Фабіани не могъ успокоиться и рѣшилъ самъ отправиться на поиски, обшарить всѣ малѣйшія ущелья въ скалахъ,—можетъ быть кто-нибудь изъ насъ спасся туда и теперь умиралъ еще худшею смертью отъ голода и страха: ожидать человѣческой помощи было, вѣдь, не откуда. Раннимъ утромъ онъ отплылъ на лодкѣ съ четырьмя бравыми гребцами и осмотрѣлъ всѣ расщелины и пещеры, свободныя отъ воды. Гребцы не хотѣли было подплывать къ заколдованной пещерѣ, но Фабіани приказалъ имъ пристать къ маленькому зеленому скату и, приблизившись къ нему, увидѣлъ въ травѣ распростертаго, безжизненнаго человѣка. Это былъ я. Платье мое уже успѣло высохнуть отъ вѣтра. Они взяли меня въ лодку. Фабіани прикрылъ меня своимъ плащомъ, сталъ растирать мнѣ грудь и руки, и скоро замѣтилъ, что я еще слабо дышу. Меня доставили на берегъ, пригласили доктора и—я ожилъ, а Дженаро и оба гребца такъ и исчезли безъ слѣда. Я долженъ былъ разсказать все, что осталось у меня въ памяти о случившемся съ нами несчастьи, но когда дошелъ до описанія диковинной блестящей пещеры, лодки со старикомъ и слѣпою дѣвушкой, всѣ сказали, что это одна фантазія, бредъ. Мнѣ и самому пришлось, наконецъ, согласиться съ этимъ, а между тѣмъ, видѣніе врѣзалось мнѣ въ память съ яркостью дѣйствительности.

— Вы нашли его возлѣ заколдованной пещеры?—спросилъ врачъ и покачалъ головой.

— Да развѣ, по вашему, это мѣсто обладаетъ какою-нибудь особою силой?—спросилъ Фабіани.

— Природа полна загадокъ!—отвѣтилъ врачъ.—Труднѣйшихъ мы еще не разгадали.

На мои мысли пролился внезапный свѣтъ. Такъ меня нашли возлѣ заколдованной пещеры, въ которой, по разсказамъ гребцовъ, все горитъ огнемъ? Значитъ, волны забросили меня туда? Я вспомнилъ узкое ущелье, черезъ которое мы проплыли. Во снѣ это было или на яву? Не заглянулъ-ли я въ міръ духовъ? Мадонна вновь явила мнѣ свою милость, спасла меня! И мысли мои вернулись къ прекрасной сіяющей пещерѣ, гдѣ анге-

домъ-хранителемъ моимъ явилась Лара. Да, все это была правда, а не миражъ! Я видѣлъ то, что было открыто другими лишь годы спустя и что считается теперь въ числѣ прекраснѣйшихъ чудесъ Италіи—«Лазурный гротъ». Дѣвушка была дѣйствительно слѣпая изъ Пестума, но все это выяснилось лишь впослѣдствіи, тогда же оставалось для меня загадкой. Я сложилъ руки и съ умиленіемъ сталъ думать о моемъ прекрасномъ ангелѣ-хранителѣ—Ларѣ.

Возвращеніе въ Римъ.

Франческа и Фабіани пробыли ради меня въ Капри два лишнихъ дня. Если прежде мнѣ иногда и случалось страдать отъ ихъ обращенія со мной, то теперь они окружали меня такою заботливостью и любовью, что я привязался къ нимъ всѣмъ сердцемъ.—Тебѣ надо вернуться съ нами въ Римъ!—говорили они мнѣ.—Это будетъ благоразумнѣе всего!—Мое чудесное спасеніе и видѣніе въ пещерѣ такъ сильно подѣйствовали на мою экзальтированную натуру, я почувствовалъ себя до того всецѣло въ рукахъ невидимаго Промысла, Который заботливо устраиваетъ все къ лучшему для меня, что сталъ принимать все, даже случайное, за указаніе свыше. Поэтому, когда Франческа ласково пожала мнѣ руку и спросила, не предпочитаю-ли я остаться въ Неаполѣ вмѣстѣ съ Бернардо, я сталъ увѣрять ее, что непремѣнно хочу вернуться въ Римъ.

— Мы пролили бы о тебѣ не мало слезъ, Антоніо!—сказала она, горячо пожимая мою руку.—Доброе ты наше дитя! Мадонна простерла надъ тобой Свою спасительную десницу!

— Eccellenza узнаетъ,—сказалъ Фабіани:—что тотъ Антоніо, на котораго онъ сердился, утонулъ въ Средиземномъ морѣ! Мы же привеземъ ему нашего прежняго, милаго Антоніо!

— Бѣдный Дженаро!—вздохнула Франческа.—У него было прекрасное сердце! Вообще образцовый былъ юноша!

Врачъ провелъ возлѣ меня не мало часовъ. Онъ жилъ собственно въ Неаполѣ и только проѣздомъ былъ въ Капри. На третій день онъ и отправился въ Неаполь вмѣстѣ съ нами. Я, по его словамъ, уже вполнѣ оправился, то-есть физически, а не душевно. Я заглянулъ въ царство мертвыхъ, ощутилъ на своемъ челѣ поцѣлуй ангела смерти, и юная душа моя, какъ мимоза, свернула свои листья. Когда мы вошли въ лодку, и я опять увидѣлъ эту прозрачную водяную глубину, воспоминанія разомъ хлынули въ мою душу. Я вспомнилъ, какъ близокъ я былъ къ смерти, вспомнилъ свое чудесное спасеніе, взглянулъ на солнышко, такъ ласково свѣтившее, на голубое море, жизнь показалась мнѣ такою прекрасною, и—слезы брызнули изъ моихъ глазъ. Всѣ трое—и Фабіани, и Франческа,

и докторъ были заняты только мною; Франческа даже заговорила о моемъ прекрасномъ дарованіи и назвала меня поэтомъ. Докторъ же, узнавъ, что я и импровизаторъ Ченчи—одно лицо, сталъ разсказывать, въ какомъ восторгѣ были всѣ слышавшіе меня друзья его. Вѣтеръ дулъ попутный, и мы, вмѣсто того, чтобы выйти въ Сорренто и затѣмъ сухимъ путемъ направиться въ Неаполь, какъ рѣшено было сначала, поплыли прямо въ Неаполь.

У себя дома я нашелъ три письма. Одно было отъ Федериго; онъ вчера уѣхалъ дня на три въ Искію; это меня огорчило,—я не могъ даже проститься съ нимъ, такъ какъ отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на завтра. Второе письмо было принесено мнѣ, по словамъ швейцара, на другой же день послѣ моего отъѣзда. Я прочелъ его: «Преданное вамъ сердце, желающее вамъ всего хорошаго, ожидаетъ васъ сегодня вечеромъ». Внизу были обозначены улица и номеръ дома, и затѣмъ подписано: «Ваша старая подруга». Третье письмо было написано тѣмъ же почеркомъ и пришло только вчера. «Приходите, Антоніо! Потрясеніе, вызванное нашею послѣднею несчастною встрѣчею, теперь прошло. Приходите скорѣе! Смотрите на все, какъ на недоразумѣніе. Все можетъ еще устроиться прекрасно, только не медлите, приходите!» Подпись была та же. Я сразу рѣшилъ, что оба письма были отъ Санты, хотя свиданіе и было назначено ею не въ своемъ домѣ. Я не хотѣлъ больше видѣться съ нею и сейчасъ же написалъ ея мужу коротенькое вѣжливое письмецо, въ которомъ извѣщалъ его о своемъ поспѣшномъ отъѣздѣ изъ Неаполя, не позволяющемъ мнѣ зайти къ нимъ проститься, благодарилъ его и супругу его за доброе отношеніе ко мнѣ и просилъ не забывать меня. Федериго я тоже оставилъ записочку, нообѣщавъ въ ней сообщить ему обо всемъ подробно изъ Рима, такъ какъ теперь я не въ такомъ настроеніи, чтобы писать. Я рѣшилъ никуда не ходить, не желая встрѣтиться съ Бернардо или съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ новыхъ друзей, и навѣстилъ только своего доктора. Мы поѣхали къ нему вмѣстѣ съ Фабіани. Жилъ докторъ очень уютно и мило; хозяйствомъ завѣдывала его старшая сестра, старая дѣвушка. Она сразу понравилась мнѣ своею прямотой и сердечностью; глядя на нее, я вспоминалъ старую Доменику, но эта, конечно, стояла куда ниже сестры доктора и по уму, и по образованію.

На слѣдующее утро, послѣднее утро моего пребыванія въ Неаполѣ, я тоскливо устремилъ взоры на Везувій. Увы! густыя облака окутывали его вершину; вулканъ не сказалъ мнѣ ожидаемаго послѣдняго прости! Море было спокойно и гладко, какъ зеркало. Я вспомнилъ свое видѣнье—Лару въ сіяющей голубой пещерѣ. Скоро и все мое пребываніе въ Неаполѣ превратится въ какое-то видѣніе, мелькнувшее въ вѣчность!.. Я схватился за газету. Мнѣ бросилось въ глаза мое имя. Это былъ критическій отчетъ о моемъ дебютѣ. Я жадно принялся читать его. Кри-

тикъ восторженно отзывался о моей богатой фантазіи и о поэтическомъ дарованьи; я, по его мнѣнію, принадлежалъ къ школѣ Пангетти, и онъ жалѣлъ только, что я ужъ черезчуръ рабски слѣдовалъ образцу своего учителя. А я вовсе и не зналъ его, не имѣлъ о немъ ни малѣйшаго представленія! Моими учителями были одна природа, да мое непосредственное чувство. Но сами-то критики такъ рѣдко проявляютъ въ своихъ сужденіяхъ оригинальные взгляды, что и всѣхъ критикуемыхъ считаютъ копіями. Публика оцѣнила мое дарованіе гораздо горячѣе господина критика, хотя онъ и прибавлялъ въ концѣ статьи, что современемъ изъ меня выработается самостоятельный художникъ, такъ какъ во мнѣ и теперь уже замѣтны необычайный талантъ, богатая фантазія, чувство и вдохновеніе. Я спряталъ газету: когда-нибудь она послужитъ мнѣ вещественнымъ доказательствомъ, что не все случившееся со мною въ Неаполѣ было сномъ. Итакъ, я побывалъ въ Неаполѣ, много пережилъ за это время, во многомъ выигралъ и во многомъ проигралъ. Неужели тутъ и конецъ блестящей будущности, предсказанной мнѣ Фульвіей?

Мы выѣхали изъ Неаполя, и скоро онъ скрылся отъ нашихъ взоровъ за густыми виноградниками. Четыре дня ѣхали мы въ Римъ по той же самой дорогѣ, по которой два мѣсяца тому назадъ я ѣхалъ съ Федериго и Сантой. Опять увидѣлъ я Мола ди Гаэта съ ея апельсинными рощами. Теперь деревья были осыпаны душистыми цвѣтами. Я прошелъ въ аллею, гдѣ Санта подслушала исторію моей жизни. Сколько событій совершилось за этотъ краткій промежутокъ времени! Мы проѣхали и черезъ узкій Итри, и я вспомнилъ о Федериго. На границѣ, гдѣ отъ насъ потребовали паспорта, попрежнему тѣснились въ глубокой пещерѣ козы, которыхъ срисовывалъ Федериго, но маленькаго пастушка я на этотъ разъ уже не видѣлъ. Ночью мы прибыли въ городокъ Террачина, а утромъ выѣхали изъ него. Утренній воздухъ былъ необычайно прозраченъ и ясенъ. Я простился съ моремъ, которое ласково прижало меня къ груди своей, убаюкало меня чудными грезами и показало мнѣ образъ красоты—Лару. Вдали, на эфирнопрозрачномъ горизонтѣ, виднѣлась еще синеватая дымящаяся вершина Везувія. «Прощай! Прощай! Домой, въ Римъ! Тамъ ждетъ меня моя могила!» вздохнулъ я, и карета покатилась чрезъ зеленыя болота въ Велетри. Я привѣтствовалъ горы, по которымъ проходилъ вмѣстѣ съ Фульвіей, вновь увидѣлъ Дженцано, проѣхалъ по площади, на которой нашла себѣ смерть моя матушка. Да, тогда я остался бѣднымъ, лишеннымъ всего на свѣтѣ, сиротою, теперь же ѣхалъ въ каретѣ знатнымъ бариномъ, нищіе называли меня Eccellenza! Но былъ-ли я теперь счастливѣе, чѣмъ тогда?.. Мы проѣхали чрезъ Альбани, и предъ нами развернулась Кампанья; у дороги возвышалась могила Асканія, поросшая густымъ плющемъ, дальше же виднѣлись гробницы, куполъ храма св. Петра и Римъ.

— Гляди веселѣе, Антоніо!—сказалъ Фабіани, когда мы въѣхали въ ворота Санъ-Джіовани. Латеранская церковь, высокій обелискъ, Колизей и площадь Траяна—все говорило мнѣ, что я на родинѣ. Событія послѣдняго времени остались позади меня, мелькнули, какъ сонъ, и въ то же время какъ будто унесли изъ моей жизни цѣлый годъ. Какъ здѣсь было тихо, мертво въ сравненіи съ Неаполемъ; какъ не похожа длинная Корсо на Толедо! Вотъ замелькали знакомыя лица. Навстрѣчу намъ попался Аббасъ Дада; онъ узналъ карету и поклонился намъ. На углу улицы Кондотти сидѣлъ Пеппо съ дощечками на рукахъ.

— Вотъ мы и дома!—сказала Франческа.

— Да, дома!—повторилъ я взволнованно. Чрезъ нѣсколько минутъ я долженъ былъ, какъ школьникъ, выслушать наставленія Eccellenza. Встрѣча эта пугала меня, и всетаки мнѣ казалось, что лошади еле двигаются. Но вотъ и палаццо Боргезе. Мнѣ отвели двѣ маленькія комнатки наверху. Я еще не видѣлся съ Eccellenza. Наконецъ, меня позвали къ столу. Я низко поклонился Eccellenza.—Антоніо сядетъ между мною и Франческою!—вотъ первыя слова, которыя я услышалъ отъ него.

Завязался живой и непринужденный разговоръ. Я каждую минуту ожидалъ какого-нибудь упрека, но нѣтъ, ни слова, ни малѣйшаго намека ни на мое бѣгство, ни на гнѣвъ, высказанный Eccellenza въ письмѣ ко мнѣ. Такая доброта трогала меня, я вдвойнѣ чувствовалъ всю ихъ любовь ко мнѣ, но въ иныя минуты гордость моя всетаки возмущалась: меня даже не удостаивали упрека!

Воспитаніе. Маленькая игуменья.

Палаццо Боргезе сдѣлался теперь моимъ роднымъ домомъ; со мною обращались уже гораздо мягче и ласковѣе прежняго, но иногда и теперь еще меня больно задѣвалъ старый оскорбительный тонъ и манера третировать меня; впрочемъ, я, вѣдь, зналъ, что въ сущности-то благодѣтели мои любятъ меня. Они скоро уѣхали изъ Рима, и я остался въ огромномъ палаццо одинъ. Къ зимѣ они вернулись, и все пошло по-старому. Они какъ-то забывали, что я сталъ старше, что я уже не ребенокъ изъ Кампаньи, жадно внимающій каждому слову, какъ самой истинѣ, и не воспитанникъ Іезуитской коллегіи, котораго постоянно надо учить, какъ вести себя.

Эти шесть лѣтъ моей жизни представляются мнѣ бурнымъ моремъ. Благодареніе Богу, что я переплылъ чрезъ него! Живо за мною, читатель! Я въ краткихъ чертахъ нарисую тебѣ общую картину этихъ шести лѣтъ. Это былъ періодъ духовной борьбы, воспитательной ломки; подмастерье третировали, какъ мальчишку, чтобы сдѣлать изъ него мастера.

Меня считали прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, довольно талантливымъ и многообѣщающимъ, а поэтому всѣ такъ охотно и брались воспитывать меня. Благодѣтелямъ моимъ давало на это право мое зависимое положеніе, другіе же просто пользовались моимъ добродушіемъ. Я глубоко чувствовалъ всю горечь своего положенія, но терпѣливо несъ его. Да, вотъ это такъ было воспитаніе! Eccellenza жаловался на недостатокъ основательности во мнѣ; нужды нѣтъ, что я много читалъ: я, вѣдь, высасывалъ изъ книгъ лишь медъ, воспринималъ только то, что было мнѣ на-руку. Друзья дома и мои доброжелатели безпрестанно сравнивали меня съ созданнымъ ими самими идеаломъ человѣка, и мое настоящее «я», конечно, не выдерживало сравненія! Математикъ находилъ, что я страдаю излишкомъ фантазіи и недостаткомъ разсудка. Ученый филологъ упрекалъ меня за то, что я недостаточно занимался латинскимъ языкомъ. Политическій дѣятель постоянно спрашивалъ меня въ присутствіи другихъ о политическихъ новостяхъ, мало интересовавшихъ меня, и спрашивалъ лишь для того, чтобы оскорбить бѣдняка. Молодой дворянчикъ, интересовавшійся только своею верховою лошадью, жаловался на скудость моихъ познаній въ этой области и досадовалъ на меня, заодно съ прочими, за то, что я больше интересуюсь собственною особой, нежели его лошадьми. Одна благородная дама, пріятельница дома Боргезе, сумѣвшая, благодаря своему знатному имени и необыкновенному апломбу, прослыть тонкимъ критикомъ, но въ сущности-то не имѣвшая на это званіе никакихъ правъ, вызывалась просматривать мои стихи и требовала отъ меня, чтобы я доставлялъ ей ихъ переписанными на бумагѣ съ большими полями для отмѣтокъ. Аббасъ Дада смотрѣлъ на меня, какъ на человѣка, нѣкогда подававшаго надежды, но не оправдавшаго ихъ. Первый танцоръ общества презиралъ меня за то, что я не умѣлъ держать себя въ бальной залѣ; ученый педантъ за то, что я ставилъ точку тамъ, гдѣ онъ—точку съ запятой, а Франческа твердила, что меня избаловали чрезмѣрнымъ вниманіемъ и что поэтому она должна быть со мною вдвойнѣ строга. Словомъ, каждый проливалъ свою каплю яда на мое сердце, и я чувствовалъ, что оно въ концѣ-концовъ или зачерствѣетъ, или изойдетъ кровью.

Меня восхищало и увлекало все истинно прекрасное и возвышенное. Въ спокойныя минуты я часто думалъ о своихъ воспитателяхъ, и мнѣ казалось тогда, что они въ природѣ и міровой жизни, которыми я только и жилъ и дышалъ, изображали что-то вродѣ суетливыхъ ремесленниковъ. Самый міръ представлялся мнѣ дѣвушкой-красавицей, которая приковывала къ себѣ мое вниманіе своимъ умомъ, красотою, граціей, словомъ, всѣми своими и внутренними, и внѣшними достоинствами. Но вотъ, сапожникъ кричитъ мнѣ: «Обратите же вниманіе на ея башмаки! Какова работа! Это, вѣдь, главное!» Модистка же настаиваетъ: «Нѣтъ, глав-

ное—это платье! Взгляните только на покрой! Займитесь однимъ платьемъ! Вникните въ его цвѣтъ, изучите его основательно!» «Не то!» перебиваетъ парикмахеръ: «Вы должны разобрать ея прическу!» «Главное, однако, ея рѣчь!» вопитъ въ свою очередь филологъ. «Нѣтъ—манеры!» не соглашается танцмейстеръ. «Господи Боже мой!» вздыхалъ я. «Да меня привлекаетъ въ ней все вмѣстѣ! Я вижу всѣ эти отдѣльныя красоты, но не могу же я въ угоду вамъ сдѣлаться сапожникомъ или портнымъ! Мое призваніе—чувствовать и познавать красоту въ цѣломъ! Не сердитесь же на меня за это и не осуждайте меня, люди добрые!» «А, наша точка зрѣнія для васъ слишкомъ низка! Не довольно высока для вашего поэтическаго генія!» слышу я въ отвѣтъ язвительныя насмѣшки. Да, нѣтъ такого жестокаго животнаго, какъ человѣкъ! Будь я богатъ и независимъ, дѣло живо приняло бы совсѣмъ иной оборотъ. Теперь же всѣ были умнѣе, основательнѣе и благоразумнѣе меня! И вотъ, я научился вѣжливо улыбаться, когда меня душили слезы, почтительно кланяться, когда мнѣ хотѣлось презрительно отвернуться, и со вниманіемъ выслушивать пустую болтовню глупцовъ. Притворство, горечь и отвращеніе къ жизни—вотъ каковы были плоды того воспитанія, которое навязали мнѣ обстоятельства и люди. Мнѣ постоянно указывали на мои недостатки; но развѣ во мнѣ такъ-таки и не было ничего хорошаго? Приходилось самому отыскивать это хорошее и ставить его на видъ людямъ, но тѣ, сами же заставляя меня углубляться въ самого себя, упрекали меня за то, что я слишкомъ ношусь съ самимъ собою! Государственный дѣятель называлъ меня эгоистомъ за то, что я не посвящалъ всего себя тому, что составляло его конекъ. Молодой диллетантъ, любитель искусствъ, родственникъ семейства Боргезе, поучалъ меня, какъ мнѣ слѣдуетъ мыслить, судить и писать, и въ наставленіяхъ его всегда проглядывало желаніе выказать въ присутствіи другихъ свое превосходство надъ бѣднымъ пастушонкомъ, который былъ обязанъ сугубою благодарностью за то, что такой знатный господинъ снисходитъ до него. Дворянчикъ, интересовавшійся только своею конюшнею, считалъ меня препустымъ созданіемъ за то, что я не обращалъ вниманія на его лошадей. Не сами-ли всѣ эти господа были эгоистами? Или, можетъ быть, они были правы? Что-жъ, я, вѣдь, былъ бѣдный сирота, всѣми облагодѣтельствованный! Но если у мени и не было благороднаго имени, то была благородная душа, живо чувствовавшая малѣйшее униженіе. И вотъ, я, готовый прежде привязываться къ людямъ всею душою, превращался мало-по-малу, какъ жена Лота, въ горькій соляной столбъ. Я ожесточался, вооружался упорствомъ; минутами просыпалось во мнѣ и сознаніе моего духовнаго превосходства, но, скованное цѣпями рабства, оно превращалось въ демона высокомѣрія, который уже свысока смотрѣлъ на нелѣпыя выходки моихъ

умныхъ учителей и нашептывалъ мнѣ: «Имя твое будетъ жить и тогда, когда ихъ имена давно будутъ забыты или же будутъ вспоминаться только въ связи съ твоимъ, какъ гуща и капли горечи, попавшія въ твою жизненную чашу». Я вспоминалъ Тассо и тщеславную Леонору, гордый герцогскій дворъ, память о которомъ живетъ еще, единственно благодаря Тассо. Замокъ герцоговъ Феррарскихъ сталъ мусоромъ, а темница поэта—мѣстомъ поклоненія. Я самъ сознавалъ все тщеславіе такихъ разсужденій, но при подобной обстановкѣ и методѣ воспитанія сердце мое или должно было проникнуться тщеславіемъ или истечь кровью. Снисходительность и ободреніе сохранили бы чистоту моихъ помысловъ и мягкость души; каждая ласковая улыбка, каждое привѣтливое слово были бы солнечными лучами, растопляющими ледяную кору тщеславія, но на сердце мнѣ чаще капалъ ядъ, нежели падали солнечные лучи.

Я уже пересталъ быть такимъ добрымъ, какъ прежде, но меня называли превосходнымъ молодымъ человѣкомъ; я ревностно изучалъ литературу, природу, міръ, самого себя, а между тѣмъ, обо мнѣ всетаки говорили: онъ ничему не хочетъ учиться! И такое воспитаніе продолжалось шесть, даже семь лѣтъ! Но въ концѣ шестого года въ жизни моей произошла нѣкоторая перемѣна. Въ эти шесть долгихъ лѣтъ, разумѣется, произошло много событій, гораздо болѣе значительныхъ, нежели тѣ, на которыхъ я останавливался до сихъ поръ, но всѣ они слились въ одну каплю горечи, какою отравляется существованіе каждаго талантливаго человѣка, если онъ не богатъ или не имѣетъ связей.

Я былъ аббатомъ, пріобрѣлъ себѣ въ Римѣ какъ импровизаторъ нѣкоторое имя, такъ какъ не разъ импровизировалъ въ Академіи Тиберина и всегда удостаивался бурныхъ одобреній. Но, какъ справедливо говорила Франческа, академики осыпали похвалами все, что только читалось въ ихъ кругу. Аббасъ Дада игралъ въ академіи выдающуюся роль благодаря своей болтливости и плодовитости своего пера. Коллеги находили его одностороннимъ, ворчливымъ и несправедливымъ и все же терпѣли его въ своей средѣ, а онъ знай себѣ писалъ да писалъ. Онъ просматривалъ мои — какъ онъ выражался — писаныя водяными красками произведенія, но уже не находилъ во мнѣ и слѣда того дарованія, какое видѣлъ въ тѣ времена, когда я еще смиренно преклонялся передъ его сужденіями. Оно, по его мнѣнію, умерло въ самомъ зародышѣ, и друзьямъ моимъ слѣдовало бы не допускать появленія въ свѣтъ моихъ, яко бы поэтическихъ произведеній, а въ сущности-то лишь поэтическихъ уродовъ.—Вся бѣда въ томъ,—говорилъ онъ:—что великіе поэты писали иногда въ очень молодые годы, ну, и онъ туда же за ними!

Объ Аннунціатѣ я ничего не слышалъ; она точно умерла для меня, наложивъ передъ смертью свою холодную руку на мое сердце, чтобы оно

стало еще отзывчивѣе ко всякимъ болѣзненнымъ ощущеніямъ. Мое пребываніе въ Неаполѣ и всѣ вынесенныя оттуда впечатлѣнія являлись теперь въ моей памяти чѣмъ-то вродѣ прекрасной окаменѣлой головы Медузы. Когда дулъ удушливый сирокко, я вспоминалъ морской воздухъ Пестума, Лару и сіяющую пещеру. Стоя, какъ школьникъ, передъ своими учителями и воспитателями мужского и женскаго пола, я вспоминалъ рукоплесканія разбойниковъ въ горахъ и публики въ театрѣ Санъ-Карло. Забившись въ уголокъ, чувствуя себя одинокимъ и чужимъ для всѣхъ, я вспоминалъ о Сантѣ, простиравшей ко мнѣ руки и молившей: «Убей меня. но не уходи!» Такъ прошли шесть долгихъ лѣтъ воспитательнаго искуса; мнѣ исполнилось двадцать шесть лѣтъ.

За все это время я ни разу не видѣлъ малютки Фламиніи, «маленькой игуменьи», какъ прозвали дочь Франчески и Фабіани, которую я носилъ крошкою на рукахъ и потѣшалъ разными смѣшными картинками собственнаго издѣлія. Она съ колыбели была посвящена св. Отцомъ въ невѣсты Христа и воспитывалась въ женскомъ монастырѣ у Кватро Фонтане, откуда ее никогда не выпускали. Самъ Фабіани не видѣлъ ея уже шесть лѣтъ; только Франческа, какъ мать и женщина, могла навѣщать дѣвочку. Фламинія, какъ разсказывали мнѣ, сильно выросла и развилась и физически, и духовно подъ руководствомъ благочестивыхъ сестеръ. Согласно обычаямъ, маленькая игуменья должна была на нѣсколько мѣсяцевъ вернуться къ своимъ родителямъ и насладиться свѣтскими удовольствіями, прежде чѣмъ проститься съ ними навѣки. Такимъ образомъ выборъ между шумнымъ свѣтомъ и тихимъ монастыремъ зависѣлъ какъ будто отъ самой дѣвушки, но, вѣдь, все ея воспитаніе, начиная съ дѣтскихъ игръ въ куклы, одѣтыя монахинями, и кончая безвыходнымъ пребываніемъ въ монастырѣ въ теченіе шести лѣтъ, было направлено къ тому, чтобы она всѣми своими помыслами отдалась монашеской обители. Проходя по Кватро Фонтане, гдѣ находился монастырь, я часто думалъ о милой дѣвочкѣ, которую носилъ на рукахъ. Какъ она, должно быть, перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ тихо текла ея жизнь за стѣнами монастыря! Разъ я побывалъ и въ самой монастырской церкви и слышалъ пѣніе монахинь, стоявшихъ за рѣшеткой. «Тамъ же стоитъ, можетъ быть, и маленькая игуменья!» думалъ я, но не посмѣлъ спросить, принимаютъ-ли пансіонерки участіе въ церковномъ пѣніи. Изъ хора особенно выдѣлялся одинъ удивительно высокій, чистый и звонкій, но какой-то грустный, голосъ. Какъ онъ напоминалъ голосъ Аннунціаты! Я какъ будто услышалъ ее самое, и воспоминанія переполнили мою душу.

— Въ слѣдующій понедѣльникъ пріѣдетъ наша маленькая игуменья!— сказалъ Eccellenza, и я нетерпѣливо сталъ ожидать свиданія съ нею. Она представлялась мнѣ такою же пойманною птичкою, какъ и я самъ;

эту птичку выпускали теперь изъ клѣтки, но съ ниткой на ножкѣ,— пусть насладится свободою! Я встрѣтился съ дѣвушкой въ первый разъ за обѣденнымъ столомъ. Она была высока ростомъ, довольно блѣдная и на первый взглядъ далеко не могла показаться красивою, но все лицо ея дышало какою-то особенною искреннею добротою и кротостью. За обѣдомъ присутствовали лишь нѣкоторые близкіе родственники. Никто не представилъ меня Фламиніи, и сама она, повидимому, не узнала меня, но отзывалась на мои рѣдкія замѣчанія съ такою привѣтливостью, къ какой я вообще не привыкъ. Ей удалось поэтому втянуть меня въ общій разговоръ. Я чувствовалъ, что она не дѣлала никакой разницы между мною и всѣмъ остальнымъ обществомъ,—видно, она не знала, кто я былъ такой! Всѣ были веселы, разсказывали анекдоты и комическія приключенія, и маленькая игуменья много смѣялась. Это ободрило меня, и я рѣшился пустить въ ходъ нѣсколько каламбуровъ, имѣвшихъ въ то время большой успѣхъ въ свѣтскихъ гостинныхъ Рима. Но каламбуры эти насмѣшили только Фламинію, всѣ же остальные даже не улыбнулись и заявили, что такихъ плоскихъ остротъ не стоитъ и повторять. Напрасно я увѣрялъ, что надъ ними смѣются во всѣхъ свѣтскихъ кружкахъ.— Ну, это ужъ ты хватилъ черезъ край!—отвѣтила Франческа.—И какъ могутъ забавлять тебя такія глупости? Чѣмъ только не занимаются люди!— Не скажу, чтобы эти каламбуры особенно занимали меня; я привелъ ихъ только, желая внести въ веселую бесѣду и свою лепту. Замѣчаніе Франчески смутило меня, и я замолчалъ.

Вечеромъ собрались гости, и я скромно держался въ сторонѣ. Вокругъ весельчака Перини образовался большой кружокъ. Перини былъ моихъ лѣтъ, но знатнаго рода, очень веселый и находчивый молодой человѣкъ, обладавшій всѣми свѣтскими талантами; онъ слылъ за остряка и потому все, что онъ ни разсказывалъ, находили необыкновенно забавнымъ и острымъ. Я, хоть и стоялъ въ отдаленіи, слышалъ, какъ всѣ громко смѣялись чему-то, особенно Eccellenza. Я подошелъ поближе и услышалъ тѣ же самые каламбуры, съ которыми я такъ неудачно выступилъ сегодня за обѣдомъ. Перини передавалъ ихъ точь-въ-точь тѣми же словами и съ тѣми же оттѣнками, какъ я, но теперь всѣ смѣялись.

— Это презабавно!—вскричалъ Eccellenza, хлопая въ ладоши.—Не правда-ли?—обратился онъ къ маленькой игуменьѣ, стоявшей рядомъ съ нимъ и тоже отъ души смѣявшейся.

— Да, я ужъ посмѣялась надъ этимъ и за обѣдомъ, когда это разсказывалъ Антоніо!—отозвалась она; въ тонѣ ея не было ни малѣйшей колкости; она сказала это такъ просто, съ своею обычною мягкостью, но я былъ готовъ упасть передъ нею на колѣни.

— Да, да! Это просто прелесть!—подтвердила и Франческа. Сердце

мое такъ и билось въ груди; я отошелъ къ окну и, скрывшись за длинными драпри, жадно вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ.

Я разсказалъ этотъ маленькій эпизодъ для примѣра; подобные случаи бывали чуть-ли не каждый день. Маленькая же игуменья продолжала быть со мною такою же милою и привѣтливою; ея ласковый взоръ какъ будто постоянно просилъ у меня прощенія за вины передо мною другихъ. Я, впрочемъ, долженъ признаться въ своей слабости,—я былъ тщеславенъ, но недостаточно гордъ. Причиною были, вѣроятно, мое низкое происхожденіе, мое первоначальное воспитаніе и несчастная зависимость, принуждавшая меня вѣчно чувствовать себя признательнымъ и благодарнымъ моимъ благодѣтелямъ. Я постоянно вспоминалъ, чѣмъ я имъ обязанъ, и эта мысль сковывала мои уста, смиряла мою гордость. Это, конечно, показывало извѣстное благородство, но и слабость моей души. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ нечего было и думать завоевать себѣ самостоятельное положеніе въ жизни. Всѣ признавали мою добросовѣстность, присущее мнѣ чувство долга, но всѣ въ одинъ голосъ твердили, что геній не способенъ къ серьезному труду; многіе, желая быть вѣжливыми ко мнѣ, прибавляли, что и я для этого слишкомъ талантливъ. Говори они это искренно, во что же они ставили талантливаго человѣка? Итакъ, выходило, что безъ помощи Eccellenza я бы умеръ съ голоду; какъ же мнѣ было не цѣнить его благодѣяній!

Около этого времени я кончилъ большую поэму «Давидъ», въ которую вложилъ всю свою душу. Подъ вліяніемъ воспитательной ломки и воспоминаній о моемъ бѣгствѣ въ Неаполь, о событіяхъ, прережитыхъ тамъ, и о моей несчастной любви, все мое существо еще сильнѣе прониклось склонностью къ поэзіи; минутами вся моя жизнь казалась мнѣ поэмою, героемъ которой былъ я самъ; никакое событіе не казалось мнѣ ничтожнымъ или обыкновеннымъ, даже въ страданіяхъ моихъ и въ несправедливостяхъ, которыя я терпѣлъ отъ другихъ, я находилъ своего рода поэзію.

Я чувствовалъ потребность излить свою душу и нашелъ подходящій сюжетъ въ описаніи жизни Давида. Я живо чувствовалъ, что въ моей поэмѣ было много хорошаго, и душа моя была полна благодарности и любви къ Богу; я не написалъ ни одной хорошей строфы безъ того, чтобы съ дѣтскою искренностью не вознести Ему своей благодарности за милостиво ниспосланный Имъ мнѣ поэтическій даръ. Я былъ до того счастливъ своею поэмою, что уже легче переносилъ обиды окружающихъ, заранѣе представляя себѣ, что, услышавъ ее, они почувствуютъ, какъ были несправедливы ко мнѣ, и вознаградятъ меня двойною любовью. Поэма была окончена; ничей глазъ, кромѣ моего, не видѣлъ еще этого сокровища, на которое я смотрѣлъ, какъ на своего рода Ватиканскаго Аполлона, на чистый, дѣвственный образецъ красоты, извѣстный только Богу,

да мнѣ. Я не могъ дождаться дня, когда прочту ее въ Академіи Тиберина. Никто изъ домашнихъ не долженъ былъ знать о ней до того времени. Но вотъ, однажды, вскорѣ послѣ прибытія маленькой игуменьи, Фабіани и Франческа были со мною такъ ласковы, что я не могъ не открыть имъ своей тайны. Они заявили, что первые желаютъ познакомиться съ моею поэмою. — Кто же стоитъ къ тебѣ ближе, чѣмъ мы?—сказали они. Я согласился, хотя и не безъ нѣкотораго страха и трепета. Въ тотъ вечеръ, когда было назначено чтеніе, какъ нарочно, явился Аббасъ Дада, и Франческа пригласила его сдѣлать мнѣ честь своимъ присутствіемъ. Ничто не могло быть мнѣ непріятнѣе: я зналъ его придирчивость, ворчливость и раздражительность; другіе тоже не особенно увлекались моимъ талантомъ, но вѣра въ поэтическія достоинства моего труда ободряла меня. Маленькая игуменья не скрывала своего удовольствія и любопытства. Право, сердце мое не билось сильнѣе даже въ ту минуту, когда я выступалъ передъ публикою въ театрѣ Санъ-Карло. Дѣло въ томъ, что я надѣялся своею поэмою заставить близкихъ мнѣ людей перемѣнить свое мнѣніе обо мнѣ, заставить ихъ относиться ко мнѣ иначе, собирался, такъ сказать, подвергнуть ихъ нѣкоторой духовной операціи, вотъ почему я и волновался такъ. Мое непосредственное чувство заставляло меня описывать только то, что я пережилъ самъ. Матеріалы для описанія пастушеской жизни Давида дала мнѣ моя собственная жизнь въ Кампаньѣ.

— Да, вѣдь, это ты самъ!—воскликнула Франческа: —Ты описалъ самого себя въ Кампаньѣ!

— Это можно было знать заранѣе!—сказалъ Eccellenza.—Безъ него самого дѣло никогда не обойдется! Да, вотъ ужъ своеобразный даръ у этого человѣка—вѣчно выдвигать впередъ собственную особу!

— Стихи нуждаются въ отдѣлкѣ!—замѣтилъ Аббасъ Дада.—Я бы посовѣтовалъ держаться Гораціева правила: «Пусть лежатъ, лежатъ, пока не созрѣютъ!»

Мнѣ показалось, что у изваянной мною прекрасной статуи отбили руку. Я прочелъ еще нѣсколько строфъ, но услышалъ лишь одни холодныя поверхностныя замѣчанія. Мѣста, въ которыхъ непосредственно вылились мои завѣтныя чувства, были признаны заимствованными у другихъ поэтовъ; вмѣсто ожидаемаго восторга меня встрѣтило одно равнодушіе. Я прервалъ чтеніе на второй пѣснѣ; больше читать я былъ не въ силахъ: мое твореніе, казавшееся мнѣ такимъ прекраснымъ и вдохновеннымъ, валялось теперь передо мною безобразною куклою со стеклянными глазами и искаженными чертами лица. На образъ красоты какъ будто брызнули ядомъ.

— Этотъ Давидъ не побьетъ филистимлянъ!—сказалъ Аббасъ Дада.

Другіе отозвались, однако, что въ поэмѣ есть кое-что хорошее, что я не дурно описываю дѣтскія, непосредственныя чувства. Я молча поклонился, какъ преступникъ милостивымъ судьямъ. Аббасъ Дада еще разъ напомнилъ мнѣ Гораціево правило, но всетаки дружески пожалъ мнѣ руку и назвалъ поэтомъ. Спустя же нѣсколько минутъ, сидя въ конецъ уничтоженный и разстроенный въ углу, я услышалъ, какъ онъ, въ разговорѣ съ Фабіани, назвалъ мое произведеніе невозможною чепухою. Я не могъ вынести такого отношенія ко мнѣ и моему труду и, судорожно сжимая его въ рукахъ, направился въ смежную залу, гдѣ топился каминъ. Всѣ мои мечты были разрушены въ одно мгновеніе; я чувствовалъ себя такимъ ничтожнымъ, такимъ неудачнымъ отраженіемъ Того, по Чьему образу и подобію былъ созданъ. И вотъ, мое возлюбленное созданіе, въ которое я вложилъ свою душу, свои живыя мысли, полетѣло въ огонь.

— Антоніо!—вскричала очутившаяся возлѣ меня маленькая игуменья и бросилась было къ отверстію камина, чтобы выхватить загорѣвшіеся листы, но въ попыхахъ поскользнулась и упала возлѣ самаго огня. Я пережилъ ужасное мгновеніе! Она громко вскрикнула, я бросился къ ней и поднялъ ее. Когда въ комнату испуганно вбѣжали другіе, отъ моей поэмы уже ничего не осталось.

— Іисусъ, Марія!—вскричала Франческа, увидѣвъ лежавшую на моихъ рукахъ смертельно блѣдную маленькую игуменью. Фламинія сейчасъ же подняла голову, улыбнулась и сказала матери:—Я поскользнулась! Но ничего, я только обожгла руку! Не случись тутъ Антоніо, могло бы быть гораздо хуже!—Я стоялъ, какъ преступникъ, не въ состояніи вымолвить ни слова. Фламинія сильно обожгла себѣ лѣвую руку; весь домъ переполошился. Никто не узналъ, что поэма моя сгорѣла, и я все ждалъ, что вотъ-вотъ кто-нибудь да спроситъ о ней, но ошибся. Самъ я не напоминалъ о ней, и другіе не вспоминали. Такъ-таки никто? Никто, кромѣ Фламиніи, добраго генія всей семьи. Ея доброта, ея участіе пробуждали во мнѣ иногда мое прежнее дѣтское довѣріе къ людямъ. Я сильно привязался къ ней. Рука ея болѣла больше двухъ недѣль, бѣдняжка очень страдала отъ обжога, но не меньше страдалъ за нее и я.

— Фламинія! Это я виноватъ во всемъ!—сказалъ я однажды, когда мы сидѣли съ ней вдвоемъ.—Изъ-за меня вы теперь страдаете.

— Антоніо! Ради Бога ни слова объ этомъ!—отвѣтила она.—Ты несправедливо обвиняешь себя: я поскользнулась, и не будь тутъ тебя, дѣйствительно могло случиться несчастье! Я должна благодарить тебя! То же думаютъ и отецъ съ матерью. Они очень любятъ тебя, Антоніо; больше, чѣмъ ты думаешь!

— Я знаю, что я всѣмъ обязанъ имъ!—отвѣтилъ я.—И благодѣянія ихъ съ каждымъ днемъ еще возрастаютъ!

— Не говори объ этомъ, Антоніо! Правда, они обращаются съ тобою по своему, но такъ, по ихъ мнѣнію, и слѣдуетъ. Ты не знаешь, сколько хорошаго разсказывала мнѣ о тебѣ матушка! У всѣхъ у насъ есть недостатки, Антоніо! Ты самъ...—тутъ она остановилась.—Да, какъ у тебя хватило духу бросить въ огонь свою прекрасную поэму?

— Туда ей и дорога!—отвѣтилъ я.—Ее давно слѣдовало сжечь!

Фламинія покачала головой.—Какой же свѣтъ недобрый! Въ моемъ миломъ, тихомъ монастырѣ, у сестеръ, было куда лучше!

— Да, сказалъ я.—Я не такъ добръ и невиненъ, какъ вы; мое сердце дольше помнитъ поднесенныя ему капли горечи, нежели сладкій нектаръ!

— Въ моемъ миломъ монастырѣ было куда лучше, чѣмъ здѣсь, хотя вы всѣ такъ любите меня!—часто повторяла мнѣ Фламинія, когда мы были съ нею одни. Я просто благоговѣлъ передъ нею, видя и чувствуя въ ней ангела-хранителя моей невинности, всѣхъ добрыхъ свойствъ моей души. И, если мнѣ казалось, что теперь и другіе домашніе обходятся со мною мягче, бережнѣе прежняго, то я приписывалъ это единственно ея вліянію. Она охотно бесѣдовала со мною о томъ, что меня больше всего занимало—о поэзіи, божественной поэзіи! Я разсказывалъ ей о великихъ поэтахъ и, увлекаясь самъ, часто увлекалъ своимъ краснорѣчіемъ и ее. Она слушала меня, сложивъ руки и не сводя съ меня глазъ,—истое изображеніе ангела невинности.

— Какой же ты счастливецъ, Антоніо!—говорила она мнѣ.—Ты счастливѣйшій изъ тысячъ смертныхъ, но всетаки, страшно, по моему, до такой степени принадлежать этому міру, какъ ты, какъ каждый поэтъ! Сколько добра можешь ты сдѣлать своимъ словомъ, но и сколько зла!— Она удивлялась также, что поэты постоянно воспѣваютъ земныя страсти и борьбу. Ей казалось, что пророкъ Божій, какимъ является поэтъ, долженъ славить только вѣчнаго Творца и небесныя радости.

— Но поэтъ и славитъ Творца въ Его твореніяхъ!—отвѣтилъ я.— Поэтъ прославляетъ Господа, воспѣвая то, что Онъ сотворилъ для Своего прославленія!

— Нѣтъ, это мнѣ непонятно!—сказала Фламинія.—Я ясно чувствую то, что хочу сказать, но не могу выразить этого. Видишь-ли, поэтъ долженъ, по моему, воспѣвать только вѣчнаго Бога, то-есть все божественное, что вложено въ самого человѣка и во все мірозданье, долженъ направлять наши мысли на небесное, а не на земное!—Затѣмъ, она спросила меня, каково быть поэтомъ, и что я чувствую, когда импровизирую. Я, какъ могъ, объяснилъ ей это душевное состояніе.—Да, возникновеніе идей, мыслей, я еще понимаю!—сказала она.—Онѣ рождаются въ душѣ, ниспосылаются Богомъ; это мы знаемъ всѣ. Но я не понимаю, какимъ образомъ онѣ выливаются въ форму звучныхъ стиховъ!

— Вамъ случалось, конечно,—сказалъ я:—заучивать въ монастырѣ какой-нибудь красивый псаломъ или священную легенду въ стихахъ. И вотъ, часто, когда вы меньше всего думаете о томъ, какой-нибудь случай пробуждаетъ въ васъ идею, имѣющую связь съ тѣмъ или другимъ стихотвореніемъ, которое разомъ и воскресаетъ въ вашей памяти. Вы можете въ такую минуту сказать или написать его слово въ слово; одинъ стихъ, одна риѳма ведетъ за собою слѣдующія, разъ только вы ясно представите себѣ заранѣе самую идею, смыслъ стихотворенія. То же самое бываетъ и съ поэтомъ, и съ импровизаторомъ. По крайней мѣрѣ—со мною. Часто мнѣ кажется, что я вспоминаю что-то давно знакомое мнѣ съ дѣтства, какъ колыбельная пѣсня, и я только повторяю это.

— Какъ часто испытывала нѣчто въ родѣ этого я сама!—вскричала Фламинія.—Но я никогда не могла ни уяснить себѣ, ни выразить своихъ чувствъ! Мною часто овладѣваетъ какая-то странная, необъяснимая тоска!.. Поэтому-то мнѣ и кажется, что мое мѣсто совсѣмъ не здѣсь, въ этомъ шумномъ свѣтѣ. Вся окружающая жизнь кажется мнѣ только какимъ-то страннымъ сномъ. Вотъ почему я такъ и скучаю по моемъ монастырѣ, по моей тихой келейкѣ. Не знаю отчего это, Антоніо, но тамъ я такъ часто видѣла во снѣ своего Божественнаго Жениха и Святую Дѣву, а здѣсь такъ рѣдко. Здѣсь я много думаю о земныхъ радостяхъ и блескѣ, о многомъ дурномъ. Я совсѣмъ ужъ не такъ добра, какъ была прежде, когда жила у сестеръ. И зачѣмъ меня такъ долго держатъ здѣсь? Знаешь что, Антоніо,—тебѣ я могу открыться—я уже не такъ невинна помыслами, какъ была прежде; я полюбила наряды и радуюсь, когда меня находятъ красивою! А въ монастырѣ меня учили, что это занимаетъ только порочныхъ людей!

— Ахъ, если бы я былъ такъ невиненъ, какъ вы!—вздохнулъ я, цѣлуя ея руку. Она разсказала мнѣ также, что помнитъ еще, какъ я танцовалъ съ ней на рукахъ и рисовалъ ей картинки.—Которыя вы, поглядѣвъ на нихъ, рвали въ клочки!—подхватилъ я.

— Да это было нехорошо! Ты не сердился на меня за это?

— Люди разрывали въ клочья лучшія созданія моей души, да я и то не сердился!—сказалъ я, и она ласково погладила меня по щекѣ. Я привязывался къ ней все больше и больше; вѣдь всѣ, кромѣ нея, отталкивали меня отъ себя, она одна принимала во мнѣ сердечное участіе.

Вся семья переѣхала на два лѣтнихъ мѣсяца въ Тиволи. Взяли и меня; вѣроятно, это устроила Фламинія. Чудная природа, роскошныя оливковыя рощи и шумные водопады произвели на меня такое же сильное впечатлѣніе, какъ море, когда я увидѣлъ его впервые изъ Террачина, Я какъ будто ожилъ вдали отъ Рима и сожженной зноемъ Кампаньи; свѣжій воздухъ и видъ горъ, покрытыхъ темными оливковыми

рощами, обновили въ моей душѣ впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ Неаполя. Фламинія охотно каталась съ своею горничной на мулахъ по долинѣ близъ Тиволи; мнѣ было позволено сопровождать ихъ. Фламинія очень любила природу, и мнѣ пришлось набрасывать для нея на бумагу виды живописной мѣстности: безконечную Кампанью съ вырисовывающимся на горизонтѣ куполомъ храма св. Петра, горные склоны, покрытые оливковыми рощами и виноградниками, и городокъ Тиволи, расположенный на высокой скалѣ, изъ-подъ которой съ шумомъ и пѣной низвергались въ бездну водопады.

— Глядѣть отсюда—весь городъ кажется построеннымъ на отдѣльныхъ каменныхъ глыбахъ, которыя вода скоро снесетъ!—сказала Фламинія.—А въ городѣ-то и не думаешь объ этомъ, а прыгаешь себѣ надъ открытою могилою!

— Такъ всегда!—отвѣтилъ я.—Да и счастье, что наша могила скрыта отъ нашего взора. Эти шумящіе водопады, конечно, грозны на видъ, но куда ужаснѣе положеніе Неаполя, подъ которымъ клокочетъ огонь, какъ здѣсь вода!—И я разсказалъ Фламиніи о Везувіи, о своемъ восхожденіи на него, о Геркуланумѣ и Помпеѣ. Она жадно ловила каждое мое слово и дома заставила меня подробнѣе описать всѣ чудеса, видѣнныя мною по ту сторону Понтійскихъ болотъ. Моря она, однако, никакъ представить себѣ не могла; она видѣла его только издали, съ высоты горъ, откуда оно казалось узкой серебряной полосой на горизонтѣ. Тогда я сказалъ ей, что оно похоже на безграничное Божіе небо, раскинувшееся по землѣ. Дѣвушка сложила руки и сказала:—Какъ безконечно прекрасенъ міръ Божій!—«Вотъ потому-то и не надо запираться отъ него въ мрачныхъ стѣнахъ монастыря!» подумалъ я, но не посмѣлъ сказать.

Однажды мы стояли съ нею у древняго храма и смотрѣли внизъ на два огромныхъ водопада, низвергавшихся въ бездну, словно два свѣтлыя облака. Серебристая водяная пыль образовывала между темно-зелеными деревьями высокій столбъ, стремившійся къ голубому небу и отливавшій на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Въ расщелинѣ скалы надъ другимъ водопадомъ, поменьше, свила себѣ гнѣзда стая голубей, и они большими кругами летали надъ нами и водяною массой, шумно разбивавшейся о камни.

— Какая красота!—промолвила Фламинія.—Мнѣ бы хотѣлось послушать, какъ ты импровизируешь Антоніо! Воспой, что видишь вокругъ!—Я вспомнилъ о своихъ завѣтныхъ мечтахъ. разбившихся о людское равнодушіе, какъ разбивались эти водяные потоки о камни, и запѣлъ: «Жизнь похожа на этотъ шумный потокъ, но не въ каждой ея каплѣ отражается солнышко; его сіяніе разлито только, какъ сіяніе красоты, надъ всѣмъ мірозданіемъ!»—Нѣтъ, это слишкомъ печально!—прервала меня Флами-

нія.—Спой лучше въ другой разъ, когда самъ почувствуешь влеченіе. Не знаю, Антоніо, отчего, но я смотрю на тебя совсѣмъ не такъ, какъ на другихъ мужчинъ! Тебѣ я могу высказать все, что думаю, все равно, какъ отцу или матери.—Она, видно, довѣряла мнѣ также, какъ и я ей. А многое хотѣлось мнѣ ей довѣрить! Однажды вечеромъ я и разсказалъ ей кое-что изъ своихъ дѣтскихъ воспоминаній: о приключеніи въ катакомбахъ, о праздникѣ цвѣтовъ въ Дженцано и о смерти моей матери, попавшей подъ карету Eccellenza. Фламинія никогда не слыхала объ этомъ.

— Господи!—вскричала она.—Значитъ, мы виноваты въ твоемъ несчастьи, бѣдный Антоніо! – Она взяла меня за руку и съ состраданіемъ поглядѣла на меня. Старая Доменика очень заинтересовала ее, и она спросила, часто-ли я навѣщаю старушку. Я со стыдомъ признался, что въ послѣдніе годы едва-ли побывалъ у нея больше двухъ разъ; за то я часто видѣлся съ ней въ Римѣ и всякій разъ дѣлился съ нею своими маленькими средствами, но объ этомъ, конечно, не стоило и упоминать.

Фламинія ежедневно просила меня разсказать ей что-нибудь еще, и я, наконецъ, разсказалъ ей исторію всей своей жизни, разсказалъ и о Бернардо, и объ Аннунціатѣ. Она слушала меня, не сводя съ меня своего кроткаго, невиннаго взгляда, проникавшаго мнѣ прямо въ душу, и напоминавшаго мнѣ, что меня слушаетъ сама невинность. Поэтому, передавая ей исторію своего пребыванія въ Неаполѣ, я лишь слегка коснулся тѣневыхъ его сторонъ. Но, какъ ни осторожно разсказалъ я ей о Сантѣ, этой змѣѣ-искусительницѣ, встрѣченной мною въ раю, дѣвушка всетаки содрогнулась отъ ужаса.—Нѣтъ, нѣтъ, туда бы я не желала попасть! Ни чудное море, ни эта огнедышащая гора не могутъ искупить всей грѣховности и порочности этого города. Ты добръ и благочестивъ, потому Мадонна и защитила тебя!—Я вспомнилъ объ изображеніи Божьей Матери, упавшемъ на меня со стѣны въ ту минуту, когда уста мои слились съ устами Санты. Но этого я не могъ разсказать Фламиніи; назвала-ли бы она меня добрымъ и благочестивымъ, если бы узнала объ этомъ? Да, я былъ такъ же грѣшенъ, какъ и всѣ люди; обстоятельства и милость Божьей Матери спасли меня, самъ же я въ минуту искушенія былъ слабъ, какъ и всѣ, кого я зналъ. Лара, напротивъ, очень понравилась Фламиніи по моему описанію.—Да,—сказала она:—только Лара и могла явиться тебѣ въ томъ чудномъ мѣстѣ! Я такъ хорошо представляю себѣ и ее, и эту сіяющую пещеру, гдѣ ты въ послѣдній разъ видѣлъ ее!—Аннунціатѣ же она какъ-то не хотѣла отдать должнаго.— Какъ она могла полюбить этого гадкаго Бернардо? Я бы и не хотѣла, впрочемъ, чтобы она сдѣлалась твоею женой. Женщина, выступающая передъ толпой, женщина... Нѣтъ, я не могу хорошенько высказать того, что чувствую!.. Но, какъ она тамъ ни хороша, ни умна, ни талантлива

въ сравненіи съ другими женщинами, мнѣ бы не хотѣлось, чтобы она вышла за тебя! Вотъ Лара, та была бы для тебя ангеломъ-хранителемъ!

Я долженъ былъ разсказать Фламиніи и о своемъ дебютѣ въ Санъ-Карло, и она нашла, что импровизировать передъ многотысячною театральною публикой было куда страшнѣе, нежели предъ разбойниками въ пещерѣ. Я показалъ ей газету, въ которой былъ помѣщенъ критическій отчетъ о моемъ первомъ дебютѣ. Какъ часто я перечитывалъ его самъ! Эта газета изъ другого города очень заинтересовала Фламинію, и она принялась проглядывать ея столбцы. Вдругъ она взглянула на меня и сказала:—А ты и не сказалъ мнѣ, что Аннунціата была въ Неаполѣ въ одно время съ тобою! Здѣсь напечатано, что она должна была выступить какъ-разъ въ день твоего отъѣзда.

— Аннунціата!—прошепталъ я, впиваясь глазами въ газету, которую столько разъ бралъ въ руки, но всякій разъ прочитывалъ лишь ту статью, гдѣ говорилось обо мнѣ.—Этого я не видѣлъ!—пробормоталъ я, и мы молча поглядѣли другъ на друга.—Да, и слава Богу, что я не встрѣтилъ, не видѣлъ ея,—она, вѣдь, уже не могла принадлежать мнѣ!

— А если бы ты увидѣлся съ нею теперь?—спросила Фламинія.—Ты бы обрадовался?

— Нѣтъ! Кромѣ боли и горя я ничего бы не испыталъ! Той Аннунціаты, которая плѣнила меня, идеальный образъ которой я еще ношу въ душѣ, я бы уже не нашелъ въ ней! Она явилась бы для меня новымъ существомъ, пробудила бы во мнѣ одни горькія воспоминанія. Нѣтъ! Мнѣ надо забыть ее, смотрѣть на нее, какъ на умершую!

Однажды послѣ обѣда, въ жаркую пору дня, я вошелъ въ большую залу, окна которой были густо увиты зелеными ползучими растеніями. Фламинія сидѣла у окна, опершись щекой на руку, и дремала. Сонъ ея былъ такъ легокъ, что она, казалось, закрыла глаза только шутя. Грудь ея тихо поднималась. «Лара!» вдругъ прошептала она. Ей вѣроятно, приснилось мое видѣніе въ сіяющей пещерѣ. На губахъ ея заиграла улыбка, и она открыла глаза.

— Антоніо!—сказала она.—А я заснула, и знаешь, кого видѣла во снѣ?—Лару!—отвѣтилъ я; сама Фламинія съ закрытыми глазами невольно напомнила мнѣ слѣпую красавицу.—Да!—подтвердила она.—Мы летѣли вмѣстѣ съ нею надъ огромнымъ чуднымъ моремъ, о которомъ ты мнѣ разсказывалъ. Изъ средины его поднималась гора, и на ней сидѣлъ ты, такой грустный, какимъ часто бываешь. «Слетимъ къ нему!» сказала Лара и стала опускаться. Я хотѣла послѣдовать за нею, но воздухъ не давалъ мнѣ опуститься, и каждый взмахъ крыльевъ вмѣсто того, чтобы приблизить меня къ ней, только удалялъ отъ нея еще больше. Но вотъ.

когда я думала, что мы удалены другъ отъ друга на тысячу миль, она вдругъ очутилась возлѣ меня, и ты тоже!

— Такъ мы всѣ соединимся послѣ смерти!—сказалъ я.—Смерть богата! Она можетъ дать намъ все, что дорого нашему сердцу!—И я заговорилъ о своихъ дорогихъ умершихъ—какъ умершихъ въ дѣйствительности, такъ и умершихъ для моей любви. И не разъ возвращался я въ разговорѣ съ Фламиніей къ этимъ воспоминаніямъ, а она однажды спросила меня буду-ли я вспоминать и ее, когда мы разстанемся? Скоро, вѣдь, она удалится въ монастырь, сдѣлается монахиней, невѣстой Христа, и мы уже никогда не увидимся больше! При одной мысли объ этомъ сердце мое мучительно сжалось, и я живо почувствовалъ, насколько дорога мнѣ Фламинія. Разъ мы гуляли съ ней и ея матерью по саду виллы д'Эсте. Проходя по аллеѣ изъ темныхъ кипарисовъ, украшенной фонтанами, мы увидѣли оборваннаго нищаго, половшаго дорожку. Онъ попросилъ у насъ байоко. Я далъ ему паоло, Фламинія съ ласковою улыбкой подала ему такую же монету. «Да благословитъ Мадонна молодого барина и его прекрасную невѣсту!» закричалъ онъ намъ вслѣдъ. Франческа громко засмѣялась, а меня какъ будто варомъ обварило; я боялся даже взглянуть на Фламинію. Въ душѣ моей невольно пробудилась мысль, въ которой я не смѣлъ признаться даже самому себѣ. Привязанность къ Фламиніи медленно, но прочно пустила корни въ моемъ сердцѣ, и я чувствовалъ, что оно истечетъ кровью при разлукѣ съ нею. Она была теперь единственною моею земною привязанностью. Не любовью-ли? Можетъ быть, я любилъ ее? Но чувство, которое я питалъ къ ней, не походило ни на то, которое пробудила въ душѣ моей Аннунціата, ни на то, которое внушила мнѣ красота Лары, оба же эти послѣднія чувства были сродни между собою. Аннунціата плѣнила меня своимъ умомъ и наружностью, Лара съ перваго же взгляда ослѣпила своей красотой; совсѣмъ иначе любилъ я Фламинію. Я питалъ къ ней не дикую, жгучую страсть, а дружбу, живѣйшую братскую любовь. Припоминая свои отношенія къ ея роднымъ и ихъ намѣренія относительно ея судьбы, я приходилъ въ отчаянье: я долженъ былъ разстаться съ нею, а она была для меня дороже всего на свѣтѣ! Но я не чувствовалъ ни желанія прижать ее къ своему сердцу, ни поцѣловать, какъ Аннунціату или какъ совсѣмъ чужую мнѣ слѣпую дѣвушку. «Да благословитъ Мадонна молодого барина и его прекрасную невѣсту!» Эти слова не переставали раздаваться въ моихъ ушахъ; я старался прочесть въ глазахъ Фламиніи малѣйшее ея желаніе, ходилъ за ней по пятамъ, какъ тѣнь. Въ присутствіи другихъ я чувствовалъ себя разстроеннымъ, грустнымъ, скованнымъ тысячью цѣпей, становился молчаливъ и разсѣянъ и только наединѣ съ Фламиніей вновь обрѣталъ даръ слова. Я такъ любилъ ее и долженъ былъ лишиться ея!

— Антоніо! Что съ тобой?—спрашивала она меня.—Боленъ ты, или что-нибудь случилось съ тобой, чего я не должна знать? Почему?—Она привязалась ко мнѣ всею душой, видѣла во мнѣ вѣрнаго, любящаго брата, а я-то всегда всѣми силами старался пробудить въ ней любовь къ этому міру! Я разсказалъ ей, какъ самъ когда-то хотѣлъ поступить въ монастырь и какъ несчастенъ былъ бы я теперь, если бы выполнилъ свое намѣреніе: рано или поздно сердце, вѣдь, должно заговорить.

— Ну, а я буду такъ счастлива, когда вернусь къ моимъ благочестивымъ сестрамъ!—сказала она.—Только тамъ я опять буду чувствовать себя, какъ дома! Но я часто стану вспоминать о времени, проведенномъ въ мірѣ, и обо всемъ томъ, что разсказывалъ мнѣ ты, о тебѣ самомъ и о твоей дружбѣ ко мнѣ. Я уже заранѣе утѣшаюсь этими прекрасными мечтами! Я буду молиться за тебя, молиться о твоемъ счастьѣ и о томъ, чтобы этотъ дурной свѣтъ не испортилъ тебя, о томъ, чтобы ты радовалъ людей своимъ талантомъ и никогда не переставалъ чувствовать доброту и милость Господа къ тебѣ и ко всѣмъ людямъ! — Тутъ слезы брызнули у меня изъ глазъ, я глубоко вздохнулъ и сказалъ:—Такъ мы никогда, никогда не увидимся больше?—Увидимся на небѣ!—отвѣтила она съ кроткою улыбкою.—Тамъ ты покажешь мнѣ Лару! Тамъ она вновь обрѣтетъ свѣтъ очей! Да, на небѣ у Мадонны лучше всего!

Мы опять переѣхали въ Римъ; прошло еще нѣсколько недѣль, и домашніе стали поговаривать о томъ, что скоро Фламинія вернется въ монастырь и приметъ постриженіе. Сердце мое ныло отъ боли, но я долженъ былъ скрывать свои чувства. Какъ пусто, печально будетъ въ домѣ, когда она уѣдетъ, какимъ одинокимъ, чужимъ для всѣхъ останусь я опять! Какое горе! Я старался, однако, скрывать его и казаться веселымъ. Родные говорили о пышной церемоніи постриженія дѣвушки, словно дѣло шло о какомъ-то радостномъ событіи. Но какъ она сама могла рѣшиться покинуть насъ? Увы! Они околдовали ее, овладѣли ея чувствами, ея разумомъ! И вотъ, прекрасные длинные волосы ея падутъ подъ ножницами, на нее на живую надѣнутъ саванъ, колокола зазвонятъ къ погребенію, и затѣмъ она возстанетъ изъ гроба уже невѣстою Христа. Я нарисовалъ эту картину самой Фламиніи и заклиналъ ее подумать хорошенько о томъ, что̀ она собирается сдѣлать — зарыть себя живою въ могилу.—Смотри, не скажи этого при другихъ, Антоніо!—сказала она такимъ серьезнымъ, строгимъ тономъ, какого я еще не слыхалъ отъ нея.—Ты черезчуръ привязанъ къ землѣ! Обращай почаще взоры къ небу!—Тутъ она покраснѣла и схватила меня за руку, будто испугавшись, что говорила со мною черезчуръ рѣзко, затѣмъ ласково прибавила: —Ты, вѣдь, не станешь огорчать меня, Антоніо?

Я упалъ къ ея ногамъ, преклонился передъ нею, какъ передъ святою;

вся моя душа льнула къ ней. Сколько слезъ пролилъ я въ ту ночь! Мое чувство къ ней казалось мнѣ грѣхомъ; она, вѣдь, была невѣстой Христа. День за днемъ смотрѣлъ я на нее и открывалъ въ ней все новыя и новыя достоинства. А она бесѣдовала со мной, какъ сестра съ братомъ, довѣрчиво смотрѣла мнѣ въ глаза, протягивала мнѣ руку и говорила, что соскучилась безъ меня, что очень любитъ меня... Я всѣми силами старался скрыть отъ нея свою скорбь, и мнѣ это удавалось. Лучше было бы мнѣ умереть, чѣмъ страдать такъ, какъ я страдалъ тогда!

Предстоящая разлука съ Фламиніей такъ пугала меня, что злой духъ нашептывалъ мнѣ на ухо: «Ты любишь ее!» И все же я не любилъ ее такъ, какъ любилъ Аннунціату; мое сердце не билось въ ея присутствіи такъ, какъ въ ту минуту, когда я коснулся губами чела Лары. «Скажи Фламиніи, что ты не можешь жить безъ нея,—она, вѣдь, любитъ тебя, какъ брата! Скажи, что любишь ее! Eccellenza и вся семья проклянутъ тебя, выгонятъ тебя на всѣ четыре стороны, но, вѣдь, теряя ее, ты всеравно теряешь все! Выборъ не труденъ!» И какъ часто признаніе готово было сорваться съ моихъ устъ, но сердце замирало, и я безмолвствовалъ. Лихорадочное возбужденіе волновало мою кровь, мой мозгъ.

Въ палаццо уже приготовились къ блестящему балу, празднику цвѣтовъ, въ честь ведомаго на закланіе агнца! Я увидѣлъ Фламинію въ богатомъ нарядѣ; она была безконечно мила.—Веселись же теперь вмѣстѣ со всѣми!—шепнула она мнѣ.—Мнѣ больно видѣть тебя такимъ печальнымъ! Ты будешь причиной того, что я буду жалѣть о мірѣ, когда сдѣлаюсь монахиней, а это грѣхъ, Антоніо! Обѣщай мнѣ преодолѣть свою грусть, обѣщай простить моихъ родителей за то, что они иногда обращаются съ тобой нѣсколько жестко! Они желаютъ тебѣ только добра! Обѣщай мнѣ, что ты не будешь слишкомъ много думать о людскихъ обидахъ и всегда останешься такимъ же добрымъ и благочестивымъ, какъ теперь. Тогда я буду имѣть право думать о тебѣ и молиться за тебя, а Мадонна, вѣдь, такъ добра и милостива!—Слова ея разрывали мнѣ сердце. Я увидѣлся съ ней еще разъ, вечеромъ наканунѣ ея отъѣзда. Она была спокойна, поцѣловала отца, мать и стараго Eccellenza и говорила о разлукѣ съ ними такъ, какъ будто уѣзжала всего на нѣсколько дней.

— Простись же и съ Антоніо!—сказалъ ей Фабіани, который одинъ изъ всѣхъ казался растроганнымъ. Я поспѣшно подошелъ къ ней и наклонился поцѣловать ея руку.—Будь счастливъ, Антоніо!—сказала она. Ея нѣжный, мягкій голосъ вызвалъ у меня на глазахъ слезы; я не помнилъ себя отъ горя. Я, вѣдь, видѣлъ ея милое, кроткое личико въ послѣдній разъ!—Прощай!—сказала она какъ-то беззвучно, наклонилась, поцѣловала меня въ лобъ и прибавила: — Благодарю тебя за твою любовь ко

мнѣ, милый братъ!—Больше я ужъ ничего не помню. Я выбѣжалъ изъ залы, кинулся въ свою комнату и залился слезами. Весь свѣтъ какъ будто померкъ для меня.

И я увидѣлъ ее еще разъ! Солнышко свѣтило такъ весело, такъ ярко, когда родители вели ее разубранную, какъ невѣсту, къ алтарю. Я слышалъ пѣніе, видѣлъ толпу народа, но ясно помню лишь одно блѣдное милое личико Фламиніи. Это самъ ангелъ стоялъ на колѣняхъ передъ алтаремъ! Я видѣлъ, какъ сняли съ ея головы драгоцѣнный вуаль, какъ захватили ножницами ея роскошныя волосы, слышалъ лязгъ ножницъ... Съ дѣвушки сняли богатыя одѣянія, и она завернулась въ саванъ, затѣмъ ее накрыли чернымъ покровомъ съ изображеніемъ череповъ... Раздался погребальный звонъ, монахини стали отпѣвать умершую. Да, Фламинія умерла для этого міра! Вотъ отворилась черная рѣшетка хоръ, показались сестры въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и запѣли новой сестрѣ привѣтствіе. Епископъ протянулъ ей руку, мертвая возстала невѣстою Христа. Ее нарекли Елизаветою. Я видѣлъ, какъ она бросила на толпу прощальный взглядъ, протянула руку ближайшей сестрѣ и переступила за порогъ жизни и свѣта; черная рѣшетка затворилась! Еще разъ мелькнула за рѣшеткой ея тѣнь, край ея платья... потомъ она скрылась отъ меня навсегда.

Доменика. Открытіе. Вечеръ въ Непи. Терни. Пѣсня матроса. Венеція.

Въ палаццо Боргезе шелъ пріемъ поздравленій: Фламинія-Елизавета стала, вѣдь, невѣстой Христа. Принужденная улыбка на устахъ Франчески не скрывала ея печали, въ сердцѣ ея не было того спокойствія, которое выражало ея лицо. Фабіани сказалъ мнѣ растроганнымъ голосомъ:—Ты лишился своей заступницы! Тебѣ есть о чемъ печалиться!.. Фламинія просила меня передать отъ нея нѣсколько скудо старой Доменикѣ. Ты, вѣрно, разсказывалъ ей о старушкѣ? Возьми же эти деньги, это даръ Фламиніи!—Смерть, какъ змѣя, обвилась вокругъ моего сердца, мною овладѣло отвращеніе къ жизни, я падалъ подъ этимъ бременемъ, и самоубійство казалось мнѣ лучшимъ исходомъ. Пустынно, мертво было въ большихъ залахъ. «На свѣжій воздухъ!» думалъ я. «На родину дѣтства, гдѣ слухъ мой ласкали колыбельныя пѣсни Доменики, гдѣ я игралъ и мечталъ ребенкомъ!» И вотъ, предо мною опять раскинулась выжженная солнцемъ Кампанья; ни кустика, ни зеленой былинки, говорившей о жизни и надеждѣ. Желтый Тибръ катилъ свои волны, стремясь исчезнуть въ морѣ. Я вновь увидѣлъ старую гробницу, густо обросшую плющомъ, этотъ маленькій мірокъ, который я въ дѣтствѣ звалъ своимъ. Дверь

стояла открытою; сладкая грусть овладѣла мною при мысли о любви ко мнѣ Доменики и о радости, съ которою она встрѣтитъ меня. Прошелъ уже цѣлый годъ съ тѣхъ поръ, какъ я былъ здѣсь, и почти восемь мѣсяцевъ минуло со времени нашего послѣдняго свиданія съ Доменикою въ Римѣ. Она просила меня поскорѣе навѣстить ее, я часто думалъ и говорилъ о ней съ Фламиніей, но нашъ отъѣздъ въ Тиволи, а по возвращеніи оттуда мое взволнованное душевное состояніе помѣшали мнѣ собраться въ Кампанью. Я уже слышалъ мысленно радостныя восклицанія Доменики, когда она увидитъ меня, и ускорилъ шаги, но, подойдя ближе, сталъ подкрадываться къ гробницѣ потихоньку, чтобы старушка не услышала моихъ шаговъ заранѣе. Вотъ я заглянулъ въ жилое помѣщеніе; на полу былъ разведенъ огонь, и на немъ стоялъ большой желѣзный котелъ; огонь раздувалъ молодой парень. Заслышавъ мои шаги, онъ повернулъ ко мнѣ голову. Это былъ Пьетро, котораго я качалъ малюткою въ колыбели.—Святой Іосифъ!—вскричалъ онъ радостно и вскочилъ.—Вы-ли это, Eccellenza? Давно, давно вы не изволили заглядывать къ намъ!

Я протянулъ ему руку. Онъ хотѣлъ поцѣловать ее.—Не надо, не надо, Пьетро!—сказалъ я.—Да, можно подумать, что я забылъ старыхъ друзей, но нѣтъ!

— Нѣтъ! И бабушка тоже говорила!—подхватилъ онъ.—Мадонна! Какъ бы она обрадовалась, увидя васъ!

— А гдѣ же она?—спросилъ я.

— Ахъ!—вздохнулъ онъ.—Она уже полгода какъ лежитъ въ сырой землѣ! Она умерла въ то время, какъ вы, Eccellenza, были въ Тиволи. Она хворала всего нѣсколько дней, но все время не переставала говорить о своемъ миломъ Антоніо! Простите Eccellenza, что я называю васъ такъ! Она такъ любила васъ! «Ахъ, удалось бы мнѣ еще разочекъ взглянуть на него передъ смертью!» говорила она и такъ тосковала о васъ. Видя, что ей не пережить ночи, я побѣжалъ послѣ обѣда въ Римъ. Я зналъ, что вы не разсердитесь на меня за мою просьбу придти къ умирающей. Но въ Римѣ я узналъ, что вы съ господами уѣхали въ Тиволи. Печально побрелъ я домой и, вернувшись, нашелъ ее ужъ заснувшею навѣки.—Тутъ Пьетро закрылъ глаза руками и заплакалъ. Каждое его слово камнемъ ложилось мнѣ на сердце. Доменика думала обо мнѣ даже на смертномъ одрѣ, а мои мысли блуждали въ это время далеко, далеко отъ нея! Хоть бы я, по крайней мѣрѣ, простился съ ней передъ отъѣздомъ въ Тиволи! Нѣтъ, недобрый я былъ человѣкъ! Я отдалъ Пьетро деньги, посланныя Фламиніей, и все, что было въ моемъ собственномъ кошелькѣ. Онъ упалъ передо мною на колѣни и назвалъ меня своимъ ангеломъ-благодѣтелемъ. Это названіе отозвалось въ моемъ сердцѣ горькою насмѣшкой. Въ еще болѣе грустномъ настроеніи, нравственно унич-

тоженный и разбитый, оставилъ я Кампанью, и самъ не помню, какъ добрался домой.

Три дня пролежалъ я безъ сознанія въ жесточайшемъ жару. Богъ знаетъ, что я говорилъ въ бреду, но Фабіани сталъ часто навѣщать меня, а въ сидѣлки ко мнѣ приставили глухую Фенеллу. Никогда при мнѣ не упоминали о Фламиніи. Больнымъ вернулся я изъ Кампаньи и сейчасъ же слегъ въ постель. Выздоровленіе шло медленно. Напрасно старался я вернуть себѣ утраченныя бодрость и веселость. Прошло уже почти шесть недѣль съ того времени, какъ Фламинію постригли, и тогда только докторъ позволилъ мнѣ выходить. Самъ не знаю, какъ я очутился у воротъ Пія и устремилъ взоръ внизъ на Кватро Фонтане, но пройти мимо монастыря не рѣшался. Спустя нѣсколько дней, меня опять потянуло туда. Это было вечеромъ, въ новолуніе; я увидѣлъ сѣрыя стѣны и огороженныя рѣшеткой окна монастыря—могилы Фламиніи. «Отчего-жъ бы мнѣ и не посѣтить ея могилу?» сказалъ я самому себѣ и нашелъ въ этой мысли оправданіе себѣ. Каждый вечеръ проходилъ я мимо монастыря, говоря случайно встрѣчавшимся мнѣ по дорогѣ знакомымъ, что я люблю прогуливаться въ виллу Альбани. «Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится!» вздыхалъ я внутренно: «Но долго мнѣ не выдержать!».. Разъ въ одинъ темный вечеръ я опять стоялъ возлѣ монастыря; изъ окна одной кельи мерцалъ лучъ свѣта; я прислонился къ углу сосѣдняго дома и, не сводя глазъ съ этого свѣтлаго луча, думалъ о Фламиніи. — Антоніо! — вдругъ раздался за мною чей-то голосъ.—Что ты дѣлаешь здѣсь?—Это былъ Фабіани.—Иди за мною!—прибавилъ онъ. Я послѣдовалъ за нимъ; мы не обмѣнялись за все время пути ни однимъ словомъ. Фабіани зналъ теперь все, какъ и я самъ. Я чувствовалъ себя неблагодарнымъ и не смѣлъ взглянуть на него. Вотъ мы очутились одни въ комнатѣ.—Ты все еще боленъ, Антоніо! —заговорилъ Фабіани какимъ-то особеннымъ, серьезнымъ тономъ.—Тебѣ нужно развлечься, разсѣяться, окунуться въ море жизни. Разъ ты уже попробовалъ свои крылья на свободѣ, и, можетъ быть, съ моей стороны неправильно было вновь засадить птичку въ клѣтку. Человѣку, въ сущности, слѣдуетъ всегда предоставлять свободу: погибнетъ онъ, такъ по крайней мѣрѣ можетъ винить лишь самого себя! Ты уже въ такихъ лѣтахъ, что можешь зажить самостоятельно. Тебѣ полезно было бы проѣхаться; это и докторъ говоритъ. Ты видѣлъ только Неаполь, поѣзжай теперь въ сѣверную Италію. О средствахъ я позабочусь. Такъ-то будетъ лучше!.. Это даже необходимо! И,—прибавилъ онъ серьезнымъ, даже строгимъ тономъ, какого я еще не слыхалъ отъ него: — я убѣжденъ, что ты никогда не забудешь, сколько мы сдѣлали для тебя, никогда не причинишь намъ горя и стыда, повинуясь внушеніямъ слѣпой страсти. Человѣкъ способенъ на все, если хочетъ, если хочетъ только хорошаго!—

Его слова сразили меня, какъ ударомъ молніи; колѣни мои подогнулись. и я поцѣловалъ его руку.—Я знаю,—прибавилъ онъ полунасмѣшливо:— что мы всегда были несправедливы къ тебѣ, слишкомъ строги! Но никто не относился къ тебѣ честнѣе, чистосердечнѣе, чѣмъ мы! Отъ другихъ ты услышишь болѣе ласковыя рѣчи, льстивыя слова, но не услышишь правды, которую мы говорили тебѣ. Съ годъ ты можешь провести въ путешествіи, а затѣмъ покажи намъ, на что ты способенъ, докажи, что мы были несправедливы къ тебѣ!—Съ этими словами онъ оставилъ меня.

«Неужели судьба готовитъ мнѣ еще новыя горести, готовится отравить мою жизнь новымъ ядомъ? Единственный бальзамъ—свобода, возможносгь вырваться на волю, облетѣть Божій міръ, и тотъ пролился на мою глубокую рану, какъ ядъ! Прочь изъ Рима, подальше отъ юга, гдѣ все будитъ во мнѣ воспоминанія, туда, за Аппенины, на сѣверъ, къ снѣжнымъ горамъ! Съ нихъ повѣетъ холодомъ въ мою разгоряченную кровь! На сѣверъ, въ пловучую царицу морей—Венецію! Дай мнѣ Богъ никогда не возвращаться больше въ Римъ, къ могилѣ моихъ воспоминаній! Прощай моя родина!...» Карета покатилась по пустынной Кампаньѣ; вотъ куполъ храма св. Петра скрылся за горами, мы миновали холмъ Соракте и, переваливъ черезъ горы, прибыли въ узкій Непи. Вечеръ былъ ясный, лунный; передъ дверями остеріи проповѣдывалъ монахъ. Толпа набожно повторяла за нимъ слова молитвы и затѣмъ съ пѣніемъ проводила его по улицамъ. Но теперь толпа пугала меня и отталкивала отъ себя. Старые водопроводы, обвитые густыми ползучими растеніями, и темныя оливковыя рощи вокругъ придавали всей мѣстности мрачный колоритъ, соотвѣтствовавшій моему душевному настроенію. Я вышелъ изъ тѣхъ же воротъ, въ которыя въѣхалъ; сейчасъ же за ними начинались величественныя развалины какого-то замка или монастыря; черезъ нихъ пролегала теперь большая проѣзжая дорога. Маленькая тропинка вела въ глубину развалинъ. Я прошелъ мимо небольшой кельи, обросшей плющемъ и Венериными волосами, и вступилъ въ обширную залу; изъ щебня, изъ-подъ подножій колоннъ пробивалась высокая трава; вокругъ большихъ готическихъ оконъ съ кое-гдѣ уцѣлѣвшими осколками разноцвѣтныхъ стеколъ шевелились широкіе виноградные листья. Высокія стѣны поросли мѣстами кустиками. Лучи мѣсяца освѣщали фреску, изображавшую св. Себастіана, пронзеннаго стрѣлами и истекающаго кровью. Въ залѣ безпрерывно гудѣло мощное эхо; я пошелъ на гулъ и, выйдя изъ узкихъ дверей, очутился среди миртовыхъ кустовъ и густыхъ лозъ винограда; тутъ же зіяла глубокая пропасть, въ которую съ шумомъ низвергался пѣнистый водопадъ; лучи мѣсяца играли въ его брызгахъ. Романтичность этой мѣстности поразила бы воображеніе любого прохожаго, но я, подъ впечатлѣніемъ угнетавшей меня скорби, можетъ быть, скоро позабылъ бы ее, если бы вслѣдъ за-

тѣмъ не наткнулся на зрѣлище, при видѣ котораго сердце мое облилось кровью. Я пошелъ по узенькой, полузаглохшей дорожкѣ, тянувшейся возлѣ пропасти и выходившей на большую дорогу. Возлѣ самой дороги шла высокая бѣлая стѣна, освѣщенная лучами мѣсяца, и на ней, въ желѣзной клѣткѣ, торчали три блѣдныя головы казненныхъ разбойниковъ, выставленныя, какъ это дѣлалось и въ Римѣ, на воротахъ дель Анджело, въ острастку другимъ. Въ былыя времена видъ этихъ головъ ужаснулъ бы меня, но теперь я остался спокоенъ; страданія дѣлаютъ человѣка философомъ. Удалая головушка, замышлявшая грабежи и убійства, смѣлый горный орелъ сидѣлъ теперь тихо и степенно въ тѣсной клѣткѣ, какъ пойманная птица. Я подошелъ поближе. Разбойники видимо были казнены очень недавно; черты лицъ еще не успѣли измѣниться. Вглядываясь пристальнѣе въ среднюю голову, я почувствовалъ, какъ забилось мое сердце. Это была голова старухи съ бронзовымъ цвѣтомъ лица; глаза были полуоткрыты; длинные сѣдые волосы выбились изъ-за рѣшетки и развѣвались по вѣтру. Я невольно взглянулъ на прибитыя къ стѣнѣ дощечки, на которыхъ, согласно обычаю, обозначались имена и преступленія казненныхъ. Да, на одной изъ нихъ было написано: «Фульвія изъ Фраскати»! Потрясенный до глубины души я отступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ. Такъ вотъ гдѣ мнѣ было суждено вновь увидѣть Фульвію, эту странную старуху, спасшую мнѣ однажды жизнь и доставившую мнѣ средства бѣжать въ Неаполь, моего добраго генія! Эти блѣдныя, посинѣвшія губы, когда-то прикасавшіяся къ моему лбу и пророчески возвѣщавшія толпѣ жизнь и смерть, теперь умолкли навѣки, и безмолвіе ихъ наводило ужасъ. «Ты предсказала мнѣ блестящую будущность. А вотъ орелъ твой лежитъ съ перебитыми крыльями, не достигнувъ солнца! Въ борьбѣ съ несчастьемъ онъ утонулъ со сломаннымъ крыломъ въ глубокомъ озерѣ жизни!» Я залился слезами и съ именемъ Фульвіи на устахъ медленно побрелъ обратно. Никогда не забыть мнѣ этого вечера въ Непи!

На слѣдующее утро мы уѣхали оттуда въ Терни, гдѣ находится величайшій и прекраснѣйшій водопадъ во всей Италіи. Я верхомъ поѣхалъ черезъ густую, темную оливковую рощу, тянувшуюся за городомъ. На вершинахъ горъ висѣли мокрыя облака; весь путь изъ Рима къ сѣверу казался мнѣ мрачнымъ; тутъ не было ни улыбающихся картинъ природы, какъ въ Понтійскихъ болотахъ, ни апельсинныхъ рощъ и цвѣтущихъ пальмъ, какъ въ Террачина. Впрочемъ, можетъ быть, мое собственное душевное настроеніе придавало всему мрачный колоритъ.

Мы проѣхали рощу; между скалами и быстрою рѣкой шла чудная аллея изъ апельсинныхъ деревьевъ. Я уже видѣлъ между деревьями висѣвшее въ воздухѣ облако водяной пыли, переливавшее всѣми цвѣтами

радуги. Мы стали взбираться на гору, продираясь сквозь чащу розмариновыхъ и миртовыхъ кустовъ. Съ вершины горы по отвѣснымъ скаламъ низвергалась огромная масса воды. Рядомъ извивался серебряною лентой меньшій рукавъ той же рѣки, и оба, слившись внизу подъ скалами въ широкій молочный потокъ, устремлялись въ черную бездну. Я вспомнилъ водопады близъ Тиволи, гдѣ я импровизировалъ разъ по просьбѣ Фламиніи. Шумъ этого гигантскаго водопада мощными звуками органа пробуждалъ во мнѣ воспоминанія о моей потерѣ, о моемъ горѣ; разбиваться, умирать, превращаться въ ничто—вотъ удѣлъ дѣтей природы!—Здѣсь разбойники недавно убили одного англичанина!—сказалъ нашъ проводникъ.—Это было дѣло такъ называемой Сабинской шайки, хотя эти черти и разсѣяны по всѣмъ горамъ отъ самаго Рима до Терни. Полиція все гоняется за ними, ну, и поймали троихъ изъ нихъ. Я видѣлъ, какъ ихъ везли въ городъ закованныхъ въ цѣпи. У воротъ сидѣла мудрая Фульвія изъ Сабинскихъ горъ, какъ мы прозвали ее; она была стара и всетаки вѣчно молода, знала много такого, за что любому монаху досталась бы кардинальская шапка. Она предсказала людямъ ихъ судьбу загадочными словами. Послѣ сказывали, что это у нея былъ свой особый, тайный языкъ, что она была съ разбойниками заодно. Ну, вотъ, теперь схватили и старуху, и еще многихъ разбойниковъ. Часъ ея пробилъ! Теперь ея голова скалитъ зубы на воротахъ въ Непи!—Право, и природа, и люди какъ будто сговорились набрасывать на мою душу черную тѣнь! Мнѣ такъ и хотѣлось пронестись черезъ всѣ страны на крыльяхъ вѣтра. Эти мрачныя оливковыя рощи наводили на меня тоску, горы давили меня. «Туда, къ морю, гдѣ вѣетъ свѣжій вѣтеръ! Къ морю, гдѣ одно небо носитъ насъ на себѣ, другое разстилается надъ нашими головами!» Моя кровь была распалена любовью и желаніемъ; дважды вспыхивало въ моей груди это чистое священное пламя. Въ Аннунціату я влюбился съ перваго взгляда, но она полюбила другого. Къ Фламиніи я привязался медленно, она не ослѣпляла, не порабощала меня, но заставила меня оцѣнить ее мало-по-малу, какъ настоящій драгоцѣнный камень. И каждый разъ, когда она дружески протягивала мнѣ для поцѣлуя руку, ласково успокоивала меня и просила не поддаваться гибельнымъ искушеніямъ свѣта, она все глубже вонзала стрѣлу въ мое сердце. Я любилъ ее не какъ невѣсту, и всетаки чувствовалъ, что не могъ бы равнодушно видѣть ее въ объятіяхъ другого. Теперь она умерла, умерла для свѣта, никто другой не прижметъ ея къ своему сердцу, не поцѣлуетъ ея, не будетъ обладать ею. Отъ такого адскаго мученія я былъ всетаки избавленъ. И я старался найти утѣшеніе въ этихъ мысляхъ,—теперь я уже считалъ свое чувство къ Фламиніи настоящею любовью, страстью. А что, если бы мнѣ пришлось увидѣть ее невѣстою какого-нибудь молодого вельможи, быть ежеднев-

нымъ свидѣтелемъ ихъ взаимнаго счастья и замѣчать, что она обходится съ бѣднымъ пастушонкомъ изъ Кампаньи хотя и попрежнему ласково, но уже безъ прежней любви! Вотъ была бы пытка! Нѣтъ, пусть лучше она принадлежитъ монастырю, гдѣ никто не смѣетъ поднять на нее глазъ, никто не видитъ ея! Да, такъ было лучше, утѣшительнѣе. Итакъ, мнѣ еще можно было позавидовать! Другимъ приходится куда горше.

«Къ морю, къ полному чудесъ морю! Вотъ гдѣ откроется мнѣ новый міръ! Въ Венецію, въ этотъ диковинный, пловучій городъ, царствующій надъ Адріатикою! Въ Венецію, но не черезъ эти мрачные лѣса и грозно сдвинутыя горы, а на крыльяхъ вѣтра по мощнымъ волнамъ!» Вотъ о чемъ я мечталъ.

Сначала я предполагалъ прежде всего побывать во Флоренціи и оттуда проѣхать въ Болонью и Феррару, но потомъ измѣнилъ планъ, оставилъ своего веттурино въ Сполето, взялъ мѣсто въ почтовой каретѣ и ночью перевалилъ черезъ Аппенины и миновалъ Лоретто, не завернувъ —да проститъ мнѣ это Мадонна—въ Ея святой храмъ. Еще съ высоты горъ я видѣлъ Адріатическое море, блестѣвшее на горизонтѣ серебряною полосою, но тогда подо мною, словно гигантскія застывшія волны, лежали горы; теперь же взорамъ моимъ представилось голубое открытое море; по волнамъ неслись украшенные флагами корабли всѣхъ странъ и націй. Мнѣ вспомнился при видѣ этой картинѣ Неаполь, но здѣсь не было ни дымящейся вершины Везувія, ни чуднаго Капри. Я переночевалъ тутъ и видѣлъ во снѣ Фульвію и Фламинію. «Пальма твоего счастья скоро зазеленѣетъ!» сказали мнѣ онѣ обѣ, улыбаясь, и я проснулся; занималась заря.

— Синьоръ!—крикнулъ мнѣ слуга гостиницы, гдѣ я ночевалъ:—Корабль готовъ отплыть въ Венецію, но вы вѣрно захотите сначала осмотрѣть нашъ городъ?—Въ Венецію?—воскликнулъ я.—О, нѣтъ, сейчасъ же, сейчасъ же туда!—Меня влекло туда какое-то необъяснимое чувство. Я взошелъ на корабль, положилъ возлѣ себя свой дорожный мѣшокъ и сталъ любоваться безконечнымъ моремъ. «Прощай моя родина!» Теперь только, когда моя нога уже не касалась земли, я чувствовалъ, что дѣйствительно готовлюсь облетѣть міръ Божій. Я зналъ, что въ сѣверной Италіи увижу новыя картины природы. Сама Венеція, эта богато-убранная невѣста моря, не походитъ ни на одинъ изъ другихъ городовъ Италіи. Надо мною уже вѣялъ флагъ съ изображеніемъ крылатаго льва Венеціи,— корабль былъ венеціанскій. Вотъ паруса надулись отъ вѣтра, и берегъ скрылся изъ вида. Я сидѣлъ у праваго борта и не сводилъ глазъ съ голубыхъ волнъ. Неподалеку отъ меня сидѣлъ молодой матросъ и пѣлъ венеціанскую пѣсню о счастьѣ любви и кратковременности земныхъ радостей.

«Цѣлуй пунцовыя уста, завтра ты уже будешь добычею смерти! Люби,

пока сердце твое молодо, пока въ крови горитъ огонь желаній! Сѣдые волосы—цвѣты старости, а въ старости кровь леденѣетъ, огонь страстей потухаетъ. Садись въ легкую гондолу! Никто не увидитъ насъ, моя красавица! Мы закроемъ двери и окна! Никто не увидитъ нашего счастья! Насъ убаюкаютъ волны! Онѣ обнимаются, какъ и мы. Люби, пока кровь горитъ огнемъ юности! О твоемъ счастьѣ узнаетъ лишь нѣмая ночь, да волны! Старость несетъ съ собой мертвящій морозъ и снѣгъ!»

Матросъ пѣлъ, улыбаясь и кивая головою окружающимъ, и тѣ хоромъ подхватили припѣвъ, зовущій къ любви и поцѣлуямъ, пока сердце молодо. Пѣсня была веселая, но для меня она звучала погребальною пѣснью. «Да, годы бѣгутъ, юность уходитъ! Я далъ священному елею любви пролиться на землю, не далъ ему возжечься въ моемъ сердцѣ. Правда, пламя его не погубило никого, но и не освѣтило, и не согрѣло никого! Холоднымъ, темнымъ сойдетъ мое сердце въ могилу. А меня, вѣдь, не связывали никакіе обѣты; почему же мои жаждущія уста не прильнули къ нектару любви?» И меня охватило чувство какого-то недовольства самимъ собою. Не дикій-ли огонь страстей, горѣвшій въ моей груди изсушилъ мой разсудокъ? Мнѣ было горько вспомнить о своемъ бѣгствѣ отъ Санты. «На меня упало изображеніе Мадонны!.. Что-жъ, перержавѣлъ гвоздь, а во мнѣ сейчасъ ужъ и заговорило мое іезуитское воспитаніе, козье молоко въ моихъ жилахъ заставило меня бѣжать, какъ мальчишку отъ розогъ! А какъ хороша была Санта! Я вспомнилъ ея жгучій, полный страсти взоръ и злился на себя все больше и больше. Ахъ, зачѣмъ я не былъ похожъ на Бернардо, на тысячи другихъ мужчинъ, на моихъ молодыхъ знакомыхъ! Никто, никто изъ нихъ не разыгрывалъ изъ себя такого дурака, какъ я! Теперь сердце мое жаждало упиться любовью, чувствомъ, вложеннымъ въ насъ самимъ Творцомъ!.. Что-жъ, я еще молодъ, Венеція городъ веселый, тамъ чудныя женщины!.. А чѣмъ вознаградитъ меня за мою добродѣтель и дѣтскую непорочность свѣтъ? Насмѣшками! Время же несетъ съ собою разочарованіе и сѣдые волосы!» Вотъ какія мысли пробудила во мнѣ венеціанская пѣсня, и я подхватилъ припѣвъ, запѣлъ вмѣстѣ съ другими о любви и поцѣлуяхъ! Ясно, что во мнѣ говорило лихорадочное возбужденіе крови, и Тотъ. Кто вдохнулъ въ меня жизнь и чувства, руководилъ всею моею судьбой, вѣрно милостиво проститъ мнѣ эту минутную слабость! Каждый изъ насъ переживаетъ минуты внутренней борьбы, наплывъ мыслей, въ которыхъ онъ не смѣетъ даже признаться; вѣдь, грѣхъ силенъ, сильнѣе бодрствующаго надъ душой человѣка ангела невинности. Люди, удовлетворившіе влеченіямъ своего сердца, могутъ, конечно, относиться къ такимъ порывамъ философски, но «не осуждайте и не будете осуждены»!.. Да, я чувствовалъ, что въ меня вселился злой духъ. Я не могъ молиться, но скоро

заснулъ, убаюканный качкой корабля, несшагося къ сѣверу, къ роскошной Венеціи.

Утромъ я завидѣлъ ея бѣлые дома и башни, казавшіеся издали стаей кораблей съ распущенными парусами. Налѣво простиралась Ломбардія съ ея плоскими берегами; Альпы казались блѣдно-голубымъ туманомъ, заволакивавшимъ горизонтъ. Вотъ гдѣ небо являлось необъятнымъ!

Утренній вѣтерокъ смягчилъ мое волненіе; я былъ уже спокойнѣе и думалъ о судьбѣ Венеціи, о ея прошломъ величіи и богатствѣ, о ея самостоятельности и могуществѣ, о дожахъ и обрученіи ихъ съ моремъ. Мы приближались къ городу все больше и больше, и я уже различалъ за лагунами отдѣльныя строенія съ желто-сѣрыми стѣнами, не то старыми, не то новыми, смотрѣвшими крайне непривѣтливо. Башню св. Марка я представлялъ себѣ гораздо выше. Мы плыли между твердою землею и лагунами. Какъ все здѣсь было плоско, самый берегъ, казалось, возвышался надъ водяною поверхностью всего на какой-нибудь вершокъ! Группа жалкихъ домиковъ шла уже за цѣлый городъ; тамъ и сямъ росли кусты, а гдѣ и ничего,—одна ровная плоскость. Я думалъ, что мы уже возлѣ самой Венеціи, но она находилась еще на разстояніи цѣлой мили, и насъ отдѣляла отъ нея широкая полоса гладкой мутной воды съ островами изъ тины, на которыхъ не пробивалось и былинки, не могла бы отыскать себѣ точки опоры для ногъ никакая птица. Повсюду были проведены глубокіе каналы, обозначенные рядомъ столбовъ. Вотъ я увидѣлъ и первыя гондолы, узкія, длинныя, быстрыя на ходу, какъ стрѣлы, и всѣ чернаго цвѣта; посреди каждой возвышалась каютка, обитая черною же матеріей; гондолы быстро проносились мимо, словно пловучія погребальныя колесницы. Вода здѣсь уже не была голубого цвѣта, какъ въ открытомъ морѣ или близъ береговъ Неаполя, но грязно-зеленаго. Мы проплыли мимо острова; дома, казалось, выростали здѣсь прямо изъ воды или лѣпились на обломкахъ кораблей. Съ высоты стѣны взиралъ на эту пустыню образъ Мадонны съ Младенцемъ на рукахъ. Мѣстами водяная поверхность представляла подвижныя зеленыя лужайки изъ болотныхъ травъ. Солнце освѣщало Венецію, колокола звонили, но на всемъ лежалъ отпечатокъ смерти, всеобщаго затишья. Въ верфи стоялъ лишь одинъ корабль, людей же я еще не видалъ ни души.

Я сѣлъ въ черную гондолу и поплылъ по пустынной водяной улицѣ. По обѣимъ сторонамъ тянулись высокія зданія; лѣстницы спускались въ самую воду, которая прямо вливалась въ широкія ворота домовъ, такъ что дворы казались какими-то четырехъугольными колодцами; гондола могла вплыть въ нихъ, но повернуться тамъ было уже крайне затруднительно. На нижней части стѣнъ осѣла зеленая тина. Огромные мраморные дворцы, казалось, готовы были рушиться; широкія окна были

заколочены досками, прибитыми къ вызолоченнымъ полусгнившимъ карнизамъ. Да, все исполинское тѣло города какъ будто готово было распасться на части! Жутко было глядѣть! Колокола умолкли, и воцарилась мертвая тишина; слышались только всплески воды подъ веслами; до сихъ поръ я еще не видалъ живой души; великолѣпная Венеція лежала на волнахъ, какъ мертвый лебедь. Мы свернули въ другую улицу; здѣсь черезъ каналъ были переброшены узенькіе каменные мостики; здѣсь, наконецъ, я увидѣлъ и людей, шмыгавшихъ надъ нашими головами между домами или сквозь самые дома, такъ какъ улицъ тутъ я не видалъ.

— Гдѣ же здѣсь ходятъ?—спросилъ я своего гондольера, и онъ указалъ рукою на узенькіе проходы между домами. Люди, живущіе визави, въ шестомъ этажѣ, могли протянуть изъ оконъ другъ другу руки; по самымъ же проходамъ внизу едва могли пробираться въ рядъ двое—трое; ни одинъ солнечный лучъ не проникалъ въ эти лазейки. Но вотъ мы проѣхали это мѣсто, и дальше все опять погрузилось въ мертвую тишину. Такъ вотъ какова, Венеція, невѣста моря, владычица міра! Я увидѣлъ роскошную площадь св. Марка. «Вотъ гдѣ оживленіе!» говорили мнѣ. Но какое же сравненіе съ Неаполемъ, даже съ Римомъ и его многолюдною Корсо! А, между тѣмъ, площадь св. Марка все же сердце Венеціи, которое еще бьется. Книжные и эстампные магазины и галантерейныя лавки украшали длинныя сводчатыя галлереи, но особеннаго оживленія въ нихъ не было замѣтно. Нѣсколько грековъ и турокъ въ пестрыхъ одѣяніяхъ и съ длинными трубками во рту молча сидѣли у дверей кофеенъ. Солнечные лучи играли на золотыхъ куполахъ храма св. Марка и на великолѣпныхъ бронзовыхъ коняхъ надъ порталомъ. На красныхъ мачтахъ Кипра, Кандіи и Мореи висѣли безъ движенія флаги. На большой площади кишмя кишѣли голуби. Я побывалъ и на мосту Ріальто, главной артеріи города, говорящей, что въ немъ еще есть жизнь. Скоро я понялъ сердцемъ величавую картину печали Венеціи; въ ней какъ будто отражалась моя собственная печаль. Мнѣ казалось, что я все еще на морѣ, только пересѣлъ съ маленькаго корабля на большой, вродѣ ковчега. Когда насталъ вечеръ, взошла луна, и отъ домовъ потянулись длинныя дрожащія тѣни, я почувствовалъ себя какъ-то болѣе освоившимся съ окружающею обстановкою; только въ полночный часъ появленія привидѣній могъ я, наконецъ, приглядѣться къ мертвой невѣстѣ моря. Я стоялъ у открытаго окна, черная гондола быстро скользила по темной водѣ, освѣщенной кое-гдѣ лучами мѣсяца. Я вспомнилъ пѣсню матроса о любви и поцѣлуяхъ, и въ душѣ у меня поднялось горькое чувство противъ Аннунціаты, которая могла предпочесть мнѣ легкомысленнаго Бернардо. И за что? Можетъ быть, именно за его пикантное легкомысліе! Вотъ каковы женщины! Я сердился даже на кроткую, невинную Фламинію.

Тишина и спокойствіе монастырской кельи были ей дороже моей сильной братской любви! Нѣтъ, нѣтъ, я не люблю больше ни ту, ни другую. Не хочу и думать ни о той, ни о другой! И, какъ падшій духъ, мысль моя витала возлѣ образа чистѣйшей красоты—Лары, и дщери соблазна—Санты. Я сѣлъ въ гондолу, и мы поплыли по городу. Гребцы затянули свои пѣсни, но уже не изъ «Освобожденнаго Іерусалима»; венеціанцы забыли даже свои излюбленныя старинныя мелодіи съ тѣхъ поръ, какъ вымерли дожи, и чужеземцы, связавъ венеціанскому льву крылья, впрягли его въ свою тріумфальную колесницу. «Я хочу жить! Наслаждаться жизнью, осушить чашу наслажденій до дна!» сказалъ я самому себѣ, и гондола остановилась. Мы причалили къ гостиницѣ, гдѣ я жилъ. Я вышелъ изъ гондолы и поднялся къ себѣ въ комнату. Такъ прошелъ первый день моего пребыванія въ Венеціи.

Буря. Вечеръ у моего банкира. Племянница Подесты.

Рекомендательныя письма, привезенныя мною изъ Рима, доставили мнѣ въ Венеціи и знакомыхъ, и такъ называемыхъ друзей. Величали меня здѣсь синьоромъ аббатомъ; никто не вызывался поучать меня; всѣ охотно слушали меня и признавали за мной таланты. Отъ Eccellenza и Франчески мнѣ все больше приходилось выслушивать непріятные и оскорбительные отзывы обо мнѣ другихъ лицъ; благодѣтелямъ моимъ какъ будто пріятно было доказывать мнѣ, что у меня столько недоброжелателей. Здѣсь уже ничего подобнаго не было, но значитъ, здѣсь у меня и не было искреннихъ друзей,—вѣдь, это ихъ привиллегія говорить непріятности. Зато я больше не чувствовалъ здѣсь на себѣ и цѣпей зависимости, тяжесть которыхъ не въ силахъ была облегчить мнѣ даже доброта Фламиніи.

Я посѣтилъ роскошный дворецъ дожей, побродилъ по пустыннымъ великолѣпнымъ заламъ и осмотрѣлъ залу засѣданія инквизиторовъ, въ которой висѣла ужасная картина, изображавшая мученія грѣшниковъ въ аду. Потомъ я прошелъ по узкой галлереѣ на закрытый мостъ, помѣщавшійся подъ самою крышей зданія и переброшенный черезъ каналъ, по которому скользили гондолы. Этотъ мостъ, «Мостъ Вздоховъ», соединялъ дворецъ дожей съ венеціанскими темницами. Верхнія темницы съ толстыми желѣзными рѣшетками, слабо освѣщаемыя лампой, висящею въ корридорѣ, кажутся всетаки просторными и свѣтлыми покоями въ сравненіи съ нижними, находившимися за покрытыми плѣсенью подъемными дверями, глубоко подъ землею, ниже уровня воды въ каналахъ. Вотъ гдѣ должны были томиться несчастные плѣнники, царапавшіе на мокрыхъ стѣнахъ свои жалобы! На воздухъ, на воздухъ скорѣе! И я сѣлъ въ гондолу, стрѣлою умчавшую меня отъ этого ужаснаго блѣдно-краснаго стараго

дворца къ лагунамъ и Лидо, гдѣ я могъ вдохнуть въ себя свѣжій морской воздухъ. Скоро я очутился возлѣ кладбища. Здѣсь, на узкой полоскѣ земли, хоронили иностранцевъ-протестантовъ, умиравшихъ вдали отъ родины; волны омывали кладбище и мало-по-малу уносили въ море послѣднія остатки земли. Изъ песку торчали бѣлыя кости покойниковъ, которыхъ оплакивалъ здѣсь только прибой. Тутъ часто сидятъ, дожидаясь съ ловли рыбаковъ, ихъ жены и невѣсты. Въ бурю женщины поютъ пѣснь изъ «Освобожденнаго Іерусалима», прислушиваясь, не откликаются-ли имъ съ моря мужскіе голоса. И, пока не заслышитъ издали отвѣтной любовной пѣсни, сидитъ жена или невѣста одна и глядитъ на нѣмое море. Наконецъ, смолкаютъ и ея уста, взоръ видитъ только бѣлыя кости мертвецовъ на берегу, слухъ внемлетъ лишь глухому рокоту волнъ, а ночь все ниже и ниже спускается надъ мертвою, молчаливою Венеціей... Вотъ какую картину рисовалъ я себѣ, проплывая мимо кладбища; мое душевное настроеніе сообщало всему мрачный колоритъ. Вся природа казалась мнѣ теперь мрачнымъ величественнымъ храмомъ, въ которомъ можно было мыслить лишь о смерти и мірѣ невидимыхъ святыхъ духовъ. Въ ушахъ моихъ раздавались слова Фламиніи, говорившей, что пророкъ Божій, какимъ является поэтъ, долженъ стремиться воспѣвать только славу и величіе Творца,—вотъ наивысшая тема! Да, безсмертная душа должна и воспѣвать безсмертное; блестки же минуты, переливающіеся разными красками, и исчезаютъ вмѣстѣ съ породившею ихъ минутою! И я ощутилъ въ душѣ былое вдохновеніе, она какъ будто снова готова была воспарить къ небу, но скоро опять безпомощно опустила крылья. Молча сидѣлъ я въ гондолѣ, направлявшейся къ острову Лидо. Передо мною уже разстилалось открытое море; по морю ходили большія волны; мнѣ вспомнился заливъ у береговъ Амальфи.

Я вышелъ на берегъ. Здѣсь, между камнями, опутанными водорослями, сидѣлъ молодой человѣкъ и набрасывалъ на бумагу эскизъ. Вѣроятно, это былъ художникъ-иностранецъ, но онъ показался мнѣ знакомымъ, и я подошелъ къ нему поближе. Онъ всталъ; оказалось, что я не ошибся: это былъ Поджіо, молодой венеціанскій дворянинъ, котораго я не разъ встрѣчалъ въ обществѣ.—Синьоръ!—вскричалъ онъ.—Вы на Лидо! Красота-ли моря или... другія красоты привлекли васъ сюда на самый берегъ сердитаго Адріатическаго моря?—Мы поздоровались. Я зналъ, что Поджіо былъ не богатъ, но очень талантливъ; на видъ онъ былъ счастливый, беззаботный человѣкъ, почти весельчакъ, но мнѣ передавали по секрету, что въ душѣ онъ былъ величайшимъ мизантропомъ. По рѣчамъ можно было принять его за человѣка легкомысленнаго, а на самомъ-то дѣлѣ онъ былъ олицетвореннымъ цѣломудріемъ; изъ разговоровъ его можно было заключить, что онъ избралъ себѣ образцомъ Донъ-

Жуана, а на дѣлѣ онъ боролся со всякимъ искушеніемъ, какъ св. Антоній. Поговаривали, что онъ таилъ въ душѣ глубокое горе, но что было причиною—недостатокъ-ли средствъ, или несчастная любовь? Этого никто навѣрное не зналъ, хотя онъ, казалось, и былъ со всѣми вполнѣ откровененъ, не могъ утаить въ себѣ ни одной мысли, словомъ, на видъ онъ былъ болтливое, простодушное дитя, а на дѣлѣ всетаки оставался для всѣхъ загадкой. Немудрено, что онъ очень интересовалъ меня, и встрѣча съ нимъ разогнала мрачныя облака, заволакивавшія мою душу.

— Да, такой вотъ голубой, волнующейся равнины нѣтъ у васъ, въ Римѣ!—сказалъ онъ, указывая на море.—Море—краса земли! Оно же и мать Венеры, и... неутѣшная вдова венеціанскихъ дожей! — прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Венеціанецъ долженъ особенно любить море!—сказалъ я.—Смотрѣть на него, какъ на бабушку, которая баюкаетъ его и играетъ съ нимъ ради своей прекрасной дочери—Венеціи.

— Она уже болѣе не прекрасна! Она склонила голову подъ ярмо!— возразилъ Поджіо.

— Но, вѣдь, она же счастлива подъ скипетромъ императора Франца?

— Почетнѣе быть королевою на морѣ, нежели каріатидой на сушѣ! Однако, венеціанцамъ, кажется, не на что жаловаться. Впрочемъ, я мало смыслю въ политикѣ; другое дѣло въ красотѣ! И если вы—въ чемъ я не сомнѣваюсь—такой же поклонникъ ея, какъ я, то полюбуйтесь вотъ на дочь моей хозяйки! Она идетъ просить васъ раздѣлить со мною мою скромную трапезу.—Мы вошли въ маленькій домикъ на берегу. Вино намъ подали хорошее, и самъ Поджіо былъ такъ милъ и непринужденно веселъ, что никто бы не повѣрилъ будто его сердце истекаетъ втайнѣ кровью. Я просидѣлъ у него часа два, пока не пришелъ мой гребецъ спросить меня, поѣду-ли я сейчасъ обратно,—на морѣ собиралась буря, и между Лидо и Венеціей уже ходили огромныя волны, которыя легко могли опрокинуть легкую гондолу.

— Буря!—воскликнулъ Поджіо.—Давненько я жажду полюбоваться бурею! И вамъ не слѣдуетъ упускать такого случая. А къ вечеру она уляжется. Если же нѣтъ, вы переночуете у меня, и пусть себѣ волны поютъ намъ колыбельныя пѣсни!

— Я безъ труда найду здѣсь себѣ другую гондолу!—сказалъ я гребцу и отпустилъ его. Буря громко застучала въ окно. Мы вышли. Заходящее солнце освѣщало темно-зеленое, взволнованное море; пѣнистые гребни волнъ то взлетали къ облакамъ, то опять ныряли въ бездну. Вдали, на горизонтѣ, гдѣ грозовыя облака громоздились, какъ вулканы, извергавшіе пламя, виднѣлись корабли; скоро, однако, они скрылись изъ виду. Волны стѣною лѣзли на высокій берегъ и обдавали насъ дождемъ соленыхъ брызгъ.

Чѣмъ выше вздымались волны, тѣмъ громче смѣялся Поджіо, хлопалъ въ ладоши и кричалъ «браво». Примѣръ его заразилъ и меня; мое больное сердце какъ-то ожило среди этой смятенной природы. Свечерѣло. Мы вернулись домой. Я велѣлъ хозяйкѣ подать намъ лучшаго вина, и мы стали провозглашать тосты въ честь моря и бури. Поджіо запѣлъ пѣсню о любви, ту самую, которую я слышалъ на кораблѣ.—За здоровье венеціанскихъ красавицъ!—сказалъ я, а Поджіо отвѣтилъ мнѣ тостомъ въ честь римлянокъ. Посторонній принялъ бы насъ въ эту минуту за двухъ беззаботныхъ юношей.

— Римлянки слывутъ первыми красавицами!—сказалъ Поджіо.—А вы что скажете о нихъ? Только будьте искренни!

— Я того же мнѣнія!—отвѣтилъ я.

— Пусть такъ! А все же царица красоты живетъ въ Венеціи!—продолжалъ онъ. Вы еще не видали племянницы Подесты! Болѣе совершенной красавицы нѣтъ на свѣтѣ! Знай Марію Канова, онъ взялъ бы ее моделью для младшей изъ трехъ Грацій. Я видѣлъ ее всего два раза: разъ въ церкви, да разъ въ театрѣ. Всѣ молодыя венеціанцы въ такомъ же восторгѣ отъ нея, какъ и я; разница лишь въ томъ, что они смертельно влюблены въ нее, а я только поклоняюсь ея красотѣ. Она слишкомъ идеальна, небесна для моей чувственной, земной натуры. Но поклоняться-то небесному, вѣдь, можно; не правда-ли, господинъ аббатъ?—Я вспомнилъ о Фламиніи, и моя веселость мгновенно испарилась.—А, вы задумались!—продолжалъ онъ.—Почему? Вино превосходно, а волны и поютъ, и пляшутъ, вторя нашему веселью!

— Развѣ у Подесты не бываетъ пріемныхъ вечеровъ?—спросилъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Очень рѣдко!—отвѣтилъ Поджіо.—Онъ принимаетъ у себя только избранныхъ. Красавица пуглива и дика, какъ газель. Такой стыдливой женщины я еще не знавалъ! Но,—продолжалъ онъ съ насмѣшливою улыбкой:—это, вѣдь, тоже способъ заинтересовать собою! Богъ знаетъ, какова она на самомъ дѣлѣ. Видите-ли, у Подесты было двѣ сестры, съ которыми онъ много лѣтъ не видался. Младшая была замужемъ въ Греціи; она-то, говорятъ, и есть мать красавицы. Другая же до сихъ поръ дѣвица, и старая дѣвица. Эта привезла сюда Марію года четыре тому назадъ.—Внезапно наступившій мракъ заставилъ его прервать рѣчь. Вслѣдъ затѣмъ надъ нами блеснула молнія и загремѣлъ громъ. Мнѣ вспомнилось изверженіе Везувія. Мы невольно склонили головы и сотворили крестное знаменіе.

— Іисусъ, Марія!—вскричала вошедшая къ намъ хозяйка.—Вотъ ужасъ-то! Шестеро изъ лучшихъ нашихъ рыбаковъ теперь въ морѣ! Защити ихъ Мадонна! У бѣдной Агнессы пятеро ребятъ! Вотъ будетъ несчастье!—

Сквозь завыванія бури прорывались напѣвы псалмовъ. На берегу стояла толпа женщинъ и дѣтей съ крестомъ въ рукахъ. Одна молодая женщина сидѣла молча, устремивъ взоры на море; у груди ея лежалъ ребенокъ; другой, постарше, прислонился головкой къ ея колѣнямъ. Блеснуло еще нѣсколько сильныхъ молній; затѣмъ гроза какъ будто удалилась; горизонтъ просвѣтлѣлъ.

— Вотъ они!—вскричала вдругъ женщина, вскочила и указала на черную точку вдали, которая становилась все виднѣе и виднѣе.

— Смилуйся надъ ними Мадонна!—вырвалось у стараго рыбака, стоявшаго возлѣ, и онъ молитвенно сложилъ руки. Въ то же мгновеніе точка исчезла въ черной бездиѣ моря; старикъ не ошибся. Раздались вопли отчаянія и, по мѣрѣ того, какъ море утихало, небо прояснялось, и увѣренность въ гибели рыбаковъ возрастала, становились все громче и громче. Ребятишки уронили святой крестъ на песокъ и съ плачемъ прижались къ матерямъ. Старый рыбакъ поднялъ крестъ и, поцѣловавъ ноги Спасителя, высоко поднялъ распятіе къ небу, призывая Мадонну. Къ полуночи небо совсѣмъ очистилось, море успокоилось, и лучи мѣсяца озарили зеркальную поверхность пролива, отдѣлявшаго Лидо отъ Венеціи. Поджіо сѣлъ со мною въ гондолу, и мы покинули несчастныхъ, которымъ не могли ничѣмъ помочь.

На другой день мы встрѣтились съ Поджіо на вечерѣ у моего банкира, одного изъ первыхъ богачей Венеціи. Общество собралось большое, но изъ дамъ я не зналъ никого, да и не интересовался никѣмъ. Разговоръ зашелъ о вчерашней бурѣ. Поджіо началъ разсказывать о гибели рыбаковъ, о несчастныхъ сиротахъ и довольно ясно намекнулъ, какъ легко было бы обществу смягчить горе бѣдняковъ: стоило каждому внести посильную лепту, и составилась бы довольно значительная сумма для помощи имъ. Никто какъ будто не понялъ его; всѣ ограничились сожалѣніями, пожиманіемъ плечъ, и затѣмъ разговоръ перешелъ на другое. Нѣкоторые изъ гостей, обладавшіе разными пріятными талантами, любезно взялись развлечь общество. Поджіо спѣлъ веселую баркароллу, но мнѣ казалось, что въ его вѣжливой улыбкѣ проглядывала какая-то горечь и порицаніе этого знатнаго общества, не поддавшагося его краснорѣчію.

— А вы не поете?—спросила меня хозяйка дома, когда Поджіо кончилъ.

— Я буду имѣть честь импровизировать!—сказалъ я, осѣненный внезапною мыслью. «Онъ—импровизаторъ!» зашептались вокругъ меня; глаза дамъ засіяли, мужчины приготовились слушать; я взялъ гитару и попросилъ задать мнѣ тему.—Венеція!—вскричала одна дама, вызывающе глядя мнѣ въ глаза.—Венеція!—подхватила и мужская молодежь,—дама была хороша собою. Я взялъ нѣсколько аккордовъ и сталъ описывать красоту и блескъ Венеціи въ дни ея счастья. Глаза у всѣхъ заблестѣли, словно

я описывалъ настоящее. Думая о Сантѣ и о Ларѣ, я воспѣлъ красавицу. стоящую на балконѣ въ ясную лунную ночь, а каждая дама принимала это на свой счетъ и усердно апплодировала мнѣ. Самъ Сгриччи*) не имѣлъ такого успѣха.

— Племянница Подесты здѣсь!—шепнулъ мнѣ Поджіо. Дальнѣйшей нашей бесѣдѣ помѣшали просьбы, доставить обществу удовольствіе новой импровизаціей. Ко мнѣ подошла цѣлая депутація изъ дамъ, сопровождаемая старымъ вельможею. Я охотно согласился, желая воспользоваться случаемъ описать вчерашнюю бурю и нужду несчастныхъ сиротъ; кто знаетъ, можетъ быть, сила пѣсни сломитъ равнодушіе, съ которымъ не могло справиться краснорѣчіе Поджіо. Мнѣ задали новую тему «Слава Тиціана». Будь онъ маринистомъ, я бы заставилъ его выступить ходатаемъ за бѣдняковъ, но, восхваляя его, я никакъ не могъ перейти на задуманную мною тему. Сюжетъ, между тѣмъ, былъ богатый, и разработка его удалась мнѣ сверхъ ожиданія. Всѣ были въ восторгѣ; я какъ будто воспѣлъ славу себѣ самому.

— Вы счастливѣйшій изъ счастливыхъ!—сказала хозяйка дома.—Вотъ. должно быть, блаженство сознавать въ себѣ такой талантъ, какъ вашъ, и восхищать имъ всѣхъ окружающихъ!

— Да, это большое счастье!—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ воспойте его намъ въ новой прекрасной поэмѣ!—попросила она.—Вамъ это такъ легко, что просто забываешь, какъ нехорошо не давать вамъ отдыха своими просьбами!

— Но я знаю иное чувство,—прибавилъ я:—которое не сравнится ни съ какимъ другимъ. Оно каждаго дѣлаетъ равнымъ поэту по испытываемому имъ блаженству. И мнѣ дана волшебная сила пробуждать его въ сердцахъ. Но даромъ оно никому не дается, за это надо платить!

— Дайте же намъ испытать его!—вскричали всѣ.

— Кладите деньги сюда, на столъ. Кто дастъ больше всѣхъ, испытаетъ наивысшее блаженство!

— Я положу свое золотое кольцо!—живо сказала одна изъ дамъ и. шутя, положила кольцо на столъ.

— А я весь свой сегодняшній выигрышъ!—подхватила другая, подсмѣиваясь надъ моею затѣей.

— Да, вѣдь, это серьезно!—сказалъ я.—Вы уже не получите своихъ вкладовъ обратно.

— Пусть!—сказали нѣкоторые изъ положившихъ на столъ деньги. кольца и цѣпочки, хотя и видно было, что они сомнѣвались въ моемъ искусствѣ.

---

*) Импровизаторъ, современная знаменитость.

— Ну, а если я не испытаю обѣщеннаго счастья, я тоже не получу моихъ двухъ червонцевъ обратно?—спросилъ какой-то пожилой военный.

— Да, вѣдь, дѣло вольное: хотите—рискуйте, хотите—нѣтъ!—сказалъ Поджіо. Я утвердительно кивнулъ головой. Всѣ улыбались и съ нетерпѣніемъ ожидали результатовъ; и вотъ, я началъ свою импровизацію. Мною руководило святое вдохновеніе, я пѣлъ о гордомъ морѣ, женихѣ Венеціи. о сынахъ моря, отважныхъ морякахъ, и о рыбакахъ, носящихся по волнамъ въ утлыхъ челнокахъ. Затѣмъ я описалъ бурю, тоску и страхъ женъ и невѣстъ рыбаковъ, описалъ, что видѣлъ вчера самъ: дѣтей, уронившихъ изъ рукъ святой крестъ и въ отчаяніи прижавшихся къ матерямъ, стараго рыбака, поцѣловавшаго брошенную святыню... Я чувствовалъ въ себѣ присутствіе Бога, моими устами говорилъ Онъ Самъ! Глубокая тишина царствовала въ залѣ; многіе плакали. И вотъ, я повелъ своихъ слушателей въ хижины бѣдняковъ; каждый принесъ посильную лепту, и души несчастныхъ были согрѣты надеждою и утѣшеніемъ! Я пѣлъ о блаженствѣ помогать ближнему, о томъ, что «лучше давать, нежели брать», пѣлъ о радости, наполняющей сердце дающаго. Съ этимъ чувствомъ не можетъ сравниться никакое другое! Въ такія минуты каждый чуетъ въ своемъ сердцѣ присутствіе Бога, какъ и вдохновенный пророкъ Божій—поэтъ! Я пѣлъ, и голосъ мой все крѣпъ, становился все звучнѣе. Всѣ были увлечены; громкое браво огласило залу, когда я, окончивъ импровизацію, вручилъ Поджіо богатые дары для передачи ихъ несчастнымъ.

Вдругъ какая-то молодая дѣвушка упала къ моимъ ногамъ, схватила меня за руку и устремила на меня умиленный и восторженный взглядъ; въ дивныхъ, темныхъ глазахъ ея стояли слезы. Высшаго тріумфа талантъ мой стяжать себѣ не могъ! Взглядъ дѣвушки сильно поразилъ меня; я какъ будто уже видѣлъ это дивное выраженіе во снѣ. — Награди васъ Матерь Божія!—произнесла она и вся вспыхнула, закрыла лицо руками и поспѣшно удалилась, испугавшись своего порыва. Но у кого хватило бы духа посмѣяться надъ чистымъ порывомъ невиннаго сердца! Меня окружили, похвалы сыпались на меня со всѣхъ сторонъ. Всѣ говорили о несчастныхъ семьяхъ и называли меня ихъ благодѣтелемъ. «Лучше давать, нежели брать!» Да. и я позналъ въ тотъ вечеръ эту истину. Поджіо горячо обнялъ меня.—Славный вы человѣкъ!—сказалъ онъ.—Не могу не любить и не уважать васъ! Сама красота почтила васъ! Одинъ взглядъ ея можетъ осчастливить тысячи, а она склонилась передъ вами въ прахъ!

— Кто она?—спросилъ я тихо.

— Первая красавица Венеціи! Племянница Подесты!—отвѣтилъ онъ.

Дивный взглядъ ея и прекрасное лицо навѣки запечатлѣлись въ моей душѣ и будили въ ней какія-то смутныя воспоминанія.—Да, она прекрасна!—невольно сказалъ я, какъ бы самому себѣ.

— Вы не узнаете меня, синьоръ?—спросила, подходя ко мнѣ, какая-то пожилая дама.—Прошло уже нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла честь познакомиться съ вами.—Она улыбнулась, протянула мнѣ руку и поблагодарила за прекрасную импровизацію. Я вѣжливо поклонился; черты ея лица показались мнѣ знакомыми, но гдѣ, когда я видѣлъ ее, оставалось для меня загадкой. Пришлось признаться въ этомъ.—Да, это и понятно!—отвѣтила она.—Мы видѣлись съ вами всего одинъ разъ. Это было въ Неаполѣ, въ домѣ моего брата, врача; вы посѣтили насъ однажды съ родственникомъ князя Боргезе.

— Помню, помню!—сказалъ я.—Теперь и я узналъ васъ. Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ встрѣтить васъ въ Венеціи!

— Братъ мой—докторъ умеръ четыре года тому назадъ! Теперь я живу у старшаго брата. Слуга передастъ вамъ нашу карточку. Племянница моя еще чистое дитя, и странное дитя! Она непремѣнно хочетъ сейчасъ же уѣхать домой! Приходится уступить ей!—Старушка простилась со мной и ушла.

— Счастливецъ!—сказалъ мнѣ Поджіо.—Вѣдь, это сестра Подесты! Вы ее знаете, она пригласила васъ бывать у нихъ, полгорода будетъ завидовать вамъ. Смотрите только, наглухо застегните вашъ фракъ, когда пойдете туда! Надо защитить свое сердце: рѣдко, вѣдь, кто уцѣлѣетъ подъ выстрѣлами непріятельской баттареи!

Красавица уѣхала. Въ порывѣ увлеченія она склонилась къ моимъ ногамъ, но въ ту же минуту въ ней проснулись ея стыдливость и скромность, она почувствовала себя предметомъ всеобщаго вниманія и поспѣшила удалиться. Вслѣдъ ей раздавались однѣ восторженныя похвалы. Она раздѣлила въ этотъ вечеръ мое торжество! Царица красоты плѣнила всѣхъ. Сердце ея было также благородно, какъ и черты лица.

Сознаніе сдѣланнаго мною добраго дѣла освѣтило всю мою душу. Я и гордился, и радовался, сознавая свой поэтическій даръ. Похвалы и сердечныя привѣтствія, наградившія меня за мою импровизацію, растопили ледяную кору, облекавшую мое сердце, и самая душа моя стала какъ будто чище и лучше, когда сердце очистилось отъ этой скорлупы горечи и недовѣрія къ людямъ. Теперь я могъ думать о Фламиніи уже безъ всякой горечи; да, теперь и она горячо пожала бы мнѣ руку! Памятныя слова ея, что поэтъ долженъ воспѣвать лишь божественное, прославлять Господа. будили во мнѣ самыя свѣтлыя чувства. Я опять чувствовалъ себя бодрымъ, сильнымъ, спокойнымъ и—послѣ многихъ, многихъ лѣтъ—опять счастливымъ! Въ тотъ же вечеръ я пріобрѣлъ новаго вѣрнаго друга: мы съ Поджіо заключили союзъ дружбы и выпили на ты. Домой я вернулся поздно, но спать мнѣ не хотѣлось; лучи мѣсяца ярко отражались въ каналахъ; небо сіяло лазурью. Я сложилъ руки и

съ дѣтскимъ умиленіемъ прошепталъ: «Отецъ, отпусти мнѣ грѣхи мои! Дай мнѣ силу быть добрымъ и честнымъ, достойнымъ вспоминать о моей дорогой сестрѣ Фламиніи! Укрѣпи также и ея душу; пусть она и не подозрѣваетъ о моемъ горѣ! Будь къ намъ добръ и милостивъ, Господи!» На сердцѣ у меня стало такъ легко. Венеція со своими пустынными каналами и старинными дворцами стала казаться мнѣ прекраснымъ пловучимъ островомъ фей.

На слѣдующее утро, все еще подъ впечатлѣніемъ вчерашняго прекраснаго вечера, я сѣлъ въ гондолу и поѣхалъ съ визитомъ къ сестрѣ Подесты. Говоря откровенно, мнѣ хотѣлось поскорѣе увидѣть молодую дѣвушку, которая вчера оказала мнѣ такую честь и слыла царицей красоты.—Это дворецъ Отелло!—сказалъ мой гондольеръ, когда мы подплыли къ старинному зданію, и повторилъ исторію его перваго владѣльца, венеціанскаго мавра, задушившаго свою прекрасную жену Дездемону. Гребецъ прибавилъ, что всѣ туристы-англичане обязательно посѣщаютъ этотъ дворецъ, словно храмъ св. Марка или арсеналъ.

У Подесты меня приняли точно родного. Роза, сестра Подесты, заговорила о своемъ дорогомъ умершемъ братѣ и о веселомъ Неаполѣ, котораго она не видала вотъ ужъ четыре года.—Да,—сказала она:—Марія тоже соскучилась, и вотъ, въ одинъ прекрасный день мы возьмемъ да и уѣдемъ съ ней туда! Я хочу еще разъ передъ смертью увидѣть Везувій и чудный Капри. — Вошла Марія и какъ-то застѣнчиво протянула мнѣ руку. Какъ она была хороша! Сегодня она показалась мнѣ еще прекраснѣе, чѣмъ вчера. Поджіо былъ правъ; она дѣйствительно могла послужить олицетвореніемъ младшей изъ Грацій. Кто могъ сравниться съ ней красотою? Можетъ быть, Лара? Да! Слѣпая дѣвушка въ лохмотьяхъ, съ маленькимъ вѣнкомъ изъ фіалокъ на головѣ, красотою не уступала Маріи въ ея богатомъ нарядѣ. А закрытые глаза говорили моему сердцу даже больше, нежели чудный взглядъ этихъ темныхъ очей. На лицѣ Маріи лежалъ такой же отпечатокъ грусти, какъ и у Лары, но темные глаза свѣтились такою ясною, спокойною радостью, какой, конечно, не знавала слѣпая. Многое въ Маріи напоминало мнѣ совершенно незнакомую ей слѣпую нищую, и я даже испытывалъ, глядя на племянницу Подесты, то же чувство какого-то особаго благоговѣнія, которое внушила мнѣ Лара. Я былъ оживленъ, разговорчивъ и, видимо, произвелъ на всю семью самое благопріятное впечатлѣніе. Марія же, кажется, увлеклась моимъ краснорѣчіемъ не меньше, чѣмъ я ея красотой. Я любовался ею, какъ влюбленный любуется дивною статуей, похожею на его возлюбленную. Въ Маріи я, почти, какъ въ зеркалѣ, видѣлъ красавицу Лару; душою же она напоминала мнѣ Фламинію, внушала мнѣ такое же довѣріе; мнѣ казалось, что мы съ нею давно, давно знакомы.

Пѣвица.

Теперь я подхожу къ описанію событія, почти заслонившаго собою всѣ остальныя близкія къ нему. Такъ заслоняетъ собой отъ взоровъ путника могучая пинія растущія возлѣ нея мелкія деревца. Поэтому я коснусь остальныхъ событій этого періода моей жизни лишь мимоходомъ. Я часто бывалъ въ домѣ Подесты, сталъ, по ихъ словамъ, душою ихъ семейнаго кружка. Роза бесѣдовала со мною о своемъ миломъ Неаполѣ, а я читалъ ей «Божественную Комедію», Альфіери и Николини, и восхищался умомъ и душою Маріи. Поджіо оставался моимъ лучшимъ другомъ; семья Подесты узнала объ этомъ, и его также пригласили бывать у нихъ. Онъ не зналъ, какъ выразить мнѣ свою признательность, говоря, что, только благодаря нашей дружбѣ, а не своимъ собственнымъ заслугамъ, онъ удостоился чести быть принятымъ въ домѣ Подесты и сталъ, такимъ образомъ, предметомъ зависти для всей венеціанской молодежи. Слухи о моемъ импровизаторскомъ талантѣ облетѣли, между тѣмъ, весь городъ, и меня положительно не выпускали изъ знакомыхъ мнѣ домовъ. пока я не удовлетворялъ общему желанію—послушать мои импровизаціи. Всѣ восхищались ими, даже первые художники Венеціи признавали во мнѣ собрата и все совѣтовали мнѣ выступить публично. Отказаться я не могъ и выступилъ разъ вечеромъ передъ членами Академіи Художествъ. Импровизаціи на темы: «Походъ Дандоло на Константинополь» и «Бронзовые кони надъ порталомъ собора св. Марка», стяжали мнѣ почетное званіе члена академіи. Но еще большая радость ждала меня въ домѣ Подесты. Въ одинъ прекрасный день Марія подала мнѣ ящичекъ, въ которомъ лежало чудное ожерелье изъ маленькихъ, удивительно изящныхъ и пестрыхъ раковинъ, нанизанныхъ на шелковую нить. Это былъ подарокъ отъ несчастныхъ сиротъ на Лидо, которые считали меня своимъ благодѣтелемъ.

— Что за прелесть!—сказала Марія.

— Спрячьте и подарите своей невѣстѣ!—сказала Роза.—Это будетъ прекрасный подарокъ; его и дали вамъ для этой цѣли.

— Невѣстѣ!—серьезно повторилъ я.—У меня нѣтъ ея!

— Ну, будетъ!—сказала Роза.—И еще какая! Красавица изъ красавицъ!

— Никогда!—грустно повторилъ я, потупивъ глаза подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о своихъ утратахъ. Марія утихла при видѣ моего унынія. Она съ такою радостью взялась поднести мнѣ этотъ подарокъ, переданный ей отъ бѣдняковъ черезъ Поджіо, и вотъ, теперь я стоялъ такой разстроенный! Видно было, что я не въ силахъ превозмочь свои чувства. Ожерелье я продолжалъ держать въ рукахъ. Я охотно подарилъ бы его Маріи, но

слова Розы удерживали меня. Марія, вѣрно, отгадала мою мысль: когда я взглянулъ на нее, она слегка покраснѣла.

— Рѣдко вы навѣщаете насъ!—сказала мнѣ жена моего банкира въ одинъ изъ слѣдующихъ моихъ визитовъ.—Зато вы часто бываете у Подесты! Да, тамъ веселѣе! Марія, вѣдь, первая красавица во всей Венеціи, а вы нашъ первый импровизаторъ! Итакъ, партія подходящая! У дѣвушки прекрасное имѣніе въ Калабріи; оно досталось ей по наслѣдству, или куплено на унаслѣдованный капиталъ. Смѣлѣе, и вы найдете свое счастье! Вамъ будетъ завидовать вся Венеція!

— Неужели вы считаете меня способнымъ преслѣдовать такія корыстныя цѣли!—сказалъ я.—Я какъ нельзя болѣе далекъ отъ того, чтобы позволить себѣ влюбиться въ Марію! Красота ея плѣняетъ меня, какъ и всякая красота, но любить ее я и не думаю! И до денегъ ея мнѣ нѣтъ дѣла!

— Ну, и ими не слѣдуетъ пренебрегать!—сказала хозяйка.—Любовь тогда только высшее блаженство жизни, если она хорошо обставлена матеріально! Надо же чѣмъ-нибудь жить!—Она засмѣялась и протянула мнѣ руку.

Меня зло взяло, что могли такъ думать обо мнѣ, и я рѣшился порѣже бывать у Подесты, какъ ни нравился мнѣ онъ самъ и его домашніе. Я было разсчитывалъ провести у нихъ и этотъ вечеръ, но теперь перемѣнилъ намѣреніе. Я былъ очень взволнованъ. «Впрочемъ, стоитъ-ли волноваться?» мелькнуло у меня вслѣдъ затѣмъ. «Нѣтъ, не хочу сердиться! Хочу быть веселымъ! Жизнь прекрасна, только не порть ее себѣ самъ. Я свободенъ и не дамъ никому портить мнѣ кровь! Силы и воли во мнѣ довольно!» Былъ уже вечеръ; я блуждалъ по темнымъ узкимъ улицамъ одинъ-одинешенекъ. Домá здѣсь какъ будто хотѣли сойтись другъ съ другомъ вплотную, и тѣсные проходы между ними, запруженные народомъ, были ярко освѣщены огнями изъ оконъ. Длинные лучи этихъ огней дрожали и на водѣ каналовъ; быстро проносились подъ мостомъ гондолы. Зазвучала пѣсня—пѣсня о любви и поцѣлуяхъ и, какъ змѣя подъ древомъ познанія добра и зла, показала мнѣ соблазнительный образъ грѣха. Я свернулъ въ темный боковой переулокъ и наткнулся на домъ, освѣщенный ярче другихъ. Въ двери его такъ и валилъ народъ. Это былъ, если не ошибаюсь, театръ Санъ-Лука, одинъ изъ небольшихъ театровъ Венеціи. Въ немъ давались оперы; труппа была маленькая, и одна и та же опера шла ежедневно два раза, какъ въ театрѣ Фенизе, въ Неаполѣ. Первое представленіе начиналось въ четыре часа пополудни и оканчивалось въ шесть, а второе начиналось въ восемь. Входъ стоилъ очень дешево, но зато и нечего было разсчитывать на что-нибудь особенное. Тѣмъ не менѣе, любовь къ музыкѣ низшихъ классовъ общества и любо-

пытство наѣзжихъ иностранцевъ обезпечивали импрессаріо хорошій сборъ даже два раза въ вечеръ. Афиша гласила: «Сегодня «Донна Каритея, королева Испанская»; музыка Меркаданте». «Можно, вѣдь, и уйти, если соскучишься!» подумалъ я. «А мнѣ хочется посмотрѣть на красивыхъ женщинъ. И во мнѣ кипитъ такая же кровь, какъ у Бернардо, какъ у Федериго! Полно насмѣхаться надъ мальчишкой изъ Кампаньи, у котораго-де въ жилахъ течетъ козье молоко! Да, смотри я на жизнь всегда такъ легко, какъ сейчасъ, мнѣ бы повезло не такъ! А жизнь такъ коротка! Старость несетъ съ собою леденящій морозъ!»

Я вошелъ; мнѣ вручили грязный билетикъ и указали на ложу, ближайшую къ сценѣ. Въ театрѣ было всего два яруса; зрительная зала была довольно глубока, но сцена съ блюдечко, а, между тѣмъ, дававшаяся опера требовала сложной постановки и большого числа участвующихъ лицъ. Внутренняя обивка ложъ была грязна и потрепана; низкій потолокъ просто давилъ залу. Какой-то человѣкъ, въ одномъ жилетѣ, безъ фрака, вышелъ зажигать лампы. Въ партерѣ шли громкіе разговоры. Вотъ появились музыканты,—всего четверо. По всему видно было, чтó обѣщало самое представленіе, но я всетаки рѣшилъ прослушать первое дѣйствіе и сталъ оглядывать дамъ въ ложахъ. Ни одна мнѣ не понравилась. Въ сосѣднюю ложу вошелъ молодой человѣкъ, съ которымъ я встрѣчался въ обществѣ. Онъ поздоровался со мною, улыбаясь и выражая свое удивленіе по поводу нашей встрѣчи въ такомъ театрикѣ.—Впрочемъ,—прибавилъ онъ:—здѣсь часто можно очутиться въ очень пріятномъ сосѣдствѣ, да и знакомства при этомъ мягкомъ полусвѣтѣ завязываются очень легко!—Онъ говорилъ такъ громко, что ему зашикали,—увертюра уже началась. Музыка была плачевная. Весь хоръ состоялъ изъ двухъ женщинъ и трехъ мужчинъ, взятыхъ какъ будто прямо отъ сохи и облеченныхъ въ рыцарскіе наряды.—Да, не важно!—сказалъ мой сосѣдъ.—Но солисты здѣсь иногда очень приличны. Комикъ, напримѣръ, годился бы на сцену любого большого театра. О, Господи!—вздохнулъ онъ вдругъ, при видѣ выступившей на сцену, въ сопровожденіи двухъ дамъ, королевы:—Такъ сегодня поетъ она! Ну, тогда я не дамъ и гроша за все представленіе. Жанетта была бы куда лучше!

Королеву пѣла маленькая, невзрачная особа съ тонкимъ, острымъ профилемъ и впалыми глазами. Костюмъ сидѣлъ на ней плохо; королевою явилась сама нищета; и всетаки меня удивило какое-то особое благородство ея манеръ, такъ мало вязавшееся со всѣмъ остальнымъ; молоденькой, хорошенькой дѣвушкѣ оно было бы какъ нельзя болѣе къ лицу. Вотъ пѣвица подошла къ самой рампѣ... Сердце мое забилось, и я, отказываясь вѣрить собственнымъ глазамъ, едва посмѣлъ спросить сосѣда объ ея имени.—Ее зовутъ Аннунціатою!—отвѣтилъ онъ.—У нея ни голоса,

ни наружности,—просто сосулька какая-то!—Каждое его слово ядомъ разливалось у меня по сердцу. Я сидѣлъ, какъ пригвожденный къ мѣсту, и глазъ не могъ оторвать отъ пѣвицы. Она запѣла. Нѣтъ, это не ея голосъ, не моей Аннунціаты! Глухой, усталый, дрожащій!

— Замѣтны всетаки слѣды хорошей школы!—сказалъ мой сосѣдъ.— Но голоса нѣтъ.

— Да, она не похожа на свою соименницу Аннунціату, молодую испанку, которая блистала когда-то въ Римѣ и Неаполѣ!—замѣтилъ я.

— Да, вѣдь, это она сама!—отвѣтилъ онъ.—Лѣтъ семь, восемь тому назадъ она играла блестящую роль. Тогда она была молода и пѣла, говорятъ, какъ Малибранъ, но теперь пѣсенка ея спѣта! Это, вѣдь, общая судьба подобныхъ талантовъ! Нѣсколько лѣтъ онѣ находятся на зенитѣ своей славы и, ослѣпленныя успѣхомъ, не замѣчаютъ, какъ мало-по-малу голосъ ихъ идетъ на убыль, не покидаютъ благоразумно сцены въ самомъ разгарѣ своей славы, и публика первая замѣчаетъ печальную перемѣну. Вотъ что грустно! Къ тому же и живутъ-то эти дамы обыкновенно очень весело и спускаютъ все, что пріобрѣтаютъ, а потомъ ужъ, конечно, быстро катятся подъ гору. Вы, вѣрно, слышали ее прежде въ Римѣ?

— Да, нѣсколько разъ!—отвѣтилъ я.

— Воображаю, какую перемѣну вы нашли въ ней! Да, нельзя не пожалѣть ее. Говорятъ, она потеряла голосъ послѣ трудной болѣзни, всего четыре года тому назадъ. Но публика, вѣдь, въ этомъ не виновата! Что же, похлопаете ей ради стараго знакомства? Я помогу! Порадуемъ старушку!—Онъ громко зааплодировалъ, кое-кто въ партерѣ послѣдовалъ его примѣру, но затѣмъ вслѣдъ гордо уходившей со сцены королевѣ раздалось шиканье. Да, это была Аннунціата!—Fuimus Troes!—шепнулъ мнѣ мой сосѣдъ.

Затѣмъ выступила въ мужской роли примадонна труппы, молодая, красивая, прекрасно сложенная дѣвушка съ жгучими черными глазами. Ее встрѣтили криками «браво» и шумными аплодисментами.

Въ моей душѣ поднялась цѣлая буря воспоминаній: восторгъ римской публики и чествованіе Аннунціаты, ея тріумфы и моя любовь къ ней!.. Итакъ, Бернардо бросилъ ее! Или она не любила его? Но, вѣдь, я самъ видѣлъ, какъ она склонилась надъ нимъ и поцѣловала его въ лобъ. Да, онъ бросилъ ее, бросилъ, когда она заболѣла, когда красота ея увяла; онъ любилъ въ ней только красоту!

Она опять показалась на сценѣ. Какой у нея былъ страдальческій видъ! Какъ она постарѣла! Это былъ нарумяненный трупъ! Видъ его пугалъ меня. Я негодовалъ на Бернардо за то, что онъ бросилъ ее, когда пропала ея красота, а не это же ли обстоятельство такъ больно уязвляло теперь меня самого? Душою Аннунціата, вѣдь, навѣрное осталась та же!

— Вамъ нездоровится?—спросилъ меня мой сосѣдъ, видя, что я блѣднѣю.

— Тутъ такая духота!—сказалъ я, всталъ, вышелъ изъ ложи и изъ театра и опрометью бросился по узкимъ улицамъ. Обуреваемый чувствами, я самъ не зналъ, куда иду, и, спустя нѣсколько времени, опять вышелъ къ театру. Какъ-разъ въ это время человѣкъ срывалъ съ дверей афишу, чтобы наклеить новую.—Гдѣ живетъ Аннунціата?—спросилъ я у него шопотомъ. Онъ обернулся ко мнѣ, поглядѣлъ на меня и переспросилъ:— Аннунціата? Не Аврелія-ли? Та, что играла мужскую роль? Я укажу вамъ, гдѣ она живетъ, но теперь она еще не освободилась.—Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ надо Аннунціату, которая пѣла королеву!—отвѣтилъ я. Слуга смѣрилъ меня взглядомъ.—Эту худышку.—спросилъ онъ.—Ну, она, я думаю, отвыкла принимать гостей! Оно, вѣдь, и понятно! Впрочемъ, я покажу, гдѣ она живетъ,—синьоръ, вѣрно, не заставитъ меня трудиться даромъ! Но раньше, какъ черезъ часъ, опера не кончится, и она не будетъ дома!—Такъ подожди меня здѣсь!—сказалъ я, сѣлъ въ гондолу и велѣлъ везти себя, куда хотятъ. Я былъ глубоко опечаленъ, но непремѣнно хотѣлъ увидѣться и поговорить съ Аннунціатою. Она была несчастна! Но что я могъ сдѣлать для нея? И всетаки печаль и состраданіе влекли меня къ ней неудержимо. Ровно черезъ часъ гондола доставила меня обратно къ театру, гдѣ ждалъ меня человѣкъ. Узкими, грязными переходами провелъ онъ меня къ старому, ветхому дому. Въ коморкѣ, подъ самою крышей свѣтился огонекъ. Человѣкъ указалъ мнѣ на него.—Она живетъ тамъ?—воскликнулъ я.—Я провожу Eccellenza!—сказалъ онъ и дернулъ звонокъ.—Кто тамъ?—раздался сверху женскій голосъ.—Марко Лугано!—отвѣтилъ онъ, и дверь отворилась. Въ корридорѣ было совсѣмъ темно; масло въ лампадкѣ передъ образомъ Мадонны все выгорѣло, и только кончикъ фитиля свѣтился кровавою точкою. Я держался за слугу. Вотъ наверху отворилась дверь, и блеснулъ лучъ свѣта.— Она сама идетъ!—сказалъ слуга. Я сунулъ ему въ руку деньги, онъ поблагодарилъ и шмыгнулъ назадъ, а я сталъ взбираться по лѣстницѣ.

— Что, Марко Лугано? Какія-нибудь перемѣны на завтра?—услышалъ я голосъ Аннунціаты, стоявшей въ дверяхъ. Голова ея была прикрыта шелковымъ платочкомъ, на плечи наброшена накидка.—Не упадите, Марко Лугано!—продолжала она и вошла въ комнату; я за нею.

— Кто вы, что вамъ надо!—испуганно спросила она, увидѣвъ меня.

— Аннунціата!—горестно воскликнулъ я.

Она впилась въ меня взоромъ, затѣмъ вскрикнула:—Іисусъ, Марія!— и закрыла лицо руками.

— Старый знакомый, другъ вашъ, которому вы когда-то доставили столько радости, столько счастья, пришелъ навѣстить васъ, пожать вашу

руку!—сказалъ я. Она отняла руки отъ лица и стояла передо мною блѣдная, какъ смерть; выразительные черные глаза ея такъ и горѣли. Аннунціата постарѣла, видъ у нея былъ страдальческій, но лицо хранило еще слѣды былой красоты, взглядъ былъ такъ же выразителенъ и задушевно-грустенъ.

— Антоніо! — произнесла она, и я замѣтилъ слезы въ ея взорѣ. — Вотъ гдѣ мы встрѣтились! Оставьте меня! Наши дороги разошлись. Ваша повела васъ въ гору, къ счастію, моя внизъ... тоже къ счастію! — болѣзненно вздохнула она.

— Не гоните меня!—сказалъ я.—Я пришелъ къ вамъ какъ другъ, какъ братъ! Сердце мое влечетъ меня къ вамъ! Вы несчастны, вы, доставлявшая радости тысячамъ, боготворимая тысячами!

— Счастье перемѣнчиво!—отвѣтила она.—Оно сопутствуетъ только молодости и красотѣ, и люди окружаютъ ихъ тріумфальную колесницу. Умъ же и сердце не цѣнятся ни во что; ихъ забываютъ ради молодости и красоты, и люди всегда правы!

— Вы были больны, Аннунціата!—сказалъ я нетвердымъ голосомъ.

— Очень больна! Почти цѣлый годъ! Но не умерла! — сказала она съ горькой улыбкою.—Умерла только моя молодость, умеръ мой голосъ, и публика умолкла, увидѣвъ двухъ мертвецовъ въ одномъ тѣлѣ! Врачи говорили, что они умерли не навсегда, что они еще оживутъ, и тѣло вѣрило! Тѣло нуждалось въ одеждѣ и въ пищѣ и истратило на это въ два года послѣднія средства! Потомъ пришлось румяниться и выступать, какъ будто мертвецы воскресли, но выступать въ тѣни, чтобы не испугать людей своимъ видомъ, выступать въ маленькомъ, плохо освѣщенномъ театрѣ! Но и тамъ замѣтили, что молодость и голосъ умерли, погребены навѣки! Аннунціата умерла, вонъ виситъ ея портретъ!—и она указала на стѣну.

Въ убогой коморкѣ висѣла картина, поясной портретъ, въ богатой золоченой рамѣ, представлявшей такой рѣзкій контрастъ съ окружавшею обстановкой. Это былъ портретъ Аннунціаты, писанный Дидо; съ него глядѣла на меня та самая Аннунціата, чистая, гордая красавица, которая жила въ моей душѣ! Я перевелъ взглядъ на живую Аннунціату; она закрыла лицо руками и заплакала. — Оставьте меня! Забудьте о моемъ существованіи, какъ всѣ другіе!—молила она, махая мнѣ рукой.

— Не могу!—сказалъ я.—Не могу я такъ оставить васъ! Мадонна добра и милостива! Она поможетъ намъ всѣмъ!

— Антоніо!—сказала она серьезно.—Вы не можете глумиться надъ несчастною! Нѣтъ, вы не похожи на прочихъ, я всегда думала это. Но я не понимаю васъ! Когда всѣ еще осыпали меня похвалами и лестью, вы оставили, покинули меня, а теперь, когда все, чѣмъ я плѣняла лю-

дей, исчезло безъ слѣда, когда всѣ равнодушны ко мнѣ, вы приходите ко мнѣ, отыскиваете меня...

— Вы сами оттолкнули меня!—воскликнулъ я.—Вы заставили меня кинуться въ свѣтъ, очертя голову!.. Конечно, то была воля судьбы!—прибавилъ я мягче. Она молчала, но какъ-то странно смотрѣла на меня, словно собиралась сказать что-то. Затѣмъ губы ея зашевелились, но она всетаки не издала ни звука, только глубоко вздохнула и закрыла глаза. Спустя минуту, она открыла ихъ, провела рукою по лбу, какъ будто у нея мелькнула мысль, извѣстная только Богу, да ей, и сказала:—Такъ я увидѣла васъ еще разъ! Я чувствую, что вы добрый, благородный человѣкъ! Вы будете счастливѣе, чѣмъ я! Я спѣла свою лебединую пѣсню. Красота увяла, я одинока! Отъ счастливицы Аннунціаты остался лишь вотъ этотъ портретъ на стѣнѣ... У меня къ вамъ одна просьба. Вы не откажете мнѣ! Васъ проситъ Аннунціата, которая когда-то радовала васъ!..

— Я на все готовъ для васъ!—отвѣтилъ я, цѣлуя ея руку.

— Смотрите на все, что вы видѣли сегодня, какъ на сонъ! Если мы встрѣтимся съ вами еще разъ—мы встрѣтимся, какъ незнакомые! А теперь прощайте!—она протянула мнѣ руку и добавила:—Теперь дороги наши расходятся, но мы встрѣтимся въ лучшемъ мірѣ! Прощайте, Антоніо, будьте счастливы!—Подавленный горемъ, я упалъ передъ нею на колѣни. Не знаю, что я говорилъ еще, знаю только, что она тихо вывела меня изъ комнаты; я не сопротивлялся и только плакалъ, какъ дитя, повторяя:—Я вернусь, вернусь!—Прощайте!—услышалъ я еще разъ ея голосъ, и она скрылась. Меня окружилъ безпросвѣтный мракъ; на улицѣ тоже было темно. «Боже, какъ несчастны могутъ быть твои созданья!» стоналъ я; сонъ бѣжалъ отъ моихъ глазъ. Печальная выдалась ночь!

Весь слѣдующій день я только и дѣлалъ, что составлялъ и вновь отвергалъ разные планы. Я чувствовалъ свою бѣдность! Я былъ всего-на-всего бѣдный сирота, взятый изъ Кампаньи богатыми благодѣтелями, и самыя дарованія мои только еще способствовали увеличенію моей зависимости. Впрочемъ, теперь талантъ мой, кажется, готовъ былъ вывести меня на блестящій путь. Но можетъ-ли онъ быть блестящѣе пути Аннунціаты, а даже этотъ какъ кончился? Мощный потокъ, переливавшій всѣми цвѣтами радуги, впалъ въ концѣ-концовъ въ Понтійскія болота бѣдствій!

Я непремѣнно хотѣлъ еще разъ увидѣть Аннунціату, и черезъ день вновь поднимался къ ней по узкой темной лѣстницѣ. Дверь была заперта. Я постучался. Изъ боковой двери выглянула какая-то старуха и спросила:—Вы вѣрно пришли посмотрѣть комнату? Она слишкомъ мала для васъ!

— А гдѣ же пѣвица?—спросилъ я.—Переѣхала вчера вечеромъ; кажется, даже совсѣмъ уѣхала! И такъ поспѣшно!—отвѣтила старуха.—

Не знаете-ли куда?—спросилъ я.—Нѣтъ! Она и не заикнулась объ этомъ. Но вся труппа отправилась въ Падую или, кажется, въ Тріэстъ, а, можетъ быть, и въ Феррару или еще куда-нибудь!—Она открыла дверь и показала мнѣ опустѣвшую комнату.

Я направился въ театръ; труппа дѣйствительно дала вчера послѣднее представленіе, и теперь театръ былъ закрытъ. Такъ она уѣхала! Несчастная Аннунціата! И виною всѣхъ ея несчастій Бернардо! Онъ же виноватъ и во всемъ, что касалось меня! Не будь его, люби Аннунціата меня, талантъ мой развернулся бы въ полномъ блескѣ, и вся моя жизнь сложилась бы иначе! Послѣдуй я тогда за нею, избери себѣ поприще импровизатора, я раздѣлилъ бы ея тріумфы, все было бы иначе, и скорбь не оставила бы на ея челѣ своихъ глубокихъ слѣдовъ!

Поджіо. Аннунціата. Марія.

Поджіо навѣстилъ меня и принялся подшучивать надъ внезапною перемѣной во мнѣ. Но я не могъ открыться ни ему, никому бы то ни было.—У тебя такой видъ, точно на тебя повѣялъ сирокко!—сказалъ онъ.—Не изъ сердца-ли дуетъ этотъ знойный вѣтеръ? Маленькая птичка, что живетъ тамъ, можетъ сгорѣть, а, она, вѣдь не Фениксъ, вновь не возродится! Ее надо время-отъ-времени выпускать на волю! Пусть поклюетъ спѣлыя ягодки въ полѣ и пощиплетъ нѣжныя розы на балконѣ, словомъ, пусть кушаетъ на здоровье! Такъ дѣлаю я, и моя птичка здорова, весела, поетъ и веселитъ меня! Вотъ и объясненіе моего веселаго нрава! И тебѣ надо слѣдовать моему примѣру! Ужъ кому другому, а поэту-то необходимо имѣть въ груди настоящую живую птичку, знакомую со вкусомъ и розъ, и ягодъ, и кислаго, и сладкаго, и гущи, и нектара!

— Прекрасныя у тебя понятія о поэтѣ!—сказалъ я.

— Христосъ же принялъ на себя человѣческій образъ, сходилъ даже въ адъ къ грѣшникамъ! Божественное должно смѣшиваться съ земнымъ, чтобы произвести нѣчто совершенное! Но, однако, я начинаю читать лекцію! Я, правда, и обѣщалъ прочесть тебѣ проповѣдь, но, кажется, на иную тему. Съ чего это вы, ваша милость, вдругъ бросили своихъ друзей? Три дня не заглядывали къ Подестѣ? Нехорошо, очень нехорошо! Вся семья сердится на васъ. Сегодня же изволь отправиться къ нимъ и на колѣняхъ просить прощенья! Три дня не заглядывать въ домъ Подесты! Это мнѣ сказала синьора Роза. Что случилось съ тобою?

— Я былъ нездоровъ и не выходилъ изъ дома!

— Ну, ужъ нѣтъ, дружище, это мы знаемъ получше! Третьяго дня вечеромъ ты слушалъ оперу «Королева Испанская», въ которой рыцаря

поетъ красотка Аврелія, настоящій неистовый Орландъ въ миніатюрѣ! Но изъ-за такого завоеванія нечего, кажется, голову терять! Я думаю, не Богъ вѣсть какого труда оно стоило. Ну, да какъ бы тамъ ни было, изволь теперь вмѣстѣ со мною отправиться обѣдать къ Подестѣ. Насъ пригласили, и я далъ слово привести тебя.

— Поджіо!—сказалъ я серьезно.—Тебѣ я скажу причину, почему я не былъ у нихъ такъ долго и впредь буду бывать рѣже!—и я передалъ ему свой разговоръ съ женою банкира.

— Ну!—сказалъ Поджіо.—А по мнѣ, пусть бы говорили, что хотѣли! Неужели ты только изъ-за этого не хочешь идти туда? И что мудренаго въ этихъ толкахъ? Я и самъ того же мнѣнія! Это, вѣдь, такъ естественно! Но такъ-ли оно или нѣтъ, тебѣ всетаки не слѣдуетъ быть неучтивымъ! Марія хороша собою, даже очень хороша, умна и добра, и ты любишь ее; это ясно видно.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ я.—И не думаю! Марія только напоминаетъ мнѣ одну слѣпую дѣвочку, которую я разъ видѣлъ и которая плѣнила меня, какъ можетъ плѣнить ребенокъ. Сходство съ нею поразило меня въ Маріи и невольно влечетъ къ ней.

— Марія тоже была слѣпа!—сказалъ Поджіо серьезно.—Она пріѣхала изъ Греціи слѣпою, но дядя ея, неаполитанскій врачъ, сдѣлалъ ей операцію.

— Мою слѣпую звали не Маріей!—отвѣтилъ я.

— Твою слѣпую!—весело повторилъ Поджіо.—Должно быть, эта слѣпая дѣвочка необыкновенное существо, что ты ищешь въ Маріи только сходства съ нею. Но, конечно, это одна аллегорія: это былъ самъ слѣпой божокъ любви! Онъ-то и заставляетъ тебя любоваться Маріей! Ты, вѣдь, самъ теперь признался! И не успѣемъ мы оглянуться, какъ вы обвѣнчаетесь и уѣдете изъ Венеціи!

— Ты просто оскорбляешь меня Поджіо!—сказалъ я.—Я никогда не женюсь! Моя мечта о любви разсѣялась, и я уже больше не буду обольщать себя новою! Клянусь тебѣ, что я никогда...

— Ну, ну, только не клянись!—прервалъ онъ меня. Я вѣрю тебѣ и стану разувѣрять всѣхъ, кто скажетъ, что вы—парочка! Но не клянись, что никогда не женишься! Можетъ быть, ты ближе къ браку, чѣмъ самъ думаешь! Не пройдетъ и года, какъ сыграемъ свадьбу!

— Твою, можетъ быть, но не мою!

— Такъ ты думаешь, я могу жениться!—воскликнулъ онъ.—Нѣтъ, другъ мой, у меня нѣтъ средствъ содержать жену. Это удовольствіе обходится слишкомъ дорого!

— Твоя свадьба навѣрно будетъ раньше моей!—повторилъ я.—Можетъ быть, даже тебѣ достанется сама красавица Марія. Въ городѣ го-

ворятъ, что я готовъ предложить ей свою руку, а она, между тѣмъ, отдастъ свою тебѣ!

— И плохо сдѣлаетъ!—сказалъ онъ, смѣясь.—Я желаю ей лучшаго мужа! Вотъ что, побьемся объ закладъ: я говорю, что ты женишься—на Маріи-ли или на комъ другомъ все равно, но женишься; я же останусь старымъ холостякомъ. Закладъ—двѣ бутылки шампанскаго! Мы разопьемъ ихъ въ день твоей свадьбы!

— Идетъ!—сказалъ я, тоже смѣясь. Затѣмъ, мнѣ пришлось отправиться съ нимъ къ Подестѣ. Роза побранила меня, Подеста тоже. Марія молчала, а я не сводилъ съ нея глазъ,—говорили, вѣдь, что она моя невѣста! Роза чокнулась со мною.

— Ни одна женщина не должна пить за его здоровье!—заявилъ Поджіо.—Онъ поклялся въ вѣчной ненависти къ женщинамъ, сказалъ, что никогда не женится!

— Въ вѣчной ненависти?—повторилъ я.—Нѣтъ! Мое рѣшеніе не жениться ничуть не мѣшаетъ мнѣ высоко цѣнить и уважать прекрасную половину рода человѣческаго, созданную для услады нашей жизни.

— Вы рѣшили не жениться!—воскликнулъ Подеста.—Ну, такая идея не дѣлаетъ чести вашему генію. И друзьямъ не годится разглашать о ней!—добавилъ онъ шутливо, обращаясь къ Поджіо.

— Мнѣ хочется скомпрометтировать его!—отвѣтилъ Поджіо.—А то онъ, чего добраго, еще влюбится въ свою единственную дурную идею и останется при ней ради ея блестящей оригинальности!—Всѣ принялись подтрунивать надо мною и стараться развеселить меня. Вино и кушанья были превосходны, и мнѣ невольно вспомнилось бѣдственное положеніе Аннунціаты,—она можетъ быть, голодаетъ теперь!

— Вы обѣщали почитать намъ сочиненія Сильвіо Пеллико!—сказала мнѣ Роза, когда я прощался съ нею.—Не забудьте же, приходите къ намъ попрежнему каждый день! Вы избаловали насъ, и мы цѣнимъ ваше вниманіе больше, чѣмъ кто-либо въ Венеціи.

И я опять сталъ ходить къ нимъ ежедневно, видя, какъ они всѣ любятъ меня. Прошло уже около мѣсяца со времени моего свиданія съ Аннунціатой, а мнѣ такъ-таки ничего и не удалось узнать о ней. Приходилось разсчитывать только на случай. Однажды вечеромъ Марія показалась мнѣ особенно задумчивою и печальною. Я читалъ имъ вслухъ, но она слушала крайне разсѣянно. Вдругъ Роза зачѣмъ-то вышла изъ комнаты, и я въ первый разъ остался наединѣ съ Маріей. Предчувствіе чего-то дурного сжало мнѣ сердце. Я попытался было завязать разговоръ о Сильвіо Пеллико и о вліяніи политическихъ событій на его поэтическое дарованіе.

— Синьоръ аббатъ!—сказала она, какъ будто не слышала моихъ словъ, занятая какою-то мыслью.—Антоніо!—продолжала она дрожащимъ голо-

сомъ и покраснѣла.—Мнѣ надо поговорить съ вами! Я дала слово умирающей и хочу сдержать его!—Тутъ она остановилась. Я молчалъ, пораженный ея словами.—Мы, вѣдь, не совсѣмъ чужіе другъ другу, а мнѣ всетаки такъ страшно въ эту минуту!—и она поблѣднѣла.

— Ради Бога, скажите мнѣ, что случилось?—не выдержалъ я.

— Неисповѣдимая воля Провидѣнія вмѣшиваетъ меня въ вашу жизнь, дѣлаетъ меня повѣренною тайны, о которой не долженъ бы вѣдать никто посторонній. Но я сдержу слово, данное умершей, и не скажу объ этомъ никому, даже добрѣйшей Розѣ.—Тутъ Марія вынула маленькій пакетъ.—Возьмите, я обѣщала передать это вамъ! Тутъ, вѣрно, объясненіе всего. Я два дня носила этотъ пакетъ при себѣ, не зная, какъ исполнить свое обѣщаніе. Теперь оно исполнено! Не говорите объ этомъ никому. Я тоже буду молчать.

— Но отъ кого онъ?—спросилъ я.—Я не долженъ знать этого?

— О, Господи!—воскликнула она и выбѣжала изъ комнаты. Я поспѣшилъ домой и вскрылъ пакетъ. Въ немъ лежало нѣсколько бумажекъ. Я взглянулъ на первую: моя собственная рука, стихи, написанные карандашомъ! Внизу же, словно въ надгробной надписи, были поставлены чернилами три креста. Это было то самое стихотвореніе, которое я бросилъ къ ногамъ Аннунціаты въ ея первый дебютъ въ Римѣ.—Аннунціата!—тяжело вздохнулъ я.—О, Матерь Божія, это отъ нея!—Между бумагами было еще запечатанное письмо съ надписью: «Антоніо». Я разорвалъ конвертъ. Да, это она писала мнѣ! Половина письма была написана, какъ я понялъ, въ ночь послѣ моего посѣщенія; остальное же приписано позже слабою, дрожащею рукою.

Вотъ что я прочелъ: «Я видѣла тебя, Антоніо, видѣла еще разъ! Это было моимъ единственнымъ желаніемъ, хотя я и боялась минуты этого свиданія, какъ боятся смерти, даже если она несетъ съ собою счастье. Прошло всего нѣсколько часовъ съ минуты нашей встрѣчи; когда же ты прочтешь эти строки, пройдутъ уже мѣсяцы, но не больше. Говорятъ, кто увидѣлъ самого себя, скоро умретъ. Ты былъ половиною моей души, моею постоянною мыслью, и я увидѣла тебя. Ты видѣлъ меня и въ дни счастья, и въ дни бѣдствія! Ты одинъ захотѣлъ узнать бѣдную, всѣми забытую Аннунціату! Но я и заслуживала этого, Антоніо! Теперь я смѣю открыться тебѣ: когда ты прочтешь это, меня уже не будетъ въ живыхъ. Я любила тебя, любила съ того счастливаго времени и до послѣдней минуты. Но Мадоннѣ не угодно было соединить насъ на этомъ свѣтѣ. Я знала, что ты любишь меня, еще прежде того несчастнаго вечера, когда ты выстрѣлилъ въ Бернардо и открылся мнѣ. Ужасъ и горе въ первую минуту послѣ случившагося несчастія, которое, я знала, могло разлучить насъ, сковали мой языкъ и заставили меня приникнуть къ тѣлу убитаго.

А ты исчезъ, и я больше не видала тебя! Бернардо былъ раненъ не смертельно; я не отходила отъ него, пока не убѣдилась въ этомъ. Неужели это заставило тебя сомнѣваться въ моей любви къ тебѣ? Я не знала, гдѣ ты, и не могла узнать. Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ явилась какая-то странная старуха и подала мнѣ записку отъ тебя. Ты писалъ: «Ѣду въ Неаполь». Старуха сказала, что тебѣ нужны паспортъ и деньги. Я заставила Бернардо выпросить паспортъ у его дяди, сенатора. Въ то время мое желаніе было еще закономъ, слово мое имѣло силу, и я добилась, чего хотѣла. Бернардо тоже былъ огорченъ за тебя. Онъ оправился и любилъ меня попрежнему, любилъ, я думаю, искренно, но я любила одного тебя! Бернардо оставилъ Римъ. Я хотѣла немедленно отправиться въ Неаполь, но болѣзнь моей старой воспитательницы задержала меня цѣлый мѣсяцъ въ Мола ди Гаэта. Когда мы затѣмъ пріѣхали въ Неаполь, я услышала о молодомъ импровизаторѣ Ченчи, выступившемъ впервые въ самый вечеръ моего пріѣзда. Я догадалась, что это былъ ты. Сейчасъ же моя воспитательница написала тебѣ. Она не подписалась, но назвала тебѣ улицу и домъ, гдѣ мы жили. Ты не пришелъ. Она написала еще разъ, правда, опять не подписалась, но ты долженъ былъ знать, отъ кого этотъ призывъ: «Приходите, Антоніо! Потрясеніе, вызванное нашею послѣднею несчастною встрѣчей, теперь прошло. Приходите скорѣе! Смотрите на все, какъ на недоразумѣніе. Все еще можетъ устроиться прекрасно, только не медлите, приходите!» Но ты не пришелъ! Между тѣмъ, я узнала, что ты прочелъ письма. Ты сейчасъ же уѣхалъ въ Римъ. Что должна была я подумать? Что ты разлюбилъ меня? Я тоже была горда, Антоніо! Свѣтъ сдѣлалъ меня тщеславною! Я не забыла тебя, я только отказалась отъ тебя и страдала отъ этого. Моя старая воспитательница умерла, братъ ея тоже. Они замѣняли мнѣ родителей; послѣ ихъ смерти я осталась одна, одна въ цѣломъ свѣтѣ! Но я была его любимицей, была молода, красива, восхищала всѣхъ своимъ пѣніемъ. Это былъ послѣдній счастливый годъ моей жизни! Я заболѣла на пути въ Болонью и слегла; сердце мое страдало все такъ же. Я, вѣдь, не знала, Антоніо, что ты еще любишь меня, что ты даже, когда счастье отвернется отъ меня, захочешь поцѣловать мою руку! Цѣлый годъ пролежала я больная и прожила за это время все свое состояніе. И я обѣднѣла вдвойнѣ: кромѣ средствъ, я потеряла еще и голосъ; болѣзнь отняла у меня послѣднія силы. Прошелъ годъ, прошли семь долгихъ тяжелыхъ лѣтъ, и — мы встрѣтились! Ты видѣлъ мою нищету! Ты слышалъ, какъ шикали той Аннунціатѣ, которую когда-то съ такимъ ликованіемъ везла въ каретѣ римская молодежь! Мысли мои становятся горьки, какъ и самая судьба моя! Ты пришелъ ко мнѣ! Съ моихъ глазъ какъ будто спала пелена, я почувствовала, что ты всегда любилъ меня. Ты сказалъ мнѣ, что я оттол-

кнула тебя, заставила броситься въ свѣтъ, очертя голову. Ахъ, ты не зналъ, какъ я любила тебя, какъ хотѣла заключить тебя въ свои объятія! Я увидѣла тебя еще разъ, твой поцѣлуй опять обжегъ мою руку, какъ въ былыя счастливыя времена... Мы разстались, теперь я опять сижу въ своей коморкѣ одна... Завтра я покину ее, покину, можетъ быть, и Венецію. Не жалѣй обо мнѣ, Антоніо! Мадонна добра и милостива! Вспоминай меня добромъ! Тебя проситъ объ этомъ умершая Аннунціата, которая такъ любила тебя, а теперь... молится за тебя на небѣ!»

Слезы такъ и бѣжали изъ моихъ глазъ, пока я читалъ письмо. Вторая часть письма была написана всего нѣсколько дней тому назадъ. Это было послѣднее прости Аннунціаты.

«Страданія мои близки къ концу! Да будетъ благословенна Мадонна за всѣ радости, которыя она даровала мнѣ въ жизни, и за всѣ страданія! Я умираю! Еще одинъ вздохъ, и все будетъ кончено. Мнѣ сказали, что красивѣйшая, благороднѣйшая дѣвушка въ Венеціи твоя невѣста. Будьте счастливы! Это послѣднее желаніе умирающей! Кромѣ этой дѣвушки, я не знаю никого въ свѣтѣ, кому бы я могла вручить для передачи тебѣ эти строки, мое послѣднее прости. И сердце говоритъ мнѣ, что она придетъ ко мнѣ! Благородное женское сердце не откажетъ умирающей въ послѣднемъ утѣшеніи. Она придетъ ко мнѣ! Будь счастливъ, Антоніо! Моя послѣдняя молитва на землѣ и первая на небѣ—за тебя и за нее, которая будетъ для тебя тѣмъ, чѣмъ не могла быть я! Душа моя была заражена тщеславіемъ; свѣтъ испортилъ ее своими похвалами. Быть можетъ, ты никогда не былъ бы счастливъ со мною! Иначе бы Мадонна и не разлучила насъ! Прощай! Прощай! Я чувствую такое спокойствіе въ сердцѣ, боль прошла, смерть приближается! Молись за меня вмѣстѣ съ Маріей!

Аннунціата».

Глубокое горе безмолвно. Пораженный, сломленный имъ, сидѣлъ я, не сводя глазъ съ письма, омоченнаго моими слезами. Аннунціата любила меня! Она была тѣмъ невидимымъ добрымъ геніемъ, который помогъ мнѣ пробраться въ Неаполь! И письма были отъ нея, а не отъ Санты! Аннунціата была больна, ввергнута въ нищету и бѣдствія, а теперь умерла, навѣрно, умерла! Въ конвертѣ лежала также записочка: «Я ѣду въ Неаполь» съ моей подписью, переданная Аннунціатѣ Фульвіею, и распечатанное письмо отъ Бернардо, въ которомъ онъ прощался съ Аннунціатою и возвѣщалъ о своемъ намѣреніи поступить на иностранную службу. Аннунціата посылала мнѣ все это черезъ Марію, называла Марію моею невѣстой! Пустые слухи дошли и до Аннунціаты, и она повѣрила имъ, призвала Марію къ себѣ. Что она сказала ей? Я вспомнилъ, съ какимъ страхомъ приступила Марія къ разговору со мною.

Итакъ, и она теперь знала, что говорятъ о насъ съ нею въ Венеціи! У меня не хватало духу заговорить съ нею послѣ этого, а, между тѣмъ, надо было,—она, вѣдь, была добрымъ геніемъ Аннунціаты и моимъ.

Я сѣлъ въ гондолу и скоро вернулся въ комнату, гдѣ сидѣли за рукодѣльемъ Роза и Марія. Марія, видимо, была смущена. Я не смѣлъ сказать ни слова о томъ, что наполняло теперь всѣ мои мысли, и разсѣянно отвѣчалъ на вопросы Розы. Горе давило меня. Вдругъ Роза взяла меня за руку и сказала: — У васъ, видно, большое горе! Довѣрьтесь намъ! Если мы не сумѣемъ утѣшить васъ, такъ хоть погорюемъ съ вами, какъ истинные друзья.

— Вы знаете все!—воскликнулъ я въ порывѣ отчаянія.

— Марія, можетъ быть, но я ничего не знаю!—отвѣтила старушка.

— Роза!—умоляюще произнесла Марія и схватила тетку за руку.

— Нѣтъ, отъ васъ я не могу имѣть тайнъ!—сказалъ я.—Я разскажу вамъ все! Это облегчитъ мое горе!—И я разсказалъ имъ о своемъ бѣдномъ дѣтствѣ, объ Аннунціатѣ, о бѣгствѣ въ Неаполь, но, замѣтивъ, что Марія слушаетъ меня, сложивъ руки, какъ бывало Фламинія и еще одно существо, я замолчалъ. У меня не хватило духа заговорить въ ея присутствіи о Ларѣ и о видѣніи въ пещерѣ, да это и не относилось къ исторіи Аннунціаты, поэтому я прямо перешелъ къ моей встрѣчѣ съ Аннунціатою въ Венеціи и нашему послѣднему свиданію. Марія закрыла лицо руками и заплакала. Роза молчала.

— Вотъ ужъ не думала-то, не подозрѣвала ничего такого!—сказала она, наконецъ. Марія получила письмо изъ госпиталя сестеръ милосердія; какая-то умирающая заклинала ее придти къ ней. Я поѣхала съ нею, но къ умирающей Марія должна была войти одна; я оставалась съ сестрами.

— Я видѣла Аннунціату!—сказала Марія.—И вы получили то, что она просила меня передать вамъ.

— А что она сказала при этомъ?—спросилъ я.

— «Отдайте это Антоніо, импровизатору, но такъ, чтобы никто не видѣлъ!» Она говорила о васъ, какъ любящая сестра, какъ чистая благородная душа!.. Я видѣла на ея губахъ кровь... Она закрыла глаза при мнѣ!..—Тутъ Марія опять заплакала. Я молча поцѣловалъ руку кроткой милой дѣвушки въ знакъ благодарности за ея доброту къ умершей, потомъ простился съ Розой и пошелъ въ церковь помолиться за упокой Аннунціаты.

Никогда и нигдѣ еще меня не окружали такимъ вниманіемъ и заботами, какъ съ того дня въ семьѣ Подесты. Я сталъ для Розы и Маріи какъ бы братомъ; онѣ старались удовлетворить малѣйшему моему желанію; заботливость ихъ обо мнѣ и любовь проявлялись даже въ мелочахъ.

Я посѣтилъ могилу Аннунціаты. Кладбище со своими высокими стѣнами походило на плавающій ковчегъ; это былъ островъ мертвыхъ, окруженный водою. Передо мною разстилалась зеленая лужайка, усѣянная черными крестами. Я отыскалъ могилу. Надпись на крестѣ—одно слово «Аннунціата». Крестъ былъ украшенъ свѣжимъ, красивымъ вѣнкомъ изъ зеленыхъ лавровыхъ вѣтвей; вѣрно его прислали Роза съ Маріей. Я потомъ поблагодарилъ ихъ обѣихъ. Какъ прекрасна была Марія, какъ походила она на олицетвореніе богини красоты—Лару, особенно, когда опускала глаза! И мнѣ невольно казалось, какъ это ни было неправдоподобно, что Лара и Марія одно лицо.

Въ это время я получилъ письмо отъ Фабіани. Я уже четвертый мѣсяцъ проживалъ въ Венеціи; это удивляло его; ему казалось, что мнѣ слѣдовало посѣтить Миланъ или Геную, а не сидѣть на одномъ мѣстѣ. Впрочемъ, онъ предоставлялъ это моему собственному усмотрѣнію. Но что же, въ самомъ дѣлѣ, удерживало меня въ Венеціи, въ этомъ городѣ печали, какимъ онъ представился мнѣ сразу, въ городѣ, гдѣ разбилась въ конецъ лучшая мечта моей жизни? Правда, здѣсь я нашелъ двухъ добрыхъ сестеръ, Розу и Марію, и вѣрнаго друга, Поджіо, какихъ мнѣ не найти уже нигдѣ; но, вѣдь, когда-нибудь да намъ придется разстаться! И все здѣсь только растравляетъ мою печаль. Нѣтъ, прочь, прочь отсюда! Надо поскорѣе подготовить къ предстоящей разлукѣ Розу и Марію. Въ тотъ же вечеръ я сидѣлъ съ ними въ большой залѣ съ балкономъ, выходившимъ на каналъ. Марія велѣла слугѣ зажечь лампу, но Роза нашла, что пріятнѣе посидѣть при свѣтѣ луны. Апельсинныя деревья на балконѣ струили сладкій ароматъ.

— Спой, Марія!—сказала Роза.—Спой ту красивую пѣсню о пещерѣ Троглодитовъ! Пусть Антоніо послушаетъ!

Марія запѣла удивительно нѣжнымъ и мягкимъ голосомъ тихую колыбельную пѣсню. Текстъ и мелодія поразительно соотвѣтствовали другъ другу, ласкали слухъ и уносили сердце и душу въ страну красоты, баюкали ихъ на прозрачныхъ, какъ эфиръ, волнахъ.

— Эта пѣсня какъ будто проникнута какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, дышетъ чѣмъ-то неземнымъ!—сказала Роза.

— Такимъ проявляется безтѣлесный духъ!—сказалъ я.

— Такимъ представляется прекрасный Божій міръ слѣпому!—вздохнула Марія.

— Ну, а развѣ не такимъ является онъ прозрѣвшему?—спросила Роза.

— Не такимъ, и всетаки еще прекраснѣе!—отвѣтила Марія.

Роза разсказала мнѣ то, что я уже слышалъ отъ Поджіо—о слѣпотѣ и исцѣленіи Маріи, благодаря операціи ея дяди. Марія вспоминала о дядѣ съ любовью и благодарностью и съ дѣтскою простотою разсказала мнѣ, ка-

кимъ представлялся ей прежде весь свѣтъ, теплое солнышко, люди, широкіе листья кактусовъ и огромные храмы.—Въ Греціи ихъ больше, чѣмъ здѣсь!—вдругъ замѣтила она и пріостановилась на минуту.—Я представляла себѣ цвѣта и краски въ видѣ звуковъ!—продолжала она затѣмъ.—Мнѣ говорили, что фіалки голубого вцѣта, море и небо тоже, и запахъ фіалокъ говорилъ мнѣ, какъ прекрасны море и небо. Когда тѣлесный взоръ мертвъ, духовный тѣмъ зорче. Слѣпой вѣритъ въ духовный міръ. Все, что онъ видитъ, открывается ему только посредствомъ этого міра.

Я вспомнилъ о Ларѣ въ вѣнкѣ изъ голубыхъ фіалокъ;ароматъ апельсинныхъ деревьевъ также переносилъ меня въ Пестумъ, гдѣ среди развалинъ храмовъ росли фіалки и красные левкои. Мы заговорили о величественной красотѣ природы, о морѣ и горахъ, и Розѣ опять взгрустнулось при мысли о Неаполѣ. Тутъ я сказалъ имъ, что скоро уѣзжаю изъ Венеціи.

— Вы покидаете насъ?—грустно сказала Роза.—Вотъ ужъ не ждала-то!

— И вы больше не вернетесь въ Венецію?—спросила Марія.—Не вернетесь къ вашимъ друзьямъ?

— Конечно, непремѣнно!—отвѣтилъ я и, хотя это вовсе не входило въ мои планы, сталъ увѣрять ихъ, что, возвращаясь изъ Милана въ Римъ, проѣду чрезъ Венецію. Но я и самъ не вѣрилъ тому, что говорилъ и, отправившись на могилу Аннунціаты, взялъ на память листочекъ изъ вѣнка, какъ будто уже не разсчитывалъ когда-либо вернуться сюда. Дѣйствительно, я пришелъ сюда въ послѣдній разъ. Могила скрывала въ себѣ лишь прахъ; въ моемъ же сердцѣ жила память о прекрасномъ существѣ, а обитавшій въ немъ духъ находился теперь на небѣ у Мадонны! Могила Аннунціаты, да маленькая гостиная, гдѣ я прощался съ Маріей и Розой, однѣ видѣли мои слезы и горе.

— Пошли вамъ Богъ женщину, которая бы вознаградила васъ за вашу сердечную утрату!—сказала мнѣ Роза.—Приведите ее ко мнѣ въ объятія! Я знаю, что полюблю ее, какъ вы научили меня любить Аннунціату.

— Вернитесь къ намъ счастливымъ!—сказала Марія, печально подавая мнѣ руку, которую я поцѣловалъ. Подеста поднялъ бокалъ съ пѣнящимся шампанскимъ, а Поджіо спѣлъ веселую напутственную пѣснь, въ которой говорилось о вертящемся колесѣ счастья и пѣніи птицъ на волѣ. Затѣмъ онъ сѣлъ со мною въ гондолу, чтобы проводить меня до Фузина. Дамы махали съ балкона платками. «Кто знаетъ, какія совершатся событія, прежде чѣмъ я снова увижусь съ ними?» Поджіо во время пути былъ оживленъ и веселъ, какъ школьникъ, но веселость его, видимо, была напускная. Онъ крѣпко обнялъ меня и взялъ съ меня слово почаще переписываться съ нимъ.—Смотри же, поскорѣе сообщи мнѣ о своей прекрасной невѣстѣ, да не забудь о закладѣ!—прибавилъ онъ.

— До шутокъ-ли теперь!—сказалъ я.—Ты, вѣдь, знаешь мое рѣшеніе!—И мы разстались.

Достопримѣчательности Вероны. Миланскій соборъ. Встрѣча у тріумфальной арки Наполеона. Мечта и дѣйствительность. Лазурный гротъ.

Карета покатилась. Я увидѣлъ зеленые берега Бренты, поросшіе плакучими ивами, прекрасныя виллы и далекія горы. Къ вечеру я прибылъ въ Падую. Первое, что привѣтствовало меня здѣсь, были облитые луннымъ сіяніемъ семь горделивыхъ куполовъ церкви св. Антонія. На улицахъ царило большое оживленіе, но я чувствовалъ себя здѣсь такимъ одинокимъ, всѣмъ чужимъ. Утромъ, при свѣтѣ солнца, городъ показался мнѣ еще непривѣтливѣе. «Дальше, дальше! Путешествіе разсѣетъ мою скорбь!» думалъ я и покатилъ дальше.

Кругомъ разстилалась зеленая равнина, покрытая сочною зеленью, какъ Понтійскія болота. Надъ канавами склонялись, словно бѣлые водяные каскады, плакучія ивы, всюду виднѣлись часовенки съ образами Мадонны; нѣкоторые уже совсѣмъ потускнѣли и выцвѣли отъ времени, и самыя часовни готовы были разрушиться. Но попадались и новыя, только что отстроенныя часовни, украшенныя новыми образами. Я замѣтилъ, что нашъ веттурино снималъ шляпу лишь передъ новыми, а старыхъ, выцвѣтшихъ образовъ какъ будто не замѣчалъ. Меня это сильно поразило. Можетъ быть, впрочемъ, я придавалъ этому обстоятельству бóльшее значеніе, нежели слѣдовало. «Даже святыня, изображеніе самой Божіей Матери, предается забвенію и уничиженію за утрату земной свѣжести и привлекательности!»—съ горечью думалъ я.

Побывавъ въ Виченцѣ, гдѣ искусство Палладіо не освѣтило моего сердца ни единымъ свѣтлымъ лучомъ, я прибылъ, наконецъ, въ Верону, первый городъ, который мнѣ понравился. Амфитеатръ перенесъ меня въ Римъ, напомнивъ Коллизей: онъ былъ прекрасною копіей съ римскаго Коллизея, но сохранился лучше, такъ какъ его не касалась разрушающая рука варваровъ. Обширныя галлереи были превращены въ товарные склады, а посреди арены стоялъ сколоченный изъ досокъ балаганъ, въ которомъ давала представленія какая-то заѣзжая оперная труппа. Я пошелъ туда вечеромъ. Веронцы сидѣли на тѣхъ же самыхъ ступеняхъ амфитеатра, гдѣ сиживали ихъ предки. Давали «la Generentola». Это была та же самая труппа, къ которой недавно принадлежала Аннунціата. Главную партію пѣла Аврелія. Жалкое было зрѣлище. Балаганчикъ совсѣмъ терялся среди этой исполинской арены. Контрабасъ заглушалъ прочіе немногочисленные инструменты въ оркестрѣ. А публика неистово аппло-

дировала и вызывала Аврелію! Я поспѣшилъ уйти. На улицѣ стояла тишина; ночь была лунная; отъ величественнаго зданія падала гигантская тѣнь.

Мнѣ разсказали исторію вражды Монтекки и Капулетти, разлучившей двухъ влюбленныхъ, которыхъ затѣмъ соединила смерть, и показали мнѣ дворецъ Капулетти, гдѣ Ромео впервые увидѣлъ Юлію на балу. Теперь дворецъ былъ превращенъ въ постоялый дворъ. Я поднялся по лѣстницѣ, по которой прокрадывался нѣкогда навстрѣчу любви и смерти молодой Ромео. Большая бальная зала еще сохранилась, но фрески на стѣнахъ выцвѣли; большія окна были еще цѣлы, но всюду лежали кучи сора и грязи, вдоль стѣнъ тянулись бочки съ известью, а по угламъ валялись сбруя и разныя хозяйственныя орудія. И здѣсь-то нѣкогда кружились подъ звуки сладостной музыки знатнѣйшіе веронцы, здѣсь-то Ромео и Юлія пережили короткій мигъ упоенья любовью! Да, вотъ гдѣ я еще глубже проникнулся сознаніемъ ничтожества и тщеты всякаго земного блеска, почувствовалъ, что Фламинія избрала благую часть, что и Аннунціата, наконецъ, удостоилась того же! Мои дорогія умершія были теперь счастливы! Сердце мое ускоренно билось, меня снѣдало какое-то лихорадочное безпокойство, и я нигдѣ не находилъ себѣ покоя. «Въ Миланъ! Тамъ ты найдешь пріютъ!» подумалъ я и поѣхалъ въ Миланъ. Прибылъ я туда почти черезъ мѣсяцъ послѣ моего отъѣзда изъ Венеціи. Нѣтъ, въ Венеціи было гораздо лучше! Тамъ я чувствовалъ себя какъ дома, а здѣсь я былъ одинокъ и даже не желалъ заводить знакомствъ, не воспользовался ни однимъ изъ данныхъ мнѣ рекомендательныхъ писемъ.

Огромный шести-ярусный театръ со своими зіяющими, какъ пещеры, ложами и огромною залою, которая едва-ли часто бываетъ полна, производилъ впечатлѣніе пустыни и въ то же время какъ будто давилъ меня. Я былъ тамъ всего разъ; давалась опера Доницетти «Торквато Тассо». Примадонну, любимицу публики, вызывали безъ конца; она выходила, сіяя улыбкою, но я смотрѣлъ на нее съ глубокимъ сожалѣніемъ и желалъ ей умереть въ этотъ моментъ высшаго своего торжества. Кто знаетъ, что ждетъ ее въ будущемъ? Пусть лучше теперь свѣтъ оплакиваетъ ее, нежели она потомъ утраченное благоволеніе свѣта! Въ балетѣ участвовали и прелестныя дѣти, но мое сердце обливалось кровью при видѣ ихъ красоты. Больше я и не заглядывалъ въ La Scala.

Одинъ бродилъ я по тѣнистымъ улицамъ большого города, одинъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и работалъ надъ трагедіей «Леонардо да Винчи». Здѣсь, вѣдь, онъ жилъ, здѣсь я видѣлъ его безсмертную «Вечерю». Исторія его несчастной любви такъ походила на мою: его возлюбленная тоже удалилась въ монастырь! И я думалъ о Фламиніи, объ Аннунціатѣ, и

писалъ, писалъ подъ диктовку сердца. Но мнѣ сильно недоставало Поджіо, Маріи и Розы. Мое больное сердце такъ нуждалось въ ихъ любви и заботахъ. Я написалъ въ Венецію, но отвѣта не получилъ. Даже Поджіо не сдержалъ своего слова писать мнѣ, не забывать друга! И онъ оказался такимъ же, какъ всѣ, такъ называемые, друзья! Я ежедневно посѣщалъ Миланскій соборъ, эту дивную мраморную глыбу, словно вырубленную изъ Каррарскихъ скалъ. Въ первый разъ я увидѣлъ его вечеромъ, при свѣтѣ луны. Ослѣпительно бѣлая верхняя часть собора ярко вырисовывалась на голубомъ небѣ. Отовсюду, куда ни взглянешь, изъ каждаго угла, изъ каждой ниши выступали мраморныя изваянія. Внутренность собора ослѣпляла даже больше, чѣмъ внутренность собора св. Петра. Этотъ таинственный полумракъ, лучи свѣта, пробиравшіеся черезъ разноцвѣтныя стекла оконъ, переносили меня въ какой-то неземной міръ. Да, вотъ воистину храмъ Божій! Я прожилъ въ Миланѣ цѣлый мѣсяцъ и тогда только собрался въ первый разъ взглянуть на него съ высоты собора. Солнце горѣло на его ослѣпительно бѣлой крышѣ, на которой, словно на обширной мраморной площади, возвышались, будто отдѣльныя церкви и капеллы, башни собора. Глубоко, глубоко внизу раскинулся Миланъ, а вокругъ взору моему открывались все новыя и новыя статуи, которыхъ не видно было снизу, съ улицы. Я достигъ самой высшей точки и остановился у мощной статуи Христа, вѣнчающей все зданіе. На сѣверъ виднѣлись высокія темныя Альпы, на югъ низкія блѣдно-голубыя Аппенины, а между тѣми и другими разстилалась безграничная зеленая равнина. Я обратилъ взоръ на востокъ, гдѣ лежала Венеція. По направленію къ ней тянулась въ поднебесьи длинною лентой стая перелетныхъ птицъ. Я вспомнилъ оставленныхъ мною тамъ дорогихъ мнѣ людей: Поджіо, Розу, Марію, и мною овладѣла такая тоска! Мнѣ вспомнился разсказъ, слышанный мною въ дѣтствѣ, когда я съ матушкой, Маріучіей и Анджелиной возвращался съ прогулки на озеро Неми. Анджелина разсказывала намъ о бѣдной Терезѣ изъ Олевано, которая изводилась съ тоски по Джузеппе, ушедшемъ на сѣверъ за горы; старая Фульвія положила въ горшокъ разныхъ травъ и поставила снадобье на огонь; оно закипѣло, и Джузеппе охватила такая тоска по родинѣ, что онъ безъ оглядки, безъ отдыха, не останавливаясь нигдѣ ни днемъ, ни ночью, заспѣшилъ домой, гдѣ кипѣло снадобье изъ травъ съ локонами волосъ его и Терезы. Я тоже чувствовалъ неодолимое безпокойство и странную тоску, но то не была тоска по родинѣ,—Венеція, вѣдь, не была моею родиной! Мнѣ стало настолько не по себѣ, что я поспѣшилъ спуститься внизъ. Дома я нашелъ письмо отъ Поджіо. Наконецъ-то! Оказывалось, что онъ уже писалъ мнѣ разъ, но письмо не дошло до меня. Въ Венеціи было попрежнему весело, только Марія была серьезно больна; боя-

лись даже за ея жизнь, но теперь опасность миновала, и дѣвушка поправлялась, хотя еще и не выходила изъ дома. Затѣмъ Поджіо шутливо спрашивалъ меня, не плѣнился-ли я какою-нибудь красавицей въ Миланѣ, и напоминалъ о закладѣ. Письмо дышало такимъ беззаботнымъ веселіемъ, что, какъ ни мало вообще соотвѣтствовало моему душевному настроенію, всетаки обрадовало меня. Я какъ будто увидѣлъ передъ собою самого милаго, живого, веселаго Поджіо! «Вотъ вамъ и людскіе толки!» думалъ я. «Говорятъ, что онъ таитъ въ сердцѣ глубокое горе, что веселость его напускная, а онъ таковъ и есть по натурѣ! Говорятъ, что Марія моя невѣста, а я и не думаю любить ее! Я скучаю по ней, какъ и по Розѣ, а, вѣдь, не говорятъ же, что я влюбленъ въ Розу. Ахъ, скорѣе бы назадъ въ Венецію! Тутъ я не выдержу!» Но потомъ я опять осмѣивалъ себя за свое странное влеченіе. Чтобы разсѣяться, я вышелъ изъ воротъ на площадь д'Арми къ тріумфальной аркѣ Наполеона, или Порта Чемпіоне, какъ ее называютъ. Тутъ кипѣла работа. Я вошелъ въ калитку низкаго забора, окружавшаго великолѣпное сооруженіе; на землѣ стояли два новыхъ мраморныхъ коня; кругомъ были разбросаны мраморныя глыбы и колонны. Какой-то пріѣзжій стоялъ и записывалъ въ книжку то, что разсказывалъ ему гидъ. На видъ ему было лѣтъ тридцать. Я прошелъ мимо него и замѣтилъ у него на груди два неаполитанскихъ ордена. Вотъ онъ поднялъ глаза на арку, и я узналъ его. Это былъ Бернардо. Онъ тоже увидѣлъ меня, кинулся ко мнѣ, обнялъ меня и весело воскликнулъ:

— Антоніо! Давненько не видались! И простились-то мы съ шумомъ и трескомъ! Но, вѣдь, мы все еще друзья, надѣюсь?

Кровь застыла у меня въ жилахъ.—Бернардо!—воскликнулъ я.—Вотъ гдѣ довелось намъ встрѣтиться, на сѣверѣ, подъ самыми Альпами!

— Я такъ даже съ самыхъ Альпъ! Съ глетчеровъ! Видѣлъ тамъ, на холодныхъ горахъ, край свѣта!—И онъ разсказалъ мнѣ, что путешествовалъ все лѣто по Швейцаріи. Нѣмецкіе офицеры, состоявшіе на неаполитанской службѣ, столько наразсказали ему о величіи Швейцаріи, что онъ взялъ, да и порхнулъ на пароходѣ изъ Неаполя въ Генуую, а оттуда и дальше, побывалъ въ долинѣ Шамуни и даже взбирался на Монбланъ и на Юнгфрау, на «la bella ragazza», какъ онъ назвалъ ее.—И прехолодная эта красавица!—добавилъ онъ. Мы пошли вмѣстѣ къ новому амфитеатру, затѣмъ назадъ, въ городъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что ѣдетъ теперь въ Генуую, къ своей невѣстѣ, что собирается остепениться и жениться, звалъ меня на свадьбу, а потомъ лукаво шепнулъ мнѣ на ухо:—А что-жъ ты молчишь о моей ручной птичкѣ, о нашей пѣвичкѣ и обо всѣхъ прочихъ исторіяхъ! Теперь ты самъ узналъ, что юному сердцу не обойтись безъ нихъ. Впрочемъ, узнай о нихъ моя невѣста, у нея, пожалуй, разболѣлась бы голова, а это было бы жаль, я такъ люблю ее!—Я не могъ рѣшиться

заговорить съ нимъ объ Аннунціатѣ; я чувствовалъ, что онъ никогда не любилъ ее такъ, какъ я.—Поѣдемъ со мной!—продолжалъ онъ.—Въ Генуѣ много красавицъ, и ты, вѣдь, теперь сталъ старше и умнѣе, знаешь въ нихъ толкъ! Неаполь просвѣтилъ тебя! Неправда-ли? Черезъ три дня я отправляюсь туда. Ѣдемъ со мною!

— Но я уѣзжаю завтра утромъ!—невольно вырвалось у меня, хотя я и не думалъ еще уѣзжать. Но теперь слово было сказано.

— Куда?—спросилъ Бернардо.

— Въ Венецію!—отвѣтилъ я.

— Ну, ты долженъ перемѣнить свой планъ!—сказалъ онъ и принялся уговаривать меня, а я, въ свою очередь, такъ горячо сталъ убѣждать его въ томъ, что мнѣ необходимо завтра же уѣхать въ Венецію, что и самъ повѣрилъ этому. Безъ всякихъ проволочекъ я сейчасъ же устроилъ всѣ свои дѣла, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ отъѣздъ мой былъ рѣшенъ давно.

Меня увлекалъ изъ Милана невидимый Промыселъ. О снѣ нечего было и думать, я прилегъ всего на какой-нибудь часъ, да и тотъ провелъ въ какомъ-то лихорадочномъ забытьи, не то спалъ, не то бодрствовалъ. «Въ Венецію! въ Венецію!» раздавался въ моемъ сердцѣ неумолчный голосъ.

Я зашелъ къ Бернардо проститься, попросилъ его передать мой привѣтъ его невѣстѣ и полетѣлъ туда, откуда уѣхалъ два мѣсяца тому назадъ. Минутами мнѣ казалось, что я принялъ отравы, разливавшейся теперь по моимъ жиламъ. Какой-то необъяснимый страхъ гналъ меня впередъ. Что-то ожидало меня въ Венеціи?

Вотъ я и опять въ Фузина, вотъ и Венеція съ ея сѣрыми стѣнами, башней св. Марка и лагунами, и—мое странное безпокойство, моя тоска и страхъ исчезли мгновенно. Ихъ смѣнило совсѣмъ иное чувство. Какъ бы назвать его? Мнѣ какъ будто стыдно было самого себя, я былъ недоволенъ самимъ собою! Теперь я не понималъ, что́ собственно меня тянуло сюда, чувствовалъ все безразсудство своихъ поступковъ, и мнѣ казалось, что всѣ будутъ спрашивать меня: «Зачѣмъ это тебя опять принесло сюда?» Я занялъ нумеръ въ гостиницѣ и поспѣшно принялся переодѣваться; я хотѣлъ сейчасъ же отправиться къ Розѣ и Маріи, несмотря на то, что мнѣ сильно нездоровилось. Что-то онѣ скажутъ, увидя меня?

Гондола пристала къ берегу. Какія только странныя мысли не приходятъ въ голову человѣку! «А что, если я пріѣхалъ на веселый пиръ? Что если Марія невѣста? Что если готовятся сыграть свадьбу?.. Ну и что-жъ? Вѣдь, я не люблю ея! Развѣ я не повторялъ этого тысячу разъ и самому себѣ, и Поджіо, и каждому, кто высказывалъ подобное предположеніе!» Вотъ я опять увидѣлъ передъ собою зеленовато-сѣрыя стѣны и высокія окна палаццо Подесты, и сердце мое тоскливо забилось. Я вошелъ. Слуга молча распахнулъ передо мною двери, не выражая ни-

какого удивленія по поводу моего прихода; его какъ будто занимало что-то совсѣмъ другое.—Подеста всегда дома для васъ, синьоръ!—вотъ все, что онъ сказалъ мнѣ. Въ большой залѣ стояла мертвая тишина; всѣ занавѣси были спущены. «Здѣсь жила Дездемона», подумалъ я: «здѣсь она страдала, и все же Отелло страдалъ еще ужаснѣе». И съ чего пришла мнѣ на умъ эта старая исторія! Я прошелъ въ комнату Розы; и здѣсь занавѣси были спущены, стоялъ полумракъ. Я опять почувствовалъ тотъ необъяснимый страхъ, который преслѣдовалъ меня во все время пути и гналъ въ Венецію. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу; пришлось ухватиться за стулъ, чтобы не упасть. Въ эту минуту вошелъ Подеста, обнялъ меня и выразилъ свою радость по поводу моего пріѣзда. Я спросилъ о Розѣ и Маріи, и мнѣ показалось, что взглядъ его вдругъ принялъ серьезное выраженіе.—Онѣ уѣхали!—отвѣтилъ онъ.—Онѣ вздумали прокатиться въ Падую вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ семействомъ. Вернутся онѣ завтра или послѣзавтра.—Не знаю почему, но я не повѣрилъ его словамъ. Можетъ быть, причиною было все то же болѣзненное состояніе мое, порожденное печалью и угнетеннымъ состояніемъ духа, достигшее теперь своего высшаго напряженія и готовое разразиться настоящею болѣзнью. Чѣмъ бы иначе и объяснить душевное возбужденіе, понудившее меня вернуться въ Венецію?

За ужиномъ я живо почувствовалъ отсутствіе Розы и Маріи; Подеста тоже былъ что-то не веселъ, но объяснялъ это какою-то затянувшеюся тяжбою, не представлявшею, впрочемъ, особенной важности.—И Поджіо тоже нигдѣ не видать!—вздохнулъ онъ.—Всѣ несчастья заразъ, да и вы больны! Веселый вечеръ, нечего сказать! Можетъ быть, вино подбодритъ насъ!.. Но вы блѣдны, какъ смерть!—вскричалъ онъ вдругъ, а я почувствовалъ въ эту минуту, что все вокругъ меня заплясало, завертѣлось, и затѣмъ я потерялъ сознаніе. У меня открылась нервная горячка.

Когда я пришелъ въ себя, я увидѣлъ, что лежу въ уютной полутемной комнатѣ. Возлѣ меня сидѣлъ Подеста. Онъ сказалъ мнѣ, что я долженъ остаться у него въ домѣ,—тогда я живо поправлюсь; Роза будетъ ухаживать за мною. О Маріи онъ не упомянулъ.

Я лежалъ въ полузабытьи; спустя нѣсколько времени я услышалъ, что дамы вернулись, и что я скоро увижу ихъ. Я и увидѣлъ Розу; она была печальна, мнѣ даже показалось, что она плакала. Не изъ-за меня же,—я чувствовалъ себя уже гораздо лучше. Наступилъ вечеръ, и мнѣ показалось, что въ домѣ вдругъ воцарилась какая-то зловѣщая тишина, и въ то же время началось усиленное движеніе. На мои вопросы отвѣчали уклончиво; но слухъ мой сталъ такъ болѣзненно-чутокъ, что я слышалъ не только шаги людей, расхаживавшихъ въ нижней залѣ подъ моей

комнатой, но и ихъ разговоры, и даже всплески воды въ каналѣ: то подплывали къ палаццо одна за другою гондолы. И вотъ, въ то время, какъ всѣ думали, что я сплю, а я только лежалъ въ легкомъ забытьи, я и понялъ изъ перешептываній окружающихъ, что Марія умерла! Поджіо сообщалъ мнѣ о ея болѣзни, но писалъ также, что она выздоровѣла. Видно, однако, болѣзнь возобновилась, и дѣвушки не стало. Въ этотъ самый вечеръ ее хоронили, но хотѣли скрыть это отъ меня. «Такъ Марія умерла! Вотъ что означалъ тотъ страхъ, который гналъ меня сюда, но я явился слишкомъ поздно и уже не увижу ея больше! Теперь она переселилась въ міръ безплотныхъ духовъ, которому всегда принадлежала. Роза, вѣрно, украсила ея гробъ фіалками! Она такъ любила эти голубые, благоухающіе цвѣточки, и теперь спитъ осыпанная ими!» Я лежалъ неподвижно, словно мною овладѣлъ смертный сонъ, и слышалъ, какъ Роза благодарила за это Бога. Наконецъ, она оставила меня; въ комнатѣ не было ни души; было темно; я вдругъ почувствовалъ необыкновенный приливъ силъ. Фамильная усыпальница Подесты была въ церкви Дей Фрари; я это зналъ. Гробъ съ умершей, согласно обычаямъ, долженъ былъ простоять всю ночь передъ алтаремъ. Я хотѣлъ видѣть ее! Я всталъ; лихорадка моя прошла, я чувствовалъ себя сильнѣе, набросилъ на себя плащъ и вышелъ... Никто не видѣлъ меня... Я сѣлъ въ гондолу. Всѣ мои мысли были заняты умершею... Церковная дверь была уже заперта; Ave Maria давно кончилась. Я постучался въ сторожку. Сторожъ узналъ меня, такъ какъ не разъ видѣлъ меня въ церкви съ семействомъ Подесты и показывалъ мнѣ могилы Тиціана и Кановы.—Вы хотите видѣть умершую?—спросилъ онъ, отгадавъ мою мысль.—Гробъ открытъ и стоитъ передъ алтаремъ; завтра его поставятъ въ склепъ!—Онъ зажегъ фонарь, взялъ связку ключей и отперъ маленькую боковую дверь. Я вошелъ. Гулко раздались подъ высокими нѣмыми сводами мои шаги. Передъ образомъ Мадонны горѣла лампада, бросавшая на окружающее блѣдный свѣтъ. Бѣлыя мраморныя статуи на гробницѣ Кановы вырисовывались неясными тѣнями и походили на мертвецовъ въ саванахъ. Передъ главнымъ алтаремъ горѣли три большія лампады. Я не ощущалъ ни страха, ни горя; я какъ будто самъ уже принадлежалъ къ этому царству мертвыхъ, былъ здѣсь между своими. Я приблизился къ алтарю. Какъ здѣсь пахло фіалками! Лучъ лампады падалъ на открытый гробъ и умершую. Это была Марія! Она какъ будто спала. Блѣдная и прекрасная, какъ мраморное изваяніе, лежала она, вся усыпанная фіалками. Черные волосы были связаны въ узелъ; на челѣ красовался вѣнокъ изъ фіалокъ. Эти закрытые глаза, это спокойствіе, застывшее на прекрасномъ лицѣ, глубоко потрясли меня: передо мною лежала Лара! Такою вотъ видѣлъ я ее и въ храмѣ, когда поцѣловалъ ее въ лобъ;

Но тогда я цѣловалъ ее живую, а теперь она была безжизненною, мраморною статуей, трупомъ. — Лара! — вздохнулъ я и упалъ передъ гробомъ на колѣни.—Лара! Даже послѣ смерти твои закрытые глаза, твои нѣмыя уста говорятъ моему сердцу! Я узналъ тебя, узналъ въ Маріи! И я хочу умереть съ тобою!—Тутъ я разразился слезами. Онѣ падали на лицо умершей, и я осушалъ ихъ своими поцѣлуями.—Всѣ покинули меня!—стоналъ я.—Даже ты, послѣдняя мечта моего сердца! Душа моя не горѣла къ тебѣ такою любовью, какъ къ Аннунціатѣ, или къ Фламиніи, но я просто молился на тебя! Я питалъ къ тебѣ ту чистую духовную любовь, какую знаютъ одни ангелы! Я и самъ не зналъ, что любилъ тебя, такъ чисто, далеко отъ всякой чувственной страсти было мое чувство! Я не понималъ его самъ, какъ же я могъ рѣшиться высказать его тебѣ!.. Прощай, моя послѣдняя любовь, моя невѣста! Блаженъ твой сонъ!—Я поцѣловалъ чело умершей.—Моя духовная невѣста! Я не протяну руки другой женщинѣ! Прощай! Прощай!—Я снялъ съ своего пальца кольцо, надѣлъ его на палецъ Лары и поднялъ глаза къ небу, призывая въ свидѣтели невидимаго Бога. Вдругъ я затрепеталъ: мнѣ почудилось, что умершая прижала свою руку къ моей. Не можетъ быть! Я устремилъ на нее взоръ... Да, губы ея шевелились! Голова моя закружилась, волосы встали дыбомъ, я не могъ шевельнуться отъ ужаса. — Мнѣ холодно!—прошептала умершая.—Лара! Лара!—воскликнулъ я, и свѣтъ померкъ въ моихъ глазахъ, въ ушахъ загудѣли мягкіе, чарующіе звуки органа... Но вотъ чья-то рука нѣжно коснулась моего лба, блеснулъ лучъ свѣта, и я опять открылъ глаза.

— Антоніо!—услышалъ я голосъ склонившейся надо мною Розы. На столѣ горѣла лампа, на колѣняхъ возлѣ моей постели стояла плачущая дѣвушка. Я узналъ ее и понялъ, что пережилъ тѣ страшныя минуты не на яву, а въ горячешномъ бреду.

— Лара! Лара!—воскликнулъ я. Она закрыла глаза руками. Что такое я говорилъ въ бреду? Видѣніе мое живо воскресло въ моей памяти и я прочелъ во взглядѣ Маріи, что она слышала признаніе моего сердца.

— Горячка прошла!—прошептала Роза.

— Да, я чувствую себя хорошо, такъ хорошо! — сказалъ я, глядя на Марію. Она поднялась съ колѣнъ и хотѣла выйти изъ комнаты.

— Не уходите!—взмолился я, протягивая къ ней руки. Она осталась и подошла ко мнѣ, краснѣя отъ волненія.

— А мнѣ приснилось, что вы умерли!—сказалъ я.

— Это былъ горячешный бредъ!—отвѣтила Роза и подала мнѣ лекарство.

— Лара—Марія! Выслушайте меня!—сказалъ я.—Это уже не бредъ! Я чувствую, какъ въ мою кровь вливается струя новой жизни! Мы давно знаемъ другъ друга. Если же это не такъ, то вся моя жизнь—причуд-

ливый сонъ! Вы уже слышали мой голосъ, близъ Пестума, близъ Капри, и вы узнали его! Лара! Жизнь такъ коротка, отчего бы намъ не подать другъ другу руки и не пройти этотъ краткій путь вмѣстѣ!—Я протянулъ ей руку, она прижала ее къ своимъ губамъ.—Я люблю тебя, всегда любилъ тебя!—продолжалъ я, обращаясь къ милой дѣвушкѣ, безмолвно стоявшей возлѣ меня на колѣняхъ.

«Любовь», говоритъ миѳъ, «привела въ порядокъ хаосъ, создала міръ». И каждому любящему сердцу приходится вновь убѣдиться въ этомъ. Во взорахъ Маріи я почерпалъ жизнь и здоровье. Она любила меня. Нѣсколько дней спустя, мы стояли съ нею вдвоемъ въ маленькой комнаткѣ съ балкономъ, гдѣ благоухали апельсинныя деревца и гдѣ она однажды пѣла для меня. Но еще мягче, еще слаще звуковъ той пѣсни прозвучало теперь для меня признаніе ея сердца! Я не ошибся: Лара и Марія были одно лицо.

— Я всегда любила тебя!—сказала она.—Твое пѣніе пробудило въ моей душѣ тоску и желаніе познать прекрасный міръ Божій, въ которомъ я знала лишь душистыя фіалки, да теплое солнышко. Твой поцѣлуй обжегъ меня, согрѣлъ мое сердце, какъ солнечный лучъ! Слѣпой доступенъ лишь міръ духовный, и въ немъ я видѣла тебя. Ночью, послѣ того, какъ я слышала твою импровизацію въ храмѣ Нептуна, мнѣ приснился странный сонъ, который какъ-то сливался съ дѣйствительностью. Одна цыганка предсказала мнѣ, что я прозрѣю. Она-то и приснилась мнѣ во снѣ и велѣла мнѣ отправиться съ моимъ старымъ воспитателемъ въ заколдованную пещеру, что близъ Капри. Тамъ, будто бы, вернется ко мнѣ зрѣніе,—ангелъ жизни дастъ мнѣ травъ, и я, какъ Товія, увижу міръ Божій. Тотъ же сонъ приснился мнѣ въ эту ночь еще разъ. Я разсказала его Анджело, но онъ отнесся къ нему съ недовѣріемъ. На другое утро сонъ приснился ему самому, и тогда онъ сказалъ:—Да будетъ благословенна Мадонна! Даже злые духи должны повиноваться ей!—Мы сѣли въ лодку, онъ натянулъ паруса, и мы поплыли по морю. Прошелъ день, вечеръ и ночь, и я все это время жила въ какомъ-то дивномъ неземномъ мірѣ!.. Потомъ я услышала, какъ ангелъ жизни назвалъ меня по имени. Голосъ его походилъ на твой. Онъ далъ мнѣ травъ и груды золота, сокровища, собранныя въ разныхъ странахъ міра. Мы сварили травы, но онѣ не помогли мнѣ, слѣпота моя не проходила. Скоро нашу хижину посѣтилъ братъ Розы, докторъ. Онъ тронулся моимъ желаніемъ увидѣть прекрасный міръ Божій, пообѣщалъ вылечить меня и увезъ меня съ собою въ Неаполь. И вотъ, я узрѣла прекрасный міръ Божій! Докторъ и Роза полюбили меня, занялись моимъ воспитаніемъ и открыли мнѣ еще новый міръ духовныхъ радостей. Я осталась у нихъ, они назвали меня Маріей въ память своей умершей сестры. Однажды Анджело принесъ мнѣ

всѣ сокровища, говоря, что они мои, и что онъ, чувствуя близость смерти, собралъ послѣднія силы, чтобы доставить ихъ мнѣ. Вскорѣ этотъ единственный защитникъ и покровитель мой съ самаго дѣтства дѣйствительно умеръ. Тогда братъ Розы сталъ серьезно допрашивать меня о немъ и о сокровищахъ. Я могла повторить лишь то, что знала отъ Анджело. Онъ сказалъ мнѣ, что сокровища вручилъ ему духъ заколдованной пещеры. Я же съ своей стороны могла только прибавить, что мы всегда жили въ бѣдности и что Анджело не могъ быть разбойникомъ: онъ всегда отличался набожностью и добротою, дѣлился со мною послѣднимъ.

Тогда я разсказалъ Ларѣ о странныхъ событіяхъ, благодаря которымъ нить ея жизни такъ загадочно переплелась съ нитью моей и сказалъ, что видѣлъ ее вмѣстѣ съ Анджело въ пещерѣ. О томъ, что старикъ самъ взялъ вазу съ золотомъ, я не упомянулъ, но прибавилъ, что травы далъ ей я.

— Но, вѣдь, духъ, протянувъ мнѣ травы, ушелъ въ землю! Такъ разсказывалъ мнѣ Анджело!—возразила она.

— Это ему только показалось! Ноги мои подкосились, и я обезсиленный сначала опустился на колѣни, а потомъ и совсѣмъ упалъ въ высокую траву.—Да, встрѣча въ томъ чудномъ лазурномъ мірѣ и связала наши жизни таинственнымъ неразрывнымъ узломъ!—Наша любовь,—продолжалъ я:—началась въ мірѣ духовъ! Туда уходятъ послѣ смерти всѣ милые нашему сердцу, туда влечетъ насъ самихъ даже при жизни, какъ же намъ не вѣрить въ него!—И я прижалъ Лару къ своему сердцу. Она была такъ же прекрасна, какъ и въ первый разъ, когда я встрѣтилъ ее.

— Я узнала тебя здѣсь, въ Венеціи, по голосу!—сказала она.—Сердце мое такъ и рвалось къ тебѣ! Я думаю, что встрѣть я тебя даже въ храмѣ, передъ лицомъ самой Божіей Матери, я и тамъ упала бы къ твоимъ ногамъ! Потомъ мы стали видѣться, и я съ каждымъ днемъ открывала въ тебѣ все новыя и новыя достоинства! Вторично я вторгнулась въ твою жизнь, когда Аннунціата благословила меня, какъ твою невѣсту... Но ты оттолкнулъ меня, сказавъ, что никогда не полюбишь больше никого, не женишься ни на комъ! И, разсказывая объ удивительныхъ приключеніяхъ своей жизни, ты никогда не упоминалъ о Ларѣ, о Пестумѣ или о Капри! Я и думала, что ты не любишь меня, что ты забылъ меня, что я никогда не была дорога твоему сердцу!

Я поцѣловалъ ея руку и объяснилъ ей, что взоръ ея всегда сковывалъ мои уста. Только когда тѣло лежало на смертномъ одрѣ, а духъ парилъ въ иномъ мірѣ, съ которымъ такъ удивительно была связана наша любовь, осмѣлился я высказать завѣтныя чувства сердца.

Никто, кромѣ Розы и Подесты, не зналъ о нашемъ счастьѣ. Но какъ охотно открылся бы я Поджіо! Онъ ежедневно навѣщалъ меня во время моей болѣзни. Когда я, наконецъ, оправился и увидѣлъ его при яркомъ

дневномъ свѣтѣ, мнѣ показалось, что онъ какъ-то сильно поблѣднѣлъ и похудѣлъ за это время.

— Поджіо, приходите къ намъ сегодня вечеромъ!—сказалъ Подеста.— Непремѣнно! Будутъ только свои, Антоніо и еще трое друзей.—Поджіо явился. Весь домъ былъ разубранъ по праздничному.—Что у васъ, именины сегодня?—спросилъ Поджіо. Вмѣсто отвѣта Подеста повелъ его и остальныхъ друзей въ домовую капеллу. Тамъ Лара подала мнѣ руку, и я повелъ ее къ алтарю. Въ темныхъ волосахъ ея красовался букетъ голубыхъ фіалокъ. Со мною рядомъ стояла слѣпая дѣвушка изъ Пестума, но теперь она была вдвое прекраснѣе! Она стала моей! Всѣ поздравляли насъ, всѣ радовались нашему счастью. Поджіо пѣлъ веселыя пѣсни и осушалъ за наше здоровье бокалъ за бокаломъ.

— Я проигралъ закладъ. — сказалъ я. — Но не жалѣю! Этотъ проигрышъ выигралъ мнѣ счастье!—И я поцѣловалъ свою жену. Радость окружающихъ выражалась шумно; наша съ Ларою была тиха и молчалива, какъ ночь, укрывшая наше счастье, когда всѣ разошлись.

— Жизнь — не сонъ! — сказалъ я. — Счастье любви — дѣйствительность! —И мы, въ объятіяхъ другъ друга, вкусили блаженство, которое могъ вдохнуть въ человѣческую грудь лишь самъ Предвѣчный Творецъ.

Два дня спустя, мы уѣхали изъ Венеціи въ имѣніе моей жены. Роза поѣхала съ нами. Поджіо я не видалъ съ самаго дня свадьбы. Теперь отъ него пришло письмо; вотъ что я прочелъ въ немъ: «Я выигралъ закладъ, но проигралъ все!» Онъ исчезъ изъ Венеціи, и подозрѣніе мое скоро перешло въ увѣренность: онъ любилъ Лару. Бѣдный Поджіо! Уста твои пѣли радостныя пѣсни въ то время, какъ сердце разрывалось отъ горя.

Францескѣ Лара очень понравилась, да и самъ я, по ея мнѣнію, значительно выигралъ за время путешествія. Eccellenza и Фабіани тоже одобрили мой выборъ, и даже лицо Аббаса Дада озарилось улыбкой, когда онъ поздравлялъ меня.

Изъ старыхъ знакомыхъ до сихъ поръ живъ еще дядюшка Пеппо *). Онъ попрежнему сидитъ на Испанской лѣстницѣ и вѣрно много лѣтъ еще будетъ привѣтствовать прохожихъ своимъ «bon giorno!»

Шестого марта 1834 г. въ гостиницѣ Пагани, на островѣ Капри, было большое стеченіе иностранцевъ. Всѣ заглядывались на молодую красавицу изъ Калабріи, прогуливавшуюся подъ руку съ своимъ мужемъ. Это были мы съ Ларой. Мы уже были женаты три года и вотъ вздумали, на пути изъ своего имѣнія въ Венецію, посѣтить островъ Капри, гдѣ произошла завязка диковинной сказки нашей жизни. Въ углу комнаты

*) Онъ былъ живъ еще въ 1846 г.

стояла старушка съ ребенкомъ на рукахъ. Какой-то иностранецъ, высокаго роста, блѣдный, съ выразительными чертами лица, одѣтый въ голубой сюртукъ, подошелъ къ дѣвочкѣ и сталъ играть съ нею, восхищаясь ея красотою. Онъ говорилъ по-французски, но зналъ нѣсколько словъ и по-итальянски; его шутки снискали ему благосклонность дѣвочки, и она даже потянулась поцѣловать его. Онъ спросилъ, какъ ее зовутъ.— Аннунціатою!— отвѣтила старушка, наша дорогая Роза.— Прелестное имя!—сказалъ онъ и поцѣловалъ ребенка, дочку, которую подарила мнѣ Лара. Я подошелъ къ нему; онъ оказался датчаниномъ. Тутъ же, въ комнатѣ, находился и еще одинъ его землякъ, человѣкъ не большого роста, съ серьезнымъ и умнымъ взглядомъ. Я раскланялся съ обоими; они, вѣдь, были соотечественниками Федериго и великаго Торвальдсена. Первый, какъ я узналъ отъ нихъ, былъ теперь въ Даніи, второй еще въ Римѣ; онъ больше, вѣдь, принадлежалъ Италіи, нежели своему холодному, мрачному сѣверу.

Мы пошли на берегъ моря и сѣли въ маленькія лодочки, на которыхъ перевозили иностранцевъ на другую сторону острова. Въ каждую лодочку брали только двоихъ; одинъ садился на одномъ концѣ лодки, другой на другомъ, а гребецъ помѣщался посрединѣ.

Я смотрѣлъ въ прозрачную водяную глубину, и воспоминанія слетались ко мнѣ свѣтлымъ роемъ. Гребецъ сильно отталкивался веслами, и лодочка наша летѣла съ быстротою стрѣлы. Мы далеко опередили остальныхъ. Скоро отлогій берегъ Капри скрылся изъ вида, и мы видѣли передъ собою только отвѣсныя крутыя скалы. Вода была голубая, цвѣта горящей сѣры. Голубыя волны бились о скалы, обросшія красными морскими яблоками. Мы были уже возлѣ противоположной стороны острова, и вотъ, между отвѣсными скалами открылось небольшое отверстіе; наша лодочка едва-едва могла проскользнуть въ него.

— Заколдованная пещера!—воскликнулъ я, и воспоминанія разомъ хлынули мнѣ въ душу.

— Да!—сказалъ гребецъ.—Такъ ее звали прежде! Теперь же разузнали, чтó это такое!—И онъ разсказалъ намъ о двухъ нѣмцахъ-художникахъ, Фрисѣ и Копишѣ, которые три года тому назадъ отважились вплыть въ пещеру и открыли тамъ красоты, на которыя теперь считаетъ долгомъ полюбоваться каждый пріѣзжій. Мы приблизились къ ущелью; сводъ подымался надъ водою не больше чѣмъ на какой-нибудь аршинъ. Гребецъ сложилъ весла, всѣ мы легли на дно лодки, и она, направляемая его рукою, скользнула въ темное отверстіе. Я услышалъ глубокій вздохъ Лары; было въ самомъ дѣлѣ жутко, но всего одну минуту. Затѣмъ мы очутились подъ обширными сводами пещеры, гдѣ все сіяло лазурью. Вода подъ нами горѣла голубымъ огнемъ. Изъ пещеры не было

другого выхода, кромѣ того маленькаго отверстія, черезъ которое мы только что проплыли. Яркій солнечный свѣтъ, проникавшій въ него, превращалъ воду въ голубой пламень, который, въ свою очередь, бросалъ сіяющій отблескъ на стѣны пещеры. Вотъ почему все здѣсь сіяло небесною лазурью, вотъ почему отовсюду какъ будто струился прозрачный голубой эфиръ. Капли же, стекавшія съ веселъ, поднятыхъ кверху, сверкали рубинами. Здѣсь воистину былъ волшебный міръ, царство духовъ! Лара сложила руки, и я прочелъ въ ея взорахъ тѣ же мысли, что бродили въ эту минуту и у меня. Да, здѣсь мы встрѣтились съ нею когда-то, здѣсь прятали морскіе разбойники свои сокровища, зная, что никто не отважится пристать къ этому мѣсту! Теперь все сверхъестественное выяснилось, стало дѣйствительностью; дѣйствительность, вѣдь, вообще тѣсно граничитъ съ сверхъестественнымъ, духовнымъ міромъ, и нашъ собственный земной міръ со всѣми своими явленіями, начиная съ произрастанія сѣмени цвѣтка и кончая проявленіемъ нашей безсмертной души, лишь рядъ чудесъ. Одинъ человѣкъ не хочетъ признавать этого!

Маленькое отверстіе, черезъ которое мы проплыли, свѣтилось яркою звѣздою; но вотъ ее заволокло мракомъ; это вплывали остальныя лодки. Скоро иностранцы присоединились къ намъ. Всѣ были въ нѣмомъ восторгѣ. Протестанты и католики одинаково чувствовали здѣсь, что въ мірѣ есть чудеса.

— Вода прибываетъ!—сказалъ одинъ изъ гребцовъ.—Надо торопиться, иначе вода запретъ выходъ, и намъ придется просидѣть здѣсь, пока опять не наступитъ отливъ.

Лодки наши снова скользнули въ темное отверстіе, затѣмъ вышли въ открытое море, и скоро сіяющій лазурный гротъ остался далеко позади.

ПЕТЬКА-СЧАСТЛИВЕЦЪ.

I.

На одной изъ самыхъ аристократическихъ улицъ города стоялъ роскошный старинный домъ. Известка, прежде чѣмъ оштукатурить ею стѣны дома, была смѣшана съ битымъ стекломъ, вотъ стѣны теперь и блестѣли, словно ихъ посыпали алмазами. То-то богатый видъ! Да богачи и жили въ этомъ домѣ. Поговаривали, что коммерсантъ, владѣлецъ его, могъ выставить въ своей парадной залѣ хоть двѣ бочки золота. А ужъ поставить передъ дверями комнаты, гдѣ родился его маленькій сынокъ, боченокъ съ золотомъ, вмѣсто копилки, ему и подавно было ни почемъ. Да, въ богатомъ домѣ родился наслѣдникъ, и весь домъ, отъ подвала до чердака, былъ полонъ радости. На чердакѣ-то, впрочемъ, радовались больше всего: тамъ, часа два спустя, у крючника и его жены тоже появился малютка. Послалъ его на свѣтъ Господь Богъ, принесъ въ домъ аистъ, а добрымъ людямъ представила мамаша. Здѣсь тоже передъ дверью стоялъ боченокъ, только не съ золотомъ, а съ соромъ.

Богатый коммерсантъ былъ человѣкъ благомыслящій, честный; жена его, изящная нарядная барыня, была набожна и добра къ бѣднымъ; поэтому всѣ радовались ихъ счастью и поздравляли ихъ съ сынкомъ, которому теперь оставалось только расти, умнѣть, да богатѣть, какъ папаша. Малютку назвали при крещеніи Феликсомъ; это латинское имя и значитъ оно «счастливый». Что-жъ, онъ и впрямь былъ счастливъ, а родители его и еще того больше.

Крючникъ былъ славный малый, жена его честная, работящая женщина, и всѣ, кто только зналъ ихъ, любили ихъ. А ужъ какъ они радовались на своего новорожденнаго малютку—Петьку!

Обоимъ мальчикамъ—и жильцу бель-этажа, и обитателю чердака выпало на долю одинаковое число материнскихъ поцѣлуевъ; одинаково же любовно цѣловало обоихъ и Божье солнышко. Зато положеніе ихъ въ свѣтѣ было не одинаково: одинъ сидѣлъ пониже, другой повыше. Выше-то сидѣлъ Петька,—подъ самою крышей. Петьку кормила грудью сама мать, а Феликса чужая, впрочемъ, очень честная и добрая женщина, какъ значилось въ ея аттестатѣ. Наслѣдника богача катала въ роскош-

ной колясочкѣ разряженная мамка, а Петьку носила на рукахъ его собственная мать, не разбирая, въ какомъ была платьѣ—въ будничномъ, или въ праздничномъ, и Петькѣ было ничуть не хуже.

Скоро оба мальчика начали немножко понимать, подросли, выучились показывать ручонками, какіе они большіе, а потомъ стали и лепетать. Оба были премилые мальчугана, оба лакомки и оба избалованы. Когда они стали побольше, обоимъ доставлялъ большую радость экипажъ коммерсанта. Феликсу и его нянѣ разрѣшалось садиться рядомъ съ кучеромъ на козлы и смотрѣть на лошадокъ,—мальчикъ при этомъ воображалъ, что самъ правитъ ими—Петькѣ разрѣшалось садиться на подоконникъ и смотрѣть внизъ во дворъ, когда господа собирались выѣхать. Когда они скрывались за воротами, онъ слѣзалъ съ окна, ставилъ рядомъ два стула, запрягалъ ихъ и отправлялся въ путь самъ. Вотъ онъ такъ въ самомъ дѣлѣ былъ кучеромъ, а это получше, чѣмъ только воображать себя имъ! Словомъ, обоимъ мальчуганамъ жилось отлично, но и тому, и другому пошелъ уже третій годъ, прежде чѣмъ имъ удалось въ первый разъ заговорить другъ съ другомъ. Феликса одѣвали нарядно, въ шелкъ и бархатъ, въ коротенькіе панталончики до колѣнъ, на англійскій манеръ. «У бѣдняжки, вѣрно, зябнутъ колѣнки!» говорили чердачные обитатели. Петька носилъ панталоны до самыхъ ступней, но вотъ какъ-то, они лопнули какъ-разъ на колѣнкахъ, и Петькинымъ ногамъ стало такъ же прохладно, какъ ножкамъ разряженнаго барчука.

Однажды Феликсъ съ своею мамашей собирался выйти за ворота и въ самыхъ воротахъ столкнулся съ Петькой и его матерью. «Дай Петѣ ручку!» сказала сынку барыня. «Ничего, можешь поговорить съ нимъ!» И одинъ сказалъ: «Петя!» другой: «Феликсъ!» Да, больше на этотъ разъ они не сказали ничего.

Жена коммерсанта баловала своего сынка, а Петьку еще больше баловала его бабушка. Она была уже слаба глазами, но видѣла въ Петькѣ много такого, чего не видѣли ни отецъ, ни мать, ни кто-либо изъ постороннихъ. «Голубчикъ мой пробьетъ себѣ дорожку въ свѣтѣ!» говаривала бабушка. «Онъ, вѣдь, родился съ золотымъ яблочкомъ въ рукѣ! Я-то разглядѣла, даромъ, что слаба глазами! Оно и теперь еще блеститъ тутъ!» И она цѣловала пухленькую ладонь внука. Родители ничего такого не видѣли, самъ Петька тоже, но, подростая, онъ все охотнѣе вѣрилъ этому. «Полно тебѣ!» говорили ему отецъ съ матерью. «Вѣдь это бабушка все сказки тебѣ разсказываетъ!» Она таки и мастерица была разсказывать! И Петькѣ никогда ни надоѣдало слушать все одно и то же. Бабушка выучила его также псалмамъ и молитвѣ «Отче Нашъ». Онъ заучилъ ее не какъ попугай, а со смысломъ; бабушка растолковала ему каждое прошеніе. Особенно заставляли его задумываться слова: «хлѣбъ

нашъ насущный даждь намъ днесь!» По бабушкиному толкованію для одного «хлѣбъ насущный» означало непремѣнно мягкій, бѣлый хлѣбъ, для другого же—простой черный; одному нуженъ цѣлый домъ съ помѣщеніями для служащихъ, другой живетъ себѣ—не тужитъ и въ маленькой коморкѣ на чердакѣ. Такъ-то! Всякій понимаетъ «насущный хлѣбъ» по-своему!

Петька въ хлѣбѣ насущномъ недостатка не зналъ; жилось ему припѣваючи; только не все же быть краснымъ денькамъ! Пришелъ тяжелый годъ войны; потянули сначала молодежь, а тамъ вызвали изъ запаса и людей постарше. Ушелъ на войну и Петькинъ отецъ, да однимъ изъ первыхъ и палъ въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ. То-то горя, то-то слезъ было въ чердачной коморкѣ подъ крышей! Плакала и мать, плакали и бабушка съ Петькой, плакали и всѣ сосѣди, приходившіе погоревать со вдовой и вспомянуть покойника. Хозяева разрѣшили вдовѣ остаться въ ея жилищѣ первый годъ даромъ, а потомъ за самую ничтожную плату. Бабушка осталась жить съ невѣсткой, которая занялась стиркой на «одинокихъ шикарныхъ господъ», какъ она выражалась. Петькѣ и теперь ни въ чемъ не пришлось нуждаться; ѣлъ и пилъ онъ вволю, а бабушка продолжала угощать его такими удивительными сказками и исторіями, что онъ въ одинъ прекрасный день самъ предложилъ ей отправиться съ нимъ по бѣлу-свѣту, чтобы потомъ вернуться домой уже принцемъ и принцессой въ золотыхъ коронахъ. «Ну, я для этого больно стара!» сказала она. «А тебѣ надо сначала много-много учиться, вырости, сдѣлаться большимъ и крѣпкимъ и всетаки остаться такимъ же добрымъ и милымъ ребенкомъ, какъ теперь!»

Петька гарцовалъ по комнатѣ на палочкѣ съ лошадиною головкой; такихъ лошадокъ у него была цѣлая пара, но сынку хозяина подарили настоящую живую лошадку, такую маленькую, что ее можно было принять за жеребенка. Петька такъ и звалъ ее жеребенкомъ, но она ужъ вырости не могла. Феликсъ катался на ней по двору, а иногда выѣзжалъ въ сопровожденіи отца и королевскаго берейтора и на улицу. Увидавъ въ первый разъ эту лошадку, Петька съ полчаса и глядѣть не хотѣлъ на своихъ: онѣ, вѣдь, были не живыя. Потомъ онъ спросилъ мать, почему у него нѣтъ настоящей лошадки, какъ у Феликса. Мать отвѣтила: «Феликсъ живетъ внизу, возлѣ самой конюшни, а ты высоко подъ крышей. Нельзя таскать лошадей на чердакъ! Здѣсь можно держать только такихъ, какъ твои! Ну, и катайся на нихъ!» Петька и принялся кататься— отъ сундука къ печкѣ, отъ печки къ сундуку. Сундукъ былъ «большой горой съ сокровищами»,—тамъ, вѣдь, хранились праздничные наряды Петьки и его матери и серебряныя монетки, которыя мать копила на уплату за квартиру; печка же была «большимъ чернымъ медвѣдемъ».

Лѣтомъ онъ спалъ, а зимою долженъ былъ приносить пользу—согрѣвать комнату и варить обѣдъ.

У Петьки былъ крестный, который навѣщалъ ихъ зимой каждое воскресенье. Дѣла его шли все подъ гору,—говорили о немъ мать и бабушка. Сначала онъ служилъ въ кучерахъ, но началъ выпивать и засыпать на своемъ посту, а этого не полагается ни часовому ни кучеру. Потомъ онъ сдѣлался извозчикомъ, возилъ въ каретѣ или на дрожкахъ даже самыхъ шикарныхъ господъ, но въ концѣ-концовъ сталъ мусорщикомъ и разъѣзжалъ отъ воротъ къ воротамъ, помахивая своею трещоткой: «Тр-тр-тр!» Изъ домовъ выходили женщины и дѣвушки съ мусорными боченками и вываливали мусоръ къ нему въ телѣгу. То-то было трескотни. шума, сора и всякой дряни!

Разъ Петька сошелъ внизъ во дворъ; мать его ушла куда-то по дѣлу. Онъ остановился въ воротахъ и увидалъ на улицѣ крестнаго. «Хочешь прокатиться?» спросилъ тотъ. Петька, конечно, хотѣлъ, но только до угла. Глаза его такъ и сіяли: онъ сидѣлъ на козлахъ, и крестный далъ ему въ руки кнутъ! Петька проѣхался на настоящихъ, живыхъ лошадяхъ, проѣхался до самаго угла! Тамъ его встрѣтила мать; ее эта встрѣча какъ будто озадачила: не очень-то, вѣдь, пріятно увидѣть своего сынка на козлахъ мусорной телѣги! Петькѣ сейчасъ же пришлось слѣзть; мать не преминула поблагодарить крестнаго, но, придя домой, строго запретила Петькѣ подобныя поѣздки.

Но вотъ случилось ему опять выйти за ворота. На этотъ разъ на улицѣ не было крестнаго, который бы соблазнилъ его прокатиться, но были другіе соблазны. Трое уличныхъ мальчишекъ копались въ проточной канавкѣ, отыскивая себѣ поживу. Частенько имъ попадалась подъ руку пуговица или мѣдный грошъ, но частенько случалось и порѣзать руки объ осколки стеколъ или наколоться на булавку, какъ, напримѣръ, сейчасъ. Ну, какъ отстать отъ другихъ? Петька присоединился къ мальчишкамъ и только что сунулся въ канаву, нашелъ серебряную монетку. На другой день онъ опять принялся копаться вмѣстѣ съ мальчишками, но тѣ-то только перепачкали себѣ руки, а онъ нашелъ золотое кольцо! Когда онъ, сіяя отъ радости, показалъ имъ свою находку, они принялись швырять въ него грязью, прозвали его «Петькой-Счастливцемъ» и запретили ему впредь рыться въ ихъ компаніи.

За дворомъ дома коммерсанта находилось порожнее мѣсто. Почва была сырая, и, чтобы осушить ее и сдѣлать годною для постройки, хозяева разрѣшили свозить туда сухой мусоръ. Тамъ его и лежали цѣлыя кучи. Крестный часто ѣздилъ сюда, но Петька уже не смѣлъ кататься съ нимъ. Уличные мальчишки рылись въ мусорѣ, раскапывая кучи кто щепкою, кто прямо голою рукой,—иной разъ попадалось и что-нибудь путное! Петьку

тоже потянуло сюда, но мальчишки едва завидѣли его, закричали: «Убирайся, Петька-Счастливецъ!» Онъ не послушался, и одинъ изъ нихъ пустилъ въ него комкомъ земли. Комокъ ударился объ носокъ деревяннаго башмака Петьки, разсыпался, и изъ него выкатилось что-то свѣтленькое. Петька поднялъ; это было янтарное сердечко. Мальчикъ побѣжалъ съ нимъ домой, а другіе и не замѣтили, что онъ при всякихъ обстоятельствахъ, даже когда въ него швыряли грязью, оставался баловнемъ счастья.

Серебряную монетку, которую онъ нашелъ въ канавѣ, спустили въ его копилку, а кольцо и сердечко мать рѣшила показать женѣ коммерсанта,—можетъ быть, ихъ слѣдовало представить въ полицію, какъ найденныя вещи? Какъ обрадовалась барыня, увидѣвъ кольцо! Это, вѣдь, было ея обручальное кольцо, которое она потеряла три года тому назадъ. Вотъ какъ долго лежало оно въ канавѣ. Петьку щедро наградили за находку; зазвенѣло у него въ копилкѣ! О янтарномъ же сердечкѣ барыня отозвалась, какъ о бездѣлушкѣ, которую Петька могъ оставить у себя.

Ночью сердечко лежало на комодѣ, а бабушка лежала въ постели. «Чтó это тамъ горитъ огонькомъ, ровно свѣчка?» сказала она, встала и увидѣла, что это свѣтится янтарное сердечко. Да, бабушка хоть и слаба была глазами, а видѣла-то иногда побольше другихъ! У нея было свое на умѣ, и утромъ она продернула въ ушко янтарнаго сердечка крѣпкій шнурокъ, а потомъ повѣсила сердечко внуку на шейку. «Никогда не снимай его, развѣ надо будетъ перемѣнить шнурокъ!» сказала она мальчику. «И не показывай его другимъ мальчикамъ, а то они отнимутъ его у тебя, и у тебя заболитъ животикъ!» Это была единственная болѣзнь, знакомая Петькѣ. А въ сердечкѣ-то и впрямь была чудесная сила! Бабушка потерла его рукою, потомъ поднесла къ нему соломинку, и та такъ и прильнула къ нему, словно живая!

II.

Къ барчуку приставили гувернера, который училъ только его одного, гулялъ только съ нимъ одним. Петькѣ тоже не слѣдъ было оставаться неучемъ, и его стали посылать въ школу. Но тамъ вмѣстѣ съ нимъ училось множество ребятишекъ, всѣ они играли вмѣстѣ, а это куда веселѣе, чѣмъ вѣчно ходить съ однимъ гувернеромъ. Нѣтъ, Петька не помѣнялся бы съ Феликсомъ.

Петька, какъ извѣстно, уродился счастливцемъ, но оказалось, что и крестный его—тоже, хоть его и звали не Петькой. Онъ выигралъ на лотерейный билетъ, купленный въ складчину съ одиннадцатью товарищами, цѣлыхъ двѣсти рихсдалеровъ. Конечно, онъ сейчасъ же обзавелся приличною одеждою и чувствовалъ себя въ ней отлично. Но счастье

коли ужъ повалитъ кому, такъ повалитъ валомъ! Крестный вслѣдъ затѣмъ получилъ и новую должность, бросилъ свою мусорную колесницу и поступилъ въ театръ. «Кáкъ? Чтò?» удивилась бабушка. «Въ театръ? Да чѣмъ же онъ тамъ будетъ?» Подручнымъ машиниста! Да, вотъ такъ повышеніе въ чинѣ! Онъ какъ будто сталъ другимъ человѣкомъ. А ужъ какое удовольствіе доставляли ему театральныя представленія, хоть онъ и могъ глядѣть на нихъ только сверху или изъ-за боковыхъ кулисъ! Лучше всего были балетныя, но они зато и обходились всего дороже, и возни съ ними было всего больше, и пожаромъ они грозили не на шутку: пляска шла, вѣдь, и на небѣ и на землѣ. Вотъ бы поглядѣть на все это Петькѣ! Крестный и пообѣщалъ взять его съ собою въ театръ, когда пойдетъ «генеральная репетиція» новаго балета. Тогда всѣ будутъ разодѣты все равно какъ на настоящемъ представленіи, когда ужъ приходится платить деньги, чтобы полюбоваться на все это великолѣпіе. Балетъ назывался «Самсонъ»; филистимляне плясали вокругъ него, а онъ разрушалъ весь домъ, и всѣ вмѣстѣ съ нимъ погибали. Настоящей бѣды отъ этого произойти, однако, не могло: въ театрѣ всегда находились на готовѣ пожарные со всѣми своими снарядами.

Петька сроду не видалъ никакого представленія, не то что балета. Его нарядили въ праздничное платье, и онъ отправился съ крестнымъ въ театръ за кулисы. Тутъ былъ ни дать-ни взять огромный чердакъ, съ какими-то занавѣсками, ширмами и щелями въ полу; всюду горѣли лампы и свѣчи, всюду были какія-то узенькія лазейки и ходы, а отъ нихъ подымались кверху какъ будто церковные пульпитры; полъ былъ покатый. Петьку усадили, куда слѣдовало, и велѣли сидѣть тамъ, пока все не кончится и за нимъ не придутъ. У него было съ собою три бутерброда,—не проголодается!

Вотъ вокругъ разомъ посвѣтлѣло, и откуда ни возьмись появилось множество музыкантовъ съ флейтами и скрипками. На боковыя мѣста, гдѣ сидѣлъ Петька, стали усаживаться люди, одѣтые, какъ ходятъ на улицѣ, а также рыцари въ золотыхъ шлемахъ, прелестныя барышни въ кисеѣ и въ цвѣтахъ и даже ангелы съ крылышками за плечами. Всѣ они усаживались кто вверху, кто внизу. Это были танцовщики и танцовщицы, но Петька-то думалъ, что это тѣ самые сказочные люди, о которыхъ разсказывала ему бабушка. Потомъ явилась дама въ золотомъ шлемѣ и съ копьемъ въ рукѣ. Эта была лучше всѣхъ! Она зато и глядѣла на всѣхъ свысока и усѣлась между ангеломъ и троллемъ. У Петьки просто глаза разбѣгались, а самый-то балетъ еще и не начинался! Вдругъ все стихло. Какой-то человѣкъ, весь въ черномъ, замахнулся на музыкантовъ волшебною палочкой, и тѣ заиграли такъ, что вокругъ загудѣло, и вся стѣна поднялась кверху. Открылся чудесный садъ съ цвѣтами, освѣщенный солн-

цемъ. Въ саду танцовали и прыгали люди. Такого великолѣпія Петькѣ и во снѣ не снилось. Вотъ явились солдаты, началась война, а потомъ пиръ; видѣлъ Петька и Самсона и его невѣсту. Красивая-то она была красивая, да ужъ и злая же! Она предала Самсона, филистимляне выкололи ему глаза и заставили вертѣть жерновъ на мельницѣ, а потомъ привели его на пиръ и стали глумиться надъ нимъ. Но вотъ онъ ухватился за тяжелые столбы, на которыхъ держался потолокъ, потрясъ ихъ, и весь домъ развалился. Все смѣшалось въ кучу и загорѣлось чудесными красными и зелеными огнями! Петька просидѣлъ бы тутъ, кажется, всю жизнь, даже еслибы съѣлъ всѣ свои буттерброды! Онъ таки и съѣлъ ихъ.

Вотъ было разсказовъ, когда онъ пришелъ домой! Уложить его спать нечего было и думать. Онъ становился на одну ногу, вскидывалъ другую на столъ («такъ дѣлала невѣста Самсона и всѣ другія барышни»), ходилъ вокругъ бабушкинаго кресла, вертя жерновъ, и наконецъ опрокинулъ на себя два стула и подушку, чтобы показать разрушеніе дома. Изображая дѣйствіе, онъ изображалъ и музыку, — разговоровъ въ балетѣ не полагается. Онъ пѣлъ и высокимъ и низкимъ голосомъ, и со словами и безъ словъ, не заботясь ни о какой связи, и вышла ни дать-ни взять цѣлая опера. Всего замѣчательнѣе-то былъ чудесный звонкій, какъ колокольчикъ, голосокъ Петьки, но его-то какъ разъ никто и не замѣчалъ.

Прежде Петькѣ хотѣлось поступить въ мальчики въ мелочную лавочку, чтобы распоряжаться черносливомъ и сахарнымъ пескомъ, но теперь онъ узналъ, что есть на свѣтѣ кое-что получше. То-ли дѣло участвовать въ исторіи Самсона и плясать по балетному! Что-жъ, бабушка противъ этого ничего не имѣла; многіе бѣдные дѣти шли этой дорогой и дѣлались честными, уважаемыми людьми. Дѣвочкѣ изъ своей семьи она бы не позволила пойти этой дорогой, ну а мальчикъ стоитъ на ногахъ тверже, не упадетъ! «Да тамъ никто и не падалъ», сказалъ Петька: «пока не рухнулъ весь домъ,—тогда ужъ всѣ попадали!»

III.

Петька рѣшилъ поступить въ балетъ. «Онъ мнѣ покоя не даетъ!» говорила мать. Наконецъ, бабушка пообѣщала внуку свести его къ балетмейстеру, прекрасному господину, владѣльцу собственнаго дома, какъ и коммерсантъ. Удастся-ли и Петькѣ когда-нибудь добиться того же? Для Господа Бога нѣтъ ничего невозможнаго! А Петька вдобавокъ родился съ золотымъ яблочкомъ въ рукѣ. Счастье, такъ сказать, было вложено ему прямо въ руки; отчего-жъ бы также и не въ ноги? Петька явился къ балетмейстеру и сразу узналъ его: это, вѣдь, былъ Самсонъ! Но глаза его ничуть не пострадали отъ филистимлянъ. Впрочемъ, Петька зналъ, что

то была лишь комедія. Самсонъ ласково поглядѣлъ на мальчика, велѣлъ ему выпрямиться, вытянуть ногу и показать подъемъ. Петька показалъ даже колѣно. «Ну, вотъ его и приняли въ балетъ!» разсказывала бабушка.

Дѣло было слажено скоро, но еще до того, какъ свести мальчика къ балетмейстеру, мать и бабушка посовѣтовались съ разными свѣдущими людьми; прежде всего съ женой коммерсанта, и та нашла, что это прекрасная дорога для красиваго, славнаго мальчика «безъ будущаго». Потомъ обратились къ дѣвицѣ Франсенъ; эта знала толкъ въ балетѣ, сама въ дни бабушкиной молодости была прелестной танцовщицей, изображала богинь и принцессъ и пользовалась почетомъ всюду, гдѣ только бывала. Но вотъ она состарилась,—это, вѣдь, наша общая судьба—и ей перестали давать главныя роли; молодежь оттѣснила ее, пришлось ей танцовать на заднемъ планѣ, а потомъ и вовсе стушеваться, перейти въ уборную наряжать другихъ богинями и принцессами. «Такъ-то оно идетъ на свѣтѣ!» говаривала дѣвица Франсенъ. «Дорожка актера веселая, но поросла терніями и интригами! Ухъ, какими интригами!» Этого слова Петька еще не понималъ, но скоро просвѣтился на этотъ счетъ.

— Онъ во что бы то ни стало хочетъ въ балетъ!—сказала мать.

— Онъ набожный, честный мальчикъ!—добавила бабушка.

— И прекрасно сложенъ! — подхватила дѣвица Франсенъ. — Прекраснаго сложенія и хорошей нравственности! Да, поблистала въ свое время и я!

Петька сталъ ходить въ школу учиться танцовать по балетному. Ему выдали особое легкое, лѣтнее платье и башмаки на тонкихъ подошвахъ, чтобы легче было двигаться и прыгать. Старыя танцовщицы цѣловали его и говорили, что онъ просто сахарный мальчикъ.

И вотъ заставили Петьку держаться въ струнку, вывертывать носки наружу, стоять на одной ногѣ и размахивать другою, держась за палку, чтобы не упасть. Все это давалось ему легче, чѣмъ многимъ изъ его товарищей; балетмейстеръ трепалъ его по плечу и обѣщалъ скоро выпустить на сцену. Петька долженъ былъ изображать принца: на него надѣнутъ золотую корону, и солдаты поднимутъ его на щитъ. Балетъ сначала репетировали въ школѣ, а потомъ и на сценѣ.

Какъ было матери и бабушкѣ не пойти въ театръ полюбоваться на Петьку во всемъ его блескѣ! Онѣ и пошли, видѣли его, и обѣ прослезились, хотя зрѣлище было самое веселое. Петька съ высоты своего величія и не видѣлъ ихъ, зато видѣлъ коммерсанта съ его семьей. Они сидѣли въ крайней ложѣ у самой сцены. Феликса тоже взяли въ театръ; онъ былъ такой нарядный, въ перчаткахъ на пуговкахъ, какъ у взрослыхъ, и съ биноклемъ въ рукахъ. Онъ весь вечеръ смотрѣлъ въ него,

точно большой, хотя и безъ того видѣлъ отлично. Петька смотрѣлъ на Феликса, Феликсъ на Петьку, а Петька-то сегодня былъ принцемъ, въ коронѣ! Благодаря этому вечеру, мальчики нѣсколько сблизились.

Дня черезъ два-три, они встрѣтились у себя на дворѣ; Феликсъ подошелъ къ Петькѣ и сказалъ ему, что видѣлъ его, когда онъ былъ принцемъ. Феликсъ зналъ, конечно, что теперь-то Петька не принцъ больше, но всетаки онъ былъ принцемъ, носилъ корону! «Въ воскресенье я опять ее надѣну!» сказалъ Петька. Этого представленія Феликсъ уже не видалъ, но продумалъ о немъ весь вечеръ. Хотѣлось бы ему быть на Петькиномъ мѣстѣ! У него, вѣдь, еще не было за плечами жизненнаго опыта дѣвицы Франсенъ, знавшей, что на дорогѣ артиста растутъ интриги. Не зналъ еще этого и Петька, но ему-то скоро пришлось узнать. Маленькіе его товарищи, ученики и ученицы балетной школы, не отличались добротой, даромъ что часто носили за плечами ангельскія крылья. Одна маленькая дѣвочка, Малле Кналлерупъ, играя пажа, вѣчно наступала пажу-Петькѣ на ногу и пачкала чулокъ, а одинъ злой мальчикъ постоянно кололъ его сзади булавкой и разъ даже съѣлъ его буттербродъ— будто бы по ошибкѣ. А какая тутъ могла быть ошибка, если Петька принесъ буттербродъ съ котлеткой, а тотъ одинъ хлѣбъ безъ всего? Да и не перечесть всѣхъ обидъ, что пришлись на Петькину долю за эти два года! Но самое-то худшее было всетаки впереди.

Поставили балетъ «Вампиръ»; участвовавшіе въ немъ дѣти были одѣты летучими мышами—въ сѣрыхъ трико, плотно облегавшихъ тѣло, и съ черными бархатными крылышками за плечами. Дѣтямъ велѣно было подражать полету летучихъ мышей, бѣгая на цыпочкахъ или кружась волчкомъ на мѣстѣ. У Петьки это выходило особенно хорошо. Но трико, что досталось ему, было уже старо и ветхо, не выдержало и лопнуло на немъ, какъ разъ въ то время, когда онъ кружился изо всѣхъ силъ; образовалась прорѣха отъ самой шеи до того мѣста, гдѣ у человѣка прикрѣплены ноги. Изъ прорѣхи выставился кончикъ куцой Петькиной рубашки. Зрители покатились со смѣху. Петька понялъ почему, почувствовалъ, что лопнулъ сзади, но не остановился, а продолжалъ кружиться. Дѣло, однако, шло все хуже и хуже, зрители хохотали все громче и громче, другіе вампиры тоже. Въ головѣ у Петьки кружилось, самъ онъ кружился, а публика апплодировала и кричала «браво». «Это они вызываютъ вампира съ прорѣхой!» сказали другіе дѣти и съ тѣхъ поръ такъ и прозвали Петьку «Петькой съ прорѣхой». Петька плакалъ, дѣвица Франсенъ утѣшала его. «Это все интриги!» говорила она. Теперь Петька узналъ, что такое интриги.

Кромѣ танцкласса, ученики театральной школы посѣщали еще научные классы, гдѣ ихъ учили письму, счету, исторіи, географіи и Закону Божію: на одныхъ танцахъ да топтаньи балетныхъ башмаковъ да-

леко, вѣдь, не уйдешь! Петька и тутъ учился прилежно, прилежнѣе всѣхъ, и его хвалили, но товарищи продолжали звать его «Петькой съ прорѣхой». Конечно, это была шутка, но подъ конецъ Петька не вытерпѣлъ, сталъ отражать насмѣшки кулаками и разъ подставилъ одному изъ мальчиковъ такой синякъ подъ глазомъ, что шалуну пришлось замазывать его мѣломъ, когда надо было выступать вечеромъ въ балетѣ. Учитель сильно разсердился на Петьку, а еще пуще разсердилась на него метельщица половъ: Петька, вѣдь, отмелъ этакъ именно ея сынка.

IV.

Голова у Петьки все работала, да работала, и вотъ въ одно прекрасное воскресное утро, разряженный въ лучшее свое платье, не сказавшись ни матери, ни бабушкѣ, ни даже дѣвицѣ Франсенъ, которая вообще всегда снабжала его хорошими совѣтами, онъ отправился прямо къ капельмейстеру. Петька думалъ, что тотъ самый главный послѣ балетмейстера. Смѣло вошелъ Петька и заговорилъ:— Я учусь въ балетной школѣ, но тамъ столько интригъ, что мнѣ бы лучше хотѣлось въ актеры или въ пѣвцы — какъ вамъ будетъ угодно.— А есть у тебя голосъ?— спросилъ капельмейстеръ, ласково глядя на него.— Лицо твое что-то знакомо мнѣ. Гдѣ же это я видѣлъ тебя? Постой, это не ты-ли тогда лопнулъ?—И капельмейстеръ разсмѣялся. Петька покраснѣлъ, что маковъ цвѣтъ. Нѣтъ, право, онъ ужъ больше не Петька-Счастливецъ, какъ прозвала его бабушка! Онъ потупился, разглядывая свои собственныя ноги и желая одного — поскорѣе убраться отсюда.— Ну, спой же что-нибудь! — продолжалъ капельмейстеръ. — Да смѣлѣе! — Онъ взялъ мальчика за подбородокъ, Петька взглянулъ въ его ласковые глаза и запѣлъ арію изъ оперы «Робертъ», слышанную имъ въ театрѣ: «Сжалься надо мной!»—Это трудненько, но ничего, идетъ!—сказалъ капельмейстеръ.—У тебя прелестный голосъ, только бы и онъ не лопнулъ!—Тутъ онъ опять засмѣялся и позвалъ свою жену; послушала и она Петьку, покачала головой и сказала мужу что-то на иностранномъ языкѣ. Какъ-разъ въ это время въ комнату вошелъ хормейстеръ. Вотъ къ кому слѣдовало обратиться Петькѣ, разъ онъ хотѣлъ въ пѣвцы. Къ счастью, хормейстеръ пришелъ сюда самъ, «случайно», какъ говорится. Онъ тоже послушалъ «Сжалься надо мною!», но не засмѣялся и не смотрѣлъ на Петьку такъ ласково, какъ капельмейстеръ и его жена. Тѣмъ не менѣе было рѣшено, что Петька будетъ учиться пѣнію.

— Ну теперь онъ на вѣрной дорогѣ!—сказала дѣвица Франсенъ.—Голосъ вывезетъ лучше, чѣмъ ноги! Будь-ка у меня въ свое время голосъ, я бы стала знаменитой пѣвицей и, пожалуй, даже баронессой!

— Или переплетчицей!—вставила бабушка.—Будь вы богаты, вы бы

всетаки вышли за переплетчика!—Намъ-то этотъ намекъ непонятенъ, но дѣвица Франсенъ его поняла.

Петькѣ пришлось пѣть и передъ нею и передъ семейными коммерсанта, когда тѣ узнали о новой дорогѣ, на которую онъ попалъ. Петьку позвали къ господамъ вечеромъ, когда у нихъ были гости. Онъ спѣлъ много пѣсенъ, спѣлъ и «Сжалься надо мною!» Гости апплодировали. Феликсъ тоже. Онъ уже слышалъ Петьку раньше: разъ въ конюшнѣ Петька спѣлъ ему весь балетъ «Самсонъ», и это было лучше всего! «Балетъ нельзя спѣть!» замѣтила мать. «А вотъ Петька спѣлъ!» настаивалъ Феликсъ. Петьку попросили показать свое искусство, и ужъ онъ и пѣлъ, и говорилъ, и барабанилъ, и гудѣлъ!.. Все это выходило по-дѣтски, но изъ общаго сумбура то и дѣло выдѣлялись отрывки знакомыхъ мотивовъ, которые не дурно объясняли содержаніе балета. Гости были очень довольны, смѣялись и наперерывъ хвалили Петьку. Хозяйка дала Петькѣ большой кусокъ торта и серебряный далеръ.

Какъ счастливъ былъ Петька, пока ему не попался на глаза господинъ, стоявшій нѣсколько поодаль и серьезно наблюдавшій за нимъ. Его черные глаза смотрѣли на Петьку такъ жестко, сурово; онъ не смѣялся, не апплодировалъ. И это былъ какъ разъ самъ хормейстеръ! На слѣдующее утро Петька долженъ былъ явиться къ нему на первый урокъ; учитель посмотрѣлъ на Петьку такъ же строго и сурово, какъ вчера.—Что это съ тобой сдѣлалось вчера?—сказалъ онъ мальчику.—Ты не понималъ развѣ, что игралъ тамъ шута? Не дѣлай этого больше, не ходи пѣть по чужимъ дворамъ! Теперь ступай! Сегодня я не стану заниматься съ тобой!

Петька пошелъ, какъ въ воду опущенный,—учитель разсердился на него! Напротивъ, никогда еще тотъ не былъ такъ расположенъ къ нему: въ мальчишкѣ, пожалуй, таился геній; какъ ни сумбурно было все, что онъ вчера тамъ несъ, въ общемъ, всетаки, былъ какой-то смыслъ, что-то необыкновенное. Безспорно, у него большія способности къ музыкѣ, а голосъ его чистъ и звонокъ, какъ колокольчикъ, и большого объема. Не измѣнитъ онъ Петькѣ, счастье маленькаго человѣчка упрочено.

Начались уроки пѣнія. Петька старался, у Петьки былъ талантъ. А сколькому надо было учиться, сколько надо было знать! Мать работала не покладая рукъ, стараясь прилично содержать и одѣвать сына, чтобы онъ не смотрѣлъ замарашкой въ обществѣ, гдѣ сталъ теперь бывать. А онъ вѣчно былъ веселъ, вѣчно пѣлъ, «и канарейки держать не надо», говорила мать. По воскресеньямъ онъ пѣлъ съ бабушкой псалмы. Какъ чудесно покрывалъ его свѣжій голосокъ ея старческій голосъ! «Вотъ это не то, что пѣть безъ толку!» говорила бабушка. А безъ толку онъ пѣлъ, по ея мнѣнію, когда выдѣлывалъ голосомъ разныя трели, заливался

на всѣ лады, словно птица, словомъ, давалъ звукамъ, вырывавшимся изъ груди, полную волю. И чтò за переливы слышались тогда въ его маленькомъ горлышкѣ, чтò за звуки лились изъ его груди! Да, онъ могъ изобразить хоть цѣлый оркестръ! Голосъ его напоминалъ и флейту, и фаготъ, и скрипку, и волторну, могъ онъ пѣть и какъ птицы, но голосъ самого человѣка, хотя бы даже такого маленькаго, если только онъ поетъ какъ Петька, всетаки лучше всего.

Но вотъ зимою, Петька сталъ ходить къ священнику готовиться къ конфирмаціи и простудился. Птичка, что сидѣла въ его груди, пискнула и умолкла, голосъ лопнулъ, какъ трико вампира. «Бѣда не велика!» сказали мать съ бабушкой. «Перестанетъ пѣть безъ толку и лучше займется у священника». Учитель объяснилъ, что теперь у Петьки голосъ ломается и что ему поэтому совсѣмъ не слѣдуетъ пѣть. Долго-ли? Годъ, пожалуй, два, а, пожалуй, голосъ и не вернется вовсе. То-то горе!

«Теперь надо думать только о конфирмаціи!» твердили мать и бабушка. «Продолжай заниматься музыкой, но держи ротъ на запорѣ!» твердилъ учитель пѣнія. И Петька думалъ о конфирмаціи, и занимался музыкой. А внутри у него такъ и пѣло, такъ и звучало! И онъ сталъ записывать эти мелодіи на нотную бумагу; сначала однѣ мелодіи, безъ словъ, а потомъ сталъ сочинять къ нимъ и слова. «Да ты поэтъ, Петруша!» сказала жена коммерсанта, когда онъ однажды поднесъ ей сочиненные имъ текстъ и музыку. Самому коммерсанту Петька посвятилъ пѣсню безъ словъ; того же удостоился и Феликсъ, и даже дѣвица Франсенъ. Произведеніе Петьки заняло мѣсто въ ея альбомѣ, гдѣ были и стихотворныя и музыкальныя произведенія, посвященныя ей двумя, нѣкогда молодыми лейтенантами, а нынѣ старыми отставными майорами. Самый альбомъ былъ подаренъ «другомъ», который даже собственноручно и переплелъ его. На Пасхѣ Петька конфирмовался. Феликсъ подарилъ ему серебряные часы. Это были первые Петькины часы, и онъ, получивъ ихъ, сразу почувствовалъ себя большимъ: полно теперь узнавать время по чужимъ часамъ! Феликсъ самъ поднялся на чердакъ поздравить Петьку и подарить часы; его собственная конфирмація была отложена до осени. Мальчики протянули другъ другу руки. Оба выросли подъ одной крышей, оба были ровесниками, родились въ одинъ и тотъ же день и въ одномъ и томъ же домѣ. Феликса угостили пирожнымъ, испеченнымъ на чердакѣ по случаю Петькиной конфирмаціи. «Это радостный и важный день!» сказала бабушка. «И еще какой важный!» подтвердила мать. «Вотъ бы дожилъ до этого отецъ!»

Въ слѣдующее воскресенье всѣ трое пошли къ причастію. Когда они вернулись, имъ сказали, что за Петькой присылалъ учитель пѣнія; Петька сейчасъ же поспѣшилъ къ нему. Веселыя и въ то же время важныя но-

вости ждали его тамъ. Пѣніемъ ему было запрещено заниматься цѣлый годъ, голосъ надо было оставить «подъ паромъ», какъ выражается крестьянинъ о пашнѣ, и за этотъ годъ Петька долженъ былъ научиться многому, но не здѣсь въ столицѣ, гдѣ онъ каждый вечеръ бѣгалъ бы въ театръ, а въ провинціи, въ тридцати миляхъ отсюда. Его хотѣли помѣстить на полный пансіонъ къ одному учителю, у котораго было еще нѣсколько такихъ же учениковъ-пансіонеровъ. У него Петька будетъ учиться языкамъ и наукамъ, которыя ему впослѣдствіи пригодятся. Годовая плата за ученіе и содержаніе равнялась тремстамъ далерамъ, и ее взялся вносить «неизвѣстный благодѣтель». «Это коммерсантъ!» сказали мать и бабушка.

Насталъ день отъѣзда. Пролито было много слезъ, роздано и получено много поцѣлуевъ и благословеній, и вотъ Петька покатилъ по желѣзной дорогѣ далеко-далеко, за тридцать миль отъ родины! Время было около Троицы. Солнышко сіяло, лѣсъ стоялъ въ свѣжемъ зеленомъ уборѣ; поѣздъ промчался черезъ лѣсъ, потомъ замелькали поля, деревни, барскія усадьбы и пастбища со скотомъ. Вотъ, наконецъ, и станція, за ней другая, городъ за городомъ. На каждой станціи толкотня и суматоха встрѣчающихъ и провожающихъ пассажировъ; шумъ, говоръ. Въ вагонѣ, гдѣ сидѣлъ Петька, не умолкала трескотня одной вдовушки въ траурѣ. Она все говорила о «своей могилѣ», о «своемъ гробѣ», о «своемъ тѣлѣ», то есть о могилѣ, гробѣ и тѣлѣ своего ребенка. Онъ, по ея словамъ былъ такой хилый, несчастненькій, что мало было бы радости, если бы онъ выжилъ. Своею смертью бѣдный ягненочекъ прямо развязалъ ей руки,— и ему, и ей теперь лучше!

— Ужъ я не пожалѣла для такой оказіи цвѣтовъ!—тараторила она.— А, вѣдь, умеръ-то онъ въ самую дорогую пору! Ихъ приходилось доставать изъ оранжерей! Каждое воскресенье я отвозила на свою могилу свѣжій вѣнокъ съ большою шелковою лентой. Ленту-то сейчасъ же похищали дѣвчонки на косоплетки. Еще бы не соблазниться! Но вотъ, прихожу это я разъ и гляжу—моя могила направо, а я знаю, что она всегда была налѣво отъ главной аллеи! «Это что?» говорю я сторожу. «Развѣ моя могила не налѣво?» «Никакъ нѣтъ!» отвѣчаетъ онъ. «Тѣло-то ваше, сударыня, лежитъ налѣво, но насыпь перенесена направо; мѣсто-то оказалось чужое». «Но я хочу, чтобы мое тѣло лежало въ моей могилѣ!» говорю я, и я имѣла полное право говорить такъ. «Что-жъ я буду ходить и украшать одну насыпь, а мое тѣло будетъ лежать по другую сторону безъ всякаго знака? Не хочу я этого!» «Такъ извольте, сударыня, поговорить съ пробстомъ!» говоритъ мнѣ сторожъ. Ну, пробстъ оказался премилымъ господиномъ! Онъ разрѣшилъ перенести мое тѣло направо, если я заплачу за это пять рихсдалеровъ. Я заплатила съ удо-

вольствіемъ и опять обрѣла свою могилу. «Но могу я быть увѣрена, что вы перенесли именно мой гробъ и мое тѣло?» спрашиваю я у могильщиковъ. «Можете, можете, сударыня!» сказали мнѣ они, и я дала каждому еще по маркѣ за труды. Ну, потративъ столько, я рѣшила, что надо предпринять что-нибудь и для украшенія могилы, и заказала памятникъ съ надписью. И представьте себѣ, получаю его и вижу на самомъ верху изображена бабочка! «Да, вѣдь, это знакъ легкомыслія!» говорю я. «Я не хочу ничего такого на своей могилѣ!» «Нѣтъ, сударыня, это знакъ безсмертія!» говорятъ мнѣ. «Сроду не слыхивала!» говорю я. Ну, а изъ васъ, господа, слыхалъ кто-нибудь, что бабочка означаетъ что-либо кромѣ легкомыслія? Ну, однако, я замолчала,—я не люблю много разговаривать, а взяла да и велѣла поставить памятникъ въ чуланъ. Тамъ онъ и стоялъ, пока не вернулся домой мой жилецъ-студентъ. У него пропасть книгъ! Онъ подтвердилъ, что бабочка—безсмертіе, и памятникъ отправился на свое мѣсто!

Подъ такіе-то разговоры Петька доѣхалъ до мѣста назначенія, гдѣ ему слѣдовало сдѣлаться такимъ же умнымъ, какъ студентъ, у котораго было пропасть книгъ.

V.

Господинъ Габріэль, уважаемый ученый, принявшій Петьку къ себѣ пансіонеромъ, лично встрѣтилъ мальчика на станціи. Это былъ худой, какъ скелетъ, господинъ, съ большими блестящими глазами на выкатѣ; когда онъ чихалъ, за нихъ просто страшно становилось: того и гляди выскочатъ. Господина Габріэля сопровождали трое маленькихъ сыновей его. Одинъ все спотыкался о свои собственныя ноги и падалъ, а двое другихъ наступили на ноги Петькѣ, чтобы получше разсмотрѣть его. Кромѣ того съ господиномъ Габріэлемъ пришли еще двое мальчиковъ; старшему, блѣдному, веснушчатому и прыщавому, было на видъ лѣтъ четырнадцать.—Это юный Массенъ, черезъ три года студентъ, если займется! А это Примусъ, сынъ пробста!—отрекомендовалъ ихъ господинъ Габріэль. Примусъ былъ похожъ на сдобную пышку.—Оба они мои пансіонеры! А это—домашній скарбъ!—закончилъ онъ, указывая на сыновей.—Трина, поставь чемоданъ вновь прибывшаго на тачку! Обѣдъ вамъ оставленъ дома!

— Фаршированная индѣйка!—закричали оба пансіонера.

— Фаршированная индѣйка!—подхватилъ «домашній скарбъ», и одинъ изъ нихъ опять растянулся, запнувшись о собственныя ноги.

— Цезарь, гляди себѣ подъ ноги!—изрекъ господинъ Габріэль, и всѣ пошли сначала въ городъ, а потомъ дальше за-городъ. У дороги стоялъ большой ветхій домъ, передъ которымъ красовалась бесѣдка изъ

жасмина. Въ бесѣдкѣ поджидала мужа сама госпожа Габріэль съ остальнымъ «домашнимъ скарбомъ», двумя маленькими дѣвочками.—Вотъ новый ученикъ!—сказалъ господинъ Габріэль.—Добро пожаловать!—отозвалась его супруга, моложавая, полная, бѣлая, румяная и обильно напомаженная женщина, съ колечками изъ волосъ на вискахъ.—Господи, да вы совсѣмъ взрослый!—прибавила она.—Настоящій мужчина! А я думала, что вы вродѣ Примуса или Массена. Голубчикъ Габріэль, вѣдь, хорошо, что мы забили среднюю дверь. Ты знаешь мои взгляды!—Чепуха!—сказалъ господинъ Габріэль, и всѣ они вошли въ комнату. На столѣ лежалъ раскрытый романъ, а на немъ, поперекъ страницы, словно вмѣсто закладки, буттербродъ.

— Теперь позвольте мнѣ быть хозяйкой!—Съ этими словами госпожа Габріэль, въ сопровожденіи своихъ пятерыхъ ребятъ и двухъ пансіонеровъ, повела Петьку черезъ кухню и корридоръ въ маленькую комнатку съ окномъ въ садъ. Въ этой комнаткѣ Петька долженъ былъ спать и учиться; она примыкала къ комнатѣ госпожи Габріэль, гдѣ та спала вмѣстѣ съ дѣтьми, но дверь, соединявшая эту комнату съ Петькиной, была сегодня утромъ заколочена самимъ господиномъ Габріэлемъ; этого потребовала во избѣжаніе сплетенъ, «которыя никого не щадятъ», его супруга.—Здѣсь вы заживете, какъ у своихъ родителей! Театръ у насъ въ городѣ тоже есть. Аптекарь нашъ стоитъ во главѣ общества актеровъ-любителей; заѣзжаютъ къ намъ и настоящіе артисты. Но теперь пора вамъ приняться за свою индѣйку!—и хозяйка повела Петьку въ столовую, гдѣ сушилось на протянутыхъ веревкахъ мокрое бѣлье.—Это, вѣдь, никому не мѣшаетъ!—сказала она.—И дѣлается это только ради чистоты, а вы къ ней, конечно, привыкли.—Петька принялся за индѣйку, двое пансіонеровъ удалились, а дѣти хозяйки, ради удовольствія пріѣзжаго и своего собственнаго, стали давать драматическое представленіе.

Въ городѣ недавно играла заѣзжая труппа. Давали между прочимъ «Разбойниковъ» Шиллера. Двое старшихъ мальчиковъ до того увлеклись пьесой, что сейчасъ же разыграли ее дома всю цѣликомъ, хотя и запомнили изо всѣхъ ролей только слова: «сны зависятъ отъ желудка». Слова эти каждый изъ дѣтей повторялъ на свой ладъ и со всевозможными интонаціями. Амалія мечтательно подымала глаза къ небу и говорила: «сны зависятъ отъ желудка!», а затѣмъ закрывала лицо руками; Карлъ Мооръ выступалъ геройскими шагами и мужественно восклицалъ: «сны зависятъ отъ желудка!», затѣмъ вбѣгали всѣ пятеро дѣтей заразъ и принимались избивать другъ друга, въ качествѣ разбойниковъ, крича: «сны зависятъ отъ желудка!» Вотъ такъ было представленіе! Итакъ, вступленіе Петьки въ домъ господина Габріэля было ознаменовано фаршированною индѣйкою и представленіемъ «Разбойниковъ». За-

тѣмъ Петька отправился въ свою комнатку; окошко съ выжженными солнцемъ стеклами было обращено въ садъ. Петька подсѣлъ къ окну и сталъ смотрѣть въ него. По саду разгуливалъ господинъ Габріэль, углубленный въ чтеніе какой-то книги. Вдругъ онъ подошелъ къ окну и, казалось, пристально посмотрѣлъ на Петьку. Мальчикъ почтительно поклонился, а господинъ Габріэль широко разинулъ ротъ, высунулъ языкъ и сталъ повертывать имъ во всѣ стороны прямо передъ носомъ перепуганнаго Петьки. Мальчикъ въ толкъ не могъ взять, за что такъ съ нимъ обращаются. Наконецъ, господинъ Габріэль отошелъ было, но затѣмъ опять вернулся къ окну и опять высунулъ языкъ. Зачѣмъ онъ это продѣлывалъ? Да онъ и не думалъ дразнить Петьку, а еще меньше думалъ о томъ, что стекла прозрачны; онъ только пользовался тѣмъ, что они отражаютъ, какъ зеркало, и старался разсмотрѣть свой языкъ; господинъ Габріэль страдалъ желудкомъ. Петька же ничего этого не зналъ.

Господинъ Габріэль рано вернулся въ свою комнату. Петька сидѣлъ въ своей. Вотъ ужъ и поздній вечеръ. Вдругъ онъ услышалъ въ комнатѣ госпожи Габріэль женскую перебранку.

— Я пойду и скажу господину Габріэлю, какія вы дуры!

— А мы пойдемъ и скажемъ ему, какова сама барыня!

— Ахъ, со мной истерика сдѣлается!

— Кому охота поглядѣть на барынину истерику? Четыре гроша за входъ!

Тонъ хозяйки понизился, но слова стали раздаваться явственнѣе:— И что подумаетъ о нашемъ домѣ молодой человѣкъ? Этакая неотесанность!—И перебранка стихла, но затѣмъ опять возобновилась.—Punctum funalis! — закричала хозяйка. — Ступайте готовить пуншъ! Худой миръ лучше доброй ссоры!—Все смолкло; хлопнула дверь; дѣвушки ушли, а хозяйка постучала въ дверь къ Петькѣ. — Молодой человѣкъ! Теперь вы имѣете понятіе о томъ, каково быть хозяйкой! Благодарите Бога, что вы не держите прислуги. Я желаю мира и спокойствія и вотъ угощаю ихъ пуншемъ! Я бы съ удовольствіемъ угостила и васъ, — послѣ этого такъ хорошо спится! Но позже десяти часовъ никто не смѣетъ ходить по коридору; такъ желаетъ Габріэль. Ну да пуншъ-то вы все-таки получите! Въ двери большая заткнутая дырка; я ототкну ее и просуну въ нее конецъ воронки, вы подставите подъ него свой стаканъ, и я налью вамъ пунша. Но это надо держать въ строгомъ секретѣ даже отъ Габріэля, его нельзя *будировать* домашними дрязгами.—И Петька угостился пуншемъ; въ комнатѣ хозяйки водворилась тишина, во всемъ домѣ тоже. Петька улегся, вспомнилъ про мать и бабушку, прочелъ вечернюю молитву и заснулъ.

Бабушка говорила, что первый сонъ на новомъ мѣстѣ имѣетъ особенное значеніе, а Петькѣ снилось, что онъ взялъ свое янтарное сердечко, которое все еще носилъ на груди, посадилъ его въ цвѣточный горшокъ, и изъ него выросло высокое дерево, которое затѣмъ проросло черезъ потолокъ и черезъ крышу. На немъ росли тысячи золотыхъ и серебряныхъ сердецъ. Наконецъ, горшокъ лопнулъ, и въ немъ уже не оказалось никакого сердечка,—одна земля, прахъ. Тутъ Петька проснулся. Сердечко попрежнему висѣло у него на груди, такое тепленькое-тепленькое, согрѣтое теплотою его собственнаго сердца.

VI.

Первый урокъ у господина Габріэля начинался рано утромъ; занимались французскимъ языкомъ. За завтракомъ сидѣли только пансіонеры, дѣти и сама хозяйка. Она пила въ это время свой «второй» кофе; первый ей всегда подавали въ постель.—Это такъ здорово пить кофе въ постели, если имѣешь расположеніе къ истерикѣ!—говорила она. Она спросила у Петьки, какой у него былъ сегодня урокъ.—Французскій!—отвѣтилъ онъ.—О, это дорогой языкъ!—сказала она.—Это языкъ дипломатовъ и аристократовъ. Я не училась ему въ дѣтствѣ, но въ сожительствѣ съ ученымъ мужемъ многому научишься такъ же хорошо, какъ будто училась этому съ малолѣтства. Всѣ необходимыя слова я знаю, и думаю, что сумѣю *скомпрометтировать* себя въ любомъ обществѣ!

Замужество съ ученымъ мужемъ доставило госпожѣ Габріэль еще иностранное имя. Крестили ее Меттой въ честь одной тетки, всѣ богатства которой должны были перейти къ ней по наслѣдству. Ну, имя-то перешло, а наслѣдство-то нѣтъ, и господинъ Габріэль сталъ звать свою супругу «Мета», что значитъ по-латыни «цѣль». На всемъ ея бѣльѣ красовалась мѣтка М. Г., т. е. Мета Габріэль, но остроумный пансіонеръ Массенъ принялъ ихъ за отмѣтку «Meget godt» («очень хорошо») и добавилъ къ нимъ чернилами большой вопросительный знакъ на всѣхъ скатертяхъ, носовыхъ платкахъ и простыняхъ *).

— Вы развѣ хозяйку нашу не любите?—спросилъ Петька, когда юный Массенъ посвятилъ его въ свою остроумную выдумку.—Она такая ласковая, а господинъ Габріэль такой ученый.

— Она лгунья,—сказалъ юный Массенъ:—а господинъ Габріэль негодяй! Былъ бы я капраломъ, а онъ рекрутомъ, я бы такъ отстегалъ его!—И лицо юнаго Массена приняло какое-то кровожадное выраженіе.

*) Въ датскихъ школахъ отмѣтки выражаются не цифрами, а буквами, какъ-то ug. (udmærket godt, т. е. отлично), mg. (meget godt, т. е. очень хорошо) и т. д. Вопросительный же знакъ соотвѣтствуетъ минусу. *Примѣч. перев.*

губы стали еще тоньше, а все лицо обратилось какъ бы въ одну сплошную веснушку.

Петьку дрожь пробрала отъ такихъ ужасныхъ словъ, а юный Массенъ считалъ себя правѣе праваго, разсуждая: «Развѣ не жестоко со стороны родителей и учителей заставлять человѣка терять свои лучшіе годы, свою золотую молодость, зубря грамматику и никому не нужныя имена и числа вмѣсто того, чтобы наслаждаться свободой, дышать полною грудью, бродить съ ружьемъ за плечами, какъ настоящій охотникъ! То-то было бы раздолье! Такъ нѣтъ, знай сиди взаперти и зѣвай надъ книгой по приказу господина Габріэля, терпи упреки въ лѣности и получай дурныя отмѣтки, о которыхъ еще отписываютъ родителямъ! Какъ же послѣ этого господинъ Габріэль не негодяй?!»

— И онъ дерется линейкой!—подхватилъ Примусъ, повидимому вполнѣ согласный съ Массеномъ. Невесело было Петькѣ слушать такія рѣчи. Но ему не пришлось отвѣдать линейки,—онъ былъ почти мужчина на видъ, какъ сказала хозяйка; не бранили его и за лѣность,—онъ не лѣнился. Съ нимъ стали заниматься отдѣльно, и скоро онъ перегналъ и Массена и Примуса.

— У него есть способности!—говорилъ господинъ Габріэль.

— И видно, что онъ прошелъ балетную школу!—прибавляла хозяйка.

— Надо залучить его въ наше общество!—сказалъ аптекарь, который больше интересовался любительскимъ кружкомъ города, нежели своей аптекой. Злые языки повторяли про него старую, избитую остроту: «Его укусилъ бѣшеный актеръ, оттого онъ съ ума и сходитъ по театру!»— Онъ просто рожденъ «первымъ любовникомъ»!—продолжалъ аптекарь.— Года черезъ два изъ него выйдетъ такой Ромео! Да я думаю, если хорошенько загримировать его, да придѣлать ему усики, онъ и нынѣшнею зимою отлично сыграетъ Ромео.

Юлію должна была играть дочка аптекаря, «большой драматическій талантъ», по словамъ отца, «писанная красавица», по словамъ матери. Госпожа Габріэль могла сыграть кормилицу, а самъ аптекарь, исполнявшій обязанности и директора и режиссера, хотѣлъ взять на себя роль аптекаря; она хоть и маленькая, но первой важности. Все зависѣло теперь отъ позволенія господина Габріэля. Разрѣшитъ-ли онъ Петькѣ играть? Надо было постараться «обойти» его черезъ госпожу Габріэль, а для этого требовалось сначала умаслить *ее*. Ну, на это-то аптекаря было взять! — Вы просто рождены для роли кормилицы! — говорилъ онъ, искренно воображая, что этимъ страсть какъ льститъ ей.—Это, собственно говоря, самая здоровая роль въ пьесѣ! И веселая роль! Безъ нея нельзя было бы досмотрѣть пьесу,—такая она печальная! А въ васъ, madame Габріэль, такъ и бьютъ ключомъ нужныя живость и веселость!

Въ глазахъ госпожи Габріэль аптекарь былъ вполнѣ правъ, но она сильно сомнѣвалась, чтобы мужъ ея позволилъ своему воспитаннику потратить хоть чуточку времени на разучиваніе роли и участіе въ спектаклѣ. Тѣмъ не менѣе она обѣщала постараться «обойти» мужа, и аптекарь немедленно принялся за изученіе своей роли. Особенно озабочивалъ его гримъ; онъ хотѣлъ явиться настоящимъ скелетомъ, олицетворенными нищетою и убожествомъ и всетаки порядочнымъ человѣкомъ. Задача трудная! Но куда труднѣе было госпожѣ Габріэль «обойти» мужа. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ему было оправдаться передъ лицами, помѣстившими къ нему Петьку и платившими за его ученье, если онъ позволитъ мальчику играть въ трагедіи? Не скроемъ, впрочемъ, что самъ-то Петька сгоралъ желаніемъ играть.—Но господинъ Габріэль не позволитъ!—говорилъ онъ.—Позволитъ!—утѣшала его хозяйка.—Погодите, я обойду его!—Она бы охотно прибѣгла къ пуншу, да вотъ бѣда, господинъ Габріэль не долюбливалъ пунша! Супруги часто не сходятся вкусами, не въ обиду будь сказано госпожѣ Габріэль. «Одинъ стаканчикъ, не больше!» говаривала она. «Это подымаетъ духъ, веселитъ человѣка, а такимъ ему и велѣлъ быть Господь Богъ!»

Петька долженъ былъ играть Ромео; хозяйкѣ таки удалось «обойти» супруга. У аптекаря состоялась считка, былъ поданъ шоколадъ и «геніи», то есть чайное печенье особаго сорта. Эти крендельки продаются въ булочныхъ по скиллингу за дюжину. Они такіе крохотные и подаются обыкновенно въ такомъ изобиліи, что названіе ихъ «геніями» стало ходячею остротою.—Насмѣхаться-то легко!—замѣчалъ господинъ Габріэль, а самъ раздавалъ насмѣшливыя прозвища направо и налѣво. Домъ аптекаря онъ прозвалъ «Ноевымъ ковчегомъ съ чистыми и нечистыми животными». И это за то только, что тамъ очень любили домашнихъ животныхъ, принятыхъ какъ бы въ составъ семьи. У барышни была прелестная кошечка «Граціоза«, съ пушистою, мягкою шерсткой. Киска располагалась отдыхать то на подоконникѣ, то на колѣняхъ, то на чьемъ-нибудь рукодѣліи, а то такъ бѣгала по накрытому обѣденному столу. У самой аптекарши былъ птичій дворъ съ утками и курами, канарейки и попугай. Попка могъ перекричать всѣхъ остальныхъ птицъ вмѣстѣ. Кромѣ того по комнатамъ расхаживали двѣ собаки, Фликъ и Флокъ и, хотя отъ нихъ совсѣмъ не благоухало, валялись и по дивану, и по супружеской постели.

Считка началась и шла вполнѣ благополучно, если не считать маленькаго перерыва, вызваннаго тѣмъ, что одна изъ собакъ ослюнявила новое платье госпожи Габріэль. Но, конечно, она хотѣла только приласкаться къ гостьѣ, да и пятенъ на платьѣ не осталось! Кошка тоже нѣсколько мѣшала чтенію; ей непремѣнно хотѣлось подать лапку исполнительницѣ роли Юліи, усѣсться ей на голову и помахивать хвостикомъ.

И Юлія дѣлила свои нѣжныя рѣчи между кошкою и Ромео. А Петькѣ по своей роли приходилось говорить дочкѣ аптекаря какъ разъ то, что онъ бы и желалъ сказать ей. Какъ она была мила, трогательна, «истое дитя природы», и «вполнѣ шла рядомъ съ своею ролью», —какъ выражалась госпожа Габріэль. Петьку просто въ жаръ бросало отъ всего этого. Кошка же проявила кое-что даже повыше инстинкта, усѣвшись на плечо Петькѣ и такимъ образомъ наглядно изображая симпатію между Ромео и Юліей. Съ каждой репетиціей сердечность отношеній становилась яснѣе и полнѣе, кошка довѣрчивѣе, попка и канарейки крикливѣе; Фликъ и Флокъ носились какъ угорѣлые.

Насталъ и день спектакля; Петька былъ вылитымъ Ромео и поцѣловалъ Юлію въ самыя губки.

— Какъ нельзя болѣе естественно!—заявила госпожа Габріэль.—Безстыдникъ!—проворчалъ совѣтникъ, господинъ Свенсенъ, первый богачъ и первый толстякъ въ городѣ. Отъ жары въ комнатѣ и отъ внутренняго жара потъ лилъ съ него градомъ. Петька не приглянулся ему.—Этакій щенокъ!—отозвался про него толстякъ. — Да еще такой длинный, что переломи его пополамъ, выйдутъ два щенка!

Итакъ, большой успѣхъ и только одинъ врагъ! Петька и тутъ оказался Петькой-Счастливцемъ!

Усталый, ошеломленный массою новыхъ впечатлѣній, добрался онъ до своей комнатки. Было уже за полночь. Госпожа Габріэль постучала въ стѣну:—Ромео! У меня есть пуншъ!—Въ дырку просунулась воронка, и Петька-Ромео подставилъ подъ нее стаканъ.—Покойной ночи, госпожа Габріэль!—Но самъ-то Петька заснуть не могъ. Въ ушахъ у него не переставали раздаваться слова, сказанныя имъ сегодня Юліи, въ особенности же—услышанныя отъ нея. Во снѣ ему даже приснилось, что онъ женится... на дѣвицѣ Франсенъ! Чего, чего только не приснится иной разъ человѣку!

VII.

— Теперь всѣ эти театральныя представленія по боку! Надо приналечь на науку!—сказалъ на слѣдующее утро господинъ Габріэль и Петька уже готовъ былъ согласиться съ юнымъ Массеномъ, негодовавшимъ на необходимость терять золотую юность, сидя взаперти за книжкою. Но когда онъ усѣлся за нее, онъ нашелъ въ ней столько новаго и хорошаго, что весь ушелъ въ нее. Сколько интереснаго узналъ онъ о великихъ людяхъ, объ ихъ подвигахъ! А, вѣдь, многіе изъ нихъ родились въ бѣдности! Герой Ѳемистоклъ былъ сыномъ горшечника; Шекспиръ, бѣдный ученикъ ткача, молодымъ человѣкомъ сторожилъ лошадей передъ дверьми театра, гдѣ впослѣдствіи сталъ могущественнымъ повелителемъ, царемъ поэтовъ и драма-

турговъ всѣхъ странъ и временъ! Узналъ Петька и о состязаніяхъ пѣвцовъ въ Вартбургѣ, и о состязаніяхъ древне-греческихъ поэтовъ на большихъ народныхъ празднествахъ. О послѣднихъ господинъ Габріэль разсказывалъ особенно охотно. Софоклъ написалъ лучшую свою трагедію на старости лѣтъ, завоевалъ пальму первенства, и сердце его разорвалось отъ радости подъ громъ восторженныхъ рукоплесканій. Какая блаженная смерть! Умереть въ моментъ высшаго торжества, упоенья славой, что̀ можетъ быть лучше? Мечты, одна смѣлѣе другой, увлекали нашего молодого друга, но ему не съ кѣмъ было подѣлиться ими. Вѣдь, ни юный Массенъ, ни Примусъ, ни даже сама госпожа Габріэль не поняли бы его. Послѣдняя вѣчно переходила изъ одного настроенія въ другое: или была безконечно весела, или заливалась горючими слезами. Дѣвчурки ея удивленно таращились на нее; ни онѣ, ни Петька ума приложить не могли, съ чего бы это она такъ убивалась? А она говорила: «Бѣдныя дѣвочки! Мать только и думаетъ о вашемъ будущемъ. Мальчики, тѣ пробьются сами! Цезарь, правда, все падаетъ, но опять встаетъ! Двое старшихъ вѣчно плещутся въ лохани, вѣрно будутъ моряками и тогда, конечно, сдѣлаютъ хорошія партіи, но съ бѣдными дѣвочками что̀ станется? Войдутъ въ возрастъ, сердечко заговоритъ, и я увѣрена, что выборъ ихъ не придется по вкусу Габріэлю! Онъ захочетъ выдать ихъ за такихъ жениховъ, на какихъ онѣ и глядѣть не захотятъ, и вотъ онѣ будутъ несчастны! Вотъ о чемъ сокрушается материнское сердце! Бѣдныя мои дѣвочки! Вы будете такія несчастненькія!» И она опять заливалась слезами. Дѣвочки глядѣли на нее, Петька тоже, и мало-по-малу самъ настраивался на грустный ладъ; не зная, однако, что сказать ей въ отвѣтъ, онъ скоро уходилъ въ свою комнатку, садился за старые клавикорды и уносился въ міръ музыкальныхъ фантазій, выливавшихся у него прямо изъ души.

Раннимъ утромъ, съ свѣжей головой онъ принимался за свои занятія, исполняя свой долгъ передъ тѣми, кто платилъ за него. Онъ былъ добросовѣстный, благоразумный мальчикъ; изо дня въ день велъ онъ въ своемъ дневникѣ запись о пройденныхъ урокахъ, обо всемъ прочитанномъ, и о томъ, какъ поздно засидѣлся наканунѣ за клавикордами, наигрывая какъ можно тише, чтобы не разбудить госпожу Габріэль. И только по воскресеньямъ, въ дни отдыха, въ дневникѣ попадались такія замѣтки: «думалъ о Юліи», «былъ у аптекаря», «проходилъ мимо аптеки», «писалъ матери и бабушкѣ». Петька все еще оставался и Ромео и добрымъ сыномъ. «Удивительное прилежаніе!» говорилъ господинъ Габріэль. «Берите съ него примѣръ, юный Массенъ. Вы, вѣдь, провалитесь!» «Негодяй!» мысленно аттестовалъ своего учителя юный Массенъ.

Примусъ, сынъ пробста, страдалъ сонливостью. «Это болѣзнь!» увѣряла его мамаша. «Съ нимъ нельзя быть строгимъ!» Пробстъ съ семьей

жилъ всего въ двухъ миляхъ отъ господина Габріэля; домъ у нихъ былъ полная чаша; жили они широко. «Вотъ помяните мое слово, пробстъ умретъ епископомъ!» говорила госпожа Габріэль. «У него такіе *союзы* при дворѣ, да и жена его изъ знатнаго рода, знаетъ наизусть всю герольдику!»

Опять пришла Троица; прошелъ цѣлый годъ съ тѣхъ поръ, какъ Петька поселился въ домѣ господина Габріэль. За это время онъ пріобрѣлъ много познаній, но голосъ его все еще не вернулся, да и вернется-ли когда нибудь?

Господинъ Габріэль со всѣмъ семействомъ и пансіонерами былъ приглашенъ къ пробсту на обѣдъ и затѣмъ на балъ. Созвано было множество гостей изъ города и изъ окрестныхъ усадебъ. Семейство аптекаря тоже было приглашено. Ромео предстояло увидѣться съ Юліей и, можетъ быть, даже протанцовать съ ней первый танецъ!

Дворъ и домъ пробста содержались въ строгомъ порядкѣ; домъ былъ весь оштукатуренъ, а во дворѣ никто бы не нашелъ ни одной навозной кучи; зато тамъ возвышалась выкрашенная въ зеленый цвѣтъ голубятня, увитая плющомъ. Жена пробста была высокая, плотная женщина, «glaukopis Athene», какъ называлъ ее господинъ Габріэль, «голубоокая, но не волоокая Юнона», какъ мысленно назвалъ ее Петька. Она отличалась какою-то важною кротостью и все жаловалась на свое слабое здоровье; вѣрнѣе, она страдала тою же болѣзнью, что и сынокъ—сонливостью. Одѣта она была въ шелковое платье василькового цвѣта; завитые волосы были высоко взбиты и съ правой стороны придерживались большимъ медальономъ съ портретомъ ея прабабушки-генеральши, а съ лѣвой большою кистью винограда изъ бѣлаго фарфора.

У пробста были красное подвижное лицо и блестящіе бѣлые зубы, отлично справлявшіеся съ жаркимъ изъ дичи. Разговоръ его весь былъ пересыпанъ анекдотами; онъ могъ найти тему для бесѣды съ любымъ человѣкомъ, но зато самъ-то этотъ человѣкъ ужъ никакъ не могъ сказать, что бесѣдовалъ съ пробстомъ. Среди гостей находился и совѣтникъ, а въ числѣ наѣхавшихъ изъ усадебъ и Феликсъ, сынъ коммерсанта. Онъ уже конфирмовался и былъ теперь элегантнѣйшимъ молодымъ человѣкомъ и по платью, и по манерамъ. Поговаривали, что онъ милліонеръ, и госпожа Габріэль даже побоялась заговорить съ нимъ. Петька же былъ несказанно радъ встрѣчѣ съ Феликсомъ; тотъ самъ привѣтливо подошелъ къ нему и передалъ ему поклонъ отъ своихъ родителей; они читали всѣ письма, которыя писалъ Петька матери и бабушкѣ.

Начался балъ. Дочка аптекаря танцовала первый танецъ съ совѣтникомъ,—такъ ужъ она обѣщала заранѣе своей матери и самому совѣтнику. Второй танецъ былъ обѣщанъ Петькѣ, но явился Феликсъ и перебилъ у него даму, ограничившись лишь привѣтливымъ кивкомъ и словами: «Вы

позволите? Mademoiselle согласна, если вы позволите!» Петька состроилъ вѣжливую мину, но не сказалъ ни слова, и Феликсъ умчалъ дочку аптекаря, бывшую царицею бала. Слѣдующій танецъ опять танцовалъ съ нею онъ.

— А гросфатеръ вы подарите мнѣ?—спросилъ Петька, блѣдный отъ волненія.

— Да, да!—отвѣтила она, очаровательно улыбаясь.

— Ну, не захотите же вы отбивать у меня даму!—сказалъ Феликсъ, стоявшій тутъ же.—Это не подружески, а мы съ вами, вѣдь, старые друзья. Вы сказали, что очень довольны нашей встрѣчей, такъ не отнимайте же у меня удовольствія вести mademoiselle къ столу! — Съ этими словами онъ обнялъ Петьку за талію и, смѣясь, прикоснулся лбомъ къ его лбу.—Уступаете? Не правда-ли?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Петька, гнѣвно сверкая глазами.

Феликсъ шутливо приподнялъ плечи и закруглилъ локти, словно желая изобразить лягушку, готовую прыгнуть, и сказалъ:—Вы вполнѣ правы, молодой человѣкъ! То же самое сказалъ бы и я, если бы танецъ былъ обѣщанъ мнѣ! —И онъ, отвѣсивъ своей дамѣ изящный поклонъ, отошелъ въ сторону. Но, немного погодя, когда Петька стоялъ въ углу, поправляя свой бантикъ, Феликсъ опять подошелъ къ нему, обнялъ его за шею и съ самымъ заискивающимъ взглядомъ сказалъ:—Ну, будьте умницей! И моя мать, и ваша матушка, и ваша бабушка—всѣ скажутъ, что такъ могли поступить только вы! Я уѣзжаю завтра, и умру сегодня отъ скуки, если не буду сидѣть за столомъ рядомъ съ молодою барышней! Мой милый, единственный другъ, уступите!—Тутъ ужъ единственный другъ не устоялъ и самъ подвелъ Феликса къ красавицѣ.

Занялся день, когда гости пробста стали разъѣзжаться. Вся семья господина Габріэля ѣхала въ одной повозкѣ, и всѣ дремали, кромѣ Петьки и хозяйки. Она говорила о молодомъ сынкѣ богатаго коммерсанта, другѣ Петьки. Она, вѣдь, слышала, какъ тотъ сказалъ, чокаясь съ Петькой: «Выпьемъ, дружище, за здоровье вашей матушки и бабки!»— Въ этихъ словахъ было столько галантной небрежности! — восхищалась госпожа Габріэль. — Сразу видно, что онъ изъ богатаго, знатнаго семейства! Куда намъ всѣмъ до него! Сторонись, да и все тутъ! — Петька ничего не сказалъ на это, но слова ея легли ему на сердце тяжелымъ камнемъ. Вечеромъ, улегшись въ постель, онъ не могъ заснуть; въ ушахъ у него все раздавалось: «Сторонись, да и все тутъ!» Онъ такъ и сдѣлалъ, посторонился передъ богачомъ! И все потому, что самъ родился въ бѣдности, обязанъ всѣмъ милости одного изъ такихъ богачей. А развѣ они лучше бѣдныхъ? И почему бы имъ быть лучше? И изъ глубины его души поднялось нехорошее чувство, которое бы очень огорчило

бабушку. Она и вспомнилась ему. «Бѣдная бабушка! Ты тоже вѣкъ свой прожила въ бѣдности! Богъ допустилъ это!» При этой мысли въ немъ закипѣло негодованіе, но вслѣдъ затѣмъ проснулось и сознаніе грѣховности такихъ чувствъ и мыслей. Онъ съ сокрушеніемъ вздохнулъ объ утраченной дѣтской душевной невинности, а на самомъ-то дѣлѣ былъ въ эту минуту такъ же невиненъ, какъ и прежде, если не больше. Счастливый Петька!

Недѣлю спустя, пришло письмо отъ бабушки. Она писала, какъ умѣла, гдѣ большими, гдѣ маленькими буквами, но все письмо ея дышало безпредѣльною любовью къ внуку.

«Мой милый, дорогой мальчикъ! Я день и ночь думаю о тебѣ, скучаю по тебѣ; мать твоя тоже. Ея дѣла идутъ хорошо; она стираетъ. А вчера былъ у насъ Феликсъ съ поклономъ отъ тебя. Вы были вмѣстѣ на балу у пробста, и ты велъ себя благородно! Ты и всегда останешься такимъ, будешь радовать свою старую бабушку и работящую мать. Она сообщитъ тебѣ о дѣвицѣ Франсенъ».

Затѣмъ слѣдовала приписка отъ матери.

«Дѣвица Франсенъ выходитъ замужъ. Старушка-то! Переплетчикъ Гофъ сталъ по прошенію придворнымъ переплетчикомъ и обзавелся большою вывѣской. Теперь она будетъ госпожей Гофъ. Это старая любовь, а она не ржавѣетъ, милый мой мальчикъ!

Мать твоя».

Вторая приписка гласила:

«Бабушка связала тебѣ полдюжины шерстяныхъ носковъ. Перешлемъ ихъ тебѣ при случаѣ. Я вложила въ нихъ хлѣба съ саломъ—твоего любимаго кушанья. Я знаю, что у господина Габріэля тебя не угостятъ саломъ; твоя хозяйка вѣрно боится «трихниновъ». Мнѣ даже и не выговорить этого слова! Но ты о нихъ не думай, а ѣшь себѣ на здоровье

Мать».

Петька прочелъ письмо и повеселѣлъ. Феликсъ всетаки былъ славный малый! Петька поступилъ нехорошо, не простившись съ нимъ послѣ бала. «Нѣтъ, Феликсъ лучше меня!» рѣшилъ Петька.

VIII.

Дни тихо шли за днями, мѣсяцы за мѣсяцами. Петька проживалъ у господина Габріэль уже второй годъ. Учитель съ строгою послѣдовательностью, называемою госпожею Габріэль упрямствомъ, не позволялъ больше Петькѣ появляться на сценѣ. Самъ Петька получилъ отъ своего бывшаго учителя пѣнія, который ежемѣсячно платилъ за его ученіе и содержаніе, строгій наказъ не думать о сценѣ, пока находится въ школѣ. Петька не желалъ ослушаться, но мысли его сами собою обращались къ

театру въ столицѣ. Тамъ, вѣдь, онъ надѣялся когда-нибудь выступить уже знаменитымъ пѣвцомъ. Но увы! голосъ его все еще не возвращался, и это сильно огорчало Петьку. Кто могъ утѣшить его? Ни господинъ Габріэль и ни его супруга; одинъ Господь Богъ. Онъ ниспосылаетъ людямъ утѣшеніе по разному; Петькѣ оно было ниспослано во снѣ; не даромъ же онъ былъ счастливцемъ!

Однажды ночью ему приснилось, что настала Троица и что онъ гуляетъ въ чудесномъ зеленомъ лѣсу; сквозь листву деревьевъ свѣтитъ солнышко; на землѣ коверъ изъ анемоновъ и скороспѣлокъ. Вотъ закуковала кукушка. «Сколько лѣтъ мнѣ жить?» спросилъ Петька. Это всегда спрашиваютъ, когда въ первый разъ услышатъ кукушку весною. «Ку-ку!» прокуковала птичка и смолкла. «Что же это, мнѣ осталось жить одинъ годъ?» сказалъ Петька. «Маловато! Не угодно-ли начать снова?» И кукушка принялась куковать безъ счета! Кончилось тѣмъ, что закуковалъ съ нею и Петька, да такъ хорошо, словно и впрямь былъ кукушкой, только его «ку-ку» звучали еще громче, еще чище. Запѣли птички; Петька сталъ подражать и птичкамъ, и перещеголялъ и ихъ. Его звонкій дѣтскій голосокъ вернулся къ нему, и онъ ликовалъ. Проснувшись, Петька себя не вспомнилъ отъ радости: теперь онъ былъ увѣренъ, что голосъ его не пропалъ, что въ одно прекрасное весеннее утро онъ вернется къ нему такой же свѣжій, чистый, какъ и прежде! И Петька, убаюканный этою радостною надеждою, заснулъ опять. Голосъ, однако, не вернулся къ нему ни на слѣдующій день, ни черезъ недѣлю, ни черезъ мѣсяцъ. Въ ожиданіи, Петька жилъ вѣсточками о театрѣ родного города. Онѣ были для него манной небесной, духовнымъ хлѣбомъ; «крошки, вѣдь, тотъ же хлѣбъ», и Петька радъ былъ и крошкамъ—самымъ пустяшнымъ извѣстіямъ.

У господина Габріэля былъ сосѣдъ—мелочной торговецъ. Жена его, почтенная, живая и веселая женщина, но полнѣйшая невѣжда въ искусствѣ, побывала въ первый разъ въ столицѣ и вернулась оттуда въ полномъ восторгѣ отъ всего видѣннаго, даже отъ людей. Они, по ея разсказамъ, смѣялись каждому ея слову; въ этомъ, впрочемъ, не было ничего невѣроятнаго.

— А были-ли вы въ театрѣ?—спросилъ ее Петька.

— Какъ же!—отвѣтила она.—И упарилась же я тамъ! Поглядѣли бы вы на меня! Потъ лилъ градомъ!

— А что̀ же вы видѣли? Какую пьесу?

— Сейчасъ разскажу все! Я была тамъ два раза. Въ первый разъ представленіе было съ разговорами. Сначала пришла принцесса и давай тараторить: «та-та-та! та-та-та!» Потомъ явился мужчина, и оба затараторили наперебой: «та-та-та! та-та-та!» Послѣ того барыня шлепнулась! Она въ этотъ вечеръ цѣлыхъ пять разъ шлепалась. Въ другой разъ я попала на

нѣніе. Ну, пропѣли: «тра-ла-ла, тра-ла-ла!» и барыня тоже шлепнулась. Рядомъ со мной сидѣла приличная женщина, провинціалка. Она сроду не бывала въ театрѣ и думала, что тутъ и конецъ всему, ну а я-то ужъ знала, въ чемъ дѣло, и объяснила ей, что въ послѣдній разъ, какъ я была въ театрѣ, барыня шлепалась цѣлыхъ пять разъ. Въ этотъ вечеръ она, впрочемъ, шлепнулась всего три раза. Да, такъ вотъ что̀ я видѣла!

Что̀ же это за пьесы видѣла лавочница? Не попала-ли она въ трагедію, что барыня все шлепалась? И вдругъ Петьку осѣнило: на театральномъ занавѣсѣ была изображена большая женская фигура — муза съ двумя масками, трагической и комической. Занавѣсъ, разумѣется, падалъ въ антрактахъ, вотъ вамъ и барыня, которая все шлепалась! И это-то шлепанье больше всего и занимало почтенную лавочницу, все же, что говорили и пѣли артисты, было для нея только «та-та-та, тра-ла-ла!» Тѣмъ не менѣе она осталась вполнѣ довольна, да и Петька съ госпожею Габріэль были довольны не меньше ея. Госпожа Габріэль слушала ея повѣствованіе съ выраженіемъ изумленія и умственнаго превосходства на лицѣ; еще бы! она, вѣдь, по словамъ аптекаря, вынесла, въ роли кормилицы, на своихъ плечахъ всю Шекспировскую трагедію! Выраженіе «барыня шлепнулась», объясненное Петькой, скоро сдѣлалось въ домѣ Габріэль ходячею остротою: стоило упасть ребенку, полоскательной чашкѣ, или какой-нибудь мебели, сейчасъ раздавалось: «барыня шлепнулась!» «Такъ-то создаются пословицы и поговорки!» сказалъ господинъ Габріэль, который на все смотрѣлъ съ научной точки зрѣнія. Въ вечеръ подъ Новый Годъ вся семья Габріэль стояла со стаканами пунша въ рукахъ; это былъ единственный стаканъ, выпиваемый въ году господиномъ Габріэлемъ,—пуншъ былъ вреденъ для его желудка. Вотъ часы начали бить, всѣ выпили въ честь наступающаго Новаго Года, сосчитали удары часовъ и послѣ двѣнадцатаго весело прокричали: «барыня шлепнулась!» Затѣмъ опять пошли дни за днями. На Троицѣ Петькиному пребыванію въ домѣ Габріэль должно было исполниться два года.

IX.

Два года минули, а голосъ къ Петькѣ не вернулся. Что же ожидало нашего юнаго друга въ будущемъ? Господинъ Габріэль предполагалъ, что изъ него могъ выйти отличный школьный учитель; это всетаки карьера, хотя, конечно, и не для женатаго человѣка. Но Петька и не думалъ еще жениться, ка̀къ ни интересовала его дочка аптекаря. «Школьнымъ учителемъ!» сказала госпожа Габріэль. «Это значитъ сдѣлаться такимъ же скучнѣйшимъ созданіемъ, какъ мой Габріэль! А вы рождены артистомъ! Вы можете стать величайшимъ актеромъ въ мірѣ! Это не то, что быть учителемъ!»

Да, быть артистомъ—вотъ это цѣль! И Петька написалъ учителю пѣнія письмо, въ которомъ открылъ ему всю свою душу, свои завѣтныя мечты, надежды и тоску по столицѣ, гдѣ жили его мать и бабушка. Онъ не видался съ ними вотъ уже два года! А, вѣдь, ихъ раздѣляли всего какія-нибудь тридцать миль, шесть часовъ пути! Такъ почему же они не повидались? Да потому, что съ Петьки при отъѣздѣ было взято слово оставаться на мѣстѣ и не помышлять ни о какой поѣздкѣ, у матери же были полны руки дѣла. Несмотря на это, она частенько мечтала о поѣздкѣ, не пугаясь даже страшныхъ расходовъ, но мечты такъ и остались мечтами. Бабушка могла бы, конечно, навѣстить внука, да смерть боялась желѣзныхъ дорогъ; пуститься въ такой путь, значило, по ея понятіямъ, искушать Господа. Нѣтъ, ужъ ее на машину и калачомъ не заманятъ! Стара она больно, чтобы разъѣзжать! Ее ждетъ иной путь по призыву Господа Бога. Все это она говорила въ маѣ, а въ іюнѣ одна одинешенька отправилась за тридцать миль въ чужой городъ, къ чужимъ людямъ! Принудило ее къ этому очень важное и печальное событіе.

Кукушка въ отвѣтъ на вторичный вопросъ Петьки, сколько лѣтъ ему жить, прокуковала несчетное число разъ. Цвѣтущее здоровье его и въ самомъ дѣлѣ обѣщало ему долгую жизнь, освѣщенную, какъ солнышкомъ, веселымъ расположеніемъ духа. И какъ ему было не веселиться, не радоваться! Покровитель его, учитель пѣнія, прислалъ ему такое ласковое письмо, разрѣшилъ ему вернуться въ столицу! Онъ желалъ посмотрѣть, что можетъ выйти изъ Петьки, разъ голосъ его пропалъ. «Выступайте въ роли Ромео!» твердила Петькѣ госпожа Габріэль. «Теперь вы какъ разъ въ такомъ возрастѣ! Да и возмужали вы такъ, что даже гримироваться не надо!» «Будьте Ромео!» твердили и аптекарь съ дочкой. У самого Петьки просто голова кругомъ шла отъ наплыва мыслей. Но «никто не знаетъ, что случится завтра».

Петька сидѣлъ въ саду, прилегавшемъ къ лугу. Былъ вечеръ; луна такъ и сіяла. Щеки юноши горѣли, кровь кипѣла, и холодный вѣтеръ такъ пріятно освѣжалъ его. Надъ лугомъ клубился туманъ; Петькѣ невольно пришли на умъ разсказы о пляскѣ лѣсныхъ дѣвъ, и старинная пѣсня о рыцарѣ Олуфѣ, ѣхавшемъ сзывать гостей на свою свадьбу и перехваченномъ на пути лѣсными дѣвами. Онѣ увлекли его въ свой хороводъ и закружили до смерти. И вотъ этотъ туманъ, освѣщенный блѣдными лучами луны, рисовалъ теперь картины къ старой народной пѣснѣ. Скоро Петька совсѣмъ ушелъ въ міръ фантазіи, сталъ грезить наяву. Кусты мало-по-малу приняли очертанія человѣческихъ и звѣриныхъ фигуръ; онѣ стояли неподвижно, а туманъ, напротивъ, безпрерывно клубился, колебался въ воздухѣ, какъ кисея. Нѣчто подобное видѣлъ Петька въ балетѣ; тамъ лѣсныхъ дѣвъ изображали танцовщицы, порхавшія и

кружившіяся по сценѣ, размахивая кисейными шарфами. Но это зрѣлище было куда прекраснѣе, диковиннѣе! Такой большой сцены не было ни въ одномъ театрѣ, такого яснаго прозрачнаго воздуха, такого яркаго луннаго свѣта тоже!.. Вотъ изъ тумана выдѣлилась женская фигура, изъ одной сдѣлались три, потомъ много... Рука объ руку закружились онѣ въ пляскѣ. Вѣтеръ несъ ихъ къ изгороди, за которою сидѣлъ Петька. Онѣ манили его къ себѣ, говорили съ нимъ. Голоса ихъ звенѣли серебряными колокольчиками. Скоро онѣ очутились въ саду, окружили Петьку, и онъ, самъ того не сознавая, сталъ плясать вмѣстѣ съ ними, но по своему. Онъ кружился вихремъ, словно въ тотъ памятный вечеръ, когда изображалъ вампира. Но теперь онъ и не думалъ объ этомъ, да и ни о чемъ вообще не думалъ, упоенный чуднымъ зрѣлищемъ. Лугъ былъ собственно болотомъ, а въ одномъ мѣстѣ раскинулось и настоящее озеро, глубокое, темносинее, поросшее кувшинками. Лѣсныя дѣвы перенесли Петьку на своихъ шарфахъ на другой берегъ озера, гдѣ богатырскій курганъ, сбросивъ съ себя дерновый покровъ, тянулся къ зӑмку изъ облаковъ. Облака эти были, однако, мраморныя; цвѣтущія растенія изъ золота и драгоцѣнныхъ камней обвивали мощныя мраморныя глыбы; каждый цвѣтокъ былъ сіяющей разноцвѣтной птицей, распѣвавшей человѣческимъ голосомъ. Слышался какъ будто хоръ тысячъ радостныхъ дѣтскихъ голосовъ. Куда попалъ Петька—на небо, или въ лѣсной холмъ?.. Стѣны зӑмка раздвинулись, потомъ сошлись опять и замкнули Петьку; онъ былъ отрѣзанъ отъ человѣческаго міра! Его охватилъ страхъ, какого онъ еще не испытывалъ въ жизни. Выхода не было, но съ полу, съ потолка, со всѣхъ стѣнъ глядѣли на него улыбающіяся дѣвичьи лица. Онѣ смотрѣли живыми, и всетаки Петькѣ чудилось, что онѣ только нарисованы. Онъ хотѣлъ заговорить съ ними, но языкъ его не ворочался, голосъ пропалъ. Тогда онъ въ отчаяніи бросился на землю. Никогда еще не чувствовалъ онъ себя такимъ несчастнымъ. Одна изъ лѣсныхъ дѣвъ приблизилась къ нему; она по своему желала ему добра и приняла на себя наиболѣе пріятный ему обликъ дочки аптекаря. Онъ сначала и повѣрилъ было, что это она сама, но скоро замѣтилъ, что у нея нѣтъ спины, что она хороша только спереди, а сзади и внутри ея одна пустота. «Одинъ часъ здѣсь—вѣкъ тамъ!» сказала она. «А ты пробылъ здѣсь уже цѣлый часъ. Всѣ, кого ты зналъ и любилъ тамъ, умерли! Оставайся же съ нами! Да ты и останешься поневолѣ! Иначе стѣны сойдутся и стиснутъ тебя такъ, что изъ твоего лба брызнетъ кровь!» И стѣны зашевелились, воздухъ сперся, стало душно, какъ въ раскаленной печи. Тутъ къ Петькѣ вернулся голосъ. «Господи! Неужели Ты покинулъ меня!» вскричалъ онъ полный смертельнаго отчаянія. Глядь, передъ нимъ его бабушка! Она обняла его и принялась цѣловать въ лобъ

и въ губы. «Мой милый, дорогой мальчикъ!» сказала она. «Господь не покинетъ тебя, Онъ никого не покидаетъ, даже величайшихъ грѣшниковъ. Слава ему во вѣки вѣковъ!» И она вынула молитвенникъ, тотъ самый, по которому она и Петька пѣли каждое воскресенье псалмы. Громко зазвучалъ ея голосъ, воздавая хвалу Творцу. Лѣсныя дѣвы склонили усталыя головы, прилегли отдохнуть, а Петька запѣлъ вмѣстѣ съ бабушкой, какъ онъ бывало пѣвалъ прежде. Какъ громко, сильно и въ то же время нѣжно зазвучалъ его голосъ! Стѣны зáмка зашевелились и растаяли, какъ туманъ. Бабушка вышла съ нимъ изъ холма, и они пошли, озаряемые яркою луною, по густой травѣ, въ которой блестѣли Ивановы червячки. Но Петька былъ такъ слабъ, ноги не держали его больше, и онъ опустился въ траву, какъ въ мягкую постель. Славно отдохнулъ онъ и проснулся отъ пѣнія псалмовъ.

Возлѣ него въ самомъ дѣлѣ сидѣла бабушка; онъ лежалъ въ своей комнаткѣ, въ домѣ господина Габріэля. Горячка прошла, жизнь и здоровье возвращались къ нему. А боленъ онъ былъ серьезно. Его нашли въ тотъ вечеръ лежащимъ безъ чувствъ въ саду. Началась сильная горячка. Докторъ сказалъ, что онъ врядъ-ли выживетъ. Дали знать матери. Обѣимъ вмѣстѣ—и матери и бабушкѣ нельзя было ѣхать, и поѣхала одна бабушка, поѣхала по желѣзной дорогѣ. «Это только ради Петьки!» говорила она. «И ѣхала я съ именемъ Божіимъ на устахъ, а то бы я все думала, что лечу на помелѣ на шабашъ вѣдьмъ въ Иванову ночь».

X.

Весело собралась бабушка въ обратный путь, отъ всего сердца благодаря Создателя за исцѣленіе Петьки. Всетаки онъ еще переживетъ ее! Въ вагонѣ у нея оказались премилые сосѣди: аптекарь съ дочкой. Они говорили о Петькѣ съ такою любовью, словно онъ былъ имъ родной. Аптекарь объявилъ, что изъ юноши выйдетъ великій артистъ: голосъ, вѣдь, вернулся къ нему, а въ такомъ горлѣ лежатъ милліоны! Какъ не радоваться, слушая такія рѣчи! И бабушка слѣпо вѣрила имъ, упиваласъ ими и даже не замѣтила, какъ доѣхала до столицы. Невѣстка встрѣтила ее на вокзалѣ. «Благодареніе Господу за желѣзную дорогу!» сказала бабушка. «Благодареніе Ему и за то, что я и не замѣтила, какъ доѣхала по ней! Этимъ я обязана милѣйшимъ сосѣдямъ своимъ! И она крѣпко пожала руки аптекарю и его дочкѣ. «Машина благодатная выдумка! Особенно цѣнишь ее, когда сойдешь съ нея!» Затѣмъ пошли разсказы о дорогомъ мальчикѣ. Мать узнала, что онъ теперь внѣ опасности, и что живется ему очень хорошо. Хозяева его люди состоятельные, держатъ троихъ людей: двухъ дѣвушекъ и одного парня, и обращаются съ Петькой, какъ съ сыномъ. Вмѣстѣ съ нимъ учатся два мальчика изъ важныхъ се-

мействъ; одинъ, шутка-ли, сынъ пробста! Бабушка остановилась было на почтовой станціи, но тамъ такъ дерутъ! Хорошо, что госпожа Габріэль пригласила ее переѣхать къ нимъ; она и прожила у нихъ пять дней. То-то добрые люди, сущіе ангелы, особенно сама хозяйка! Она угощала бабушку пуншемъ, превкуснымъ, но прекрѣпкимъ! Черезъ мѣсяцъ Петька оправится и вернется въ столицу. «Онъ, вѣрно, сталъ важнымъ, избаловался тамъ!» сказала мать. «Не понравилось бы ему здѣсь на чердакѣ! Я рада, что учитель пѣнія пригласилъ его жить къ себѣ, а всетаки...» Тутъ мать заплакала. «Всетаки ужасно жить въ такой бѣдности, что даже собственнаго ребенка нельзя, какъ слѣдуетъ, устроить у себя дома!» «Смотри, не говори ничего такого Петькѣ!» сказала бабушка. «Ты не знаешь его такъ, какъ я». «Ѣсть и пить-то ему всетаки надо, какъ онъ тамъ ни важенъ!» продолжала мать. «Ну и что-жъ, голодать не будетъ, пока у меня работа изъ рукъ не валится. Да и госпожа Гофъ предлагаетъ ему обѣдать у нея два раза въ недѣлю; теперь, вѣдь, она живетъ въ достаткѣ. Да, отвѣдала она въ своей жизни и сладкаго, и горькаго! Сама же разсказывала мнѣ, что разъ съ ней сдѣлалось дурно въ ложѣ, гдѣ сидятъ старыя танцовщицы: во весь день у нея не было во рту ничего, кромѣ воды да сухого кренделя. «Воды! воды!» закричали другія танцовщицы. «Булки, булки!» взмолилась она. Ей нужно было что-нибудь попитательнѣе воды! За то теперь у нея домъ полная чаша!»

А Петька все еще сидѣлъ въ тридцати миляхъ отъ столицы, но уже заранѣе блаженствовалъ при мысли, что скоро увидитъ родной городъ, театръ и все, что дорого и мило его сердцу. Теперь онъ научился цѣнить все это! И въ душѣ его и вокругъ все какъ будто пѣло, все ликовало, все было залито солнцемъ, полно юнаго веселья, ожиданья! Съ каждымъ днемъ силы его прибывали, цвѣтъ лица становился здоровѣе, расположеніе духа улучшалось. Зато госпожа Габріэль, по мѣрѣ приближенія разлуки, волновалась все больше и больше.

— Теперь вы вступаете на путь славы и соблазновъ. Вы очень красивы,—а похорошѣли-то вы въ нашемъ домѣ—но вы дитя природы, какъ и я, а это предохраняетъ отъ соблазновъ. Не надо быть слишкомъ чувствительнымъ, не надо быть и ломакой! Вотъ какъ, напримѣръ, королева Дагмара! Затягивала себѣ шелковые рукава по воскресеньямъ—экая бѣда! Стоило сокрушаться изъ за такихъ пустяковъ! Или вотъ Лукреція! Я бы никогда не подняла такого шума! И съ чего она закололась? Она была честна, невинна, это знала и она и весь городъ. Такъ, если съ ней и случилась бѣда... Я не буду говорить какая,—вы въ ваши годы и такъ понимаете, въ чемъ было дѣло!.. Словомъ, она была ни при чемъ! Такъ нѣтъ, давай вопить и цапъ за кинжалъ! А и нужды-то никакой не было! Я бы никогда такъ не поступила, и вы тоже. Мы съ вами дѣти при-

роды и должны оставаться ими при всякихъ обстоятельствахъ. Совѣтую вамъ держаться этого правила во всю вашу артистическую карьеру. То-то радость будетъ прочесть о васъ въ газетѣ! Когда-нибудь вы заѣдете въ нашъ городишко и опять, можетъ быть, выступите въ роли Ромео: но я тогда уже не буду кормилицей! Я буду сидѣть въ партерѣ и наслаждаться.

А что̀ ей было хлопотъ и заботъ со стиркой и глаженьемъ! Надо было отпустить Петьку домой съ такимъ же запасомъ чистаго бѣлья, съ какимъ онъ пріѣхалъ. Она продѣла также въ его янтарное сердечко новую черную ленточку. Кромѣ этого сердечка ей бы ничего не хотѣлось получить отъ Петьки на память, но сердечка она не получила. Самъ Петька получилъ отъ господина Габріэля на память французскій словарь, служившій имъ при занятіяхъ и весь испещренный на поляхъ собственноручными примѣчаніями господина Габріэля. Хозяйка же поднесла юношѣ букетъ изъ розъ и сердечной травки. Розы, конечно, скоро увянутъ, но травка могла перезимовать, если ее не ставить въ воду. Кромѣ того госпожа Габріэль написала на листочкѣ для альбома изреченіе Гете: «Umgang mit Frauen ist das Element guter Sitten», но не въ подлинникѣ, а въ собственномъ переводѣ: «Общеніе съ дамами—условіе хорошихъ нравовъ. Гёте».—Онъ былъ великій человѣкъ!—прибавила она.—Жаль только, что онъ написалъ Фауста,—я его совсѣмъ не понимаю. И Габріэль говоритъ то же.—Юный Массенъ преподнесъ Петькѣ не совсѣмъ неудачный рисунокъ, изображавшій висѣвшаго на висѣлицѣ господина Габріэля съ розгой въ рукахъ. Подпись внизу гласила: «Первый путеводитель великаго артиста на пути науки». Примусъ подарилъ Петькѣ пару новыхъ туфель, вышитыхъ самою женою пробста; онѣ были такъ велики, что Примусъ еще нѣсколько лѣтъ не могъ бы пользоваться ими. На подошвахъ было написано чернилами: «На память отъ горюющаго друга. Примусъ».

На вокзалъ провожалъ Петьку весь домъ. «Никто не скажетъ, что вы уѣзжаете *безъ sans adieu*!» сказала госпожа Габріэль, цѣлуя Петьку на прощаніе. «Я не стѣсняюсь!» заявила она. «Открыто все можно, лишь бы не тайкомъ!» Вотъ раздался свистокъ, юный Массенъ и Примусъ прокричали «ура», «домашній скарбъ» подхватилъ, госпожа Габріэль отерла глаза и замахала платкомъ; супругъ ея ограничился однимъ словомъ: «Vale!»

Мимо оконъ вагона замелькали деревни и мѣстечки. Было-ли ихъ обитателямъ такъ же весело, какъ Петькѣ? Онъ думалъ объ этомъ, думалъ о своемъ счастьѣ, о золотомъ яблокѣ, которое видѣла у него въ рукѣ бабушка, когда онъ былъ ребенкомъ, вспоминалъ о своей счастливой находкѣ въ канавкѣ, но больше всего думалъ о своемъ вновь обрѣтенномъ голосѣ, и о познаніяхъ, которыми онъ запасся за эти два года. Онъ сталъ, вѣдь, совсѣмъ инымъ человѣкомъ! Внутри его все ликовало

и пѣло отъ радости, и много ему надо было имѣть надъ собою власти, чтобы не запѣть во всеуслышаніе въ вагонѣ.

Вотъ показались башни столицы, вотъ и строенія. Поѣздъ подошелъ къ вокзалу. Тутъ ждали Петьку мать съ бабушкой и еще кто-то — госпожа Гофъ, супруга придворнаго переплетчика, урожденная дѣвица Франсенъ. Она не забывала своихъ друзей ни въ горѣ, ни въ радости и не преминула расцѣловать Петьку такъ же сердечно, какъ мать и бабушка. «Гофъ не могъ прійти со мною!» сказала она. «Онъ сидитъ за переплетомъ разныхъ сочиненій для библіотеки Его Величества. Тебѣ повезло, и мнѣ тоже. Теперь у меня есть мужъ, собственный уютный уголокъ и кресло-качалка. Два раза въ недѣлю ты обѣдаешь у насъ. Вотъ посмотришь на мое житье-бытье. Настоящій балетъ!»

Матери и бабушкѣ почти и не удалось поговорить съ Петькой, зато онѣ смотрѣли на него, и глаза ихъ такъ и сіяли радостью. Петька сѣлъ на извозчика и поѣхалъ къ учителю пѣнія, а мать съ бабушкой смотрѣли ему вслѣдъ, смѣясь и плача.

— Какой же онъ красавчикъ! — сказала бабушка.

— А выраженіе у него все такое же хорошее, честное, какъ и прежде! — замѣтила мать. — Такимъ онъ и останется всю жизнь!

Извозчикъ остановился передъ дверями квартиры учителя пѣнія; хозяина не оказалось дома. Петьку встрѣтилъ и проводилъ въ отведенную ему комнату старый слуга. По стѣнамъ комнатки висѣли портреты композиторовъ, а на печкѣ стоялъ ослѣпительно бѣлый гипсовый бюстъ. Старикъ, немножко тугой на смѣкалку, но до нельзя преданный своему господину, показалъ Петькѣ, куда уложить бѣлье, куда развѣсить платье и обѣщалъ свое содѣйствіе по части чистки сапоговъ. Тутъ явился и самъ хозяинъ и сердечно привѣтствовалъ Петьку на новосельѣ.

— Вотъ и все помѣщеніе! — сказалъ онъ Петькѣ. — Не побрезгуй! Клавикорды въ залѣ къ твоимъ услугамъ. Завтра испробуемъ твой голосъ! А это нашъ кастелянъ, нашъ домоправитель! — прибавилъ онъ, кивая на старика. — Ну, все въ порядкѣ! Даже Карлъ-Марія Веберъ выбѣленъ къ твоему пріѣзду зáново! Онъ непозволительно закоптѣлъ!.. Да, вѣдь, это вовсе не Веберъ! Это Моцартъ! Откуда онъ взялся?

— Это старикъ Веберъ! — отвѣтилъ слуга. — Я самъ снесъ его къ мастеру бѣлить и сегодня утромъ принесъ обратно.

— Но это же бюстъ Моцарта, а не Вебера!

— Извините, сударь! — стоялъ на своемъ слуга. — Это старикъ Веберъ, только онъ сталъ почище, вотъ вы и не узнали его! Спросите хоть у мастера! — Спросили, и оказалось, что бюстъ Вебера нечаянно разбили въ мастерской и вмѣсто него дали слугѣ бюстъ Моцарта, — все равно, вѣдь, чей бюстъ стóитъ на печкѣ!

Въ первый день рѣшено было не пѣть и не играть, но когда нашъ юный другъ вошелъ въ залу, гдѣ стояли клавикорды, а на пюпитрѣ лежала раскрытая опера «Іосифъ», онъ запѣлъ своимъ звонкимъ, какъ колокольчикъ, голосомъ: «Пришла моя весна». Сколько чувства, сколько души, дѣтской невинности и въ то же время мужественной силы было въ его пѣніи! Учитель даже прослезился.

— Вотъ какъ надо пѣть!—сказалъ онъ.—А со временемъ пойдетъ и еще лучше! Ну, закроемъ теперь клавикорды! Тебѣ нуженъ отдыхъ!

— Мнѣ еще надо побывать у матери и у бабушки! Я обѣщалъ!— И Петька поспѣшилъ туда.

Лучи заходящаго солнца освѣщали знакомый ему съ дѣтства дворъ. Стѣны дома такъ и блестѣли. Ни дать—ни взять алмазный дворецъ! Мать и бабушка жили наверху, подъ самой крышей, но Петька живо взлетѣлъ по лѣстницамъ, шагая черезъ три ступеньки заразъ. Его встрѣтили горячими поцѣлуями и объятіями.

Какъ чисто, какъ уютно было въ этой коморкѣ! Вотъ и печка, «старый медвѣдь», вотъ и сундукъ—«гора съ сокровищами»! Здѣсь онъ гарцовалъ когда-то на своей деревянной лошадкѣ! На стѣнѣ попрежнему висѣли знакомыя картины: портретъ короля и два силуэта—одинъ Спасителя, другой покойнаго отца Петьки, вырѣзанные изъ черной бумаги. По словамъ матери, силуэтъ очень напоминалъ отца сбоку, но, конечно, сходство было бы еще полнѣе, если бы бумага была бѣлая и красная,— отецъ-то былъ бѣлый, румяный, красавецъ! А Петька былъ вылитый отецъ. Разговорамъ и разсказамъ не было конца. На ужинъ были приготовлены разварныя поросячьи ножки,—кромѣ Петьки поджидали еще госпожу Гофъ

— Но, какъ вздумалось этимъ двумъ старичкамъ пожениться?—спросилъ Петька.

— Думали-то они объ этомъ многіе годы!—сказала мать.—Но ты, вѣдь, знаешь, Гофъ былъ женатъ. Онъ женился, какъ говорилъ, въ отместку дѣвицѣ Франсенъ! Она, вѣдь, страсть какъ важничала въ дни своей славы! За женою онъ взялъ большое приданое, но она была ужъ больно стара да и на костыляхъ, а умирать все не хотѣла! Ему и пришлось ждать такъ долго, что я ничуть бы не удивилась, если бы онъ, какъ человѣкъ въ сказкѣ, потерялъ терпѣніе и сталъ каждое воскресенье выносить старуху на солнышко, чтобы Господь увидѣлъ и вспомнилъ ее поскорѣе!

— Дѣвица Франсенъ тоже ждала терпѣливо!—сказала бабушка.—Но не думала я, что она дождется! Однако, въ прошломъ году старуха умерла, и дѣвица Франсенъ стала госпожею Гофъ!—Госпожа Гофъ оказалась легка на поминѣ.—А мы, только что говорили о васъ!—привѣтствовала ее бабушка.—Говорили о вашемъ долготерпѣніи и наградѣ.

— Да!—сказала госпожа Гофъ.— Не удалось намъ пожениться въ дни нашей молодости, такъ возьмемъ свое хоть теперь! Къ тому же «пока не калѣка, все еще молодъ!» говоритъ мой Гофъ. У него все такія мѣткія выраженія! Мы съ нимъ, по его выраженію, хоть и старыя, да хорошія сочиненія, переплетенныя въ одинъ томъ, съ золотымъ обрѣзомъ. И я такъ счастлива, такъ довольна и своимъ мужемъ и своимъ уголкомъ у печки—изразцовой печки! Какъ затопишь ее вечеромъ, такъ тепло держится до вечера другого дня! Просто благодать! Словно въ балетѣ «Островъ Цирцеи». Помните вы меня въ роли Цирцеи?

— Вы были восхитительны!—сказала бабушка.—Какъ, однако, человѣкъ мѣняется съ годами! — Сказано это было не въ обиду гостьѣ, и она и не обидѣлась. Приступили къ поросячьимъ ножкамъ и чаепитію.

На другой день Петька отправился съ визитомъ къ коммерсанту. Приняла его сама хозяйка, пожала ему руку и усадила возлѣ себя. Въ разговорѣ онъ выразилъ ей свою искреннюю благодарность,—онъ зналъ, что неизвѣстнымъ благодѣтелемъ его былъ коммерсантъ. Жена послѣдняго, однако, ничего объ этомъ не знала. «Впрочемъ, это такъ на него похоже!» сказала она. «Не стоитъ и говорить объ этомъ». Самъ же коммерсантъ чуть не разсердился, когда Петька завелъ объ этомъ рѣчь и при немъ. «Вы сильно ошибаетесь!» сказалъ онъ Петькѣ, прервалъ бесѣду и ушелъ.

Феликсъ былъ уже студентомъ и готовился къ дипломатической карьерѣ. «Мужъ мой называетъ это сумасбродствомъ!» замѣтила хозяйка. «У меня же на этотъ счетъ нѣтъ собственнаго мнѣнія. Все въ рукахъ Божіихъ!» Феликсъ не вышелъ къ Петькѣ; у него былъ урокъ фехтованія.

Вернувшись домой, Петька разсказалъ учителю о своей неудачной попыткѣ поблагодарить коммерсанта.

— Да кто же сказалъ тебѣ, что именно онъ твой такъ называемый благодѣтель?—спросилъ учитель.

— Мать и бабушка!—отвѣтилъ Петька.

— Ну, вѣрно, такъ оно и есть.

— А вы знаете, кто настоящій благодѣтель?—спросилъ Петька.

— Знаю, да не скажу кто!.. Итакъ, мы каждое утро будемъ съ тобой заниматься пѣніемъ.

XI.

Разъ въ недѣлю къ учителю приходили его знакомые артисты-музыканты и составлялся квартетъ. Петька упивался дивными звуками Бетховенскихъ и Моцартовскихъ композицій. Давно уже онъ не слыхалъ хорошей и хорошо исполненной музыки, и она дѣйствовала на него теперь тѣмъ сильнѣе: словно огненныя искры пробѣгали унего по спинѣ и по всѣмъ нервамъ, на глазахъ навертывались слезы. Каждый такой

музыкальный вечеръ былъ для него истиннымъ праздникомъ. Онъ предпочиталъ эти концерты опернымъ спектаклямъ,—въ театрѣ всегда что-нибудь мѣшаетъ полнотѣ и цѣльности впечатлѣнія. То артисты не отдаютъ должнаго вниманія тексту и глотаютъ слова такъ, что ихъ одинаково пойметъ и китаецъ, и гренландецъ, то страдаютъ недостаткомъ драматическаго таланта, то отсуствіемъ голоса, то хрипятъ, какъ шарманки, то терзаютъ слухъ фальшивыми нотами... А фальшь въ декораціяхъ и костюмахъ?! Въ концертѣ же не приходится страдать ни отъ чего подобнаго. Звуки льются свободно и достигаютъ полной своей мощи и красоты, убираютъ голыя стѣны залы драгоцѣнными гобеленами, рисуя картины, задуманныя великими композиторами. Однажды Петька попалъ и на концертъ, данный въ залѣ Музыкальнаго Общества. Была исполнена «Symfonie pastorale» Бетховена. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на нашего юнаго друга andante «Сцена у ручья». Эти звуки несли его на лоно природы въ свѣжій зеленый лѣсъ, гдѣ раздается пѣніе жаворонка и соловья, кукованье кукушки. Что за роскошь, что за свѣжесть! Съ этого вечера Петька понялъ, что ему больше всего по душѣ именно такого рода музыкальныя картины, рисующія природу и пробуждающія соотвѣтственныя настроенія въ душѣ. Любимыми композиторами его стали Бетховенъ и Гайднъ.

Петька часто бесѣдовалъ о музыкѣ со своимъ учителемъ, и каждая бесѣда сближала ихъ все больше и больше. Ученикъ не могъ надивиться обширнымъ познаніямъ учителя и съ такою же жадностью слушалъ его объясненія, съ какою бывало внималъ сказкамъ бабушки. Міръ звуковъ сталъ ему теперь такимъ знакомымъ, роднымъ; теперь онъ уже понималъ, о чемъ шепчетъ лѣсъ, шумитъ море, гудитъ богатырскій курганъ, щебечетъ каждая птичка, говоритъ своимъ ароматомъ безмолвный цвѣтокъ.

Уроки пѣнія доставляли истинное удовольствіе и учителю, и ученику. Голосъ Петьки всегда поражалъ своею свѣжестью и чистотою, каждую пѣсенку онъ исполнялъ съ удивительнымъ чувствомъ и выраженіемъ, но лучше всего выходили у него всетаки Шубертовскія «Пѣсни мельника». Молодой человѣкъ удѣлялъ одинаковое вниманіе и мелодіи, и тексту; они составляли въ его исполненіи одно цѣлое, дополняли и освѣщали другъ друга, какъ это и слѣдуетъ. Изъ него вырабатывался настоящій драматическій пѣвецъ, и онъ совершенствовался въ этомъ отношеніи съ каждымъ мѣсяцемъ, даже съ каждымъ днемъ.

Безъ нужды, безъ горя жилось нашему юному другу; онъ былъ здоровъ, веселъ, будущее сулило ему всевозможныя блага. Онъ еще не успѣлъ разочароваться въ людяхъ; по невинности и чистотѣ душевной онъ могъ назваться ребенкомъ, а по выдержкѣ въ трудѣ—зрѣлымъ мужемъ. Всѣ, кто зналъ его, любили его, всюду онъ встрѣчалъ ласковые взгляды и радушный пріемъ. Отношенія же между нимъ и его учите-

лемъ день ото дня становились сердечнѣе. Учитель и ученикъ были какъ будто братьями; младшій относился къ старшему со всею горячностью и искренностью юнаго сердца, и старшій на свой ладъ платилъ ему тѣмъ же.

Натура у стараго учителя была горячая, какъ у южанина. Сразу видно было, что онъ умѣлъ «и ненавидѣть крѣпко, и любить». Къ счастью, въ немъ вообще преобладало послѣднее чувство. Онъ унаслѣдовалъ отъ отца порядочное состояніе и не имѣлъ нужды браться за трудъ, который бы былъ ему не по душѣ. Втайнѣ онъ дѣлалъ много добра, но не терпѣлъ, чтобы его благодарили или говорили объ этомъ. «Если я и сдѣлалъ что-нибудь, то сдѣлалъ только возможное и должное!» говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ.

Старый слуга, или «кастелянъ», какъ называлъ его самъ учитель, говоря о добрыхъ дѣлахъ своего господина, всегда, какъ-то понижалъ голосъ: «Я-то знаю, какія дѣла онъ иногда творитъ, но знаю изъ нихъ лишь половину. Вотъ бы кому слѣдовало повѣсить на грудь звѣзду! Впрочемъ, онъ не сталъ бы носить ее! Онъ бы изъ себя вышелъ, если бы захотѣли отмѣтить его за его честность. Знаю я его! Вотъ ужъ онъ-то прежде всѣхъ насъ попадетъ въ рай, какой бы тамъ ни былъ вѣры! Онъ воистину живетъ по писанію!» Послѣднія слова старикъ произносилъ съ особеннымъ удареніемъ, точно Петька питалъ на этотъ счетъ какое-нибудь сомнѣніе. Напротивъ, Петька и самъ чувствовалъ и сознавалъ, что учитель его истый христіанинъ по дѣламъ своимъ и можетъ послужить образцомъ для всякаго. Но въ церкви онъ никогда не бывалъ, и когда Петька, собираясь однажды идти съ матерью и бабушкой къ причастію, спросилъ, не пойдетъ-ли съ ними и учитель, этотъ отвѣтилъ: «Нѣтъ!» Петькѣ показалось, что онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но такъ ничего и не сказалъ.

Вечеромъ учитель прочелъ между прочимъ въ газетѣ о добрыхъ дѣлахъ какихъ-то извѣстныхъ благотворителей. Зашелъ разговоръ о добрыхъ дѣлахъ вообще и о наградѣ за нихъ.—О ней никто не долженъ помышлять!—сказалъ учитель.—«Награда за добрыя дѣла подобна финикамъ,—они поздно созрѣваютъ и становятся сладкими!» сказано въ Талмудѣ.

— Въ Талмудѣ?—переспросилъ Петька.—Что это за книга?

— Книга, изъ которой вросло въ христіанство много добрыхъ сѣмянъ!—былъ отвѣтъ.

— Кто написалъ ее?

— Мудрецы древнихъ вѣковъ! Мудрецы разныхъ народностей и религій! Мудрость скрыта въ ней въ краткихъ изреченіяхъ, подобныхъ изреченіямъ Соломона. Глубочайшія истины содержатся въ этой книгѣ! Она учитъ, что люди всегда остаются тѣми же людьми, гдѣ бы и когда бы ни жили. «У твоего друга есть другъ,—будь остороженъ въ своихъ

рѣчахъ!» «Никому не перепрыгнуть черезъ собственную тѣнь!» «Топчи тернъ, пока ты обутъ!» Вотъ что говорится въ этой книгѣ! Тебѣ надо почитать ее! Ты найдешь въ ней болѣе ясные отпечатки всѣхъ культуръ, нежели въ земныхъ пластахъ. Я, какъ еврей, чту въ ней также наслѣдіе отцовъ моихъ!

— Вы развѣ еврей?—спросилъ Петька.

— А ты и не зналъ? Странно, что мы до сихъ поръ не договорились до этого!

Ни мать, ни бабушка Петьки тоже не знали этого, но онѣ отлично знали, какой честный и прекрасный человѣкъ Петькинъ учитель. Надо было благодарить Бога за то, что Петька встрѣтилъ его на своемъ пути; послѣ Господа Бога мальчикъ былъ обязанъ всѣмъ своимъ счастьемъ именно ему. Вскорѣ мать сообщила Петькѣ тайну, съ которой носилась вотъ уже нѣсколько дней. Эту тайну довѣрила ей «по секрету» жена коммерсанта. Боже сохрани, если бы это дошло до самого учителя пѣнія! Это онъ, вѣдь, платилъ за Петькино ученіе и содержаніе у господина Габріэля! Онъ сталъ единственнымъ истиннымъ другомъ и покровителемъ Петьки съ того самаго вечера, когда услышалъ, какъ мальчикъ пѣлъ у коммерсанта балетъ «Самсонъ».

XII.

Госпожа Гофъ все поджидала къ себѣ Петьку. Наконецъ, онъ пришелъ.—Ну вотъ, познакомься съ моимъ Гофомъ!—сказала она.—Познакомься и съ моимъ уголкомъ! Да, и не мечтала я о такомъ, танцуя «Цирцею» да «Сильфиду Прованса». Кто-то теперь помнитъ эти балеты и хорошенькую балерину Франсенъ! «Sic transit gloria!» всегда говоритъ мой мужъ, когда я вспоминаю время своей славы. Онъ любитъ посмѣяться, но отъ добраго сердца!

«Уголокъ» госпожи Гофъ оказался уютной невысокой комнаткой, устланной ковромъ; по стѣнамъ висѣли портреты, подходящіе къ жилищу переплетчика: Гуттенберга, Франклина, Шекспира, Сервантеса, Мольера и двухъ слѣпыхъ поэтовъ — Гомера и Оссіана. Пониже, въ рамкѣ подъ стекломъ, висѣла вырѣзанная изъ бумаги танцовщица, въ платьѣ изъ кисеи; правая ножка ея была поднята къ небу. Подпись гласила:

Кто всѣхъ покоряетъ,
По сценѣ порхаетъ,
Лицомъ всѣхъ милѣе?
То Франсенъ-Цирцея!

Это было произведеніе самого Гофа. Онъ, по словамъ супруги, мастеръ былъ сочинять стихи; особенно удавались ему смѣшные. Онъ самъ и вырѣ-

залъ эту танцовщицу, самъ и наклеилъ ее, самъ и сшилъ ей платье, но было это давно, еще до его перваго брака. Долго лежала танцовщица въ ящикѣ стола, пока, наконецъ, не заняла почетное мѣсто въ «уголкѣ» новой госпожи Гофъ. Она представила Петькѣ господина Гофа.—Ну развѣ онъ у меня не прелесть!—сказала она юношѣ, указывая на мужа. —По мнѣ такъ онъ красивѣе всѣхъ въ свѣтѣ!

— Особенно по воскресеньямъ, въ праздничномъ переплетѣ!—сказалъ господинъ Гофъ.

— Ты чудесенъ и безъ всякаго переплета!—брякнула она и, спохватившись, потупила глаза.

— Старая любовь не ржавѣетъ!—сказалъ господинъ Гофъ. —Старый домъ, если ужъ займется, такъ сгоритъ до тла!

— Старая любовь возрождается изъ пепла, какъ птица Фениксъ!—подхватила его супруга.—Да, вотъ гдѣ мой рай! Меня и не тянетъ отсюда никуда! Развѣ забѣжишь на часокъ къ твоимъ матери и бабушкѣ.

— Или къ своей сестрѣ!—замѣтилъ господинъ Гофъ.

— Нѣтъ, голубчикъ Гофъ, тамъ ужъ больше не рай для меня! У нихъ мало средствъ и много претензій! Не знаешь, право, о чемъ и говорить въ этомъ домѣ. Спаси Боже упомянуть о неграхъ,—старшая дочка невѣста потомка негра; нельзя заговорить и о горбатыхъ,—одинъ изъ сыновей горбатъ; о проворовавшихся кассирахъ тоже лучше не упоминать,—зять мой былъ кассиромъ, и въ кассѣ случился недочетъ; а ужъ обронишь слово «шрамъ», такъ и вовсе бѣда,—господинъ Шрамъ оставилъ вѣдь, младшую дочку съ носомъ! А что́ же за сласть сидѣть, не раскрывая рта? Коли нельзя говорить, такъ я лучше буду сидѣть дома въ своемъ уголкѣ. Право, не будь это грѣшно, я бы стала просить Бога продлить мой вѣкъ до тѣхъ поръ, пока простоитъ мой уголокъ. Я такъ привязалась къ нему! Здѣсь мой рай, и обязана я имъ Гофу!

— У тебя во рту золотая мельница!—сказалъ онъ.—А у тебя золотое сердце!—отвѣтила она.—Мели, золото, мели, моя женка Emili!—сказалъ онъ, а она въ отвѣтъ пощекотала его подъ подбородкомъ и сказала Петькѣ:—Это, вѣдь, онъ сейчасъ сочинилъ! И какъ хорошо, хоть печатай! —И переплетай! — подхватилъ мужъ. Такъ-то благодушествовали счастливые старички.

Прошелъ цѣлый годъ, прежде чѣмъ Петька приступилъ, наконецъ, къ разучиванію партіи для своего дебюта. Сначала онъ выбралъ оперу «Іосифъ», но потомъ рѣшилъ остановиться на партіи Георга Брауна въ «Бѣлой дамѣ». Слова и музыка дались ему легко, а изъ романа Вальтеръ Скотта онъ составилъ себѣ ясное представленіе и о самой личности героя, молодого жизнерадостнаго офицера, являющагося на родину и нечаянно попадаю-

щаго въ замокъ своихъ предковъ. Старая пѣсня пробуждаетъ въ немъ воспоминанія дѣтства, счастье благопріятствуетъ ему, и онъ возвращаетъ себѣ и наслѣдіе предковъ и невѣсту.

Скоро Петька до того сжился съ своимъ героемъ, что приключенія Георга стали казаться ему чѣмъ-то пережитымъ имъ самимъ. Мелодичная музыка еще болѣе помогала ему проникнуться нужнымъ настроеніемъ. Прошло, однако, не мало времени, прежде чѣмъ приступили къ репетиціямъ. Учитель не торопился съ дебютомъ Петьки. Но вотъ и генеральная репетиція. Петька оказался не только превосходнымъ пѣвцомъ, но и такимъ же актеромъ; партія была какъ будто написана спеціально для него; и хоръ, и оркестръ привѣтствовали его шумными аплодисментами. Немудрено, что самаго дебюта ожидали съ величайшимъ нетерпѣніемъ. «Можно быть великимъ артистомъ, сидя у себя дома въ халатѣ!» выразился одинъ доброжелатель. «Можно быть великимъ при дневномъ свѣтѣ и весьма посредственнымъ при свѣтѣ театральныхъ лампъ, въ переполненномъ театрѣ! Поживемъ—увидимъ!»

Петька ничуть не боялся и волновался только отъ нетерпѣнія. Учителя его, напротивъ, била лихорадка. У матери не хватало духа присутствовать на спектаклѣ; ей бы сдѣлалось дурно отъ страха за своего дорогого мальчика. Бабушкѣ нездоровилось, и ей велѣно было сидѣть дома. Но вѣрный другъ ихъ, госпожа Гофъ, обѣщала принести имъ извѣстія о дебютѣ въ тотъ же вечеръ. Она-то ужъ пойдетъ въ театръ, хоть бы лежала на смертномъ одрѣ!

Какъ безконечно тянулось въ этотъ вечеръ время! Какъ медленно ползли эти три-четыре часа! Бабушка то пѣла псалмы, то молилась вмѣстѣ съ матерью за Петьку. Дай-то Господи ему и въ этотъ вечеръ оправдать свое прозвище! Стрѣлки на циферблатѣ еле двигались! «Вотъ теперь Петька начинаетъ!» говорили старухи. «Теперь онъ какъ разъ распѣлся!.. Теперь все кончилось!» Тутъ мать и бабушка посмотрѣли другъ на друга и смолкли. Съ улицы доносился грохотъ экипажей; народъ возвращался изъ театра. Женщины стали смотрѣть въ окно; люди шли мимо, громко разговаривая. Они возвращались изъ театра, они знали, слѣдовало-ли этимъ двумъ бѣднымъ женщинамъ на чердакѣ радоваться или печалиться! Наконецъ на лѣстницѣ послышались шаги, и въ комнату ворвалась госпожа Гофъ. За нею вошелъ и мужъ ея. Она бросилась обнимать обѣихъ женщинъ, но не говорила ни слова: слезы душили ее.—Господи!—вскричали мать и бабушка:—Какъ сошло у Петьки?

— Дайте мнѣ выплакаться!—еле выговорила госпожа Гофъ. Она была въ такомъ волненіи.—Охъ, мнѣ не вынести этого! Милыя вы мои! И вамъ не вынести этого!—И она опять залилась слезами.

— Освистали его что ли?—вскричала мать.

— Нѣтъ, нѣтъ!—былъ отвѣтъ.—Его... И мнѣ было суждено дожить до этого!—Тутъ ужъ заплакали и мать съ бабушкой.

— Ну, полно тебѣ, Эмилія!—вмѣшался господинъ Гофъ.—Сынъ вашъ побѣдилъ! Полный тріумфъ! Весь театръ отъ партера до галлереи дрожалъ отъ рукоплесканій! У меня самого еще руки болятъ! Такая буря поднялась! Апплодировали даже изъ королевской ложи! Вотъ это, что называется, памятный вечеръ въ лѣтописяхъ театра! Сынъ вашъ не просто талантливый пѣвецъ, а геній!

— Да, да, геній!—подхватила госпожа Гофъ.—Я именно это и хотѣла сказать! Спасибо тебѣ, душа Гофъ, что ты высказалъ мою мысль! Ахъ, вы милыя мои! Вотъ ужъ не думала-то я, что можно такъ пѣть и играть на сценѣ, а я, вѣдь, пережила цѣлую театральную эпоху!—И она опять заплакала. Мать и бабушка смѣялись сквозь слезы.

— Ну, теперь спите съ Богомъ!—сказалъ господинъ Гофъ.—Пойдемъ Эмилія. Спокойной ночи! Спокойной ночи!—И супруги оставили двухъ счастливыхъ женщинъ. Не долго, однако, пробыли онѣ однѣ: дверь отворилась, и въ комнату влетѣлъ Петька. Онъ не обѣщалъ быть у нихъ раньше завтрашняго утра, но, зная, какъ безпокоятся за него старушки, и замѣтивъ, проѣзжая мимо дома, что въ коморкѣ ихъ еще свѣтится огонекъ, остановилъ извозчика и поднялся на чердакъ.

— Великолѣпно, превосходно, отлично! Все сошло прекрасно!—радостно воскликнулъ онъ, цѣлуя мать и бабушку. За нимъ вошелъ и весь сіяющій отъ радости учитель его и крѣпко пожалъ обѣимъ женщинамъ руки.—А теперь ему пора на покой!—сказалъ онъ и увелъ Петьку.

— Велика милость Твоя къ намъ, Господи!—сказали обѣ бѣдныя женщины. Долго за полночь проговорили онѣ о своемъ любимцѣ. Да и по всему городу въ этотъ вечеръ только и разговоровъ было, что о молодомъ, красивомъ, безподобномъ пѣвцѣ.

Вотъ какъ далеко шагнулъ Петька-Счастливецъ!

XIII.

Утреннія газеты шумно привѣтствовали необыкновенный успѣхъ дебютанта, болѣе уже подробный отчетъ о спектаклѣ былъ отложенъ до слѣдующаго нумера. Коммерсантъ далъ въ честь Петьки и его учителя большой званый обѣдъ. Это было со стороны его и его супруги знакомъ особеннаго вниманія къ молодому человѣку, родившемуся у нихъ въ домѣ, да еще въ одинъ день съ ихъ собственнымъ сыномъ. За столомъ коммерсантъ провозгласилъ тостъ въ честь учителя Петьки,—это онъ, вѣдь, отыскалъ и отшлифовалъ «драгоцѣнный алмазъ», какъ назвала Петьку одна изъ вліятельныхъ газетъ. Феликсъ сидѣлъ со своимъ сверстникомъ рядомъ, былъ очень веселъ и выказывалъ ему всевозможное вниманіе. Послѣ

обѣда молодой человѣкъ предложилъ гостю свои сигары; онѣ были лучше отцовскихъ. «Что-жъ, онъ-то можетъ позволить себѣ такую роскошь!» отозвался самъ коммерсантъ. «Онъ сынъ богатаго отца!» Оказалось, однако, что Петька не куритъ. Большой недостатокъ, отъ котораго, впрочемъ, ничего не стоитъ исправиться!—Будемъ друзьями!—предложилъ ему Феликсъ.—Вы сдѣлаетесь львомъ сезона! Вы однимъ натискомъ покорили сердца всѣхъ дамъ столицы—и молодыхъ, и старыхъ! Я завидую вамъ; особенно тому, что вы имѣте свободный доступъ за кулисы, ко всѣмъ этимъ хорошенькимъ дѣвчуркамъ!—«Есть чему завидовать!» подумалъ Петька.

Вскорѣ онъ получилъ письмо отъ госпожи Габріэль. Она была въ такомъ восторгѣ отъ газетныхъ отзывовъ о Петькиномъ дебютѣ и его талантѣ, что выпила по этому случаю со своими дѣвушками по стакану пунша. Господинъ Габріэль тоже поздравлялъ Петьку и выражалъ увѣренность, что онъ, не въ примѣръ прочимъ артистамъ, правильно выговариваетъ всѣ иностранныя слова. Аптекарь обѣгалъ весь городъ, напоминая всѣмъ о томъ, что они видѣли этотъ дивный талантъ на сценѣ своего маленькаго городскаго театра еще раньше, нежели онъ былъ признанъ геніемъ въ столицѣ! Въ концѣ письма госпожа Габріэль прибавляла, что дочкѣ аптекаря остается теперь только кусать локти,—Петька можетъ, вѣдь, присвататься къ любой баронессѣ или графинѣ! Дочка же аптекаря поторопилась: вотъ уже мѣсяцъ, какъ она невѣста толстаго совѣтника. Свадьба состоится двадцатаго числа этого мѣсяца.

И Петька получилъ это письмо какъ разъ двадцатаго! Его такъ и рѣзнуло ножомъ по сердцу; ему вдругъ стало ясно, что дочка аптекаря даже среди всѣхъ волненій послѣдняго времени была его постоянною мыслью. Онъ любилъ ее больше всего на свѣтѣ! Слезы брызнули у него изъ глазъ, руки нервно скомкали письмо. Это было первое его большое горе, послѣ испытаннаго въ дѣтствѣ, при первомъ извѣстіи о смерти отца на войнѣ. Нѣтъ для него теперь радости, будущее сулитъ ему одно горе, одну печаль! Исчезло съ лица Петьки свѣтлое выраженіе, померкъ свѣтъ въ его глазахъ. «Онъ что-то нехорошо смотритъ!» сказали мать и бабушка. «Вотъ онѣ, театральныя-то заботы!» Обѣ видѣли, что ему не по-себѣ; видѣлъ это и учитель.— Что случилось?— спросилъ онъ Петьку.— Не могу ли я узнать, въ чемъ дѣло?

Щеки юноши вспыхнули, онъ далъ волю слезамъ и затѣмъ открылъ учителю свое горе.—Я такъ искренно любилъ ее!—сказалъ онъ.—И понялъ это только теперь, когда уже поздно!

— Бѣдный другъ! Я понимаю твое горе! Выплачь же его и утѣшайся мыслью: «все къ лучшему!» И мнѣ въ свое время довелось испытать подобное. И я когда-то любилъ, какъ ты, одну дѣвушку, умную, добрую, очаровательную!.. Она должна была стать моею женой. У меня были хо-

рошія средства, я могъ окружить ее полнымъ довольствомъ, и она любила меня. Но родители ея и она сама поставили непремѣннымъ условіемъ нашего брака мой переходъ въ христіанство.

— А вы не хотѣли?

— Я не могъ! Нельзя съ спокойною совѣстью перебѣжать изъ одной религіи въ другую! Или согрѣшишь передъ тою, которой измѣнилъ, или передъ тою, которую принялъ!

— У васъ нѣтъ вѣры!—сказалъ Петька.

— У меня есть Богъ отцовъ моихъ! Онъ освѣщаетъ и направляетъ мои стопы, мой разумъ!

Нѣсколько минутъ прошли въ глубокомъ молчаніи, потомъ учитель подсѣлъ къ клавикордамъ и заигралъ мотивъ старинной народной пѣсни; слова ея не шли, однако, съ языка ни у того, ни у другого; каждый при этомъ думалъ свое.

Петька не сталъ перечитывать письма госпожи Габріэль, а эта и не подозрѣвала, какое горе причинила своимъ посланіемъ. Спустя нѣсколько дней, пришло письмо и отъ самого господина Габріэля. Онъ также пожелалъ поздравить своего бывшаго ученика, да къ тому же имѣлъ къ нему маленькую просьбу; она-то собственно и подала поводъ къ письму. Господинъ Габріэль просилъ Петьку купить небольшую группу изъ фарфора, изображающую Амура и Гименея, любовь и бракъ. «У насъ въ городѣ она распродана», писалъ онъ: «а въ столицѣ ее, я думаю, легко достать. Деньги прилагаю и прошу выслать вещицу поскорѣе. Она нужна для свадебнаго подарка совѣтнику; мы съ супругою были на его свадьбѣ». Затѣмъ онъ сообщалъ, что «юному Массену никогда не бывать студентомъ! Онъ бросилъ нашъ домъ, испачкавъ всѣ стѣны непристойностями по адресу семейства. Испорченный субъектъ! Впрочемъ «Sunt pueri pueri, pueri puerilla tractant», т. е. «Мальчики—мальчики, а мальчики выкидываютъ и мальчишескія штуки!» Я перевожу это тебѣ, такъ какъ ты не классикъ». Этимъ и заканчивалось письмо господина Габріэля.

XIV.

Часто, сидя за клавикордами, Петька наигрывалъ то, что звучало у него въ душѣ, и изъ-подъ пальцевъ его лились звучныя мелодіи; иногда онъ подбиралъ къ нимъ и слова, удивительно соотвѣтствовавшія музыкѣ. Такъ создалось нѣсколько поэтичныхъ и мелодичныхъ пѣсенокъ. Петька напѣвалъ ихъ только вполголоса, какъ будто тая отъ ушей постороннихъ.

Все земное, какъ вѣтеръ, уносится въ даль,
Все на свѣтѣ минуетъ, какъ грезы.
Гонитъ блѣдность румянецъ, а радость печаль,
За улыбкою слѣдуютъ слезы!

Такъ зачѣмъ понапрасну грустить и страдать?
Мимолетны и горе и радость!
Какъ листва, поколѣнья должны опадать,
И смѣняется старостью младость!

Все исчезнуть, исчезнуть должно безъ слѣда:
И надежды, и юность, и силы!
То, что минуло, отжило, вновь никогда
Не возстанетъ изъ тлѣна могилы!

— Откуда ты взялъ этотъ текстъ и мелодію?—спросилъ учитель, случайно увидѣвъ ноты и текстъ пѣсенки.

— Они вылились у меня сами собой! И дальше они не пойдутъ!

— Печаль тоже приноситъ свои плоды!—сказалъ учитель.—Но печаль не должна властвовать надъ душой. Теперь мы на всѣхъ парусахъ полетимъ къ слѣдующему дебюту! Что ты скажешь о партіи Гамлета, датскаго принца?

— Я знаю трагедію Шекспира, но не знакомъ съ оперою Тома! — отвѣтилъ Петька.

— Вѣрнѣе было бы назвать эту оперу «Офеліей!»—сказалъ учитель.— Шекспиръ въ своей трагедіи заставляетъ разсказывать о смерти Офеліи королеву, въ оперѣ же эта смерть является однимъ изъ главныхъ моментовъ. Теперь мы воочію видимъ и слышимъ на сценѣ ту драму, о которой прежде знали лишь изъ разсказа королевы:

«Гдѣ надъ водой растетъ склонившись ива,
Глядитъ въ волну серебряной листвою,
Туда пришла Офелія съ цвѣтами,
Вся въ лиліяхъ, фіалкахъ и крапивѣ,—
Она хотѣла пестрые вѣнки
Развѣсить средь вѣтвей на этой ивѣ,
Но вѣтвь сломилась—въ плачущій потокъ
Попадали душистыя гирлянды,
Она сама упала вслѣдъ за ними...
Широко распустившись по водѣ,
Ее держало платье, какъ русалку...
Она, свою не замѣчая гибель,
Обрывки пѣла изъ старинныхъ пѣсенъ,—
Казалось, что съ водой она сроднилась...
Но долго это длиться не могло:
Намокло платье; пѣніе замолкло,—

И ложе изъ подводныхъ травъ объятья
Раскрыло ей» *).

Въ оперѣ, какъ сказано, все это совершается передъ нашими глазами. Мы видимъ Офелію; она является, играя, танцуя и напѣвая старинную народную пѣсню о водяномъ, который заманиваетъ къ себѣ людей. Она рветъ цвѣты и слышитъ вдругъ изъ глубины рѣки манящіе звуки. Она прислушивается, подходитъ къ рѣкѣ, схватывается рукою за вѣтвь ивы, наклоняется надъ водой, чтобы сорвать бѣлую кувшинку, и тихо соскальзываетъ на широкія листья цвѣтовъ, качается на нихъ, уносится потокомъ, какъ сорванный цвѣтокъ, и погружается въ глубину подъ звуки чарующей мелодіи. Всѣ остальныя сцены оперы служатъ лишь какъ бы богатой рамкой для этой сцены. Опера Тома не даетъ намъ Шекспировскаго Гамлета, какъ и опера Гуно—Гетевскаго Фауста. Философскія разсужденія не могутъ послужить сюжетомъ для оперы, и въ обѣихъ названныхъ операхъ главное мѣсто отведено любви.

«Гамлетъ» поставили. Исполнительница партіи Офеліи была очаровательна. Сцена смерти произвела глубокое впечатлѣніе. Но главный интересъ былъ всетаки сосредоточенъ на самомъ Гамлетѣ; онъ завоевалъ симпатіи всѣхъ слушателей, и онѣ росли съ каждою сценою. Всѣ были поражены объемомъ и свѣжестью голоса пѣвца, звучавшаго одинаково прекрасно и на высокихъ и на низкихъ нотахъ. «Спѣть съ одинаковымъ успѣхомъ и Гамлета и Георга Брауна?!» удивлялась публика.

Большинство партій въ итальянскихъ операхъ даютъ артисту полную свободу; создать изъ даннаго матеріала живое лицо предоставляется ему самому; но образы, продуманные и прочувствованные самими композиторами, являются въ исполненіи талантливыхъ артистовъ куда выразительнѣе, прекраснѣе. Гуно и Тома понимали это и дали въ своихъ операхъ именно такіе образы.

Датскій принцъ вышедшій въ исполненіи нашего юнаго друга вполнѣ живымъ лицомъ, сосредоточилъ на себѣ весь интересъ спектакля. Какое сильное, потрясающее впечатлѣніе произвели ночная сцена на бастіонѣ, гдѣ Гамлетъ впервые видитъ тѣнь своего отца, сцена со вставной пьесой, и встрѣча съ матерью! А какую силу проявилъ онъ въ сценѣ смерти Офеліи! Гамлетъ оказался настоящимъ героемъ вечера. Торжество было полное.

— И откуда у него такія дарованія?—недоумѣвала жена коммерсанта, припоминая бѣдныхъ родителей и бабушку Петьки, жившихъ на чердакѣ.— Отецъ простой крючникъ,—правда, честный, работящій и храбрый малый, павшій на полѣ чести—а мать прачка! Учился онъ въ пріютской школѣ

*) Переводъ П. П. Гнѣдича.

и, я думаю, не Богъ вѣсть какія познанія пріобрѣлъ въ два года у какого-то провинціальнаго учителя!

— Геній!—отозвался коммерсантъ.—Природный геній! Для Господа Бога все возможно!

— Разумѣется!—согласилась супруга и однажды, набожно сложивъ руки, обратилась къ Петькѣ съ такимъ вопросомъ:—А вы цѣните-ли, какъ слѣдуетъ дары Божіи? Сознаете-ли, какъ безконечно милостивъ былъ къ вамъ Господь? Вамъ все дано! Ахъ, вы не знаете, до чего хватаетъ за душу вашъ Гамлетъ! Едва-ли вы имѣете объ этомъ понятіе. Я слышала, напримѣръ, что многіе великіе поэты сами не знаютъ, какія творятъ прекрасныя вещи, пока имъ не растолкуютъ этого философы! Какими чарами открыли вы вашего Гамлета?

— Я вдумался въ характеръ героя, прочелъ кое-что изъ того, что написано по поводу Шекспировской трагедіи, и приложилъ всѣ старанія, чтобы создать на сценѣ живое лицо, а Господь Богъ довершилъ остальное!

— Господь Богъ!—сказала она съ нѣкоторою укоризною.—Не употребляйте Его имени всуе! Онъ наградилъ васъ талантомъ, но не думаете же вы, что Ему есть дѣло до театра, до оперы!

— Даже увѣренъ въ этомъ!—смѣло отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Сцена такъ же служитъ мѣстомъ проповѣди, какъ и церковная кафедра! И люди часто внимательнѣе слушаютъ артиста, чѣмъ пастора!

— Господь, конечно, принимаетъ участіе во всемъ, что служитъ добру и красотѣ, но остережемся злоупотреблять Его именемъ! Хорошо быть великимъ артистомъ, но еще лучше быть хорошимъ христіаниномъ!—сказала барыня. Нѣтъ, Феликсъ никогда бы такъ не выразился при ней, не сравнилъ бы театра съ церковью! Въ этой мысли было столько отраднаго!

— Ну, теперь вы попали въ немилость къ моей maman!—сказалъ Петькѣ Феликсъ.

— Очень жаль!

— Бѣда, впрочемъ, не велика. Она вернетъ вамъ свою милость въ слѣдующее же воскресенье,—стоитъ ей увидѣть васъ у обѣдни! А вы встаньте за стуломъ maman и посмотрите направо; тамъ сидитъ такая красотка! Это дочка вдовы-баронессы. Я даю вамъ хорошій совѣтъ! И вотъ еще одинъ: перемѣните квартиру. Вамъ неудобно теперь оставаться на прежней! Надо взять квартиру побольше и съ приличнымъ ходомъ! Если же вы не хотите разстаться съ своимъ учителемъ, уговорите его устроиться получше! Средствъ у него на это хватитъ, да и у васъ теперь доходы хорошіе. Затѣмъ, вамъ слѣдовало бы устроить для своихъ друзей праздникъ! Я тоже могу сдѣлать это и, пожалуй, дамъ ужинъ, а вы съ своей стороны приведите парочку хорошенькихъ танцовщицъ! Счастливецъ

вы, право! Только, сдается мнѣ, что вы до сихъ поръ еще не понимаете жизни, не понимаете, что значитъ быть молодымъ человѣкомъ!

Петька понималъ, но на свой ладъ. Онъ со всѣмъ пыломъ молодого невиннаго сердца любилъ искусство; оно было его возлюбленной, радовало его, озаряло всю его жизнь солнечнымъ свѣтомъ. Уныніе и печаль, угнетавшія его одно время, онъ скоро поборолъ. Всѣ знавшіе его такъ любили его, относились къ нему съ такою сердечною теплотою. Право, его янтарное сердечко было талисманомъ! Петька не былъ свободенъ отъ нѣкотораго суевѣрія, вѣрнѣе, дѣтской вѣры въ чудесное. Ни одна геніальная натура не чужда этой вѣры; всѣ талантливые люди вѣрятъ въ «свою звѣзду». Да и не даромъ же бабушка показывала ему, какою притягательною силой обладаетъ янтарь; кромѣ того, онъ самъ видѣлъ во снѣ, какъ изъ этого янтарнаго сердечка выросло дерево, проросло черезъ потолокъ и крышу и обросло тысячами золотыхъ и серебряныхъ сердецъ. Это означало, конечно, что и его собственное сердце, какъ сердце служителя искусства, притянетъ къ нему тысячи и тысячи сердецъ!

Несмотря на различіе характеровъ, между Петькой и Феликсомъ установились самыя дружескія отношенія. Петька объяснялъ это различіе тѣмъ, что Феликсъ, какъ сынъ богатыхъ родителей, выросъ среди соблазновъ, онъ же выросъ въ бѣдности и былъ поэтому поставленъ въ болѣе счастливыя условія. Оба ровесника быстро подвигались впередъ по пути почестей: Феликсъ ожидалъ пожалованія въ камеръ-юнкеры, а это, вѣдь, первый шагъ къ камергерству, къ золотому ключу на мундирѣ! Петька же, какъ баловень счастья, уже носилъ золотой ключъ въ сердцѣ, ключъ, отпиравшій ему какъ всѣ людскія сердца, такъ и сокровищницу искусства.

XV.

Стояла еще зима; ѣздили на саняхъ; раздавался звонъ упряжныхъ бубенчиковъ; порошилъ снѣжокъ; но стоило прорваться сквозь облака солнечному лучу, и ясно чуялось приближеніе весны. Она уже пѣла свои пѣсни и въ душѣ нашего юнаго друга:

Земля еще устлана снѣжнымъ ковромъ,
Алмазами блещутъ деревья кругомъ,
Рѣзвятся на льду ребятишки толпою,
Но скоро простимся съ зимой мы сѣдою!
Небесъ синева станетъ снова ясна,
Надъ міромъ опять воцарится весна!
Пуховыя варежки, ивы, снимайте,
А вы, музыканты, играть начинайте!
Къ вамъ пташки лѣсныя всѣ хоромъ примкнутъ
И звучно весну намъ красну воспоютъ!

Глядитъ на насъ яркое солнце съ небесъ,
Дыханье въ груди затаилъ голый лѣсъ
И ждетъ, не шелохнется... Ночь миновала,
И солнце зеленый ужъ лѣсъ увидало!
Чу! гдѣ-то далеко кукушка кричитъ,
Несчетные жить тебѣ годы сулитъ.
Средь юной природы самъ юнъ будь душою
И громко привѣтствуй ты пѣснью живою
Весну-чаровницу, что намъ говоритъ:
«Веселая юность надъ міромъ царитъ!»

Веселая юность надъ міромъ царитъ,
Міръ солнечнымъ яркимъ весь свѣтомъ залитъ,
И сказка волшебная—жизнь вся земная!
Таится въ насъ вѣчная сила живая;
Она не исчезнетъ съ земли безъ слѣда,
Какъ съ неба порою ночною звѣзда.
Такъ пусть же поетъ и ликуетъ природа,
А съ ней и царица прекрасная года,
Весна-чаровница, что намъ говоритъ:
«Веселая юность надъ міромъ царитъ!»

— Да это цѣлая музыкальная картина!—сказалъ учитель.—И мелодія и оркестровка очень удачны! Это самый лучшій изъ твоихъ музыкальныхъ набросковъ. Тебѣ надо серьезно приняться за изученіе генералъ-баса, хоть судьба и не предназначила тебя въ композиторы.

Молодые артисты, друзья Петьки, не преминули исполнить эту музыкальную картинку въ одномъ изъ большихъ концертовъ; она обратила на себя нѣкоторое вниманіе, но не вызвала особенныхъ надеждъ. Нашему герою была открыта иная торная дорога: онъ выдѣлялся не только своимъ прекраснымъ, симпатичнымъ голосомъ, но и замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ, который онъ такъ ярко обнаружилъ въ Гамлетѣ и въ Георгѣ Браунѣ. Самъ Петька предпочиталъ настоящія оперы смѣшаннымъ пьесамъ, въ которыхъ пѣніе чередуется съ разговорами. Ему казались неестественными эти переходы отъ пѣнія къ разговорной рѣчи и наоборотъ. «Это все равно», говаривалъ онъ: «что съ мраморной лѣстницы перейти на деревянную или веревочную, а потомъ опять на мраморную! Гораздо лучше, если все произведеніе составляетъ одну цѣльную музыкальную эпопею!»

«Музыка будущаго» и проповѣдникъ ея Вагнеръ нашли въ молодомъ пѣвцѣ горячаго поклонника. Онъ говорилъ, что въ операхъ этого ком-

позитора характеры очерчены удивительно рельефно, речитативы строго обдуманы, а ходъ драматическаго дѣйствія необыкновенно живъ и естественъ,—его не тормозятъ вѣчно повторяющіеся мотивы. «Эти большія вставныя аріи сильно вредятъ впечатлѣнію!» говорилъ онъ.

— Да, да, вставныя!—возражалъ учитель.—А я скажу тебѣ, что въ операхъ великихъ композиторовъ онѣ составляютъ нераздѣльную существенную часть цѣлаго! Да и вообще, если есть гдѣ мѣсто лирическимъ изліяніямъ, такъ это именно въ операхъ!—И онъ приводилъ въ примѣръ арію изъ «Донъ-Жуана», которую поетъ донъ Оттавіо: «Остановитесь слезы!»—Это, вѣдь, точно чудное лѣсное озеро, на берегу котораго можно отдохнуть, отдаваясь очарованію лѣсныхъ звуковъ! Я преклоняюсь передъ всѣми талантливыми проповѣдниками «музыки будущаго», но не стану дѣлать себѣ изъ нихъ кумировъ, какъ ты! Да и ты-то не совсѣмъ искрененъ въ своемъ увлеченіи, если же и искрененъ, то лишь отъ того, что несовсѣмъ ясно понимаешь эту музыку!

— А вотъ я выступлю въ какой-нибудь изъ оперъ Вагнера и докажу своимъ пѣньемъ и игрою то, чего не могу доказать словами!—сказалъ молодой артистъ. Скоро онъ и выступилъ въ «Лоэнгринѣ». Нѣтъ, положительно никто еще не передавалъ такъ сцену первой встрѣчи съ Эльзой, когда молодой таинственный рыцарь приплываетъ въ лодкѣ, которую влечетъ лебедь! Никто не увлекалъ такъ слушателей и въ сценѣ задушевной бесѣды съ молодой женой въ брачномъ покоѣ, и въ сценѣ прощанія съ нею, когда надъ рыцаремъ, который явился, побѣдилъ и долженъ опять исчезнуть, паритъ бѣлый голубь Грааля!

Въ этотъ вечеръ нашъ молодой другъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ къ совершенству въ области искусства, а учитель его—шагъ впередъ къ признанію «музыки будущаго». «Съ нѣкоторыми ограниченіями!» прибавилъ онъ, однако.

XVI.

Однажды молодой пѣвецъ и Феликсъ встрѣтились на ежегодной выставкѣ картинъ передъ портретомъ молодой красавицы, дочки вдовы-баронессы,—какъ обыкновенно называли послѣднюю. Въ салонѣ вдовы-баронессы собирался весь цвѣтъ аристократіи и артистическаго міра, а также всѣ выдающіеся представители науки. Молодая баронесса была еще прелестнымъ невиннымъ ребенкомъ; ей было всего шестнадцать лѣтъ. Портретъ поражалъ сходствомъ съ оригиналомъ и мастерствомъ исполненія. «Пойдемъ въ слѣдующую залу!» сказалъ Феликсъ. «Тамъ стоитъ сама молодая красавица съ своей матерью».

Дамы были погружены въ созерцаніе оригинальной картины, изображавшей окрестность Рима, Кампанью: молодая чета,—видно мужъ съ же-

ною—ѣхала верхомъ на одной лошади; центральной фигурой картины являлся, молодой монахъ; онъ грустно смотрѣлъ вслѣдъ счастливой четѣ, и на лицѣ его ясно можно было прочесть его мысли, грустную повѣсть его жизни—несбывшіяся мечты, погибшія надежды на счастье взаимной любви!

Баронесса замѣтила Феликса, и онъ почтительно раскланялся съ обѣими дамами. Тоже сдѣлалъ и молодой пѣвецъ. Баронесса сейчасъ же узнала его, и, обмѣнявшись сначала нѣсколькими словами съ Феликсомъ, протянула ему руку и сказала: — И я, и дочь моя принадлежимъ къ почитательницамъ вашего таланта!—Какъ хороша была въ эту минуту молодая дѣвушка! Ея кроткій ясный взглядъ какъ будто благодарилъ талантливаго пѣвца.—У меня собираются многіе изъ выдающихся артистовъ!—продолжала баронесса. — Мы, простые смертные, нуждаемся въ освѣжающемъ вѣяніи искусства! Вы также будете у насъ желаннымъ гостемъ! Нашъ молодой дипломатъ,—прибавила она, указывая на Феликса:—будетъ вашимъ путеводителемъ на первый разъ, а затѣмъ, я надѣюсь, вы и сами найдете къ намъ дорогу!—И она привѣтливо улыбнулась молодому человѣку, а дочь ея мило и просто пожала ему руку, точно старому знакомому.

Поздняя осень; холодный, ненастный вечеръ. Погода такая, что ни пройти, ни проѣхать, и, не смотря на это, по улицѣ шагаютъ двое молодыхъ людей, двое ровесниковъ: сынъ богача и первый пѣвецъ оперы, оба въ плащахъ, въ башлыкахъ и въ калошахъ. Переходъ отъ сырого мглистаго воздуха улицы къ свѣту и теплу уютнаго помѣщенія баронессы просто ослѣпилъ ихъ и напомнилъ волшебныя превращенія въ балетѣ. Лѣстница была вся устлана коврами и уставлена роскошными растеніями; на площадкѣ журчалъ фонтанъ; струйки воды ниспадали въ бассейнъ, обсаженный цвѣтами. Огромная зала сіяла огнями; нарядные гости все прибывали; скоро стало почти тѣсно; дамы волочили за собой длинные шлейфы, на которые то и дѣло наступали гости, шедшіе позади; шуршанье шелковыхъ платьевъ, смѣхъ, пестрая мозаика разговоровъ... Послѣдніе-то, впрочемъ, изъ всего окружающаго представляли наименьшій интересъ. Будь молодой пѣвецъ потщеславнѣе, онъ бы могъ вообразить себя героемъ вечера—такъ сердечно приняли его и мать, и дочь, такъ осыпали его комплиментами всѣ гости: и дамы, и даже мужчины. Впродолженіе вечера общество развлекалось музыкой, пѣніемъ и декламацiей; одинъ молодой поэтъ прочелъ свое новое и весьма удачное стихотвореніе, кое-кто изъ гостей-артистовъ сыгралъ, кое-кто спѣлъ. По отношенію же къ нашему герою и гости, и хозяйка проявили особенную деликатность: никто не рѣшился приставать къ нему съ обычными просьбами достойно завершить музыкальную часть вечера. Хозяйка дома вообще была воплощенною любезностью и душою всего общества.

Такъ состоялось первое вступленіе нашего друга въ большой свѣтъ, а вскорѣ затѣмъ онъ, въ числѣ немногихъ избранныхъ, былъ допущенъ и въ интимный кружокъ баронессы. Учитель смѣялся и покачивалъ головой.—Какъ ты еще юнъ, другъ мой!—сказалъ онъ однажды ученику.— Тебя еще могутъ забавлять сношенія съ такими людьми! И среди нихъ, конечно, есть люди почтенные, но всѣ они смотрятъ на насъ, простыхъ людей, свысока! Они принимаютъ въ свой кружокъ артистовъ, баловней минуты, лишь изъ тщеславія, изъ желанія развлечься или прослыть меценатами. Артисты играютъ въ ихъ салонахъ роль цвѣтовъ въ вазахъ; они тѣшатъ глазъ, пока свѣжи, а увянутъ—ихъ выбросятъ вонъ!

— Какой желчный и несправедливый взглядъ!—возразилъ молодой человѣкъ.—Вы не знаете и не хотите узнать этихъ людей.

— Не хочу!—отвѣтилъ учитель.—Я чужой имъ! И ты тоже! И всѣ они знаютъ и помнятъ это! Они любуются тобою, ласкаютъ тебя, какъ ласкаютъ скаковую лошадь, обѣщающую взять первый призъ! Ты иной породы, нежели они, и они отвернутся отъ тебя, когда пройдетъ на тебя мода. Если же ты не понимаешь этого самъ—въ тебѣ нѣтъ настоящей гордости! Ты тщеславенъ, вотъ почему и гоняешься за ласками ихъ сіятельствъ.

— Знай вы баронессу и еще кое-кого изъ моихъ новыхъ друзей, вы бы заговорили не такъ!—сказалъ молодой человѣкъ.

— Да я и знать ихъ не хочу!—стоялъ на своемъ учитель.

— Ну-съ, такъ когда же васъ объявятъ женихомъ?—спросилъ однажды молодого пѣвца Феликсъ.—И чьимъ—маменьки или дочки?—И онъ разсмѣялся.—Смотрите, не присватайтесь къ дочкѣ! Вы вооружите противъ себя всю нашу золотую молодежь, пріобрѣтете врага и во мнѣ, да еще какого лютаго!

— Какъ это понять?—спросилъ нашъ другъ.

— Да, вѣдь, вы теперь самый желанный гость въ домѣ баронессы! Вамъ рады во всякое время и во всякій часъ!—Что-жъ, женившись на маменькѣ, вы разбогатѣете и вступите въ одну изъ лучшихъ фамилій.

— Перестаньте шутить! Это выходитъ вовсе не забавно!

— Да я и не претендую на это! Я говорю совсѣмъ серьезно! Не захотите же вы въ самомъ дѣлѣ огорчить ея сіятельство, оставить ее вторично вдовою!

— Оставьте, пожалуйста, баронессу въ покоѣ! Смѣйтесь, если хотите, надо мною, но только надо мною, и я съумѣю отвѣтить вамъ!

— Никто, конечно, не повѣритъ, что съ вашей стороны это будетъ бракъ по страсти!—продолжалъ Феликсъ.—Красавица немного увяла,— нельзя же безнаказанно жить ради одного духа и пренебрегать плотью!

— Я ожидалъ, что вы проявите болѣе такта, говоря о дамѣ, которую должны уважать, разъ вы бываете въ ея домѣ! Однимъ словомъ, я больше этого не потерплю!—твердо сказалъ нашъ другъ.

— А что же вы сдѣлаете? Вызовете меня на дуэль?

— Я знаю, что вы учились фехтовать, а я нѣтъ, но выучиться мнѣ не долго!—съ этими словами молодой человѣкъ отошелъ отъ Феликса.

Нѣсколько дней спустя, молодые люди, родившіеся подъ одной крышей, одинъ въ бель-этажѣ, а другой на чердакѣ, снова встрѣтились, и Феликсъ заговорилъ съ нашимъ другомъ, какъ ни въ чемъ не бывало; этотъ отвѣчалъ ему вѣжливо, но коротко.

— Это еще что?—сказалъ Феликсъ.— Мы оба немножко погорячились въ послѣдній разъ! Но нельзя же обижаться на шутки! Ну, да я не злопамятенъ! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Надо прощать другъ другу!

— А вы сами-то можете простить себѣ свои выходки по адресу дамы, которую мы оба должны уважать?

— Я не сказалъ ничего неприличнаго!—отвѣтилъ Феликсъ.—Въ свѣтѣ дозволяется точить язычокъ насчетъ ближняго! Никто не видитъ въ этомъ ничего дурного! Это «пряная приправа» къ прѣсной обыденной жизни, какъ говоритъ поэтъ. Всѣ мы склонны злословить. И вамъ въ свою очередь не возбраняется пустить камешекъ въ чужой огородъ!

Скоро ихъ опять увидѣли на прогулкѣ рука объ руку. Феликсъ зналъ, что не одна молодая красавица, которая въ другое время и не взглянула бы на него, теперь обратитъ на него свое вниманіе, какъ на близкаго друга моднаго пѣвца. Отъ свѣта рампы вокругъ чела героевъ сцены образуется радужный ореолъ, который иногда не меркнетъ и при дневномъ свѣтѣ. Большинствомъ артистовъ надо, однако, любоваться, какъ и лебедями, когда они среди ихъ родной стихіи, а не на мостовой, или на публичномъ гуляньѣ! Нашъ молодой другъ принадлежалъ, впрочемъ, къ счастливымъ исключеніямъ: идеальное представленіе о немъ, какъ о Гамлетѣ, Георгѣ Браунѣ или Лоэнгринѣ, не исчезало и при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ. Онъ сознавалъ это, и такое сознаніе не могло не доставлять ему извѣстнаго удовольствія. Да, счастье во всемъ благопріятствовало своему любимцу; чего бы казалось желать ему еще? И всетаки по юному, дышащему оживленіемъ, лицу его иногда пробѣгали тѣни, а пальцы наигрывали на клавикордахъ грустный мотивъ пѣсенки:

«Все исчезнуть, исчезнуть должно безъ слѣда:
И надежды, и юность, и силы!
То, что минуло, отжило, вновь никогда
Не возстанетъ изъ тлѣна могилы!»

— Какая грустная мелодія!—сказала, услышавъ ее, баронесса.—А вамъ-ли грустить? Вы баловень счастья! Счастливѣе васъ я не знаю никого!

— «Не называй никого счастливымъ, пока онъ не сойдетъ въ могилу!»—повторилъ молодой человѣкъ слова Солона и печально улыбнулся.— Но, конечно, съ моей стороны было бы грѣхомъ, неблагодарностью, не чувствовать себя счастливымъ. Я и счастливъ, и благодаренъ за дарованныя мнѣ блага, но смотрю на нихъ нѣсколько иначе, нежели посторонніе люди. Все это не болѣе, какъ красивый фейерверкъ, который сгоритъ и погаснетъ! Сценическое искусство недолговѣчно! Вѣчно горящія звѣзды меркнутъ, пожалуй, передъ мимолетными метеорами, но стоитъ этимъ метеорамъ исчезнуть, и отъ нихъ не остается и воспоминанія, кромѣ развѣ замѣтокъ въ старыхъ газетахъ! Внуки и правнуки не будутъ имѣть и представленія объ артистахъ, восхищавшихъ со сцены ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Молодежь, можетъ быть, такъ же искренно и шумно увлечется блескомъ мѣди, какъ старики увлекались блескомъ настоящаго золота. Куда завиднѣе доля поэта, ваятеля, художника или композитора, хотя при жизни-то они и зачастую терпятъ нужду, прозябаютъ въ безизвѣстности, тогда какъ истолкователи ихъ, посредники между ними и публикой, утопаютъ въ роскоши, осыпаются почестями! Но пусть люди забываютъ солнышко ради блестящаго облака,—облако испарится, а солнце будетъ свѣтить и сіять милліонамъ грядущихъ поколѣній!—Онъ опять сѣлъ за клавикорды и излилъ свою душу въ такой задушевной и могучей имровизаціи, какой еще отъ него не слыхали.

— Дивно хорошо!—сказала баронесса.—Эти звуки какъ будто разсказали мнѣ исторію цѣлой жизни! Вы сыграли намъ «пѣснь пѣсней» сердца!

— А мнѣ показалось, что это была импровизація на тему изъ тысячи и одной ночи!—сказала молодая баронесса.—Помните Алладина?—и взоръ ея, въ которомъ блестѣли слезы, задумчиво устремился вдаль.

— Алладинъ!—невольно повторилъ молодой человѣкъ.

Въ этотъ вечеръ въ нашемъ героѣ какъ будто совершился какой-то переломъ; съ той поры для него началась новая эра. Быстро промелькнулъ годъ. Какая же перемѣна произошла за это время съ молодымъ человѣкомъ? Щеки его потеряли свой свѣжій румянецъ, глаза стали свѣтиться лихорадочнымъ блескомъ, пошли безсонныя ночи. Но онъ не проводилъ ихъ въ кутежахъ и оргіяхъ, какъ многіе великіе артисты. Онъ сталъ молчаливѣе, но на душѣ у него было еще свѣтлѣе, еще радостнѣе прежняго.

— Что съ тобою? О чемъ ты постоянно думаешь?—спрашивалъ его учитель.—Ты не все довѣряешь мнѣ!

— Я думаю о своемъ счастьѣ! —отвѣчалъ онъ.—Я думаю о бѣдномъ мальчикѣ... объ Алладинѣ!

XVII.

Потребности у нашего юнаго друга были самыя скромныя, и онъ, какъ и многіе люди, выросшіе въ бѣдности и затѣмъ достигшіе нѣкотораго достатка, находилъ, что живетъ припѣваючи. Въ самомъ дѣлѣ, матеріальное положеніе его было теперь настолько хорошо, что онъ вполнѣ могъ послѣдовать совѣту Феликса, устроить для своихъ друзей праздникъ. Онъ и вспомнилъ о своихъ друзьяхъ, о вѣрнѣйшихъ и старѣйшихъ друзьяхъ своихъ— матери и бабушкѣ. Вотъ для кого, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для себя самого, онъ и рѣшилъ устроить праздникъ.

Стояла чудная весенняя погода; молодой человѣкъ, еще наканунѣ пригласившій мать и бабушку прокатиться съ нимъ сегодня за городъ на новую дачу, купленную его учителемъ, уже собирался сѣсть въ экипажъ, какъ его перехватила на дорогѣ какая-то бѣдно-одѣтая женщина, лѣтъ тридцати на видъ. Она подала ему памятную записку съ собственноручной припиской госпожи Гофъ.—Вы не узнаете меня?—сказала она.—Меня когда-то звали «кудрявой головкой». Теперь локоновъ уже нѣтъ, многаго чего нѣтъ, но добрые люди на свѣтѣ еще есть! Одно время я танцовала вмѣстѣ съ вами въ балетѣ! Но съ тѣхъ поръ вы далеко опередили меня! Вы достигли извѣстности, а я развелась съ двумя мужьями и больше ужъ не танцую!—Въ памятной запискѣ говорилось о желаніи просительницы обзавестись швейной машиной.

— Въ какомъ же балетѣ мы танцовали вмѣстѣ?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Въ «Падуанскомъ тиранѣ!»—отвѣтила она.—Мы оба были пажами, въ голубыхъ бархатныхъ плащахъ и беретахъ. Неужели вы не помните Малле Кналлерупъ? Я шла въ процессіи какъ разъ за вами!..

— И все наступали мнѣ на ногу!

— Развѣ?—спросила она.—Ну, значитъ я далеко шагала! Вы, однако, шагнули еще дальше!—И грустное выраженіе ея лица быстро смѣнилось заигрывающимъ, какъ будто она и не вѣсть какой комплиментъ сказала ему. Онъ выразилъ полную готовность помочь ей пріобрѣсти швейную машину и простился съ нею. Какъ-ни-какъ, а Малле Кналлерупъ тоже на свой ладъ посодѣйствовала тому, чтобы онъ бросилъ балетъ и попалъ на лучшую дорогу!.. Скоро экипажъ остановился передъ домомъ коммерсанта, и молодой человѣкъ поднялся наверхъ. Мать и бабушка уже ждали его, обѣ такія разряженныя. Въ эту же минуту счастливый случай привелъ къ нимъ госпожу Гофъ, и ее сейчасъ же пригласили участвовать въ прогулкѣ. Она сначала не знала, какъ ей быть, но наконецъ рѣшилась ѣхать, извѣстивъ супруга о неожиданномъ приглашеніи записочкой.

Вотъ и покатили. Молодой человѣкъ то и дѣло раскланивался съ знакомыми. «Сколько у него шикарныхъ пріятелей!» дивилась госпожа Гофъ.

«Ѣдемъ, точно знатныя барыни!» восхищалась мать. «Чудесный экипажъ!» прибавляла бабушка.

Сейчасъ же за городомъ, близехонько отъ королевскаго парка, стоялъ маленькій привѣтливый домикъ; по стѣнамъ вился дикій виноградъ, а въ палисадникѣ росли розы, кусты орѣшника и фруктовыя деревья. Экипажъ остановился; гостей встрѣтила пожилая дѣвушка, старая знакомая матери и бабушки, часто помогавшая имъ въ стиркѣ и глаженьѣ. Осмотрѣли садъ, потомъ домъ. Ахъ, что за прелесть! Гостинная соединялась съ маленькой стеклянной галлерейкой, уставленной чудесными цвѣтами. Дверь была выдвижная.—Точно кулиса!—сказала госпожа Гофъ.—Вдвинь ее рукой и сиди себѣ, словно въ птичьей клѣткѣ, среди свѣжей травки! Это называется зимнимъ садомъ.—Спальня тоже была чудесная, хотя и въ другомъ родѣ: длинныя, плотныя занавѣси на окнахъ, мягкій коверъ и два мягкихъ кресла. Чудо просто! Мать и бабушка не преминули испробовать удобны-ли они.

— Ну, сидя на такихъ креслахъ, недолго и облѣниться!—сказала мать.

— Такъ мягко, что и не чувствуешь собственной тяжести!—воскликнула госпожа Гофъ.—Да, тутъ вамъ, музыкантамъ, будетъ полное раздолье! Отдыхайте себѣ всласть отъ театральной сутолоки! Знаю я ее! Да, подумайте, я еще иногда вижу во снѣ, что танцую въ балетѣ, и Гофъ рядомъ со мной! Ну не чудесно-ли это? «Двѣ души, а мысль одна!»

— Да, тутъ будетъ попросторнѣе, чѣмъ у васъ на чердакѣ!—сказалъ молодой человѣкъ, весь сіяя отъ радости.

— Еще бы!—согласилась мать.—Но и у насъ не дурно! Тамъ я жила съ твоимъ отцомъ, тамъ родился и ты, мой милый сынокъ!

— Ну, здѣсь всетаки лучше!—рѣшила бабушка.—Прямо барское помѣщенье! Отъ души поздравляю съ новосельемъ и тебя, и твоего безподобнаго учителя!

— А я поздравляю съ новосельемъ тебя, бабушка, и тебя, дорогая матушка! Теперь вы поселитесь здѣсь! Полно вамъ лазить по высокой лѣстницѣ на чердакъ! Будетъ у васъ и помощница по хозяйству! А я стану навѣщать васъ здѣсь такъ же часто, какъ и въ городѣ. Ну, что же, вы рады, довольны?

— Что съ мальчикомъ? Что это онъ говоритъ!—сказала мать.

— Я говорю, что этотъ домъ вашъ! Твой и бабушкинъ! Наконецъ-то моя мечта сбылась! Большое спасибо моему дорогому учителю: это онъ помогъ мнѣ устроить все, какъ слѣдуетъ!

— Да ты шутишь, сынокъ!—прервала его мать.—Ты хочешь подарить намъ этотъ барскій домъ? Да, ты бы и радъ былъ, кабы только могъ!

— Я вовсе не шучу! Домъ этотъ теперь вашъ!—И онъ расцѣловалъ ихъ обѣихъ, а онѣ заплакали отъ радости. Заплакала и госпожа Гофъ.

— Это счастливѣйшая минута въ моей жизни!—продолжалъ молодой человѣкъ и принялся обнимать и цѣловать всѣхъ трехъ женщинъ одну за

другою. Теперь, разумѣется, матери и бабушкѣ нужно было начать осмотръ сначала,—все это было, вѣдь, ихъ собственное! Вмѣсто нѣсколькихъ горшковъ съ цвѣтами, выставленныхъ за окошко на крышу, у нихъ былъ теперь прелестный зимній садикъ, вмѣсто одного шкафчика для провизіи—цѣлая кладовая, а ужъ кухня какая!.. Теплая, свѣтлая, съ печкой и плитой, свѣтлой и блестящей, какъ утюжная плитка!

— Ну, теперь и у васъ свой уголокъ, какъ у меня!—сказала госпожа Гофъ.—Заживете по-царски! Теперь вы достигли всего, чего только можетъ желать человѣкъ на землѣ! И ты тоже, мой милый дружокъ!

— Нѣтъ, не всего еще!—возразилъ онъ.

— Ну, молодая женка не заставитъ себя ждать! — сказала госпожа Гофъ.—И я ужъ знаю ее! Предчувствую! Но пока молчокъ! Ахъ, ты милый мой! Право, все это точно въ балетѣ!—И она засмѣялась сквозь слезы; мать и бабушка тоже.

XVIII.

Создать оперу, написать самому и либрето, и музыку, и самому же ознакомить съ нею со сцены публику — да, вотъ это задача! Герой нашъ, подобно Вагнеру, обладалъ даромъ драматическаго творчества, но былъ-ли присущъ ему и музыкальный геній? Онъ то вѣрилъ, то не вѣрилъ въ свои силы, но отдѣлаться отъ заполонившей всѣ его мысли идеи не могъ. Годъ тому назадъ она еще только мелькала передъ нимъ фантастическою мечтой, теперь онъ уже смотрѣлъ на нее, какъ на достижимую цѣль жизни, и привѣтствовалъ свои музыкальныя импровизаціи, какъ крылатыхъ вѣстниковъ надежды! Маленькіе романсы и характерная весенняя пѣсня тоже указывали ему на таившуюся въ его душѣ, не открытую еще «страну мелодій»; да и не ему одному; баронессѣ эти композиціи тоже напоминали тѣ свѣжія вѣтви деревьевъ, которыя возвѣстили Колумбу близость еще невидимаго на горизонтѣ берега. И баловню счастья суждено было достигнуть этого берега! Случайно оброненное прекрасной молодой дѣвушкой слово запало ему въ душу и пустило тамъ ростки точно зерно. Слово это было—«Алладинъ».

Нашъ молодой другъ былъ такимъ же баловнемъ счастья, какъ Алладинъ. Онъ самъ сознавалъ это. И вотъ, онъ съ увлеченіемъ принялся читать и перечитывать прекрасную восточную сказку объ Алладинѣ, а затѣмъ мысленно перерабатывать ее въ драму. Въ воображеніи его уже возникали сцена за сценой, создавались цѣлые монологи и даже рождались мелодіи, одна богаче другой. Къ тому же времени, какъ онъ покончилъ съ либретто, онъ открылъ у себя въ душѣ цѣлый источникъ, неизсякаемый родникъ звуковъ и мелодій; они такъ и били изъ нея ключомъ! Онъ разработалъ и либретто и музыку, и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, опера была окончена вполнѣ.

Никто не зналъ о ней, никто не слышалъ изъ новой оперы ни единой

ноты; никто, даже ближайшій другъ молодого композитора—учитель его. Никому изъ сидѣвшихъ въ театрѣ и восхищавшихся пѣніемъ и игрою любимаго артиста и въ голову не приходило, что молодой пѣвецъ, такъ горячо отдававшійся на сценѣ своей роли, еще горячѣе отдавался дома новому труду, прислушиваясь къ звукамъ, рождавшимся въ его собственной душѣ.

Какъ сказано, самъ учитель пѣнія не подозрѣвалъ ничего, пока новая опера не очутилась у него на столѣ для просмотра. Какой-то приговоръ ожидалъ ее? Конечно, старый учитель будетъ строгъ и справедливъ! Молодой композиторъ то предавался самымъ радужнымъ надеждамъ, то впадалъ въ сомнѣніе и даже прямо отчаивался въ своемъ талантѣ. Прошло два дня; за все это время ни учитель, ни ученикъ не обмолвились о занимавшемъ ихъ обоихъ предметѣ ни словомъ. Наконецъ, учитель, вполнѣ ознакомившись съ партитурою, позвалъ къ себѣ ученика. Лицо его было необыкновенно серьезно; что означала эта серьезность?

— Я никакъ не ожидалъ этого!—началъ онъ.—Ты поразилъ меня! И я еще не въ состояніи высказаться вполнѣ опредѣленно. Есть кое-какія погрѣшности въ инструментовкѣ, но ихъ можно исправить. Есть затѣмъ кое-что и новое, совсѣмъ оригинальное, смѣлое, но объ этомъ можно будетъ судить, какъ слѣдуетъ, лишь на репетиціяхъ. Какъ на Вагнерѣ замѣтно отразилось вліяніе Карла-Маріи Вебера, такъ на тебѣ—вліяніе Гайдна. Твои новаторскія попытки еще слишкомъ чужды моему пониманію, а самъ ты слишкомъ близокъ моему сердцу, такъ что въ настоящіе судьи тебѣ я не гожусь!.. Да и не хочу я судить тебя, а просто обниму да расцѣлую.—И онъ въ неудержимомъ порывѣ чувства горячо обнялъ своего ученика.— Счастливецъ ты!—прибавилъ онъ.

Скоро по городу разнесся слухъ, проникшій даже въ газеты, слухъ о новой оперѣ, произведеніи пѣвца, любимца публики. «Что-жъ, плохъ тотъ портной, что не сумѣетъ выкроить изъ обрѣзковъ хоть дѣтской курточки!» говорили одни. «Быть и либреттистомъ, и композиторомъ, и пѣвцомъ—вотъ это, можно сказать, трехъэтажный геній!» говорили другіе. «Впрочемъ, онъ родился-то еще выше—на чердакѣ!» «Это онъ вмѣстѣ съ учителемъ состряпалъ!»—говорили третьи: «И теперь пойдутъ трубить оба другъ о другѣ»!

Приступили къ разучиванію партій. Участвовавшіе въ оперѣ артисты не хотѣли раньше времени высказывать своего мнѣнія,—«пусть не говорятъ, что успѣхъ или неуспѣхъ оперы подготовляется за кулисами!» И говоря это, всѣ они смотрѣли чрезвычайно серьезно, не желая, чтобы на ихъ лицахъ прочли хоть малѣйшій намекъ на блестящія надежды. «Ужъ больно онъ часто прибѣгаетъ къ рожку!» сѣтовалъ горнистъ, тоже композиторъ: «Какъ бы только онъ съ своей оперой не наскочилъ на рожонъ». «Геніальная вещь! Мелодичная характерная музыка!» Да, были и такіе отзывы.

— Завтра въ этотъ часъ эшафотъ будетъ уже воздвигнутъ!—сказалъ молодой человѣкъ.—А приговоръ, можетъ быть, уже произнесенъ сегодня!

— Кто называетъ твою оперу шедевромъ, кто говоритъ, что она никуда не годится!—сказалъ учитель.

— А гдѣ же правда?

— Да вотъ гдѣ правда? Это и я у тебя спрошу! Взгляни вонъ на звѣзду, да и скажи, гдѣ ея настоящее мѣсто! Погляди сначала однимъ глазомъ, а другой закрой! Ну, видишь? Теперь погляди другимъ глазомъ, а этотъ закрой! Что? Звѣзда перемѣстилась! Такъ если и у человѣка глаза видятъ различно, какъ же различно должна смотрѣть на вещи толпа?

— Будь, что будетъ!—сказалъ молодой человѣкъ.—Мнѣ всетаки надо было узнать себѣ цѣну, узнать, на что я способенъ, и что мнѣ не по силамъ!

Насталъ и знаменательный вечеръ, когда вопросъ этотъ долженъ былъ рѣшиться. Пѣвцу, любимцу публики, предстояло или еще возвыситься въ ея мнѣніи, или же пасть. Да, или панъ, или пропалъ! На первое представленіе оперы смотрѣли въ городѣ какъ на своего рода событіе, и желавшіе попасть на него всю ночь продежурили у театральной кассы. Вечеромъ театръ былъ переполненъ сверху до низу. Дамы явились съ роскошными букетами. Унесутъ-ли онѣ эти цвѣты обратно или засыплютъ ими побѣдителя?

Баронесса съ дочерью заняли ближайшую къ сценѣ ложу бель-этажа. Въ театральной залѣ стоялъ гулъ, публика съ трудомъ сдерживала свое нетерпѣніе. Вдругъ все разомъ смолкло, превратилось въ слухъ: капельмейстеръ занялъ свое мѣсто, и увертюра началась. Кто не помнитъ музыкальнаго этюда Гензельта «Si l'oiseau j'etais»? Въ немъ какъ будто слышится ликующее щебетанье птичекъ; нѣчто подобное слышалось и въ этой увертюрѣ; звонкіе ликующіе дѣтскіе голоса сливались съ кукованьемъ кукушки и пѣніемъ дрозда. Наивная, веселая, ликующая музыка прекрасно обрисовывала характеръ Алладина, этого взрослаго ребенка. И вдругъ, въ эти дышащія наивнымъ весельемъ звуки ворвался глухой ударъ грома,—это являлъ свою силу волшебникъ Нуррединъ. Еще ударъ—скала разсѣлась, и полились нѣжные чарующіе звуки, увлекавшіе Алладина въ пещеру, гдѣ скрывалась лампа, охраняемая невидимыми духами; въ оркестрѣ какъ будто слышался шелестъ ихъ крылъ. Затѣмъ волторны запѣли тихую, дѣтски-искреннюю молитву; все тише, тише... вотъ она почти замерла... и вдругъ опять зазвучала съ новой силой, разрослась въ мощные аккорды, напоминавшіе призывъ архангела въ день судный. Алладинъ схватилъ лампу! Широкой волной хлынули могучіе, торжествующіе звуки!.. Занавѣсъ поднялся при восторженныхъ восклицаніяхъ, звучавшихъ подъ аккомпаниментъ оркестра заздравнымъ привѣтствіемъ. На сценѣ игралъ съ ребятишками долговязый красивый юноша. Съ какимъ наивнымъ увлеченіемъ отдавался онъ игрѣ! Вотъ бы увидѣла его бабушка! Она бы навѣрное воскликнула: «Да, вѣдь, это нашъ

Петька! Такъ вотъ рѣзвился онъ и у насъ на чердакѣ, гарцуя отъ печки къ сундуку! Онъ ни чуточки не измѣнился съ тѣхъ поръ!» А съ какою искреннею дѣтскою вѣрою пропѣлъ онъ, по приказанію Нурредина, молитву передъ тѣмъ, какъ спуститься въ подземелье! Что именно—чистая, проникнутая глубокимъ религіознымъ настроеніемъ музыка или артистическое исполненіе пѣвца—такъ увлекло слушателей? Восторгамъ не было конца. Повтореніе этой молитвы было бы просто профанаціей, и ея и не повторили, несмотря на настойчивыя требованія публики. Занавѣсъ опустился; первое дѣйствіе кончилось. Всякая критика смолкла; слышались лишь восгласы удивленія и восторга. Затѣмъ занавѣсъ опять поднялся; изъ оркестра снова полились дивные звуки, родственные чарующимъ насъ въ «Армидѣ» Глюка и въ «Волшебной флейтѣ» Моцарта. Алладинъ стоялъ въ волшебномъ саду. Камни, цвѣты, источники, глубокія ущелья—все какъ будто пѣло, отовсюду неслись нѣжные тихіе звуки, сливавшіеся въ одинъ величественный хоръ. Ему аккомпанировалъ то какъ будто приближавшійся, то удалявшійся шумъ крылъ парившихъ въ воздухѣ невидимыхъ духовъ. На фонѣ же этихъ звуковъ ярко выступала арія-монологъ самого Алладина, написанная по обычному образцу большихъ оперныхъ арій, но являвшаяся по ходу дѣйствія живою необходимою частью цѣлаго. Чистый прелестный голосъ и задушевное исполненіе артиста хватали за сердце; восторгъ слушателей все возрасталъ и достигъ высшаго своего предѣла, когда Алладинъ схватилъ лампу и раздался могучій хоръ побѣжденныхъ духовъ. Букеты дождемъ посыпались къ ногамъ Алладина, и скоро онъ стоялъ на настоящемъ коврѣ изъ цвѣтовъ. Какое торжество! Какая блаженная минута! Выше, блаженнѣе ея у него уже не будетъ въ жизни! Молодой артистъ чувствовалъ это. Лавровый вѣнокъ, коснувшись его груди, упалъ къ ногамъ его. Онъ видѣлъ, кто бросилъ этотъ вѣнокъ, видѣлъ, какъ молодая баронесса встала въ своей ложѣ и громко рукоплескала его торжеству. Словно огненная струя пробѣжала по его тѣлу, сердце расширилось въ груди до боли, онъ выпрямился, прижалъ вѣнокъ къ сердцу и упалъ навзничь. Что это? Обморокъ, смерть?.. Занавѣсъ опустился.

«Смерть!» пронеслось по зрительной залѣ. Молодой артистъ умеръ въ моментъ высшаго своего торжества, вкусилъ такую же блаженную смерть, какъ Софоклъ на Олимпійскихъ играхъ, какъ Торвальдсенъ въ театрѣ подъ звуки Бетховенской симфоніи. Лопнулъ кровеносный сосудъ въ сердцѣ, и пѣвецъ упалъ, какъ сраженный молніей, отошелъ въ вѣчность безъ боли, безъ страданій, сопровождаемый громомъ восторженныхъ аплодисментовъ. Петька-Счастливецъ свершилъ свою жизненную миссію!

КАРТИНКИ-НЕВИДИМКИ *).

Странное дѣло! Всякій разъ, какъ чувства во мнѣ разгорятся съ особенной силой и такъ вотъ и просятся наружу—точно кто свяжетъ мнѣ и руки и языкъ! Ни передать, ни высказать того, что у меня на сердцѣ! А, вѣдь, я художникъ; я и самъ это вижу, и отъ другихъ слышу, ото всѣхъ, кто только видѣлъ мои рисунки и наброски.

Человѣкъ я бѣдный и живу въ узенькомъ переулкѣ; свѣтомъ я, впрочемъ, богатъ: коморка моя въ самомъ верху, и я пользуюсь видомъ на всѣ сосѣднія крыши. Первые дни по переѣздѣ въ городъ мнѣ было какъ-то не по себѣ: тѣсно, скучно, вмѣсто лѣса и зеленыхъ холмовъ на горизонтѣ—однѣ закоптѣлыя трубы. Ни одной знакомой души, ни одного дружескаго, привѣтливаго лица!

Но разъ вечеромъ подхожу я въ грустномъ раздумьи къ окошку, растворяю его и выглядываю... Вотъ радость-то! На меня привѣтливо глядитъ знакомый круглый ликъ, мой лучшій, давнишній другъ—мѣсяцъ! Онъ ничуть не перемѣнился, все такой же, какъ и въ то время, когда свѣтилъ бывало ко мнѣ изъ-за вѣтвей ивъ, росшихъ у болота. Я послалъ ему воздушный поцѣлуй, а онъ заглянулъ въ мою коморку и пообѣщалъ навѣдываться ко мнѣ каждый вечеръ, когда выйдетъ на прогулку. Онъ и сдержалъ слово; жаль только, что визиты его обыкновенно такъ коротки! Онъ всякій разъ что-нибудь разсказываетъ мнѣ о томъ, что видѣлъ или наканунѣ, или въ этотъ же вечеръ. «Набрасывай эти картинки въ тетрадь, и выйдетъ цѣлая книжка съ картинками!» сказалъ онъ мнѣ въ первое же свое посѣщеніе. Я такъ и дѣлалъ вечеръ за вечеромъ и могъ бы теперь предложить вамъ своего рода новую «Тысячу и одну ночь» въ картинахъ, да это, пожалуй, было бы ужъ слишкомъ! Даю поэтому лишь нѣсколько картинокъ; я не выбиралъ ихъ, онѣ являются здѣсь въ томъ же порядкѣ, въ какомъ набросаны у меня. Геніальный художникъ, поэтъ, или композиторъ сумѣлъ бы воспользоваться этимъ матеріаломъ лучше, я же могу дать только одни блѣдные наброски въ перемежку съ собственными размышленіями,—мѣсяцъ навѣщалъ меня, вѣдь, не каждый вечеръ: случалось, что его заволакивали облака.

---

*) Заглавіе датскаго подлинника: „Billedbog uden Billeder“, по-нѣмецки: „Bilderbuch ohne Bilder“, въ дословномъ переводѣ: „Книжка съ картинками безъ картинъ“.
Примѣч. перев.

Вечеръ I.

«Прошлою ночью»,—говорю словами самого мѣсяца—«я скользилъ по ясному небу Индіи, глядясь въ воды Ганга. Лучи мои тщетно силились проникнуть сквозь чащу старыхъ платановъ; густолиственныя вѣтви ихъ переплелись и образовали стѣну, непроницаемую, какъ броня черепахи. Вдругъ изъ чащи вышла молодая дѣвушка, легкая, какъ газель, прекрасная, какъ сама Ева, истая дочь Индіи, поражающая какою-то воздушною прелестью, и въ то же время пышной роскошью формъ. Сквозь тонкую кожу, казалось, просвѣчивали самыя мысли дѣвушки. Колючія ліаны рвали ея сандаліи, но она быстро шла впередъ. Хищный звѣрь, только что утолившій въ рѣкѣ свою жажду, пугливо отпрянулъ въ сторону: въ рукахъ у дѣвушки сіяла лампада. Я видѣлъ, какъ переливалась алая кровь въ нѣжныхъ пальчикахъ, прикрывавшихъ пламя отъ вѣтра. Вотъ она подошла къ рѣкѣ и пустила лампаду по теченію. Огонекъ заколебался; вотъ-вотъ онъ погаснетъ, но нѣтъ! Дѣвушка провожала его сіяющимъ взоромъ; всѣ силы ея души сосредоточились въ сверкающихъ огнемъ глазахъ, опушенныхъ шелковой бахромой длинныхъ рѣсницъ. Вѣдь, если огонекъ будетъ горѣть, пока лампада не скроется изъ вида—милый ея живъ; погаснетъ—значитъ, онъ умеръ! Лампада плыла, огонекъ горѣлъ, то вспыхивая, то замирая, а съ нимъ вмѣстѣ то вспыхивало надеждой, то замирало и сердце дѣвушки. Вотъ она опустилась на колѣни, и уста ея зашептали молитву. Невдалекѣ притаилась въ густой травѣ холодная скользкая змѣя, но дѣвушка не думаетъ о ней; мысли ея несутся къ Брамѣ и къ милому. «Онъ живъ!» радостно восклицаетъ она, и горы шлютъ откликъ: «Онъ живъ!»

Вечеръ II.

«Вчера», разсказывалъ мѣсяцъ: «я заглянулъ во дворикъ, стиснутый со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами домовъ. Вокругъ насѣдки съ цѣлымъ выводкомъ цыплятъ прыгала прехорошенькая маленькая дѣвочка, а насѣдка отчаянно кудахтала и топорщила крылья, стараясь укрыть своихъ дѣтокъ. На шумъ явился отецъ дѣвочки и принялся бранить шалунью. Я скрылся и скоро забылъ про эту исторію, но сегодня, всего нѣсколько минутъ тому назадъ, я опять заглянулъ во дворъ. Сначала все было тихо, но скоро явилась дѣвочка, подкралась къ курятнику, отодвинула задвижку и шмыгнула въ уголъ, гдѣ сидѣла насѣдка съ цыплятами. Курица закудахтала, цыплята запищали и принялись метаться изъ угла въ уголъ; дѣвочка гонялась за ними. Я видѣлъ все это въ щелочку курятника, и мнѣ было очень досадно на злую шалунью. То-то обрадовался я, когда въ курятникъ вошелъ ея отецъ! Онъ схватилъ дѣвочку за руку и напустился на нее еще сердитѣе, чѣмъ вчера. Она откинула головку назадъ; большіе голубые глаза ея были полны слезъ.

«Зачѣмъ ты забралась сюда?» спросилъ отецъ. Она заплакала: «Я... я хотѣла поцѣловать курицу и попросить у нея прощенія за вчерашнее, да боялась сказать тебѣ»!.. И отецъ поцѣловалъ невинную малютку въ лобъ, а я—въ глазки и въ губки!

Вечеръ III.

«Недалеко есть переулокъ до того узкій, что я могу заглянуть въ него мимоходомъ лишь на минуту, но мнѣ довольно и этого бѣглаго взгляда, чтобы разсмотрѣть, какіе люди тамъ ютятся. Сегодня я видѣлъ тамъ женщину. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ она была ребенкомъ и беззаботно играла въ саду стараго пасторскаго дома, за городомъ. Старые кусты розъ, доживавшіе свой вѣкъ, росли вкривь и вкось, а свѣжіе дикіе побѣги ихъ перекидывались через дорожку и переплетались съ вѣтвями яблонь. На кустахъ, однако, виднѣлись еще кое-гдѣ розы. Онѣ, хоть и не отличались уже обычной красотой царицъ цвѣтовъ, всетаки украшали кусты и разливали вокругъ благоуханіе. Куда прекраснѣе ихъ была, по моему, дочка пастора. Она притащила подъ кусты маленькую скамеечку и сидѣла тутъ, баюкая и цѣлуя свою куклу съ провалившимися щеками. Прошло десять лѣтъ, и я увидѣлъ дѣвушку въ великолѣпно убранной бальной залѣ. Она была невѣстой богатаго купца. Я порадовался ея счастью и часто потомъ слѣдилъ за нею тихими вечерами. Увы! Мало кто думаетъ о моемъ ясномъ, всевидящемъ окѣ! Прекрасная роза моя тоже росла вкривь и вкось, пускала дикіе побѣги, какъ розовые кусты въ пасторскомъ саду! И среди будничной жизни разыгрываются своего рода трагедіи; вчера вечеромъ я видѣлъ въ узкомъ переулкѣ послѣднее дѣйствіе одной изъ такихъ трагедій. Дѣвушка лежала на постели при смерти, но злой хозяинъ, единственный ея покровитель, безжалостно отдернулъ занавѣски. «Вставай, принарядись, пугало ты этакое!» грубо крикнулъ онъ на нее. «Добывай деньги, или я вышвырну тебя на улицу! Ну, живо!» «Я умираю! Дайте мнѣ отойти съ миромъ!» молила она. Но онъ поднялъ ее силой, самъ нарумянилъ ея щеки, убралъ голову цвѣтами и, посадивъ ее у открытаго окна, близъ ярко горящей свѣчки, ушелъ. Я смотрѣлъ на нее. Она сидѣла неподвижно, уронивъ руки на колѣни. Вѣтеръ порывисто захлопнулъ окно; одно изъ стеколъ вылетѣло, занавѣска взвилась надъ головой дѣвушки, но она не шевельнулась: она умерла! Изъ открытаго окна глядѣло нѣмое нравоученіе—моя роза изъ пасторскаго сада».

Вечеръ IV.

«Вчера вечеромъ я побывалъ въ нѣмецкомъ театрѣ, въ одномъ провинціальномъ городкѣ!» началъ мѣсяцъ. «Театромъ служила конюшня: стойла были передѣланы въ ложи, деревянныя перегородки обиты разноцвѣтной

бумагою. Съ низкаго потолка спускалась небольшая желѣзная люстра; какъ разъ надъ нею въ потолокъ вдѣлали опрокинутый вверхъ дномъ боченокъ, чтобы люстру можно было поднимать кверху, какъ это дѣлается въ большихъ театрахъ. «Динь-динь!» зазвонилъ суфлеръ, и люстра—прыгъ въ боченокъ; теперь ужъ всѣ знали, что представленіе сейчасъ начнется! На представленіи присутствовала проѣзжая княжеская чета; театръ поэтому былъ набитъ биткомъ, только подъ самою люстрой образовалось что-то вродѣ маленькаго кратера. Тутъ не сидѣло ни души,—свѣчи оплывали, и сало то и дѣло капало на полъ: «капъ-капъ! «Я видѣлъ все это,—въ театрѣ стояла такая жара, что пришлось открыть люки, замѣнявшіе окна. Съ улицы въ нихъ заглядывали мальчишки и дѣвчонки, даромъ что въ театрѣ сидѣла полиція и грозила имъ палкою. Передъ самымъ оркестромъ возсѣдала на двухъ старыхъ креслахъ княжеская чета. Обыкновенно эти мѣста занимали бургомистръ и его супруга, но сегодня имъ пришлось сѣсть на простыя скамьи наряду съ прочими горожанами. «То-то! И надъ нашими господами, знать, есть господа!» шушукались между собою кумушки, и все кругомъ пріобрѣтало въ ихъ глазахъ еще болѣе праздничный видъ. Люстра ушла въ потолокъ, уличнымъ зѣвакамъ попало по рукамъ палкой, а мнѣ... мнѣ удалось посмотрѣть комедію!»

Вечеръ V.

«Вчера», разсказывалъ мѣсяцъ: «я плылъ надъ неугомоннымъ Парижемъ и заглянулъ въ Луврскіе покои. Сторожъ ввелъ въ огромную пустынную тронную залу какую-то бѣдно одѣтую старушку изъ простонародья. Она такъ добивалась увидѣть эту залу! И сколько это стоило ей хлопотъ и денегъ, сколько упрашиваній! Теперь она стояла посреди залы, сложивъ руки и благоговѣйно озираясь вокругъ, точно попала въ церковь. «Такъ вотъ гдѣ это было! Вотъ гдѣ!» промолвила она и подошла къ трону, драпированному дорогимъ бархатомъ съ золотою бахромой. «Тутъ!» продолжала она: «Тутъ!» И, опустившись передъ трономъ на колѣни, она поцѣловала бархатную драпировку. Мнѣ почудилось, что она плакала. «Это ужъ не тотъ бархатъ!» сказалъ сторожъ, и на губахъ его заиграла улыбка. «Но всетаки это было здѣсь!» сказала старушка. «И все осталось здѣсь попрежнему!» «Осталось, да не совсѣмъ!» отвѣтилъ онъ. «Окна тогда были выбиты, двери выломаны, а на полу стояли кровавыя лужи! Но все же это вѣрно: вашъ внукъ умеръ на тронѣ Франціи!» «Умеръ!» прошептала старуха. Больше, кажется, не было сказано ни слова, и они скоро ушли. Вечернія сумерки сгустились, и на дорогомъ бархатѣ трона легли отъ моихъ лучей еще болѣе яркіе блики. Какъ ты думаешь, кто была эта старуха? Я разскажу тебѣ исторію. Дѣло было во время Іюльской революціи, подъ вечеръ, въ день блистательной побѣды, когда каждый домъ служилъ крѣпостью, каждое окно

бойницею. Народъ аттаковалъ дворецъ; въ толпу осаждающихъ вмѣшались и женщины и дѣти. Скоро они ворвались въ роскошные покои дворца. Бѣдный оборванный мальчуганъ-подростокъ храбро дрался въ рядахъ взрослыхъ и палъ, смертельно раненый штыками. Случилось это въ тронной залѣ. Его подняли и положили на тронъ Франціи; изъ ранъ струилась кровь, и ихъ пытались заткнуть дорогимъ бархатомъ, но кровь скоро просочилась сквозь него. Вотъ была картина! Роскошная зала, группы сражающихся, на полу разорванное знамя, надъ штыками трехцвѣтные значки, и на тронѣ Франціи бѣдный мальчуганъ съ обнаженной грудью, помертвѣвшимъ, но яснымъ лицомъ и устремленнымъ къ небу взоромъ! Жалкія лохмотья и рядомъ роскошный пурпуровый бархатъ, затканный серебряными лиліями! Предсказалъ-ли кто этому мальчику еще въ колыбели: «Онъ умретъ на тронѣ Франціи?» Мать, можетъ быть, мечтала о новомъ Наполеонѣ! Я цѣловалъ вѣнокъ изъ иммортелей, украшавшій его могилу, цѣловалъ ночью въ лобъ и старуху-бабушку, когда ей грезилась во снѣ картина, что я сейчасъ нарисовалъ тебѣ: «бѣдный мальчикъ на тронѣ Франціи!»

Вечеръ VI.

«Я былъ въ Упсалѣ!» сказалъ мѣсяцъ. «Тамъ есть обширная равнина, а по ней разбросаны чахлыя пастбища и истощенныя поля. Я плылъ надъ нею и глядѣлся въ воды рѣки Фири; по рѣкѣ скользилъ пароходъ, загоняя испуганныхъ рыбъ въ осоку. Подо мною неслись облака, бросавшія длинныя тѣни на холмы или—могилы Одина, Тора и Фрейи, какъ ихъ прозвали. Холмы одѣты тонкимъ дерномъ, и на немъ вырѣзано множество именъ. Тутъ нѣтъ ни памятниковъ, ни скалъ, на которыхъ бы можно было выцарапать или написать свои имена, такъ путники и пользуются дерномъ. Обнаженныя полоски земли, образующія буквы и цѣлыя имена, испещряютъ холмы вдоль и поперекъ. Увы! эти пути къ безсмертію скоро заростаютъ травою!.. На вершинѣ одного изъ холмовъ стоялъ пѣвецъ. Онъ поднесъ къ устамъ налитый медомъ рогъ, охваченный широкимъ серебрянымъ кольцомъ, и осушилъ его до дна, прошептавъ при этомъ чье-то имя. Онъ просилъ вѣтеръ не выдавать его, но я-то слышалъ, чье это было имя! Надъ нимъ сіяетъ графская корона, потому пѣвецъ и не осмѣлился произнести его вслухъ. Я улыбнулся: надъ его именемъ сіяетъ, вѣдь, корона поэта, а если имя знатной Элеоноры Эсте и живетъ еще до сихъ поръ, то лишь благодаря тому, что связано съ именемъ Тассо! И я знаю, гдѣ цвѣтетъ роза поэта!..»

Тутъ облака заволокли мѣсяцъ и скрыли его отъ меня. Ничего! Лишь бы они не становились между поэтомъ и розою!

Вечеръ VII.

«Вдоль морского берега тянется густой лѣсъ—дубы да буки. Какъ славно пахнетъ тамъ весною! Каждую весну онъ оглашается также трелями сотенъ соловьевъ. По близости, какъ сказано, море, вѣчно измѣнчивое море, а между нимъ и лѣсомъ бѣжитъ проѣзжая дорога. По ней то и дѣло катятся телѣги. Я не слѣжу за ними; лучи мои больше любятъ отдыхать на древнемъ курганѣ. Сѣрые камни опутаны побѣгами ежевики и дикаго терна. Вся природа дышетъ здѣсь поэзіей! А знаешь, какъ относятся къ ней люди? Я разскажу тебѣ, что я слышалъ тамъ вчера вечеромъ и ночью. Проѣхали двое богатыхъ крестьянъ. «Чудесныя деревья!» сказалъ одинъ. «Да, изъ каждаго выйдетъ возовъ по десяти дровъ!» отозвался другой. «Зима нынче будетъ суровая, а мы и прошлый годъ брали по четырнадцати рихсдалеровъ за сажень!» И они проѣхали. «Какая тутъ скверная дорога!» сказалъ слѣдующій проѣзжій. «Это все проклятыя деревья виноваты!» отвѣтилъ ему товарищъ. «Этакая сырость! Вѣтеръ только съ одной стороны—съ моря!» И эти тоже проѣхали. Затѣмъ прокатилъ дилижансъ. Пассажиры проспали самое живописное мѣстечко во всей окрестности. Не спалъ одинъ кучеръ; онъ трубилъ въ рогъ, и, вѣрно, думалъ про себя: «Каковъ я трубачъ! И какъ здѣсь славно раздается!» Потомъ проскакали верхомъ двое парней. «Ну что-то эти скажутъ? Въ нихъ молодость бьетъ ключемъ, кровь играетъ какъ шампанское!» подумалъ я. Они съ улыбкой поглядѣли на одѣтый мхомъ курганъ и на темную чащу кустовъ. «Вотъ бы прогуляться тутъ съ мельниковой Христиной!» сказалъ одинъ изъ парней, и оба промчались. А въ сонномъ воздухѣ струилось такое благоуханіе, море, казалось, сливалось съ небомъ, опрокинувшимся надъ глубокою долиною!.. Мимо проѣхалъ еще экипажъ. Въ немъ сидѣло шесть человѣкъ; четверо спали, пятый размышлялъ о своемъ новомъ лѣтнемъ пальто,—«должно быть, идетъ!» Шестой же нагнулся къ кучеру и спросилъ: «Что это за куча камней? Чѣмъ-нибудь замѣчательна?» «Нѣтъ!» отвѣтилъ парень. «Куча, какъ куча, а вотъ деревья, тѣ примѣчательны!» «Ну, ну, разскажи!» «Да вотъ зимою, когда всю дорогу заноситъ снѣгомъ, они служатъ мнѣ примѣтою! Держись, значитъ, ихъ. не то какъ разъ угодишь въ море! Вотъ какія они примѣчательныя!» Проѣхали и эти. На смѣну имъ явился художникъ; глаза его такъ и сіяли, но онъ не говорилъ ни слова, а только посвистывалъ. Соловьи заливались одинъ громче другого. «Заткните глотки!» заворчалъ онъ, тщательно отмѣчая въ своей записной книжкѣ оттѣнки и тоны: «Голубой, лиловый, темно-коричневый... То-то выйдетъ картина!» Онъ какъ зеркало воспринималъ въ себя картину окружающей природы, ни на минуту не переставая насвистывать какой-то маршъ Россини. Послѣ него пришла сюда бѣдная дѣвушка. Она сложила свою ношу у подножія кургана и присѣла возлѣ нея сама,

склонившись блѣднымъ прекраснымъ личикомъ въ сторону лѣса, откуда неслись соловьиныя трели. Какъ сіяли ея глаза при видѣ безграничнаго простора неба и моря, сливавшихся вмѣстѣ! Она сложила руки и, видимо, погрузилась въ тихую молитву. Она и сама не вѣдала, какія чувства волновали ея душу, но я знаю, что, и многіе, многіе годы спустя, поразившая ее въ эту минуту своею дивною красотою природа будетъ отражаться въ ея воспоминаніи куда прекраснѣе, куда правдивѣе, нежели въ картинѣ художника, какъ бы точно ни отмѣтилъ онъ всѣ краски! Я слѣдилъ за дѣвушкой до тѣхъ поръ, пока чела ея не коснулся привѣтственный поцѣлуй утренней зари.

Вечеръ VIII.

Все небо было покрыто тучами, мѣсяцъ не показывался, и чувство сиротливаго одиночества давило меня еще сильнѣе обыкновеннаго. Взоръ мой невольно направлялся въ ту сторону, откуда долженъ былъ появиться мѣсяцъ, мысли тоже неудержимо неслись къ моему дорогому другу; онъ такъ мило утѣшалъ меня каждый вечеръ своими разсказами, рисовалъ мнѣ такія чудныя картинки!.. Да, чего, чего ни перевидалъ онъ на своемъ вѣку! Онъ видѣлъ и картину всемірнаго потопа, привѣтливо заглядывалъ, какъ теперь въ мою коморку, и въ ковчегъ, утѣшая его узниковъ надеждою на обновленіе міра. Грустно глядѣлъ онъ и на евреевъ, плакавшихъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, подъ сѣнью плакучихъ ивъ, на вѣтвяхъ которыхъ висѣли замолкшія арфы. Полускрытый вѣтвями кипарисовъ, рисовавшихся темными тѣнями въ прозрачномъ воздухѣ, слѣдилъ мой круглолицый другъ и за Ромео, видѣлъ, какъ юноша пробирался на балконъ, слышалъ, какъ прозвучалъ въ тиши ночной страстный поцѣлуй, унесшійся въ небо, какъ мысль херувима! Видѣлъ мѣсяцъ и героя на островѣ св. Елены: одиноко стоялъ онъ на скалѣ, устремивъ взоръ на море, и думалъ великую думу. Да, о чемъ только не можетъ разсказать мѣсяцъ! Всемірная исторія для него одна сказка. Сегодня я уже не увижу тебя, мой старый другъ, не сдѣлаю въ тетради на память о твоемъ посѣщеніи новаго наброска! И вдругъ изъ-за тучъ блеснулъ на мгновеніе лучъ свѣта; блеснулъ и погасъ, тучи снова сгустились, но все же мѣсяцъ успѣлъ послать мнѣ свой привѣтъ, пожелать спокойной ночи.

Вечеръ IX.

Прошло нѣсколько вечеровъ; небо опять было ясно, мѣсяцъ появился въ первой своей четверти и подалъ мнѣ идею новой картинки. Послушайте, что онъ разсказалъ мнѣ!

«Я смотрѣлъ вслѣдъ полярной птицѣ и плывущему киту; они направились къ восточнымъ берегамъ Гренландіи. Голыя скалы, увѣнчанныя льди-

нами и облаками, окружали долину, покрытую ковромъ изъ моху и цвѣтущей черники. Душистыя гвоздички струили свое сладкое благоуханіе. Я разливалъ вокругъ матовый свѣтъ; дискъ мой былъ блѣденъ, какъ долго носившійся по водѣ, оторванный лепестокъ кувшинки. На небѣ горѣло сѣверное сіяніе. Изъ середины гигантскаго сіяющаго вѣнца подымались безконечные огненные снопы, переливавшіеся зелеными и красными огнями. Но окрестные жители, собравшіеся въ долину на празднество, не дивились на это зрѣлище; они привыкли къ нему. «Пусть себѣ души умершихъ играютъ въ лапту головами моржей!» думали они, занятые своей пляской и пѣніемъ. Посрединѣ круга стоялъ человѣкъ безъ шубы, билъ въ барабанъ и воспѣвалъ охоту за тюленями. Остальные, одѣтые въ бѣлыя шубы, хоромъ подхватывали: «эйа, эйа-а!» прыгали и плясали, дико поводя глазами и крутя головами. Медвѣжій балъ да и только! Потомъ началось судьбище. Противники выступали на середину круга, и обиженный затягивалъ подъ аккомпаниментъ барабана пѣсню, въ которой высмѣивалъ своего обидчика. Тотъ отвѣчалъ такою же остроумною импровизаціей. Толпа хохотала и затѣмъ произносила свое рѣшеніе. Со скалъ слышался грохотъ: это скатывались внизъ и дробились въ пыль лавины; надъ равниной стояла чудная лѣтняя гренландская ночь. Шагахъ во ста отъ сборища, въ открытой юртѣ изъ звѣриныхъ шкуръ, лежалъ больной. Кровь еще не застыла въ его жилахъ, но смерть была уже близка; онъ и самъ этому вѣрилъ, и всѣ окружающіе, и жена уже наглухо зашила его въ шкуры, чтобы потомъ не прикасаться къ мертвому тѣлу. «Гдѣ тебя похоронить?» спросила она его. «Хочешь зарою тебя въ снѣгъ на вершинѣ скалы и украшу твою могилу кайакомъ твоимъ и стрѣлами? Или тебѣ хочется лежать въ морѣ?» «Въ морѣ!» прошепталъ, грустно улыбаясь, умирающій. «То-то славная лѣтняя палатка!» сказала жена. «Тамъ скачутъ тысячи тюленей, тамъ спитъ моржъ, тамъ ждетъ тебя веселая счастливая охота!» И дѣти съ воемъ сорвали затягивавшій окно олений пузырь, чтобы можно было вынести умершаго изъ юрты и погрузить его въ волны моря; оно давало ему пищу при жизни, оно же дастъ ему и пріютъ по смерти! Надгробнымъ памятникомъ ему будутъ служить плавучія, вѣчно смѣняющія одна другую льдины; на нихъ будутъ дремать тюлени, а надъ ними рѣять буревѣстники».

Вечеръ X.

«Знавалъ я одну старую дѣву!» разсказывалъ мѣсяцъ. «Зимою она постоянно носила одинъ и тотъ же желтый атласный салопъ; онъ какъ будто не изнашивался, не выходилъ изъ моды. Лѣтомъ же она ходила въ одной и той же соломенной шляпѣ и, кажется, все въ одномъ и томъ же голубомъ платьѣ. Изъ дома она выходила только въ гости къ старой пріятельницѣ, жившей въ домѣ напротивъ. Въ послѣдніе годы, она, впрочемъ, не ходила

и туда,—пріятельница ея умерла. Я постоянно видѣлъ старую дѣву въ ея коморкѣ одну-одинешеньку. Лѣтомъ окно коморки было заставлено чудесными цвѣтами, а зимою на немъ красовалось донышко отъ старой шляпы, въ которомъ зеленѣлъ крессъ-салатъ. Весь послѣдній мѣсяцъ старушка уже не присаживалась къ окошку, но я зналъ, что она еще жива: я бы увидѣлъ, какъ она отправилась въ тотъ «дальній путь», о которомъ такъ часто бесѣдовала съ своей пріятельницей. «Да!» говаривала она тогда: «по смерти мнѣ предстоитъ такой путь, какого я не сдѣлала за всю свою жизнь! Наша семейная могила въ шести миляхъ отъ города; меня отвезутъ туда и положатъ рядомъ съ моими родными!..» Вчера вечеромъ я увидѣлъ передъ домомъ телѣгу; скоро изъ дома вынесли и поставили на нее гробъ; значитъ, старая дѣва умерла! Гробъ прикрыли рогожами, и телѣга тронулась. Въ гробу тихо спала старая дѣва. Во весь послѣдній годъ своей жизни она ни разу не переступила порога своей коморки, а вотъ теперь послѣ смерти отправилась въ дальній путь! Телѣга направилась за городъ, да еще вскачь, словно везла кого на гулянье, а очутившись за городомъ, парень погналъ лошадей еще шибче, то и дѣло боязливо оглядываясь назадъ. Право, кажется, онъ трусилъ: а вдругъ, дескать, покойница-то встала, да сидитъ теперь въ своемъ желтомъ атласномъ салопѣ на крышкѣ гроба?! Вотъ почему онъ такъ безразсудно и гналъ лошадей, не отпуская въ то же время поводій, такъ что удила покрылись пѣною. Лошади были молодыя, горячія; заяцъ перебѣжалъ дорогу, и онѣ понесли. Тихая скромная старушка, едва бродившая и у себя-то по коморкѣ, мчалась теперь во всю прыть черезъ пни и кочки. Наконецъ, обернутый рогожею гробъ такъ подпрыгнулъ, что выскочилъ изъ телѣги и остался лежать на дорогѣ, а телѣги, парня и лошадей и слѣдъ простылъ. Сыпля звонкія трели, взвился съ поля жаворонокъ, пропѣлъ надъ гробомъ свою утреннюю пѣсенку, потомъ сѣлъ на него и принялся теребить клювомъ рогожу, словно желая сорвать съ кокона оболочку. Затѣмъ птичка опять взвилась къ небу съ звонкою пѣсенкою, а я спрятался за румяныя утреннія облачка».

Вечеръ XI.

«Былъ свадебный пиръ!» разсказывалъ мѣсяцъ. «Пропѣли заздравныя пѣсни, осушили заздравные кубки, и гости оставили богатые покои. Было уже за полночь. Матери поцѣловали молодыхъ, и они остались одни. Оконныя занавѣси были задернуты не совсѣмъ плотно, и я могъ заглянуть къ нимъ. Въ уютной опочивальнѣ горѣла лампа. «Слава Богу! Наконецъ-то всѣ разошлись!» сказалъ мужъ, покрывая поцѣлуями руки и губки жены. А она улыбалась ему сквозь слезы, покоясь на его груди и вся трепеща отъ волненія, какъ цвѣтокъ лотоса на зыбкой поверхности потока. Полились тихія задушевныя рѣчи... «Спи съ Богомъ!» наконецъ сказалъ онъ, но она

подошла къ окну и откинула занавѣску. «Какъ чудно сіяетъ мѣсяцъ!» промолвила она: «Гляди, какъ тихо, какъ свѣтло!» и она погасила лампу. Въ уютной комнаткѣ стало темно, и въ этой темнотѣ сіяли только мои лучи да глаза молодого мужа. Женственность! Цѣлуй лиру поэта, когда онъ воспѣваетъ мистеріи жизни!»

Вечеръ XII.

«А вотъ тебѣ еще картинка!» началъ мѣсяцъ. «Я плылъ надъ предмѣстьемъ Помпеи, надъ «Улицею Гробницъ,» гдѣ стоятъ ряды прекрасныхъ памятниковъ, гдѣ нѣкогда плясали увѣнчанные розами, жизнерадостные юноши съ дѣвушками, сестрами Лаисы по красотѣ. Теперь тамъ царитъ мертвая тишина! Часовые, наемные неаполитанскіе солдаты изъ нѣмцевъ, играли въ карты и въ кости. Въ городъ направлялась цѣлая толпа иностранцевъ въ сопровожденіи конвоя. Иностранцамъ хотѣлось осмотрѣть возставшій изъ могилы городъ при свѣтѣ моихъ лучей. Я и показалъ имъ слѣды колесъ, оставшіеся на вымощенной широкими плитами лавы улицѣ, надписи надъ дверями домовъ и уцѣлѣвшія кое-гдѣ вывѣски. Увидѣли они и узенькіе дворики съ бассейнами посрединѣ, украшенными раковинами. Но давно уже умолкло журчаніе фонтановъ, не раздавалось больше изъ богато расписанныхъ покоевъ, охраняемыхъ у входовъ бронзовыми псами, ни пѣсенъ, ни звуковъ. Городъ давно умеръ! Все смолкло! Не смолкалъ только вѣчный громовый гимнъ Везувія; отдѣльныя строфы этого гимна именуются на человѣческомъ языкѣ изверженіями! Я послѣдовалъ за иностранцами къ бѣломраморному храму Венеры; къ алтарю по прежнему вели широкія ступени, но между колоннами выросли плакучія ивы. На ясномъ лазурномъ небѣ рисовались черныя, какъ уголь, очертанія Везувія. Изъ кратера его какъ будто выросла гигантская пинія: пламя служило ей стволомъ, а багровые, словно пропитанные кровью, клубы дыма—кроною. Въ числѣ путешественниковъ была одна пѣвица. Я не разъ былъ свидѣтелемъ ея тріумфовъ на сценахъ первыхъ театровъ Европы. Добравшись до древняго театра, общество размѣстилось на мраморныхъ ступеняхъ. Да, на нихъ опять сидѣли зрители, какъ и тысячелѣтія тому назадъ! Сцена была все та же: каменныя кулисы и на заднемъ планѣ двѣ арки, черезъ которыя виднѣлась та же декорація — сама природа: горная цѣпь, идущая отъ Сорента къ Амальфи. Пѣвица шутя поднялась на сцену и запѣла. Мѣсто и обстановка вдохновили ее; казалось, дикій аравійскій скакунъ мчится по степи, раздувъ ноздри и распустивъ по вѣтру пышную гриву, — та же легкость, та же смѣлость; казалось, скорбящая Матерь рыдаетъ у подножія креста,—та же глубокая, за душу хватающая скорбь!.. И со ступеней амфитеатра раздались, какъ и въ былыя времена, восторженныя рукоплесканія. «Счастливица! Любимица боговъ!» ликовали слушатели. Черезъ минуту театръ опустѣлъ; всѣ ушли; ни

звука, ни шороха! Общество удалилось, но развалины стоятъ по прежнему и простоятъ такъ еще столѣтія, о томъ же, что произошло тутъ сейчасъ, скоро не будетъ и помина; забудутся и шумныя рукоплесканія, и прекрасная пѣвица, и ея пѣніе, и ея улыбки. Забвеніе, полное забвеніе! Даже у меня сохранится объ этихъ минутахъ лишь смутное воспоминаніе!»

Вечеръ XIII.

«Я заглянулъ въ окно редакторскаго кабинета!» разсказывалъ мѣсяцъ. «Было это гдѣ-то въ Германіи. Богатая обстановка, множество книгъ и видимо-невидимо газетъ. Въ кабинетѣ сидѣли нѣсколько молодыхъ людей. Самъ редакторъ стоялъ у конторки; передъ нимъ лежали двѣ небольшія книжки, ожидавшія рецензіи. «Вотъ эту мнѣ прислали!» сказалъ редакторъ. «Но я еще не успѣлъ познакомиться съ нею! Изданіе красивое, а что вы скажете о самомъ содержаніи?» «Оно не дурно!» отозвался одинъ изъ присутствовавшихъ, собратъ автора. «Немножко растянуто, но, вѣдь, авторъ еще такъ молодъ! Стихосложеніе тоже хромаетъ, зато мысли онъ высказываетъ весьма здравыя, хотя, конечно, и довольно избитыя! Но что-жъ? Гдѣ же набраться новыхъ! Сказать по правдѣ, врядъ-ли изъ него выйдетъ что-нибудь особенное, но похвалить его все же слѣдуетъ: онъ довольно начитанъ, прекрасный знатокъ восточныхъ нарѣчій и самъ судитъ весьма здраво. Это онъ, вѣдь, написалъ такую прекрасную рецензію о моей книгѣ «Фантазіи на будничныя темы». Надо поощрить молодой талантъ!»—«Но, вѣдь, онъ настоящій олухъ!» сказалъ другой изъ присутствовавшихъ. «Кто же и губитъ поэзію, какъ не эти посредственные талантики, а онъ вѣкъ останется посредственностью!»—«Бѣдняга!» вмѣшался третій. «А тетушка-то его не нарадуется на него! Вы знаете ее, господинъ редакторъ. Это она, вѣдь, завербовала вамъ столько подписчиковъ на вашъ послѣдній переводъ!»—«Да, да! Премилая женщина!» подхватилъ редакторъ. «Ну такъ вотъ, я написалъ коротенькую рецензію: «Несомнѣнный талантъ... желанный подарокъ... новый цвѣтокъ въ саду поэзіи... прекрасное изданіе и т. д.» Но вотъ еще книжка! Авторъ, видно, думаетъ, что я куплю ее! Я слышалъ, впрочемъ, что ее хвалятъ! Говорятъ—большой талантъ! Какъ по вашему?»—«Да, всѣ прокричали о немъ», сказалъ поэтъ. «Но тутъ что-то не ладно. Геніальнѣе всего у него знаки препинанія».—«Его не мѣшало бы слегка пробрать, не то онъ ужъ черезчуръ возомнитъ о себѣ!» сказалъ третій.—«Но это будетъ несправедливо!» вмѣшался четвертый. «Къ чему придираться къ маленькимъ оплошностямъ вмѣсто того, чтобы радоваться хорошему, а хорошаго въ этой книжкѣ много! Все же онъ головой выше всѣхъ прочихъ!» — «То-то и есть! Коли онъ такой геній—къ нему и надо отнестись какъ можно строже! И безъ того его хвалятъ довольно! Нельзя же въ конецъ вскружить ему голову!?»—«Несомнѣнный талантъ!» строчилъ между тѣмъ редакторъ: «Обычныя

небрежности... Какъ на примѣръ неудачныхъ стиховъ, укажемъ на страницу двадцать шестую, гдѣ есть два зіянія... Совѣтуемъ ему изучать классиковъ... и т. д.»

«Я отвернулся», продолжалъ мѣсяцъ: «и заглянулъ въ окно тетушкинаго дома; въ гостинной сидѣла ручная птица—авторъ первой книжки; онъ принималъ похвалы и поклоненіе собравшихся гостей и былъ вполнѣ счастливъ. Отыскалъ я затѣмъ и вольную птицу, другого поэта. Онъ тоже находился среди большого общества, въ домѣ одного покровителя талантовъ. Разговоръ шелъ о книгѣ перваго поэта. «Я прочту и вашу!» обратился меценатъ къ присутствовавшему поэту. «Но признаюсь,—вы знаете, я всегда искрененъ—я не ожидаю найти въ ней что-нибудь особенное. Ваша муза черезчуръ вольна, фантастична! Но какъ человѣкъ, вы, я знаю, достойны всякаго уваженія!» Въ углу сидѣла молодая дѣвушка и читала въ какой-то книгѣ:

«Встрѣчаетъ судъ геній суровый,
И громкое пошлость «ура»!
Исторія эта стара,
Но вѣчно останется новой!»

Вечеръ XIV.

Вотъ что еще разсказывалъ мнѣ мѣсяцъ: «У дороги, ведущей въ лѣсъ, стоятъ два крестьянскихъ домика; низкія двери, окошки посажены вкривь и вкось; зато оба домика утопаютъ въ зелени терновыхъ и барбарисовыхъ кустовъ. Крыши поросли мхомъ, какими-то желтыми цвѣточками и дикимъ чеснокомъ. Въ маленькихъ садикахъ растутъ только капуста да картошка, но къ забору прислонилась кудрявая, цвѣтущая бузина. Подъ ней сидѣла вчера дѣвочка и глазъ не сводила со стараго дуба, что ростетъ между домиками. Отъ дуба остался собственно одинъ сухой стволъ, самая же крона спилена. На круглой верхушкѣ ствола гнѣздо; хозяинъ его, аистъ, стоялъ тамъ на одной ногѣ и щелкалъ клювомъ. Къ дѣвочкѣ подошелъ братишка ея и усѣлся рядомъ. «На кого это ты смотришь?» спросилъ онъ. «На аиста!» отвѣтила дѣвочка: «Сосѣдка сказала, что сегодня вечеромъ аистъ прилетитъ къ намъ съ новымъ братишкой или сестренкой, вотъ я и караулю ихъ!» «Аистъ никого не принесетъ!» возразилъ мальчикъ. «Сосѣдка и мнѣ тоже говорила, да смѣялась, я и сказалъ ей: а ну, побожись! Она не посмѣла, значитъ, это все сказки!» «Но откуда же тогда берутся дѣти?» спросила дѣвочка. «Ихъ приноситъ самъ Боженька!» пояснилъ мальчуганъ. «Они спрятаны у него подъ кафтаномъ! Только Бога никто видѣть не можетъ, значитъ, мы и не увидимъ, какъ Онъ принесетъ намъ крошку!» Въ эту минуту въ вѣтвяхъ бузины зашелестѣло; дѣти сложили ручонки и поглядѣли другъ на друга,—это вѣрно Боженька прилетѣлъ съ малюткой! И они взя-

лись за руки. Дверь домика отворилась, вышла сосѣдка и сказала дѣтямъ: «Ну, идите теперь! Знаете? Аистъ принесъ вамъ братишку!» Дѣти кивнули головками,—они уже знали».

Вечеръ XV.

«Я плылъ надъ Люнебургской степью!» началъ мѣсяцъ. «У дороги стояла одинокая хижинка; возлѣ росло нѣсколько обнаженныхъ кустовъ, а въ кустахъ пѣлъ свою лебединую пѣснь соловей: онъ отсталъ отъ своихъ, заблудился и теперь долженъ былъ замерзнуть холодной ночью! Занималась заря; по дорогѣ двигалась толпа крестьянъ-переселенцевъ. Они направлялись въ Бременъ или въ Гамбургъ, а оттуда собирались отплыть за океанъ, въ Америку,—не найдутъ ли они тамъ счастья, желаннаго счастья! Женщины несли маленькихъ дѣтей на спинахъ; ребятишки, постарше, бѣжали въ припрыжку рядомъ; жалкая кляча везла телѣжку съ домашнимъ скарбомъ. Дулъ холодный вѣтеръ, и маленькая дѣвочка плотнѣе прижималась къ матери, а мать, глядя на мой круглый ликъ, думала о горькой нуждѣ, что выгнала ихъ изъ подъ родной кровли, и о тяжелыхъ, непосильныхъ налогахъ. Тѣ же мысли бродили и въ головахъ остальныхъ переселенцевъ, но вотъ вспыхнула утренняя зорька и, прогнавъ ночной сумракъ, оживила и сердца бѣдняковъ надеждой на новое солнце счастья, которое займется для нихъ тамъ, за океаномъ. Услышали они и пѣснь умирающаго соловья, а соловей, вѣдь, тоже считается вѣстникомъ счастья. Вѣтеръ, правда, тянулъ свою пѣсню, но переселенцы не понимали ея. А онъ пѣлъ: «Переправляйтесь, переправляйтесь черезъ океанъ! Вы заплатили за этотъ переѣздъ послѣднимъ, что было у васъ! Нищими, безпомощными нищими достигнете вы земли обѣтованной! Придется вамъ продаться въ рабство самимъ, продать своихъ женъ и дѣтей! Недолго, впрочемъ, доведется вамъ страдать! Въ чашечкѣ благоухающаго тропическаго цвѣтка скрывается богиня смерти, ея привѣтственный поцѣлуй отравитъ вашу кровь лихорадочнымъ ядомъ. Проноситесь же, проноситесь черезъ бурныя воды океана!» Но переселенцы прислушивались только къ пѣснѣ соловья,—она пророчила имъ счастье! Легкія облака зарумянились отъ лучей зари. По степи шли въ церковь поселяне; женщины въ черныхъ платьяхъ и въ бѣлыхъ головныхъ покрывалахъ, казалось, сошли съ старыхъ портретовъ, что висятъ по стѣнамъ церкви. Мертвой, безжизненной смотрѣла окружающая природа: темный сухой верескъ и черныя выжженныя лужайки въ перемежку съ бѣлыми песками. Въ рукахъ у женщинъ были молитвенники; онѣ шли въ церковь. О, помолитесь же за тѣхъ, кто отправляется искать себѣ могилу за океаномъ!»

Вечеръ XVI.

«Я знаю одного пульчинеля!» сказалъ мнѣ мѣсяцъ. «Публика ликуетъ, едва завидитъ его на сценѣ. Каждое его движеніе дышетъ такимъ комизмомъ, что всѣ надрываются отъ смѣха, а, вѣдь, онъ и не думаетъ ломаться,—онъ природный комикъ. Роль пульчинеля навязана ему съ дѣтства самою природой; она снабдила его при рожденіи двумя горбами: спереди и сзади. Зато она одарила его и необыкновенно чувствительною, воспріимчивою душою! Сцена была его завѣтною мечтой. Будь онъ хорошо сложенъ, изъ него бы вышелъ первоклассный трагикъ: душу его волновали самые высокія чувства, самые благородные порывы. И съ такою-то душою онъ былъ обреченъ на всю жизнь оставаться шутомъ! Самая тоска, самая печаль, которыя онъ носилъ въ душѣ, только дѣлали его еще смѣшнѣе; эта рѣзко очерченная, вытянутая, печальная физіономія заставляла публику покатываться со смѣху и восторженно рукоплескать своему любимцу. Прелестная Коломбина обходилась съ нимъ очень ласково, но замужъ выйти предпочла за арлекина. Въ самомъ дѣлѣ, было бы ужъ черезчуръ комично, если бы «красота» сочеталась съ «безобразіемъ». Когда на пульчинеля находили минуты черной тоски, одна Коломбина могла заставить его улыбнуться и даже хохотать. У нея была своя манера: сначала она какъ-будто тоже настраивалась на грустный ладъ, затѣмъ успокоивалась и, наконецъ, начинала шалить напропалую. «Знаю, знаю, чего вамъ недостаетъ!» говорила она ему. «Вы жаждете взаимной любви!» Тутъ-то онъ и принимался хохотать. «Я и взаимная любовь! восклицалъ онъ. «То-то бы вышла картинка! Похлопала бы публика!» «Да, да, вы жаждете взаимности!» продолжала Коломбина и прибавляла съ комическимъ паѳосомъ: «И любите вы меня!» Отчего же и не пошутить, разъ знаешь, что о любви тутъ не можетъ быть и рѣчи? И пульчинель въ припадкѣ смѣха подпрыгивалъ кверху на цѣлый аршинъ; тоску его какъ будто рукой снимало. И все же Коломбина говорила правду. Онъ любилъ ее, боготворилъ не меньше, чѣмъ самое искусство. Въ день ея свадьбы онъ былъ веселѣе всѣхъ, ночью же неутѣшно плакалъ. Вотъ бы увидѣла публика это искаженное горемъ лицо! Какъ бы она зааплодировала! На дняхъ Коломбина умерла. Въ день похоронъ арлекинъ былъ уволенъ отъ участія въ спектаклѣ,—всетаки, вѣдь, вдовецъ! Потребовалось, однако, угостить публику чѣмъ-нибудь особенно забавнымъ, чтобы заставить ее позабыть объ отсутствіи прекрасной Коломбины и граціознаго арлекина, и вотъ пульчинелю приказано было стараться за двоихъ! Сердце его разрывалось отъ горя, а онъ прыгалъ и плясалъ по сценѣ, и публика кричала: браво! брависсимо! Пульчинеля вызывали безъ конца,—онъ былъ неподражаемъ!.. Вчера ночью, когда представленіе окончилось, уродецъ тайкомъ побрелъ за городъ на кладбище. Вѣнокъ на могилѣ

Коломбины уже завялъ. Пульчинель присѣлъ на могильный холмъ. Картина достойная кисти! Онъ сидѣлъ неподвижно, подперевъ щеку рукой и глядя мнѣ въ лицо,—оригинальный и комичный надгробный памятникъ! Какъ зааплодировала бы публика, увидѣвъ своего любимца въ такой позѣ! Долго бы не смолкали крики: браво, пульчинель, бисъ!»

Вечеръ XVII.

Послушайте, что еще разсказывалъ мнѣ мѣсяцъ. «Я видѣлъ только что произведеннаго изъ кадетъ офицера, когда онъ впервые надѣлъ на себя блестящій мундиръ, видѣлъ молодую дѣвушку въ ея первомъ бальномъ платьѣ, видѣлъ и счастливую невѣсту молодого князя во всемъ блескѣ ея вѣнчальнаго наряда, но никто изъ нихъ не сіялъ такимъ счастьемъ, какъ четырехлѣтняя дѣвочка, которую я видѣлъ сегодня вечеромъ. Ей подарили новое голубое платьице и новую розовую шляпку. Я засталъ ее какъ разъ въ полномъ парадѣ. Всѣ кричали: «давайте свѣчку!» Моихъ лучей, какъ видно, было мало, требовалось болѣе яркое освѣщеніе! Малютка держалась въ струнку, какъ кукла, далеко отставивъ отъ платья ручонки съ растопыренными пальчиками. Какимъ блаженствомъ сіяли ея глазки, все ея личико! «Завтра я выпущу тебя такъ на улицу!» сказала ей мать. Малютка подняла глаза на шляпку, потомъ перевела ихъ внизъ на платьице, блаженно улыбнулась и проговорила: «Мама! А что скажутъ собачки, когда увидятъ меня такой нарядной?!»

Вечеръ XVIII.

«Я уже разсказывалъ тебѣ», началъ мѣсяцъ: «о Помпеѣ, этомъ городѣ-трупѣ въ ряду другихъ городовъ. Знаю я и еще одинъ, но уже не трупъ, а призракъ города. Въ журчаньи фонтановъ, мечущихъ свои струи въ мраморные водоемы, мнѣ всегда слышится сказка о плавучемъ городѣ. О немъ и должны разсказывать водяныя струи, пѣть морскія волны! Надъ моремъ часто клубится туманъ; это вдовья вуаль: женихъ моря умеръ, дворецъ и городъ его стали мавзолеемъ. Знаешь ты этотъ городъ? Никогда не слышно на его улицахъ грохота экипажей или топота лошадиныхъ копытъ; по этимъ улицамъ плаваютъ рыбы и, какъ привидѣнія, скользятъ черныя гондолы. Сейчасъ я перенесу тебя на главную площадь города, и ты подумаешь, что очутился въ сказочномъ царствѣ. Между широкими плитами мостовой пробивается трава; вокругъ одиноко стоящей башни вьются на зарѣ тысячи ручныхъ голубей. Съ трехъ сторонъ площадь окружена аркадами. Подъ аркадами спокойно сидитъ турокъ, посасывая свою длинную трубку; у колонны стоитъ красивый юноша-грекъ и смотритъ на высокія мачты, памятники былого могущества. Флаги на мачтахъ повисли, какъ траурныя вуали. Къ одной изъ мачтъ прислонилась отдохнуть молодая дѣвушка; тя-

желыя ведра съ водой она поставила возлѣ себя на землю; коромысло осталось на плечахъ. А вотъ это прямо передъ тобою не зáмокъ фей, а церковь! Ярко сіяютъ вызолоченные куполы и золотые шары, облитые моими лучами. Прекрасные бронзовые кони, что красуются наверху, странствовали, какъ настоящіе сказочные кони: они побывали далеко-далеко и опять вернулись назадъ. Взгляни на эту роскошь пестрыхъ узоровъ, выведенныхъ на стѣнахъ и стеклахъ оконъ! Геній художника, украшая этотъ храмъ, какъ будто руководился прихотью ребенка! Видишь на колоннѣ крылатаго льва? Онъ все еще блещетъ золотомъ, но крылья его связаны, левъ умеръ, самъ король моря умеръ, дворцовыя залы опустѣли, роскошныя картины уже не прикрываютъ наготы стѣнъ. Подъ этой аркой прежде могли проходить только патриціи, теперь подъ ней спитъ лаццарони! Изъ глубокихъ колодцевъ или изъ свинцовыхъ камеръ, что близъ Моста Вздоховъ, словно и теперь еще слышатся вздохи, какъ въ тѣ времена, когда съ разубранныхъ гондолъ раздавалась музыка, а съ роскошнаго Буцентавра летѣло въ Адрію, царицу морей, обручальное кольцо! Адрія, окутайся туманомъ! Прикрой свою грудь вдовьей вуалью! Пусть она развѣвается и надъ мавзолеемъ твоего жениха—надъ мраморной, призрачной Венеціей!»

Вечеръ XIX.

«Я заглянулъ въ театръ!» разсказывалъ мѣсяцъ. «Огромная зала была набита биткомъ: дебютировалъ новый артистъ. Лучъ мой скользнулъ въ маленькое окошечко въ стѣнѣ; къ стеклу прижалось размалеванное человѣческое лицо. Это былъ самъ герой вечера. На подбородкѣ курчавилась рыцарская бородка, а глаза были полны слезъ: артиста освистали и не напрасно. Бѣдняга былъ жалокъ! Но жалкимъ не мѣсто въ храмѣ искусства! Душу его волновали высокія чувства, онъ пламенно любилъ искусство, но безъ взаимности! Раздался звонокъ режиссера, и герой смѣло и торжественно—какъ значилось въ ремаркахъ—выступилъ на сцену, снова предсталъ передъ публикой, смотрѣвшей на него, какъ на шута. По окончаніи спектакля я увидѣлъ какую-то закутанную въ плащъ фигуру, торопливо сбѣгавшую по лѣстницѣ. Это былъ онъ, развѣнчанный герой вечера! Плотники перешептывались, пропуская его мимо себя. Лучъ мой проводилъ бѣднягу до самого его жилища. Повѣситься? Некрасивая смерть! А ядъ не всегда подъ рукою! Я знаю, что ему на умъ приходило и то, и другое. Я видѣлъ, какъ онъ подошелъ къ зеркалу и полузакрылъ глаза, чтобы посмотрѣть, красивъ-ли онъ будетъ въ гробу. Да, человѣкъ можетъ быть глубоко несчастенъ и всетаки... ломаться! Освистанный артистъ подумывалъ о смерти, о самоубійствѣ и, пожалуй, оплакивалъ теперь самого себя! Плакалъ онъ горько, но если человѣкъ плачетъ, то какое ужъ тутъ самоубійство! Прошелъ цѣлый годъ. Шло представленіе въ какомъ-то театрикѣ,

играла бѣдная, заѣзжая труппа, и я опять увидѣлъ знакомое размалеванное лицо и курчавую бородку. Лицедѣй опять смотрѣлъ на меня изъ окна, но смотрѣлъ, улыбаясь, а, вѣдь, его опять освистали! Да, всего какую-нибудь минуту тому назадъ его освистала жалкая публика жалкаго театра!.. Сегодня вечеромъ изъ городскихъ воротъ выѣхали бѣдные погребальные дроги. Ни одна душа не провожала покойника-самоубійцу, нашего размалеваннаго, освистаннаго героя. Единственнымъ провожатымъ былъ кучеръ. Никто не слѣдовалъ за гробомъ, никто, кромѣ меня. Самоубійцу зарыли гдѣ-то въ углу кладбища. Скоро могила его зарастетъ крапивой; сторожъ станетъ сваливать туда соръ и негодную траву съ другихъ могилъ».

Вечеръ XX.

«Я изъ Рима!» началъ мѣсяцъ. «Тамъ въ центрѣ города, на одномъ изъ семи его холмовъ лежитъ въ развалинахъ дворецъ Цезарей. Изъ трещинъ стѣнъ выглядываютъ дикія фиговыя деревья, прикрывая наготу ихъ своими широкими сѣро-зелеными листьями. Между кучами мусора пробирается оселъ и любовно косится на кусты колючаго репейника. Отсюда нѣкогда вылетали побѣдоносные римскіе орлы, а теперь здѣсь ютится между двумя разбитыми мраморными колоннами бѣдная глиняная мазанка. Покосившееся окошко обвито дикимъ виноградомъ, словно траурной гирляндой. Въ мазанкѣ живетъ старуха съ внучкой. Онѣ теперь единственныя обитательницы дворца Цезарей и показываютъ иностранцамъ печальные остатки сокровищъ искусства. Отъ роскошной тронной залы осталась одна голая стѣна; темный кипарисъ указываетъ своей длинной тѣнью на то мѣсто, гдѣ нѣкогда стоялъ тронъ. Истрескавшійся полъ покрытъ слоемъ земли, толщиною въ аршинъ. На порогѣ часто сидитъ на своей скамеечкѣ, прислушиваясь къ звону вечернихъ колоколовъ, маленькая дѣвочка, нынѣшняя обитательница дворца Цезарей. Замочную скважинку въ одной изъ дверей дворца она зоветъ своимъ балкономъ: въ нее она видитъ полъ-Рима вплоть до мощнаго купола собора св. Петра. Сегодня вечеромъ подлѣ развалинъ царила по обыкновенію полная тишина; дѣвочка возвращалась домой; лучи мои освѣщали ей путь. На головѣ она несла полный воды античный глиняный кувшинъ. Дѣвочка была боса, въ коротенькой, разорванной на плечахъ рубашкѣ, и я цѣловалъ нѣжныя кругленькія плечики малютки, ея черные глазки и блестящіе кудри. Она поднялась по крутой лѣсенкѣ, сложенной изъ мраморныхъ обломковъ и разбитыхъ капителей колоннъ. Возлѣ самыхъ ногъ ея пугливо шныряли пестрыя ящерицы, но дѣвочка не пугалась. Вотъ она уже потянулась рукою къ звонку,—а ручкой звонка во дворцѣ Цезарей служила нынѣ висѣвшая на веревкѣ заячья лапка,—да вдругъ задумалась. О чемъ? Можетъ быть, о прекрасномъ, разодѣтомъ въ золото и серебро Младенцѣ Іисусѣ, Котораго она видѣла въ ча-

совнѣ, гдѣ теплятся серебряныя лампады, и гдѣ подружки ея поютъ знакомыя и ей молитвы? Не знаю; только вдругъ она оступилась, кувшинъ слетѣлъ съ ея головы и разбился въ дребезги о твердыя мраморныя ступени. Дѣвочка залилась слезами. Обитательница дворца Цезарей плакала о разбитомъ глиняномъ кувшинѣ! Босая стояла она на холодныхъ ступеняхъ и плакала, плакала, не смѣя дернуть за веревку, за заячью лапку, служившую ручкой звонка во дворцѣ Цезарей!»

Вечеръ XXI.

Цѣлыя двѣ недѣли не заглядывалъ ко мнѣ мѣсяцъ, но вотъ, наконецъ, я вновь увидѣлъ его круглый свѣтлый ликъ надъ медленно плывущими облаками. Послушайте же, что онъ разсказалъ мнѣ.

«Изъ одного Феццанскаго города вышелъ караванъ; я долго слѣдилъ за нимъ. Онъ остановился на ночь среди блестящей, словно покрытый льдомъ, солончаковатой площадки; лишь небольшая часть ея была покрыта наносным пескомъ. У старшины каравана былъ привязанъ къ поясу мѣхъ съ водой; изголовьемъ ему служилъ мѣшокъ съ прѣсными лепешками. По-утру онъ начертилъ на пескѣ своимъ посохомъ четыреугольникъ, вписалъ въ него нѣсколько словъ изъ Корана, и весь караванъ прошелъ черезъ это освященное мѣсто. На бѣломъ горячемъ конѣ задумчиво ѣхалъ молодой купецъ, сынъ знойной пустыни; объ этомъ говорили и глаза его и прекрасныя формы тѣла, точно вылитаго изъ бронзы. О чемъ онъ задумался? Не о молодой-ли красавицѣ-женѣ? Всего два дня тому назадъ разубранный дорогими мѣхами и шалями верблюдъ обнесъ его прекрасную невѣсту вокругъ городскихъ стѣнъ. Гремѣла музыка, раздавалось пѣніе женщинъ и привѣтственная пальба. Громче, чаще всѣхъ палилъ самъ счастливый женихъ. А теперь... теперь онъ ѣхалъ съ караваномъ по пустынѣ. Много ночей слѣдилъ я за ними, видѣлъ, какъ они располагались на отдыхъ у колодцевъ, въ жалкой тѣни чахлыхъ пальмъ, видѣлъ, какъ вонзали ножи въ грудь верблюда и жарили его мясо на угольяхъ костра. Лучи мои охлаждали раскаленный солнцемъ песокъ и показывали путникамъ черные обломки скалъ, мертвые острова въ безграничномъ морѣ песковъ. Странствіе было изъ счастливыхъ: не пришлось каравану пострадать ни отъ нападенія вражьихъ племенъ, ни отъ бича пустыни—смерча. Дома молилась за мужа и отца красавица-новобрачная. «Живы-ли они?» спрашивала она мой двурогій серпъ. «Живы-ли они?» спрашивала она мой сіяющій круглый дискъ. Теперь они уже миновали пустыню и сегодня вечеромъ расположились на ночлегъ подъ высокими пальмами; надъ ними кружатся длиннокрылые журавли, изъ-за вѣтвей мимозъ глядятъ пеликаны. Слонъ мнетъ неуклюжими ногами пышную траву и кусты; подходитъ караванъ негровъ; они возвращаются съ ярмарки изъ глубины страны. На черныхъ волосахъ жен-

щинъ, одѣтыхъ въ синія бумажныя юбки, сіяютъ мѣдныя бляхи. Женщины гонятъ нагруженныхъ быковъ; на спинахъ ихъ спятъ нагіе черные ребятишки. Одинъ изъ негровъ ведетъ на веревкѣ купленнаго имъ на ярмаркѣ львенка. Вотъ они подходятъ къ каравану. Молодой купецъ сидитъ неподвижно, весь погруженный въ мечты о своей молодой женѣ. Въ странѣ черныхъ онъ мечтаетъ объ оставленномъ имъ по ту сторону пустыни бѣлоснѣжномъ душистомъ цвѣткѣ! Вотъ онъ поднялъ голову..!»

Тутъ мѣсяцъ заволокло облакомъ, потомъ другимъ, третьимъ... Такъ я ничего больше и не услышалъ отъ него въ этотъ вечеръ.

Вечеръ XXII.

«Я видѣлъ одну маленькую дѣвочку!» началъ мѣсяцъ. «Злые люди заставили ее плакать горькими слезами. Ей только что подарили чудную куклу; ахъ, какую куклу! Но эта нѣжная, изящная кукла вовсе не была создана для горя, а между тѣмъ братья дѣвочки, эти долговязые мальчишки, схватили ее, посадили высоко-высоко на дерево и убѣжали! Сама дѣвочка не могла ни достать съ дерева куклу, ни помочь ей сойти оттуда,—какъ тутъ не плакать! Кукла, должно быть, тоже плакала! Она съ такимъ жалкимъ видомъ простирала къ дѣвочкѣ руки! Да, вотъ какія приходится иногда испытывать превратности судьбы, — какъ часто говоритъ мама. Бѣдная, бѣдная кукла! Уже темнѣло, приближалась ночь. Неужели же оставить ее тутъ одну на всю ночь? Нѣтъ, нѣтъ! Сердечко малютки сжималось при одной мысли объ этомъ. «Я останусь съ тобой!» сказала она куклѣ, а была, вѣдь, вовсе не изъ храбрыхъ! Она уже явственно различала между кустами маленькихъ домовыхъ въ высокихъ остроконечныхъ шапочкахъ... А тамъ въ темной аллеѣ плясали длинные призраки!.. Вотъ они уже подъ деревомъ, поднимаютъ руки и указываютъ пальцами на куклу! Ахъ, какъ страшно!.. «Но, вѣдь, нечистой силы нечего бояться, если у тебя совѣсть чиста!» разсудила дѣвочка. «А у меня чиста? Я ничего дурного не сдѣлала?.. Ахъ, да!» вдругъ вскрикнула она: «Я смѣялась надъ бѣдной уткой съ красной тряпочкой на ножкѣ! Она такъ забавно хромаетъ! А грѣшно, вѣдь, смѣяться надъ животными!» И она подняла личико къ куклѣ. «А ты тоже смѣялась надъ животными?» спросила она, и кукла какъ будто недовольно качнула головой.»

Вечеръ XXIII.

«Я глядѣлъ на Тирольскія горы!» разсказывалъ мѣсяцъ. «Отъ темныхъ сосенъ ложились на скалы рѣзкія мрачныя тѣни. Я освѣщалъ нарисованныя на стѣнахъ домовъ гигантскія изображенія Святаго Христофора съ Младенцемъ Іисусомъ на плечахъ и Святаго Флоріана, льющаго воду на пылающій домъ, освѣщалъ и воздвигнутый у дороги большой

крестъ, съ распятымъ на немъ, истекающимъ кровью Спасителемъ. Для молодого поколѣнія всѣ эти изображенія—памятники глубокой старины; я же видѣлъ, какъ они возникали одно за другимъ. Высоко-высоко, надъ самымъ обрывомъ лѣпится, словно гнѣздо ласточки, женскій монастырь. На колокольнѣ стояли и звонили въ колокола двѣ молоденькія послушницы. Взоры обѣихъ невольно устремлялись вдаль... за горы! Внизу показалась почтовая карета; почтальонъ затрубилъ въ рогъ, и бѣдныя послушницы долго провожали экипажъ взглядомъ. Невеселыя, видно, думы бродили у нихъ въ головѣ; у младшей на глазахъ навернулись слезы. Все слабѣе и слабѣе звучалъ почтовый рожокъ, пока наконецъ совсѣмъ не замеръ, заглушенный звономъ колоколовъ».

Вечеръ XXIV.

Слушайте, что еще разсказалъ мнѣ мѣсяцъ. «Тому минуло уже много лѣтъ; было это въ Копенгагенѣ. Я заглянулъ въ окно бѣдной коморки; отецъ и мать спали; не спалъ только ихъ маленькій сынокъ. Вотъ пестрый пологъ его кроватки зашевелился, и онъ выглянулъ оттуда. Я подумалъ сначала, что онъ хотѣлъ посмотрѣть на старые часы: они были такъ пестро раскрашены, на верху сидѣла кукушка, на цѣпяхъ висѣли тяжелыя свинцовыя гири, а блестящій мѣдный маятникъ качался и тикалъ: «тикъ-такъ!» Но нѣтъ! Мальчикъ смотрѣлъ не на нихъ, а на стоявшую подъ ними прялку матери. Прялка занимала всѣ его мысли, но онъ не смѣлъ и притронуться къ ней, — сейчасъ по рукамъ попадетъ! Цѣлыми часами просиживалъ мальчикъ возлѣ матери, не сводя глазъ съ жужжащаго веретена и неугомоннаго колеса, и думая при этомъ свою думу. Вотъ бы попрясть хоть разокъ самому! Теперь мать и отецъ спали. Мальчикъ поглядѣлъ на нихъ, поглядѣлъ на прялку, подождалъ съ минуту, потомъ съ кроватки сползла сначала одна голая ножка, за ней другая, и—гопъ! обѣ очутились на полу! Мальчикъ еще разъ оглянулся на папу и маму,—спятъ-ли? Да! И вотъ онъ, одѣтый въ одну куцую рубашонку, тихонько-тихонько прокрался въ уголъ, гдѣ стояла прялка, и давай прясть. Нитка слетѣла, и колесо завертѣлось еще быстрѣе. Я цѣловалъ золотистые волоски и голубые глазки ребенка. Прелестная была картинка! Вдругъ мать проснулась, выглянула изъ-за занавѣски, и ей почудилось, что передъ нею шалунишка-домовой или другое лукавое привидѣньице. «Господи Іисусе!» прошептала она и толкнула подъ бокъ спящаго мужа. Онъ проснулся, протеръ глаза и тоже взглянулъ на мальчугана. «Да, вѣдь, это Бертель!» сказалъ онъ.

Изъ бѣдной коморки взоръ мой перенесся въ покои Ватикана, гдѣ красуются мраморные боги. Разстоянія для меня, вѣдь, не существуетъ. Вотъ группа Лаокоона; мраморъ, кажется, скорбно вздыхаетъ. Вотъ музы;

онѣ какъ будто дышатъ; лучи мои облобызали ихъ мимоходомъ и остановились на колоссальномъ изображеніи бога рѣки Нила. Облокотясь на сфинкса, онъ лежитъ, погруженный въ думы — въ думы о минувшихъ вѣкахъ; вокругъ него рѣзвятся и заигрываютъ съ крокодилами амурчики; изъ рога изобилія тоже выглядываетъ на величественнаго серьезнаго бога крошечный амурчикъ, живое изображеніе мальчугана, возившагося съ прялкой. Тѣ же самыя черты! Какъ живой, стоитъ здѣсь этотъ мраморный ребенокъ, а между тѣмъ колесо времени обернулось вокругъ своей оси тысячи и тысячи разъ съ той минуты, какъ онъ возсталъ изъ мраморной глыбы. И это огромное колесо должно было обернуться еще столько же разъ, сколько обернулось колесо прялки, прежде чѣмъ вѣкъ создалъ другихъ боговъ, подобныхъ Ватиканскимъ.

«Вотъ и минули эти годы!» продолжалъ мѣсяцъ. «Я плылъ надъ заливомъ у восточнаго берега Зеландіи. Тамъ тянутся чудные лѣса, высокіе холмы, и лежитъ старая усадьба, обнесенная красными кирпичными стѣнами; въ рвахъ, наполненныхъ водою, плаваютъ лебеди. Неподалеку, въ тѣни яблонь, ютится торговый городокъ съ высокой колокольней. По зеркальной глади залива плыветъ цѣлая флотилія лодокъ; на всѣхъ мелькаютъ огоньки, но ихъ зажгли не для ловли угрей, а ради праздника! Съ лодокъ раздается музыка, вотъ грянула и пѣсня. Въ одной изъ лодокъ стоитъ самъ виновникъ торжества — рослый, крѣпкій голубоглазый и сѣдовласый старикъ въ широкомъ плащѣ. Я сразу узналъ его и вспомнилъ и мраморныхъ боговъ Ватикана и бѣдную коморку,—если не ошибаюсь въ Зеленой улицѣ — гдѣ сидѣлъ за прялкой въ своей куцой рубашонкѣ маленькій Бертель. Колесо времени обернулось положенное число разъ, и изъ мрамора возстали новые боги. Съ лодокъ гремѣло «ура», ура въ честь *Бертеля Торвальдсена*!»

Вечеръ XXV.

«Я поведу тебя сейчасъ во Франкфуртъ!» сказалъ мѣсяцъ. «Тамъ есть одинъ домъ, на которомъ подолгу покоятся мои лучи. Это не тотъ домъ, гдѣ родился Гёте, и не старинная ратуша съ рѣшетчатыми окнами, въ которыя еще глядятъ рогатыя головы быковъ, зажаренныхъ для народа въ день коронаціи императора. Нѣтъ, домъ, о которомъ я говорю, простой домъ, выкрашенный въ зеленую краску. Стоитъ онъ на углу узкой Еврейской улицы; это домъ Ротшильдовъ. Я глядѣлъ разъ въ открытую входную дверь; лѣстница была ярко освѣщена; по ступенямъ стояли слуги; они держали въ рукахъ массивные серебряные канделябры съ зажженными свѣчами и провожали низкими поклонами старуху, которую несли внизъ по лѣстницѣ въ креслѣ. Хозяинъ дома стоялъ у входа съ непокрытой головой и почтительно поцѣловалъ на прощанье руку старухи. Это была его мать.

Она привѣтливо кивнула головой сыну и слугамъ, и ее понесли по узкой, темной улицѣ домой. Она жила тамъ въ крошечномъ домикѣ; въ немъ родились всѣ ея дѣти, въ немъ занялась для нихъ заря счастья; покинь она эту невзрачную улицу, этотъ скромный домикъ—тогда, быть можетъ, и счастье покинетъ ея дѣтей! Она вѣрила въ это!»

Больше мѣсяцъ не сказалъ на этотъ разъ ничего; слишкомъ не надолго заглянулъ онъ ко мнѣ, но я-то долго потомъ думалъ о старухѣ, обитавшей въ темной, жалкой улицѣ. Скажи эта женщина слово, и къ ея услугамъ роскошный домъ на берегахъ Темзы; одно ея слово, и ее ждетъ вилла на берегу Неаполитанскаго залива; но она говоритъ: «Покинь я этотъ скромный домъ, гдѣ занялась для моихъ дѣтей заря счастья—тогда, быть можетъ, и счастье покинетъ ихъ!» Это суевѣріе, но особаго рода; чтобы понять его, тому, кто слышалъ сейчасъ эту исторію и видѣлъ эту картину, довольно вспомнить одно слово «*Мать*».

Вечеръ XXVI.

«Это было вчера поутру, на зарѣ!» говорилъ мѣсяцъ. «Въ большомъ городѣ не дымила еще ни одна труба, а я на трубы-то какъ разъ и глядѣлъ. Изъ одной изъ нихъ высунулась сначала чья-то голова, а потомъ и туловище по поясъ; руки держались за края трубы. «Ура!» Это былъ мальчишка-трубочистъ; онъ въ первый разъ въ жизни пролѣзъ черезъ всю трубу и теперь глядѣлъ изъ нея на Божій свѣтъ. «Ура!» Да, это, небось, не то, что карабкаться по узкимъ колѣнамъ каминныхъ трубъ! Вѣтерокъ такъ пріятно освѣжалъ лицо трубочистика, а ужъ что за видъ открывался ему оттуда! Весь городъ былъ какъ на ладони, а вдали виднѣлся и зеленый лѣсъ. Вдобавокъ въ ту же минуту взошло солнце. Его круглый, румяный ликъ глянулъ въ лицо трубочистика; оно такъ все и свѣтилось отъ радости, даромъ что порядкомъ было замазано сажей. «Теперь весь городъ можетъ любоваться мною! И мѣсяцъ, и солнце! «сказалъ онъ и замахалъ метлой.»

Вечеръ XXVII.

«Вчера ночью», разсказывалъ мѣсяцъ: «я плылъ надъ однимъ китайскимъ городомъ. Лучи мои освѣщали длинныя голыя стѣны, тянувшіяся вдоль улицъ. Тамъ и сямъ въ нихъ виднѣлись двери, но всѣ онѣ были на запорѣ,—что за дѣло китайцу до внѣшняго міра! Плотныя жалюзи прикрывали окна домовъ, выходившія на внутренніе дворы. Только въ окнахъ храма мерцали огоньки. Я заглянулъ туда. Какая пестрота! Отъ самаго пола до потолка подымались ярко раскрашенныя и вызолоченныя картины, на которыхъ были изображены земныя дѣянія боговъ. Въ каждой нишѣ стояли кумиры, полускрытые пестрыми занавѣсками и распущенными знаменами. Всѣ кумиры были оловянные; передъ каждымъ воз-

вышался маленькій жертвенникъ, на которомъ стояли чаша съ святой водой, цвѣты въ вазахъ и горѣли восковыя свѣчки. Въ глубинѣ храма помѣщалось изображеніе Фу, высшаго божества, въ балахонѣ изъ шелковой матеріи священнаго желтаго цвѣта. У подножія жертвенника сидѣло живое существо, молодой бонза. Онъ, вѣроятно, молился, да вдругъ задумался о чемъ-то. Должно быть, дѣло было нечисто,—щеки его горѣли яркимъ румянцемъ, а голова все больше и больше клонилась на грудь! Бѣдный Суи-Хунгъ! О чемъ онъ задумался? Унесся ли онъ мечтою въ маленькій садикъ, какіе красуются здѣсь передъ каждымъ домомъ, жалѣлъ-ли о своемъ прежнемъ ремеслѣ, желалъ-ли опять работать на волѣ вмѣсто того, чтобы вѣчно сидѣть тутъ въ храмѣ, наблюдая за горящими восковыми свѣчками?.. Или онъ мысленно пировалъ за роскошно-убраннымъ столомъ, вкушая тонкія блюда и обтирая губы серебристой бумагой? Можетъ быть, мысли его были до того грѣховны, что, выскажи онъ ихъ, небо покарало бы его смертью? Можетъ быть, онъ дерзнулъ унестись мысленно на кораблѣ варваровъ въ ихъ отчизну, далекую Англію? Нѣтъ, такъ далеко онъ не залеталъ, и все же мысли его были такъ грѣховны, что грѣховнѣе ихъ и не могла бы подсказать человѣку горячая молодая кровь! И гдѣ же онъ предавался имъ? Въ храмѣ, передъ лицомъ Фу и другихъ боговъ! Я знаю, гдѣ витали его мысли. На краю города, на плоской крышѣ, обнесенной блестящими, словно фарфоровыми, перилами, между вазами, съ чудесными душистыми бѣлыми колокольчиками, сидитъ красавица Пэ. Узенькіе, плутовскіе глазенки, полныя, сочныя губки, и крохотная ножка! Башмачокъ жметъ ножку, но куда больнѣе сжимаетъ тоска сердечко! Тоскливо заламываетъ она нѣжныя, словно выточенныя, ручки, и атласные рукава громко шуршатъ. Передъ нею стеклянная ваза съ водою; въ водѣ плаваютъ четыре золотыя рыбки. Пэ медленно и задумчиво помѣшиваетъ воду пестрой лакированной палочкой. Можетъ быть, она задумалась о рыбкахъ: какъ ярко блеститъ ихъ чешуя, какъ спокойно имъ живется въ стеклянной вазѣ, какъ сытно ихъ кормятъ... и все же куда счастливѣе жилось бы имъ на свободѣ! Да, именно объ этомъ и думала красавица Пэ. Затѣмъ мысль ея унеслась изъ родного дома въ храмъ, но привлекли ее туда не боги. Бѣдняжка Пэ! Бѣдняга Суи-Хунгъ! Земныя мысли ваши встрѣтились, но, словно мечъ херувима, блеснулъ и раздѣлилъ ихъ мой холодный лучъ!»

Вечеръ XXVIII.

«Море какъ будто заснуло!» разсказывалъ мѣсяцъ. «Волны его спорили прозрачностью съ волнами чистаго эфира, въ которомъ я плылъ. Взоръ мой проникалъ въ водяную глубь и ясно различалъ тамъ причудливыя растенія; ихъ саженные стебли тянулись ко мнѣ, точно какія-то гигантскіе древесные стволы; надъ вершинами ихъ проплывали рыбы. Вы-

соко въ поднебесьи неслась стая дикихъ лебедей; одинъ изъ нихъ вдругъ сталъ опускаться: усталыя крылья отказывались нести его дальше. Взоръ его печально слѣдилъ за удалявшеюся воздушною вереницею, а самъ онъ, широко распластавъ неподвижныя крылья, плавно опускался внизъ, какъ опускается въ недвижномъ воздухѣ мыльный пузырь. Вотъ лебедь коснулся морской поверхности. Спрятавъ голову подъ крыло, долго покоился онъ на лонѣ водъ, точно бѣлый лотосъ. Вотъ потянулъ вѣтерокъ и зарябилъ морскую поверхность, сіявшую тою же прозрачной лазурью, какъ и синее небо; казалось, это катило свои волны не море, а самый небесный эфиръ. Лебедь поднялъ голову и встрепенулся; голубыми искрами заблестѣли стекавшія съ его груди и спины капли воды. Утренняя заря зарумянила облака, и лебедь, освѣженный и подкрѣпленный, плавно поплылъ на встрѣчу восходящему солнцу, туда, гдѣ виднѣлся вдали синѣющій берегъ. Туда направилась вся воздушная вереница, туда же направилъ свой полетъ и одинокій лебедь. Съ тоской въ груди одинъ-одинешенекъ медленно летѣлъ онъ надъ голубою водяной равниной!..»

Вечеръ XXIX.

«А вотъ тебѣ еще картинка!» началъ мѣсяцъ. «Близъ унылаго берега Рокса стоитъ окруженный темными соснами древній монастырь «Врета». Лучъ мой скользнулъ между прутьями оконной рѣшетки и освѣтилъ высокіе своды, подъ которыми покоятся въ каменныхъ гробницахъ короли. Надъ ними прикрѣплена къ стѣнѣ эмблема земного величія — королевская корона. Она, впрочемъ, деревянная и только покрыта позолотою; поддерживаетъ ее деревянный колышекъ, вбитый въ стѣну. Вызолоченное дерево уже источено червями, отъ короны къ гробницамъ протянута паукомъ воздушная сѣть; это траурный флеръ, такой же недолговѣчный, какъ и печаль по умершимъ!.. Какъ тихо спятъ они! А я еще помню ихъ всѣхъ такъ ясно! Такъ живо вижу горделивую улыбку на ихъ устахъ, властно вѣщавшихъ народу и горе и радость! Пока пароходъ переползаетъ, какъ улитка, черезъ горы, въ монастырь заходитъ иногда путникъ и спрашиваетъ имена погребенныхъ подъ этими сводами королей, но они звучатъ для него чѣмъ-то давно позабытымъ, мертвымъ. Онъ смотритъ на источенную червями корону и невольно улыбается; если, однако, онъ человѣкъ благочестивый, въ улыбкѣ его сквозитъ грусть. Спите же, мертвецы! Мѣсяцъ помнитъ васъ, мѣсяцъ шлетъ ночью свои холодные лучи въ ваше тихое царство, гдѣ васъ вѣнчаетъ деревянная корона!..»

Вечеръ XXX.

«У проѣзжей дороги», разсказывалъ мѣсяцъ, «стоитъ постоялый дворъ, а напротивъ его большой сарай. Его какъ разъ собирались перекрывать,

и крыша была разобрана. Я глядѣлъ между стропилами и въ открытую отдушину, и мнѣ отлично видно было все это неприглядное помѣщеніе. На одной изъ балокъ примостился спящій индѣйскій пѣтухъ; въ пустыхъ ясляхъ мирно покоились сѣдла. Посреди сарая стояла дорожная колымага; въ ней крѣпко спали господа, пользуясь временемъ, пока лошадей поятъ и кормятъ, а кучеръ потягивается и позѣвываетъ, хоть и спалъ преисправно добрую половину пути. Дверь въ людскую отворена настежь; видна смятая и развороченная постель; на полу стоитъ подсвѣчникъ, а въ немъ догораетъ сальный огарокъ. Холодный вѣтеръ такъ и гуляетъ по сараю; время далеко за полночь; близится утро. Въ одномъ изъ стойлъ спитъ въ повалку семья странствующихъ музыкантовъ; матери и отцу снится жгучая, прозрачная, какъ слеза, жидкость въ бутылкѣ, а блѣдной дочкѣ—слеза въ чьемъ-то взорѣ. Въ головахъ у нихъ лежитъ арфа, въ ногахъ—собака».

Вечеръ XXXI.

«Заглянулъ я разъ въ маленькій городокъ!» разсказывалъ мѣсяцъ. «Было-то это еще въ прошломъ году, да все равно,—я такъ ясно помню все.» (Вчера вечеромъ я прочелъ объ этомъ въ газетахъ, но тамъ это выходило вовсе не такъ ясно.) «Вожакъ медвѣдя ужиналъ въ харчевнѣ, а Мишка стоялъ во дворѣ привязаннымъ къ полѣнницѣ дровъ. Бѣдный Мишка! Никогда и никому не сдѣлалъ онъ ни малѣйшаго зла, даромъ что смотрѣлъ такъ свирѣпо. Въ томъ же домѣ, на самомъ верху въ чердачной коморкѣ, играли при яркомъ свѣтѣ моихъ лучей трое ребятишекъ. Старшему было лѣтъ шесть, младшему не больше двухъ. «Топъ! топъ!» послышалось на лѣстницѣ. Кто бы это? Дверь распахнулась, и явился Мишка, огромный, лохматый Мишка! Онъ соскучился стоять во дворѣ одинъ и отыскалъ дорогу наверхъ. Дѣтишки струсили такого большущаго лохматаго звѣря и попрятались по угламъ; онъ, однако, скоро отыскалъ ихъ всѣхъ, обнюхалъ, но не обидѣлъ ничѣмъ! «Это, вѣрно, большая собака!» рѣшили дѣти и принялись гладить его. Онъ развалился на полу, а младшій мальчуганъ вскарабкался на него и принялся играть въ прятки, зарывая свою золотистую кудрявую головку въ густыя черныя лохмы медвѣжьей шубы. Затѣмъ, старшій мальчикъ ударилъ въ барабанъ, медвѣдь поднялся на дыбы и давай плясать! То-то веселье пошло! Всѣ мальчики взяли въ руки по деревянному ружью, Мишкѣ дали такое же, и онъ держалъ его въ лапахъ крѣпко-прекрѣпко. Товарищъ хоть куда! И вотъ всѣ зашагали по комнатѣ: «разъ-два, разъ-два!» Дверь опять отворилась, и вошла мать ребятишекъ. Поглядѣлъ бы ты на нее! Она просто окаменѣла отъ ужаса. Лицо ея помертвѣло, языкъ прилипъ къ гортани... Младшій же мальчуганъ

весело кивнулъ ей головкой и залепеталъ своимъ дѣтскимъ язычкомъ: «А мы въ солдатики играемъ!» Тутъ вошелъ и вожакъ медвѣдя!..»

Вечеръ XXXII.

Дулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ; на мѣсяцъ ежеминутно набѣгали облака, и я видѣлъ его только урывками.

«Я гляжу сквозь безграничное воздушное пространство на бѣгущія подо мною облака!» разсказывалъ онъ. «Гляжу и на пробѣгающія отъ нихъ по землѣ длинныя тѣни!.. Вчера я заглянулъ въ темницу. У воротъ ея стояла закрытая карета; пріѣхали за однимъ изъ узниковъ. Лучъ мой проскользнулъ между прутьями оконной рѣшетки и озарилъ стѣну камеры. Узникъ что-то чертилъ на ней на прощанье. Чертилъ онъ не слова, а ноты, мелодію, выражавшую его душевное настроеніе въ эту послѣднюю ночь. Дверь отворилась, и его вывели на воздухъ. Онъ было поднялъ глаза на мой круглый ликъ, но меня сейчасъ же закрыли облака, точно намъ нельзя было видѣть другъ друга въ лицо. Его усадили въ карету. дверцы захлопнулись, кучеръ щелкнулъ бичемъ, и лошади помчали карету въ темный лѣсъ, куда мой лучъ уже не могъ проникнуть. Я опять заглянулъ въ камеру. Лучи мои скользили по стѣнѣ, разглядывая нацарапанную на ней мелодію, послѣднее прости узника. Тамъ, гдѣ замираютъ слова, начинается царство звуковъ!.. Мои лучи могли освѣтить, однако, лишь нѣсколько отдѣльныхъ нотъ, большая же часть написаннаго скрывалась во мракѣ и навсегда останется для меня темною. Что написалъ заключенный? Похоронный-ли маршъ? Ликующій-ли гимнъ? Готовился-ли онъ къ смерти, или неслся мыслью въ объятія милыхъ сердцу? Не все написанное, хотя бы и рукою смертнаго, доступно взору мѣсяца!

Я гляжу сквозь безграничное воздушное пространство на бѣгущія подо мною облака, гляжу и на пробѣгающія отъ нихъ по землѣ длинныя тѣни.»

Вечеръ XXXIII.

«Какъ я люблю дѣтей!» началъ мѣсяцъ. «Особенно маленькихъ,—они такіе забавные! Я часто любуюсь ими—мои лучи проскальзываютъ между краешкомъ занавѣски и косякомъ окна дѣтской—а они-то и не думаютъ обо мнѣ! Презабавно наблюдать, какъ они раздѣваются: вотъ выглядываетъ сначала крохотное кругленькое плечико, потомъ обнажается и вся ручка, а когда дѣло дойдетъ до чулокъ, и бѣленькая, полненькая ножка!.. Ну. какъ не поцѣловать ее?.. Я и цѣлую!» прибавилъ мѣсяцъ.

«Сегодня вечеромъ,—это стоитъ разсказать!—я тоже глядѣлъ въ окно одной дѣтской; занавѣски не были спущены,—напротивъ не было никакихъ сосѣдей. Въ комнатѣ укладывалась спать цѣлая ватага дѣтишекъ,

и сестеръ и братьевъ. Младшей изъ нихъ всего четыре года, но она знаетъ «Отче Нашъ» не хуже другихъ. Мать каждый вечеръ присаживается къ ней на кроватку и слушаетъ, какъ она молится, потомъ цѣлуетъ ее и ждетъ, пока она уснетъ. Ждать приходится не долго; глазки крошки живехонько смыкаются. Сегодня двое старшихъ немножко расшалились; одинъ все прыгалъ въ одной рубашонкѣ по комнатѣ, а другой взлѣзъ на стулъ, навертѣлъ на себя платья всѣхъ остальныхъ и объявилъ, что это—шарада; пусть-ка отгадаютъ! Третья и четвертая аккуратно складывали свои игрушки въ ящикъ,—надо, вѣдь, и это кому-нибудь дѣлать! Но вотъ мать присѣла къ малюткѣ на кроватку и велѣла дѣтямъ вести себя потише: дѣвочка читала «Отче нашъ».

Я смотрѣлъ прямо подъ лампу. Четырехлѣтняя малютка лежала въ своей постелькѣ, прикрытая чистымъ бѣлымъ одѣяльцемъ; вотъ она сложила ручонки, личико ея приняло такое торжественное выраженіе, и она громко начала читать «Отче Нашъ». «Постой!» перебила ее вдругъ мать. «Что это ты сказала послѣ словъ «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь?» Ты что-то прибавила, но я не разслышала. Повтори!» Малютка молчала, смущенно глядя на мать. «Что же ты сказала еще, кромѣ «хлѣбъ нашъ насущный»?» настаивала мать. «Не сердись, мамочка!» пролепетала крошка. «Я попросила на хлѣбъ маслица!»

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ*).

I.

Тѣневыя картины.

(Изъ путешествія по Гарцу 1831 г.).

Вмѣсто предисловія.

„Wenn jemand eine Reise thut,
So kann er was erzählen! **).

говоритъ Клаудіусъ; такъ-то такъ, да найдутся-ли слушатели, вотъ вопросъ!

Живемъ мы въ такое время, когда міровыя событія слѣдуютъ одно за другимъ, когда въ одинъ годъ совершается больше, нежели прежде въ цѣлое десятилѣтіе. На политическомъ горизонтѣ вспыхиваетъ метеоръ за метеоромъ, такъ гдѣ ужъ тутъ обращать вниманіе на поэтическія вспышки какой-нибудь единичной души! Нынѣшній вѣкъ трудится въ пользу поэтовъ грядущихъ поколѣній, отъ нихъ будетъ зависѣть обезсмертить наше время!.. Но стоитъ птицѣ опериться, ей ужъ хочется испробовать свои крылья, полетать, что бы тамъ ни происходило вокругъ—война или миръ, свадьба или похороны. И вотъ она порхаетъ и поетъ, пока не умретъ. Всегда, вѣдь, найдется хоть одна родственная душа, которой вздумается отдохнуть отъ мірской сутолоки, прислушиваясь къ трелямъ пернатаго пѣвца; большаго же этотъ маленькій гражданинъ неба и не требуетъ! Если же онъ тщеславенъ,—

*) Имѣя въ виду дать въ „Собраніи сочиненій Андерсена" лишь наиболѣе выдающіяся изъ его многочисленныхъ и крайне разнообразныхъ по содержанію произведеній и желая въ то же время познакомить русскихъ читателей съ „Путевыми очерками" А., мы предлагаемъ здѣсь выдержки изъ описаній трехъ его путешествій по Европѣ, вышедшихъ подъ заглавіями: „Тѣневыя картины" (1831 г.) „Базаръ поэта" (1840 г.) „ и По Швеціи" (1849 г.). Изъ упомянутыхъ произведеній взяты нѣкоторыя наиболѣе характерныя или поэтичныя описанія, эпизоды, размышленія и афоризмы автора, а также тѣ изъ помѣщенныхъ среди нихъ сказокъ, которыя онъ не включилъ въ „Полное собраніе сказокъ и разсказовъ".

**) „Кто путешествовалъ, тотъ можетъ кое-что поразсказать".

Примѣч. перев.

а таково большинство молодыхъ поэтовъ—онъ желаетъ увеличить число своихъ слушателей и ради этого начинаетъ оригинальничать, поетъ не своимъ голосомъ. Иногда это и помогаетъ! Чѣмъ диковиннѣе звучатъ его поэтическіе вопли, тѣмъ больше обращаютъ на него вниманія. Такимъ образомъ онъ собираетъ вокругъ себя публику; а кому изъ вновь выступающихъ пѣвцовъ это не желательно? Вотъ всѣ они и стараются превзойти другъ друга въ оригинальничаньи.

Нечего грѣха таить! Хотѣлось привлечь на себя вниманіе и мнѣ, когда я подумывалъ описать мое путешествіе. Я желалъ быть оригинальнымъ и уже составилъ цѣлый планъ—кстати сказать, еще до самой поѣздки. Я рѣшилъ усадить читательницъ и читателей и представить имъ мое путешествіе въ драматической формѣ,—идея абсолютно новая! Да, я задумалъ написать цѣлую драму съ прологомъ и антрактами, а также увертюру къ ней. Въ антрактахъ иронизировать предоставлялось самой публикѣ, въ прологѣ же это бралъ на себя я. Увертюра должна была исполняться полнымъ оркестромъ; глухой гулъ толпы будетъ изображать турецкую музыку, все усиливающійся рокотъ волнъ—crescendo, а щебетанье птицъ и молоденькихъ дамочекъ на Лангелиніе *)—adagio. На самомъ пароходѣ я тоже нашелъ бы, конечно, спутниковъ, которые пригодились бы для увертюры, а мое собственное сердце могло бы сыграть небольшое соло на арфѣ. Словомъ, я полагалъ, что переѣздъ отъ Копенгагена до Любека могъ бы доставить довольно таки разнообразный матеріалъ для увертюры. Съ прибытіемъ въ Травемюнде начался бы прологъ, а съ прибытіемъ въ Любекъ и самая драма. Да, никто еще не описывалъ своего путешествія такимъ образомъ; значитъ, рѣшено! И я отправился въ путь.

Но вотъ замелькали одно за другимъ новые незнакомые мѣста и люди; для меня открылся между горами новый міръ, меня окружила чудная природа; она не щеголяла оригинальностью, и все же была оригинальна, хоть и оставалась самою-собою. «А не въ этомъ-ли и есть вся суть?» подумалъ я, и всѣ эти дѣланныя оригинальныя затѣи какъ вѣтромъ вымело у меня изъ головы! Я рѣшилъ описать все видѣнное мною просто, безъ всякихъ прикрасъ. Не выйдетъ ничего оригинальнаго—значитъ, я самъ только копія, а это—что-то невѣроятно. Если ужъ ни одинъ листочекъ на деревѣ не похожъ на другой, какъ же тогда человѣкъ, оставаясь самимъ собою, можетъ явиться копіей съ другихъ людей? Итакъ, читатели, проститесь съ увертюрой, прологомъ и антрактами! Изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы вамъ не стоило оставаться на своихъ мѣстахъ: я раскрою вамъ

---

*) Набережная Зунда, излюбленное мѣсто прогулокъ копенгагенцевъ.

Примѣч. перев.

свою душу и покажу рядъ картинъ, вызванныхъ въ ней чарами путешествія. Намъ не нужно хлопотать объ экранѣ,—лишняя возня; у насъ есть книжка съ бѣлыми страницами, на нихъ и появятся картины. Конечно, онѣ блѣдны въ сравненіи съ дѣйствительностью, но не надо забывать, что я и называю ихъ лишь «тѣневыми». Передъ вами развернется панорама долинъ, горъ и городовъ въ перемежку съ фантастическими арабесками, наскоро набросанными моимъ перомъ. Поэтъ не уступаетъ живописцу!

Пароходъ «Принцесса Вильгемина» отходитъ въ Любекъ. Что это? Берегъ плыветъ! Развѣ онъ хочетъ забѣжать впередъ, чтобы не дать намъ обогнать себя? Нѣтъ, это плывемъ мы сами! Изъ трубы валитъ черный дымъ. колеса работаютъ и пѣнятъ воду; за нами остается длинный пѣнящійся слѣдъ.

Путешествовать! Завиднѣйшее счастье! А, вѣдь, въ сущности всѣ мы знаемъ его. Вся вселенная путешествуетъ! Даже бѣднѣйшій изъ смертныхъ обладаетъ крылатымъ Пегасомъ мысли; когда же этотъ Пегасъ дряхлѣетъ, человѣкъ совершаетъ самое великое путешествіе въ объятіяхъ смерти. Все путешествуетъ! Въ морѣ безпрерывно катятся волны, по небу несутся облака, надъ полями и лугами летаютъ птицы. Всѣ мы путешествуемъ; даже мертвые въ своихъ тихихъ могилахъ путешествуютъ вмѣстѣ съ землею вокругъ солнца. Да, путешествіе, это—idée-fixe вселенной, но мы, люди, какъ дѣти, еще играемъ «въ путешествіе».

Море лежало передо мною, какъ зеркало; не было даже ряби. Какое наслажденіе плыть такъ между небомъ и моремъ! Сердце поетъ свои пѣсни, проникнутыя желаніемъ и тоской, душа созерцаетъ полныя значенія, измѣняющіяся звуковыя фигуры, которыя порождаютъ мелодіи этихъ пѣсенъ.

Сердце и море сродни между собою! Море—сердце земли, вотъ почему оно такъ и волнуется въ бурныя ночи, вотъ почему и наполняетъ нашу душу тоской или восторгомъ, когда отражаетъ въ своей спокойной глади ясное звѣздное небо, это великое изображеніе вѣчности! Небо и земля отражаются въ морѣ, какъ и въ нашемъ сердцѣ, но человѣческое сердце, потрясенное бурями жизни, никогда уже не бываетъ такъ спокойно, какъ великое сердце земли. А, вѣдь, наша земная жизнь только мигъ въ сравненіи съ жизнью всего міра; проходитъ мигъ и люди забываютъ свои горести, даже самыя глубочайшія, проходитъ мигъ, и море тоже забываетъ свои бури; для міра же цѣлыя недѣли и дни человѣческой жизни лишь мгновенія. Но я, кажется, ужъ не на шутку разболтался! Такъ же вотъ разболтался я однажды и съ однимъ маленькимъ ребенкомъ. Онъ сидѣлъ у меня на колѣняхъ и я разсказывалъ ему сказку за сказкой, одну лучше другой—по моему собственному мнѣнію. Ребенокъ не сводилъ съ меня своихъ большихъ глазъ, и я, полагая, что мои разсказы и Богъ вѣсть какъ занимаютъ этого внимательнаго маленькаго слушателя, самъ увлекся своей ролью разсказчика. На самомъ интересномъ

мѣстѣ я, однако, прервалъ разсказъ и спросилъ ребенка: «Ну, что скажешь?» И ребенокъ отвѣтилъ: «Ты такъ много болтаешь!» Какъ бы и ты, любезный читатель, не сказалъ того же! Но подумайте, мы успѣли уже за это время переплыть Нѣмецкое море! Солнце опять встало; красивое было зрѣлище, только почти некому было любоваться имъ: большинство пассажировъ спало; они, вѣрно, были одного мнѣнія съ Арвомъ*): «Утро прекрасно, только бы оно не начиналось такъ рано!»

Направо виднѣлся Травемюнде, застроенный домами съ красными крышами; изъ оконъ высовывались головы мужчинъ и женщинъ, издали казавшихся прехорошенькими. Увы! Издали! Даль, вотъ она, волшебная страна, эта Фата-Моргана, которая вѣчно убѣгаетъ отъ тебя! Вдали— всѣ мечты дѣтства, всѣ надежды жизни! Вдали сглаживаются морщины съ изрытаго ими чела старца, вдали и сѣдая старуха сходитъ за цвѣтущую красавицу! Можетъ быть, и Травемюнде хорошъ только издали?— —

Въ дилижансѣ.

Изъ двадцати пассажировъ, выѣхавшихъ изъ Гамбурга, насъ осталось подъ конецъ въ дилижансѣ всего шестеро. Одинъ былъ веселый остроумный гамбургскій студентъ. Онъ нашелъ, что мы теперь составляемъ какъ бы семейный кружокъ, а члены такого кружка непремѣнно должны знать другъ друга. Онъ не спрашивалъ, однако, нашихъ именъ, а только— откуда мы родомъ, и сообразно съ этимъ давалъ каждому изъ насъ имя какой-нибудь знаменитости. Такимъ образомъ составился цѣлый кружокъ знаменитыхъ людей. Меня, какъ датчанина, онъ назвалъ Торвальдсеномъ, а сосѣда моего, молодого англичанина, Шекспиромъ. Самъ студентъ ужъ не могъ удовлетвориться именемъ меньшей знаменитости, чѣмъ Клаудіусъ, относительно же трехъ пассажировъ, нашихъ визави, онъ былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи. Наконецъ, двумъ изъ нихъ—восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ и ея дядѣ, старому аптекарю изъ Брауншвейга—онъ подобралъ имена Муммы и Гейнриха Лёве, но послѣдняя пассажирка, ѣхавшая только до Люнебурга, такъ и осталась безъ имени,—мы не нашли ни одной знаменитости изъ ея родного города Люнебурга, знаменитаго солью.— —

Мы прокатили черезъ него, не видавъ ни одной изъ его достопримѣчательностей, даже окорока той знаменитой свиньи, которая восемьсотъ лѣтъ тому назадъ открыла соляные источники. Хрустъ песку подъ колесами дилижанса, шелестъ вѣтвей, свистъ вѣтра и звуки почтоваго рожка сливались вмѣстѣ въ усыпляющую колыбельную пѣсню. Пассажиры одинъ за другимъ начали клевать носами, цвѣты въ букетахъ, заткнутыхъ за переплеты оконъ дилижанса, продѣлывали какъ будто то же самое движеніе всякій разъ,

*) Дѣйствующее лицо въ одной изъ комедій Гольберга. *Примѣч. перев.*

какъ диллижансъ встряхивало. Я закрылъ глаза, потомъ опять открылъ ихъ, продолжая дремать, или по крайней мѣрѣ грезить. Взоръ мой приковала одна большая гвоздика въ моемъ букетѣ. Всѣ цвѣты сильно благоухали, но эта гвоздика, казалось, превосходила всѣ остальные цвѣты и запахомъ и яркостью красокъ. Всего же забавнѣе было то, что въ чашечкѣ ея сидѣло крохотное воздушное, прозрачное существо, величиною не больше одного лепестка самого цвѣтка. Это былъ геній цвѣтка. Въ каждомъ цвѣткѣ обитаетъ, вѣдь, такой геній, который живетъ и умираетъ вмѣстѣ съ цвѣткомъ. Крылышки его были того же цвѣта, какъ и лепестки гвоздики, но такъ нѣжны и тонки, что казались лишь отраженіемъ красокъ цвѣтка въ лучахъ мѣсяца. Золотистыя кудри генія, воздушнѣе цвѣточной пыли, вились по его плечамъ и слегка волновались отъ вѣтра.

Вглядѣвшись въ другіе цвѣты, я замѣтилъ, что и въ каждомъ изъ нихъ сидѣло по такому же созданьицу. Ихъ крылышки и одѣянія тоже казались отраженіемъ красокъ тѣхъ цвѣтовъ, въ которыхъ они обитали. Они покачивались на нѣжныхъ благоухающихъ лепесткахъ, пѣли и смѣялись, но такъ тихо, что мнѣ чудились въ воздухѣ лишь нѣжные тихіе звуки Эоловой арфы.

Скоро въ открытое окно кареты влетѣли еще сотни эльфовъ всѣхъ видовъ. Они вылетѣли изъ темныхъ сосенъ и степныхъ цвѣтовъ. То-то поднялась возня, смѣхъ, пѣніе и пляска! Они пролетали подъ самымъ моимъ носомъ и не задумались даже устроить плясъ прямо у меня на лбу! Эльфы, вылетѣвшіе изъ сосенъ, напоминали дикарей съ копьями и пиками, но были такъ же легки и воздушны, какъ тотъ легкій туманъ, который при первыхъ лучахъ утренняго солнышка подымается изъ окропленной росою чашечки розы. Малютки дѣлились на отдѣльныя партіи и давали цѣлыя представленія, которыя и снились во снѣ пассажирамъ,— каждому свое.

Молодому веселому гамбургскому студенту снился Берлинъ; цѣлая толпа эльфовъ изображала нѣмецкихъ студентовъ, нѣкоторые же—заправскихъ филистеровъ съ длинными трубками въ зубахъ и дубинками въ рукахъ. Студенты стояли сплошными рядами, какъ будто собрались на лекцію; одинъ изъ сосновыхъ эльфовъ вскарабкался, какъ настоящій Гегель, на кафедру и началъ говорить такую ученую и витіеватую рѣчь, что я не понялъ изъ нея ни полслова. Другая партія эльфовъ плясала на губахъ англичанина и цѣловала ихъ, а ему снилось, что онъ цѣлуетъ свою невѣсту, глядитъ въ ея ласковые, умные глаза. Передъ молодой дѣвушкой эльфы разыграли серьезную сцену изъ ея собственной жизни; слезы текли по ея щекамъ, а малютки-эльфы, улыбаясь, глядѣлись въ нихъ, какъ въ зеркало, и вотъ въ каждой слезинкѣ, скатившейся по щечкамъ спящей дѣвушки, свѣтилась невинная улыбка!

Старому аптекарю досталось отъ нихъ хуже всѣхъ: онъ наступилъ на одинъ изъ цвѣтковъ и раздавилъ его вмѣстѣ съ его маленькимъ геніемъ. Эльфы усѣлись старику на ноги, и ему приснилось, что онъ совсѣмъ лишился ихъ и скачетъ по улицамъ Брауншвейга на деревяшкахъ, а всѣ сосѣди и прохожіе останавливаются и смотрятъ на него. Но скоро малюткамъ стало жаль старика и они вернули ему ноги, мало того—снабдили его еще крыльями, такъ что онъ могъ даже летать! Это было презабавно, и старикъ даже расхохотался во снѣ.

Передъ купцомъ изъ Дрездена, сѣвшимъ къ намъ въ Люнебургѣ, они изобразили гамбургскую биржу со всѣми ея евреями и маклерами и подняли курсъ такъ высоко, какъ онъ еще никогда не подымался. Такъ могутъ поднять его только такіе воздушные пузыри, да и то лишь во снѣ.

На меня они долго не обращали никакого вниманія. «Этотъ длинный, блѣдный человѣкъ—поэтъ!» сказалъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ. «А ему мы развѣ ничего не покажемъ?» сказали другіе. «Да, вѣдь, онъ и такъ видитъ насъ! Будетъ съ него!» «А не показать-ли ему то, что мы видимъ сами? Проснувшись, онъ бы спѣлъ объ этомъ другимъ людямъ!»

Долго совѣщались они, обсуждая вопросъ: достоинъ-ли я такой чести, но такъ какъ подъ руками не было другого лучшаго поэта, то я и удостоился посвященія. Эльфы поцѣловали мои глаза и уши, и я какъ будто сталъ совсѣмъ новымъ и лучшимъ человѣкомъ.

Я взглянулъ на обширную Люнебургскую степь, слывущую такою некрасивою. Богъ мой, чего только не наговорятъ люди! Впрочемъ, то, что они говорятъ, зависитъ, вѣдь, отъ ихъ умѣнья видѣть и слышать. А что же видѣлъ я? Каждая песчинка была блестящимъ обломкомъ скалы, длинные стебли травы, осыпанные пылью съ дороги—чудеснѣйшимъ шоссе для малютокъ эльфовъ. Изъ-за каждаго листочка выглядывало крохотное улыбающееся личико. Сосны смотрѣли настоящими вавилонскими башнями и отъ нижнихъ вѣтвей до самыхъ вершинъ кишмя-кишѣли эльфами. Самый воздухъ тоже былъ переполненъ этими причудливыми созданьицами, свѣтлыми и быстрыми, какъ лучи свѣта. Пять-шесть цвѣточныхъ геніевъ неслись на спинкѣ бѣлой бабочки, которую спугнули со сна. Другіе строили зáмки изъ аромата цвѣтовъ и луннаго сіянія. Вся степь была волшебнымъ царствомъ, полнымъ чудесъ! Какъ дивно былъ сотканъ каждый лепестокъ! Какою жизнью дышалъ каждый сосновый отростокъ! Каждая пылинка отличалась своимъ цвѣтомъ и построеніемъ! А безконечное, необъятное, безбрежное небо надъ степью..?!

Существуетъ повѣрье, что морская дѣва можетъ обрѣсти безсмертную душу тогда только, если ее полюбитъ на жизнь и на смерть человѣкъ и, окрестивъ ее, вступитъ съ ней въ бракъ. Малюткамъ-эльфамъ не такъ много нужно. Слеза раскаянія или искренняго состраданія, выкатившаяся изъ

глазъ человѣка, уже является для нихъ крещеніемъ, дарующимъ имъ безсмертіе. Вотъ почему они всегда и вьются около людей. Когда же изъ нашей груди вырывается кроткій благочестивый вздохъ, они возносятся вмѣстѣ съ нимъ прямо на небо и тамъ подъ лучами вѣчнаго источника свѣта выростаютъ въ ангеловъ.

Пала роса, и я увидѣлъ какъ эльфы рѣзвились на ея капляхъ. Некоторые поэты увѣряютъ будто эфльфы купаются въ капляхъ росы, но гдѣ же этимъ легкимъ существамъ, порхающимъ по пушинкамъ одуванчика, даже не шевеля ихъ, гдѣ имъ заставить разступиться подъ собою плотныя водяныя капли? Нѣтъ, они твердо стоятъ на этихъ круглыхъ капляхъ и катятся вмѣстѣ съ ними въ своихъ легкихъ воздушныхъ одѣяніяхъ,—прелестныя, миніатюрныя изображенія катящейся на шарѣ Фортуны!

Вдругъ налетѣлъ порывъ вѣтра, и я проснулся. Все исчезло, но цвѣты благоухали попрежнему, а въ окна диллижанса глядѣли свѣжія зеленыя вѣтви березокъ. По случаю Троицы почтальонъ убралъ ими весь диллижансъ. Старикъ-аптекарь потянулся со сна и промолвилъ: «А и здѣсь можно видѣть сны!» Но ни ему, ни другимъ пассажирамъ и въ умъ не приходило. что я былъ посвященъ въ содержаніе ихъ сновъ.

Встало солнце; мы всѣ сидѣли молча; должно быть, каждый изъ насъ возносился мыслью къ Богу, прислушиваясь къ щебетанію птицъ, пѣвшихъ гимнъ Троицѣ, и къ проповѣди собственнаго сердца.

Солнце такъ пекло, что мы еле живыми добрались до Гифгорна, а оттуда до Брауншвейга оставалось еще цѣлыхъ четыре мили. Я былъ до того измученъ, что съ трудомъ могъ вылѣзть изъ диллижанса, когда глазамъ нашимъ предстали вдали горы Гарца и вершина Брокена. Наконецъ-то мы достигли цѣли нашего путешествія.

Въ Брауншвейгѣ.

— Что даютъ сегодня вечеромъ въ театрѣ? — спросилъ я. — Чудеснѣйшую вещь!—отвѣтилъ половой.—«Три дня изъ жизни игрока»!—Я уже слышалъ объ этой сенсаціонной пьесѣ, прошумѣвшей на всю Германію, и какъ ни испеченъ былъ за день лучами солнца, какъ ни измученъ съ дороги, всетаки отправился въ театръ.

Пьеса дѣлилась не на акты, а на дни; между каждымъ предполагался промежутокъ въ пятнадцать лѣтъ. Два дня я выдержалъ, но больше не могъ. Зрители были обречены на сущее мученіе: скамейки являлись настоящими скамьями истязаній, а я и безъ того былъ весь разбитъ съ дороги. Первый день кончился тѣмъ, что игрокъ убилъ своего отца, другой тѣмъ, что онъ всадилъ пулю въ животъ совершенно невинному человѣку. Кровь во мнѣ такъ и вскипѣла: а что какъ на третій день онъ покончитъ и со

всѣми зрителями? Вотъ ужасъ! Только въ «Каторжникахъ» я и испыталъ нѣчто подобное.

На возвратномъ пути домой мнѣ повсюду мерещились подонки человѣчества, несчастныя матери и проигравшіеся игроки. Я былъ взволнованъ и, чтобы успокоиться какъ-нибудь, началъ напѣвать колыбельную пѣсню, а потомъ разсказывать себѣ самому дѣтскую сказочку. Послушай ее и ты, читатель!

«Пока копенгагенскіе граждане остаются еще маленькими карапузиками, не бывавшими нигдѣ дальше Фредерихсбергскаго сада да буковаго лѣса, бабушки и няньки постоянно угощаютъ ихъ разсказами о заколдованныхъ принцессахъ и принцахъ, о золотыхъ горахъ и говорящихъ птицахъ. Немудрено, что дѣтишки часто задумываются о волшебной странѣ, гдѣ водятся такія чудеса. Только гдѣ же она? Да ужъ вѣрно тамъ, далеко-далеко, за моремъ, гдѣ оно сливается съ небомъ! Но стоитъ карапузикамъ подрости, поступить въ школу и познакомиться съ географіей — прощай страна чудесъ!.. Богъ съ ней, однако, съ этой географіей! Мы остановимся пока на странѣ чудесъ. Въ странѣ этой много-много лѣтъ тому назадъ, когда еще никому и не снились ни моя авторская дѣятельность, ни «Три дня изъ жизни игрока», жилъ-былъ старый сѣдой король. Онъ слѣпо вѣрилъ въ свѣтъ и людей и не могъ даже представить себѣ, чтобы кто-нибудь когда-нибудь лгалъ. Ложь казалась ему чѣмъ-то несуществующимъ, фантастическимъ. Вотъ онъ разъ возьми да и объяви въ совѣтѣ, что отдастъ дочь и за нею полцарства въ приданое тому, кто скажетъ ему нѣчто, прямо невѣроятное. Всѣ подданные преусердно принялись учиться лгать и лгали одинъ лучше другого, но добрякъ-король всякую ложь принималъ за правду. Подъ конецъ король даже затосковалъ, плакалъ, утиралъ глаза своей королевской мантіей и вздыхалъ: «Ахъ, да неужто-жъ мнѣ никогда никому не доведется сказать: врешь!» Дни шли за днями, и въ одно прекрасное утро приходитъ красивый молодой принцъ. Онъ былъ влюбленъ въ принцессу, и она отвѣчала ему взаимностью. Цѣлыхъ девять лѣтъ изощрялся онъ во лжи и теперь надѣялся добиться невѣсты и полцарства. Онъ попросился у короля въ огородники. «Хорошо, сынъ мой!», сказалъ король и повелъ его въ огородъ. Въ огородѣ росло видимо-невидимо капусты: кочни были сочные, огромные, но принцъ скорчилъ гримасу и спросилъ: «Это что?» «Капуста, сынъ мой!» отвѣтилъ король. «Капуста? Въ матушкиномъ огородѣ растетъ капуста такая, что подъ каждымъ листомъ умѣстится цѣлый полкъ солдатъ». «Возможно!» сказалъ король. «Природа такъ могуча и какихъ-какихъ только ни производитъ плодовъ!» «Ну, такъ я не хочу быть огородникомъ!» сказалъ принцъ. «Возьмите меня лучше въ овинные старосты». «Хорошо; а вотъ и овинъ мой. Видалъ такіе большіе?» «Такіе? Поглядѣлъ бы ты, какой овинъ у моей матери! Представь себѣ, когда его строили, и

плотникъ работалъ топоромъ на крышѣ, топоръ какъ-то сорвался съ топорища и полетѣлъ на землю, но пока долетѣлъ, ласточка успѣла свить въ отверстіи обуха гнѣздо, положить яйца и вывести птенцовъ! Да, ты, пожалуй, скажешь, что я вру?» «Зачѣмъ? Нѣтъ! Искусству человѣческому нѣтъ предѣловъ! Почему жъ бы и твоей матери не построить себѣ такого овина?»

Такъ и пошло; принцъ не добился ни царства, ни прелестной принцессы; и она, и онъ зачахли съ горя; король, вѣдь, поклялся: «Руку моей дочери получитъ лишь тотъ, кто солжетъ мнѣ!» Но увы! Его доброе сердце не хотѣло вѣрить въ ложь. Наконецъ, онъ умеръ, но не нашелъ покоя даже въ своей мраморной гробницѣ и, говорятъ, до сихъ поръ еще бродитъ по землѣ томимый все тѣмъ же желаньемъ».

Только что я досказалъ себѣ эту сказку, въ дверь моей комнаты постучали. Я крикнулъ: «Войдите!» и—представьте мое удивленіе! Вошелъ старый король въ коронѣ, со скипетромъ въ рукахъ! «Я слышалъ, какъ ты вспоминалъ исторію моей жизни», сказалъ онъ: «и это заставило меня явиться къ тебѣ. Не услышу-ли я отъ тебя какой-нибудь лжи? Тогда бы я успокоился!» Придя въ себя, я сталъ объяснять ему, что́ именно побудило меня разсказывать себѣ самому исторію его жизни, и упомянулъ о «Трехъ дняхъ изъ жизни игрока». «Разскажи мнѣ эту пьесу!» сказалъ онъ. «Я охотникъ до страшныхъ исторій. Мнѣ самому, вѣдь, довелось на старости лѣтъ сдѣлаться страшилищемъ!». Я началъ разсказывать ему всю пьесу, сцену за сценой и нарисовалъ ему полную картину изображенной въ ней человѣческой жизни. Тутъ лицо короля прояснилось, онъ схватилъ меня за руку и восторженно воскликнулъ: «Вотъ это ложь, сынъ мой! Ничего такого на свѣтѣ не бываетъ! Теперь я спасенъ!» И онъ исчезъ.

Поутру вся эта исторія со сказкой вмѣстѣ стала казаться мнѣ сномъ, и я отправился осматривать городъ.

Школьный учитель. Госларъ.

Пробывъ въ Брауншвейгѣ три дня, я выѣхалъ оттуда на «скорыхъ». Спутниками моими оказались два молодыхъ офицера, путешествовавшихъ инкогнито — въ качествѣ майоровъ. Меня они сейчасъ же произвели въ профессора, и такъ какъ это производство не вовлекало меня въ расходы. то я и примирился съ нимъ, какъ истинный христіанинъ. Еще съ нами сидѣли: дѣвушка-служанка, лѣтъ сорока, ѣхавшая въ Госларъ встрѣчать своихъ господъ, да старый школьный учитель, большой оригиналъ. Съ нимъ мы сейчасъ познакомимся поближе. Дѣвушка представляла собой что-то среднее между меланхолической и сангвиническою натурою. Она ежеминутно принималась плакать, припоминая, что какъ разъ сегодня въ Брауншвейгѣ ежегодный праздникъ стрѣлковъ, а ей вотъ, какъ на грѣхъ,

уже третій годъ не приходится присутствовать на немъ изъ-за этихъ поѣздокъ!

На первой же станціи я разстался со всѣми своими спутниками кромѣ школьнаго учителя. Мы съ нимъ пересѣли въ четырехмѣстный дилижансъ, но оставались вдвоемъ во все время пути. Старику было лѣтъ шестьдесятъ; сухой, маленькаго роста, съ живыми глазками и черной бархатной шапочкой на головѣ, онъ являлся живымъ портретомъ школьнаго учителя Вуца изъ разсказа Жана Поля. Спутникъ мой былъ, впрочемъ, не изъ Ауенталя, а изъ какого-то маленькаго ганноверскаго городка, ѣхалъ въ Госларъ навѣстить своего стараго товарища и такъ же, какъ и я, впервые готовился взойти на горы. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ счастливцевъ, которые, по своей скромности и непритязательности въ соединеніи съ богатой фантазіей, готовы всякій сухой пень обвивать цвѣтами, скромную коморку принимать за волшебный дворецъ и высасывать медъ изъ самаго невзрачнаго цвѣточка. Съ какою-то дѣтскою гордостью описывалъ онъ мнѣ свой родной городокъ, являвшійся въ его глазахъ чуть-ли не центромъ вселенной. Въ послѣднее время городокъ этотъ такъ подвинулся впередъ, — въ немъ завелся даже театръ!

— Да! — разсказывалъ онъ. — Поглядѣли бы вы на нашъ театръ! Никто и не скажетъ, что тутъ прежде была конюшня! Стойла расписаны лирами и флейтами; нашъ старикъ-маляръ постарался на славу. А оркестръ... да лучшаго и желать нельзя въ такомъ маленькомъ городкѣ: двѣ скрипки, одинъ кларнетъ и большой барабанъ! Очень хорошо у нихъ выходитъ! Не умѣю вамъ сказать отчего, но эта музыка удивительно хватаетъ за сердце! Такъ вотъ и видишь передъ собою Божьихъ ангельчиковъ въ небѣ!.. Ну, конечно, мы и не требуемъ отъ музыкантовъ разныхъ тамъ фокусовъ-покусовъ, какъ берлинцы или брауншвейгцы. Нашъ старый кладбищенскій смотритель, онъ же и дирижеръ, угощаетъ насъ въ антрактахъ полькимъ да коллинаски, дамы наши подпѣваютъ оркестру, а мы, старики, выбиваемъ тактъ своими тросточками. Превесело!

— Ну, а насчетъ игры артистовъ-любителей какъ? — спросилъ я.

— О, все идетъ превосходно! У насъ, вѣдь, скажу вамъ, прежде чѣмъ выпустить ихъ передъ всей публикой, ихъ заставляютъ набираться храбрости и привыкать играть на репетиціяхъ. На генеральную же репетицію каждая семья поставляетъ двухъ человѣкъ изъ своей прислуги, чтобы театръ былъ полонъ, и играющіе могли, такъ сказать, взыграть духомъ!

— Да, должно быть, это превесело...

— Еще бы! — прервалъ онъ меня. — Да, мы веселимся отъ души и не завидуемъ имъ тамъ, въ Берлинѣ! Занавѣсъ и декораціи у насъ тоже прекрасные. На занавѣсѣ изображена наша городская пожарная труба; струя изъ нея бьетъ такъ натурально, и какъ будто прямо изъ суфлерской будки! А, вѣдь, все это только нарисовано, но какъ нарисовано! Декорація улицы тоже

одна прелесть; она изображаетъ нашу городскую площадь, и такъ похоже, что каждый можетъ даже отыскать свой собственный домъ, какая бы ни шла пьеса!.. Одна бѣда у насъ съ люстрой!.. Свѣчки все оплываютъ, и сало такъ и каплетъ съ нихъ. Поэтому, какъ бы много ни собралось народу, подъ люстрой всегда остается пустое мѣсто. Другой недостатокъ—я, вѣдь, не стану хвалить все!—другой недостатокъ вотъ какой: дамы наши, что участвуютъ въ спектакляхъ, какъ завидятъ среди зрителей кого-нибудь изъ знакомыхъ, сейчасъ давай хихикать и кивать имъ! Но, чтожъ? Все это вѣдь, въ сущности одна забава!

— Ну, а зимою, когда нѣтъ спектаклей, скучно, должно быть, живется у васъ? Эти длинные, зимніе вечера!..

— О, мы и не видимъ ихъ! Жена моя, обѣ дочки и служанка садятся за прялки, а я читаю имъ вслухъ; такъ-то работа спорится живѣе, и время летитъ незамѣтно. На святкахъ же мы играемъ въ лото на пряники да на яблочныя пышки и слушаемъ, какъ подъ окномъ славятъ Христа ребятишки... У меня отъ радости сейчасъ слезы навертываются на глаза!

Такъ-то оживленно бесѣдовали мы, пока нашъ диллижансъ вяло тащился по песчаной дорогѣ. Горы мало-по-малу выступали изъ тумана и рисовались огромными, величественными массами, обросшими темными сосновыми лѣсами; въ долинахъ между ними живописно раскинулись хлѣбныя поля. Вотъ, передъ нами и древній Госларъ, вольный имперскій городъ. Крыши здѣсь всѣ изъ шифера, отчего городъ, окруженный горами, и отличается какимъ-то мрачнымъ видомъ. Здѣсь нѣкогда была резиденція германскихъ королей и императоровъ, здѣсь происходили государственные съѣзды и рѣшалась судьба государствъ и странъ, теперь же... Госларъ извѣстенъ, благодаря своимъ рудникамъ, да путевымъ картинамъ Гейне. Здѣсь поэтъ игралъ роль похитителя цвѣтовъ и сердецъ. Почтенные бюргеры Гослара, однако, и знать не хотятъ поэта; одно имя его вызывало у нихъ на лицахъ кислыя мины. Дѣлать нечего, пришлось быть поосторожнѣе! Въ Госларѣ я распростился съ своимъ спутникомъ въ надеждѣ встрѣтиться съ нимъ опять уже на Брокенѣ.

Воздухъ здѣсь былъ какой-то удушливый, пропитанный запахомъ изъ рудниковъ, похожимъ на тотъ, что, по разсказамъ, оставляетъ послѣ себя разсерженный чортъ. Разъ упомянувъ о чортѣ, надо ужъ, пока не забуду, упомянуть и объ одной изъ первыхъ достопримѣчательностей Гослара—подаркѣ этого знаменитаго господина. Посреди городской площади находится большой металлическій водоемъ; въ него проведены трубы, посредствомъ которыхъ его наполняютъ водою; кромѣ того, во время пожара жители пользуются имъ вмѣсто большого колокола — бьютъ о его края, и звонъ разносится по всему городу. Этотъ-то водоемъ, гласитъ преданіе, и принесенъ сюда нѣкогда самимъ чортомъ; я потрогалъ чашу,—весьма солидная работа!

На той же площади возвышается мрачная старинная ратуша, изукрашенная снаружи изваяніями могущественныхъ императоровъ. Всѣ они стоятъ съ коронами на головахъ и скипетрами въ рукахъ, раскрашенные, словно лубочныя нюренбергскія картинки. Передъ ратушей я увидѣлъ старика-рудокопа, показывавшаго этихъ бравыхъ героевъ своей маленькой внучкѣ. Глядя на нихъ, ребенокъ, вѣрно, представляетъ себѣ и всѣхъ земныхъ императоровъ и королей точно такими же угрюмыми каменными людьми съ мечами и коронами, и въ мозгу этого маленькаго разумнаго существа уже складывается понятіе, что жизнь королей не Богъ вѣсть какъ сладка! Постойте ка вѣчно съ тяжелой короной на головѣ, передъ зданіемъ ратуши, на стражѣ закона и правосудія!

Госларскіе рудники.

У спуска въ рудники намъ встрѣтилась цѣлая толпа молодыхъ рабочихъ, выкатывавшихъ глыбы руды. Тутъ же намъ дали проводника; онъ зажегъ лампочку, отворилъ тяжелую дверь, и... сердце у меня какъ-то странно сжалось,—мы начали спускаться въ рудникъ. Скоро выложенный кирпичомъ проходъ кончился, и насъ окружили голые скалистые стѣны и своды. Мы спускались все глубже и глубже. На встрѣчу попадались рудокопы съ своими лампочками, обмѣнивались съ нами обычнымъ привѣтствіемъ: «Въ добрый часъ!» и все вокругъ опять погружалось въ мертвую тишину. Своды здѣсь были какъ будто сложены изъ металла; руда проблескивала то зелеными, то мѣдно-красными крапинками. Со мной спускался одинъ госларскій купецъ, и я крѣпко держался за него; пробирались мы по узенькой дощечкѣ. Часто приходилось нагибаться, чтобы не стукнуться головами о низко нависшіе отроги скалъ, ходы безпрестанно перекрещивались, и проводникъ иногда совсѣмъ пропадалъ у насъ изъ вида. Вдругъ надъ головами нашими раздался такой грохотъ, точно обрушилась цѣлая гора. Я не издалъ ни звука, а только крѣпче прильнулъ къ своему спутнику, который затѣмъ объяснилъ мнѣ, что это открыли наверху шлюзы и пустили воду, приводящую въ движеніе воротъ, которымъ поднимаютъ изъ нижнихъ галлерей глыбы руды.

Сбоку открылась пропасть. Лампочки наши не могли освѣтить намъ всего огромнаго ворота, на который съ шумомъ и пѣной набѣгала вода. Не знаю право, это ли зрѣлище или видъ огромной освѣщенной факелами шахты, гдѣ откалывали массивныя глыбы руды, представляло болѣе живописную картину! Красные огненные языки высоко метались въ воздухѣ, ярко освѣщая черныхъ рудокоповъ. Я прислонился къ скалѣ и сталъ присматриваться къ этому новому для меня, диковинному міру, прекрасному и въ то же время страшному.

Да, по истинѣ удивительный контрастъ представляютъ между собою разнообразная жизнь моряка и однообразная жизнь рудокопа! Морякъ, рас-

пустивъ паруса. носится по волнамъ отъ берега къ берегу; весело ему глядѣть на сутолоку людскую въ чужихъ гаваняхъ. То борется онъ на морѣ съ бурей, отъ которой ломаются мачты, и корабль бросаетъ, какъ щепку, то сидитъ въ корзинкѣ, подвѣшенной къ мачтѣ, и смотритъ на зеркальную безбрежную гладь морскую, сливающуюся съ небомъ. Дни же рудокопа ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другого. Въ черной подземной глубинѣ сидитъ онъ со своей лампочкой и откалываетъ молотомъ куски руды; на душѣ у него такъ же сумрачно и тихо, какъ и въ этомъ подземельѣ. Только воскресенье приноситъ съ собой нѣкоторую перемѣну. Рудокопъ облекается въ лучшую свою одежду, идетъ въ церковь и наслаждается видомъ краснаго солнышка, такъ привѣтливо льющаго ему въ душу свои лучи. Послѣ обѣда онъ иногда отправляется въ городъ, узнаетъ тамъ газетныя новости и дивится людскимъ треволненіямъ и бурямъ тамъ, за предѣлами его мірка. Если онъ еще молодъ, въ его груди, можетъ быть, и просыпается иногда желаніе пожить на волѣ, окунуться въ водоворотъ жизни, но... настаетъ понедѣльникъ, и онъ опять сидитъ въ шахтѣ со своей лампочкой, откалывая молоткомъ отъ стѣнъ кусокъ за кускомъ. Такъ оно и идетъ до тѣхъ поръ, пока чужая рука не заколотитъ молоткомъ его гробъ.

Когда мы вышли изъ рудниковъ, на небѣ опять сіяло солнышко. Лучи его играли на зеленыхъ соснахъ, и окропленные дождемъ зелененькіе отростки ихъ такъ и сверкали брилліантами. При видѣ освѣщенныхъ солнцемъ горъ и яснаго неба, мнѣ показалось, что привѣтливѣе, красивѣе картины я не видалъ, такъ поразителенъ былъ переходъ отъ подземнаго мрака къ этому залитому свѣтомъ Божьему міру.

На Брокенѣ. Рюбеландъ. Пещера Баумана.

Утромъ, около половины третьяго, служанка позвала меня любоваться восходомъ солнца. Большинство путниковъ, закутанныхъ въ плащи и башлыки, стояло уже на горной площадкѣ. Изъ какихъ-какихъ только мѣстъ ни собралась сюда эта пестрая людская толпа, занятая теперь одною мыслью: «сейчасъ восходитъ солнце!»

Мы какъ будто находились на островѣ; облака разстилались подъ нами словно безграничное, безбрежное море, вдругъ застывшее неподвижной массой. На голубомъ небѣ не было ни малѣйшаго отблеска зари; солнце вставало красно-кровавымъ шаромъ безъ лучей, и только когда оно уже совсѣмъ поднялось надъ горизонтомъ, на разстилавшееся у нашихъ ногъ облачное море разомъ хлынулъ потокъ свѣта.

Старый школьный учитель, мой спутникъ по диллижансу, долго-долго стоялъ, скрестивъ руки и не говоря ни слова, только блаженно улыбаясь. Наконецъ, у него вырвалось: «Какъ жаль, что нѣтъ со мной ни жены, ни дочекъ! Да и старая Анна (ихъ служанка) себя бы не вспомнила отъ радости.

увидавъ такое великолѣпіе! Что-жъ, Господи Боже мой? Мѣста тутъ для всѣхъ бы хватило!.. Вотъ такъ-то я и всегда разсуждаю, когда любуюсь чѣмъ-нибудь такимъ особеннымъ! Да, здѣсь хватило бы мѣста и всѣмъ добрымъ друзьямъ! И они бы, небось, порадовались, глядя на это!»

Солнце подымалось все выше и выше, и болѣе легкія облачка начали уже таять; голубой эфиръ какъ будто впивалъ ихъ въ себя; болѣе же тяжелыя облака вѣтеръ угонялъ внизъ въ горы, выдававшіяся изъ этого облачнаго моря островами. Скоро стало совсѣмъ свѣтло, и мы увидѣли города, башни, поля и луга, казавшіеся издали прелестнѣйшими миніатюрами. Такого чуднаго утра не было еще въ этотъ годъ на Брокенѣ.

Я вскарабкался на такъ называемый «Жертвенникъ вѣдьмъ» и на высокую «Чортову каѳедру», напился холодной воды изъ «Источника вѣдьмъ», купилъ себѣ брокенскій букетъ, которымъ дѣвушка украсила мой дорожный картузъ, и простился съ новыми своими знакомыми. Особенно сердечно распрощались мы съ старикомъ, школьнымъ учителемъ. Ему мы всѣ такъ пришлись по сердцу, что онъ попросилъ и меня, и всѣхъ прочихъ расписаться у него въ альбомѣ: надо же ему было показать своимъ домашнимъ съ какими хорошими людьми довелось ему столкнуться! Мы исполнили его просьбу и затѣмъ распростились.

Я присоединился къ одному семейству изъ Гамбурга. Впереди шелъ проводникъ, за нимъ гуськомъ тянулся весь нашъ отрядъ, замыкавшійся осликомъ, который несъ наши пожитки. У каждаго изъ насъ было въ рукахъ по зеленой вѣткѣ, которой мы по временамъ подгоняли нашего лѣниваго Пегаса,—онъ повидимому больше помышлялъ о собственномъ удобствѣ, нежели о нашемъ. Дорога шла то густымъ лѣсомъ, то по краю обрыва, въ глубинѣ котораго виднѣлись небольшія горы, тоже обросшія сосновымъ лѣсомъ; на дальнемъ разстояніи онѣ казались холмами, засаженными картофелемъ. На все, лежавшее внизу подъ нами, была какъ будто наброшена легкая дымка, такъ что мы смотрѣли на все это великолѣпіе словно сквозь огромное зеленоватое стекло. Въ иныхъ же узкихъ ущельяхъ лежалъ такой густой туманъ, что сквозь него ничего уже нельзя было различить, а съ виду-то онъ казался такимъ же легкимъ и прозрачнымъ, какъ самый воздухъ!

Птички весело щебетали; въ чашечкахъ цвѣтовъ сверкали жемчужинками капли росы, весь ландшафтъ былъ залитъ лучами солнца. Какъ, однако, хорошъ Божій міръ!

Близъ Эльбингероде, горнаго городка, я распростился со своими спутниками. Скоро меня окружили голыя скалы; узкая тропинка бѣжала вдоль берега маленькой рѣчки. Я находился въ Рюбеландѣ; это искаженное названіе «Räuberland»—разбойничья страна; здѣсь, на одной изъ скалъ, стоялъ въ старину замокъ рыцаря-разбойника. Теперь отъ замка нѣтъ и слѣдовъ.

Окружающая меня природа дѣйствительно почти подавляла своимъ ве-

личіемъ, но мнѣ показалось, всетаки, что она глядитъ на меня какъ-то ужъ черезчуръ свысока, и я, наконецъ, схватилъ бумагу и карандашъ, рѣшившись показать ей, что все же *я* господинъ надъ нею!

«Своей грозной миной меня запугать
Тебѣ не удастся, громада нѣмая!
Не думай и ты отъ меня убѣжать,
Бурливая рѣчка, шалунья живая!
И птичка, что прочь улетѣть норовитъ,
И ты, моя рѣчка, и скалы, и горы—
Все, все на бумагѣ здѣсь прочно стоитъ!
На что мои пали пытливые взоры,
Тому не избѣгнуть ужъ власти моей;
Поэтъ, вѣдь, опасный для всѣхъ чародѣй!»

По ту сторону селенья «Рюбеландъ» шла горная тропинка, подымавшаяся вверхъ къ углубленію въ скалѣ, служившему входомъ въ пещеру Баумана... Здѣсь я нашелъ еще двухъ путешественниковъ. Каждому изъ насъ дали въ руки по зажженной лампочкѣ. Проводникъ двинулся впередъ, и мы стали спускаться въ глубь этого окаменѣлаго фантастическаго царства.

Сначала пришлось пробираться по низкому проходу, напоминавшему тѣ ходы, что прорываетъ отъ своей норы лисица; выпрямиться здѣсь было невозможно, и мы шли согнувшись. Затѣмъ вступили какъ будто въ старый полуобвалившійся подвалъ какого-нибудь замка; здѣсь царила мертвая тишина, нарушаемая лишь однообразнымъ звукомъ паденья водяныхъ капель. Начался спускъ въ пропасть по сырымъ ступенямъ узенькой лѣстницы; тутъ ужъ каждый думалъ и заботился только о самомъ себѣ—какъ бы не ступить мимо, не сорваться съ лѣстницы! Лампочки освѣщали только часть лѣстницы, все же остальное тонуло во мракѣ. Самой лѣстницѣ, казалось, не было конца. Этотъ мракъ, мѣшавшій намъ разглядѣть разверзавшуюся подъ нашими ногами бездну, до нельзя увеличивалъ охватившее насъ еще при самомъ началѣ спуска жуткое чувство. Проводникъ то и дѣло напоминалъ намъ, чтобы мы держались покрѣпче и ступали куда слѣдуетъ, увѣряя при этомъ, что опасности нѣтъ никакой, — развѣ лѣстница сломается; тогда можно и шею свернуть!

Какъ въ сущности человѣкъ односторонен въ истинномъ значеніи этого слова! Мы ежедневно видимъ безконечную бездну, какъ надъ нами, такъ и вокругъ насъ, но эта воздушная бездна ничуть не волнуетъ насъ. Напротивъ, стоитъ намъ увидѣть бездну подъ ногами, и у насъ голова кружится. Вообще къ спуску въ нѣдра земли мы относимся съ какимъ-то боязливымъ почтеніемъ, спускаемся туда неохотно, а между тѣмъ всѣмъ намъ суждено сойти туда, и только тамъ и ждетъ насъ истинный отдыхъ и покой!

Переходя изъ пещеры въ пещеру, мы спускались все глубже и глубже; порой проходъ становился до того узкимъ и низкимъ, что приходилось идти поодиночкѣ и согнувшись въ три погибели, порою же такъ раздавался и вширь и ввысь, что свѣтъ отъ лампочекъ не достигалъ до стѣнъ и сводовъ.

Кругомъ, куда ни взглянешь, зіяли темныя пропасти, нависали причудливыми фигурами сталактиты; фигуры эти не всегда, однако, соотвѣтствовали тѣмъ предметамъ, съ которыми сравнивалъ ихъ нашъ проводникъ. Я вѣдь, кажется, тоже обладаю кое-какою фантазіей, а между тѣмъ никакъ не могъ согласиться съ нимъ! Было здѣсь также и много такого, на что онъ не обращалъ нашего вниманія, хотя и слѣдовало бы.

У ногъ нашихъ журча струился источникъ; мы напились изъ него холодной кристально-прозрачной воды. Одинъ изъ моихъ спутниковъ поднялъ съ земли какую-то кость; осмотрѣвъ ее съ величайшимъ вниманіемъ, онъ объявилъ, что это остатокъ скелета, какого-то животнаго древней породы. Я не спорилъ: кость была ни дать-ни взять отъ коровьей ноги, а коровы. вѣдь, какъ извѣстно, очень древняя порода!

Пещера Баумана названа такъ въ память открывшаго ее рудокопа Баумана. Онъ спустился туда въ 1670 г. на поиски руды, ничего не нашелъ и заблудился въ ея безчисленныхъ ходахъ и переходахъ. Двое сутокъ плуталъ онъ, пока не нашелъ выхода; душевное потрясеніе и голодъ такъ сильно подѣйствовали на его организмъ, что онъ вскорѣ затѣмъ и умеръ, успѣвъ, однако, обратить вниманіе людей на диковинное построеніе пещеры.

Во время нашего странствія по этому лабиринту меня не покидала мысль о блуждавшемъ здѣсь злополучномъ Бауманѣ, и сердце мое все время усиленно билось. Я все представлялъ себѣ, чтó долженъ онъ былъ пережить и перечувствовать за эти двое сутокъ, одинъ, охваченный страхомъ, обреченный на голодную смерть! Съ какимъ облегченіемъ вздохнулъ я, выбравшись вновь на свѣтъ Божій, почувствовавъ себя опять между живыми людьми!

«Дѣвичій прыжокъ».

Когда я подходилъ къ «Дѣвичьему прыжку» («Mägdesprung»), солнце уже садилось, и въ ущельѣ царилъ полумракъ; тѣмъ ярче зато горѣли верхушки деревъ, отбрасывавшихъ отъ себя длинныя, рѣзкія тѣни. Тутъ нагналъ я двухъ школьниковъ, съ которыми уже встрѣчался на Брокенѣ; они пользовались каникулами, чтобы побродить по горамъ и поближе познакомиться съ великою матерью-природою.

Мы пошли вмѣстѣ; по дорогѣ встрѣтился намъ драбантъ; видъ у него былъ самый разбойничій, свирѣпый; тронуть насъ онъ, однако, не тронулъ, устрашенный, вѣроятно, нашимъ численнымъ превосходствомъ; мы съ своей стороны отплатили ему за любезность любезностью...

Скоро мы дошли и до чернаго желѣзнаго креста, воздвигнутаго на уступѣ, съ котораго, по преданію, бросилась внизъ молодая дѣвушка, преслѣдуемая влюбленнымъ въ нее княземъ. Мужественная красавица, однако, избѣжала смерти: Богъ повелѣлъ вѣтру подхватить ее и бережно снести на дно пропасти, гдѣ среди обломковъ скалъ пробивались побѣги дикой ежевики. Обязано-ли это мѣсто своимъ названіемъ упомянутому преданію — не знаю. Оттомаръ же разсказываетъ, что здѣсь на этомъ уступѣ играли нѣкогда двѣ дѣвушки-великанши, и одна съ разбѣгу перескочила черезъ пропасть, другой же такой скачокъ показался немножко рискованнымъ; она помедлила, но потомъ тоже перепрыгнула черезъ пропасть да такъ грузно, что на скалѣ остался слѣдъ ея ноги. Какой-то крестьянинъ, пахавшій неподалеку землю, принялся хохотать надъ огромной дамой, а она, не долго думая, забрала его вмѣстѣ съ волами и плугомъ въ передникъ и унесла къ себѣ домой въ гору.

Хотя я, какъ взрослый и разумный человѣкъ, и прекрасно зналъ, что весь этотъ разсказъ только плодъ народной фантазіи, что никакая великанша тутъ не прыгала, никакое человѣческое существо не могло слетѣть на дно пропасти, не сломавъ себѣ шеи, я всетаки не могъ не заинтересоваться этою мѣстностью, невольно поражающею всякаго, кто любитъ природу. Не однѣ только гордыя скалы, поросшія необозримыми лѣсами и высокими кустами, нависающими надъ бурливой рѣчкой, не однѣ мертвыя руины сообщаютъ мѣстности романтическій характеръ. Она принимаетъ въ нашихъ глазахъ поэтическій колоритъ главнымъ образомъ тогда, когда съ нею связано какое-нибудь преданіе. Преданія оживляютъ мертвую обстановку; послѣдняя перестаетъ быть только красивой, но бездушной декораціей; каждый листокъ, каждый цвѣтокъ превращается въ пѣвунью-птичку, а ручей въ шепчущій водометъ, присоединяющій неумолчный говоръ своихъ струй къ голосамъ невидимыхъ духовъ. Немудрено поэтому, что лежавшая передо мною мѣстность, оживленная упомянутымъ сказаніемъ, показалась мнѣ вдвое прекраснѣе.

По дорогѣ начали попадаться встрѣчные; чѣмъ дальше, тѣмъ больше; то угольщики съ мрачными характерными физіономіями, то бѣлыя и румяныя деревенскія дѣвушки. Рядомъ съ нами бѣжала болтливая рѣчка; она, вѣроятно, твердила то же, что и мы: «ахъ, какъ тутъ хорошо!»

Скоро мы заслышали шумъ, доносившійся изъ многочисленныхъ мастерскихъ; мы поднялись къ достопримѣчательному обелиску, воздвигнутому здѣсь герцогомъ въ 1812 г. въ память своего покойнаго отца. Обелискъ весь изъ желѣза, и мнѣ передавали, что выше его нѣтъ во всей Германіи. Путешественники покрыли его разными надписями и своими именами. Написали карандашомъ свои имена и мы. Всѣмъ намъ хочется увѣковѣчить свое имя, и желаніе это выражается иногда самымъ наивнымъ, чисто дѣт-

скимъ образомъ! Въ самомъ дѣлѣ, дождь и снѣгъ скоро сотрутъ это карандашевое безсмертіе; на мѣстѣ нашихъ именъ появятся другія, и такъ будетъ идти до тѣхъ поръ, пока не сотрется съ лица земли самый обелискъ. Точно такъ же стремимся мы во время краткаго земного странствія нашего начертать свои имена и на скрижаляхъ исторіи—этомъ міровомъ обелискѣ; но точно такъ же стираются и смѣняются одно другимъ имена и на немъ, пока и самъ онъ не превратится въ прахъ. Богъ вѣсть, чье имя простоитъ на немъ дольше всѣхъ? Вѣрно, имя Самого Великаго Зодчаго, Который воздвигъ и обелискъ этотъ и весь міръ во славу собственнаго имени.

На пути въ Эйслебенъ. Лютеръ.

Основная черта моего характера какая-то странная торопливость! Чѣмъ интереснѣе книга, которую я читаю, тѣмъ больше спѣшу я дочитать ее до конца. Во время путешествія я не отдаюсь, какъ слѣдуетъ, впечатлѣнію настоящаго, а нетерпѣливо рвусь навстрѣчу будущему, чтобы отнестись затѣмъ точно такъ же и къ нему. Ложась вечеромъ спать, я уже заглядываю въ будущій день, желаю, чтобы онъ поскорѣе наступилъ, а когда онъ наступитъ, меня занимаетъ уже не онъ, а идущіе за нимъ. Самая смерть представляетъ для меня что-то удивительно интересное, желанное,—она, вѣдь, введетъ меня въ новый міръ!.. Куда же это меня тянетъ? Куда влечетъ меня мое мятежное сердце?

Окружавшая меня весенняя природа дышала юною свѣжестью и тихой радостью, мою же душу какъ будто заволакивалъ туманъ печали. Зачѣмъ, думалъ я, завидовать этимъ свѣжимъ пестрымъ цвѣтамъ? Пусть они себѣ благоухаютъ,—пройдетъ мѣсяцъ—два, и они завянутъ. Ручей, что такъ весело журчитъ, исчезнетъ въ морѣ, а само величавое, необозримое море испарится! Пусть себѣ солнце играетъ своими палящими лучами,—и оно нѣкогда вмѣстѣ съ небомъ превратится въ прахъ, тогда какъ мое сердце, изнывающее теперь отъ тоски, вызванной моими же собственными фантазіями, блаженно вознесется въ страну вѣчности!

И въ это утро мнѣ, какъ всегда не сидѣлось на мѣстѣ, и я поспѣшно оставилъ Гарцгероде. Передъ взоромъ моимъ замелькали картина за картиною; вотъ одна изъ нихъ, которая многимъ, можетъ быть, покажется незаслуживающей особеннаго вниманія, у меня же и до сихъ поръ стоитъ передъ глазами такъ же живо, какъ восходъ солнца на Брокенѣ.

Въ деревенькѣ Клаусъ, состоящей, кажется, всего изъ трехъ дворовъ, я зашелъ на постоялый дворъ—одинъ изъ числа этихъ трехъ. Все здѣсь такъ и просилось на картинку, во вкусѣ голландской школы. На самомъ порогѣ растянулся котенокъ, на полу дрались два пѣтушка, а дѣвушка-служанка, въ сущности очень красивая, пышащая здоровьемъ, но одѣтая, какъ истое дитя деревни, протянула мнѣ стаканъ молока съ самымъ равнодуш-

лымъ видомъ, точно подачку какую-то. Облагодѣтельствовавъ меня такимъ образомъ, она ужъ и вовсе перестала обращать на меня вниманіе, подошла къ зеркалу и занялась своимъ туалетомъ. Первымъ долгомъ она распустила по плечамъ свои длинные волосы. Я какъ сейчасъ вижу передъ собой эту картину. Желалъ бы того же и тебѣ, читатель! Картинка, право, была недурна!

Впродолженіи двухъ-трехъ часовъ я шелъ, не встрѣчая души живой. Дорога то расширялась безмѣрно, такъ что и краевъ было не видно, то суживалась такъ, что по ней еле-еле могла проѣхать телѣга. Немудрено, что я заблудился; справиться о дорогѣ было не у кого. «Развѣ у этихъ двухъ буковъ?» подумалъ я, — они показались мнѣ земляками. Справился, но тѣ въ отвѣтъ только верхушками покачали.

Наконецъ, я добрелъ до какой-то деревушки. На площадкѣ передъ однимъ изъ домовъ шла пляска. Плясали подъ звуки скрипки инвалида-Орфея однѣ дѣвушки-подростки. Матери и вообще всѣ остальныя, болѣе зрѣлыя, представительницы женскаго населенія деревни чинно сидѣли на окружавшихъ площадку деревянныхъ скамейкахъ и глядѣли на веселье молодежи. На подошедшаго путника никто и вниманія не обратилъ. Можетъ быть, эта старушка въ черной шапочкѣ на сѣдой головѣ погрузилась въ воспоминанія о чудныхъ дняхъ своей юности, когда и она весело плясала тутъ подъ звуки скрипки! Давно кончилась та пляска, и первый танцоръ давно, можетъ быть, спитъ себѣ подъ дерновымъ покровомъ.

Однако, непрерывный рядъ картинъ утомляетъ зрѣніе; даже ребенку, наконецъ, надоѣдаетъ перелистывать книжку съ картинками, какъ бы онѣ ни были пестры. Пропускаю поэтому нѣсколько картинъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и были очень и очень красивы. Надо дать отдыхъ и себѣ и читателю, а потому ограничусь лишь краткимъ формальнымъ описаніемъ мѣстностей.

Леймбахъ: городъ, 660 жителей, мѣдно-плавильные заводы, ратуша, и т. д. Мансфельдъ: городъ, лежащій въ растояніи четвертьчасовой ходьбы отъ Леймбаха; 1600 жителей и одна гостиница «Коричневаго Оленя».

Ну вотъ я и отдохнулъ! А читатель? Какъ бы то ни было, а мы теперь уже въ Эйслебенѣ.

Самый городъ показался мнѣ необычайно привѣтливымъ и симпатичнымъ. На площадкѣ передъ старинной церковью игралъ маленькій мальчикъ; онъ выводилъ мѣломъ узоры на каменныхъ плитахъ, служившихъ, можетъ быть, аспидными досками и самому Лютеру, когда онъ игралъ здѣсь ребенкомъ. Ратуша напоминала своими угловатыми рѣзкими очертаніями самый вѣкъ Лютера; она, вѣроятно, сохранила свой первоначальный видъ; напротивъ, домъ, въ которомъ родился великій реформаторъ, не избѣгнулъ нѣкоторыхъ передѣлокъ. Теперь въ немъ помѣщалась школа. Стекла одного окна были украшены изображеніями Лютера и Меланхтона; надъ дверью же виднѣлась надпись, окружавшая барельефъ съ портретомъ Лютера:

«Gottes Werck es Luthers Lehr,
Darum weyht sie nimmer mehr!»

На улицѣ передъ дверью стоялъ крестьянинъ съ женою. Онъ по складамъ читалъ ей стихи, и на лицахъ ихъ ясно выражалось, какою глубокою чудною поэзіей дышало для нихъ каждое слово. Взглядъ ихъ становился все свѣтлѣе и свѣтлѣе, когда же мужъ прочелъ послѣднее слово, видно было, что оба приняли все это изреченіе какъ бы за откровеніе небожителя. «Лютеръ!» говоритъ Жанъ-Поль: «Ты походишъ на Рейнскій водопадъ! Какъ мощно гремишь и бушуешь ты! Но какъ въ струяхъ водопада играетъ радуга, такъ и въ твоей груди покоится радуга милости и мира! Ты колеблешь только устои земли, а не неба!» Это звучитъ очень красиво, но куда торжественнѣе, вѣрнѣе, задушевнѣе, по тону и выраженію, прозвучали для меня слова, сказанныя женѣ старикомъ крестьяниномъ: «Да, вотъ былъ человѣкъ!» Думаю, что и самъ Жанъ-Поль согласился бы со мною, присутствуй онъ при этомъ.

Да, Лютеръ былъ воистину человѣкомъ! Потому-то онъ и сломилъ папское иго, потому-то и пѣлъ:

«Wer nicht liebt Wein, Weiber und Gesang,
Der bleibt ein Narr sein Leben lang!»

потому-то и запустилъ въ чорта чернильницей. Недаромъ говоритъ одинъ нѣмецкій поэтъ (Берне, если не ошибаюсь):—«Нѣтъ болѣе опаснаго оружія противъ чорта, какъ чернила и книгопечатаніе; они когда-нибудь окончательно сживутъ его со свѣта!»

Отъ Мерзебурга до Лейпцига.

Дорога въ Мерзебургъ была обсажена по обѣимъ сторонамъ вишневыми деревьями. Самый городъ мраченъ и невеликъ, но заѣхать въ него всетаки стоитъ ради его стариннаго готическаго собора. Тутъ же мнѣ разсказали слѣдующее народное преданіе. Какой-то мерзебугскій епископъ приказалъ казнить своего слугу за воровство; впослѣдствіи открылось, однако, что воромъ былъ ручной воронъ, любимецъ самого епископа. Послѣдній, мучимый раскаяніемъ, впалъ въ меланхолію, повелѣлъ заточить птицу въ желѣзную клѣтку и выставить ее на всеобщее поруганіе. Мало того, онъ завѣщалъ особый капиталъ, на который городской совѣтъ Мерзебурга обязанъ былъ постоянно содержать въ клѣткѣ ворона, обученаго выкрикивать имя невинно-казненнаго: «Яковъ!» Когда одинъ воронъ околѣвалъ, ему, какъ Далай-Ламѣ или папѣ немедленно избирали преемника. И въ бытность мою въ Мерзебургѣ, тамъ, какъ мнѣ говорили (самому мнѣ не удалось этого видѣть), сидѣла въ клѣткѣ такая несчастная, ни въ чемъ неповинная черная птица и кричала «Яковъ!» Она и знать не знала, вѣдать не вѣдала, за что ей до-

сталась казенная квартира и столъ, и, можетъ быть, даже и въ родствѣ-то не была съ тѣмъ ворономъ-воромъ, по милости котораго была учреждена эта воронья стипендія!

Солнце такъ и палило, когда мы выѣхали изъ города и направились въ средоточіе книжной торговли Германіи—Лейпцигъ.

Какое-то странное чувство овладѣло мною при видѣ необозримой Лейпцигской равнины; вѣдь, каждое мѣстечко здѣсь отмѣчено въ исторіи европейскихъ войнъ! Здѣсь проѣзжалъ великій Наполеонъ, здѣсь онъ предавался великимъ думамъ и чувствамъ! Теперь это необозримое поле было волнующеюся нивою. Ничьи кровавыя раны не заживаютъ такъ быстро, какъ раны природы! Довольно одной весны, чтобы украсить старыя развалины зеленью и цвѣтами. Когда я проѣзжалъ по Лейпцигской равнинѣ, тамъ проводили новую проѣзжую дорогу, и я видѣлъ извлеченныя изъ земли пули и человѣческія кости. Подъ деревомъ сидѣлъ старый инвалидъ съ деревяшкой вмѣсто ноги. Вотъ онъ-то навѣрное помнилъ зрѣлище повеличественнѣе волнующейся нивы, пѣсни погромче пѣсенъ щебетуній-пташекъ, порхавщихъ надъ нимъ въ вѣтвяхъ дерева!

Дрезденская галлерея.

Съ чего же мнѣ начать мое описаніе? Впрочемъ можно-ли даже ставить подобный вопросъ! Разумѣется, съ Мадонны Рафаэля. Я пролетѣлъ черезъ всѣ залы, стремясь поскорѣе увидѣть эту картину, наконецъ, остановился передъ нею и—не былъ пораженъ. На меня глядѣло милое, но нисколько не выдающееся женское лицо, какихъ, казалось мнѣ, я много видѣлъ и раньше. «Такъ это-то и есть та знаменитая картина?» думалъ я, тщетно стараясь найти въ ней что-нибудь особенное. Мнѣ даже показалось, что многія и Мадонны, и другія женскія головки, мелькомъ видѣнныя мною сейчасъ въ галлереѣ, были гораздо красивѣе. Я вернулся къ нимъ, и тутъ-то съ моихъ глазъ спала завѣса: здѣсь передо мною были только нарисованныя человѣческія лица, тогда какъ тамъ я видѣлъ живыя, божественныя! Я опять подошелъ къ картинѣ Рафаэля и на этотъ разъ проникнулся ея безконечною жизненностью и прелестью! Да, она не поражаетъ, не ослѣпляетъ съ перваго взгляда, но чѣмъ дальше всматриваешься въ эту Мадонну и въ Младенца Іисуса, тѣмъ они кажутся тебѣ божественнѣе. Такого неземного, невиннаго дѣтскаго лица нѣтъ ни у одной женщины, и вмѣстѣ съ тѣмъ лицо Мадонны какъ будто срисовано съ натуры. Въ каждомъ невинномъ дѣвичьемъ лицѣ можно отыскать сходство съ нею, но она является тѣмъ идеаломъ, къ которому всѣ остальныя только стремятся. Вглядываясь въ ея взоръ, не возгораешься къ ней пламенною любовью, но проникаешься желаніемъ преклонить передъ ней колѣни. Теперь мнѣ стало понятно, ка-

кимъ образомъ могутъ католики падать ницъ передъ картинами. Они преклоняются не передъ красками и холстомъ, а передъ воплотившимся въ нихъ духомъ божества. Человѣкъ видитъ это божество плотскимъ своимъ окомъ, а льющіеся въ это время мощные звуки органа успокаиваютъ диссонансы въ его душѣ, и она постигаетъ гармонію между земнымъ и небеснымъ. Краски на картинѣ поблекли отъ времени, но лица попрежнему дышатъ жизнью. Сіяніе, окружающее головки хевувимовъ, какъ-то меркнетъ, стушевывается, и весь блескъ, вся сила сосредоточены во взглядѣ Младенца-Іисуса. Подобнаго взора, подобныхъ очей не встрѣтишь ни у одного ребенка, и все же насъ поражаетъ именно ихъ чисто дѣтское, невинное выраженіе. А эти милые херувимчики внизу! Вотъ истое изображеніе земной невинности! Съ какимъ дѣтскимъ спокойствіемъ глядитъ передъ собою младшій, тогда какъ старшій уже подымаетъ взоръ свой ввысь, на небесное видѣніе. Одна эта картина могла бы прославить Дрезденскую галлерею, она одна могла бы и обезсмертить своего творца!

Въ той же залѣ висятъ еще три шедевра. Одинъ изъ нихъ «Ночь» Корреджіо, поэтичная по идеѣ и дивно-прекрасная по мастерству выполненія. Главная фигура Іисусъ; отъ нея льется яркій свѣтъ на всѣ окружающія; особенно хороша, по моему, женщина, прикрывающая рукой глаза и слегка отворачивающаяся отъ этого ослѣпительнаго свѣта. Эта картина вообще считается лучшею изъ всѣхъ твореній Корреджіо, но мнѣ всетаки больше нравится его «Святой Себастіанъ». Эта картина находится тутъ же. Какъ хороши на ней группы ангеловъ! Они парятъ на легкихъ облачкахъ, окружая святого мученика. Какъ спокоенъ и въ то же время вдохновененъ его взоръ! Въ той же залѣ есть еще одна картина, которую, по моему, можно поставить четвертою въ ряду этихъ вдохновенныхъ произведеній искусства. Это «Христосъ» Карло Дольчи. Какое удивительное сочитаніе величія и глубокой скорби въ этомъ благородномъ, божественномъ лицѣ!

Я переходилъ изъ залы въ залу, разсматривая дивные образцы искусства, но безпрестанно возвращался къ упомянутымъ четыремъ шедеврамъ, къ Мадоннѣ Рафаэля и ангелочкамъ Корреджіо. Сильное впечатлѣніе произвели на меня и нѣкоторыя другія превосходныя картины. Между ними первое мѣсто занимаетъ «Судный день» Рубенса. Въ этой картинѣ онъ далъ намъ портреты трехъ своихъ женъ. Двѣ изъ нихъ возносятся ангелами на небо, третью же дьяволъ влечетъ въ преисподнюю. Самъ Рубенсъ сидитъ на своей могилѣ. Никто, повидимому, не обращаетъ на него вниманія, а онъ глубоко задумался, размышляя, вѣроятно, о томъ, куда попадетъ самъ, и спокойно ожидая своей участи.

Отмѣчаю, какъ курьезъ, что на картинѣ Бассано «Ковчегъ» первою входящею въ него изображена свинья, которой такимъ образомъ и достается лучшее мѣсто.

Утомленный и духовно и физически оставилъ я, наконецъ, галлерею, уже заранѣе радуясь мысли посѣтить ее вновь и не одинъ разъ.

Амуръ-проводникъ. Чортовъ вкусъ. Домъ умалишенныхъ.

Къ утру погода нѣсколько прояснилась, но надежды на возможность пуститься въ горы было мало. Это былъ первый ненастный день за все время моего путешествія, и съ точки зрѣнія новизны я нашелъ его даже интереснымъ, да кромѣ того утѣшалъ себя надеждою, что днемъ вѣрно прояснится! Дѣйствительно не прошло и часа, какъ ливень перешелъ въ небольшой дождичекъ. Мы воспрянули духомъ и, взявъ въ проводники десятилѣтняго крестьянскаго парнишку, отправились въ горы. Парнишка шлепалъ по лужамъ босыми ножонками, смѣялся и болталъ безъ умолку. такъ что мнѣ невольно подумалось: «Парнишка-то изъ молодыхъ, да ранній! Ужъ не самъ ли это шалунишка-Амуръ навязался намъ въ проводники?! Только бы онъ не сыгралъ съ нами какой-нибудь штуки! Его, вѣдь, взять на это! Весселъ бранитъ его «сопльякомъ, который пускаетъ въ людей стрѣлы» *). Досадно, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, что этакій мальчишка властенъ подстрѣлить любого взрослаго, почтеннаго человѣка! Влюбленные взаимно, говорятъ, помогаютъ другъ другу вытащить стрѣлы изъ раны и живо выздоравливаютъ, но бѣда, если стрѣла останется въ сердцѣ! Такая рана грозитъ смертью! — —

Путь нашъ лежалъ на Гогенштейнъ, но мы рѣшили свернуть съ дороги. чтобы взглянуть на причудливую картину природы близъ «Чортова моста». А, право, у чорта есть вкусъ! Любое мѣстечко, носящее его имя или намекающее на него, отличается особой, оригинальной картинностью! Съ именемъ его обыкновенно связаны самые романтическіе уголки земли. Повторяю, у чорта есть вкусъ,—хоть одно хорошее качество! — —

Вдоль Эльбы, подъ навѣсомъ высокихъ скалъ, вьется узенькая тропинка. На той сторонѣ рѣки возвышается замокъ Зоннештейнъ; въ немъ теперь убѣжище для умалишенныхъ.

Странное чувство должно охватывать каждаго при входѣ въ этотъ замокъ. Въ стѣнахъ его заключенъ особый міръ, міръ людей, какъ бы вихремъ какимъ сметенныхъ съ своего естественнаго пути. Да, придави свѣжій, полный жизни, зеленый ростокъ, и онъ увянетъ, свернется или выростетъ уродцемъ. Фантазія, этотъ лучшій геній жизни, превращающій своими чарами пески пустыни въ Эдемъ, переносящій насъ на своихъ могучихъ крылахъ черезъ глубочайшія пропасти, черезъ высочайшія горы, и открывающій намъ небо, является здѣсь ужасною химерою съ головою Медузы.

---

*) „Vig lille Snottede, som skyder Folk med Pile!“ Популярное изреченіе изъ классической пародіи датскаго поэта-юмориста Іогана Весселя: „Kjærlighed uden Strömper“ (Любовь безъ чулокъ). *Примѣч. перев.*

Взглядъ ея мертвитъ мысль, вовлекаетъ жертву въ магическій кругъ, изъ котораго ей уже нѣтъ выхода; она погибла для свѣта.

Видите вы эту четырехъ угольную коморку съ рѣшетчатымъ окномъ у самаго потолка? На полу солома, а въ нее зарылся голый чернобородый человѣкъ. На головѣ у него вѣнокъ изъ соломы; это его корона; въ рукахъ онъ держитъ увядшій стебель репейника; это его скипетръ. Онъ замахивается имъ на жужжащихъ вокругъ него мухъ; онъ, вѣдь, король, деспотъ, а мухи его подданныя, которыя возмутились противъ него и теперь ищутъ его головы. Онѣ уже проникли въ нее, какъ—онъ самъ не понимаетъ, но слышитъ, что онѣ жужжатъ тамъ! Сорвать ее съ плечъ имъ, однако, пока не удается!

А вотъ женщина; когда-то она была красива, но теперь черты ея искажены страданіемъ. «Я—Леонора, возлюбленная Тассо!» говоритъ она. «Гейне тоже воспѣлъ меня! Ахъ, сколько поэтовъ воспѣли меня! Это пріятно щекочетъ женское сердце! Я горжусь этимъ! Былъ еще одинъ... но онъ не могъ воспѣть меня и застрѣлился... Чтожъ, это, вѣдь, не хуже пѣсни! Теперь весь свѣтъ помѣшался отъ любви ко мнѣ, вотъ я и отправилась сюда, въ этотъ чужой замокъ. Но и здѣсь всѣ безъ ума отъ меня! Я тутъ, однако, ни при чемъ!»

У открытаго окна сидитъ блѣдный юноша; подперевъ голову рукою, онъ глядитъ на розовое вечернее небо и на плывущіе по Эльбѣ корабли съ распущенными парусами. Наше приближеніе не выводитъ его изъ этого задумчиво-созерцательнаго состоянія, онъ и на все существованіе свое смотритъ какъ на мечту, весь ушелъ въ воспоминанія о какихъ-то лучшихъ временахъ, и насъ, какъ и все окружающее, принимаетъ за призраки.

А вотъ этотъ человѣкъ помѣшанъ на мысли, что ему слышно біеніе сердца всѣхъ и каждаго, слышно даже, какъ сердца разрываются въ моментъ смерти, и вотъ эти звуки раздаются въ его ушахъ такъ громко, дико, раздирающе, что доводятъ его до бѣшенства. Тогда его привязываютъ къ стулу на колесахъ, который приводится въ круговое движеніе, и кружатъ, кружатъ несчастнаго, издающаго дикіе вопли, до тѣхъ поръ, пока онъ не потеряетъ сознанія.

Но скорѣе прочь отъ этого ужаснаго зрѣлища! Экипажъ уже ждетъ насъ и часа черезъ два привозитъ обратно въ Дрезденъ. — —

Странно! Я не задумываюсь повѣрять свои чувства бумагѣ, хотя ея листы и являются тростникомъ царя Мидаса, готовымъ разблаговѣстить мои тайны на весь міръ, и въ то же время я усердно скрываю ихъ отъ людей, съ которыми нахожусь въ личныхъ сношеніяхъ. Въ юности я столько натерпѣлся отъ насмѣшекъ надъ моей чувствительностью, что выучился играть въ лапту собственнымъ сердцемъ и лучшими его чувствами, изъ страха про-

слыть чувствительнымъ глупцомъ среди другихъ разумныхъ людей. Страхъ этотъ очень часто охватываетъ меня и теперь, когда сердце вдругъ заговоритъ во мнѣ, и я поскорѣе корчу забавную мину,—авось, не замѣтятъ, что я плачу! Вотъ и сейчасъ, прощаясь съ моимъ землякомъ Далемъ, я стыдился дать ему замѣтить мою грусть, началъ смѣяться и шутить на-пропалую, пока не очутился на улицѣ. Тутъ ужъ, должно быть, глаза мои запорошило пескомъ,—слезы такъ и потекли по щекамъ.

Вмѣсто заключенія.

Передъ нами лежалъ Людвигслюстъ со своимъ замкомъ, огромными садами и широкими аллеями. Мы остановились въ гостиницѣ. Одно окно было открыто; на выступъ его усѣлся воробей и весело зачирикалъ. О чемъ онъ чирикалъ, я не разобралъ, но самая птичка и звукъ ея голоса показались мнѣ удивительно знакомыми. Право, это тотъ самый пернатый господинъ, котораго я слышалъ у себя подъ окномъ наканунѣ своего отъѣзда изъ родного города; но и тогда я не понялъ, о чемъ собственно онъ чирикалъ. Близъ Лауенбурга пошли песчаныя дюны, дюны безъ конца! Право, какъ будто море только что отхлынуло съ берега, да забыло захватить ихъ съ собою. Дорога то раздавалась вширь такъ, что и сама не знала, гдѣ собственно кончается, то еле протискивалась между бѣлыми песчаными холмами, и колеса экипажа такъ глубоко вязли въ пескѣ, что мы еле-еле двигались. Прибавьте къ этому яркое лунное сіяніе, нѣмую тишину и полное безлюдье вокругъ.

Я хотѣлъ было описать эту поѣздку поподробнѣе, а также нарисовать вамъ картины Гамбурга и Любека, черезъ которые я проѣхалъ на обратномъ пути, но когда я, сидя спокойно за валами Копенгагена, уже взялъ въ руки перо, на окно ко мнѣ опять сѣлъ воробей и зачирикалъ, какъ и въ день моего отъѣзда отсюда, какъ и въ Людвигслюстѣ! И, право, кажется, онъ твердилъ всѣ разы одно и то же! Должно быть, это рецензентъ: онъ нагналъ на меня хандру! Значитъ, конецъ тѣневымъ картинамъ! Мнѣ не удалось даже описать и дивнаго моря, которое тоже хандрило, когда я переплывалъ его, возвращаясь домой. А какъ шли къ нему этотъ мрачный взоръ и свѣжій вѣтерокъ, что раздувалъ паруса и взвивалъ на воздухъ густой столбъ пароходнаго дыма!

Я увидѣлъ башни Копенгагена, и онѣ показались мнѣ такими остроконечными, такими насмѣшливыми, такъ живо напомнили мнѣ перья, которыя, быть можетъ, скоро исчиркаютъ мои «тѣневыя картины» и вдоль, и поперекъ!...

II.

Базаръ поэта.

(1840 г.)

Желѣзная дорога.

Въ виду того, что многимъ изъ моихъ читателей не приходилось еще видѣть желѣзной дороги, я прежде всего постараюсь дать имъ о ней хоть нѣкоторое понятіе. Представьте себѣ обыкновенную дорогу, прямую или извилистую — все равно; безусловно необходимо только, чтобы она была гладкая, ровная, какъ полъ въ комнатѣ. Ради этого прорываютъ встрѣчающіяся на пути горы, перебрасываютъ черезъ болота и глубокія пропасти мосты на аркахъ. Когда же такой ровный гладкій путь готовъ, по всему протяженію его прокладываютъ желѣзныя рельсы, по которымъ покатятся колеса вагоновъ. Впереди всѣхъ вагоновъ локомотивъ, который управляется рукой опытнаго мастера, знающаго, какъ остановить его, какъ пустить въ ходъ; къ локомотиву прицѣпляютъ одинъ за другимъ вагоны, въ нихъ набираются пассажиры или скотъ, и—маршъ!

Прибытіе поѣзда на каждую станцію извѣстно по часамъ и минутамъ, и уже издалека слышится сигнальный свистокъ, извѣщающій, что поѣздъ тронулся съ мѣста; сейчасъ же на всѣхъ боковыхъ дорогахъ, пересѣкающихъ рельсовый путь, опускаютъ шлагбаумы; добрымъ людямъ—и пѣшимъ, и коннымъ приходится ждать, пока поѣздъ пройдетъ. Вдоль всего рельсоваго пути понастроены на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга маленькіе домики для сторожей. Разстоянія эти не велики,—надо, чтобы каждый сторожъ могъ видѣть развѣвающіеся флаги въ рукахъ сосѣднихъ сторожей и успѣвать держать свой участокъ пути въ исправности; на рельсахъ не должно валяться ни камешка, ни вѣточки.

Такъ вотъ вамъ и желѣзная дорога! Надѣюсь, что меня поняли.

Предстояло и мнѣ въ первый разъ въ жизни проѣхаться по желѣзной дорогѣ. Полдня и всю слѣдующую за нимъ ночь я трясся въ дилижансѣ по ужаснѣйшей дорогѣ отъ Брауншвейга до Магдебурга. Усталый до нельзя пріѣхалъ я на вокзалъ и черезъ часъ долженъ былъ снова пуститься въ путь, но уже по желѣзной дорогѣ.

Не скрою, что я еще заранѣе испытывалъ во всемъ своемъ существѣ какой-то особый болѣзненный трепетъ; назову это ощущеніе, пожалуй, желѣзно-дорожной лихорадкой! Оно достигло высшаго своего напряженія въ ту минуту, когда я вступилъ въ огромное зданіе вокзала, откуда отходили поѣзда. Батюшки мои, что тутъ была за суматоха, что за бѣготня и возня

съ чемоданами и мѣшками, что за свистъ и шипѣнье! Шипѣли и свистѣли локомотивы, выпускавшіе пары. Въ первую минуту просто не знаешь даже, куда приткнуться, гдѣ остановиться, чтобы не попасть подъ вагонъ, паровикъ или телѣжку съ багажомъ. Конечно, безопаснѣе всего оставаться на платформѣ; ряды вагоновъ тѣснятся къ ней, словно гондолы къ набережной, а тамъ дальше на дворѣ цѣлая сѣть рельсъ, перекрещивающихся между собою, будто какія-то магическія линіи. Да, такъ оно и есть; только провела-то ихъ человѣческая мудрость; вагоны не должны сходить съ этихъ магическихъ линій, — тутъ дѣло идетъ о жизни и смерти или искалѣченьи сотенъ людей. Я впился глазами въ эти вагоны, въ локомотивы, пустыя тачки, гуляющія съ мѣста на мѣсто трубы и, Богъ вѣсть, что еще, мелькавшее передо мною въ этомъ заколдованномъ царствѣ. Тутъ всѣ предметы какъ будто съ ногами! Дымъ, свистъ и толкотня пассажировъ, стремящихся занять мѣста, чадъ сала, фырканье паровозовъ—все это просто ошеломляетъ, особенно если человѣкъ, какъ я, напримѣръ, находится тутъ впервые и невольно рисуетъ себѣ разные страхи: а вдругъ мы опрокинемся, переломаемъ себѣ руки и ноги, взлетимъ на воздухъ или столкнемся съ встрѣчнымъ поѣздомъ и разобьемся въ дребезги? Думаю, впрочемъ, что такіе страхи мерещатся лишь тому, кто отправляется по желѣзной дорогѣ впервые.

Вагоны дѣлятся на три класса; вагоны первыхъ двухъ—тѣ же закрытые диллижансы, только пошире; вагоны третьяго класса открытые, и проѣздъ въ нихъ стóитъ невѣроятно дешево. Самому бѣдному крестьянину можно пользоваться ими,—это обойдется ему дешевле, чѣмъ остановки и ночевки на постоялыхъ дворахъ, если онъ пустится въ дальній путь пѣшкомъ.

Вотъ раздается сигнальный свистокъ... Звукъ не изъ красивыхъ, напоминаетъ визгъ поросенка, когда его рѣжутъ. Усаживаешься точно въ удобной каретѣ, кондукторъ запираетъ двери вагона и беретъ ключъ себѣ, но мы можемъ спустить стекла оконъ и такимъ образомъ дышать свѣжимъ воздухомъ, не опасаясь сквозняка. Вообще вагоны почти не отличаются отъ обыкновенной кареты, только гораздо удобнѣе; здѣсь можно отдохнуть послѣ утомительнаго переѣзда въ диллижансѣ.

Вотъ вагоны слегка дергаетъ, соединяющія ихъ цѣпи натягиваются, опять раздается сигнальный свистокъ, и поѣздъ трогается, но сначала такъ медленно, словно игрушечный поѣздъ, который тащитъ на веревочкѣ дѣтская ручонка. Мало-по-малу скорость увеличивается, но ты и не замѣчаешь этого, преспокойно читаешь себѣ книгу, разглядываешь карту, и самъ даже не знаешь хорошенько, движется-ли поѣздъ. Вагоны скользятъ по рельсамъ, какъ сани по гладкому снѣгу. Выглянувъ же въ окно, ты замѣтишь, что мчишься впередъ, точно вагоны запряжены горячими конями, несущимися вскачь. Ходъ все ускоряется, и, наконецъ, тебѣ кажется, что ты летишь на крыльяхъ вѣтра. При этомъ ни малѣйшей тряски, ни рѣзкой струи вѣтра

въ лицо, словомъ, никакихъ непріятностей, сопряженныхъ со скорой ѣздою на лошадяхъ.

Что это красное промелькнуло мимо насъ, какъ молнія? Это флагъ въ рукахъ сторожа, стоящаго на своемъ посту. Выгляни въ окно! Поле, на разстояніи трехъ-семи саженъ представляется бѣгущимъ, какъ стрѣла, потокомъ. Трава и растенія просто обгоняютъ другъ друга; право, какъ будто стоишь гдѣ-то внѣ земли и видишь, какъ она вертится на своей оси. Пристальное созерцаніе убѣгающей дороги, однако, скоро утомляетъ глаза, но брось взглядъ вдаль—тамъ предметы проносятся мимо насъ не быстрѣе. чѣмъ когда мы ѣдемъ въ обыкновенномъ экипажѣ, запряженномъ парой добрыхъ коней. На самомъ же дальнемъ горизонтѣ все какъ будто стоитъ неподвижно, такъ что отлично можно разглядѣть всю мѣстность и получить цѣльное впечатлѣніе.

Такъ-то вотъ и слѣдуетъ путешествовать по странамъ, расположеннымъ на ровной, гладкой поверхности! Города какъ будто лежатъ рядышкомъ; не успѣешь проѣхать одинъ, глядь—ужъ и другой! Такъ вотъ, должно быть. минуютъ города и перелетныя птицы. Обыкновенные проѣзжіе, которыхъ обгоняешь по дорогѣ, словно совсѣмъ не двигаются съ мѣста; видно, правда. что лошади подымаютъ ноги, но какъ будто снова опускаютъ ихъ на то же мѣсто, а мы ужъ и промчались.

Недаромъ же сложился извѣстный анекдотъ объ одномъ американцѣ; онъ тоже въ первый разъ ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, и, видя въ окно мелькающіе одинъ за другимъ верстовые столбы, вообразилъ, что ѣдетъ по кладбищу, — памятникъ на памятникѣ! Я бы не привелъ этого анекдота. если бы онъ не характеризовалъ такъ удачно ту быстроту, съ которой вообще несется поѣздъ желѣзной дороги. И немудрено, что анекдотъ этотъ не выходилъ у меня изъ головы, когда я глядѣлъ въ окно: если мимо насъ и не мелькали столбы, то мелькали красные сигнальные флаги, и тотъ же американецъ сказалъ бы пожалуй: «Съ чего это всѣ люди разгуливаютъ сегодня съ красными флагами?»

Я же разскажу сейчасъ другой анекдотъ. Когда мы проѣзжали мимо забора, сократившагося, на мой взглядъ, въ одинъ шестъ, сосѣдъ мой сказалъ мнѣ: «Вотъ мы и въ княжествѣ Гота!» Затѣмъ онъ взялъ себѣ понюшку табачку и предложилъ табакерку мнѣ; я поклонился, взялъ тоже щепотку, чихнулъ и спросилъ: «А долго-ли предстоитъ намъ ѣхать по этому княжеству?» «О!» отвѣтилъ онъ: «Мы проѣхали его, пока вы чихали!»

А между тѣмъ бываетъ, что поѣзда идутъ еще куда быстрѣе нашего; станціи смѣнялись тутъ чуть не ежеминутно, и поѣздъ поэтому шелъ замедленнымъ ходомъ; на каждой станціи минутная остановка; нѣкоторые пассажиры выходятъ, другіе садятся, слуги подаютъ намъ въ открытыя окна разнаго рода прохладительныя и подкрѣпительныя явства и питія—кому что

по вкусу! Здѣсь, въ буквальномъ смыслѣ слова, жареные рябчики сами летятъ вамъ въ ротъ,—только заплатите!.. А затѣмъ опять въ путь. Болтаешь съ сосѣдомъ, читаешь книгу, любуешься природою, стадомъ коровъ, съ изумленіемъ озирающихся на поѣздъ, или лошадьми, которыя вырываются изъ рукъ кучера и несутся сломя голову съ досады, что десятка два какихъ-то вагоновъ осмѣливаются пуститься въ путь безъ ихъ содѣйствія, да еще перегнать ихъ—а тамъ глядишь, опять подъ крышей, у платформы, гдѣ поѣздъ останавливается. И не замѣтилъ, какъ проѣхалъ пятнадцать миль, въ какіе-нибудь три часа махнулъ въ Лейпцигъ! Въ тотъ же день, часа четыре спустя, сдѣлавъ почти такой же конецъ, но уже не по ровной мѣстности, а черезъ горы и рѣки—пріѣзжаешь въ Дрезденъ.

Я слышалъ отъ многихъ, что будто бы съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ путешествіе утратило всякую поэзію, что пролетаешь мимо красивыхъ и интересныхъ мѣстностей на крыльяхъ вѣтра. Что касается послѣдняго неудобства, то всякій, вѣдь, воленъ остановиться на какой станціи ему угодно, осмотрѣть, что его интересуетъ, и затѣмъ съ слѣдующимъ поѣздомъ продолжать путь. Съ первымъ же утвержденіемъ я окончательно не согласенъ. Путешествіе утрачиваетъ всякую поэзію именно, когда сидишь запакованнымъ въ узкій дилижансъ или почтовую карету, трясясь до отупѣнія, глотая пыль и умирая отъ жары въ самое лучшее время года, или отъ холода и бездорожицы зимою. Да и самыя картины природы приходится тогда воспринимать не въ бо́льшихъ дозахъ, а лишь медленнѣе, нежели совершая путь по желѣзной дорогѣ.

Великое изобрѣтеніе желѣзная дорога! Благодаря ей, мы теперь поспоримъ могуществомъ съ чародѣями древнихъ временъ! Мы запрягаемъ въ вагоны чудо-коня, и пространства какъ не бывало! Мы несемся, какъ облака въ бурю, какъ птицы во время перелета! Конь нашъ храпитъ и фыркаетъ, изъ ноздрей его валитъ дымъ столбомъ! Быстрѣе не летѣли и Фаустъ съ Мефистофелемъ на плащѣ послѣдняго! Мы въ наше время добились естественными путями такого же могущества, какого въ средніе вѣка думали добиться лишь съ помощью дьявола! Теперь мы потягаемся даже съ нимъ самимъ: не успѣетъ онъ опомниться, мы уже оставимъ его далеко позади.

Вообще я мало помню случаевъ въ моей жизни, когда бы я былъ такъ взволнованъ, какъ теперь, когда бы такъ сильно ощущалъ близость Бога. Душа моя была проникнута такимъ благоговѣніемъ, какое я испытывалъ лишь ребенкомъ въ церкви, да взрослымъ среди залитаго солнцемъ лѣса или среди безбрежнаго простора моря въ звѣздную ночь! Въ царствѣ поэзіи владычествуютъ не одни чувство да фантазія; у нихъ есть братъ, столь же могущественный, какъ они—разумъ. Онъ проповѣдуетъ вѣчныя истины, а въ нихъ и величіе и поэзія!

Мои сапоги.

(Невыдуманный разсказъ).

Въ Римѣ есть улица, именуемая purificazione, но чистотою не отличающаяся! Идетъ она то въ гору, то подъ гору, повсюду валяются кочерыжки, черепки; изъ дверей остеріи постоянно валитъ дымъ, а синьора сосѣдка,— да, дѣлать нечего, правда прежде всего!—вытряхиваетъ по утрамъ въ окна свои простыни. Въ этой улицѣ ютится обыкновенно много иностранцевъ, но теперь страхъ лихорадки и другихъ злокачественныхъ болѣзней выгналъ всѣхъ въ Неаполь или во Флоренцію, и я жилъ въ большомъ домѣ одинъ-одинешенекъ. Даже хозяинъ съ хозяйкой не оставались тутъ на ночь.

Домъ былъ большой, холодный; при немъ крохотный садикъ, въ которомъ вился вокругъ тычинки горошекъ, да росъ одинъ полузачахшій левкой. Зато въ сосѣднихъ садахъ, расположенныхъ повыше, благоухали розы и золотились плодами лимонныя деревья. Эти плоды отлично переносятъ безпрерывные дожди; розы, напротивъ, имѣли такой видъ, какъ будто пролежали съ недѣлю на днѣ морскомъ.

Тоскливо тянулись для меня вечера въ этихъ огромныхъ, холодныхъ комнатахъ; каминъ зіялъ своею черною пастью, на дворѣ лилъ дождь, вылъ вѣтеръ. Всѣ двери были заперты наглухо, но что толку, если вѣтеръ пробирался сквозь щели и пѣлъ и гудѣлъ въ комнатѣ на всѣ лады? Тоненькія щепочки въ каминѣ только вспыхивали да трещали, а тепла не давали никакого. Каменный полъ, сырыя стѣны, высокій потолокъ—нѣтъ, совсѣмъ не зимнее жилье! Если мнѣ хотѣлось иногда согрѣться и вообще устроиться поуютнѣе, приходилось натягивать на себя теплые дорожные сапоги, пальто, башлыкъ и мѣховую шапку. Вотъ тогда дѣйствительно становилось довольно тепло, особенно тому боку, что поджаривался у камина. Но на этомъ свѣтѣ надобно умѣть вертѣться, и я вертѣлся точно подсолнечникъ.

Вечера тянулись безконечно; скука!.. Такъ вотъ зубы мои и начали задавать концерты, да еще какіе! Солидная датская зубная боль и сравниться не можетъ съ итальянскою. Итальянка разыгрывала на моихъ зубахъ, словно на клавишахъ, такіе пьесы, что хоть бы самому Листу или Тальбергу впору! То отдавалось у меня въ переднихъ зубахъ, то въ коренныхъ, какъ будто перекликались два хора; большой же передній рѣзецъ исполнялъ партію примадонны со всевозможными руладами, стокатто и трелями. Да, въ этой игрѣ была такая сила, такая гармонія, что я подъ конецъ утрачивалъ всякое человѣческое подобіе.

Вечерніе концерты перешли въ ночные. Во время одного изъ такихъ концертовъ, сопровождаемыхъ въ видѣ аккомпанимента дребезжаніемъ стеколъ въ окнахъ и шумомъ ливня, я бросилъ унылый взглядъ на ночникъ. Какъ разъ возлѣ него стоялъ мой письменный приборъ, и я ясно увидѣлъ,

что перо мое плясало по бумагѣ, какъ будто имъ водила чья-то невидимая рука. Но нѣтъ! Оказалось, что пишетъ оно само собой, только подъ диктовку. Кто же диктовалъ? Да, оно. пожалуй, покажется невѣроятнымъ, но это истинная правда; ужъ повѣрьте мнѣ! Диктовали мои сапоги, мои старые копенгагенскіе сапоги! Я промочилъ ихъ въ этотъ день и поставилъ сушиться въ каминъ возлѣ тлѣющей золы. Бѣдняги! Если я схватилъ сегодня зубную боль, то они схватили водянку! Диктовали они свою автобіографію, и такъ какъ она можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на итальянскую зиму 1840—1841 года, то вотъ она.

«Насъ двое братьевъ: сапогъ на правую ногу и сапогъ на лѣвую. Первыя воспоминанія наши относятся къ той минутѣ, когда насъ отлакировали и затѣмъ вычистили щеткой! Мы могли смотрѣться другъ въ друга, какъ въ зеркало, и видѣть, что мы составляемъ какъ бы одно цѣлое, являемся своего рода Касторомъ и Полуксомъ, сіамскими близнецами, которымъ судьба опредѣлила вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умереть. По рожденію мы оба были копенгагенцами.

Мальчишка, ученикъ сапожника, бережно надѣлъ насъ на руки, чтобы пустить насъ въ люди, и это обстоятельство пробудило въ насъ пріятныя, но ложныя надежды относительно нашего назначенія. Тотъ, кому насъ принесли, сейчасъ схватилъ насъ за уши и натянулъ себѣ на ноги, а затѣмъ зашагалъ въ насъ по лѣстницѣ. Мы скрипѣли отъ радости! На улицѣ шелъ дождь, но мы всетаки скрипѣли, увы! только въ этотъ первый день!

Ахъ, сколько грязныхъ лужъ приходится перейти, живя на свѣтѣ! А мы, вѣдь, не родились непромокаемыми! Грустно! Никакая щетка не могла уже вернуть намъ нашего первоначальнаго блеска, которымъ мы такъ гордились, когда сидѣли на рукахъ мальчишки-сапожника. Кто же опишетъ наше счастье, когда мы узнали, что ѣдемъ за границу, да еще въ Италію, эту теплую, сухую страну, гдѣ намъ придется ходить все по мрамору да по классической землѣ, впивать въ себя солнечные лучи и, безъ сомнѣнія, вернуть себѣ утраченный блескъ юности! Мы отправились. Во время долгихъ переѣздовъ мы мирно спали себѣ въ чемоданѣ, и намъ все снились теплыя страны. Въ городахъ же насъ вынимали, и мы вволю наглядѣлись на бѣлый свѣтъ, но грязь и сырость встрѣчали повсюду такія же, какъ и въ Даніи. Подошвы наши были поражены гангреной, намъ сдѣлали операцію и приставили искусственныя подошвы. Ихъ, впрочемъ, пригнали къ намъ такъ хорошо, что мы какъ будто и родились съ ними. «Хоть бы поскорѣе перебраться черезъ Альпы!» вздыхали мы: «Тамъ и тепло и сухо!» Ну вотъ и перебрались черезъ Альпы,—ни тепло и ни сухо! Дождь, вѣтеръ, а если и приходилось ступать по мрамору, то по такому холодному, что на подошвахъ у насъ выступалъ холодный потъ, и мы оставляли за собою влажные слѣды. Вечера, впрочемъ, мы проводили очень оживленно: слуга отеля, перенумеровавъ всѣ

сапоги и ботинки пріѣзжихъ, присоединялъ къ нимъ и насъ, и мы могли вволю наговориться съ своими иностранными товарищами. Между прочимъ случилось намъ разъ бесѣдовать съ парой чудесныхъ красныхъ сафьянныхъ голенищъ съ черными головками; дѣло было, кажется, въ Болоньѣ. Они разсказывали о тепломъ лѣтѣ въ Римѣ и Неаполѣ и о своемъ восхожденіи на Везувій. Тамъ-то они и прожгли себѣ головки! Ахъ, мы просто затосковали отъ желанія удостоиться такого же блаженнаго конца! «Только бы поскорѣе перебраться черезъ Аппенины! Поскорѣе бы въ Римъ!» думали мы. Теперь мы въ Римѣ, и... мокнемъ здѣсь отъ дождя и грязи недѣлю за недѣлей! Какъ же, надо, вѣдь, осмотрѣть всѣ достопримѣчательности, а имъ, какъ и дождю, и конца нѣтъ! Хоть бы разъ обогрѣлъ насъ солнечный лучъ! Нѣтъ, холодъ, вѣтеръ и дождь! О Римъ, Римъ! Сегодня ночью въ первый разъ наслаждаемся мы тепломъ въ этомъ благословенномъ каминѣ и будемъ наслаждаться, пока не лопнемъ! Но прежде чѣмъ вкусить эту блаженную кончину, мы желаемъ оставить потомству эту правдивую исторію, тѣло же наше завѣщаемъ доставить въ Берлинъ тому, кто имѣлъ мужество описать «Италію, какъ она есть», правдолюбивому Nicolai!»

Тутъ сапоги развалились. Все стихло, ночникъ погасъ, я самъ вздремнулъ немножко и, проснувшись утромъ, подумалъ, что видѣлъ все описанное во снѣ. Заглянувъ въ каминъ, я нашелъ тамъ совершенно съежившіеся, высохшіе, какъ муміи, сапоги. Потомъ я посмотрѣлъ на бумагу, лежавшую близъ ночника; это была обыкновенная сѣрая оберточная бумага, но вся въ кляксахъ. Перо, значитъ, дѣйствительно бѣгало по ней. Но увы! всѣ буквы слились, и ничего нельзя было разобрать. Я записалъ поэтому весь разсказъ по памяти и прошу всѣхъ помнить, что это не я, а мои сапоги жалуются на bella Italia!

Три римскихъ мальчика.

Въ великолѣпномъ Римѣ встрѣчаются въ узкихъ извилистыхъ улицахъ прекрасные большіе дворцы; находись они на виду, среди открытой площади, они были бы признаны архитектурными шедеврами. Одинъ изъ такихъ я и собираюсь сейчасъ нарисовать и надѣюсь, что по этому наброску перомъ его безъ труда отыщутъ среди другихъ, если къ тому же будетъ еще указана улица—via Ripetta, гдѣ его слѣдуетъ искать.

Маленькій четырехугольный дворикъ обнесенъ высокими аркадами; каждая колонна—чудо искусства; между колоннами и въ нишахъ стѣнъ изуродованныя мраморныя статуи. Стѣны внизу украшены барельефами, вверху лѣпными головами римскихъ цезарей; постаменты статуй обвиты стеблями травъ и вьющихся растеній; побѣги ихъ цѣпляются и за складки мраморныхъ одѣяній. Паукъ протянулъ свою сѣть и покрылъ ею, точно траурнымъ флеромъ, головы боговъ и императоровъ. Во дворѣ валяются коче-

рыжки, лимонныя корки, осколки бутылокъ. Широкая мраморная лѣстница, ведущая въ покои дворца, запущена и загрязнена еще больше, чѣмъ дворъ.

На ступеняхъ ея сидятъ три босоногихъ полуокоченѣлыхъ мальчугана. Одинъ кутается въ старый изодранный коверъ, вмѣсто плаща, и сосетъ обломокъ камыша, вмѣсто трубки. У другого ноги обмотаны тряпьемъ, прикрѣпленнымъ къ тѣлу веревочками, а на плечахъ широкій и длинный бѣлый балахонъ; мальчуганъ можетъ обвернуть имъ все свое тѣло хоть дважды; зато балахонъ, кажется, и служитъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и панталонами. Все одѣяніе третьяго состоитъ изъ шляпы да жилетки, если не считать старой туфли, лежащей подъ ступенькой. Всѣ трое играютъ въ карты.

Не интересно-ли будетъ познакомиться съ этими молодыми римлянами и съ ихъ семействами поближе? По волѣ случая чуть-ли не всѣ главы этихъ семействъ собрались сейчасъ на террасѣ у площади del Popolo. Вонъ стоитъ группа бородатыхъ мужчинъ въ полосатыхъ, бѣлыхъ съ голубымъ, балахонахъ; мундиръ примѣтный; добавочной принадлежностью къ нему являются обыкновенно цѣпочки—изъ тѣхъ, что носятся на ногахъ. Передъ нами арестанты, которые вышли на работу. Тотъ передній, что оперся на лопату, отецъ мальчугана, закутаннаго въ коверъ вмѣсто плаща. Да, отецъ его! Но онъ ни воръ, ни разбойникъ; онъ только злой проказникъ! Исторія не сложная: онъ угодилъ въ тюрьму изъ желанія насолить своему господину. Какъ же онъ ему насолилъ? Взялъ да спряталъ въ господскій экипажъ контрабанду и самъ же постарался, чтобы ихъ съ ней накрыли. По закону въ такихъ случаяхъ и лошади и экипажъ конфискуются полиціей, хотя бы собственникъ ихъ и не былъ лично виновенъ въ провозѣ контрабанды, кучера же сажаютъ въ тюрьму, но господинъ обязуется вносить на его прокормъ ежедневно по пятнадцати байоки. Что ни говори—расходъ! Если арестантъ трудолюбивъ и ведетъ себя хорошо, каждые восемь мѣсяцевъ его заключенія считаются за годъ. и за работу ему назначаютъ наивысшую плату. Вотъ какія соображенія занимаютъ сейчасъ арестанта: «Хозяинъ-то потерялъ и лошадей и карету! Хозяину приходится ежедневно раскошеливаться на меня! У меня же готовое помѣщеніе. постоянная работа да еще за высшую плату, и значусь я «порядочнымъ арестантомъ!» Пожалуй, и сыну моему не добиться лучшаго»

По аллеѣ мчится легкій щегольскій экипажъ; богатый иностранецъ, лѣтъ тридцати, самъ правитъ лошадьми. Онъ не въ первый разъ въ Римѣ; онъ былъ здѣсь восемь лѣтъ тому назадъ, а теперь вернулся сюда съ молодой женой и показываетъ ей вѣчный городъ. Сейчасъ они ѣздили смотрѣть чудесную статую Кановы. Иностранецъ съ перваго взгляда узналъ эти роскошныя формы, эту красавицу-женщину, обезсмерченную рѣзцомъ ваятеля, но, конечно, не проговорился объ этомъ женѣ. Красавица Джудита давно

истлѣла въ могилѣ, а сынишка ея играетъ теперь на мраморной лѣстницѣ дворца въ карты и драппируется въ свой огромный балахонъ не хуже, чѣмъ папаша его въ свой щегольскій плащъ.

Ну, а гдѣ же искать намъ родителей третьяго мальчика. Постойте, на слѣдъ-то мы уже напали! Тутъ же подъ деревомъ стоитъ сморщенная старуха съ грѣлкой въ рукахъ и проситъ милостыни во имя Мадонны. Она не бабушка и, конечно, ужъ не мать мальчику, но она одна могла бы кое-что разсказать о немъ.

Отъ площади Св. Петра по направленію къ замку Ангела идетъ улица; въ этой улицѣ есть большое зданіе; въ стѣнѣ его устроена подвижная ниша, обитая такою же полосатою матеріей, изъ какой шьется арестантское платье. На полу ниши лежитъ подушка, а самая ниша вертится на оси, какъ сторожевая будка. Рядомъ большой колоколъ. Девять лѣтъ тому назадъ къ нишѣ подошла эта самая старуха и положила на подушку небольшой свертокъ, повернула нишу, позвонила въ колоколъ и скрылась. Зданіе это—пріютъ для подкидышей.

Вотъ откуда третій мальчуганъ. Старуха могла бы разсказать и о его матери, да что толку? Молодая богатая синьора теперь далеко отсюда, въ плавучей Венеціи, гдѣ слыветъ образцомъ добродѣтели и неприступности. А сынишка ея... Чтожъ, ему живется не худо—сидитъ на мраморной лѣстницѣ и козыряетъ!

Мальчуганы эти такъ и просятся на полотно! Взгляды, каждое движеніе, засаленныя карты, смѣлыя клубы сигарнаго дыма—все живописно! Да, вотъ такъ группа! *)

Ее разстраиваетъ нашествіе стаи индюшекъ, которыхъ вгоняютъ по ступенямъ мраморной лѣстницы двое крестьянъ. Индюшки куплены торговцемъ, что проживаетъ въ одной изъ залъ дворца. День-два онъ еще, пожалуй, дастъ птицамъ побѣгать по каменному мозаичному полу подъ чуднымъ лѣпнымъ потолкомъ, украшеннымъ гербомъ вымершаго знатнаго рода!...

На пароходѣ.

Поэтъ, какъ птица, не можетъ не пѣть; пѣсня рвется изъ его груди сама собою, прорывается, какъ лучъ свѣта, вздымается, какъ волна морская. Часто также передъ ними развертывается страничка изъ великой книги природы, и онъ, глядя на нее, поетъ какъ по нотамъ.

Такой страничкой съ нотами, пѣсней безъ словъ, явился для меня Неаполь и весь западный берегъ Италіи.

---

*) Идеею этой и воспользовался извѣстный датскій художникъ Карлъ Блокъ для одной изъ своихъ знаменитыхъ жанровыхъ картинъ изъ итальянской жизни.

Примѣч. перев.

Какое наслажденіе плыть по волнамъ морскимъ!

Неаполь бѣлый, залитый солнцемъ городъ! По улицамъ твоимъ, словно потоки лавы, разливаются съ крикомъ и пѣснями веселыя волны людскія; звуки долетаютъ даже до насъ! По берегу залива извивается, точно змѣя, цѣпь городовъ. Неаполь—ея голова, увѣнчанная короною, за̀мкомъ Сантъ-Эльмо.

Какое наслажденіе плыть по волнамъ морскимъ!

Вершина Везувія окутана густыми облаками; клочья ихъ нависаютъ надъ хижиной пустынника. Сама гора дышитъ пламенемъ, нѣдра морскія дышатъ пламенемъ, самый пароходъ нашъ, мое сердце—тоже, повсюду вулканы!!! Словно дымящаяся ракета, летитъ по берегу, вдоль залива, желѣзнодорожный поѣздъ. Вотъ въ тѣни апельсинныхъ садовъ ютится Сорренто; пинія осѣняетъ своей вершиной домъ Тассо. Точно какія-то окаменѣлыя облачныя массы, ввергаются прямо въ море голыя скалы. По сѣрому утесу карабкается каменный козелъ...

Привѣтъ тебѣ, Капри, сказочный островъ! Я помню твои пальмы подъ навѣсомъ дикихъ скалъ, твой диковинный лазурный гротъ, гдѣ пѣна морская алѣетъ розами, камни напоминаютъ цвѣтомъ зимнее небо сѣвера, а волны моря пламенѣютъ. Высоко-высоко по горной тропинкѣ бродитъ оселъ, ступая по мозаичному полу—послѣднему остатку роскошнаго дворца Тиверіи. Пустынникъ преклоняетъ тамъ колѣна среди безмолвія природы. Капри, очагъ воспоминаній, сейчасъ мы пронесемся мимо тебя!.. Солнце садится, ночь сыплетъ миріадами звѣздъ! Волны плещутся о борта и вспыхиваютъ, будто тлѣющіе уголья; за пароходомъ тянется огненный слѣдъ; небо горитъ безчисленными огнями!..

Какое наслажденіе плыть по волнамъ морскимъ!

Ночь. Раздается возгласъ юнги: «Проснитесь! Проснитесь! Стромболи горитъ! Идите смотрѣть!» Закутанные въ плащи, стоимъ мы у борта и смотримъ черезъ море, вспыхивающее фосфорическимъ блескомъ. Тамъ на горизонтѣ взлетаютъ ракеты—красныя, зеленыя, голубыя... Вотъ вздымается цѣлый столбъ пламени... Это Стромболи, горящій островъ, внезапно поднявшійся со дна моря. Онъ сынъ Этны, вынырнувшій со своими братьями изъ морской глубины, подальше отъ роднаго материка. Въ восточныхъ сказаніяхъ говорится о Синдбадѣ, высадившемся со своими спутниками на кита, котораго они приняли за песчанную отмель; они развели на немъ огонь, и животное нырнуло въ глубину. Липарскіе острова тоже своего рода киты; люди строятся и живутъ на ихъ спинахъ, а киты въ одинъ прекрасный день возьмутъ да и нырнутъ съ ними въ глубину. Мы подходимъ къ Стромболи все ближе и ближе... Звѣзды блещутъ, волны пламенѣютъ!..

Какое наслажденіе плыть по волнамъ морскимъ!

Въ Дарданельскомъ проливѣ.

Утромъ мы вошли въ Дарданельскій проливъ, древній Геллеспонтъ. На европейскомъ берегу лежалъ городъ, должно быть, больше заботившійся о своемъ брюхѣ, нежели о душѣ: тамъ виднѣлся всего одинъ минаретъ и цѣлыхъ пять мукомольныхъ вѣтряныхъ мельницъ. Къ городу примыкала довольно красивая крѣпость. На азіатскомъ берегу показался такой же городъ. Разстояніе между ними равнялось, на мой взглядъ, приблизительно морской милѣ. Оба берега отлоги; пески чередуются съ зелеными полями. На европейскомъ берегу виднѣлись жалкія каменныя хижины; окнами и дверями въ нихъ служили пробитыя въ стѣнахъ дыры. Тамъ и сямъ росли пиніи; по тропинкѣ вдоль берега шли какіе-то турки. Азіатскій берегъ смотрѣлъ привѣтливѣе; тутъ тянулись зеленыя поля, росли густолиственныя деревья.

Разстояніе между берегами двухъ различныхъ частей свѣта показалось мнѣ, какъ сказано, небольшимъ; я по крайней мѣрѣ простымъ глазомъ совершенно ясно различалъ на обоихъ берегахъ каждый кустикъ, каждаго человѣка; но, конечно, этому много содѣйствовала прозрачность воздуха.

Я подошелъ къ борту парохода, гдѣ сидѣли пассажирки-турчанки, подошелъ полюбоваться берегомъ, а кстати и турчанками. Онѣ обѣдали и потому откинули свои чадры. Женщины въ свою очередь поглядывали на меня. Самая младшая, самая хорошенькая и, должно быть, самая веселая изъ нихъ, видно сообщала другой, постарше, свои замѣчанія относительно моей особы. Собесѣдница ея только кивала головой, сохраняя невозмутимую серьезность. Это взаимное наше созерцаніе было прервано подошедшимъ ко мнѣ молодымъ туркомъ, который заговорилъ со мною по-французски. Во время бесѣды онъ замѣтилъ мнѣ полушутливымъ тономъ, что смотрѣть на женщину безъ чадры противно обычаямъ страны; оттого-то такъ серьезно и поглядывалъ на меня мужъ; развѣ я не замѣтилъ этого? Я посмотрѣлъ на турка. Старшая изъ его маленькихъ дочекъ подавала ему трубку и кофе, младшая рѣзвилась по палубѣ, перебѣгая отъ него къ женщинамъ и назадъ. Хочешь понравиться родителямъ — понравься дѣтямъ! Вотъ чему учитъ насъ житейская мудрость. Я хотѣлъ начать съ младшей дѣвочки, предложилъ ей фруктовъ и принялся шутить съ ней, но она точно козленокъ быстро отпрыгнула къ одной изъ черныхъ дѣвушекъ, прижалась къ ней и закуталась въ складки ея длинной чадры. Выставивъ оттуда одно личико, шалунья громко засмѣялась, сложила губки, точно для поцѣлуя, потомъ взвизгнула и бросилась къ отцу. Старшая дѣвочка, должно быть, лѣтъ шести, прехорошенькая, дичилась меньше. Эта маленькая турчанка была еще безъ чадры, въ красныхъ сафьяновыхъ туфляхъ поверхъ желтыхъ сапожковъ, въ свѣтло-голубыхъ широкихъ шелковыхъ шальварахъ, красной коротенькой туникѣ

и черной бархатной кофточкѣ. Черные волосы спускались на спину двумя косами, перевитыми золотыми монетками, а на маковкѣ красовалась парчевая шапочка. Она уговаривала младшую сестру взять отъ меня фрукты, но та не хотѣла. Я велѣлъ слугѣ принести разныхъ сластей, и скоро мы съ старшей дѣвочкой подружились. Она показала мнѣ свою игрушку, глиняный кувшинчикъ для питья, изображавшій лошадку съ маленькой птичкой на каждомъ ухѣ. Говори я по-турецки, я бы не замедлилъ разсказать ей объ этой лошадкѣ сказочку! Я усадилъ дѣвочку къ себѣ на колѣни; она гладила меня ручонками по щекамъ и такъ довѣрчиво и ласково глядѣла мнѣ въ глаза, что я не могъ не заговорить съ ней. Говорилъ я, конечно, по-датски, а она, слушая меня, заливалась смѣхомъ; такого забавнаго языка она, конечно, еще никогда ни слыхала и вѣрно полагала, что это просто тарабарщина какая-то. Ея маленькіе ноготки были по обычаю турчанокъ выкрашены въ черный цвѣтъ, поперекъ ладони тоже была проведена черная полоса. Я указалъ на нее пальцемъ, и дѣвочка тотчасъ протянула поперекъ моей ладони кончикъ своей косички, чтобы и у меня на рукѣ была такая же полоска. Она пыталась подманить къ намъ и младшую сестренку, но та, весело переговариваясь съ ней, продолжала держаться на почтительномъ разстояніи. Отецъ подозвалъ старшую дѣвочку къ себѣ и, вѣжливо поклонившись мнѣ на европейскій манеръ, т. е. снявъ съ головы феску, шепнулъ что-то малюткѣ на ухо. Та кивнула головкой, взяла изъ рукъ слуги чашку кофе и поднесла ее мнѣ. Затѣмъ мнѣ была предложена и огромная турецкая трубка. Я не курю, поэтому взялъ лишь кофе и расположился съ нимъ на подушкѣ рядомъ съ любезнымъ туркомъ, дочку котораго успѣлъ обворожить. Милую дѣвочку звали Зюлейкой, и я смѣло могу теперь сказать что сорвалъ въ Дарданельскомъ проливѣ поцѣлуй съ устъ дочери Азіи!

Могила.

Высоко на горѣ, откуда открывается видъ на весь городъ, рѣку и поросшіе лѣсомъ острова, расположился древній Градчинъ. Въ здѣшней церкви покоятся въ великолѣпной серебрянной ракѣ мощи Св. Іоанна Непомука. Какая роскошь искусства внутри церкви, какая роскошь природы вокругъ, и все же не сюда прежде всего направляетъ свои стопы датчанинъ, посѣтившій Прагу. Близъ городской площади есть маленькая бѣдная церковь. Чтобы попасть въ нее, надо пройти подъ аркой и затѣмъ черезъ узкій дворъ. Священникъ какъ разъ служитъ обѣдню; колѣнопреклоненная паства шепчетъ одно: «Молись о насъ!» Шепотъ этотъ сливается въ одинъ глухой подавленный вздохъ, какъ будто несущійся изъ какой-то подземной глубины и выростающій въ болѣзненный вопль, стенаніе. Датчанинъ идетъ по корридору направо. Въ колонну вдѣлана большая красновато-коричневая плита, на которой высѣчено изображеніе рыцаря въ доспѣхахъ. Чей это прахъ по-

коится здѣсь? Земляка! Датчанина! Одного изъ міровыхъ геніевъ, прославившихъ имя Даніи, страны, изгнавшей его! Зàмокъ его на родинѣ превратился въ развалины, плугъ прошелъ тамъ, гдѣ онъ въ своей уютной комнаткѣ изучалъ древнія рукописи и принималъ королей; чайки вьются тамъ, гдѣ онъ съ башни читалъ по звѣздамъ! Островъ, его любимый островъ, теперь въ чужихъ рукахъ, не принадлежитъ болѣе Даніи, какъ не принадлежитъ ей и самый прахъ ея великаго сына!

Датчанинъ плачетъ въ чужой сторонѣ надъ могилой Тихо-Браге и негодуетъ на его современниковъ: «Данія! Въ твоемъ гербѣ сердца, но надо имѣть сердце и въ груди!..» Тише, сынъ новаго вѣка! Живи ты въ то время, можетъ быть, и ты не сумѣлъ бы оцѣнить его, какъ слѣдуетъ! Можетъ быть, величіе его уязвило бы и твое тщеславіе, можетъ быть, и ты подлилъ бы яду въ его жизненный кубокъ! Яблочко не далеко падаетъ отъ яблони! Родство что-нибудь да значитъ!

На могильную плиту падаютъ лучи солнца, падаютъ, можетъ быть, и слезы! По церкви попрежнему разносится глухой болѣзненный шопотъ: «Молись о насъ!»

III.

По Швеціи.

(1849 г.)

Передъ отъѣздомъ.

Весна; раздается пѣніе птицъ... Понимаешь ты ихъ пѣсни? Нѣтъ? Такъ послушай ихъ въ вольномъ переводѣ.

«Садись ко мнѣ на спину!» предлагаетъ аистъ, благословенный гость нашихъ зеленыхъ острововъ. «Я перенесу тебя черезъ Зундъ. Въ Швеціи тоже есть свѣжіе душистые буковые лѣса, зеленые луга и хлѣбныя поля; очутившись въ Сконіи, въ яблоневомъ саду крестьянина, ты подумаешь, что все еще въ Даніи!»

«Полетимъ со мной!» щебечетъ ласточка. «Я залетаю за Халландскій мысъ, гдѣ буковые лѣса кончаются, залетаю на сѣверъ дальше аиста. Ты увидишь, какъ черноземъ мало-по-малу переходитъ въ скалистую почву, увидишь привѣтливые города, старинныя церкви, крестьянскіе дома съ уютными, чисто прибранными горницами, увидишь, какъ семья крестьянина стоитъ кругомъ обѣденнаго стола и слушаетъ молитву, которую читаетъ младшій ребенокъ, услышишь, какъ вечеромъ и утромъ поются тамъ псалмы. Я слышала и видѣла все это еще крошкой изъ родного гнѣзда подъ крышей».

«За мной! За мной!» кричитъ непосѣда-чайка, выжидательно кружась надъ нашими головами. «За мной въ шхеры, гдѣ вдоль берега тянутся, словно цвѣточныя грядки, безчисленные островки, поросшіе соснами да елями, гдѣ рыбаки вытаскиваютъ сѣти, полныя рыбы!»

«Садись на наши распростертыя крылья!» поютъ дикіе лебеди. «Мы понесемъ тебя къ большимъ озерамъ, вѣчно шумящимъ быстрымъ горнымъ потокамъ, туда, гдѣ дубовые лѣса исчезаютъ, а береза мельчаетъ. Садись на наши распростертыя крылья, и мы полетимъ къ Сулительмѣ, полетимъ съ зеленыхъ долинъ на одѣтыя снѣгомъ вершины горъ, откуда видно Сѣверное море, омывающее тотъ берегъ Норвегіи. Въ Іемтеландъ полетимъ мы, гдѣ синѣютъ высокія горы, гдѣ шумятъ горныя рѣчки, гдѣ зажигаютъ на берегу огни, чтобы призвать съ той стороны паромъ. Полетимъ и туда, къ глубокимъ холоднымъ водамъ, туда, гдѣ лѣтнее солнце не сходитъ съ неба, гдѣ вечерняя заря сталкивается съ утренней!»

Вотъ что поютъ птицы! Не послушаться-ли намъ ихъ? Не пролетѣть-ли хоть часть ихъ пути? Мы, конечно, не сядемъ ни на спину къ лебедямъ, ни на крылья къ аисту; насъ повезетъ паръ, повезутъ лошади и понесутъ наши собственныя ноги! Порою мы будемъ заглядывать за изгородь, отдѣляющую дѣйствительность отъ ближайшей къ ней сосѣдней страны—царства фантазіи, будемъ срывать тамъ то цвѣтокъ, то листокъ и прятать ихъ въ записную книжку — на память о нашемъ путешествіи. Итакъ, въ путь, напѣвая: «Швеція, дивная страна!..»

Трольгетта.

Кого же встрѣтили мы на Трольгеттѣ? О, это прямо невѣроятно! Сейчасъ мы разскажемъ все.

Мы сошли съ парохода передъ первыми шлюзами и очутились ни дать-ни взять въ англійскомъ паркѣ: широкія аллеи, убитыя щебнемъ и подымающіяся вверхъ небольшими террассами, по бокамъ же залитый солнцемъ газонъ. Видъ самый привѣтливый, красивый, но ничего поражающаго, величественнаго. Кто ищетъ такого, долженъ взять немного правѣе, въ сторону старыхъ шлюзовъ, прорванныхъ въ скалахъ порохомъ. Зрѣлище величественное! Вода, пѣнясь, клубится по глубокому черному руслу. Отсюда вся долина и рѣка видны, какъ на ладони. Противоположный берегъ рѣки представляетъ зеленую холмистую возвышенность, усѣянную лиственными деревьями и красными деревянными домиками. По шлюзамъ подымаются и корабли и пароходы; роль покорнаго духа играетъ здѣсь сама рѣка, переносящая суда черезъ скалы. Изъ-за лѣса слышится шумъ и ревъ: это грохотъ Трольгетты сливается съ визгомъ лѣсопильныхъ мельницъ и стукотней молотовъ въ кузницахъ.

«Черезъ три часа мы пройдемъ всѣ шлюзы!» сказалъ нашъ капитанъ.

«За это время вы успѣете осмотрѣть водопады. Встрѣтимся у гостиницы наверху!» Мы направились по тропинкѣ въ лѣсъ, и тутъ насъ окружила цѣлая толпа бѣлоголовыхъ мальчишекъ. Всѣ желали быть нашими проводниками и старались перекричать другъ друга, давая самыя разнорѣчивыя указанія относительно того, какъ высоко подымается, не подымается и можетъ подыматься въ шлюзахъ вода. Да, и тутъ между учеными царило разногласіе! Скоро мы остановились на обросшей краснымъ верескомъ площадкѣ скалы, на головокружительной высотѣ. Внизу подъ ними клокотала вода—«Адскій водопадъ», надъ нимъ другой, третій, водопадъ надъ водопадомъ, образуемые все тою же многоводною рѣкою, вытекающею изъ величайшаго озера Швеціи. Что за видъ! Какое клокотанье вверху и внизу! Точно море низвергается сверху, море пѣнящагося шампанскаго, или кипящаго молока! Сначала водяная масса разбивается о двѣ скалы, и мелкая серебристая пыль стоитъ въ воздухѣ густымъ облакомъ, затѣмъ потокъ суживается и мчится дальше, сжатый съ обѣихъ сторонъ каменными стѣнами, затѣмъ опять разбивается, падая внизъ, вырывается на волю, успокоивается, дѣлаетъ круговой поворотъ назадъ и снова тяжело обрушивается внизъ, образуя «Адскій водопадъ». Что за шумъ, что за ревъ, что за клокотанье тамъ въ глубинѣ!.. Языкъ нѣмѣетъ!..

Онѣмѣли и наши крикуны-проводники. Когда же языкъ у нихъ снова развязался, и они опять пустились въ разсказы и объясненія, ихъ скоро прервалъ какой-то старикъ. Никто не замѣчалъ его раньше и не зналъ, какъ онъ здѣсь очутился. Тѣмъ не менѣе онъ былъ тутъ и прервалъ мальчишекъ своимъ удивительно рѣзкимъ, сильнымъ голосомъ. Онъ-то хорошо зналъ здѣшнія мѣста, а о старинѣ разсказывалъ такъ, какъ будто все случилось только вчера.

«Въ такъ называемыя языческія времена здѣсь на скалахъ сходились витязи на единоборство!» разсказывалъ онъ. «Витязь Стэркоддеръ, жившій тутъ по близости, влюбился въ красавицу Огнъ Альфафостеръ, но ей больше былъ по вкусу витязь Херггримеръ. Стэркоддеръ вызвалъ его на поединокъ здѣсь у водопада и убилъ, но Огнъ схватила окровавленный мечъ жениха и пронзила имъ себѣ сердце, чтобы не доставаться Стэркоддеру. Съ тѣхъ поръ прошло сто лѣтъ да еще сто лѣтъ; здѣсь стоялъ тогда густой лѣсъ, въ немъ бродили лѣто и зиму волки да медвѣди, хозяйничали разбойники. Никто не могъ открыть ихъ убѣжища—пещеры, что была близъ водопада, со стороны Норвегіи. Теперь ея ужъ нѣтъ,—обрушилась. Утесъ...»

«Да, утесъ Портного!» закричали мальчишки: «Онъ рухнулъ въ 1855 г.

«Рухнулъ!» повторилъ старикъ, словно удивленный тѣмъ, что кто-нибудь, кромѣ него, могъ знать это. «Все когда-нибудь рухнетъ, а портной рухнулъ сразу! Разбойники посадили его на самомъ краю утеса и велѣли ему вмѣсто всякаго выкупа поскорѣе сшить платье. Онъ было принялся за работу

да какъ поглядѣлъ внизъ—голова у него закружилась, и онъ полетѣлъ въ клокочущую бездну. Съ тѣхъ поръ утесъ и носилъ его имя. Однажды разбойники изловили одну молоденькую дѣвушку; плѣнница и выдала ихъ—зажгла костеръ въ пещерѣ, дымъ увидѣли, пещеру нашли, разбойниковъ переловили и перевѣшали!»

Мы пошли дальше вдоль водопада къ островку; опрятная, усыпанная опилками дорожка вела до самыхъ шлюзовъ Польгемса, гдѣ искусство человѣческое, придя на помощь природѣ, создало величественнѣйшій изъ водопадовъ Трольгетты. Стремительный потокъ падаетъ въ черную бездну отвѣсной стѣной. Скала соединена съ островкомъ легкимъ желѣзнымъ мостомъ; такъ и кажется, что онъ переброшенъ надъ настоящей бездной. Переходишь по этому колеблющемуся мосту надъ брызжущей, клокочущей водой на крошечный скалистый островокъ и стоишь тамъ среди сосенъ и елей, пробивающихся изъ трещинъ. Передъ нами низвергается съ размаху огромный водяной потокъ, разбивается о скалистую глыбу, на которой мы стоимъ, осыпаетъ насъ дождемъ мельчайшихъ брызгъ и дѣлится на два рукава; огибая островъ, они несутся съ быстротой пущенныхъ изъ какой-нибудь исполинской пушки и падаютъ по уступамъ скалъ, образуя цѣлый рядъ водопадовъ. Всѣ они передъ нами, какъ на ладони, и мы стоимъ очарованные и самою картиною и гармоничнымъ грохотомъ, раздающимся тутъ съ испоконъ вѣка. «А на тотъ островокъ, небось, никто не взберется?» спросилъ кто-то изъ насъ, указывая на другой островокъ, побольше, возвышающійся надъ самымъ верхнимъ водопадомъ.

«Я-то знаю одного такого!» сказалъ старикъ, какъ-то странно улыбаясь.

«Это мой дѣдушка!» сказалъ старшій изъ мальчугановъ. «Вообще же туда рѣдко кто заберется, развѣ одинъ въ сто лѣтъ! Крестъ, что стоитъ тамъ на вершинѣ, поставилъ мой дѣдушка. Зима стояла такая суровая, что все озеро замерзло; водопады тоже замерзли на нѣсколько часовъ, такъ что можно было перейти на островъ по камнямъ русла. Дѣдушка съ двумя своими товарищами и перешелъ, поставилъ тамъ крестъ и вернулся обратно. Вдругъ точно изъ пушекъ выпалили—такой трескъ пошелъ; ледъ взломало, и рѣка опять понеслась по лугамъ и лѣсамъ. Все это правда, такъ дѣдушка разсказывалъ!»

Одинъ изъ моихъ спутниковъ продекламировалъ стихи Тегнера, въ которыхъ говорилось о силахъ природы, покорившихся нынѣ уму человѣка. «Да, бѣдный горный духъ, бѣдный Тролль!» продолжалъ онъ. «Сила и могущество твои все падаютъ! Умъ человѣческій побѣдилъ ихъ! Тебѣ надо поучиться у насъ!»

Словоохотливый, неизвѣстный никому изъ насъ, старикъ скорчилъ гримассу и что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ, но... мы дошли въ это время до моста передъ гостиницей и увидѣли пароходъ, уже миновавшій шлюзы.

Всѣ поспѣшили сѣсть на него, и онъ быстро понесся вверхъ по рѣкѣ, выше водопада, точно того и не существовало.

«Да, какъ же это!» недоумѣвалъ старикъ. Онъ, повидимому, не только не ѣзжалъ никогда на пароходѣ, но даже и не видалъ ни одного. То-то онъ такъ и шнырялъ по всѣмъ угламъ, взбирался на верхъ, спускался внизъ, всматривался въ устройство машины, точно хотѣлъ пересчитать тамъ всѣ гвоздики, разглядывалъ колеса, перевѣшивался черезъ бортъ, словомъ. совалъ свой носъ всюду. Самый каналъ тоже былъ для него совершенно новою, незнакомою дорогой, карты и путеводители также. Ужъ онъ вертѣлъ, вертѣлъ ихъ въ рукахъ! Читать врядъ ли онъ умѣлъ. Съ мѣстностью онъ былъ, однако, хорошо знакомъ, то-есть съ мѣстностью, какою она была въ старину. Всю ночь, что мы плыли по озеру Веннернъ, онъ не спалъ, изучая этотъ новый для него способъ передвиженія; когда же утромъ мы стали подыматься изъ озера по шлюзамъ, все выше и выше, изъ озера въ озеро, онъ просто себя не помнилъ отъ удивленія и любопытства. Наконецъ, мы достигли Моталы.

Шведскій писатель Тернеросъ разсказываетъ о себѣ, что въ дѣтствѣ онъ спросилъ однажды: «кто это тикаетъ внутри часовъ, и ему отвѣтили: «мастеръ Безкровный!» Такой же страхъ, какой охватилъ при этомъ имени малютку, заставивъ его сердечко забиться, а волосы встать дыбомъ, охватилъ и нашего старика съ Трольгетты въ Моталѣ, когда мы осматривали тамошній заводъ. Мастеръ «Безкровный», который тикалъ внутри часовъ, работалъ здѣсь тяжелыми молотами. Мастеръ «Бекровный», питаясь человѣческими мыслями, пріобрѣлъ здѣсь плоть и члены—стальные, каменные, деревянные; мастеръ «Безкровный» черпалъ изъ человѣческихъ мыслей физическія силы, какими не обладаетъ самъ человѣкъ. Мастеръ «Безкровный» житель Моталы; тутъ онъ раскинулъ свои твердые члены по огромнымъ заводамъ; члены эти — колеса, цѣпи, прутья, да желѣзныя проволоки. Войдите сюда и посмотрите, какъ прессуетъ раскаленныя желѣзныя глыбы въ длинныя полосы и потомъ прядетъ ихъ мастеръ «Безкровный», посмотрите, какъ онъ рѣжетъ ножницами твердыя металлическія доски, рѣжетъ такъ легко и мягко, точно бумагу. Послушайте, какъ онъ ударяетъ молотомъ! Искры такъ и сыплются съ наковальни! Посмотрите, какъ онъ ломаетъ толстые желѣзные брусья, ломаетъ на куски одинаковой опредѣленной величины, ломаетъ, точно палочки сургуча. Глядите, какъ катаютъ и стругаютъ толстое желѣзо, какъ вертятся огромныя колеса, какъ надъ вашими головами бѣгутъ живыя желѣзныя нити, тяжелые крѣпкіе шпурки, слышится стукъ, визгъ, жужжанье!.. Кинешься оттуда во дворъ, гдѣ разбросаны желѣзнодорожные вагоны и паровые котлы для пароходовъ, увидишь, что мастеръ «Безкровный» протягиваетъ свои саженныя руки и сюда. Все живетъ, работаетъ само собою, человѣкъ только направляетъ да останавли-

ваетъ работу! Въ глазахъ рябитъ, голова идетъ кругомъ отъ одного вида. Смотришь, вертишься, поварачиваешься, останавливаешься, нагибаешься и просто не знаешь, что сказать, чѣмъ и выразить свое благоговѣніе передъ силою человѣческой мысли. Она облеклась тутъ въ плоть и кровь, обрѣла желѣзные члены! Прислушайтесь къ безпрерывному грохоту молотовъ, приглядитесь ко всему, какъ приглядѣлся я! Старикъ съ Трольгетты тоже весь ушелъ въ созерцаніе, нагибался, привставалъ на цыпочки, ползалъ на колѣняхъ, совалъ голову во всѣ уголки между машинами... Ему хотѣлось видѣть все, изучить все, разсмотрѣть каждый винтикъ въ механизмѣ. понять, какъ онъ дѣйствуетъ подъ водой. Потъ лилъ съ него градомъ, въ пылу увлеченія онъ все пятился задомъ и, наконецъ, угодилъ мнѣ прямо въ объятія, а не то бы попалъ подъ колесо! Онъ взглянулъ на меня и пожалъ мнѣ руку.

«И подумать, что все это совершается естественными силами природы, просто и понятно!? Корабли идутъ противъ вѣтра и противъ теченія, переплываютъ черезъ лѣса и горы, вода сама ихъ подымаетъ, паръ двигаетъ!?» сказалъ онъ.

«Да!» отвѣтилъ я. «Да!» повторилъ онъ еще и еще разъ и глубоко вздохнулъ. Тогда я не понялъ этого вздоха, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя понялъ, и къ этому-то времени я сейчасъ и перескочу. Осенью на обратномъ пути я опять заглянулъ на Трольгетту и провелъ нѣсколько дней среди этой мощной природы, гдѣ все больше и больше начинаетъ хозяйничать неугомонный человѣкъ, превращая прекрасное въ полезное. Заставили приносить пользу и самую Трольгетту: пилить бревна, двигать мельницы, ковать и рубить. Зданіе выростаетъ здѣсь за зданіемъ, лѣтъ черезъ пятьдесятъ выростетъ цѣлый городъ. Но я отклонился отъ своего повѣствованія! Какъ сказано, я вернулся сюда осенью. Тотъ же шумъ, и грохотъ, то же прохожденіе парохода по шлюзамъ, тѣ же болтливые мальчишки, провожающіе пріѣзжихъ къ Адскому водопаду, къ желѣзному мосту и къ гостиницѣ. Я долго сидѣлъ здѣсь, перелистывая накопленныя годами книги для записей туристовъ. Почти всѣ туристы выражали чувства удивленія и восторга, вызванныя въ нихъ зрѣлищемъ водопада, выражали на разныхъ языкахъ, но большею частью на латинскомъ, словами: «veni, vidi, obstupui!» Одинъ написалъ: «Я видѣлъ шедевръ природы, прошедшій черезъ горнило искусства!» Другой писалъ, что «не можетъ выразить того, что́ онъ и видѣлъ, и что́ онъ видѣлъ, того не можетъ выразить». Какой-то дѣлецъ остался при дѣловой точкѣ зрѣнія и написалъ: «Съ величайшимъ удовольствіемъ увидѣлъ полезную для насъ Вермландцевъ работу Трольгетты». Одна пасторша изъ Сконіи,—какъ она подписалась,—и на Трольгеттѣ не вышла изъ круга семейныхъ интересовъ и написала: «Пошли Богъ моему зятю счастья, умъ у него есть!» Много попадалось тутъ и плоскихъ остротъ, зато стихотво-

реніе Тегнера, написанное имъ здѣсь 28 іюня 1804 г., блеснуло настоящей жемчужиной среди кучи сора.

Уставъ читать, я поднялъ голову отъ книги и кого же увидѣлъ передъ собою? Старика съ Трольгетты! Въ то время, какъ я странствовалъ, онъ все ѣздилъ взадъ и впередъ по каналу, осматривая шлюзы и заводы, изучая силу пара и его полезную дѣятельность. Онъ заговорилъ со мною о проэктируемыхъ новыхъ желѣзныхъ дорогахъ; оказалось, что онъ еще не видалъ ни одной, и я описалъ ему, какъ тянется желѣзнодорожное полотно то по насыпямъ, то по высокимъ мостамъ, то по тунелямъ, прорваннымъ порохомъ въ скалахъ.—Завтракаешь въ Лондонѣ, а вечерній чай пріѣдешь пить въ Эдинбургъ!—сказалъ я ему.

— Я это могу!—сказалъ онъ такимъ тономъ, какъ будто никто другой не могъ.

— Я тоже! —отвѣтилъ я.—Я уже и дѣлалъ это!

— Такъ кто же вы тогда?—спросилъ онъ.

— Обыкновенный туристъ! — сказалъ я. — Путешествующій на свой счетъ! А вы кто?

Онъ вздохнулъ.—Вы не знаете меня. Мое время прошло, мастеръ «Безкровный» оказывается сильнѣе меня!—И онъ исчезъ.

Тогда-то я понялъ, кто онъ! Да, можно себѣ представить, чтó долженъ былъ теперь почувствовать старый горный духъ, Тролль, выходящій на землю разъ въ сто лѣтъ посмотрѣть, какъ далеко ушло за это время человѣчество! Это и былъ никто иной, какъ самъ Тролль,—всякій человѣкъ въ наше время просвѣщеннѣе! И я съ нѣкоторою гордостью созналъ себя сыномъ своего вѣка, вѣка движущихся колесъ, тяжелыхъ молотовъ, ножницъ, рѣжущихъ металлическія доски, какъ бумагу, машинъ, ломающихъ желѣзные брусья, какъ палочки сургуча, и все это—силою пара, повинующагося человѣческому генію!

Былъ вечеръ; я стоялъ на холмѣ близъ старыхъ шлюзовъ, смотрѣлъ, какъ плыли съ распущенными парусами корабли, словно какія-то большія бѣлыя привидѣнія. Ворота шлюзовъ отворялись грузно и съ грохотомъ, какъ мѣдныя врата Тайнаго Судилища. Въ вечернемъ воздухѣ стояла такая тишь; громовый грохотъ Трольгетты, напоминавшій шумъ цѣлой сотни водяныхъ мельницъ, еще рѣзче оттѣнялъ безмолвіе природы. Съ деревьевъ слетѣла вдругъ какая-то большая птица и, тяжело махая крыльями, скрылась въ лѣсу пониже водопада. «Ужъ не Тролль-ли это?» подумалъ я. И пусть будетъ такъ! По крайней мѣрѣ выйдетъ и интересно и романтично!

Оборвыши.

Художникъ Калло—кто не знаетъ этого имени, по крайней мѣрѣ, благодаря Гофману?—далъ намъ нѣсколько прелестныхъ изображеній итальян-

скихъ нищихъ. На одной изъ его картинокъ мы видимъ нищаго, буквально обвѣшаннаго одними лоскутками; онъ несетъ въ рукахъ свои пожитки и большое знамя съ надписью: «Capitano de Baroni». Нельзя и повѣрить, чтобы нашелся въ дѣйствительности такой экземпляръ ходячей лоскутной лавочки. Въ Италіи мы таки и не встрѣчали ничего подобнаго; тамъ все одѣяніе уличныхъ оборвышей состоитъ зачастую изъ одной жилетки, такъ гдѣ же имъ набрать столько лоскутьевъ! Но на сѣверѣ, въ Швеціи, намъ случалось видѣть такихъ оборвышей.

Разъ мы плыли по каналу, соединяющему Веннернъ съ Вигеномъ. На берегу, на горной площадкѣ, стояли, какъ украшающій жалкій ландшафтъ цвѣтущій репейникъ, два оборвыша, въ такихъ лохмотьяхъ, такіе ободранные и живописно чумазые, что я готовъ былъ принять ихъ за модели, служившія Калло для его картинъ или за продуктъ изобрѣтательности родительской, расчитывавшей такими лохмотьями вѣрнѣе обратить на ребятъ благотворительное вниманіе туристовъ. Не умышленно такихъ оборванцевъ создать нельзя. Это было явленіе ужь до невѣроятности смѣлое; каждый мальчишка могъ назваться живымъ Capitano de Baroni. Младшій изъ оборвышей былъ облеченъ въ нѣчто, повидимому служившее когда-то взрослому и очень плотному человѣку курткою; она доходила мальчику до пятъ и держалась у него на плечахъ посредствомъ остатка одного рукава, да тесьмы, образовавшейся изъ узкой полоски подкладки. Трудно было угадать, гдѣ собственно кончалась куртка и начинались штаны: и тамъ лохмотья, и тутъ лохмотья. Все одѣяніе было какъ будто расчитано на доставленіе своему обладателю возможной прохлады,—всюду отдушины! Желтый холщевый лоскутокъ, прикрѣпленный къ «нижнимъ обстоятельствамъ», должно быть, обозначалъ рубашку. На головѣ у мальчишки сидѣла на бекрень огромная соломенная шляпа, побывавшая, какъ видно, не разъ подъ колесами; дно ея предоставлялось изображать копнѣ всклокоченныхъ соломенно-желтыхъ волосъ оборвыша. Главнымъ же украшеніемъ мальчугана являлись его собственныя голыя коричневыя плечи и руки. На другомъ мальчикѣ красовались одни панталоны, тоже всѣ въ лоскутьяхъ, но лоскутья эти были прикрѣплены къ тѣлу веревочками; одна шла вокругъ щиколодокъ, другая подъ колѣнками, третья повыше, и четвертая вокругъ таліи. Что-жъ, онъ берегъ то, что у него было, и это ужъ много значитъ!

«Пошли прочь!» крикнулъ капитанъ; мальчишка въ штанишкахъ повернулся, и мы... да, мы увидѣли... однѣ веревочки, завязанныя бантиками, премиленькими бантиками! Оборвышъ былъ одѣтъ только спереди; лоскутья составляли лишь переднюю часть панталонъ, заднюю же изображали однѣ веревочки, три миленькихъ веревочныхъ бантика!..

Между Моталой и Вадстеной.

На сѣверѣ Швеціи не только въ деревняхъ, но и во многихъ торговыхъ городахъ встрѣчаются цѣлыя хижины изъ дерна или хоть крытыя дерномъ, да еще такія низенькія, что гопъ!—и сидишь на крышѣ, на мягкой травкѣ! Раннею весною, когда поля еще подъ снѣгомъ, появляются на крышахъ этихъ, гдѣ снѣгъ таетъ раньше, первые вѣстники весны—стебельки молоденькой травки; завидятъ ихъ воробьи и зачирикаютъ: «Весна пришла!»

Между Моталой и Вадстеной, у самой проѣзжей дороги, тоже стоитъ такая крытая дерномъ хижинка, одна изъ самыхъ живописныхъ. Въ ней всего одно окошечко, скорѣе широкое, чѣмъ высокое; побѣги шиповника замѣняютъ жалюзи. Мы видѣли эту хижинку весною. Дернъ отливалъ зеленымъ бархатомъ, рядомъ съ низенькой дымовой трубой росло вишневое деревцо, все осыпанное цвѣтомъ; вѣтеръ стряхивалъ лепестки на маленькаго барашка, который разгуливалъ тутъ же по крышѣ, привязанный къ трубѣ. Барашекъ—единственная животина въ домѣ. Старушка, хозяйка его, сама каждое утро подымаетъ его на крышу, а вечеромъ снимаетъ и беретъ на ночь къ себѣ въ горницу. Крыша какъ разъ такая, что можетъ сдержать только барашка,—не больше; это уже доказано опытомъ. Прошлою осенью,—а въ эту пору года крыша бываетъ вся въ цвѣтахъ, по большей части голубыхъ и желтыхъ, какъ полосы національнаго шведскаго флага — расцвѣлъ на крышѣ какой-то рѣдкій цвѣтокъ. Цвѣточекъ бросился въ глаза проходившему мимо старому профессору-ботанику, и онъ въ тотъ же мигъ—прыгъ на крышу, да въ тотъ же мигъ и сквозь крышу! Сначала провалилась одна нога. за нею другая, а тамъ и полтуловища профессора, та именно часть, гдѣ не можетъ находиться голова. Потолка въ хижинкѣ не имѣется, и поэтому профессоръ чуть не сѣлъ старушкѣ-хозяйкѣ на голову. Теперь крыша опять въ порядкѣ и зеленѣетъ свѣжей травкой; тамъ, гдѣ провалилась наука, спокойно гуляетъ барашекъ, а на порогѣ низенькой двери стоитъ, улыбаясь и сложивъ руки, старушка-хозяйка. Все богатство ея — воспоминанія, пѣсни. преданія, да этотъ маленькій барашекъ, на котораго сыплетъ свои бѣлые цвѣты вишневое деревцо!..

На пути въ Упсалу.

Принято обыкновенно представлять себѣ воспоминаніе въ видѣ молодой дѣвушки съ небесно-голубыми очами. Такъ рисуетъ ее намъ большинство поэтовъ. но мы не всегда бываемъ согласны съ большинствомъ поэтовъ. Намъ воспоминаніе представляется въ различныхъ видахъ, смотря по тому, къ какой странѣ или городу относится. Вспоминая Италію, мы видимъ передъ собой Миньону съ черными глазами и печальной улыбкою, распѣва-

ющую нѣжныя, трогательныя пѣсни Беллини. Изъ Шотландіи геній воспоминанія прилетаетъ къ намъ въ видѣ мускулистаго молодца съ голыми колѣнками, въ живописно переброшенномъ черезъ плечо пледѣ и въ шапочкѣ, украшенной цвѣткомъ репейника; мелодіи Бёрнса звучатъ въ воздухѣ, какъ трели степного жаворонка, а цвѣтокъ репейника, питомца Шотландіи, цвѣтетъ и благоухаетъ, что твоя роза. Ну, а геній воспоминанія, прилетающій изъ Швеціи, изъ Упсалы? Этотъ является въ образѣ студента, или по крайней мѣрѣ носитъ на головѣ студенческую бѣлую фуражку съ черным кантомъ; эта фуражка служитъ примѣтой упсальскаго студента.

Въ 1843 году Упсалу посѣтили датскіе студенты; молодыя сердца радостно забились, глаза заблестѣли, пошло веселье, смѣхъ и пѣнье. Въ молодыхъ сердцахъ залогъ будущаго, залогъ будущихъ побѣдъ во имя истины, добра и красоты. И благо, если родственныя націи узнаютъ и полюбятъ другъ друга! Ежегодно съ тѣхъ поръ вспоминается въ Упсалѣ эта дружественная встрѣча громкимъ «ура» въ честь Даніи. Два года спустя, упсальскіе студенты отдали визитъ копенгагенскимъ и, чтобы отличать другъ друга въ толпѣ, всѣ надѣли бѣлыя фуражки съ черными кантами. Такимъ образомъ эта фуражка явилась воспоминаніемъ, флагомъ на мосту дружбы, переброшенномъ черезъ рѣку крови, которая текла нѣкогда между двумя родственными націями. Дружественная встрѣча, духовное братаніе сѣетъ благодатныя сѣмена! Итакъ, сюда свѣтлый геній воспоминанія! Мы по фуражкѣ узнаемъ, что ты изъ Упсалы! Будь же нашимъ проводникомъ! — —

Долина Сэтеръ.

Все было въ порядкѣ, повозка осмотрѣна, даже о кнутѣ позаботились! И хорошій былъ кнутъ! Но два было бы еще лучше, по мнѣнію торговца, у котораго мы купили его, а ужъ у торговца-то есть опытъ, котораго часто не хватаетъ у туриста! Приготовили и мѣшокъ, биткомъ набитый мелкой мѣдной монетой; къ нему придется прибѣгать безпрестанно: то плати за проѣздъ по мосту, то подавай милостыню нищимъ, то давай на чай пастушонкамъ или другимъ услужливымъ людямъ, которые будутъ отворять околицы.

На этотъ разъ намъ, однако, приходится отворять ихъ самимъ! Дождь такъ и хлещетъ; кому охота выходить въ такую погоду? Болотный тростникъ кланяется на всѣ стороны, шумитъ во всю; сегодня у него пиръ—разливанное море! Верхушки его такъ и шелестятъ: «Ужъ мы пьемъ, пьемъ, пьемъ! И ногами, и головами, и всѣми тѣлесами, а все же стоимъ на одной ногѣ! Ура! Мы пьемъ на «ты» съ плакучей ивой, съ промокшими насквозь цвѣтами! Чашечки ихъ уже такъ переполнены, что вода бѣжитъ черезъ край! А вотъ, бѣлая кувшинка, изящная барышня, та не прольетъ ни капельки! Ура! Вотъ такъ пиръ! Разливанное море! Мы шумимъ и поемъ, гу-

ляемъ во всю! Это наша собственная пѣсня! Завтра утромъ ее переймутъ квакушки и выдадутъ за самую послѣднюю новинку!»

И тростникъ раскачивался изъ стороны въ сторону, а дождь лилъ, какъ изъ ведра! Какъ разъ подходящая погода для экскурсіи въ знаменитую своей красотою долину Сэтеръ! Ѣдемъ, ѣдемъ... хлопушка у бича отлетаетъ! Расплетаемъ немножко бичъ, устраиваемъ новую, потомъ опять и опять!.. Бичъ становится все короче и короче, подъ конецъ отъ него не остается даже ручки,—была да сплыла! По такой дорогѣ немудрено и сплыть: глядя на нее, получаешь наглядное представленіе о началѣ потопа. Вотъ одна кляча черезчуръ забираетъ впередъ, другая черезчуръ отстаетъ, и — валекъ пополамъ! Нечего сказать, везетъ! Веселенькая поѣздка! Въ складкѣ кожаннаго фартука образуется глубокая рѣчка, и устье ея оказывается какъ разъ у меня на колѣняхъ. Затѣмъ, гдѣ-то соскакиваетъ гайка, потомъ лопаются постромки, а хомуту надоѣдаетъ держаться на мѣстѣ! О, гдѣ ты, чудный постоялый дворъ Сэтера? Я горю бóльшимъ желаніемъ узрѣть тебя, нежели знаменитую долину! А лошади-то плетутся все лѣнивѣе, а дождь-то поливаетъ все сильнѣе!.. И вотъ... да вотъ мы все еще не добрались до Сэтера.

Терпѣніе, тощій паукъ, спокойно ткущій свою паутину надъ ногами бѣдняковъ, терпѣливо ожидающихъ своей очереди въ передней, оплети паутиною мои вѣжды и погрузи меня въ сонъ, столь же тихій, какъ наша ѣзда! Терпѣніе... Увы! его-то какъ разъ и не доставало въ нашей повозкѣ. Къ вечеру я, впрочемъ, добрался таки до постоялаго двора, лежавшаго близехонько отъ знаменитой долины.

Во дворѣ хаотически-благодушно плавали и навозъ, и полевыя орудія, и шесты, и солома. Курицы превратились отъ дождя въ какіе-то куриные призраки, или ужъ самое бóльшее—въ куриныя чучела; утки прижались къ мокрой стѣнѣ, сытыя мокротою по горло. Встрѣтившій насъ во дворѣ парень былъ непривѣтливъ и нерасторопенъ, служанка еще того меньше; трудно было добиться отъ нихъ толку. Лѣстница была кривая, полъ покатый, только что вымытый и густо посыпанный пескомъ, воздухъ сырой и холодный. Зато шагахъ въ двадцати отъ двора находилась знаменитая своею красотою долина, этотъ созданный самою природою садъ съ его чудными лиственными деревьями, кустами, источниками и ручьями! Въ окно я видѣлъ, однако, лишь огромную глубокую ложбину и высовывавшіяся изъ нея верхушки деревьевъ—все, окутанное густою сѣткою дождя. Цѣлый вечеръ сидѣлъ я у окна и глядѣлъ на этотъ ливень изъ ливней. Право, какъ будто кто-то задался цѣлью вылить на землю сквозь мелкое сито и Веннернъ, и Веттернъ и и еще парочку другихъ озеръ! Я заказалъ себѣ ужинъ, но не получилъ ничего. Мимо меня бѣгали взадъ и впередъ, на очагѣ что-то шипѣло, дѣвушки трещали, работники пили водку, пріѣзжіе прибывали, ихъ помѣщали и уго-

щали и вареным и жареным... Такъ прошло нѣсколько часовъ; наконецъ, я разгромилъ служанку, а она флегматично проговорила: «Да, вѣдь, вы сидите и пишете, какая же тутъ ѣда!»

Долго тянулся вечеръ, но и ему пришелъ конецъ. Въ домѣ стихло; всѣ проѣзжіе, кромѣ меня, разъѣхались, расчитывая, должно быть, обрѣсти лучшій ночлегъ въ Хедеморѣ или Брунбэккѣ. Дверь на черную половину была не совсѣмъ притворена, и я видѣлъ въ нее сидѣвшихъ тамъ парней; они играли въ засаленныя карты; подъ столомъ лежалъ и таращилъ глаза большой песъ; въ кухнѣ не было ни души, въ горницахъ тоже; полъ былъ мокрый, вѣтеръ вылъ, дождь такъ и поливалъ... «Пора въ постель!» сказалъ я себѣ.

Проспалъ часъ, проспалъ два и пробудился; на дорогѣ передъ домомъ кто-то оралъ во все горло. Я приподнялся; въ комнатѣ царилъ полумракъ,— темнѣе въ это время года ночи здѣсь не бываютъ. Поглядѣлъ на часы—за полночь. Кто-то съ силою дернулъ за калитку, послышался громкій мужской голосъ и затѣмъ неистовый стукъ въ ворота. Что это пьяный или сумашедшій ломится къ намъ? Ворота открыли, и послѣ недолгихъ переговоровъ послышались взвизги женщинъ, поднялся переполохъ, бѣготня, топотня деревянными башмаками, ревъ коровъ, ржанье лошадей, грубые мужскіе голоса... Я сидѣлъ на краю постели. Куда дѣваться? Что дѣлать? Я выглянулъ въ окно; на дорогѣ ничего не было видно; дождь лилъ, не переставая. Вдругъ на лѣстницѣ послышались тяжелые шаги, дверь въ сосѣднюю комнату растворилась... Потомъ все смолкло. Я прислушался; моя дверь была заложена на крюкъ. Опять послышались шаги... Вотъ подошли и къ моей двери, дернули за ручку, потомъ ударили въ нее ногою... А въ окно такъ и барабанилъ дождь, вѣтеръ такъ и дребезжалъ стеклами!.. «Есть тутъ кто-нибудь?» прокричалъ чей-то голосъ. «Въ домѣ пожаръ!» Я мигомъ одѣлся и выскочилъ на лѣстницу; тутъ дыма еще не было видно, но, выйдя на дворъ (весь домъ и всѣ надворныя строенія были деревянныя), я увидѣлъ и огонь и дымъ. Выкинуло изъ хлѣбной печи; возлѣ никого не было; какой-то проѣзжій увидѣлъ огонь, заоралъ, принялся ломиться въ ворота и перебудилъ всѣхъ. Женщины подняли визгъ, а коровы мычанье, когда огонь высунулъ имъ свой красный языкъ.

Явились пожарные, огонь потушили. Уже разсвѣтало; я стоялъ на дорогѣ всего въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ знаменитой долины. Я и пошелъ туда. Дождь такъ и лилъ, вода сочилась отовсюду, вся мѣстность превратилась въ сплошное озеро. Лиственныя деревья выворачивались отъ дождя на изнанку и, какъ вчера тростникъ, распѣвали: «Ужъ мы пьемъ, пьемъ, пьемъ! И ногами, и головами, и всѣми тѣлесами, и всетаки держимся на одной ногѣ! Ура! дождикъ поливаетъ, а мы распѣваемъ; это наша собственная пѣсенка и новёшенькая!»

А, вѣдь, то же самое пѣлъ вчера и тростникъ! То же самое, то же самое! Я глядѣлъ, глядѣлъ... и могу теперь сказать о знаменитой своей красотой долинѣ одно: красота чистѣйшей воды!

Въ Лександѣ.

У хозяйки постоялаго двора, гдѣ я проживалъ въ Лександѣ, была внучка, премилый ребенокъ; всѣ мои пожитки приводили ее въ восторгъ: и пестрый мѣшокъ для бѣлья, и шотландскій пледъ, и красная сафьяновая подкладка чемодана. Дѣвочка часто заходила ко мнѣ въ комнату, и разъ я вырѣзалъ ей изъ листа бумаги турецкую мечеть съ минаретомъ и открытыми окнами; малютка ушла отъ меня, не помня себя отъ восторга. Немного погодя, я услышалъ во дворѣ громкіе разговоры и, догадавшись, что дѣло идетъ о моемъ произведеніи, тихонько вышелъ на деревянный балкончикъ и сталъ глядѣть внизъ, во дворъ. Тамъ стояла сама хозяйка и съ сіяющимъ лицомъ показывала собравшейся вокругъ нея толпѣ парней и дѣвушекъ вырѣзанную мною мечеть. Всѣ дивились на этотъ шедевръ искусства, а дѣвочка, бѣдненькая дѣвочка, кричала и протягивала ручонки за своею законною собственностью, которую у нея отняли, — ужъ черезчуръ она была хороша! Я удалился въ свою комнату, весьма польщенный такимъ признаніемъ моего таланта. Минуту спустя, въ дверь постучали, и вошла старушка-хозяйка съ цѣлой тарелкой пряниковъ.

«Я славлюсь своими пряниками на всю Далекарлію!» сказала она. «Только вотъ пеку-то ихъ все по старому фасону, какъ пекли еще при моей бабушкѣ. Вы, сударь, такъ чудесно вырѣзываете... Не вырѣжете-ли вы мнѣ новыхъ фасоновъ?»

Я и провелъ весь вечеръ за вырѣзываніемъ новыхъ фасоновъ для пряниковъ. Какихъ, какихъ только фигуръ я ни вырѣзалъ! И щелкуновъ въ рыцарскихъ сапогахъ со шпорами, и мельницы, и танцовщицъ съ ножкой, поднятою къ небесамъ. Старушка забрала ихъ всѣ, но танцовщицъ долго вертѣла въ рукахъ, стараясь угадать, гдѣ верхъ, гдѣ низъ: одна нога была поднята такъ высоко, что старуха приняла этихъ дамъ за одноногихъ и трехрукихъ. «Ну вотъ запаслась теперь новыми фасонами!» сказала она. «Только мудрены они!»

Надѣюсь, что я и до сихъ поръ еще живу въ Далекарліи... въ новыхъ фасонахъ пряниковъ.

Вывѣска поэта.

На вывѣскѣ поэта, еслибы случилась въ ней надобность, характернѣе всего было бы изобразить Шехеразаду изъ «Тысячи и одной ночи», разсказывающую султану свои сказки. Шехеразада, это — самъ поэтъ, сул-

танъ—публика, которую надо занимать, иначе она казнитъ Шехеразаду. Бѣдная Шехеразада! Могущественный султанъ!

Султанъ служитъ олицетвореніемъ болѣе нежели тысячѣ и одному лицу изъ слушающей Шехеразаду публики. Разсмотримъ же хоть нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вотъ сидитъ высохшій ворчунъ, ученый; древо его жизни все покрыто листами книжной мудрости, прилежаніе и усидчивость ползаютъ, какъ улитки, по его корѣ изъ свиной кожи; желудокъ его изъѣденъ молью, не варитъ, совсѣмъ не варитъ. Прости же поэту полноту чувствъ, невольный восторгъ, свѣжесть и юность мысли, не казни Шехеразаду! Но онъ казнитъ ее.

Вотъ сидитъ прошедшая суровую школу жизни старая дѣва, швея; она только что вернулась изъ чужого дома, гдѣ сидитъ одна въ какой-нибудь коморкѣ, шьетъ и набирается жизненной мудрости. Она-то знаетъ толкъ въ романтическомъ! Прости же, о дѣва, если разсказъ не слишкомъ забираетъ тебя за живое, не утоляетъ твоего романтическаго аппетита, возбужденнаго прозою твоей собственной жизни!

«Казни ее!» произноситъ швея.

Вотъ сидитъ фигура въ халатѣ, этомъ восточномъ одѣяніи, которое носитъ нынѣ и графчикъ, и свѣтлѣйшій князь, и сынъ богатаго пивовара, и прочіе. Ни халатъ, ни самая физіономія этого господина, ни его тонкая улыбка—ничто не выдаетъ, на какомъ именно стебелькѣ онъ выросъ. Требуетъ онъ отъ Шехеразады того же, что и швея: разсказъ долженъ интриговать его, кидать въ жаръ и въ холодъ, пичкать таинственностями!..

И этотъ казнитъ бѣдную Шехеразаду!

Мудрый, просвѣщенный султанъ! Являешься ты и въ образѣ школьника, носящаго на своей спинѣ связанныхъ ремнемъ грековъ и римлянъ, какъ Атласъ носилъ небо. Не презирай же хоть ты бѣдную Шехеразаду, не произноси надъ ней приговора, пока не выучишь своихъ уроковъ и опять не превратишься въ ребенка; не казни Шехеразаду!

Молодой щеголь-дипломатъ, съ грудью, увѣшанной орденами, по которымъ можно счесть, сколько иностранныхъ дворовъ ты посѣтилъ съ твоими высокими господами или съ письмами отъ нихъ, подари Шехеразаду своимъ милостивымъ вниманіемъ! Заговори о ней хоть по-французски, скажи, что она стоитъ вниманія, даромъ, что говоритъ лишь на своемъ родномъ языкѣ, переведи изъ ея пѣсенъ хоть строчку! Какъ бы дурно ты ее ни перевелъ, только продекламируй ее въ блестящемъ салонѣ, и смертный приговоръ смѣнится милостивымъ «Charmant!..»

Могущественные сокрушители и превозносители, газетные Зевсы и журнальные Юпитеры, не потрясайте въ гнѣвѣ своими кудрями, не мечите молній, если Шехеразада поетъ иныя пѣсни, нежели тѣ, что́ вы привыкли слы-

шать въ своихъ кружкахъ, или идетъ по своему пути одна, безъ услужливой свиты изъ вашихъ прихвостней! Не казните ее!

А вотъ и еще одинъ слушатель, опаснѣйшій изъ всѣхъ! Это—слѣпой энтузіастъ съ вѣчными похвалами на устахъ. Вода, въ которой Шехеразада моетъ свои руки, для него уже Кастальскій ключъ! Увы! Самый тронъ, который онъ воздвигаетъ для Шехеразады, зачастую становится ея эшафотомъ.

Такъ вотъ вамъ вывѣска для поэта: «*Султанъ и Шехеразада*». Но отчего же среди этой толпы нѣтъ милыхъ, честныхъ, прекрасныхъ лицъ благосклонныхъ слушателей? — спросите вы. Есть и они; на нихъ-то съ надеждой и смотритъ Шехеразада, ободренная ими-то и подымаетъ свой гордый взоръ къ звѣздамъ и поетъ о гармоніи небесныхъ сферъ и сердецъ человѣческихъ.

Да, мечъ занесенъ надъ головой разсказчицы, и, судя по лицу султана, онъ вотъ-вотъ упадетъ. Изъ арабскихъ сказаній мы знаемъ, однако, что Шехеразада побѣдила; побѣждаетъ и поэтъ. Онъ богачъ, если даже онъ бѣднякъ; онъ не одинокъ, если даже сидитъ въ своей коморкѣ одинъ-одинешенекъ: передъ нимъ расцвѣтаетъ роза за розой, взлетаетъ радужный мыльный пузырь за пузыремъ, небо сыплетъ падающими звѣздами, словно создается новое небо, а старое рушится!.. А міръ-то ничего объ этомъ не знаетъ! Этотъ праздникъ, богаче королевскихъ фейерверковъ, дается для одного поэта! Онъ счастливъ, какъ Шехеразада, онъ побѣдитель, онъ могущественъ! *Фантазія* украшаетъ стѣны его коморки богатыми гобеленами, какихъ нѣтъ ни у одного короля. *Чувство* затрогиваетъ струны человѣческихъ сердецъ и заставляетъ ихъ звучать для него дивными аккордами. *Разумъ* подымаетъ его черезъ познаніе красоты земной до познанія красоты небесной и въ то же время помогаетъ ему встать твердою ногою на землѣ. Онъ могучъ, онъ счастливъ, какъ немногіе! Мы отнюдь не желаемъ вымаливать ему состраданіе, мы только хотѣли нарисовать ему вывѣску, беря для этого однѣ отрицательныя краски жизни. «*Султанъ и Шехеразада*»,—вотъ вамъ вывѣска! Не казните же Шехеразаду!

Картинамъ нѣтъ конца!

Да, картинамъ нѣтъ конца; міръ вокругъ насъ полонъ красоты; она проявляется даже въ мельчайшихъ мимолетныхъ образахъ, которыхъ толпа и не примѣчаетъ.

Въ каплѣ воды, взятой изъ лужи, кишитъ цѣлый міръ живыхъ существъ; сутки—капля, выхваченная изъ будничной жизни, тоже содержитъ въ себѣ цѣлый міръ въ картинахъ, полныхъ красоты и поэзіи. Открой только глаза и гляди!

Провидецъ—поэтъ и долженъ указывать на нихъ, или лучше сказать, какъ бы накладывать на нихъ микроскопъ, чтобы сдѣлать ихъ видимыми толпѣ. Потомъ она мало-по-малу и сама привыкнетъ вглядываться, прозрѣетъ, и жизнь ея такимъ образомъ обогатится — обогатится красотою.

Но если ужъ стоячая будничная дѣйствительность такъ богата картинами, то какъ же богата ими дѣйствительность, пробѣгающая передъ глазами туриста! Передъ нимъ возникаютъ картины, картины безъ конца, хотя порою и до того миніатюрныя, бѣдныя великими моментами, такъ называемыми событіями, ландшафтами, историческими памятниками, что ихъ почти и нельзя назвать картинами или цвѣтами въ гирляндѣ, которую плететъ путешествіе. Самая-то гирлянда, однако, плетется, и мы хотимъ сейчасъ взять изъ нея нѣсколько мелкихъ зелененькихъ листочковъ, нѣсколько миніатюрныхъ, почти сливающихся вмѣстѣ, мимолетныхъ картинокъ. Каждая изъ нихъ поэтична, живописна, но всетаки не въ такой степени, чтобы красоваться на мольбертѣ отдѣльно.

Вотъ вамъ одинъ часъ изъ нашей поѣздки, одинъ изъ тѣхъ часовъ, въ которые, собственно говоря, ничего такого не случилось, о чемъ бы стоило разсказать, ничего не встрѣтилось, на что бы стоило обратить особенное вниманіе. Ѣхали мы черезъ лѣсъ, а затѣмъ по большой дорогѣ.

Нечего собственно разсказать, и въ то же время какъ много!

У самой дороги возвышался холмъ, поросшій можжевельникомъ; свѣжіе кусты его напоминаютъ маленькіе кипарисы, но эти были всѣ увядшіе, сухіе и цвѣтомъ напоминали волосы Мефистофеля. У подножія холма копошились свиньи—и худыя, и жирныя, и большія, и маленькія. На самомъ холмѣ стоялъ свинопасъ, весь въ лохмотьяхъ, босоногій, но съ книжкою въ рукахъ. Онъ былъ такъ погруженъ въ чтеніе, что и не видѣлъ и не слышалъ, какъ мы проѣхали. Можетъ быть, мы видѣли будущаго ученаго, знаменитость!

Мы проѣхали мимо какого-то крестьянскаго двора. Заглянувъ въ отворенныя ворота, мы увидѣли на дерновой крышѣ главнаго строенія какого-то крестьянина; онъ, видно, приводилъ ее въ порядокъ и въ эту минуту какъ разъ рубилъ молоденькое деревцо, выросшее на крышѣ. Топоръ блеснулъ на солнцѣ, и деревцо упало.

Въ лѣсу наѣхали мы на поляну, сплошь покрытую ландышами; воздухъ былъ такъ напоенъ ихъ ароматомъ, что просто трудно было дышать. Въ просвѣтъ между нѣсколькими высокими соснами лились яркіе солнечные лучи и падали прямо на огромную паутину. Нити ея, проведенныя съ математической точностью, блестѣли, словно тоненькія призмочки. Въ самой серединѣ этого воздушнаго замка сидѣлъ жирный и безобразный владѣлецъ его, паукъ. Въ сказкѣ онъ, пожалуй, сыгралъ бы роль лѣшаго!

Мы пріѣхали на постоялый дворъ. Страшный безпорядокъ и въ горницахъ и во дворѣ; все не на своемъ мѣстѣ! Мухи такъ унавозили бѣлую штукатурку стѣнъ, что онѣ казались крашеными. Ломаная мебель была покрыта вмѣсто чехловъ толстымъ слоемъ пыли. По дорогѣ, что шла передъ домомъ, былъ раскиданъ навозъ, а по навозу бѣгала дочка хозяина, молоденькая, стройная, бѣлая и румяная, босоногая, но съ большими золотыми серьгами въ ушахъ. Золото такъ и блестѣло на солнцѣ, и очень шло къ румянымъ щекамъ. Льнянаго цвѣта волосы были распущены по плечамъ. Знай дѣвушка, какъ она хороша, она бы навѣрно умылась!

Мы пошли по дорогѣ и набрели на бѣленькій уютный домикъ—полную противоположность постоялому двору. Дверь стояла настежъ. Въ горницѣ сидѣла мать и плакала надъ умершимъ ребенкомъ. Другой ребенокъ, крохотный мальчуганъ, стоялъ возлѣ матери и вопросительно смотрѣлъ на нее своими умными глазками. Вдругъ онъ разжалъ ручонку, изъ нея вылетѣла бабочка и запорхала надъ тѣломъ умершаго малютки. Мать взглянула и улыбнулась, понявъ поэтическую игру случая.

Лошадей перепрягли, мы покатили дальше, и опять замелькали картины, картины безъ конца—и въ лѣсу, и въ полѣ, и въ мысляхъ, всюду!

Свиньи.

Стоило милѣйшему Чарльзу Диккенсу разсказать намъ о свиньѣ, мы и смѣемся теперь, едва заслышимъ ея хрюканье. Святой Антоній тоже взялъ свиней подъ свое покровительство, а, вспомнивъ о блудномъ сынѣ, непремѣнно вспомнишь и о свиномъ закуткѣ. Передъ такимъ-то закуткомъ и остановился однажды нашъ экипажъ. У самой дороги стоялъ крестьянскій домъ, а тутъ же, подъ бокомъ у него, и свиной закутокъ. Другой такой врядъ ли бы гдѣ нашелся! Это была огромная старинная парадная карета. Вынули изъ нея сидѣнья, сняли колеса и безъ дальнѣйшихъ церемоній ткнули въ землю брюхомъ. Теперь въ ней сидѣли четыре свиньи, но были ли онѣ первыми, попавшими сюда — сказать мудрено. О томъ же, что нынѣшнее помѣщеніе ихъ — урожденная парадная карета, свидѣтельствовало все, до сафьяноваго лоскутка, остатка внутренней обивки, включительно. И все, что мы разсказываемъ, истинная правда!

«Хрю-хрю!» слышалось изъ кареты, а сама карета скрипѣла и трещала, жалуясь на судьбу. Да, конецъ печальный! «Конецъ, конецъ краснымъ денькамъ!» вздыхала она или по крайней мѣрѣ могла бы вздыхать.

Случилось намъ опять проѣхать мимо нея осенью. Карета стояла на томъ же мѣстѣ, но свиней въ ней уже не было. Онѣ теперь хозяйничали въ лѣсу. Дождь такъ и сѣкъ деревья, а вѣтеръ рвалъ съ нихъ листья, ни на минуту не давая имъ отдыха. Птички всѣ давно улетѣли. «Конецъ краснымъ денькамъ!» вздыхала карета. То же самое твердила и вся природа, и

ей вторило человѣческое сердце: «Конецъ краснымъ денькамъ! Конецъ чудному зеленому убору лѣса, теплому солнышку и пѣнію птичекъ, всему, всему!»

То же слышалось и въ скрипѣньи деревъ, тотъ же скорбный глубокій вздохъ слышался и изъ самой сердцевины розоваго куста. Это вздыхалъ царь розъ. Знаешь-ли ты его? Его не трудно узнать: онъ весь одна борода, чудеснѣйшая красно-зеленая борода. Подойди къ розовому кусту осенью, когда цвѣтовъ на немъ уже нѣтъ, а лишь одни красноватые плоды. Между ними часто сидитъ и большой красно-зеленый поросшій мохомъ цвѣтокъ. Это-то и есть царь розъ, единственный мужчина на всемъ розовомъ кустѣ; на маковкѣ у него торчитъ маленькій зелененькій листочекъ; это его султанъ. Такъ вотъ этотъ-то царь и вздыхалъ:

«Конецъ! Конецъ! Конецъ краснымъ денькамъ! Конецъ розамъ! Листья всѣ опали! Птички замолкли! Сыро, мокро! Свиньи пошли по жолудямъ, свиньи хозяйничаютъ въ лѣсу!»

Ночи пошли холодныя, дни сѣрые, но воронъ, сидя на вѣткѣ, всетаки кричалъ: браво! браво! Вóроны и ворóны облѣпили всѣ вѣтви; эта семейка. вѣдь, не изъ маленькихъ! И всѣ кричали одно и то же: браво! браво! А большинство всегда, вѣдь, право.

Подъ высокими деревьями, въ оврагѣ образовалось настоящее мѣсиво, и тутъ-то валялись свиньи—и большія, и маленькія; ужъ такъ-то имъ здѣсь было вольготно! «Oui! Oui!» твердили онѣ. Больше онѣ по-французски не знали, но, вѣдь, и это уже кое-что. Ахъ, онѣ были такія умныя и такія жирныя. Старыя лежали смирно; онѣ что-то думали. Молодыя, напротивъ, рѣзвились напропалую. У одного маленькаго поросенка кончикъ хвостика завернулся въ колечко. Мать поросенка не могла налюбоваться на эту завитушку, гордилась ею. И ей казалось, что всѣ только и смотрятъ на завитушку, только и думаютъ о ней,—а хоть бы кто! Каждый думалъ о самомъ себѣ, да о томъ, что можно извлечь изъ этого лѣса.

Свиньи всегда полагали, что жолуди растутъ на корняхъ деревьевъ, оттого всегда и рылись въ землѣ, и вдругъ явился одинъ такой молокососъ-поросенокъ,—это ужъ вообще дѣло молодежи являться съ новостями—и объявилъ, что жолуди падаютъ съ вѣтвей. Ему самому одинъ жолудь угодилъ прямо въ голову. Это подало ему первую идею, онъ сталъ наблюдать и окончательно увѣрился въ своемъ предположеніи. Старыя свиньи сбились головами въ кучу и хрюкали: «Конецъ убранству! Конецъ птичьей пискотнѣ! Подавайте намъ теперь плодовъ! Что можно слопать, то и годится, а слопать можно все!»

«Oui! Oui!» хрюкали всѣ.

А мамаша поросенка глядѣла на сыночка съ завитушкой на хвостикѣ и говорила: «Нельзя же вовсе забыть и о красотѣ!»

«Браво! Браво!» закаркалъ воронъ, слетѣвшій сюда, чтобы занять амплуа соловья. Кому-нибудь да надо занимать его, вотъ вброна и приняли.

«Конецъ! Конецъ!» вздыхалъ царь розъ. «Конецъ краснымъ денькамъ!»

Было сыро, холодно и вѣтрено; дождь повисъ надъ лѣсомъ и полемъ, точно морской туманъ, и такъ и сѣкъ, такъ и хлесталъ ихъ. Куда подѣвались всѣ пѣвуньи-птички, куда подѣвались цвѣты съ луговъ и сладкія ягодки изъ лѣса? Конецъ, конецъ всему!

И вдругъ въ домикѣ лѣсника блеснулъ, словно звѣздочка, огонекъ, и между деревьями проскользнулъ длинный лучъ свѣта. Изъ домика послышалась пѣсня. Это играли вокругъ старичка-дѣдушки ребятишки. Онъ же сидѣлъ съ библіей на колѣняхъ, читалъ имъ изъ нея о Богѣ и о вѣчной жизни и говорилъ, что весна опять придетъ, лѣсъ опять зазеленѣетъ, розы вновь расцвѣтутъ, соловьи запоютъ, и красота снова взойдетъ на тронъ!

Но царь розъ ничего этого не слыхалъ. Онъ сидѣлъ въ сырости и мокротѣ и вздыхалъ: «Конецъ! Конецъ!»

А свиньи все хозяйничали въ лѣсу, и мамаша поросенка все любовалась на его завитушку.

«Всегда, вѣдь, найдутся цѣнители прекраснаго!»—твердила она.

Поэтическая Калифорнія.

Сокровища природы становятся нашимъ достояніемъ часто, благодаря случаю. Собака запачкала носъ о раздавленную пурпурную улитку, и—была открыта драгоцѣнная пурпуровая краска. Пара дикихъ буйволовъ взрыла въ дракѣ рогами золотоносную почву Америки, и—изъ-подъ развороченнаго дерна заблестѣла богатая золотая жила.

«Да! Все это случалось въ старину!»—скажутъ люди. «Тогда все дѣлалось иначе, само собою! Въ наше время такихъ открытій уже нѣтъ! Приходится все добывать кровью и пóтомъ, рыться въ глубокихъ шахтахъ, чтобы отыскать драгоцѣнныя руды,—запасы ихъ все болѣе и болѣе истощаются!» И вдругъ... высунулся золотой перстъ земли изъ полуострова Калифорніи, и мы узрѣли воочію баснословныя богатства Монте-Кристо, узрѣли пещеру Алладина! Сокровищница природы неистощима; мы, говоря попросту, сняли пока одну верхушку, а самая мѣра еще полна! То же самое и съ сокровищницей науки,—передъ нами еще цѣлый міръ открытій!

«Зато въ странѣ поэзіи обшарены уже всѣ уголки, все лучшее, прекраснѣйшее взято!» ноетъ какой-нибудь поэтикъ. «Счастливъ, кто родился въ древнія времена! Тогда еще поэзія была почти нетронутою, дѣвственною страною, сокровища ея блестѣли, какъ золотыя жилы на поверхности земли!»

Не говори такъ! Счастливъ и ты, современный поэтъ! Ты унаслѣдовалъ всѣ великія сокровища, обрѣтенныя въ странѣ поэзіи твоими предшественниками! Ты можешь учиться у нихъ, что только истина будетъ жить вѣчно.

Наше время—время великихъ открытій. Откроется и въ странѣ поэзіи своя Калифорнія.

«Гдѣ же ее искать?» спросишь ты.

Она такъ близко, что тебѣ и въ голову не приходитъ считать ее за новую неоткрытую страну. Переплыви же вмѣстѣ со мною, подобно новому Леандру, отдѣляющій насъ отъ нея проливъ; черныя слова на бѣлой бумагѣ понесутъ тебя на своихъ хребтахъ, какъ волны; каждая точка — ударъ волны.

Огромная зала библіотеки, открытая для всѣхъ и каждаго; кругомъ, по стѣнамъ полки съ книгами—и старыми и новыми. Рукописи навалены горами; всюду карты и глобусы. За маленькими столиками сидятъ и пишутъ труженики мысли и пера. Трудъ ихъ не легокъ! И вдругъ все мѣняется: полки превращаются въ террасы, на которыхъ растутъ чудныя деревья, покрытыя цвѣтами и плодами; тяжелыя гроздья винограда повисаютъ между осыпанными листвою лозами; кругомъ жизнь и движеніе!.. Старые фоліанты и запыленныя рукописи превращаются въ цвѣтущіе богатырскіе курганы; откуда ни возьмись встаютъ закованные въ доспѣхи рыцари и конунги въ золотыхъ коронахъ, звучатъ арфы бардовъ, исторія проникается жизненностью поэзіи—въ залу вошелъ поэтъ! Онъ увидѣлъ живыя видѣнія, вдохнулъ въ себя ароматъ цвѣтовъ, сдавилъ виноградныя гроздья и напился чудодѣйственнаго сока. А онъ и самъ еще не зналъ, что онъ поэтъ, носитель свѣточа поэзіи передъ поколѣніями и вѣками!...

Свѣжій, душистый лѣсъ; прощается чета влюбленныхъ. Прощальный поцѣлуй является для поэта таинствомъ посвященія! И ароматъ въ лѣсу еще усиливается, щебетанье птицъ звучитъ дивной гармоніей, проглядываетъ солнышко и вѣетъ прохладный вѣтерокъ. Природа становится вдвое прекраснѣе, чуя присутствіе поэта!

И вотъ онъ стоитъ тамъ, подобно Геркулесу на распутьи: передъ нимъ двѣ фигуры. Обѣ готовы вести его и служить ему. Одна—сморщенная старуха, другая—юноша, свѣтлый, какъ ангелъ-путеводитель Товіи. На старухѣ плащъ затканный цвѣтами, фигурами животныхъ и людей, сплетающихся причудливыми арабесками. Она въ очкахъ, а въ рукахъ держитъ фонарь и мѣшокъ; въ немъ старыя, золотообрѣзныя карты, разныя волшебныя снадобья и талисманы—словомъ всѣ аттрибуты суевѣрія. Она опирается на палку, какъ дряхлая старуха, и въ то же время воздушна и легка, какъ болотный туманъ.

«Коли хочешь быть поэтомъ, видѣть міръ, какъ нужно поэту — иди за мною!» говоритъ она. «Я зажгу свой фонарь; онъ лучше Діогеновскаго!» И огонекъ заблестѣлъ, старуха подняла голову и словно вдругъ выросла, передъ поэтомъ очутилось могучее видѣніе; имя ему—Суевѣріе. «Я владычествую въ царствѣ романтизма!» говоритъ она и сама этому вѣритъ. Фо-

нарь освѣтилъ землю, какъ полная луна, и земля сдѣлалась прозрачною, какъ воды океана въ штиль, какъ стеклянная гора въ сказкѣ. «Все мое царство къ твоимъ услугамъ! Воспѣвай, что видишь, воспѣвай, какъ будто до тебя не воспѣвалъ этого никто!»

И поэту чудится, что декорація мѣстности передъ нимъ все мѣняется. Вотъ плывутъ величественные готическіе соборы съ покрытыми живописью стеклами, звучатъ полуночные колокола, встаютъ изъ могилъ мертвецы... Подъ плакучей ивой сидитъ умершая мать и кутаетъ свое нерожденное дитя; старые разрушенные рыцарскіе замки подымаются изъ болотной почвы, подъемные мосты опускаются, и поэтъ смотритъ въ увѣшанныя картинами пустынныя залы, въ галлереи, гдѣ бродитъ вѣстница смерти— Бѣлая дама...Въ глубокихъ подземельяхъ обитаетъ василискъ, чудовище вылупляющееся изъ пѣтушинаго яйца, неуязвимое никакимъ оружіемъ, но безсильное вынести свой собственный видъ; увидя свое отраженіе, онъ разрывается на куски, какъ гадюка отъ удара дубинкой. Видѣнія плыли, смѣняя одно другое, а старуха въ это время мурлыкала свои таинственныя пѣсни, сверчокъ подтягивалъ ей, воронъ вторилъ, и на свѣчкѣ въ фонарѣ нагорали стружки. «Смерть! Смерть!» проносилось и шелестѣло по всему этому полному призраковъ царству.

«Слѣдуй за мною въ жизнь на поиски истины!» вскричалъ юноша, свѣтлый, какъ херувимъ. Отъ чела его исходило сіяніе, въ рукѣ у него сверкалъ огненный мечъ. «Я геній науки!» сказалъ онъ. «Мой міръ куда выше, онъ доходитъ до царства истины!»

И ясный свѣтъ разлился вокругъ. Призраки поблѣднѣли, расплылись: фонарь старухи освѣщалъ не дѣйствительность, а лишь отбрасывалъ туманныя картины на стѣны старыхъ развалинъ, картины, которыя образовалъ болотный туманъ, гонимый вѣтромъ.

«Я обогащу тебя знаніемъ и опытомъ! Истина во всемъ твореніи, истина въ Богѣ!»

И лучъ свѣта проникъ въ глубь тихаго озера, откуда подымался подъ звуки колоколовъ затонувшаго замка призрачный туманъ, проникъ и—освѣтилъ міръ подводныхъ растеній. Капля воды изъ лужи, освѣщенная этимъ лучомъ, явилась міромъ живыхъ существъ, самыхъ диковинныхъ формъ; существа эти боролись, наслаждались, жили!.. Въ водяной каплѣ былъ цѣлый міръ. Острый мечъ генія науки разсѣкъ своды глубокаго подземелья, гдѣ убивалъ людей василискъ, освѣтилъ подземелье, и — чудовище расплылось въ смертоносныя испаренія, когти его превратились въ газы отъ бродящаго вина, глаза въ свѣтильный газъ, вспыхивающій отъ прикосновенія струи свѣжаго воздуха. Мечъ генія выковалъ изъ золотой песчинки листъ, тонкій, какъ налетъ, оставляемый на стеклѣ нашимъ дыханіемъ. А отъ лезвія меча исходилъ такой свѣтъ, что нить паутины казалась якорнымъ канатомъ. И го-

лось генія науки зазвучалъ на весь міръ, какъ будто вернулось время чудесъ. По всей землѣ протянулись тонкія желѣзныя ленты, а по нимъ окрыленные паромъ летятъ съ быстротою ласточекъ нагруженные тяжелые вагоны. Передъ современною мудростью разступаются горы, поднимаются ложбины. А по металлическимъ нитямъ летятъ съ быстротою молній мысли и слова, летятъ изъ города въ городъ. «Жизнь! Жизнь»! звучало въ природѣ. «Вотъ каково наше время! Поэтъ, оно принадлежитъ тебѣ, воспой разумъ и истину!»

И геній науки опять взмахнулъ сверкающимъ мечомъ. Что за зрѣлище! Словно лучъ свѣта прорвался сквозь щелочку въ темное пространство и образовалъ длинный крутящійся столбъ изъ миріадъ свѣтлыхъ пылинокъ. Но здѣсь каждая пылинка была цѣлымъ міромъ: передъ поэтомъ открылось звѣздное небо. Снова зазвучалъ голосъ генія: «Ты дивишься величинѣ земли, а каждая точка здѣсь, каждая пылинка равна землѣ! Все это лишь пылинки и въ то же время звѣзды-міры! Какъ крутящійся столбъ изъ миріадъ пылинокъ, образуемый солнечнымъ лучемъ, прорвавшимся сквозь щелочку въ темное пространство—вертится въ міровомъ безграничномъ пространствѣ столбъ изъ свѣтилъ, который ты зовешь звѣзднымъ небомъ. А за нимъ свѣтится еще туманный млечный путь — новое звѣздное небо, другой столбъ, и оба они только два радіуса, двѣ спицы въ колесѣ вселенной. Какъ же велико оно само и сколько радіусовъ исходитъ изъ вѣчнаго центра—Бога!

«Такъ вотъ, что видитъ нынѣ глазъ твой, вотъ, какъ обширенъ горизонтъ, открывающійся нашему вѣку! Сынъ вѣка, выбирай же, за кѣмъ изъ насъ двухъ тебѣ идти! Я поведу тебя по новому пути! Иди по нему вслѣдъ за великими людьми своего вѣка, впереди остальныхъ! И ты будешь свѣтить имъ, какъ утренняя звѣзда, свѣтлый Люциферъ!»

Да, наука открываетъ намъ въ странѣ поэзіи новую Калифорнію! Правда, тотъ, кто предпочитаетъ оглядываться назадъ и мало смотритъ впередъ, какое бы онъ высокое и почетное положеніе ни занималъ—скажетъ, пожалуй, что сокровищницей науки пользуются уже давно, и она почти вся уже исчерпана великими безсмертными пѣвцами, прозрѣвавшими будущее значеніе науки! Положимъ; но не забудемъ также, что и въ то время, когда Ѳеспись говорилъ съ своей колесницы, и тогда жили въ мірѣ мудрецы. Гомеръ давно уже спѣлъ свои безсмертныя пѣсни, но послѣ него явились новыя поколѣнія, породившія Софокловъ и Аристофановъ. Древнія сѣверныя саги и преданія лежали какъ бы нетронутыми, неизвѣстными сокровищницами, пока не явился Эленшлегеръ и не указалъ, какіе можно вызвать оттуда мощные образы!

Мы не хотимъ сказать этимъ, что поэтъ долженъ излагать стихами разныя научныя открытія. Дидактическая поэзія и въ эпоху своего расцвѣта была только механической куклой, а не имѣла въ себѣ настоящей живой души. Поэтъ долженъ только просвѣтиться свѣтомъ науки, постичь яснымъ

взоромъ истину и гармонію и въ маломъ и въ великомъ. Тогда разумъ и фантазія его очистятся, просвѣтятся и укажутъ ему и новыя формы, и болѣе одухотворенныя слова. Даже отдѣльныя открытія въ состояніи окрылить его мысли. Что за сказочный міръ открывается, напримѣръ, подъ микроскопомъ, если наложить его на нашъ человѣческій міръ! Электромагнетизмъ можетъ стать жизненной нитью въ новѣйшей комедіи и романѣ, а сколько можно создать юмористическихъ твореній, если вознестись съ нашей крошечной, какъ песчинка, земли, заселенной мелкимъ заносчивымъ человѣчествомъ, въ безконечное міровое пространство, гдѣ разсѣяны млечные пути! Недурной иллюстраціей къ нашей мысли могутъ послужить слова одной старой знатной барыни: «Если каждая звѣзда есть такая же планета, какъ наша земля, съ разными государствами и Высочайшими дворами, то какое безконечное множество дворовъ! Голова закружится отъ одной мысли!»

Мы не скажемъ, какъ одна французская писательница: «Я рада умереть, не предстоитъ больше открытій въ мірѣ!» Осталось еще столько неизвѣстнаго, неизслѣдованнаго и въ морѣ, и въ воздухѣ, и въ землѣ, столько чудесъ, которыя должна открыть наука, чудесъ, какихъ не создастъ и фантазія поэта.

И вотъ, народится поэтъ съ дѣтскою душою, и, какъ новый Алладинъ, вступитъ въ волшебную пещеру науки; мы говоримъ «съ дѣтской душой»: не будь у него дѣтской души, великія силы природы поработятъ его. Новый Алладинъ зажжетъ лампу поэзіи, которою всегда есть и будетъ человѣческое сердце, и явится господиномъ природы, добудетъ изъ пещеры дивные плоды и построитъ, съ помощью духовъ, новый дворецъ поэзіи въ одну ночь.

Событія повторяются, характеръ человѣческій не мѣняется и съ тысячелѣтіями и повторяется въ отдѣльныхъ личностяхъ, одна наука вѣчно производитъ новое! Наука озаряетъ весь міръ свѣтомъ истины!

Мощный образъ Божій, освѣщай человѣчество! И когда его духовный взоръ привыкнетъ къ этому блеску, появится и новый Алладинъ, и Ты будешь съ нимъ, когда онъ краткими, ясными и мощными стихами воспоетъ истину и красоту, откроетъ новую поэтическую Калифорнію!

ПЕРВЕНЕЦЪ.

Комедія въ І-мъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Іесперсенъ—поэтъ.
Г-жа Іесперсенъ—его жена.
Христина—его сестра.
Докторъ Вендель.
Дама.
Канатчикъ.
Баронъ Банке.
Миндель—рантье.
Николина Мункъ.
Швеффель—ея женихъ.
Момсенъ—редакторъ.
Герцманъ—художникъ.
Сёренсенъ—композиторъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Копенгагенѣ, въ домѣ Іесперсена.

ДѢЙСТВІЕ І.

Уютная гостиная; три двери: одна—направо ведетъ въ переднюю, другая—налѣво въ кабинетъ Іесперсена, и средняя—въ столовую.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Христина (*одна*).

Христина (*пробѣгая списокъ гостей*). Однако, тридцать пять персонъ! Тѣсненько будетъ за обѣдомъ, а дѣлать нечего, приходится звать всѣхъ, иначе обидятся! Да, пиръ на весь міръ!.. А завтракъ можно считать генеральной репетиціей. Маленькія же вечернія репетиціи тянутся вотъ уже почти два мѣсяца, съ того самаго дня, какъ братъ началъ знакомить друзей съ своей пьесой. Да, не дешево обходится честь быть поэтомъ! Столько расходовъ!.. То-есть, если хочешь прославиться, а не довольствуешься собственнымъ сознаніемъ своего таланта! Боюсь только, чтобы

тутъ не повторилась сказочная исторія о крестильномъ пирѣ у портного: гости съѣли въ концѣ-концовъ и самого ребенка! Пожалуй, и у насъ весь заработокъ пройдетъ между рукъ! Ну да пусть, — нашъ первенецъ все-таки произвелъ фуроръ! Вчера его показали добрымъ людямъ, а сегодня будемъ принимать поздравленія! Право, у насъ точно и въ самомъ дѣлѣ родился ребенокъ! Только и папаша и мамаша его — одно лицо!.. Фу! Что это мнѣ все такія нехорошія мысли въ голову лѣзутъ! А еще сестра! У меня почему-то съ ума не идетъ комедія Гольберга*) и какъ-то жутко становится... Но, конечно, нашъ-то первенецъ—родное дѣтище моего брата, и притомъ лучшее! Наконецъ-то на него снизошло истинное вдохновеніе!.. Звонятъ!.. Начинаются поздравленія! (*Идетъ и отворяетъ дверь въ переднюю, откуда появляется докторъ Вендель*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Христина и Вендель.

Вендель. Извините, мнѣ сказали, что здѣсь живетъ господинъ Іесперсенъ. Нельзя-ли мнѣ видѣть его?

Христина. Но, Боже мой!.. Неужели..? Вы такъ похожи..?

Вендель (*кланяется*). Докторъ Вендель.

Христина. Докторъ Вендель! Да, вѣдь, вы умерли!

Вендель. Должно быть, не совсѣмъ.—А вы..? Вы Христина, если осмѣлюсь назвать васъ такъ безцеремонно. Такъ вы меня узнали?

Христина. О Господи! Вы живы! Вотъ чудеса! Вендель! Докторъ Вендель! А всѣ говорили, что вы умерли тамъ, въ Америкѣ! Всѣ были такъ увѣрены!.. И сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ!.. Но я ужасно рада, что вы воскресли и явились съ того свѣта къ своимъ старымъ друзьямъ!.. Вѣдь, вы и въ самомъ дѣлѣ изъ другого свѣта!

Вендель. И тамъ мнѣ повезло. Бѣдному кандидату хирургіи удалось сдѣлать себѣ карьеру.—И вотъ кого первую суждено мнѣ было встрѣтить въ вашемъ домѣ, въ первомъ, который я поспѣшилъ посѣтить! Вы замужемъ? Невѣста?

Христина. Или вдова? Нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ!.. Но я, право, все еще не вѣрю своимъ глазамъ!.. Не вѣрю, что это вы, вы сами стоите передо мною!..

Вендель. Я самъ, только немножко пополнѣвшій, немножко посѣдѣвшій, а душою все тотъ же! Да и вы ничуть не измѣнились. Такая же, какъ были!

---

*) „Barselstuen" (Поздравленія съ новорожденнымъ). Въ этой пьесѣ Гольбергъ осмѣиваетъ нелѣпый и вредный обычай безпокоить родильницу посѣщеніями и поздравленіями вскорѣ послѣ родовъ. Въ словахъ Христины содержится намекъ на то, что въ комедіи Гольберга отецъ ребенка, по словамъ кумушекъ, оказывается не настоящимъ отцомъ ребенка. *Примѣч. перев.*

Христина. Не совсѣмъ. Обзавелась зубною болью, колотьями въ боку, добродушіемъ и другими почтенными слабостями, какими люди обзаводятся съ годами.—Но вы должны разсказать мнѣ о «томъ свѣтѣ», то есть о вашемъ житьѣ-бытьѣ тамъ,—до описаній природы, я, если помните, не охотница.

Вендель. Жизнь моя цѣлый романъ, какъ и жизнь каждаго человѣка, если вдуматься въ нее хорошенько!.. Вы знаете, каково было у меня на душѣ, когда я уѣзжалъ изъ Даніи..?

Христина. Да, вы отличались въ тѣ времена умѣньемъ отравлять себѣ жизнь.—Вы уѣхали въ Гамбургъ, оттуда въ Америку, а черезъ два года до насъ дошло достовѣрное извѣстіе о вашей смерти.

Вендель. Если разсказывать все по порядку—и конца не будетъ. Поэтому разскажу все въ нѣсколькихъ словахъ. Мнѣ не повезло въ Нью-Іоркѣ, и я отправился въ Бразилію. Корабль нашъ разбился, а я въ числѣ немногихъ счастливцевъ спасся. Въ Бразиліи счастье, наконецъ, улыбнулось мнѣ: тамъ мнѣ удалось устроиться, пріобрѣсти практику и... и... Ну, словомъ, теперь я вдовецъ.

Христина. Что? Вы женились тамъ?

Вендель. Да. Теперь-то я могу позволить себѣ высказаться,—пятнадцать лѣтъ, вѣдь, прошло съ тѣхъ поръ, я сталъ благоразумнѣе!.. Когда-то я мечталъ встрѣтить съ вашей стороны взаимность. Но вы меня не любили, а вашъ отецъ еще меньше! Ну я и уѣхалъ скитаться по бѣлу свѣту. Въ Бразиліи я познакомился съ одной дамой, немного старше меня... Она была прекрасная, умная и богатая женщина... горячо полюбила меня... Я полюбилъ ее, какъ сестру, мы женились и счастливо прожили одиннадцать лѣтъ, счастливо не только въ смыслѣ внѣшняго благополучія, но и семейнаго счастья. Два года тому назадъ она умерла!.. Теперь я богатъ, независимъ... соскучился о друзьяхъ юности, о старомъ Копенгагенѣ, и—вотъ я опять здѣсь!

Христина. Что это, сказка?

Вендель. Да, одна изъ дѣйствительныхъ сказокъ жизни, которыя бываютъ зачастую куда сложнѣе и удивительнѣе сказокъ, созданныхъ воображеніемъ поэта.

Христина. Вы найдете здѣсь много перемѣнъ. Мы сильно двинулись впередъ!

Вендель. О, на родинѣ все превосходно, чудесно! Отъ всего вѣетъ такой свѣжестью, новизной и въ то же время такой милой сердцу стариной. Право, я, кажется, разъ сто остановился по дорогѣ, идя къ вамъ, чтобы посмотрѣть то на то, то на другое, мимо чего другіе проходили вполнѣ равнодушно. Я дивился даже нашимъ высокимъ, остроконечнымъ крышамъ,—я, вѣдь, совсѣмъ отвыкъ отъ нихъ! А ужъ какъ у меня чесались

руки, при видѣ нашихъ старомодныхъ ручекъ колокольчиковъ! Такъ бы вотъ и зазвонилъ у первыхъ дверей! У водокачалки же я таки и не вытерпѣлъ, подбѣжалъ и съ такимъ наслажденіемъ качнулъ раза два! Всѣ такъ и воззрились на меня!

Христина. Я думаю!

Вендель. Я далъ на гостинцы первому мальчишкѣ, который обругалъ при мнѣ другого по-нашему, по-копенгагенски!—Да, да! Вамъ-то, конечно, не понять, что за радость увидать старомодныя ручки колокольчиковъ, водокочалку или услышать уличную брань! А вотъ поѣзжайте-ка въ Бразилію, поживите тамъ лѣтъ пятнадцать, да вернитесь назадъ на родину— живо поймете! — Однако, я слышалъ, вашъ братъ, а мой старый другъ, сталъ теперь знаменитостью?

Христина. Сейчасъ вы увидите его!

Вендель. Хозяинъ отеля разсказалъ мнѣ и о славѣ моего друга, и о его женитьбѣ...

Христина. Ну это-то ужъ старая исторія. Братъ лѣтъ десять, какъ женатъ.

Вендель. Узналъ я тоже, что вы теперь живете у брата, что отецъ вашъ давно умеръ...

Христина. Да, многое измѣнилось! Многое!... Брата сейчасъ нѣтъ дома, но онъ скоро долженъ вернуться,—сегодня у насъ день торжественныхъ поздравленій, и мы ждемъ много визитовъ. Вчера его пьеса, его драматическій первенецъ, какъ я ее зову, шла въ первый разъ. Теперь мы ждемъ, что скажутъ газеты. Вы еще не знаете нашихъ газетъ!

Вендель. Какъ же, знаю одну—«Мефистофеля». Мнѣ его вчера показали и отрекомендовали.

Христина. Это самая забавная газета! То есть забавна она, пока тебя самого не задѣли въ ней,—тогда она, конечно, отвратительна! Господамъ совѣстно читать ее, и потому ее выписываютъ одни лакеи да кучера, ну, а зачитываютъ-то сами господа!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и Дама.

Дама *(входитъ изъ передней)*. Извините! Г-нъ Іесперсенъ дома?

Христина. Вы желаете видѣть его?

Дама. Да! Надо вамъ сказать, что онъ *мой* писатель, т. е. въ моемъ вкусѣ! Онъ пишетъ такъ умно, а я вообще врагъ всякой банальности. Извините, что я такъ сразу перехожу на литературную почву, но, вѣдь, я въ домѣ писателя, и вы, вѣроятно, уже привыкли къ подобнымъ разговорамъ! Вы, конечно, сама госпожа Іесперсенъ? О, Боже!.. Быть женой такого поэта!

Христина. Нѣтъ, онъ мой братъ.

Дама. Мать? Не можетъ быть! Развѣ онъ такъ молодъ?

Христина. Я говорю—онъ мой братъ!

Дама. Ахъ, братъ! Понимаю! Видите-ли, я иногда плохо слышу однимъ ухомъ, а то вообще у меня слухъ превосходный! Но я такъ много болтаю! А мнѣ собственно нужно бы поговорить съ самимъ поэтомъ! У меня, видите-ли, умерла тетка; злые люди поссорили ее со всѣми нами, родными, чтобы завладѣть ея имѣньемъ... И это имъ удалось! Они получили все до ниточки! Ну а я всегда слыла за женщину съ сердцемъ и хочу это доказать. Вотъ я и думаю попросить вашего братца написать мнѣ небольшое посвященіе усопшей, оплакать ее въ стихахъ... А я бы напечатала ихъ въ газетѣ... Положимъ, она не отказала мнѣ ни гроша, но всетаки она мнѣ тетка!..

Христина. А мой братъ вашу тетку зналъ?

Дама. Вотъ какъ! Зналъ?

Христина. Я спрашиваю—зналъ-ли онъ ее? Вѣдь, если онъ не зналъ ея, то ему очень трудно посвятить ея памяти стихотвореніе... Развѣ самое банальное. По-моему, врядъ-ли онъ возьмется за это.

Дама. О, я готова помочь ему кое-какими указаніями. Вотъ напримѣръ: эти злые люди, которые поссорили ее съ нами, мужъ и жена; жена никуда не годится, а мужъ... (*шепотомъ*), говорятъ, онъ пьетъ и имѣетъ связи на сторонѣ!.. Ахъ, я такъ плакала, такъ плакала о бѣдной тетѣ! Особенно, когда она умерла!—Ну вотъ, пусть вашъ братъ свяжетъ все это вмѣстѣ, какъ хочетъ, и напишетъ стихотвореніе!

Христина. Не зайдете ли вы въ другой разъ,—завтра утромъ, напримѣръ, чтобы съ нимъ самимъ переговорить?

Дама. Подарить? О, конечно, я не прошу его подарить мнѣ свое стихотвореніе! Я заплачу. Само собой разумѣется. Вѣдь, онъ этимъ живетъ! Но такому человѣку нельзя же прямо предложить денегъ, такъ я позволю себѣ вручить ему билетъ на розыгрышъ чепчика. Я устраиваю лоттерею, и билетъ стоитъ далеръ. А если вашъ братъ выиграетъ чепчикъ,—онъ изъ батиста съ чудесной вышивкой—то это будетъ уже цѣлыхъ восемь далеровъ!—Итакъ, завтра, часовъ...?

Христина. ...въ девять, или попозже!

Дама. Я бы предпочла не выставлять подъ стихотвореніемъ полнаго своего имени, а только начальную букву и пять точекъ. Довольно и этого,—догадаются, что это я написала! До свиданія! (*кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Христина, Вендель, потомъ г-жа Іесперсенъ.

Вендель. Недурна! И много къ вамъ ходитъ такихъ? Она въ моемъ вкусѣ: я люблю оригиналовъ. — А правду вѣрно говоритъ поговорка, что

оригиналы сами стучатся въ дверь поэта! Этой барынѣ непремѣнно надо услужить стихотвореніемъ, непремѣнно! Хоть бы мнѣ самому пришлось тряхнуть стариной!.. Да, я давно уже раззнакомился съ музой.

Христина. А это грѣхъ,—у васъ, по-моему, былъ талантъ. Но вы всегда черезчуръ скромничали. (*Входитъ Г-жа Іесперсенъ.*) А вотъ и жена моего брата (*невѣсткѣ*). Іоганна! Знаешь, кто это? Подумай! Это другъ Филиппа, докторъ Вендель, котораго мы считали умершимъ! Онъ вернулся вчера изъ Бразиліи.

Г-жа Іесперсенъ. Мы видимся съ вами въ первый разъ, но я такъ много слышала о васъ!... Какъ обрадуется мой мужъ!.. Вы, вѣроятно, слышали уже объ успѣхѣ его новой пьесы? Теперь только и разговоровъ, что о ней.

Вендель. Слышалъ, слышалъ и съ радостью готовлюсь раздѣлить общій восторгъ. Дѣло идетъ о...?

Г-жа Іесперсенъ. ...о «Любви»! Старая и вѣчно новая тэма! Мужъ такъ и назвалъ эту вещь «Любовь». Знаете, слушая ее, я много разъ говорила самой себѣ: что за мужъ у тебя! какъ онъ все это прочувствовалъ и сумѣлъ выразить! Но газеты, конечно, опять будутъ бранить его,—онѣ всегда бранятъ его, когда онъ выступаетъ въ качествѣ поэта и, напротивъ, хвалятъ, какъ критика.

Христина. По ихъ мнѣнію онъ умѣетъ читать и понимать чужія произведенія, а самъ писать не смыслитъ!

Г-жа Іесперсенъ. Христина!.. Эту вещь, однако, всѣ хвалятъ и говорятъ, что поэтическое дарованіе моего мужа, которое, до сихъ поръ отрицали, выказалось, наконецъ, въ полномъ блескѣ! Впрочемъ, вы сами убѣдитесь въ этомъ!—Знаете что, докторъ? Вы—другъ мужа... нашъ другъ... Останьтесь у насъ, позавтракайте,—столъ уже накрытъ—а послѣ завтрака я проведу васъ въ кабинетъ мужа... Тамъ есть качалка и вообще довольно уютно... Рукопись на столѣ, прочтите сколько успѣете. Мужъ будетъ тронутъ: умершій другъ—живъ, вчера только изъ Америки и—уже знаетъ его новую вещь!... Вы, вѣрно, смѣетесь надо мной?

Вендель. Смѣюсь? Да ваше предложеніе чудесно! Только отъ завтрака я откажусь.

Христина. Опять не могу не вспомнить комедію Гольберга! И васъ сейчасъ поведутъ за ширмы любоваться новорожденнымъ!

Г-жа Іесперсенъ. Христина!... Да, впрочемъ, вы, вѣдь, старинные знакомые! Она все такая же!

Христина. Не бойся! Докторъ, навѣрное, придетъ въ восторгъ отъ нашего дѣтища—онъ отъ всего здѣсь приходитъ въ восторгъ, даже отъ уличныхъ мальчишекъ и водокачалки!

Г-жа Іесперсенъ. Вполнѣ вамъ сочувствую! Да, Христина смѣется, а я... тоже нахожу все чудеснымъ въ нашей милой маленькой Даніи! Ну,

видѣли-ли вы во время вашихъ странствій что-нибудь лучше нашего букового лѣса?

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Канатчикъ.

Канатчикъ. Позвольте узнать, не тутъ ли живетъ писатель?

Г-жа Іесперсенъ. Да, это мой мужъ.

Канатчикъ. Мнѣ бы надо узнать, не купитъ ли онъ комедію?

Христина. Что такое?

Канатчикъ. Не купитъ ли онъ у меня комедію?

Христина. Книгу что ли вы хотите продать?

Канатчикъ. Нѣтъ, это я самъ написалъ! Не я одинъ, то есть... а жена съ барышней, жиличкой нашей, помогали. Намъ бы хотѣлось продать ее, ну я и подумалъ, что вѣрнѣе всего будетъ пойти къ такимъ людямъ, которые знаютъ дорожку въ театръ... Что жъ, и на моей комедіи можно заработать денежки!

Г-жа Іесперсенъ. Какъ это вамъ пришло въ голову?

Христина. Кто васъ послалъ сюда?

Канатчикъ. А машинистъ одинъ знакомый. Понятно, онъ велѣлъ мнѣ идти къ самому, а не къ барынямъ. — Пусть бы вашъ мужъ купилъ мою комедію, а потомъ, глядишь, и самъ бы заработалъ на ней!

Вендель. Какъ называется ваша пьеса?

Канатчикъ (*вынимаетъ рукопись*). «Ухъ»! Надо бы было назвать ее «Тьфу», но женѣ и барышнѣ это не понравилось, я и назвалъ: «Ухъ». И мы не выдумали тутъ ни капли, это все истинная правда! Это мы про одно наше знакомое семейство написали... Только имена перемѣнили,—зачѣмъ, думаю, зря подымать людей на смѣхъ! А презабавная штука!

Христина. Это небольшая вещица, кажется. Больше получаса не займетъ...

Канатчикъ. Получаса? Нѣтъ, сударыня, и на цѣлый вечеръ хватитъ! Я, вѣдь, читалъ ее два воскресенья кряду, и оба раза весь вечеръ ушелъ! Понятно, что между прочимъ мы тутъ и выпили, и закусили, и потолковали о томъ, о семъ!

Г-жа Іесперсенъ. Мужъ мой врядъ ли купитъ у васъ комедію.

Христина. Онъ самъ ихъ пишетъ!

Г-жа Іесперсенъ. Вообще не водится покупать чужихъ комедій! Если же вы непремѣнно хотите видѣть мужа, то можете застать его завтра около 9—11 часовъ утра.

Канатчикъ. Только вы пожалуйста скажите ему обо мнѣ. Я канатчикъ, только вотъ все еще не могу завести своей собственной мастерской. А комедія моя хоть тѣмъ хороша, что въ ней все правда!

Г-жа Іесперсенъ. Такъ около 9—11 утра (*отворяетъ ему дверь*).

Канатчикъ. А если онъ купитъ ее у меня, такъ пусть отпечатаетъ на красной афишкѣ,—оно виднѣе будетъ! (*уходитъ*).

Г-жа Іесперсенъ. Вотъ оригиналъ! Но пусть себѣ придетъ завтра! Онъ можетъ пригодится мужу.—А теперь, господинъ докторъ, позвольте проводить васъ въ кабинетъ... (*останавливается при видѣ входящаго барона*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Вендель, Христина, Г-жа Іесперсенъ и Баронъ.

Баронъ. Мой нижайшій поклонъ и поздравленія по поводу первой пьесы вашего мужа! Она безподобна! Онъ замѣчательный лирикъ!

Г-жа Іесперсенъ. Merci!—Позвольте васъ познакомить съ другомъ юности моего мужа. Докторъ Вендель изъ Бразиліи—баронъ Банке.

Баронъ. Очень радъ познакомиться!—А вы видѣли эту прелестную вещь: «Любовь»? Есть англійскій романъ того же названія «Love», но то, конечно, совсѣмъ въ другомъ родѣ. Господинъ Іесперсенъ далъ намъ вещь въ чисто Шиллеровскомъ вкусѣ, à la «Kabale und Liebe». Эта великолѣпная процессія тамъ... и звѣздное небо!.. Magnifique! Такой лиризмъ... такая поэзія! Весь corps diplomatique пойдетъ на эту пьесу. Я уже разсказывалъ о ней. Только бы принца играли получше. Право, эти господа, какъ будто никогда не видали настоящихъ придворныхъ!

Христина. Мало видѣть,—надо понять и схватить типъ!

Баронъ. Разумѣется!

Вендель. Насколько я могу заключить изъ всего слышаннаго мною, новая пьеса является драгоцѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу?

Баронъ. Въ нашу литературу! Ахъ! Стыдно сказать, но у насъ нѣтъ литературы! Мы, высшіе классы, читаемъ только по-англійски и по-французски; по-датски—никогда! Не за что взяться! У насъ есть кое-какіе разсказики, стишки, но развѣ это литература? Наша литература—нуль! Да, я имѣю мужество высказать это.—Но вотъ теперь положено начало!.. Любовь—упорядочила хаосъ, «Любовь» положила начало созданію нашей литературы. Эта пьеса превосходна, superbe! Совершенно à la Corneille, à la Victor Hugo!

Вендель. Я совсѣмъ не знакомъ съ новѣйшей датской литературой,—такъ же, какъ и съ иностранной, впрочемъ. Во время моего долголѣтняго пребыванія въ Бразиліи, приходилось искать поэзію не въ книгахъ, а въ самой природѣ.

Баронъ. Должно быть, въ высшей степени поэтическая страна, живописная! Я читалъ о ней одно превосходное сочиненіе...

Вендель. Природа тамъ изумительно величава и богата. Но я принад-

лежу къ дѣтямъ нашего вѣка,—не довольствуюсь одной природой, скучаю о культурѣ, а она—въ Европѣ!

Баронъ. Культура! Наша культура выражается свободою и развязностью слова, низверженіемъ высшихъ классовъ общества, подведеніемъ всего подъ одинъ общій уровень! Вы еще не знали этого? Скоро узнаете! У насъ впереди всего журналисты, и все, что во времена Louis XIV стояло по правую руку трона, должно теперь лежать въ грязи! Они только и кричатъ о дворянствѣ и противъ дворянства, а послѣдній мѣщанинишка въ наше время не уступитъ въ гордости любому дворянину! Чернь нынѣ во всемъ подражаетъ знати, но объ этомъ молчатъ!

Вендель (*тихо Христинѣ*). Онъ тоже придетъ завтра около 9—11 часовъ утра?

Баронъ. Да стоитъ говорить вообще!—Вы не узнаете Даніи! Теперь на первомъ планѣ—чернь! Счастливъ, кто родился сыномъ сапожника! Народъ судитъ и рядитъ, у народа завелись свои симпатіи!.. И все это зло отъ газетъ!—Не стоитъ, впрочемъ, и горячиться!.. Господинъ докторъ, сударыня, charmante mademoiselle, честь имѣю...

Г-жа Іесперсенъ. Куда же вы спѣшите? Столъ накрытъ,—сдѣлайте честь нашему скромному завтраку.

Баронъ. Помилуйте, у васъ всегда такой изысканный столъ!—Отдавая честь завтраку, я отдамъ честь хозяйкѣ! (*идетъ въ столовую*).

Г-жа Іесперсенъ (*Венделю*). А вы такъ и не хотите?

Вендель. Если позволите, я лучше поспѣшу насладиться поэтическимъ произведеніемъ, прославившимъ моего друга!

Г-жа Іесперсенъ (*провожая его до кабинета*). Кабинетъ не великъ, но довольно уютенъ (*уходитъ въ столовую*).

Христина (*одна*). Вотъ ужъ ни думала, ни гадала-то! Вендель живъ, вернулся и... первымъ долгомъ явился къ намъ! — По крайней мѣрѣ такъ онъ самъ сказалъ.—Вдовецъ и старая дѣва! Какъ время-то бѣжитъ!—А, звонятъ!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Христина и Миндель (*входитъ изъ передней*).

Христина. А, господинъ Миндель! Господи, что за жилетъ на васъ! Вы всегда просто сіяете!

Миндель. Украшаешь лучшее, что имѣешь, а сердце—мое лучшее достояніе!—Поэтъ нашъ дома? Нѣтъ? А уважаемая—да, вѣдь, нельзя сказать «поэтесса»! Вотъ единственный случай, когда жена не раздѣляетъ титула мужа!

Христина. Братъ, вѣроятно, скоро вернется. А пока неугодно ли закусить? Въ столовой—завтракъ и... баронъ Банке!

Миндель. Завтракъ манитъ, баронъ пугаетъ! Онъ—оселъ! Опять заведетъ свои поэтическіе, эстетическіе разговоры, а я сытъ по горло еще со вчерашняго! Мы обѣдали вмѣстѣ у его превосходительства, совѣтника Лампе.

Христина. Ахъ, тамъ, гдѣ—вы говорите—подаютъ къ обѣду только жареныхъ сверчковъ да тараканьи ножки!

Миндель. Да, столъ у нихъ прескверный! Я понять не могу, что у нихъ за манера стряпать,—и вкусъ и запахъ, все есть, а чѣмъ больше ѣшь, тѣмъ какъ будто меньше съѣлъ!

Христина. Зато—разговоры, музыка, поэзія!

Миндель. Да, они собираютъ у себя артистовъ всякаго сорта и угощаютъ ими гостей вмѣсто настоящей ѣды: то читаетъ свои стихи какой-нибудь поэтъ, то является художникъ съ своей папкой... Брр! Постоянно изображать изъ себя знатока—слуга покорный!

Христина. Но у насъ, вѣдь, почти то же!.. Вамъ приходится слушать стихи моего брата!

Миндель. О, это дѣло другое! У васъ и кухня въ прекрасной гармоніи съ искусствомъ, и можно отдохнуть въ разговорѣ съ такой... пріятной собесѣдницей! — Ахъ, я совсѣмъ измучился на этой недѣлѣ, — всюду обѣды, обѣды!

Христина. Значитъ, вчерашній постъ у совѣтника былъ кстати! Разскажите же, гдѣ вы были еще,—вы мастеръ смѣшить.

Миндель. Сейчасъ! Дайте только вспомнить... Въ понедѣльникъ... въ понедѣльникъ...

Г-жа Іесперсенъ (*выходитъ изъ столовой и здоровается съ Минделемъ*).

Христина. Господинъ Миндель занимаетъ меня, прохаживаясь насчетъ своихъ добрыхъ знакомыхъ!

Миндель. Зачѣмъ быть такой злой! Да, да, у васъ ужъ отъ природы такой язычекъ, что ой-ой!

Христина. Ну, съ природой ничего не подѣлаешь!

Миндель. Понедѣльникъ, это былъ день объяденія. Я обѣдалъ у почтеннаго коммерсанта Мункъ. Какъ ѣдятъ эти люди! Иначе бы, впрочемъ, никто къ нимъ и не заглянулъ. Самъ онъ—человѣкъ невозможный, а жена—гусыня! А знаете? Дочка-то просватана! И теперь водитъ своего нареченнаго на показъ!

Г-жа Іесперсенъ. Просватана? За кого же?

Миндель. За секретаря Швеффель. Совсѣмъ мальчишка, да еще глупый мальчишка!

Г-жа Іесперсенъ. Онъ, вѣдь, гораздо ниже ея ростомъ!

Миндель. Отъ земли не видно! Тѣмъ удобнѣе таскать его за собою!

Погодите, они еще и къ вамъ явятся сегодня. Вотъ такъ парочка! Пивная бочка подъ руку съ помадной баночкой!

Христина. Поговаривали, что и вы были не прочь отъ этой пивной бочки.

Миндель. Я? Никогда! Хоть бы она биткомъ была набита червонцами!— Такъ значитъ это было въ понедѣльникъ. Во вторникъ я обѣдалъ у графа Швальбе. Онъ—добрякъ, какъ говорятъ, чтобы не сказать «нуль». Жена держитъ его подъ башмакомъ.

Христина. А что, она, правда, такъ умна, какъ говорятъ?

Миндель. Она—дрянь! Да, я называю вещи своими именами. И груба вдобавокъ! Страшно груба! Но грубость въ шелковомъ платьѣ, въ аристократической сферѣ — это, вѣдь, такъ пикантно! Всѣ боятся графини, ухаживаютъ за ней, а она всѣхъ третируетъ, старая вѣдьма!—Въ среду я былъ у капитана Свингдорфа. Онъ нынче сталъ либераломъ,—ему, вѣдь, пришлось выйти въ отставку не по доброй волѣ! Вообще, за столомъ сидѣли одни либералы; поэтому пили за торжество скандинавской идеи. Какъ времена перемѣнчивы! Какихъ-нибудь семь лѣтъ тому назадъ уличные мальчишки свистали вслѣдъ шведскимъ санкамъ, а нынче распѣваютъ шведскія національныя пѣсни!.. Была тамъ тоже пасторша Броманъ—эта ходячая проповѣдь морали. Только и знаетъ нападать на людскую испорченность, а ея собственные сынки хуже всѣхъ! Отчаянные шалопаи и донъ-Жуаны!

Г-жа Іесперсенъ. Дрянные мальчишки! Я слышала объ ихъ подвигахъ! Наша домашняя швея...

Миндель. Ахъ, и она!

Г-жа Іесперсенъ. Богъ съ вами! Нѣтъ! Она честная дѣвушка, но она разсказывала мнѣ!..

Миндель. Я тоже могъ бы разсказать вамъ о нихъ скандалезнѣйшую исторію, но ее неудобно разсказывать дамамъ. Я разскажу ее вашему мужу, а ужъ онъ пусть вамъ!

Г-жа Іесперсенъ. Неужели я, по вашему, заставляю своего мужа пересказывать мнѣ скандалезныя исторіи!

Миндель. Но эта исторія безподобна! Чисто въ Копенгагенскомъ вкусѣ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же, Николина Мункъ и Шеффель.

Николина. Позвольте представить вамъ моего нареченнаго! Ахъ, и вы здѣсь, господинъ Миндель!

Миндель. Мнѣ везетъ сегодня! Куда ни пойду—встрѣчу васъ съ женихомъ! А, вѣдь, вы знаете, какъ я цѣню и уважаю васъ и господина секретаря—моего друга, моего лучшаго друга!

Г-жа Іесперсенъ. Поздравляю тебя, Николина! И васъ, господинъ Швеффель!

Христина. Такъ значитъ вы рѣшились пройти жизненный путь рука объ руку!

Николина. Я немножко выше его, но это не бѣда!

Христина. Конечно; лишь бы онъ досталъ до сердца!

Николина. О, онъ еще выше! Посмотрите!—Стань-ка ко мнѣ спиной, Адольфъ! Вотъ такъ! Да не конфузься! Я тутъ, какъ своя, и ты долженъ держаться такъ же!

Миндель. Сударыня! Вы не прямо стоите, присѣдаете!

Николина. Станьте прямѣе—я вамъ дамъ на чай! Да и все равно кто выше,—мужъ или жена, лишь бы вообще они были пара,—вотъ, какъ мы! Сегодня мы только и дѣлаемъ, что бѣгаемъ съ визитами. Показываемся всѣмъ! И ужъ въ шести мѣстахъ побывали! Сегодня я показываю его, а вчера онъ возилъ меня къ своимъ. Ахъ, первый визитъ въ семью жениха — это ужасная вещь! Но онъ сталъ теперь такой остроумный, вездѣ что-нибудь забавное скажетъ! Право!

Швеффель. О!

Николина. Ну, вотъ, онъ опять, что-нибудь придумалъ,—я ужъ вижу! Ахъ ты!.. Кстати, позвольте васъ поздравить съ успѣхомъ новой пьесы! «Любовь!» Въ одномъ заглавіи сколько поэзіи!

Христина. Особенно для влюбленныхъ!

Николина. Мы тоже были вчера въ театрѣ. Никогда еще я такъ не наслаждалась! А онъ все время смѣшилъ меня до упаду! Такой ужъ онъ!.. Ахъ, какъ вашъ мужъ понимаетъ любовь! Я непремѣнно спишу всю эту чудную вещь въ свой альбомъ, — у меня тамъ ужъ много прелестныхъ вещей списано!—Адольфъ, посмѣши насъ чѣмъ-нибудь, — ты столько разсказывалъ вчера у совѣтницы!—Онъ умѣетъ представлять ея походку!

Швеффель. О!

Николина. Ну, какой ты сегодня скучный!—Мы собираемся заказать живописцу нашъ портретъ,—Адольфъ хочетъ, чтобы насъ обоихъ написали вмѣстѣ. Чтожъ, я не прочь, — вѣдь, ужъ мы теперь обручены. Но я никогда не выйду хорошо: у меня такое подвижное лицо, и художникъ навѣрное схватитъ самое гадкое выраженіе!

Швеффель. О!

Николина. Я говорю!—Да, я уже начинаю забирать его въ руки! Теперь мы собираемся пройтись по набережной,—пусть ужъ поскорѣе всѣ увидятъ насъ вмѣстѣ, тогда конецъ всѣмъ церемоніямъ! А онъ чудесно держитъ подъ руку!

Г-жа Іесперсенъ. Ну, не спѣшите такъ! Господинъ Швеффель, можетъ быть, закуситъ у насъ?.. И ты тоже?.. Кофе выпьете?.. (*Минделю*). И вы

не откажитесь! Мужъ скоро вернется и будетъ такъ радъ увидѣть васъ всѣхъ!

Николина. Некогда намъ, вотъ что... (*Швеффелю*). Да, вѣдь, ты голоденъ?

Швеффель. О!

Николина. Голоденъ, голоденъ! Самъ говорилъ!..

Миндель. Позвольте, я вашъ камеръ-юнкеръ и отворяю двери! (*отворяетъ дверь въ столовую*).

Г-жа Іесперсенъ. Пойдемъ, дорогая Николина! И сними шляпу (*всѣ, кромѣ Христины, уходятъ*).

Христина (*одна*). Вотъ визитовъ-то! А мой докторъ возится теперь съ нашимъ новорожденнымъ.—Однако, надо позаботиться о кофе! (*уходитъ въ столовую*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Іесперсенъ и редакторъ Момсенъ (*входятъ изъ передней*).

Редакторъ. Да, Іесперсенъ, ты никогда еще такъ не писалъ! Я долго и горячо заступался за тебя, когда другіе обижали тебя, — теперь могу и не стараться такъ. Теперь ты самъ доказалъ имъ, что у тебя есть талантъ! Раньше, признаюсь, и я что-то не замѣчалъ его... Но теперь ты великъ! Такая поэзія!

Іесперсенъ. Момсенъ!

Редакторъ. Я говорю правду! Ты геній! Теперь ты можешь даже спокойно умереть хоть сейчасъ! И я буду гордиться тѣмъ, что зналъ тебя!

Іесперсенъ. Ты, кажется, взялъ съ собой корректуру рецензіи?

Редакторъ (*вынимаетъ рецензію*). Вотъ! Я составилъ ее по твоему наброску и упомянулъ о всѣхъ мѣстахъ, на которыя ты указалъ. Нельзя было только привести всѣ стихи цѣликомъ—это заняло бы слишкомъ много мѣста.

Іесперсенъ. Надѣюсь, всетаки, что ты привелъ тѣ — о зарожденіи любви?

Редакторъ. Еще бы! Это, вѣдь, лучше всего. И о невинности дѣвушки—тоже. Мои дамы совсѣмъ безъ ума отъ нихъ. Жена сказала даже: «не понимаю, какъ можетъ мужчина такъ войти въ положеніе женщины»!— Такъ вотъ рецензія! (*читаетъ вслухъ*): «Несмотря на ускоренную, почти лихорадочную пульсацію нашей политической и общественной жизни, не остаются забытыми и изящныя искусства, особенно поэзія. Но привѣтствуя иной разъ какое-нибудь выдающееся, по силѣ и красотѣ, поэтическое произведеніе талантливаго писателя, мы не можемъ всетаки не вздохнуть втайнѣ и не подумать о томъ, чтó бы могъ сдѣлать такой талантъ, еслибы посвятилъ свои силы на служеніе общественнымъ и политическимъ интересамъ страны.

Однимъ изъ такихъ талантовъ является нашъ извѣстный поэтъ Іесперсенъ. и о его-то послѣднемъ прекрасномъ поэтическомъ произведеніи мы и поведемъ сейчасъ рѣчь».

Іесперсенъ. Превосходно написано!

Редакторъ. Хочешь самъ прочесть? Дальше идетъ пересказъ содержанія и указаніе выдающихся мѣстъ,—словомъ все, какъ ты самъ написалъ.

Іесперсенъ. Да, ты, вѣдь, попросилъ меня!.. Но я предоставилъ тебѣ выкинуть все, съ чѣмъ бы ты оказался несогласнымъ.

Редакторъ. Я и выкинулъ, напримѣръ, то мѣсто, гдѣ ты говоришь о своихъ прежнихъ произведеніяхъ и объ ихъ оригинальности.

Іесперсенъ. Но, дружище! Какъ же это можно! Вѣдь, тамъ я какъ разъ объяснилъ, истолковалъ значеніе всей моей поэтической дѣятельности! Это непремѣнно надо возстановить!

Редакторъ. Ну, если надо—!

Іесперсенъ (*пробѣгая рецензію*). А то вообще премило и совершенно вѣрно... Особенно вотъ это—о моей скромности. Но не слѣдовало бы такъ подчеркивать, что это первое мое истинно-поэтическое произведеніе!.. Такая маленькая вещица!..

Редакторъ. Это — твой шедевръ! Теперь только ты занялъ прочное положеніе на Парнасѣ! — Дальше все слово въ слово по твоему наброску.

Іесперсенъ. Но насчетъ этого — молчокъ! Могутъ, вѣдь, перетолковать это въ дурную сторону!

Редакторъ. Да кто же знаетъ и понимаетъ произведеніе лучше самого автора? Кто слышитъ о немъ больше разговоровъ, споровъ, различныхъ сужденій, чѣмъ онъ? И что-жъ, еслибы даже ты написалъ самъ и всю рецензію, что-жъ тутъ дурного? Развѣ великій Вальтеръ Скоттъ не писалъ самъ критики на свои романы и не помогалъ этимъ ихъ успѣху? Я, какъ редакторъ, знаю, какъ пишутся и составляются большинство критическихъ статей. Почти у всякаго писателя найдутся и свои интимные друзья и свои интимные недруги. Они-то и пишутъ!.. Да! Чуть не забылъ. Поэтъ Расмуссенъ въ восторгѣ отъ твоей пьесы и хочетъ писать о ней!

Іесперсенъ. Только бы онъ не подписывался подъ статьей,—его, вѣдь, куда какъ мало цѣнятъ, какъ критика.

Редакторъ. Если и не подпишется, толку мало! Выболтаетъ! Гдѣ ему молчать!

Іесперсенъ. Пусть бы онъ лучше посвятилъ мнѣ стихотвореніе! Разумѣется, прочувствованное! А ты бы напечаталъ его, — конечно, если оно будетъ удачно!—Но я хочу еще разъ пробѣжать рецензію, а ты пока пройди закусить!

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же, художникъ Герцманъ и композиторъ Сёренсенъ *(изящной наружности и элегантно одѣтый).*

Герцманъ. Привѣтъ вамъ! Теперь мы знаемъ, что такое любовь,—мы видѣли твою пьесу! Вотъ такъ стихи! Въ лайковыхъ перчаткахъ, а жгутся!—Позволь тебѣ представить сего юнаго льва, рожденнаго въ Даніи, а гриву отростившаго заграницей, композитора Сёренсена! Онъ мигомъ положитъ всѣ твои сокровеннѣйшія думы на четыре тромбона!

Сёренсенъ. Очень счастливъ и радъ познакомиться съ высокоталантливымъ поэтомъ. Eugène Sue далъ намъ «Mystères de Paris» во всемъ ихъ ужасѣ, а вы дали «Mystères d'amour» во всей ихъ благородной прелести!

Іесперсенъ. Спасибо, Герцманъ, за такое знакомство! — Господинъ Сёренсенъ, позвольте отрекомендовать вамъ нашего достойнаго друга, редактора и издателя «Духа Времени», Момсена!

Редакторъ. Вы не привезли съ собой чего-нибудь новенькаго? Или не пишете-ли чего-нибудь? А то бы я кстати упомянулъ объ этомъ въ замѣткѣ о вашемъ пріѣздѣ.

Герцманъ. У него полный чемоданъ! Ну говори же,—теперь, вѣдь, начинается твое безсмертіе!..—«Потопъ»—самое крупное его произведеніе.

Сёренсенъ. Да, это большая музыкальная картина. Начинается звуками плясовыхъ мотивовъ, переходящихъ затѣмъ, если можно такъ выразиться — въ неприличныя завыванія, что выражаетъ всеобщее растлѣніе нравовъ, испорченность вѣка. Потомъ слышится какъ будто шумъ падающаго дождя, бушеванье волнъ... Потомъ молитва Ноя... Животныя идутъ въ ковчегъ: львы рыкаютъ, бараны блеютъ...

Герцманъ. На какихъ инструментахъ блеютъ?

Сёренсенъ. На фаготахъ! Очень натурально выходитъ!—Затѣмъ опять удары волнъ, ковчегъ плыветъ... Потомъ piano, pianissimo... прилетаетъ голубь, и показывается радуга...

Редакторъ. Геніально! Я попрошу васъ дать мнѣ этакій маленькій набросокъ... насчетъ всего этого.

Сёренсенъ. Охотно.—Оканчивается же все торжественнымъ маршемъ!

Герцманъ. Да, въ этомъ молодцѣ есть таки кое-что! Въ тебѣ тоже, Іесперсенъ! Знаешь, я началъ набрасывать одну вещицу... именно на тэму твоей послѣдней пьесы. Это будетъ гравюра, пусть Момсенъ выпуститъ ее въ свѣтъ.

Іесперсенъ. Что же это за вещица?

Герцманъ. Видишь, по серединѣ — твои чертовски прелестные стихи «въ груди моей пламя горитъ», кругомъ — рамка или вѣнокъ, назови какъ хочешь, изъ терна, репейника и розъ, а между цвѣтами и листьями прогля-

дываетъ «любовь» всѣхъ родовъ и видовъ, отъ кота на крышѣ до Ромео у балкона! Амуръ является во всѣхъ видахъ и одѣяніяхъ—и трубочистомъ, и звѣздоносным вельможей!

Іесперсенъ. Знаешь, у тебя больше таланта, чѣмъ даже ты самъ думаешь.

Герцманъ. Ну, не скажи!

Іесперсенъ. Да, наша маленькая страна богата выдающимися людьми!

Редакторъ. Вотъ даже тутъ, въ этой комнатѣ, ихъ цѣлыхъ трое!

Іесперсенъ. Скажи — четверо, Момсенъ! Ты съ честью занимаешь свой постъ! Да, отрадно видѣть, что культура и искусство не перестаютъ приносить такіе прекрасные плоды, несмотря на плохія времена.—Вы всѣ, конечно, закусите у насъ? А затѣмъ, надѣюсь, останетесь и обѣдать? Я приглашаю васъ безъ дальнѣйшихъ церемоній, хотя и знаю, что женѣ придется извиняться за блюда! Вотъ столовая! Я сейчасъ же приду! Мнѣ только нужно просмотрѣть одну статью. — Пожалуйста! *(отворяетъ дверь въ столовую; редакторъ, художникъ и композиторъ уходятъ. Іесперсенъ одинъ).* Пойду въ кабинетъ и прочту еще разъ рецензію! *(идетъ къ дверямъ кабинета, но вдругъ отшатывается).*

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Іесперсенъ и Вендель *(съ рукописью въ рукахъ выходитъ изъ кабинета).*

Іесперсенъ. Господи помилуй!..

Вендель. Іесперсенъ! Да, вѣдь, это моя старая пьеса!

Іесперсенъ *(отворачиваясь и отмахиваясь рукой).* Исчезни!

Вендель. Я сразу узналъ ее!

Іесперсенъ *(попрежнему).* Да, да! Исчезни!

Вендель *(обнимаетъ его).* Что же, ты принимаешь меня за привидѣніе? *(смѣется).* Я живехонекъ! Развѣ жена твоя не сказала тебѣ, что я тутъ?

Іесперсенъ. Вендель! Ты живъ! Вернулся!

Вендель. И сейчасъ же поспѣшилъ къ тебѣ и даже успѣлъ прочесть твое новое произведеніе! Жена твоя непремѣнно хотѣла, чтобы я познакомился съ нимъ,—а я давно ужъ знаю его! Вѣдь это моя старая драма, которую я написалъ еще въ тѣ давно минувшіе дни!.. Я излилъ въ ней всю мою любовь къ твоей сестрѣ!.. И оказывается, я недурно написалъ!

Іесперсенъ. Т-съ! Ради Бога тише!—Вендель! Славный мой... дорогой! Ты живъ, вернулся! Какъ я радъ!.. Я буду съ тобой откровененъ! Ты любилъ мою сестру... мой покойный отецъ былъ противъ тебя... а я всегда былъ твоимъ другомъ! Ты былъ несчастливъ...

Вендель. ...и излилъ всю свою несчастную любовь въ этой драмѣ «Новый Ромео».

Іесперсенъ. Ты далъ мнѣ ее .. Не велѣлъ никому показывать... Я

сдержалъ слово! Она все лежала въ моемъ письменномъ столѣ... Ты уѣхалъ... Ты умеръ!.. Да, ты умеръ! И я прочелъ твое произведеніе... со слезами, съ искреннимъ волненіемъ! Вендель, оно было слишкомъ хорошо, чтобы лежать такъ... безъ пользы. Я и выпустилъ его въ свѣтъ.

Вендель. И отлично! А такъ какъ ты далъ мнѣ слово никогда не называть моего имени, то и выставилъ свое.

Іесперсенъ. Да, Вендель, такъ, такъ!—Что ты намѣренъ теперь дѣлать?

Вендель. Повидаться съ друзьями, пожать тебѣ руку и пустить въ дѣло мои обѣ, когда увижу твое произведеніе на сценѣ.

Іесперсенъ. Вендель! Ты благородный, великодушный человѣкъ! Ты еще любишь сестру? Я сдѣлаю все!

Вендель. Спасибо дружище! Но тутъ твоя помощь излишня. Я попытаюсь самъ!.. Бѣдному кандидату не удалось,—можетъ быть, удастся зрѣлому мужчинѣ! Моя маленькая драма порадовала тебя успѣхомъ, и отлично; я не духъ, который является съ того свѣта, чтобы потребовать ее обратно! Она твоя. Я не знаю ея и знать не хочу. Но я не могу не смѣяться, когда вспомню о словахъ твоей сестры: она назвала сегодняшній день—днемъ торжественныхъ поздравленій съ новорожденнымъ первенцемъ, и вдругъ—ты не отецъ своего ребенка!

Іесперсенъ. Т-съ.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же, Г-жа Іесперсенъ, Христина и всѣ гости (*выходятъ изъ столовой съ бокалами въ рукахъ*).

Всѣ. За здоровье автора! Ура!

Г-жа Іесперсенъ. Что жъ ты не благодаришь, милый?

Іесперсенъ (*спохватясь*). Благодарю! Благодарю!

Редакторъ. Я повторю, что сейчасъ сказалъ: все, что ты писалъ прежде—нуль! Это твое первое истинно талантливое произведеніе!

Іесперсенъ (*бормочетъ*). Благодарю, Момсенъ, благодарю!

Вендель (*Христинѣ*). Чокнемся за здоровье автора?

Христина. Чокнемся!

Вендель. За успѣхъ «Любви»!

Христина
Вендель } (*вмѣстѣ*). Ура!

Г-жа Іесперсенъ. Господи, что ты долженъ чувствовать теперь, муженекъ! Какъ должно быть пріятно сознавать себя такимъ поэтомъ, какъ ты!

Іесперсенъ. Да, ужъ именно!

(*Занавѣсъ*).

ДОРОЖЕ ЖЕМЧУГА И ЗЛАТА*).

Фантастическая комедія.

ВЪ 4 ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сюжетъ заимствованъ изъ «Der Diamant des Geisterkönigs» Раймунда и «Тысячи и одной ночи».

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Царь духовъ.
Памфилій — первый его камердинеръ.
Зефисъ — знаменитый фокусникъ, принятый по смерти въ царство духовъ.
Элимаръ — сынъ его.
Генрикъ — слуга Элимара.
Грета — служанка Элимара.
Червонный король — царствующій въ странѣ Истины.
Червонная дама — его дочь.
Червонный валетъ — придворный.
Анна — англичанка.
Сипъ, Сипперниппъ — двѣ феи.
Духъ огня.
Первый тролль.
Второй тролль.
Двѣ кошмарихи.

Домовой.
Зима.
Лѣто.
Осень.
Весна.

Въ царствѣ Обезьянъ:
Господинъ.
Дама.
Лѣсовладѣлецъ.
Сынъ его.
Первый вельможа.
Второй вельможа.
Піанистъ Масъ.
Художникъ.
Ея Милость
Кормилица.

Въ странѣ Истины:
Ученый.
Первая дѣвица.
Вторая „
Третья „
Четвертая „

Феи, тролли и другіе духи, жители страны Истины и царства Обезьянъ.

Дѣйствіе происходитъ то во дворцѣ Царя духовъ, то въ домѣ Зефиса, то въ странѣ Истины, то въ царствѣ Обезьянъ.

---

*) Написана для народнаго театра въ Копенгагенѣ—„Казино“, на сценѣ котораго и пользовалась огромнымъ успѣхомъ. *Примѣч. перев.*

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Передняя во дворцѣ Царя духовъ. Полъ, потолокъ и стѣны изъ облаковъ. Кругомъ, по стѣнамъ, сидятъ духи, феи и тролли; всѣ съ прошеніями въ рукахъ. Ближе къ входной двери сидитъ на красноватомъ облакѣ Духъ огня, весь въ красномъ, съ краснымъ лицомъ и руками.

Фея Сипъ. Это изъ рукъ вонъ! Просто неприлично заставлять насъ ждать такъ долго! Мы, вѣдь, не служанки какія-нибудь!

Всѣ. Стыдъ, срамъ!

Первый тролль. Ну можно-ль, спрошу я васъ, быть царемъ духовъ и спать такъ долго?

Второй тролль. А я спрошу васъ: можно-ль быть такимъ умнымъ троллемъ, какъ вы, троллемъ перваго класса, съ дѣйствительнымъ хвостомъ, и говорить такъ неразумно? Онъ—царь духовъ, онъ долженъ бодрствовать за всѣхъ—стало быть и спать долженъ за всѣхъ!

Первый тролль. Онъ обязанъ принять насъ и выслушать! Да, будь мы людьми, насъ бы давно приняли. Онъ жалуетъ только смертныхъ!

Второй тролль. Что правда, то правда!

Фея Сипъ. Не будь у людей этой привычки умирать, имъ, право, жилось бы лучше нашего.

Фея Сиппернипъ. Да такъ оно и есть! Вѣдь, вчера еще онъ принялъ въ царство духовъ человѣка, убитаго молніей!

Фея Сипъ. И какого человѣка-то! Фокусника Зефиса!.. Того самого, что сколотилъ себѣ своими фокусническими поѣздками такіе капиталы! Дѣло не обошлось, конечно, безъ помощи царя духовъ! Я-то знаю, какія выдавались Зефису суммы изъ благотворительныхъ фондовъ!..

Фея Сиппернипъ. А умеръ-то онъ какъ! Убитъ молніей! Это въ ноябрѣ-то мѣсяцѣ?.. Все это подтасовано, чтобы взять его сюда къ намъ и дать ему вліятельную должность! У! меня просто коробитъ отъ злости!

Первый тролль. Меня тоже коробитъ!

Всѣ (*съ досадой*). И меня, и меня коробитъ!

Духъ огня (*вскакиваетъ съ мѣста*). Пшютъ-пфу! Это ужъ черезчуръ! Я—духъ огня, оберъ-фейерверкеръ и канониръ царя духовъ, спрашиваю, кто смѣетъ сказать, что за послѣдній годъ въ заоблачный дворецъ царя духовъ проникъ хоть одинъ смертный? Что же касается маленькаго земного дворца — надо же ему имѣть, гдѣ остановиться и на землѣ! —такъ развѣ мнѣ не отпущена была изъ фонда общественной пользы сумма на поѣздку въ Неаполь, на Везувій, чтобы изучить устройство кратера и затѣмъ построить по образцу его дворецъ для царя духовъ? И развѣ мнѣ не удалось это? Пшютъ-пфу!

Фея Сипъ. А зачѣмъ понадобился такой дворецъ? Не для того развѣ, чтобы мы, духи, порѣже докучали царю духовъ на землѣ, гдѣ онъ всегда въ хорошемъ расположеніи духа? Не велика, вѣдь, я думаю, сласть, пролетать къ нему черезъ кратеръ, какъ вѣдьмамъ черезъ трубу!

Духъ огня. Нѣтъ! Пламя меня побери! Дворецъ этотъ построенъ только для того, чтобы отвадить лѣзть къ царю духовъ людей! А то они учатся здѣсь разнымъ фокусамъ да вѣчно канючатъ о пособіяхъ!

Второй тролль. Правда! Правда!

Первый тролль. Разсказывай дуракамъ!

Духъ огня. И разсказываю! А не вѣрите—я поклянусь вамъ въ томъ ракетой! Глядите! (*пускаетъ ракету*).

Всѣ дамы. Ай, батюшки!

Фея Сиппернипъ. Да вы намъ въ платья искру зароните!

Второй тролль. Весь дворецъ сожжете!

Всѣ. Гоните его въ шею! Вонъ его!

Духъ огня. Меня! Духа огня!

Первый тролль. И не такихъ-то еще выгоняли!

Духъ огня. Ну-ка суньтесь! Забросаю ракетами — бенгальскіе огни изъ глазъ брызнутъ!

ЯВЛЕШЕ 2-е.

Тѣ же и Памфилій.

Памфилій. Милостивые государи и государыни! Да вы драку тутъ затѣяли?

Первый тролль (*выступая впередъ*). А, добрѣйшій и милѣйшій господинъ Памфилій!

Дамы. Душка Памфилій! (*окружаютъ его*).

Второй тролль. Дружище! (*оттѣсняетъ другихъ*).

Памфилій. Я имѣю честь возвѣстить вамъ, что царь духовъ скоро изволитъ пробудиться и еще скорѣй того встать и одѣться!

Первый тролль. О, charmant!

Сипъ и Сиппернипъ. Нашъ милый повелитель!

Духъ огня. Фальшивыя подлизы!

Памфилій. А, это вы, господинъ оберъ-фейерверкеръ, шумите здѣсь?

Духъ огня. Синильная кислота и натрій! Они бранили царя духовъ, лгали на него, бунтъ затѣвали!

Всѣ. Вре ъ! Вретъ!

Духъ огня. Вру?

Всѣ. Безстыдный клеветникъ!

Памфилій. Милостивыя государыни и милостивые государи! Я знаю васъ, увѣренъ въ вашей преданности, въ вашемъ умѣньи держать себя!..

Васъ, господинъ духъ огня, я тоже знаю. Вамъ здѣсь не мѣсто! Умѣрьте вашъ пылъ! Или я велю окатить васъ холодной водицей! А теперь удалитесь!

Всѣ. Удалитесь!

Духъ огня. Удалиться! Со мной поступаютъ, какъ съ какой-нибудь спичкой! Чиркаютъ объ стѣну и швыряютъ! Я буду жаловаться! Сѣра и амміакъ! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же безъ Духа огня.

Памфилій. Не угодно-ли теперь изложить мнѣ ваши просьбы. Только не всѣ разомъ! Ну-съ?

Первый тролль. Безцѣнный господинъ Памфилій! Вамъ, конечно, извѣстно, какъ насъ затираютъ! Вѣдь, не на насъ, а на людей изливаетъ царь духовъ всѣ свои милости! А они только злоупотребляютъ ими и платятъ ему неблагодарностью.

Второй тролль. А ужъ если платить неблагодарностью, такъ кому-же ближе, какъ не намъ!

Первый тролль. Помолчите!

Второй тролль. У меня тоже есть мнѣніе! Я такой же духъ и живу на собственныя средства.

Фея Сипъ. Во всемъ виновата фея Бравалла. Она околдовала царя духовъ своимъ чуднымъ пѣніемъ.

Памфилій. И это единственная и общая ваша жалоба? Отлично! Больше жаловаться вамъ не придется! Фея, разумѣется, немножко черезчуръ покровительствовала людямъ, но зато она теперь и удалена отъ двора. Дѣло въ томъ, что послѣднія протеже ея всѣ, какъ на подборъ, оказывались людьми недостойными, вотъ царь въ гнѣвѣ и обратилъ прекрасную пѣвицу въ птицу-Фениксъ, да сослалъ въ царство Обезьянъ. Она будетъ тамъ кочевать въ своей золотой клѣткѣ отъ одного вельможи къ другому.

Всѣ. Возможно-ли?

Памфилій. Засимъ, царь духовъ постановилъ такое рѣшеніе—оно уже опубликовано, и вамъ нельзя не знать его: «Ни одинъ смертный не дерзаетъ приблизиться къ дворцу царя духовъ безъ входнаго билета—пера изъ хвоста птицы-Фениксъ».

Второй тролль. А трудно его добыть?

Памфилій. Въ высшей степени. Искатель долженъ отправиться въ страну Обезьянъ, добиться тамъ доступа въ лучшее общество и потихоньку выдернуть перо изъ хвоста птицы. Бѣда, если его изловятъ на этомъ,—онъ въ тотъ же мигъ превратится въ одного изъ ничтожнѣйшихъ мѣстныхъ жителей!

Всѣ. Ужасно!

Памфилій. Надѣюсь теперь, что царь духовъ снялъ съ себя всякія нареканія?

Всѣ. Ура!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Спальня. Царь духовъ лежитъ на постели изъ облаковъ и лучей. Возлѣ постели, у изголовья, сидятъ верхомъ на облакахъ два маленькихъ генія и играютъ на скрипкахъ; въ ногахъ стоятъ двое другихъ; одинъ держитъ шлафрокъ, туфли и корону, другой умывальный тазъ и кувшинъ. Царь духовъ просыпается; музыка смолкаетъ.

Царь духовъ (*сбрасывая съ себя нѣсколько облаковъ, зѣваетъ*). А-а!.. Который часъ?.. Забылъ завести свои часы! Гдѣ Памфилій? (*звонитъ*). Памфилій! (*Геніи исчезаютъ.*)

Памфилій (*вбѣгаетъ*). Мой Повелитель!

Царь духовъ. Гдѣ ты былъ? Куда дѣвался? Почему не будилъ меня? И кто стлалъ мнѣ постель вчера вечеромъ?

Памфилій. Я, Повелитель!

Царь духовъ. Такъ въ другой разъ не бери мокрыхъ облаковъ, выпари ихъ сначала; я не желаю спать мокрымъ! Право, ты какъ будто нарочно выбралъ дождевые!.. И что за шумъ былъ тамъ въ передней? Кто тамъ?

Памфилій. Тамъ цѣлая толпа духовъ, фей и троллей первыхъ классовъ, не считая вѣдьмъ и другой мелкой сошки.

Царь духовъ. А что имъ опять нужно?

Памфилій. Они хотѣли... Они жалуются...

Царь духовъ. Ахъ, надоѣли они мнѣ! Я не расположенъ сегодня принять ихъ. Принеси сюда челобитныя.

Памфилій. Вотъ онѣ,—полонъ карманъ!

Царь духовъ. Давай сюда! Вѣчныя жалобы, вѣчныя просьбы! (*просматриваетъ одну изъ бумагъ*). Это что? Могильная свинья и трехногій конь, много лѣтъ скрывавшіе свою помолвку, просятъ разрѣшенія вступить въ бракъ! Нельзя: они въ близкомъ родствѣ! (*беретъ другую бумагу*). Двѣнадцать знаковъ зодіака перессорились! Стрѣлецъ выстрѣлилъ въ глазъ Козерогу, этотъ наскочилъ на Вѣсы, и сорвалъ одну чашку, Близнецы вмѣшались въ ссору, и ихъ чуть не растерзалъ Левъ, — пришлось спрятаться за Дѣву! Теперь всѣ, кромѣ Рака—тотъ благоразумно ретировался—попорчены и требуютъ ремонта! Еще бы! Но, вѣдь, это расходъ! (*беретъ третью бумагу*). Это что? Экіе неугомонные! Двѣ старыя бабы-кошмарихи опять добиваются прежней должности! Изъ ума выжили! Ввести опять кошмары! Въ нашъ-то просвѣщенный вѣкъ! Позови ихъ обѣихъ сюда! (*Памфилій уходитъ.*) Да, въ духѣ времени было бы это, нечего сказать! Бѣдное человѣчество! Довольно давитъ его и дѣйствительная жизнь, чтобъ давить его еще кошмарами! (*Стукъ въ дверь.*) Войдите!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Царь духовъ, Памфилій и двѣ кошмарихи, *одѣтыя амазонками.*

Обѣ кошмарихи (*преклоняютъ колѣна*).

Царь духовъ. Васъ уволили въ отставку съ полной пенсіей! Чего же вамъ еще? По-датски вамъ говорятъ, или нѣтъ? Или по-нѣмецки съ вами заговорить? Soll ich deutch sprechen? Берегитесь, я лишу васъ пенсіи! Довольно! (*мечетъ молніи*).

Обѣ кошмарихи. (*плача, цѣлуютъ подолъ его халата и съ низкими реверансами отступаютъ къ дверямъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же безъ кошмарихъ.

Царь духовъ! Чуть не вспылилъ! Это вѣчное нытье!.. Остальные челобитчики могутъ придти послѣ завтра или... черезъ годъ! Позови ко мнѣ Зефиса. Онъ что̀ теперь дѣлаетъ?

Памфилій. Сидитъ на облакѣ и рѣжется съ Снѣжной Королевой въ дураки.

Царь духовъ. Въ дураки! И я игрывалъ когда-то въ дураки, бродя по землѣ переодѣтымъ!.. (*впадаетъ въ задумчивость*). Сколько воспоминаній пробудили во мнѣ это слово: дураки! Позови Зефиса! (*Памфилій уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Царь духовъ (*одинъ*).

Я радъ, что залучилъ Зефиса сюда. Познакомился я съ нимъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ Африкѣ. Я разъѣзжалъ тогда по берегамъ Нила на страусѣ, ночевалъ въ шатрахъ бедуиновъ, но больше всего доставило мнѣ удовольствія знакомство съ Зефисомъ. Я какъ сейчасъ помню нашу первую встрѣчу. Память у меня хорошая! Зефисъ уже третій годъ занимался тогда изученіемъ египетской магіи. Онъ сразу полюбился мнѣ, и когда мы съ нимъ прибыли въ Вѣну, я купилъ ему тамъ домъ съ садомъ и устроилъ магическій кабинетъ. Тамъ у него умерла жена, прекрасная женщина. Онъ былъ огорченъ ея смертью, плакалъ и стоналъ, и я, чтобы утѣшить его чѣмъ-нибудь, пообѣщалъ взять его послѣ смерти къ себѣ, въ свое царство. Вчера его убило молніей въ Копенгагенѣ, я узналъ объ этомъ и тотчасъ же отрядилъ на мѣсто происшествія своихъ духовъ, повелѣвъ имъ доставить его сюда... Пусть онъ войдетъ ко мнѣ! Эй, Памфилій! (*озирается*). Никто не слышитъ!

ЯВЛЕНIЕ 8-е.

Царь духовъ и Зефисъ.

Зефисъ (*въ широкомъ балахонѣ, украшенномъ магическими знаками*). Повелитель духовъ! Какъ мнѣ благодарить тебя!

Царь духовъ. Не стоитъ! Я радъ видѣть тебя! Что скажешь о нашемъ царствѣ? Вѣдь, хорошо здѣсь? Воздухъ свѣжій!..

Зефисъ. О, Повелитель, я счастливъ!.. Но... несмотря на все свое счастье, на весь этотъ блескъ и роскошь... я страдаю безконечно!

Царь духовъ. Страдаешь?

Зефисъ. Да, Повелитель! Ты знаешь самъ, какъ ты обогатилъ меня, какими сокровищами владѣлъ я на землѣ!..

Царь духовъ. Ну да! Наслѣдники не станутъ поминать тебя лихомъ!

Зефисъ. Я возвелъ для своихъ сокровищъ обширное сводчатое зданіе, а ты снабдилъ его неоцѣненнымъ качествомъ—необыкновенной эластичностью, такъ что я могъ упрятать его въ скорлупу кокосоваго орѣха и возить за собою во время своихъ путешествій. Наконецъ, я прибылъ въ Копенгагенъ, и мнѣ полюбилось мѣстечко на Западномъ мосту...

Царь духовъ. Ну да, и ты купилъ тамъ домъ и зарылъ въ землю свой кокосовый орѣхъ, свою передвижную Алладинову пещеру!..

Зефисъ. Такъ, Повелитель. Мои сокровища остались тамъ. Я заперъ подвалъ магическимъ словомъ, и ни одинъ смертный не можетъ открыть его. Да никто и не подозрѣваетъ объ этихъ сокровищахъ!

Царь духовъ. Ну, а коли не подозрѣваютъ, такъ и плакать о нихъ не станутъ, а тебѣ здѣсь сокровища тоже не нужны.

Зефисъ. Но у меня остался на землѣ сынъ! Остался безпомощнымъ сиротою!

Царь духовъ. Развѣ у тебя есть сынъ?

Зефисъ. Повелитель не помнитъ малютку Элимара?

Царь духовъ. Ахъ, да! Вѣрно! Теперь помню! Хорошенькій былъ мальчикъ и умный, какъ и всѣ дѣти своихъ родителей.

Зефисъ. Смерть разлучила меня съ нимъ неожиданно; я не успѣлъ ни сдѣлать завѣщанія, ни высказать моему сыну свою послѣднюю волю!.. Повелитель, пошли къ нему кого-нибудь изъ духовъ! И пусть посланный откроетъ ему тайну сокровищъ. Дозволь также, Повелитель, — я знаю, это смѣлая просьба!—дозволь моему сыну явиться передъ твои ясные очи! Отъ этого зависитъ все счастье его жизни!

Царь духовъ. Я готовъ сдѣлать для тебя и для него все, что только могу. Сынъ твой узнаетъ о сокровищахъ и обрѣтетъ ихъ, но явиться ко мнѣ

онъ можетъ не иначе, какъ исполнивъ условіе, требуемое моимъ рескриптомъ, отъ шестого сего іюня. Онъ долженъ принести съ собою перо изъ хвоста птицы-Фениксъ, а его добыть не легко!

Зефисъ. Мой сынъ не отступитъ ни передъ чѣмъ, чтобы получить доступъ къ тебѣ!

Царь духовъ. Это ужъ его дѣло!

Зефисъ. Спаси же его отъ нужды и отчаянія!

Царь духовъ. То-то вотъ всѣ вы, богачи! Не учите своихъ дѣтей трудиться! Ну вотъ, остается такой оболтусъ сиротой, да еще внезапно лишается почему-нибудь всего богатства, и помогай ему высшія силы!.. Памфилій!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Памфилій.

Царь духовъ. Пошли сейчасъ же кого-нибудь изъ добрыхъ духовъ къ сыну Зефиса; пусть сообщитъ ему то, что надо.

Памфилій. Повелитель, сейчасъ всѣ...

Царь духовъ. Понимаю! Всѣ заняты. Но мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Устройтесь тамъ, какъ знаете! Allez! (*Памфилій уходитъ.*)

Зефисъ. Повелитель, какъ мнѣ благодарить тебя!

Царь духовъ. Поменьше говорить объ этомъ! Памфилій! (*Памфилій входитъ.*) Какое число у насъ сегодня?

Памфилій. 27 ноября.

Царь духовъ. Что?! Вотъ такъ исторія! Никогда бы не подумалъ! Ноябрь мѣсяцъ и—гроза въ Копенгагенѣ! Скорѣе бы слѣдовало выпасть снѣгу!

Памфилій. Да, Повелитель, люди и то ужъ жалуются, что зима черезчуръ тепла, а лѣто холодно!

Царь духовъ. За что же я плачу временамъ года жалованье? За то, чтобы производить безпорядокъ? Такъ это я и безъ нихъ бы сумѣлъ! Памфилій! Вызови сюда Зиму! (*Памфилій быстро исчезаетъ.*) Эй, назадъ! (*Памфилій возвращается.*) Пусть и другія времена года придутъ! Всѣ четверо! Живо! Бѣги!

Памфилій. Ну, и убѣгаюсь же я сегодня! (*исчезаетъ*).

Царь духовъ. Преданный и дѣльный слуга! И давно служитъ у меня,— въ Мартыновъ день минетъ двѣ тысячи лѣтъ. А, вотъ и времена года!

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и четыре времени года.

Зима—старикъ въ длинной шубѣ, мѣховой шапкѣ и съ муфтой въ рукахъ, весь запорошенный снѣгомъ. Лѣто въ коломянковомъ пиджакѣ, въ такихъ же брюкахъ, въ соломенной шляпѣ, украшенной вѣнкомъ изъ васильковъ, и съ зонтикомъ. Осень—плотный, здоровый мужчина въ коротенькой зеленой курткѣ и бѣломъ передникѣ, какъ у половыхъ; шапочка обвита виноградными лозами, подъ мышкой боченокъ, а въ рукахъ гроздья винограда. Весна—молоденькая цвѣточница въ шляпѣ, украшенной фіалками; въ рукахъ корзина цвѣтовъ.

Царь духовъ. Приблизьтесь, бездѣльники! Что я слышу о васъ? Такъ развѣ ведутъ себя порядочныя времена года? Чѣмъ, напримѣръ, заняты вы, господинъ Зима? И вамъ не стыдно? Ну, прилично-ли такому дряхлому, высохшему старцу обнаруживать такую пылкость — метать молніи? И откуда онъ взялъ ихъ? Я не давалъ ему! Ну, говори же, оправдывайся!

Зима (*густымъ басомъ*). Повелитель! Я тутъ ни при чемъ! Это все лѣто! Только и думаетъ, какъ бы насолить мнѣ!

Царь духовъ. Лѣту незачѣмъ соваться туда, гдѣ его не спрашиваютъ! (*кивая головой Лѣту*). Ты что это? Суешься не въ свое дѣло, а своими прямыми обязанностями пренебрегаешь? Пить что-ли началъ? Вѣчно навеселѣ!

Осень. Дозвольте молвить слово мнѣ, Повелитель! Лѣто ни въ чемъ не виновато! Это все Зима! Этотъ старикъ не даетъ ему покоя,—въ самое лучшее его время накидываетъ на него снѣжный коверъ, окутываетъ туманомъ, такъ что у бѣдняги зубъ на зубъ не попадаетъ! Ну, конечно, и Лѣту въ долгу остаться не хочется, оно и устроило грозу зимою!

Лѣто. Все это истинная правда! Осень — мой единственный другъ! Только у него я и прихожу въ себя! Да, у меня горячее сердце и намѣренія у меня самыя лучшія, но на это, какъ видно, не смотрятъ!

Царь духовъ. Довольно! Слушать васъ больше не хочу! Но вотъ вамъ мой сказъ: вѣдайтесь между собой, какъ знаете, только чтобы все было тихо, смирно. Пожалуй еще испортите мнѣ мою любимицу весну! (*Треплетъ ее по щечкѣ и даетъ ей золотой*). На, вотъ тебѣ на гостинцы, крошка!

Весна. О, Ваша Строгость, позвольте облобызать вашу руку! Я всегда буду паинькой!

Царь духовъ. А теперь маршъ! Да помните мой наказъ! Если до меня дойдетъ еще хоть одна жалоба на васъ, я знаю, что сдѣлаю! Особенно пусть держитъ ухо востро Лѣто! Лучше перепусти жару, чѣмъ холоду! Да чтобы не было продолжительныхъ дождей, если даже случится дождь въ день

«Семи Отроковъ» *). Зимѣ тоже совѣтую глядѣть въ оба! Сегодня же посыпать Копенгагенъ снѣжкомъ, а завтра подморозить! Поняли? Маршъ! (*Времена года уходятъ*). И обо всемъ этомъ нужно помнить и заботиться мнѣ!.. Ну, теперь ступай, дорогой мой Зефисъ! Я позабочусь о твоемъ сынѣ! Сдѣлаю его счастливымъ, насколько вообще можетъ быть счастливымъ смертный. Я знаю твою идею на счетъ седьмой статуи. Очень хорошая идея!.. Это собственно моя идея! Но вотъ, что скажу тебѣ: ты не имѣешь права помогать ему ни намеками, ни совѣтами! Не то я поговорю съ тобой! А теперь за завтракъ. Сегодня у насъ чудесный маринованный крокодилъ съ альпійскими розами (*уходятъ при блескѣ молній и ударахъ грома*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Въ домѣ Зефиса. Просто обставленная комната.

Генрикъ (*одинъ; поетъ*. Мотивъ: Te voglio bene!)

Я—Генрикъ; прекрасное имя!
Самъ Гольбергъ пустилъ его въ ходъ.
Собой же я парень—картина —
Давно ужъ мнѣ Грета поетъ.
Умомъ я тоже вышелъ,
А это не пустякъ!
Любить могу трехъ разомъ,
Про это знаетъ всякъ!

Я вѣшать на квинту не стану
Свой носъ ни за что, никогда!
Кому знать, скажите мнѣ, нужно,
Что тамъ у меня за бѣда!
Нѣтъ, весело пройду я
Весь жизненный свой путь.
Богатъ, хоть и бѣднякъ я,—
Весельемъ дышитъ грудь!

Да, такъ-то такъ, да вотъ веселье-то мое пошло на убыль! А это скверно! Прошли наши красные деньки, не вернутся больше! Бѣдный мой молодой баринъ! Что-то съ нимъ будетъ? Старикъ не оставилъ намъ ни гроша, веселости у моего барина нѣтъ, одно образованіе, а съ нимъ однимъ въ наше

*) По датскому народному повѣрью, если въ этотъ день идетъ дождь, то все лѣто будетъ дождливое. *Примѣч. перев.*

время далеко не уйдешь! Что же онъ предприметъ теперь? Надо будетъ мнѣ подумать за него (*беретъ газету и читаетъ*). «Нуженъ замѣститель—рекрутъ...» Ну, нѣтъ, это не подходитъ! Добро бы нуженъ былъ замѣститель какого-нибудь члена риксдага,—по крайней мѣрѣ четыре далера суточныхъ; все равно, что годовое жалованье!.. Сегодня утромъ баринъ мой со слезами вручилъ мнѣ послѣдніе пять далеровъ и велѣлъ искать себѣ другого мѣста. Но я не оставлю его. Я читалъ чудесную исторію объ одномъ римскомъ львѣ, который всюду ходилъ за своимъ господиномъ Антономъ Трокломъ. А если ужъ дикій звѣрь такъ ведетъ себя, мнѣ не пристало уступать ему. Надо предпринять что-нибудь, и я ужъ придумалъ что! Счастье оказать нашему барину первую помощь я хочу предоставить нашей кухаркѣ Гретѣ, моей достойной невѣстѣ... Баринъ и ей отказалъ сегодня!.. Я рѣшилъ стащить къ закладчику ея бархатное пальто!

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Генрикъ и Грета.

Грета (*входитъ*). Ты что тутъ дѣлаешь?.. Мое пальто!..

Генрикъ. Твое, твое! Видишь, я хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ: намъ нужны деньги, такъ я рѣшилъ снести его въ закладъ.

Грета. Отчего-жъ ты не несешь свое?

Генрикъ. Потому что люблю тебя!

Грета. И берешь мое прелестное пальто, которое теперь какъ разъ время носить! Ну, будь это еще лѣтомъ!

Генрикъ. Еще что, лѣтомъ, когда въ немъ нѣтъ нужды! Нѣтъ, вотъ теперь-то именно и выкажется твоя доброта, твое великодушіе!

Грета. Нѣтъ, я еще съ ума не сошла! Подавай мнѣ его назадъ! Выдумалъ тоже!

Генрикъ. Развѣ мы съ тобой не одно теперь? Развѣ мы не женихъ съ невѣстой, не обручены?

Грета. Да, я сдуру-то согласилась! А могла бы сдѣлать партію получше. Вышла бы за богатаго мызника изъ Вальбю, такъ у меня были бы и коровы и овцы, а теперь что есть? Одинъ ты!..

Генрикъ. «Кто недоволенъ малымъ, не стоитъ большаго». Развѣ я не поставилъ тебя сюда на это мѣсто? А здѣсь ты обзавелась и дружкомъ и нарядами! Будемъ же хорошими слугами, — и такъ въ наше время о прислугѣ пишутъ одно дурное!.. Ну, я думалъ, что ты добрѣе!.. (*Ласково*). Ну-же, Грета, Греточка!..

Грета. Баринъ идетъ!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Элимаръ.

Элимаръ. Что вы тутъ дѣлаете? Оставьте меня одного!

Грета. Ай, какъ онъ плохо смотритъ!

Генрикъ. Баринъ! Скушайте бифштексъ! Не надо такъ падать духомъ! Кто же поддержитъ насъ, если не мы сами?

Элимаръ. Спасибо! Только уйди!

Генрикъ. Бѣдный баринъ! Съ вами, пожалуй, еще дурно сдѣлается, и вы никого не доключетесь!

Элимаръ. Ахъ, да уйди же, не мучь меня!

Генрикъ. Плохъ онъ, Грета! Ему не прожить ста лѣтъ! (*Уходитъ съ Гретой*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Элимаръ (*одинъ*). Теперь я остался одинъ, одинъ въ полномъ смыслѣ слова! Смерть отца разбила всѣ мои надежды на счастье! Меня съ дѣтства окружали какія-то тайны и чудеса... Тѣло моего отца также исчезло непостижимымъ образомъ! Онъ часто намекалъ мнѣ объ этомъ еще раньше, но всегда какъ-то темно, неясно... Упоминалъ также и о какихъ-то сокровищахъ, которыя я долженъ унаслѣдовать, но опять таки въ темныхъ выраженіяхъ. Послѣ его смерти, однако, ничего не нашли, даже клочка бумажки, изъ котораго бы можно было узнать, гдѣ онъ хранилъ эти сокровища! Что же мнѣ теперь предпринять?

Простите, свѣтлыя желанья,
Надеждъ и грезъ волшебныхъ рой!
Одинъ я! Нѣтъ души родной,
Удѣлъ мой—горе и страданья! (*вскакиваетъ*).

Стучатъ! Войдите!

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Элимаръ и Домовой (*въ красномъ колпачкѣ, высовываетъ голову изъ-подъ полу*).

Домовой. Здравствуй!

Элимаръ. Кто ты?

Домовой. Домовой.

Элимаръ. Нечистая сила!

Домовой. Ужъ будто бы! Я просто домашній духъ. Развѣ ты не читалъ обо мнѣ въ «Датскихъ народныхъ повѣрьяхъ», изданныхъ Рейцелемъ?

(*какъ по книгѣ*). «Домовой таскаетъ воду и мететъ полъ за служанокъ, чиститъ лошадей за конюховъ, но также и наказываетъ небрежныхъ и нерадивыхъ слугъ. Обыкновенное его одѣяніе—сѣрый балахонъ и островерхій красный колпачокъ. До Михайлова же дня онъ ходитъ въ круглой шляпѣ, какъ у крестьянъ». Аттестатъ, впрочемъ, не совсѣмъ вѣрный, какъ видишь! Здравствуй! (*приподымаетъ колпачокъ*).

Элимаръ. Я знаю тебя, сѣверный эльфъ, веселый и шаловливый, какъ Пукъ въ «Снѣ въ лѣтнюю ночь»! Ты отличаешься также вѣрностью и преданностью своимъ хозяевамъ. Если они переѣзжаютъ съ квартиры, ты садишься на возъ и переѣзжаешь вмѣстѣ!

Домовой. Да, такъ дѣлывалъ мой дѣдушка!

Элимаръ. Теперь во мнѣ опять пробудились надежды, — сверхъестественныя силы протягиваютъ мнѣ руку помощи! И какъ не вѣрить въ чудеса въ здѣшнемъ мірѣ, гдѣ все—рядъ чудесъ!

Домовой. Я явился къ тебѣ съ пріятной вѣстью, но не могу сказать, кто меня послалъ. Я радъ услужить тебѣ,—меня всегда угощали здѣсь въ домѣ славной кашей, а за хлѣбъ, за соль надо платить добромъ—говаривали старые домовые.

Элимаръ. Какую же вѣсть ты принесъ мнѣ? Что ты хочешь сказать мнѣ?

Домовой. Да вотъ то-то и есть! Все это еле-еле у меня въ головѣ и въ колпачкѣ вмѣщается! Мнѣ столько порученій надавали! Потому—малъ золотникъ да дорогъ!

Элимаръ. Да говори же!

Домовой. Я и то говорю! У меня съ собой цѣлый мѣшокъ орѣховъ счастья. Знаешь ты, что это за орѣхи? Въ каждомъ какая-нибудь чудесная вещь, которая можетъ пригодиться въ минуту трудную.—Видишь-ли, тутъ подъ поломъ, гдѣ я стою, есть лѣстница. Ты и не зналъ объ этомъ! Ведетъ она въ подвалъ. Ты и этого не зналъ! А въ подвалѣ-то несмѣтныя сокровища, которыя оставилъ тебѣ отецъ. Вотъ, зачѣмъ я и явился къ тебѣ, словно кротъ изъ-подъ земли.

Элимаръ. Заря моего счастья занимается!

Домовой. Да, спустись со мной туда, такъ для тебя и солнце взойдетъ! Иди смѣло! Я другъ твой!

Элимаръ. Я готовъ идти за тобою!

Домовой. Такъ слѣдуй!

Элимаръ. Да, счастье ждетъ меня, я вѣрю!

Домовой. Съ тобою я не лицемѣрю! (*спускается*).

Элимаръ (*слѣдуя за нимъ*).

Я знаю, ты не демонъ злой,
Иду безъ страха за тобой!

Хоръ духовъ. Отнынѣ духовъ повелитель
Помощникъ твой и покровитель!
Достигнешь съ помощью его
Всего, чѣмъ только жизнь богата.
Достигнешь также и того,
Что лучше жемчуга и злата!

ДѢЙСТВІЕ II.

Полутемное подземелье со сводами, изукрашенными позолотой; на первомъ планѣ двѣ огромныя порфировыя вазы, наполненныя золотыми монетами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Затѣмъ стоятъ въ рядъ семь постаментовъ; на шести изъ нихъ красуются статуи съ надписями: „луидоры", „соверены" и т. д. Седьмой постаментъ покрытъ бѣлымъ атласомъ, и на немъ лежитъ свитокъ пергамента. Слышится тихая музыка.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Элимаръ и **Домовой** (*спускаются по лѣстницѣ*).

Домовой. Сюда!

Элимаръ. Не сонъ-ли это? Что это, пещера Алладина? Что за блескъ! Блестятъ и стѣны, и полъ, и статуи! Жемчугъ, золото!.. (*схватываетъ золотой*). Нѣтъ, я не во снѣ; это на яву! И всѣ эти сокровища мои?

Домовой (*киваетъ головой*).

Элимаръ. Голова кружится! (*читаетъ надписи:*) Луидоры, соверены, цехины, жемчугъ и золото!

Домовой. Да, вотъ такъ копилки! (*открываетъ одинъ изъ постаментовъ*).

Элимаръ. А одной статуи не достаетъ!.. Что это? Свитокъ! (*беретъ и развертываетъ его*). Рука моего отца! (*читаетъ*).

«Мой милый сынъ! Сокровищъ этихъ груды—
И злато, и жемчугъ, и изумруды,
И статуи тебѣ я эти завѣщалъ!
Шесть разъ я отъ владыки духовъ получалъ
По статуѣ одной, къ нему въ обитель
Воздушную являясь. Покровитель
Онъ нынѣ также твой. Благоразуменъ будь
И въ поиски за статуей седьмою въ путь
Отправься! Все, чѣмъ жизнь богата,
Ничто предъ ней! То—чудо изъ чудесъ,
То самый драгоцѣнный даръ небесъ,
Дороже жемчуго́въ и злата!»

Домовой. Дороже жемчуговъ и злата!

Элимаръ. Дороже! Какія-же обрѣту я еще сокровища! И все это не сонъ, не мечта?!

Домовой. Дѣйствительность!

Элимаръ. Вчера я былъ нищій, сегодня я крезъ!.. Но что это за седьмая статуя, дороже жемчуга и золота? И гдѣ искать ее?

Домовой. Это вѣдаетъ лишь самъ владыка духовъ!

Элимаръ. Душу мою охватываетъ какое-то смутное желаніе! Я хочу найти эту статую! А какъ хороши и эти! Одна мраморная, другая золотая!..

Домовой. А эта, гляди, изъ цѣльнаго алмаза!

Элимаръ. Но седьмая, которой не достаетъ здѣсь, еще лучше, еще драгоцѣннѣе! «Дороже жемчуговъ и злата»! Ахъ, зачѣмъ я не могу сейчасъ повергнуться передъ трономъ повелителя духовъ! Меня снѣдаетъ не жажда золота, не алчность скряги, нѣтъ, болѣе высокое чувство, стремленіе къ чему-то высшему, лучшему! И неужели мнѣ не поможетъ какой-нибудь добрый геній?

Домовой. Я!

Элимаръ. Ты? Да, да, ты! Ты можешь и хочешь! Ты открылъ мнѣ это подземелье, указалъ мнѣ всѣ эти сокровища! Веди-же меня къ царю духовъ!

Домовой. Не такъ-то это просто! Это длинная исторія! Вотъ она тутъ напечатана,—читай! Это рескриптъ отъ шестого сего іюня (*суетъ ему бумагу*).

Элимаръ (*читаетъ*). «Я, владыка духовъ, утомленный безпрерывными докучными жалобами и просьбами недостойныхъ смертныхъ, симъ объявляю, что съ этихъ поръ ни одинъ смертный не дерзаетъ являться въ мой дворецъ безъ входнаго билета — пера изъ хвоста птицы-Фениксъ, содержащейся въ золотой клѣткѣ, въ странѣ Обезьянъ».—А гдѣ эта страна? Ты будешь моимъ путеводителемъ? Далеко она отсюда?

Домовой. И далеко, и близко, смотря по тому, какъ кому кажется. Ну да по желѣзной дорогѣ живо домчимся!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Генрикъ (*спускается по лѣстницѣ*). Затѣмъ Грета.

Генрикъ. Батюшки! Отцы родные! Да мы, никакъ, въ музей Торвальдсена угодили! Грета! Иди сюда!

Грета (*сверху*). Не темно-ли тамъ?

Генрикъ. Какъ на седьмомъ небѣ!

Элимаръ. Что тебѣ нужно? Зачѣмъ ты кричишь?

Генрикъ. Ахъ! Баринъ! (*читаетъ надписи:*) «Дукаты, соверены»... Ого-го! Да что это, мерещится мнѣ что-ли?

Грета (*спускается*). Что это?!

Элимаръ. Смирно! Эти сокровища достались мнѣ въ наслѣдство отъ отца. Но пока объ этомъ молчокъ! Я долженъ сначала совершить одну поѣздку. Я скоро вернусь, и тогда мы всѣ заживемъ на славу!

Домовой. Сейчасъ я разобью одинъ орѣхъ, и у насъ будетъ желѣзная дорога! (*бросаетъ орѣхъ объ стѣну; стѣна раскрывается, и въ отверстіе виденъ безконечный туннель, освѣщенный огоньками*).

Грета. Ахъ! (*падаетъ въ обморокъ*).

Домовой. Вотъ и паровозъ, вотъ и вагонъ! Возьми съ собой Генрика! Я не могу быть и тутъ, и тамъ. (*Изъ туннеля показывается паровозъ и вагонъ*).

Генрикъ. Ахъ, Господи! Гретѣ дурно! Грета, Греточка!

Грета. Охъ! Я еще не привыкла къ колдовству! Это въ первый разъ. вѣдь!

Элимаръ. Отправляйся на верхъ! Не бойся! Генрикъ поѣдетъ со мной! Тебѣ же я оставляю всѣ ключи отъ дома. Я полагаюсь на твою вѣрность!

Генрикъ. Больше, чѣмъ я! Ахъ, баринъ! Далеко-ли поѣдемъ-то? Позвольте хоть попрощаться-то съ ней хорошенько!

Домовой (*даетъ свистокъ*). All right!

Элимаръ. Скорѣе, Генрикъ! За мной! А ты, Грета, подымись на верхъ и запри хорошенько люкъ. Да смотри, не спускайся сюда безъ насъ, не то какъ разъ превратишься въ такую-же статую! Прощай! (*вскакиваетъ въ вагонъ*).

Грета. Ой! Только-бы мнѣ выбраться отсюда! Ой! Ноженьки подламываются! Генрикъ, не уѣзжай! Не ѣзди туда въ эту тьму,—тамъ нечисто!

Генрикъ. Это все—высшая магія! Старый баринъ ею кормился, молодой пойдетъ по той же дорожкѣ! А за нимъ и я! Ты моя третья жизнь, Греточка, но если ужъ дѣло коснется моего барина, такъ я продамъ и тебя— хоть за алтынъ!

Грета. Помоги мнѣ выбраться отсюда, Генрикъ! Куда вы ѣдете?

Генрикъ. Не знаю, Греточка! Пожалуй, дальше Роскильде! *). (*Раздается звонокъ*).

Элимаръ (*изъ вагона*). Живо!

Генрикъ. Прощай, Грета! Дай мнѣ поскорѣе чистое бѣлье: двѣ рубашки и хоть одну фуфайку; меньше ужъ нельзя!

Грета (*подымаясь по лѣстницѣ*). Прощай, прощай!

Генрикъ. Прощай! Прощай! Двѣ рубашки и фуфайку!

Элимаръ. Скорѣе!

Генрикъ. Ахъ, баринъ! Да, вѣдь, это-же экстренный поѣздъ, для васъ

---

*) Городъ въ 30 верстахъ отъ Копенгагена. *Примѣч. перев.*

однихъ, такъ можно и помедлить чуточку! Даже обыкновенный поѣздъ, и тотъ всегда на четверть часика задерживаютъ, если много багажа. (*прыгаетъ въ вагонъ; оркестръ играетъ желѣзнодорожный галопъ.* Домовой *даетъ свистокъ;* Генрикъ *высовывается изъ окна и кричитъ еще разъ*:) Двѣ рубашки и фуфайку! (*Поѣздъ трогается.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Комната наверху.

Грета (*съ маленькимъ саквояжемъ въ рукахъ*). Ну вотъ, тутъ все, и рубашки, и фуфайки! Генрикъ! Гдѣ-же дыра? (*подходитъ къ люку; оттуда вдругъ вырывается пламя, раздается громъ, и люкъ закрывается*). Ай! Я умру отъ страха! Всѣ эти штуки просто уходятъ меня! И буду я служить у такого господина, который летитъ этакъ прямо во внутрь земли да еще увозитъ отъ меня моего жениха? Охъ, не увижу я его больше! Никогда! Подумайте, какъ долго! Ну, зато, если вернутся они, такимъ обѣдомъ ихъ угощу—объяденье! Стряпать-то я мастерица!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Страна Обезьянъ.

(Большая, освѣщенная зала. Посреди ея возвышеніе; на немъ золотая клѣтка, въ которой сидитъ птица-Фениксъ. Раздается соло на віолончели: варьяціи на темы изъ Лючіи, выражающія тоску плѣнницы. Входятъ лѣсовладѣлецъ и его сынъ; оба, какъ и всѣ остальные жители страны Обезьянъ, элегантно одѣты по самой послѣдней модѣ и съ виду вполнѣ похожи на людей. Выдаютъ ихъ только обезьяньи лица, да—въ минуты забывчивости—ухватки.)

Сынъ. Ахъ, папа! Слушай, слушай! Совсѣмъ, какъ у насъ въ лѣсу, когда я прыгалъ тамъ, словно дикій котенокъ!

Лѣсовладѣлецъ. Charmant!.. А что ты сказалъ, сынокъ? (*кланяется птицѣ*).

Сынъ. Какая прелесть!

Лѣсовладѣлецъ. Ужасно ты торопишься съ своимъ восхищеніемъ! Никто еще не высказался! Мы черезчуръ рано явились. Глупо! Никого, кромѣ насъ (*смотритъ на сына*). Голову прямо! Шляпу держать такъ, чтобы видна была бѣлая подкладка! А правую перчатку вотъ такъ! Кланяться или низко, очень низко, или только однимъ кивкомъ. Отлично! Слышишь? Кареты подъѣзжаютъ! Здѣсь будетъ сегодня все высшее общество! — А, мое почтеніе!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же, «Ея Милость»—хозяйка дома; господинъ и дама; затѣмъ другіе знатные гости; дама въ сопровожденіи кормилицы, держащей на рукахъ ребенка; первый вельможа, второй вельможа, художникъ, піанистъ Масъ, Генрикъ, Элимаръ и другіе.

Всѣ (*обмѣниваясь между собой поклонами и рукопожатіями*). «Bonsoir!» «Bonsoir!» «Madame!» «Monsieur!» «O, quel plaisir!» «Que je suis heureux!»

Первый вельможа (*Ея Милости*). Позвольте представить вамъ, Ваша Милость, нашего знаменитаго живописца!

Второй вельможа. А я привелъ піаниста Маса! Онъ играетъ сломанною кистью!

Знатный гость (*вводитъ Элимара и Генрика*). Вотъ два иностранца—изъ Копенгагена! Сразу видно по платью!

Генрикъ. Ишь, попка-то какой!

Элимаръ. Осторожнѣе!

Дама (*глядя на нихъ*). Изъ Копенгагена? (*сосѣду*). Гдѣ это Копенгагенъ?

Сосѣдъ. Сейчасъ посмотрю! У меня всегда справочная книжка съ собою,—карманная! (*перелистываетъ книгу*).

Ея Милость (*громко*). Піанистъ Масъ...

Всѣ. Charmant!

Ея Милость. Сыграетъ сейчасъ польку!

(Піанистъ Масъ размашисто подходитъ къ фортепіано, садится, широко бросаетъ руки на клавиши и начинаетъ играть. Художникъ раскладываетъ передъ кружкомъ гостей свою папку съ рисунками; старыя дамы обмахиваются вѣерами, молодыя трещатъ. Четверо молоденькихъ обезьянъ танцуютъ польку.)

Элимаръ. А я подъ шумокъ подкрадусь къ птицѣ и, улучивъ минутку, выдерну у нея изъ хвоста перышко! (*подходитъ къ клѣткѣ*).

Генрикъ (*одной молоденькой обезьянкѣ*). Ваша улыбка, ваша грація сводятъ меня съ ума! На всемъ пути, отъ самаго Копенгагена, не встрѣчалъ такой красотки. *(Элимаръ подкрадывается въ это время къ клѣткѣ, тихонько открываетъ дверцу, протягиваетъ туда руку, и птица садится ему на руку. Въ то же мгновеніе раздается ударъ грома, и Элимаръ вмѣстѣ съ клѣткой и птицей проваливаются. Всѣ въ ужасѣ.)*

Всѣ. О, ужасъ! Птицу-Фениксъ похитили! (*бросаются къ Генрику*). Дерзкій! Горе тебѣ! О, ужасъ! Что теперь будетъ!

Генрикъ (*въ то же время*). О, горе! Меня убьютъ! Баринъ, помогите!

Ай-ай! Что со мною? (*превращается въ обезьяну; въ ту же минуту появляется домовой, схватываетъ его за руку, даетъ свистокъ, и оба проваливаются при блескѣ молній и ударахъ грома. Общая сумятица*).

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Зала во дворцѣ царя духовъ. Онъ сидитъ на тронѣ. Передъ нимъ танцуютъ и поютъ добрые геніи.

Царь духовъ. Прекрасно, прекрасно! Но надо и на завтра что-нибудь оставить! Завтра день моего рожденія! (*Геніи танцуя удаляются.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Царь духовъ и Памфилій.

Памфилій. Двѣ визитныя карточки.

Царь духовъ. (*разсматриваетъ ихъ*). «Умершій, анонимный авторъ «Господина Расмуссенъ». *) Онъ ждетъ тутъ за дверью. Интересно познакомиться! Но пусть подождетъ! «Профессоръ магіи Кляксъ». Очень радъ повидаться съ нимъ, но не раньше, какъ завтра. Пусть явится съ поздравленіемъ и подарками. Я охотникъ до подарковъ! У меня еще цѣлы нѣкоторые изъ прежнихъ (*показываетъ картоннаго плясуна*). Премилая выдумка! (*смѣется*).

Памфилій. Превосходная! (*тоже смѣется*).

Царь духовъ. А ты еще не знаешь его исторіи. Цѣлая сказка! Только не напечатанная. «Жили-были два брата. Оба пустились искать счастья по бѣлу-свѣту и набрели на домъ съ вывѣской: «Высшее учебное заведеніе; курсъ семилѣтній; зато выходятъ вполнѣ образованные люди». «Я лучше пойду въ лѣсъ!» сказалъ одинъ братъ. «А я поступлю въ это учебное заведеніе!» сказалъ другой. Ужъ онъ-то зналъ, что дѣлалъ! «Сначала надо выучить васъ стоять, какъ слѣдуетъ на ногахъ!» сказали ему тамъ и поставили его въ первую позицію. «Рѣчь—серебро, а молчаніе—золото!» сказали ему потомъ, и онъ съ тѣхъ поръ словно воды въ ротъ набралъ. «Не подавайте и вида, что заняты собою, —глядите прямо впередъ!» И онъ уставился въ одну точку. «Ходить надо не такъ! Продернемъ вамъ въ ноги веревочки!» И продернули. «Руки не такъ!» И въ нихъ продернули веревочки. И вотъ только когда его дергали за веревочки, онъ и двигалъ руками и ногами. Зато образованнымъ сталъ! Погляди теперь на него! (*опять показываетъ плясуна*).

---

*) Названіе провалившейся комедіи самого Андерсена. *Прим. перев.*

Памфилій. А съ другимъ братомъ въ лѣсу, что было?

Царь духовъ. Тамъ было чудесно, птицы пѣли... (*за дверями слышится музыка—варьяціи на темы изъ Лючіи—означающая прибытіе птицы-Фениксъ.*) пѣли, какъ вотъ сейчасъ! Слышишь? Узнай въ чемъ дѣло! *Памфилій исчезаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Царь духовъ (*одинъ, прислушивается съ минуту, приложивъ руку къ сердцу, затѣмъ начинаетъ пѣть на мотивъ раздающейся мелодіи сначала тихо, потомъ все громче и громче*).

Эта пѣсня, эти звуки
Будятъ рой воспоминаній!
Сердце полно сладкой муки...
Грудь же рвется отъ рыданій!..

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Царь духовъ и Памфилій.

Памфилій. Повелитель! Фея Бравалла... Птица-Фениксъ въ золотой клѣткѣ! Принесъ ее сынъ Зефиса!

Царь духовъ. Бравалла!.. Что со мною?!.. Не говори никому объ этой минутѣ слабости!.. Не одно перышко, мнѣ принесли самое птицу! Смѣльчакъ! Пусть войдетъ! Нѣтъ, постой! Пусть птицу-Фениксъ отнесутъ въ солнечный кабинетъ. Тамъ спадетъ съ нея опереніе, тамъ вернется къ ней ея прежняя красота, тамъ мы и встрѣтимся! Не надо унижать ее!

Памфилій. А сына Зефиса?

Царь духовъ. Его я приму! Ты же позаботься о крошкѣ-домовомъ. (*Памфилій уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Царь духовъ, Элимаръ и Генрикъ (*съ обезьяньимъ лицомъ и обезьяньими ухватками*).

Царь духовъ. Будь это завтра — это былъ бы мнѣ сюрпризъ въ день рожденія.

Элимаръ (*преклоняетъ колѣна, Генрикъ подражаетъ*). Повелитель духовъ! Осмѣлюсь принести тебѣ свою благодарность за всѣ твои благодѣянія!

Царь духовъ. Добро пожаловать въ мое царство!

Элимаръ. Осмѣлюсь также умолять тебя—возврати этому несчастному человѣческій образъ! (*указываетъ на Генрика*).

Царь духовъ. Понимаю! Эта—обезьяна твой слуга. (*Беретъ кувшинъ воды и выплескиваетъ ее Генрику на голову. Тотъ вскрикиваетъ и под-*

прыгиваетъ, обезьянья маска съ него сваливается, и онъ опять становится прежнимъ Генрикомъ.)

Генрикъ. Ахъ, что-бъ васъ..! И что это за манера! Воротничокъ весь мокрый! (*спохватясь*). Ай, простите, Ваша Милость! Я ужъ больше не обезьяна?

Царь духовъ и Элимаръ. Ты возрожденъ! Поглядись въ зеркало!

Генрикъ (*прыгаетъ и пляшетъ отъ радости*).

Элимаръ. Генрикъ! Ты забываешься! Благодари царя духовъ!

Царь духовъ. А въ прежнемъ видѣ онъ былъ интереснѣе! Но довольно объ этомъ! (*Элимару*). Я знаю, зачѣмъ ты явился сюда,—можешь не трудиться говорить. Отцу твоему я далъ шесть драгоцѣнныхъ статуй, тебѣ нужна теперь седьмая, самая прекрасная и драгоцѣнная.

Элимаръ. Позволь мнѣ припасть къ твоимъ стопамъ!..

Царь духовъ. Помолчи! Слово пока за мною!—Ты уже имѣешь доказательства моего расположенія къ тебѣ! Я открылъ тебѣ подземелье, я послалъ къ тебѣ крошку-домового, давъ ему цѣлую кучу орѣховъ счастья... И онъ распорядился ими очень умно! Словомъ, я во всемъ принималъ большое участіе. Получишь ты и седьмую статую, что «дороже жемчуга и злата»!..

Генрикъ. А не найдется-ли еще восьмой, хоть маленькой—для меня?

Царь духовъ (*продолжая*). Ты ее получишь, но съ условіемъ: привези мнѣ прежде восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, красивую, добрую и невинную, образецъ женщинъ, которая еще не сказала въ жизни ни единаго слова неправды!

Генрикъ. Покорно благодарю! Прощайтесь, баринъ, со статуей! Видно, что Повелитель духовъ совсѣмъ не знаетъ женщинъ! Полно вамъ скупиться-то, Ваше Всемогущество! Дайте ужъ намъ статую! Для васъ это сущій пустякъ!

Царь духовъ. Смирно! (*Элимару*). Но, смотри, не влюбись въ нее и немедленно доставь ее въ мой дворецъ! Помни—каждый день, каждый часъ промедленія собираетъ надъ твоей головой тучи горя, а если ты не передашь дѣвушку мнѣ вполнѣ добровольно—ты умрешь въ ту же минуту! Клянись же исполнить все!

Элимаръ. Клянусь! (*Ударъ грома.*)

Генрикъ. У! Какъ урчитъ у повелителя въ желудкѣ!

Царь духовъ (*Элимару*). Помни! Ты или она!

Элимаръ. Я или она! Но, Повелитель, если даже я и найду такую восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, красивую, добрую и невинную, образецъ всѣхъ женщинъ, какъ же мнѣ узнать, не сказала-ли она когда-нибудь неправды, хотя бы въ шутку?

Генрикъ. Загляни въ ея аттестатъ!

Царь духовъ (*Элимару*). Ты правъ. Мнѣ надо дать тебѣ средство распознавать женщинъ.

Генрикъ. Ваша Прозрачность! Пусть онъ совѣтуется со мной! Онъ еще такъ неопытенъ! Я лучше его знаю женщинъ и всѣ ихъ увертки!

Царь духовъ. Хорошо! (*Элимару*). Встрѣтивъ подходящую дѣвушку, возьми ее за руку: если она не невинна и не правдива, сего юношу (*указываетъ на Генрика*) тотчасъ же передернетъ, какъ будто сквозь него пропустили электрическій токъ.

Генрикъ. Нѣтъ, нѣтъ, Ваша Немилость! Этого я не вынесу! Я смерть боюсь щекотки!

Царь духовъ. Какъ я сказалъ такъ и будетъ! Человѣкъ выносливѣе, чѣмъ самъ полагаетъ!

Генрикъ. Прошу прощенія! (*хочетъ уйти*).

Элимаръ. Куда ты?

Генрикъ. Мнѣ что-то не по себѣ!

Царь духовъ. Останься!

Генрикъ. Но, Повелитель! Я, вѣдь, не духъ! Я человѣкъ съ сердцемъ, съ легкими, съ желудкомъ и пр. и пр.! Я не могу исправлять должность электрической машины!

Царь духовъ. Смирно! Тебя ждутъ и радости, несказанныя радости! Если найдется такая дѣвушка, невинная, вѣрная, правдивая...

Генрикъ. Мы, вѣдь, доставили вамъ птицу-Фениксъ, этакую рѣдкость, чего вамъ еще!

Царь духовъ. Слушай меня! Когда найдется такая дѣвушка, ты исполнишься несказаннаго блаженства! Тебѣ захочется смѣяться, пѣть, плясать!..

Генрикъ. Плясать, Повелитель! Искалѣченному-то!

Элимаръ. Я позабочусь о твоемъ будущемъ!

Генрикъ. Да, когда я буду лежать въ землѣ!

Царь духовъ. Такъ я хочу!—Памфилій!

ЯВЛЕНIЕ 6-е.

Тѣ же и Памфилій.

Царь духовъ. Вели запрячь пару старыхъ драконовъ, которые возятъ мою парадную колесницу; это смирныя животныя!

Памфилій. Невозможно, Повелитель! Одинъ сломалъ себѣ лѣвое крыло, а другой не можетъ больше изрыгать огонь!

Царь духовъ. Какъ же быть? Постой! Возьми одинъ изъ небольшихъ воздушныхъ шаровъ. Только научи сначала крошку-домового управлять имъ (*Элимару*). Гдѣ шаръ спустится, тамъ и ищи счастья! Вамъ обоимъ выдадутъ сейчасъ на память объ этомъ посѣщеніи драгоцѣнныя одѣянія;

они пригодятся и потомкамъ вашимъ въ тридцати поколѣніяхъ. Позабочусь я и о хорошей погодѣ. (*Памфилій уходитъ.*)

Элимаръ. Я полонъ отваги и воодушевленія! Скоро я приведу тебѣ прекраснѣйшую, лучшую изъ женщинъ! (*низко кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же безъ Элимара.

Генрикъ. А я, Повелитель, ухожу и безъ отваги, и безъ воодушевленія! Еще бы!

Царь духовъ. Странный человѣкъ! И чего ты такъ трусишь?

Генрикъ. Да, Вашей Эфирности легко говорить! А терпѣть-то придется мнѣ! Ужъ по крайности произвели бы меня сначала въ Геркулесы, а то, вѣдь, я зачахну! Грета, пожалуй, и не узнаетъ меня!

Царь духовъ. Грета? Это еще что за особа?

Генрикъ. Чудесная дѣвушка! Другой такой не сыскать отъ Копенгагена до Китая! Она моя невѣста!

Царь духовъ. Ну, можешь когда-нибудь привести ее ко мнѣ!

Генрикъ. Слуга покорный! Нѣтъ, ужъ лучше она останется при мнѣ! «Не залетай высоко и корми себя честнымъ трудомъ!»—вотъ ея поговорка. Грету-то ужъ я при себѣ оставлю!

Хоть Гретъ на свѣтѣ много есть,
Такой другой вы поищите!
Нѣтъ, не сыскать вамъ, Ваша Честь,
Хоть свѣтъ кругомъ весь облетите!
Въ кухаркахъ Греточка живетъ,
Чудесный мой цвѣточекъ!
И вамъ божусь—сама сойдетъ
За самый лакомый кусочекъ!

Царь духовъ. Съ чѣмъ тебя и поздравляю!.. Обѣщаю тебѣ, что ты вернешься къ ней еще красивѣе, чѣмъ былъ.

Генрикъ. А могу я положиться на ваше обѣщаніе, Повелитель?

Царь духовъ. Какъ на свою Грету!

Генрикъ. Ага! Ну ладно, Ваше Могущество! (*уходитъ съ низкими поклонами*).

Царь духовъ. Памфилій!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Царь духовъ, Памфилій.

Царь духовъ. Принеси мнѣ нѣсколько новыхъ книжекъ изъ какой-нибудь частной библіотеки... Что-нибудь этакое скандалезное насчетъ земли

и ея обитателей!.. Да покури здѣсь! Сейчасъ слышно, что тутъ были люди! (*уходитъ при громѣ и молніи, сопровождаемый Памфиліемъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Воздушное пространство.

(Воздушный шаръ несется надъ облаками. Элимаръ и Генрикъ сидятъ въ корзинѣ; оба въ великолѣпныхъ одѣяніяхъ. Домовой машетъ флагами. У Элимара въ рукахъ подзорная труба, у Генрика лорнетъ и театральный бинокль, и онъ прикладываетъ къ глазамъ попеременно то тотъ, то другой).

Элимаръ. Чудесная у меня подзорная труба! Все видно!

Генрикъ. Да, сверху-то оно всегда виднѣе! (*завидѣвъ приближающагося аиста*). Баринъ! Аистъ!.. Сѣлъ къ намъ на край корзины!.. Здравствуй, Петруша! На вотъ, снеси-ка отъ меня письмецо Гретѣ! Всего слова два! Киваетъ!.. Согласенъ! Баринъ! Щелкаетъ клювомъ!.. Прощай, Петруша! Кланяйся Гретѣ! Вотъ такъ летучая почта!

Элимаръ. Холодно! Надо накинуть плащи!

Оба. Что это тамъ за городъ внизу? Какія странныя, высокія башни! Что-то невиданное! (*Шаръ исчезаетъ за облаками.*)

ДѢЙСТВІЕ IV.

Въ странѣ Истины. Всѣ жители ея очень чопорны и церемонны, отвѣшиваютъ при встрѣчахъ низкіе поклоны и вообще смотрятъ святошами.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

(Городская площадь. На заднемъ планѣ дворецъ; какъ во дворцѣ, такъ и во всѣхъ домахъ оконныя занавѣси спущены; нѣкоторыя же окна закрыты ставнями. Червонный валетъ съ подзорной трубой въ рукахъ выходитъ изъ дворца. Ученый также съ подзорной трубой выходитъ изъ противоположнаго дома; оба пристально глядятъ въ трубы на небо и сталкиваются.)

Оба вмѣстѣ. Ахъ, простите великодушно! (*снова смотрятъ кверху, и такъ впродолженіи всей сцены*).

Ученый. Спускается!

Червонный валетъ. Спускается, только медленно.

Ученый. И, по-вашему, это—?

Червонный валетъ. Летучій Голландецъ!

Ученый. Нѣтъ, птица-Рокъ! Это нѣчто реальное, а «Летучій Голландецъ» это, вѣдь, явленіе изъ царства духовъ!

Червонный валетъ. Ну да! На шарѣ и написано: «Собственность духовъ». Я отлично разбираю всѣ буквы. Чудесная подзорная труба,—королевская!

Ученый. Они спускаются на Куриную площадь! (*убѣгаетъ*).

Червонный валетъ. Они спускаются какъ разъ сюда на площадь Истины! (*отступаетъ въ сторону*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Червонный валетъ. Элимаръ, Генрикъ и домовой *спускаются на шаръ.*

Домовой. Не угодно-ли высадиться на землю! (*Элимаръ* и *Генрикъ выходятъ.*) Я явлюсь съ шаромъ, когда вы дадите сигналъ!

Элимаръ. Что за странный городъ! Какая тишина на улицахъ! Точно городъ мертвыхъ!

Домовой (*подымаясь на шаръ*). Прощайте! Желаю успѣха!

Элимаръ. Спасибо, мой воздушный кормчій! Да, да, свистокъ у меня есть. (*Генрику*). Ну, что же ты такой сумрачный? Не нравится тебѣ этотъ городъ?

Генрикъ (*печальнымъ голосомъ и съ самымъ убитымъ видомъ, который сохраняетъ во время всей сцены*). Ахъ, баринъ! Для меня ужъ нѣтъ веселья!

Элимаръ. Не ребячься такъ! Не убивать тебя собираются! Попытка, вѣдь, не пытка!

Генрикъ. Да для меня-то пытка! Вамъ-то ничто, а мнѣ-то каково! У! Я ужъ такъ заряженъ электричествомъ, что изъ глазъ искры сыплются! Пуфъ! Пуфъ! Настоящая баттарея!

Элимаръ. Да помолчи ты! Ступай и позвони вонъ у воротъ,—надо же узнать, куда мы попали!

Генрикъ (*направляясь къ воротамъ*). Иду, какъ жертва на закланіе!

Червонный валетъ (*выступаетъ на встрѣчу*). Извините, незнакомцы! Но какими чарами васъ занесло сюда, и что вамъ здѣсь надо!

Генрикъ. Вы говорите по-датски! Баринъ! Онъ говоритъ по-нашему!

Червонный валетъ. Въ нашей странѣ говорятъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и по закону король и весь народъ говорятъ по мѣсяцу на каждомъ языкѣ. Теперь мы какъ разъ говоримъ по-датски!

Генрикъ. То-то кстати! Впрочемъ, и мы говоримъ по-всячески.

Элимаръ. Почтеннѣйшій! Не скажете-ли вы мнѣ, гдѣ мы собственно находимся?

Червонный валетъ. Ты на островѣ Благопристойности, въ странѣ Истины и Добронравія! Стоишь ты на нашей городской площади!

Элимаръ. Радуйся, Генрикъ! Мы у цѣли нашихъ стремленій!

Генрикъ. Пусть бы ее оставалась за тридевять земель!

Червонный валетъ. Вотъ дворецъ нашего короля. Я же только смиренный слуга его.

Генрикъ. Слуга, и тыкаетъ насъ! Вотъ оно, добронравіе!

Элимаръ. Не проведешь-ли ты меня къ королю? Я прибылъ сюда по воздуху.

Генрикъ (*указывая на Элимара*). Это принцъ изъ страны Откровенности. а я его вѣрный маршалъ! Прибыли мы на этакой новомодной воздушной машинѣ, на воздушномъ паровозѣ или пароходѣ!

Элимаръ. И пріѣхалъ я сюда искать себѣ невѣсту. Я предложу ей свое сердце и свои несмѣтныя богатства!

Червонный валетъ. Твои намѣренія благородны! Я въ точности доложу все королю.

Элимаръ. Познакомь меня также съ обычаями и особенностями твоей страны.

Червонный валетъ. На нашемъ островѣ не бываетъ никакихъ ссоръ и раздоровъ. Мы не имѣемъ никакихъ сношеній съ чужими странами, никогда не задаемъ ни пировъ, ни баловъ, мы блещемъ лишь добродѣтелями и правдивостью.

Генрикъ. Фу ты!

Червонный валетъ. Наши улицы пустынны; мы выходимъ изъ дому лишь въ случаѣ крайней нужды. Сидя дома, мы размышляемъ о добродѣтеляхъ ближнихъ и возсылаемъ небу благодарственныя молитвы. Съ устъ нашихъ не срывается ни одного легкомысленнаго слова, а ложь наказывается у насъ строго, — смотря по ея послѣдствіямъ. Къ женщинамъ относятся впрочемъ снисходительнѣе, нежели къ мужчинамъ. Клевету же на нашемъ островѣ Истины и Благопристойности знаютъ лишь по наслышкѣ.

Генрикъ. А дозвольте спросить, если кто-нибудь благопристойно украдетъ, его накажутъ?

Червонный валетъ. Виноватыхъ всегда наказываютъ.

Генрикъ. Значитъ, всыплютъ ему горяченькихъ?

Червонный валетъ. Мы бьемъ лишь платья, а не людей, и это-то и считается у насъ позорнѣйшимъ наказаніемъ.

Генрикъ. И у насъ тоже бьютъ по платью, да только, когда оно надѣто на человѣкѣ!

Элимаръ. Ну, а какъ у васъ поставлено дѣло женитьбы?

Червонный валетъ. Всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ выдаютъ замужъ на двадцатомъ году, а до этого возраста ни одна не смѣетъ показываться на улицѣ одна. Онѣ могутъ ходить лишь вчетверомъ да и то въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ мавровъ. Ихъ никогда не водятъ въ балетъ, гдѣ танцуютъ въ обтяжныхъ «невыразимыхъ», и за каждую наивность строго наказываютъ: наивность—мостъ, ведущій къ гибели. Читать имъ даютъ лишь воинственныя пѣсни, такъ какъ эти пѣсни всегда благопристойны! Дѣвочкамъ запрещается также вступать въ разговоры съ мальчиками-однолѣтками.

Элимаръ. Бѣдненькія! Вотъ жаль-то ихъ!

Червонный валетъ. Жаль! Смотри, не произноси такихъ словъ передъ нашимъ повелителемъ, когда я представлю тебя ему. Въ нашей странѣ достоинъ сожалѣнія лишь тотъ, кто слѣпъ къ нашему счастью! (*уходитъ*).

Генрикъ. Вотъ такъ хватъ!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Элимаръ, Генрикъ. *Затѣмъ* четыре *окутанныя покрывалами* дѣвушки *въ сопровожденіи* двухъ мавровъ.

Элимаръ. Рѣчи его не особенно-то подкрѣпили во мнѣ надежду найти здѣсь то, что мнѣ нужно. Но вотъ нѣсколько дѣвушекъ. Попытаю счастья!.. Генрикъ!.. Держи ухо востро! (*первой дѣвушкѣ*). Простите чужеземцу, осмѣлившемуся заговорить съ вами, но красота ваша ослѣпляетъ даже черезъ покрывало!..

Первая дѣвушка. Какой учтивый кавалеръ!

Вторая. Но какое странное одѣяніе!

Элимаръ. Осмѣлюсь, по обычаю моей страны, поцѣловать вашу ручку! (*цѣлуетъ*).

Генрикъ (*подпрыгивая*). Ай-ай!

Элимаръ (*глядитъ на него и переходитъ къ слѣдующей*). Позвольте вашу!

Вторая дѣвушка. Премного благодарна!

Генрикъ. О! я трещу по всѣмъ швамъ!

Всѣ четыре дѣвушки (*глядя на него съ изумленіемъ*). Что съ нимъ? Рехнулся онъ что-ли?

Элимаръ (*подходя поочередно къ двумъ остальнымъ*). И вашу!.. И вашу!..

Генрикъ. У-у! (*бросается впередъ; дѣвушки съ крикомъ убѣгаютъ; мавры за ними*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Элимаръ и Генрикъ.

Элимаръ. Бѣдняга! Мнѣ жаль тебя!

Генрикъ. Ахъ, я на вѣкъ теперь не человѣкъ! Эти двѣ послѣднія должно быть безбожно врали, еще не родившись на свѣтъ!

Элимаръ. Я всетаки не прощаюсь съ надеждой.

Генрикъ. Зато я прощаюсь съ жизнью!

Элимаръ. Ну, хочешь, отправимся въ другую страну?

Генрикъ. Что толку? Женщины вездѣ и всюду лгутъ. Я-то знаю свѣтъ.

не то что сказочный король, не вѣрившій въ ложь и обѣщавшій руку своей дочери да полцарства тому, кто соврегь ему.

Элимаръ. И много приходило къ нему лгуновъ?

Генрикъ. Страсть! Да онъ всѣмъ вѣрилъ! Вся страна изолгалась, всѣ чиновники, всѣ—большіе и малые, а король все вѣрилъ да вѣрилъ. Дочка такъ и не вышла замужъ, а самъ король такъ и умеръ отъ тоски по лжи... А и вся исторія-то ложь!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же, и Червонный валетъ съ двумя воинами.

Червонный валетъ. Чужеземцы! Сейчасъ король выйдетъ на площадь творить судъ и расправу,—вотъ вамъ и случай представиться ему.

Элимаръ. Прими мою благодарность!

Червонный валетъ. Затѣмъ—отданъ приказъ засадить твоего слугу въ сумашедшій домъ и заковать въ цѣпи,—онъ совсѣмъ бѣшенный!

Генрикъ. Меня въ сумашедшій домъ! Меня, апостола истины! Да, видно, что мы попали въ страну Истины! Въ страну Лжи попали мы!

Червонный валетъ. Ну, какъ же не бѣшенный?

Элимаръ. Это мой слуга! Никто не властенъ надъ нимъ, кромѣ меня, а я ручаюсь за его разумъ и спокойное поведеніе впредь.

Червонный валетъ. Хорошо! Но при первомъ же новомъ припадкѣ приказъ будетъ приведенъ въ исполненіе.

Элимаръ. Генрикъ, берегись!

Червонный валетъ. Слѣдуй за мной, чужеземецъ, и подкрѣпись съ дороги во дворцѣ короля,—таковъ у насъ обычай!

Элимаръ. Берегись же, Генрикъ! *(уходитъ за червоннымъ валетомъ).*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Генрикъ *(одинъ)*. И не говорите лучше! Мнѣ моя шкура тоже дорога! Ахъ, я злосчастный! Вотъ такъ поѣздка! Что мнѣ дѣлать? Постой! *(подымаетъ голову кверху и кричитъ:)* Шаръ! Спусти шаръ! Я хочу домой! Господинъ домовой! Милый господинъ домовой! Не слышитъ! Ахъ, если бы мнѣ удрать отсюда! Я отказываюсь отъ мѣста! Тутъ мнѣ не мѣсто! Да и не только тутъ, а вездѣ,—хоть бы на лунѣ!

На свѣтѣ лгутъ всѣ, нѣтъ сомнѣнья,
Бѣднякъ, богачъ, и старъ и младъ!
Лгутъ безъ стыда и безъ стѣсненья,
На свой, конечно, всякій ладъ!
Люби ты друга тамъ, какъ знаешь,
Зови хоть первымъ изъ друзей,

Да лишь не вѣрь—не проиграешь,
Скорѣй напротивъ—ей-же ей!

Давно извѣстно, міръ земной весь
Гнѣздомъ коварства, лжи бранятъ!
Но все-жъ живется хорошо здѣсь—
Правдиво люди говорятъ!
Да! на землѣ ничто не вѣчно,
Такъ гдѣ-жъ тутъ истину искать?
Всѣ лгутъ; ну, лгу и я, конечно,
Что-жъ отъ другихъ-то отставать!

А, бьютъ въ набатъ! Самъ король жалуетъ! Ба! знакомое лицо! Я видѣлъ его въ колодѣ картъ! Тамъ онъ считается фигурой; ну-ка, а тутъ онъ что за фигура, посмотримъ!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Генрикъ, Червонный король съ дочерью *выступаютъ въ торжественномъ шествіи, сопровождаемые свитою и народомъ. Затѣмъ* Элимаръ и Червонный валетъ.

Хоръ. Тебя мы величаемъ,
Лишь приказать изволь!
Тебя мы воспѣваемъ,
Червонный нашъ король!

Червонный король. Просвѣщенная и образованная чернь высшихъ и низшихъ классовъ! Я повелѣлъ вамъ собраться сюда, чтобы быть свидѣтелями моего безпримѣрнаго правосудія и узрѣть созданіе, дѣвушку—страшно вымолвить!—дѣвушку, поправшую своимъ поведеніемъ и рѣчами всѣ обычаи нашей страны!

Всѣ. Ура, владыка!

Червонный король. Но прежде пусть приведутъ ко мнѣ чужеземца! (*Червонный валетъ подводитъ къ нему Элимара и Генрика.*) Добро пожаловать, чужеземецъ! Такъ ты принцъ изъ страны Откровенности? Но что это за рыцарь Печальнаго Образа рядомъ съ тобой?

Элимаръ. Это мой слуга.

Генрикъ. А зовутъ меня Генрикъ!

Червонный король. Забавная фигура! Ха, ха, ха! (*народу*). Всѣмъ смѣяться! (*Всѣ смѣются.*)

Генрикъ (*про себя*). Глупая нація!

Червонный король. А теперь къ дѣлу: я слышалъ, что ты пріѣхалъ къ намъ искать себѣ невѣсту. Ты нравишься мнѣ и такъ какъ ты изъ бла-

городнаго званія, то взгляни на мою дочь. Вотъ она, съ золотымъ тюльпаномъ въ рукахъ.

Червонная дама. Чужеземецъ! Покорная моему высокому и мудрому отцу я протягиваю тебѣ руку; я вижу по твоему лицу, что ты этого достоинъ *(подаетъ Элимару руку)*.

Генрикъ *(весь передергивается отъ боли)*.

Элимаръ *(видя это, цѣлуетъ руку принцессы и выпускаетъ ее)*.

Червонная дама. Онъ мнѣ нравится!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же. Анна и стража.

Анна *(вбѣгаетъ; въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами; стражѣ:)* Оставьте меня, жестокіе люди! *(бросается на колѣни передъ трономъ)*. Повелитель! Въ чемъ я провинилась? За что со мною такъ поступаютъ? Я бѣдная дѣвушка, сирота, безъ друзей, но я не сдѣлала ничего дурного! Я невинна!

Червонный король. Дерзкая! Какъ смѣешь ты безъ зову являться предъ мои свѣтлыя очи? Безстыдная женщина! Всѣ о тебѣ такого мнѣнія!

Анна. Да что же я сдѣлала?

Червонный король. Лгала, клеветала!

Анна. Не правда! Это на меня наклеветали злые люди, генералъ отъ нравственности, жена бургомистра и ея легкомысленные сыновья!

Червонный король. Неслыханная дерзость! *(народу)*. Всѣмъ негодовать со мною!.. Впрочемъ, нѣтъ, не надо! Эта преступница недостойна нашего негодованья. *(Аннѣ)*. Отца твоего, англійскаго капитана, поглотили волны, когда корабль вашъ разбился о нашъ берегъ, а тебя мы приняли къ себѣ, пріютили, какъ сироту. Тебѣ позволено было шить, вышивать и вообще быть полезной въ нашихъ знатнѣйшихъ семействахъ, а ты отплатила намъ за это ложью и клеветой! Ты осмѣливаешься говорить, что истина у насъ въ странѣ не въ чести, что наша семейная и домашняя жизнь— одна фальшь, лицемѣріе!.. Взять ее, посадить въ лодку и пустить въ море на произволъ судьбы!

Червонный валетъ. Взять ее!

Элимаръ. Какъ она хороша! На лицѣ ея написана такая доброта и такая невинность! Меня влечетъ къ ней непостижимая сила!.. Стойте! Позволь мнѣ, повелитель, задать ей одинъ вопросъ!

Червонный король. Позволяю!

Элимаръ. Милое дитя! Внушаю-ли я тебѣ довѣріе?

Анна. О, да! Ты, должно быть, добрый, хорошій человѣкъ!

Элимаръ. Такъ дай мнѣ твою руку! *(она протягиваетъ ему руку)*.

Генрикъ (*начинаетъ плясать, припѣвая:*) Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! (*обнимаетъ червонную даму и ея фрейлинъ; тѣ падаютъ въ обморокъ*).

Анна (*въ то же время*). О, защити меня! Я невинна!

Элимаръ. Я знаю, моя дорогая! Ты невинна и чиста, какъ лилія!

Червонный король (*народу*). Вы поняли, что онъ сказалъ?

Всѣ. Да!

Червонный король, А я нѣтъ! И вы тоже!

Всѣ. Тоже!

Червонный король. Оба они—и господинъ и слуга сумасшедшіе!

Элимаръ. Выслушай меня, король Истины! Я отказываюсь искать себѣ невѣсту среди дочерей вашей страны, только отдай мнѣ эту дѣвушку. Я возьму ее съ собою на родину!

Червонная дама. Противный мужчина!

Всѣ. Ужасно!

Червонный король. Смирно! Молчать! Всѣмъ молчать! (*Элимару*). Ступай, слѣпецъ! Такъ-то ты платишь мнѣ за гостепріимство! Ты пилъ у меня чай, получилъ доступъ въ мой дворецъ! Ты заслуживаешь наказанія, и я наказываю тебя тѣмъ, что отдаю тебѣ эту недостойную и изгоняю васъ обоихъ изъ страны Истины, съ острова Благопристойности! Чтобы и духа вашего тутъ не было!

Элимаръ. Прими мое спасибо! (*даетъ свистокъ*).

Генрикъ. Славный конецъ! Нашли, что́ искали! (*Шаръ спускается.*) А! Снимайтесь съ якоря, адмиралъ!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и домовой.

Домовой. Вотъ и я! Стопъ!

Элимаръ. Иди за мной, Анна! Не бойся!

Генрикъ. Коли нѣтъ справедливости на землѣ, такъ надо подняться за ней повыше!

Элимаръ. Король! Ты не знаешь, какую жемчужину я увожу изъ твоей страны! (*Шаръ съ Элимаромъ, Анной, Генрикомъ и домовымъ подымается подъ звуки музыки.*)

Червонный король (*народу*). Не смотрѣть на нихъ! Потупить глаза! Не думать о нихъ! Всѣмъ смотрѣть на меня и величать меня!

Хоръ. Тебя мы величаемъ,
Лишь приказать изволь!
Тебя мы воспѣваемъ,
Червонный нашъ король! (*преклоняютъ передъ нимъ колѣна*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Комната въ домѣ Зефиса.

Грета *(входитъ)*. Ахъ, какъ я соскучилась по женихѣ и баринѣ! У меня даже не хватаетъ духа заглянуть въ календарь! Сдается мнѣ, что ужъ весна на дворѣ, а навѣрно не знаю. Знаю только, что на улицахъ грязь по колѣно, а на душѣ у меня какъ-то странно-тоскливо.

Ахъ, скоро-ль растаетъ послѣдній снѣжокъ,
Ахъ, скоро-ль вернется мой милый дружокъ?
Сказалъ онъ: «Весною»! А скоро-ль весна?
Стою у окна я печальна, грустна,
И жду, не покажется-ль аистъ!

О, вѣстникъ весны, прилетай же скорѣй!
Конецъ положи ты печали моей!
Сегодня ты ночью пригрезился мнѣ,
Сидѣлъ мой дружокъ у тебя на спинѣ!
Ахъ, скоро-ль покажется аистъ?

(Аистъ садится на выступъ открытаго окна). Ахъ! А онъ тутъ, какъ тутъ! Усѣлся на окно! Что это, опять колдовство, или это ручная птица? Онъ киваетъ головой, щелкаетъ клювомъ! Я не понимаю тебя!.. У него что-то надѣто на шеѣ... Да это письмо! Ахъ, еслибы онъ былъ почтальономъ! *(беретъ письмо и читаетъ адресъ)*. «Дѣвицѣ Гретѣ Іенсенъ»! Да это мнѣ! Отъ Генрика! Ахъ, ты милая птичка! Будь у меня змѣйка или лягушенокъ, ужъ я бы угостила тебя! А что ты принесешь мнѣ въ слѣдующій разъ? (*Аистъ щелкаетъ.*) Не понимаю! (*Аистъ наклоняетъ голову и показываетъ ей сидящихъ у него на спинѣ двухъ близнецовъ-малютокъ.*) Фи! Что это за двусмысленные намеки! (*Аистъ улетаетъ.*) Просто неприлично!.. Кто бы повѣрилъ?.. Но вотъ письмецо-то я всетаки получила отъ Генрика! Надо скорѣе прочесть его, а потомъ обѣжать всѣхъ подругъ — разсказать объ этомъ! (*читаетъ*). «На воздушномъ шарѣ»!—О, Господи! На шарѣ!—«Я здоровъ и бодръ; желалъ бы того же и тебѣ»!—Какъ онъ мило пишетъ!—«О томъ, что я видѣлъ, разсказать не могу, а потому и не говорю! Твой и въ высшихъ сферахъ вѣрный Генрикъ. Post-scriptum: вѣчно буду любить тебя»!—Нѣтъ, ничего такого ни одному писателю не выдумать! (*цѣлуетъ письмо и убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Ночь. Окрестность вулкана. Изверженіе.

Элимаръ, Анна, Генрикъ и домовой (*спускаются на шаръ*).

Домовой. Стопъ! Вотъ тутъ и живетъ царь духовъ! (*Элимару*). Ну, дѣлай теперь свое дѣло, я свое сдѣлалъ!

Анна. Какое ужасное мѣсто! Какой полетъ сквозь облака!

Генрикъ. Вѣтеръ такъ и щекоталъ мнѣ макушку!

Элимаръ (*домовому, который подымается съ шаромъ*). Куда-жъ ты?

Домовой. А мое дѣло кончено! Прощай! Тебѣ надо спуститься въ жерло вулкана, а я полечу въ Копенгагенъ (*исчезаетъ*).

Генрикъ. Ахъ, баринъ! Вотъ такъ мѣстечко! Тутъ и заночевать-то негдѣ. (*Слышно пѣніе демоновъ*).

Анна. Гдѣ мы? Что все это значитъ? (*Элимару*). Что-жъ ты молчишь? Отчего ты поблѣднѣлъ? Не я-ли причиной?

Элимаръ. О, Анна! Я такъ несчастенъ!

Анна. Ты, мой другъ?

Элимаръ. Твой другъ!.. О, ты еще не знаешь, Анна!..

Анна. Я не понимаю тебя, едва понимаю самое себя! Что случилось? Что я сдѣлала?

Ревѣла буря, вѣтеръ бушевалъ
И громъ гремѣлъ... Корабль нашъ накренило,
На мостикъ съ ревомъ хлынулъ грозный валъ
И смылъ отца!.. Всѣхъ море поглотило,
Одна лишь я избѣгла смерти злой,
Но не на радость! Бѣдной сиротой
Всѣ помыкали! Ласковаго слова
Никто не молвилъ мнѣ. И вдругъ, вдругъ снова
Блеснулъ на счастье мнѣ надежды лучъ!
— Явился ты и взялъ меня съ собою!..
Мы понеслись высоко надъ землею,
Надъ цѣпью горъ, грядами темныхъ тучъ...
Ты былъ такъ добръ ко мнѣ... Тебя невольно
Я всей душой успѣла полюбить!

Элимаръ. О, знала бъ ты, какъ рѣчи эти больно
Меня терзаютъ. Даже говорить
Съ тобой не смѣю, чистая, святая!
(*про себя*). О, горе мнѣ! Любовью къ ней сгорая,
На вѣкъ разстаться съ нею долженъ я!
О, Анна, Анна, бѣдная моя!

Анна. Ты поблѣднѣлъ, дрожишь... Не понимаю,
Что говоришь ты, милый Элимаръ!
Во снѣ-ль все это, въ явь-ли... я не знаю...
Нѣтъ, нѣтъ, конечно, это злой кошмаръ!..
Спаси жъ насъ Боже!.. О! не плачь, мой милый,
Невиненъ ты, прими мой поцѣлуй!..

Элимаръ. Безсиленъ я бороться съ высшей силой!
Меня ей клятвой удалось связать!
Владыкѣ духовъ мощному отдать
Тебя поклялся я неосторожно!
Онъ здѣсь живетъ! Разлуки часъ насталъ!

Анна. Не можетъ быть! Не вѣрю! Невозможно!
Меня ужель ты для того лишь взялъ?
Иль предъ тобою въ чемъ я провинилась?
Иль испытать меня лишь ты хотѣлъ?
Молчишь?! такъ горе вѣчный мой удѣлъ!
Такъ я на свѣтъ для горя лишь родилась!..
Зачѣмъ съ отцомъ не утонула я?..
Веди жъ меня! Твоей покорна волѣ!

Элимаръ. О, нѣтъ! Не въ силахъ выдержать я болѣ!
(падаетъ предъ нею на колѣни).
Дитя, голубка чистая моя,
Прости на вѣкъ! На вѣкъ прости!
Виновенъ я—такъ кару мнѣ нести!

Генрикъ. Баринъ, мнѣ тоже не въ терпежъ! Отдайте ужъ лучше меня этому царю духовъ—я-то ему больше пригожусь — не въ обиду вамъ будь сказано! Только позаботьтесь о Гретѣ!.. Постойте! Баринъ! У меня явилась еще одна мысль! Онѣ, вѣдь, что цыплятки — одна вылупится, за ней сейчасъ и другая! Позовите-ка вашего батюшку! Пусть посовѣтуетъ, что намъ дѣлать! Онъ, вѣдь, мастеръ былъ на всѣ штуки, да и съ царемъ духовъ въ дружбѣ состоитъ!.. Да вы не слушаете меня! Ахъ, вѣдь, и я отъ горя самъ не свой, да отъ этого толку мало!.. Господинъ Зефисъ! Покойный господинъ Зефисъ! Услышьте насъ, спуститесь съ облаковъ, помогите намъ! *(Громовой раскатъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же и Царь духовъ (*внезапно появляется на скалѣ надъ пещерою и простираетъ къ нимъ руку*).

Царь духовъ. Мертвыхъ оставьте!
Клятву нарушить
Думать не смѣй!
Развѣ забылъ ты—
Ты иль она!

Элимаръ. О, горе мнѣ! Наказанъ я жестоко!
На что теперь сокровища мнѣ всѣ?

Царь духовъ. Ты иль она!

Элимаръ. Я преклоняюсь передъ волей рока,
Твоей добычею готовъ я стать!—
Прости, любовь моя! Твой покровитель
Отнынѣ Богъ одинъ!

Анна. Нѣтъ, нѣтъ, постой!
(*царю духовъ*). Бери меня, о, духовъ повелитель!
(*бросается на землю передъ царемъ духовъ. Тотъ прикрываетъ ее своимъ плащомъ*).
Прощай! Спасенъ теперь ты, милый мой!
(Царь духовъ *простираетъ надъ ней свою руку*. Анна *исчезаетъ въ пропасти.*)

Элимаръ (*вскрикиваетъ*).

Царь духовъ. Анна моя!
Ты же получишь
Статую ту,
Что драгоцѣннѣй
Жемчуга, злата!

Элимаръ. О, пощади, о, смилуйся надъ нами!
Не разлучай насъ! Все назадъ возьми—
Брильянты всѣ и злато съ жемчугами,
Ее одну лишь мнѣ опять верни!

Царь духовъ. Мольбы напрасны!
Имъ я не внемлю!
Въ домъ свой вернись,
Тамъ ты получишь

Статую ту,
Что драгоцѣннѣй
Жемчуга, злата!

(*Ударъ грома; Элимаръ падаетъ на землю. Перемѣна декораціи.*)

Генрикъ. Батюшки! Спасите! Все рушится! Все валится!.. Камни... Деревья... Земля убѣгаетъ изъ подъ ногъ!..

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Подземелье съ сокровищами. Седьмая статуя стоитъ на пьедесталѣ, окутанная голубымъ покрываломъ, усѣяннымъ звѣздами.

Элимаръ и Генрикъ.

Генрикъ (*приходя въ себя*). А! гдѣ же это мы?.. Баринъ! Да мы дома! Баринъ, откройте глаза! И на что все это великолѣпіе, если глядѣть на него закрытыми глазами! Баринъ! Седьмая статуя тутъ, только еще не совсѣмъ распакована!

Элимаръ. О, ты проклятая, слѣпая сила!
Меня на-вѣкъ ты счастія лишила!
Теперь не надо мнѣ твоихъ даровъ!
Я разобью на тысячу кусковъ
Ее сейчасъ! (*Бросается къ статуѣ съ поднятымъ мечомъ; покрывало спадаетъ—на пьедесталѣ Анна; раздаются тихіе звуки арфы.*)

Анна. Мой милый Элимаръ!

Элимаръ. Ты, Анна! О! небесный чудный даръ!
Да, это такъ: все, все, чѣмъ жизнь богата,
Ничто въ сравненьи съ любящей женой!
Сокровищъ блескъ померкъ передъ тобой.
Ты мнѣ дороже жемчуга и злата!

Генрикъ (*ликуетъ*). Ура! бѣдамъ насталъ конецъ!
Жена—желаній всѣхъ вѣнецъ!
Съ женою счастьемъ жизнь богата,
Не надо жемчуга и злата!

Грета (*входитъ*). Вернулся ты, о, Генрикъ мой!
Мы не разстанемся съ тобой!
Теперь насталъ бѣдамъ конецъ!
Съ тобой пойдемъ мы подъ вѣнецъ!

Генрикъ. Да, я вернулся, Генрикъ твой,
Мы не разстанемся съ тобой!

Теперь настал бѣдамъ конецъ,
Съ тобой пойдемъ мы подъ вѣнецъ!

(*обнимаетъ ее*). Грета, милочка ты моя! Хоть ты и не брильянтовая статуя... А, впрочемъ, гдѣ ты родилась?

Грета. На островѣ Борнгольмѣ.

Генрикъ. Ну, такъ ты борнгольмскій алмазъ!
Ура! настал бѣдамъ конецъ!
Жена—желаній всѣхъ вѣнецъ!
Съ женою счастьемъ жизнь богата,
Не надо жемчуга и злата!

(*Задняя стѣна раздвигается и показывается сидящій на лучезарномъ тронѣ Царь духовъ, окруженный геніями; Зефисъ, стоящій рядомъ, простираетъ руки, благословляя влюбленныхъ.*)

Хоръ духовъ. Бѣднякъ богаче богачей
Коль счастливъ онъ съ женой своей!
Дворцомъ любая станетъ хата
Царитъ гдѣ добрая жена!
Дороже всѣхъ богатствъ она,
Дороже жемчуга и злата!

Домовой (*прыгаетъ вокругъ влюбленныхъ, машетъ колпачкомъ и кричитъ:*) Ура!!

(*Занавѣсъ.*)

ГРЕЗЫ КОРОЛЯ.

Романтическая драма въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Христіернъ II, король Даніи. *)
Бентъ, старый слуга его, солдатъ.
Дворянинъ.
Сигбрита.
Дюveке.
Эрикъ Валькендорфъ.
Монахъ.
Фоборгъ, секретарь.

Дѣйствіе происходитъ въ Сёндерборгскомъ замкѣ, въ темницѣ короля Христіерна II. Маленькая сводчатая келья, съ нишами въ правой и лѣвой стѣнахъ. Въ одной изъ нишъ каминъ, въ другой альковъ, задернутый длинною занавѣсью. Входная дверь замурована; надъ нею подъ самымъ потолкомъ виденъ замѣняющій ее люкъ. Посреди кельи большой круглый мраморный столъ.

Бентъ (*сидитъ у алькова*).

Чудно́ идетъ оно на бѣломъ свѣтѣ!
Ну, думалъ-ли, гадалъ-ли я тогда,
Какъ въ Бергенѣ васъ встрѣтилъ въ первый разъ,
Что ждетъ насъ съ вами этакая доля,
Что я слуга у васъ одинъ останусь,
О, добрый мой король!.. А! Онъ заснулъ!

---

*) За послѣднимъ королемъ Уніи (трехъ соединенныхъ государствъ: Даніи, Норвегія и Швеція), Христіерномъ (старинное имя, перешедшее затѣмъ въ Христіанъ) II, правившимъ съ 1513—1523 г., утвердилось имя кровожаднаго и безумнаго тирана, что, однако, не совсѣмъ вѣрно. Христіернъ II заслуживаетъ лучшей оцѣнки хотя бы потому, что во всѣхъ его дѣйствіяхъ и поступкахъ проглядываетъ желаніе облегчить тяжелое положеніе и увеличить права порабощеннаго высшей аристократіей простого народа. Съ аристократіей же онъ дѣйствительно поступалъ слишкомъ жестоко, вслѣдствіе чего Швеція отложилась отъ Даніи, а датскіе дворяне провозгласили датскимъ королемъ дядю Христіерна, герцога Голштинскаго Фредерика I (царствовалъ съ 1523—1533 г.). Христіернъ бѣжалъ за границу, гдѣ скитался, ища помощи, девять лѣтъ, затѣмъ вернулся въ Норвегію и, довѣрившись честному слову Фредерика, обѣщавшаго ему полную свободу, отплылъ въ Данію, но былъ схваченъ и заточенъ въ Сёндерборгскій замокъ, гдѣ и сидѣлъ 27 лѣтъ и гдѣ обходились съ нимъ первое время прямо безчеловѣчно. *Примѣч. перев.*

Заснулъ король мой старый Христіернъ!
Какъ тяжело онъ дышитъ!.. Спи же съ Богомъ!
Подольше спи! Проспишь ты часомъ болѣ
И часомъ меньше плѣнникомъ пробудешь.—
Весь день-денской сижу я и болтаю,
Болтаю безъ умолку языкомъ,
Какъ маятникомъ старые часы.
Но мой король охотно внемлетъ мнѣ,
А я охотно вновь переживаю,
Разсказывая, старые года.—
Да, да!.. А что-то тамъ теперь творится?
Что дѣлается въ нашемъ государствѣ?
Когда-нибудь взойдетъ-ли Христіернъ
На тронъ опять? Какъ радъ бы былъ народъ!
Тебя любилъ онъ, ты любилъ его!
Воспитанъ самъ ты былъ ребенкомъ въ домѣ
Простого горожанина, а нынѣ
Съ солдатомъ бѣднымъ дѣлишь кровъ и пищу.
Но нѣтъ! На тронъ ты болѣ не взойдешь!
Дворянство не допуститъ: ты имъ страшенъ.
Тебѣ лишь смерть свободу принесетъ!
Пока-жъ ты живъ, тебя я не покину,
И развлекать разсказами своими,
Какъ дядька старый, я, король мой, буду!
(*слегка отдергиваетъ занавѣсъ и подноситъ къ алькову лампу*).
Хорошее лицо! И сразу видно,
Что унаслѣдовать онъ власть родился!—
Гляди-ка! Тамъ въ углу сидитъ паукъ!
Проворно онъ снуетъ свою основу...
Паукъ приноситъ счастье, говорятъ.
Кому-же? Мнѣ, иль королю?.. Обоимъ!—
Онъ сладко спитъ... спитъ мой король! Наброшу
Ему я на ноги мой старый плащъ,
Чтобъ не озябъ онъ. Я-же обойдусь:
Къ камину я присяду, тамъ тепло (*садится*).
Коль лучшаго угла у короля нѣтъ,
То мнѣ, солдату, слишкомъ хорошо здѣсь!
(*Пауза*).
Сегодня весело мнѣ что-то... Мысли
Мнѣ прошлаго картины все рисуютъ...
Да, мысли-то свободны и въ тюрьмѣ!—

Какую-то я радость сердцемъ чую...
Гмъ! И паукъ, вѣдь, то же говоритъ!
Ну, а теперь попробую соснуть.
Усталъ!.. Король давно ужъ спитъ и грезитъ!

(Слышится тихая музыка; звуки все растутъ, сцену окутываетъ туманъ; мало-по-малу онъ разсѣивается, и передъ зрителями большая, убранная по старинному комната въ тавернѣ).

Сумерки. Христіернъ, *еще молодой принцъ, одѣтый въ обыкновенное гражданское платье.* Эрикъ Валькендорфъ, Сигбрита и Дювеке.

Валькендорфъ. Что слышу? Шкиперъ Прэбенъ отплылъ? Жаль!
По сердцу мнѣ его пришлися рѣчи!

Сигбрита. Еще бы! Коль онъ съ вами былъ согласенъ,
Хотѣлъ того же, что и вы,—пуститься
Гренландію пропавшую искать!
Да, сдѣлаетесь канцлеромъ—пожалуй,
Снарядите вы корабли!

Валькендорфъ. Конечно!
Вѣдь, моряки датчане отъ природы,
А лѣса корабельнаго довольно
У насъ въ Норвегіи. Да, съ этой мыслью
Давно ношусь! Прилежно изучаю
Я книги; моряковъ, людей торговыхъ
Выспрашиваю. Прэбенъ же помогъ мнѣ
И путь морской на картѣ весь отмѣтить.

Сигбрита. Ну и положимъ, вамъ удастся. Что-жъ?
Какая польза? Для какихъ товаровъ
Откроете вы рынокъ? И оттуда
Вы будете чтó вывозить? Нѣтъ, лучше
Судьбой родного края вы займитесь.
Голландію за образецъ возьмите.
Цвѣтущая страна! Въ ней земледѣлье,
Промышленность, торговля—все цвѣтетъ.
Гренландію-жъ оставьте вы въ покоѣ:
Вамъ не она нужна, вамъ нужно имя!

Дювеке. Сочувствую желанью Валькендорфа!
И я бы снарядила корабли,
Чтобъ отыскать забытую страну.
Но это не мѣшало бъ и капусту
Мнѣ *здѣсь* сажать. Примолвить къ слову: надо

Рубить тѣ кочни, что съ дворянской спѣсью
Высоко больно головы вздымаютъ!
Ужъ я бы показала всему міру,
Что новая на тронѣ Маргарита!
А по веселью дворъ мой былъ бы первымъ!

Валькендорфъ. Меня бы приняли въ число придворныхъ?

Дювеке. О, да! Ученостью и краснорѣчьемъ
Вы взяли. Я-жъ вокругъ себя однихъ
Избранниковъ желала бъ видѣть; тѣхъ,
Чтó въ санъ высокій Самъ Господь возвелъ.

Валькендорфъ. Художниковъ, ученыхъ и поэтовъ?

Дювеке. Ну да! Всѣхъ тѣхъ, что въ мірѣ составляютъ
Аристократью истинную. Тѣхъ же,
Что лишь гербомъ кичатся, я зову,
Простыми щитоносцами. Вѣдь, имъ
Роскошный гербъ носить пришлось случайно!
Какъ королева, я такихъ бы сколько
Могла создать! Лишь гербъ навѣсить имъ,
Портной все остальное довершитъ!

Сигбрита. Дитя!

Дювеке. Я выросла, вѣдь, въ Амстердамѣ,
А тамъ живутъ чуть-чуть что не въ водѣ;
Каналы всюду. Съ нашего крылечка,
Что тоже въ воду прямо уходило,
Частенько я спускала свой корабликъ,
А имъ служилъ башмакъ мнѣ деревянный!
Я лодочкой его звала сначала,
Потомъ услышала, что всѣ вельможи,
По случаю различныхъ празднествъ, въ рангахъ
Все повышаются, и это мнѣ
Пришлось по вкусу,—въ то-же воскресенье
Я лодку въ плотъ произвела; затѣмъ
Въ баркасъ, въ корабль линейный, во фрегатъ!..
А въ сущности-то мой башмакъ, конечно,
Все тѣмъ же башмакомъ остался!

Христіернъ (*сидѣвшій все время въ нѣкоторомъ отдаленьи и внимательно слушавшій, вдругъ встаетъ*). Правда!
За вашу рѣчь готовъ расцѣловать васъ!

Дювеке (*глядя на него*). Вотъ какъ!

Валькендорфъ. Писецъ мой, что вчера пріѣхалъ.

Христіернъ (*Дювеке*). Меня вы покорили вашей рѣчью,
Умомъ и смѣлостью!

Дювеке. И башмакомъ,
Который во фрегатъ произвела?

Сигбрита (*Валькендорфу*). Своеобразное лицо! Сдается,
Рука его скорѣй къ мечу привыкла!—
Съ собой впервые привели сегодня
Вы земляка; такъ я винцомъ васъ рѣдкимъ
Французскимъ угощу за это. Выпьемъ
За Христіерна! (*пристально глядитъ на него*).

Дювеке. Датскаго медвѣдя!..
Ну, что же, выпьемъ!

Христіернъ. Славу онъ себѣ
Стяжалъ дурную!

Дювеке. Да, онъ силенъ духомъ,
Не хочетъ онъ идти путемъ обычнымъ.
Герой онъ!

Христіернъ. Назвали медвѣдемъ вы
Его; таковъ и есть онъ. Не любимъ
Онъ здѣсь въ Норвегіи. Жестоко слишкомъ
И съ Хидефадомъ Херлуфомъ и съ Карломъ—
Епископомъ онъ поступилъ!—Зачѣмъ
Вы на меня такъ смотрите?

Сигбрита. Затѣмъ,
Что очень вы похожи на него!

Христіернъ. На Карла?

Сигбрита. Васъ узнали, принцъ-намѣстникъ!

Христіернъ. Вы ошибаетесь. Я лишь похожъ
На Христіерна. Сходство это въ пользу
Пошло мнѣ,—я ему обязанъ мѣстомъ.

Валькендорфъ. Намѣстникъ нашъ, насколько мнѣ извѣстно,
Сидитъ теперь и пишетъ королю.
А вечеркомъ, попозже, долженъ онъ
Быть на балу, что въ ратушѣ сегодня,

Даютъ знатнѣйшіе изъ гражданъ нашихъ.
Всѣ улицы давно полны народомъ!

Дювеке. Такъ вы не Христіернъ? И не хотите
Быть имъ? Пусть такъ! Тѣмъ лучше,—я свободнѣй
Могу вглядѣться въ васъ. Поближе къ свѣту!
Такъ, значитъ, вотъ каковъ принцъ Христіернъ!

Христіернъ. Таковъ! И это вамъ какъ разъ по вкусу,
Что не похожъ онъ на другихъ людей?

Дювеке. Меня вся жизнь его плѣняетъ. Сказкой,
Старинной хроникой звучатъ разсказы
О принцѣ, отданномъ на воспитанье
Простому горожанину и пѣвшемъ
На хорахъ вмѣстѣ съ бѣдными дѣтьми.

Валькендорфъ. А послѣ—стражу подкупивъ, онъ часто
Дворецъ отцовскій ночью покидалъ
И пировалъ у бюргеровъ простыхъ.

Христіернъ. За что отецъ суровый дралъ нещадно
Его плетьми, какъ всякаго повѣсу.

Дювеке. Онъ любъ мнѣ, этотъ сказочный герой!

Сигбрита (*съ виномъ*). Ну вотъ и я съ виномъ! (*съ улицы доносятся шумъ и крики*) Кричатъ-то какъ!
Народъ всю улицу запрудитъ скоро.

Валькендорфъ. Пускай кричатъ. Иначе чернь не можетъ:
Безъ крика ей веселье не въ веселье!

Сигбрита. Да тутъ не чернь одна!.. Тутъ и дворяне!..
(*уходитъ въ первую комнату*).

Валькендорфъ. Итакъ, здоровье принца Христіерна!
Господь храни и укрѣпи его!

Дювеке. Его возлюбленной того желаю!

Христіернъ. Зачѣмъ бы это? Не нашелъ пока онъ
Себѣ возлюбленной. Когда жъ найдетъ —
Ее счастливой сдѣлать онъ сумѣетъ!

Дювеке. О, нѣтъ! Себя лишь одного онъ любитъ!
Но это кстати: это и толкаетъ
Его къ величію!—Онъ королеву
Себѣ, конечно, сыщетъ и на тронѣ

Сидѣть съ ней рядомъ, какъ съ подругой будетъ.
Но будетъ любъ онъ ей? Она ему?..
Да, повторю опять: Господь спаси
И укрѣпи ее!

Христіернъ. А если онъ
Ее дѣйствительно полюбитъ? Если
Любить себя въ ней самого онъ будетъ?..
Да такъ и есть! Увѣренъ въ этомъ я! (*схватываетъ ее за руку*).

Дювеке. Пустите!.. Писарь!.. Валькендорфъ! Нечестно
Такъ поступать! Вы обманули насъ!—
Не писарь—принцъ переодѣтый вы!

Христіернъ. Я Христіернъ! Вы угадали! Что же?
Не можемъ развѣ мы друзьями быть?
Я много слышалъ о красѣ твоей...
Теперь воочію ее увидѣлъ...
А о моемъ лицѣ что скажешь? Правда-ль
Оно такъ страшно?

Дювеке. Нѣтъ, сейчасъ оно
Въ нарядѣ праздничномъ! Оно прекрасно!..
Меня вы поняли? Въ другое жъ время
Оно, я знаю, можетъ испугать.

Сигбрита (*входитъ*). Тамъ просто бунтъ! Какой-то дворянинъ
Напился пьянъ и уложилъ на мѣстѣ
Простого бюргера! Народъ кварталъ
Весь оцѣпилъ!.. Скорѣе запереться!.. (*быстро уходитъ*).

Христіернъ. Такъ вотъ какъ! Пьяный дворянинъ убилъ
Простого бюргера!.. Убилъ!.. Зазнались
Вы, дѣти крови! Ладно, утолю
Я вашу жажду!—Эрикъ Валькендорфъ!
Скачи, не медля, во дворецъ! Оттуда
Вернись съ солдатами! Разсѣй толпу,
А дворянина мнѣ на судъ представь!

Валькендорфъ. Исполню все!

Христіернъ. За мужиковъ и гражданъ—
Страны ядро стоять никто не хочетъ,
Такъ постою же я!.. Скорѣе, Эрикъ!

Валькендорфъ. Я здѣсь найду васъ?

Христіернъ. Во дворцѣ!.. Ступай!

(*Валькендорфъ уходитъ; шумъ то усиливается, то затихаетъ*).

Я помню въ библіи о дѣлѣ зломъ—
Іосифа продажѣ говорится:
Богъ дѣло злое обратилъ въ добро.
Вотъ такъ же зла желали мнѣ тѣ люди,
Благодаря которымъ въ дѣтствѣ я
Былъ удаленъ отцомъ изъ дома, отданъ
На воспитанье бюргеру простому,—
Богъ дѣло злое обратилъ въ добро!
Я научился людъ простой любить,
Цѣнить крестьянъ и гражданъ—корень тотъ,
Который соками питаетъ стволъ
И крону древа-государства! Сгибнетъ
Оно безъ корня, я и охраняю
Тотъ корень. Если же дворянамъ быть
Плодами добрыми охоты нѣтъ,
Я оборву ихъ, не жалѣя! Сами
Они примѣръ мнѣ подали жестокій,
Какъ поступать съ подвластными намъ можно!

Дювеке. О, благородный принцъ! Лишь рѣчи ваши
Жестоки! Люди не поймутъ, быть можетъ,
Васъ такъ, какъ должно, я-же понимаю!
Вы сильны духомъ, сильны волей!.. Богъ,
Всѣмъ міромъ правящій, и васъ направитъ
На должный путь!—Прощайте! Увидала
Теперь такимъ васъ, какъ того желала! (*хочетъ уйти*).

Христіернъ. Одну минуту! Я сказать хочу
Еще вамъ что-то.—Къ цѣли прямо я
Пойду!—Давно о вашей красотѣ
Отъ Валькендорфа слышалъ, а теперь
Въ ней убѣдился самъ. Прекрасны вы!
И даже болѣ, чѣмъ прекрасны! Въ васъ
То сочетанье рѣдкое тѣлесной
Красы съ духовной!.. Сердце покорили
Мое вы!—Долженъ я сейчасъ уйти,
Но прежде съ васъ беру я обѣщанье
На балъ явиться въ ратушу! Васъ встрѣтитъ

Тамъ Валькендорфъ и проведетъ обѣихъ—
И вашу мать и васъ ко мнѣ! Ни слова!
Иначе балъ задамъ я во дворцѣ
И позову туда васъ! Вы придете!

Дювеке. Вы такъ увѣрены!

Христіернъ. Да, вы должны!
Я васъ люблю!.. Каковъ теперь отвѣтъ вашъ?

Дювеке. Будь я принцессой—былъ бы мой отвѣтъ,
Конечно, «да», но такъ какъ я лишь дочь
Простой трактирщицы, то...

Христіернъ. То?..

Дювеке. То... нѣтъ!

Христіернъ. Вотъ что! Принцессою могла бы ты
Меня любить, теперь-же—нѣтъ! Супругой
Ты быть не прочь; любовницей—стыдишься!

Дювеке. Меня вы поняли не такъ! Причислить
Поторопились къ женщинамъ ничтожнымъ!
Я не изъ ихъ числа! Люби я васъ
Любовью истинною—отдалась бы
Я вамъ всецѣло,—что мнѣ судъ людской?
Судью правдивѣе ношу я въ сердцѣ!—
Не устрашили бы меня насмѣшки,
Когда бы знала, что могу счастливѣй,
Добрѣй и лучше сдѣлать я того,
Кого всѣмъ сердцемъ полюбила!

Христіернъ. Да!
Его ты можешь лучше и добрѣе,
Счастливѣй сдѣлать! Дювеке моя!
Благословлять тебя весь сѣверъ будетъ!—
О трехъ валкиріяхъ, я помню, слышалъ,
О сестрахъ трехъ, которыя всегда
Летали вмѣстѣ объ руку рука.
Такими-жъ сестрами родными можно
Назвать и Данію съ Норвегіей
И Швеціей! Одна въ ихъ жилахъ кровь!
И заключить хочу въ свои объятья
Всѣхъ трехъ и жить всѣмъ тремъ на благо! Ты
Мнѣ въ томъ поможешь!

Дювеке. Принцъ!

Христіернъ. Отвѣть же мнѣ,
Отвѣть по чести!

Дювеке. Вы переодѣтымъ
Сюда явились, къ хитрости прибѣгли,
Отвѣта-жъ честнаго хотите! Впрочемъ,
Его дала ужъ вамъ!

Христіернъ. О, не старайся
Улыбку скрыть!.. Я знаю, мать твоя
Мнѣ не откажетъ—явится на балъ.
А съ ней и ты... и ты... молю!

Дювеке. Во всемъ я
Повиноваться ей готова!

Христіернъ. Ей
И—сердцу, Дювеке! Моя голубка, *)
Спустись въ ковчегъ мой и маслины вѣтвь
Въ мою вплети корону!

Дювеке. До свиданья!

Христіернъ. Такъ ты..?

Дювеке. Я дочь послушная!..

Христіернъ. А мать
Придетъ, навѣрно!.. Будешь танцовать?

Дювеке. Забыть хочу я въ танцахъ о коронѣ!

Христіернъ. И я, съ тобой танцуя, все забуду!

(*Дювеке убѣгаетъ; Христіернъ смотритъ ей вслѣдъ. — Музыка внезапно смолкаетъ, на сценѣ снова темнѣетъ, и передъ зрителями опять темница. Слышатся тихіе звуки стариннаго танца. Изъ алькова доносится голосъ Христіерна*).

Христіернъ. Еще одинъ, одинъ лишь туръ, голубка!

Бентъ (*вскакиваетъ*). Король, вы бредите!

Христіернъ. Я брежу, да!
Я днями юности прекрасной брежу!
Она умчалась, какъ и все умчалось,
Что было свѣтлаго!.. Дай руку мнѣ!
Еще я вѣрю въ дружбу! (*Пауза.*) Какъ же долго
Воспоминанья старыя хранятъ

*) Дювеке—голландское имя, означающее „голубка". *Примѣч. перев.*

Свой ароматъ, какъ тѣ фіалки, что
По многу лѣтъ лежатъ, какъ память, въ книгахъ!
Фіалки... Имя Дювеке, вѣдь, такъ же
Благоухаетъ!.. (*опять засыпаетъ*).

Бентъ. Спитъ опять! Спи съ Богомъ!—
Ему приснились счастья дни былого!
Приснилась Дювеке!.. Да, да! Я помню
Тотъ балъ, что въ ратушѣ былъ данъ. Я самъ
На немъ присутствовалъ,—драбантомъ былъ я.
Гремѣла музыка... веселье... танцы...
Толпы блестящихъ дамъ и кавалеровъ...
Одна лишь знать! Вдругъ въ боковыя двери
Ввели двухъ женщинъ: старшая была
Сигбрита, младшая-же дочь ея.
Какъ всѣ таращились на нихъ, на дочь
Простой трактирщицы! Намѣстникъ самъ
Ее на танецъ пригласилъ!.. Эхъ, юность!
Кто не былъ молодъ, не любилъ?—Вдругъ въ залъ
Вошелъ гонецъ: «король опасно боленъ!»
Немедля принцъ уѣхалъ, а затѣмъ
Взошелъ на тронъ. Въ столицѣ скоро былъ
Построенъ домъ—ну, что твоя игрушка!
То приготовилъ золотую клѣтку
Своей голубкѣ Христіернъ. Увы!
Она отравленныхъ поѣла вишенъ
И умерла.—О, пусть же грезы счастье
Передъ тобой былое воскресятъ!
Пусть не тревожитъ сонъ твой крови видъ!
Она рѣкой лилась и... льется!—Что-то
Нашъ Копенгагенъ? Взятъ-ли?.. Голова
Болитъ отъ скорбныхъ думъ! Прилягу!.. Спи-же,
Король мой! Грезь о Дювеке своей! (*прислоняется головой къ камину. Снова начинается музыка и декорація опять мѣняется. Просторная комната въ домѣ Дювеке и Сигбриты въ Копенгагенѣ*).

Монахъ (*глядя въ окно*). Да вотъ толпа тамъ у воротъ стоитъ!
И все, вѣдь, знать!.. Частенько ихъ Сигбрита
Тамъ на морозѣ заставляетъ ждать!

Фоборгъ (*входитъ съ корзиной вишенъ*).
Отецъ мой! (*останавливается въ дверяхъ*).

Монахъ. А! тебя, небось, впустили!
Да! Торбенъ Оксе съ слугами своими
Сюда дорожку знаетъ! Отъ него ты?

Фоборгъ. Онъ вишни Дювеке прислалъ вотъ эти!

Монахъ. А гдѣ-жъ письмо?

Фоборгъ. Да никакого нѣтъ!

Монахъ. Такъ на словахъ что долженъ передать?
Остерегись солгать! Твой духовникъ я!
Неправды каждое словечко станетъ
Меча стальнаго остріемъ, и ты
Пойдешь по нимъ къ Царя царей престолу!
Такъ безъ утайки мнѣ повѣдай все!

Фоборгъ. Не искушай меня! И такъ я грѣшенъ!

Монахъ. Кто лучше Бога и меня то знаетъ?
Мнѣ и твои, и Торбена, и даже
Всѣ Дювеке грѣхи извѣстны! Любятъ
Они другъ друга и бѣжать хотятъ!

Фоборгъ. О, Боже, Боже!

Монахъ. Грѣшникъ недостойный!

Фоборгъ. Сказалъ не я вамъ это! Ихъ не предалъ!

Монахъ. Чистосердеченъ будь! Открой мнѣ все!

Фоборгъ. Мой господинъ велѣлъ мнѣ эти вишни
Отдать ей въ собственныя руки!

Монахъ (*беретъ у него корзинку*): Отдалъ!—
Ея я правая рука! Она
Ее ведетъ къ спасенью!—Ну, скорѣй
Мнѣ говори, что знаешь объ ихъ бѣгствѣ!
Но помни, всѣ твои грѣхи я знаю,
Хоть и молчу о нихъ. Поставщиковъ
Счета фальшивые...

Фоборгъ. О, пощадите!
Скажу я все! Мнѣ кажется... что шлетъ...
Онъ вишни въ знакъ... что все готово... Долженъ
Я ей сказать: «Теперь онѣ созрѣли!»
Должно быть... кажется... сегодня въ ночь!..

Монахъ. Сегодня въ ночь!.. (*тихо*). Такъ умереть пора ей!

Фоборгъ. Что говорите вы! О, я, несчастный!
Меня вы губите!.. Зачѣмъ вы это?!...

Монахъ (*слегка отвернувшись, поливаетъ ягоды жидкостью изъ пузырька*).
Закрой глаза, какъ закрываю я
Свои на всѣ твои грѣхи!

Фоборгъ. О, Боже!
Меня погубите вы!

Монахъ. Да, коль слово
Одно ты скажешь! (*отдаетъ ему корзинку*).
Вотъ, бери!.. Идутъ!

Дювеке (*входитъ*). Отецъ святой! Заставила васъ ждать!..
А, Фоборгъ!.. Блѣденъ ты! Должно быть, строго
Святой отецъ съ тобою обошелся!

Монахъ. Такъ надо!

Дювеке. Развѣ здѣсь исповѣдальня?
(*Фоборгу*). Ты что принесъ? Ахъ, вишни! Такъ уже...
Созрѣли?

Фоборгъ. Да, «теперь онѣ созрѣли!»

Дювеке. Такъ господину передай поклонъ
И благодарность!

Фоборгъ (*падая на колѣни*). О, молю, простите!
И помолитесь за меня!

Дювеке. Что это?
Что съ нимъ? Онъ боленъ!

Монахъ. Словомъ увѣщанья
Я пробудилъ въ немъ совѣсть! (*Фоборгу*). Ты прощенъ!
Ступай!

Фоборгъ (*закрываетъ лицо руками и, шатаясь, уходитъ*).

Дювеке. Да что такое? Что онъ сдѣлалъ?
Вы, вѣрно, слишкомъ строги были съ нимъ!
Мы грѣшны всѣ!

Монахъ. И этимъ утѣшаться?!
Вамъ Торбенъ Оксе эти вишни шлетъ
Эмблемой сердца грѣшнаго плода—
Любви межъ вами!

Дювеке. Что вы говорите?
Любовь межъ мной и Христіерномъ, та
Была бъ дѣйствительно теперь грѣхомъ!
Теперь онъ мужъ Елисаветы!.. Тою
Любовью оба мы когда-то такъ
Гордились! Нынѣ ужъ не то! Я старше
Успѣла стать и думаю иначе!
Въ любви же къ Торбену не признавалась
Я вамъ, отецъ, и не просила васъ
Мнѣ отпустить ее, какъ грѣхъ! Ея
Я не считаю грѣшной! Онъ свободенъ!

Монахъ. Свободенъ? Развѣ онъ не связанъ знатной
Своей родней? На васъ женитьба всѣхъ
Ихъ оскорбитъ... чтобъ не сказать похуже!

Дювеке. Монахъ!.. Не стоитъ, впрочемъ, горячиться...
Еще не время! Кончимъ это! — Вотъ, (*предлагаетъ ему ягодъ*).
Хотите ягодъ? Спѣлыя! Возьмите
Да мнѣ о странствіяхъ поразскажите
Своихъ.

Монахъ. Не трону ихъ я, да и вамъ
Совѣтъ мой бросить ихъ, а съ ними вмѣстѣ
И мысль грѣховную! Родня его
Васъ не потерпитъ! Да и самъ онъ васъ
Несчастной сдѣлаетъ! Пройдетъ пылъ первой
Любви, а тамъ—раскаянье придетъ!
Родней отвергнутый, возненавидитъ
Свою голубку онъ! Повѣрьте мнѣ!

Дювеке. Кто говоритъ о томъ, что любимъ мы
Другъ друга?

Монахъ. Всѣ и каждый при дворѣ,
Глаза и щеки ваши, наконецъ!..
Но не забудьте—Богъ не дремлетъ! Ядомъ
Любой цвѣточекъ напитать Онъ можетъ...
И даже ягоды вотъ эти!.. Дьяволъ
Васъ искушаетъ! Вы въ борьбу вступить
Съ нимъ не хотите—Богъ васъ покараетъ!..
И часъ возмездья близокъ!

Дювеке. Нѣтъ, Онъ добръ!
Вѣдь, Онъ блудницу даже пожалѣлъ!

Монахъ. Ученьемъ Лютера и вы успѣли
Ужъ заразиться! Но скажите мнѣ:
Стояла падшая та передъ Нимъ
Такъ вызывающе, какъ вы? Нѣтъ! Въ прахѣ
Она лежала, казни ожидая!

Дювеке. Ну, если пала я, такъ Онъ же мнѣ
Поможетъ встать!

Монахъ. Падешь еще ты ниже!
Какъ Люциферъ! (*уходитъ*).

Дювеке. Что онъ сказалъ!.. Спаситель
И ты, Пречистая! Меня, молю,
Вы не оставьте!.. Долго я боролась
Съ собой, обдумывала, размышляла...
Нѣтъ! Не грѣшу своей любовью я
Ни передъ Богомъ, ни предъ Христіерномъ!—
О, какъ любить умѣетъ Торбенъ! Ради
Меня онъ родину, родныхъ и власть
Забыть готовъ! Бѣжимъ мы въ ночь сегодня! —
Такъ вы «созрѣли», вишни—даръ послѣдній,
Что посылаетъ мнѣ онъ здѣсь!.. Еще,
Быть можетъ, много лѣтъ та вишня будетъ
Весной цвѣтами, осенью плодами
Вся убираться, но—не для него!
Съ нея ужъ вишенъ не сорветъ мой Торбенъ!
Судьба, Богъ вѣсть, куда его забросить!
И съ нимъ меня!.. Но съ милымъ всюду рай! (*ѣстъ вишни*).
Быть можетъ, ласточка разскажетъ вишнѣ
О нашихъ странствіяхъ!—«Не дремлетъ Богъ!
Онъ можетъ ядомъ напитать цвѣтокъ!
И даже ягоды вотъ эти»! Строгъ ты,
Монахъ, ужъ слишкомъ! Богъ же милосердъ! (*опять ѣстъ вишни*).
— Какія сладкія!—Мнѣ жаль лишь мать!..
Меня простишь-ли ты, моя родная!..

Сигбрита (*входитъ*). Ты здѣсь! Здѣсь холодно!—Тебѣ къ обѣднѣ
Идти пора!.. Ты дѣвушку съ собой
Возьми! (*смотритъ въ окно*). Что любо вамъ теперь порогъ
Мой обивать, спѣсивые дворяне?

Да, подежурьте нынче у воротъ
«Простой трактирщицы»!

Дювеке. Хоть отъ окна-то
Ты отошла-бы, матушка! Зачѣмъ
Ихъ такъ дразнить? Прими ихъ! За совѣтомъ
Къ тебѣ, за помощью они пришли!

Сигбрита. Вотъ то-то! Вижу ихъ насквозь! Явились
Ко мнѣ за помощью, а сами «вѣдьмой»
Меня зовутъ! Во всѣхъ несчастьяхъ ихъ
Виновна я! Костра давно достойна!

Дювеке. Дрожу я часто, матушка, за васъ—
За Христіерна и тебя! Желѣзной
Рукой вы правите! Но и желѣзо,
Вѣдь, сокрушить возможно! Знаю, ждутъ
Дворяне датскіе давно минуты
Удобной! Герцогъ Голштинскій давно
Ужъ Христіерну недругъ! Любекъ тоже!
Народъ же... Да!.. Конечно, крѣпко любитъ
Онъ Христіерна... но народъ такъ слабъ!
Они рабы, и рабскія въ нихъ души!

Сигбрита. Пустое! Проченъ Христіерна тронъ!
Не пошатнется! Нынѣ породнился
Къ тому же съ Австріей онъ сильной!.. Нѣтъ!
Онъ будетъ властвовать, а съ нимъ и я!..
Пусть злится Любекъ! Больно ужъ завистливъ!
Бояться нечего намъ и дворянъ!..
Цвѣтущей Данія страной такой-же
Какъ и Голландія, я вѣрю, станетъ!
Оттуда родомъ, вѣдь, недаромъ мы—
И королева и (*указывая на себя*) министръ! Сюда
Переселить успѣли мы ужъ много
Голландцевъ добрыхъ! Пусть датчанъ научатъ
Они ремесламъ, земледѣлью! Пусть
Ея промышленность поднимутъ!

Дювеке. Да!..
Но что народъ на это говоритъ?
Купцы изъ Любека? И всѣ дворяне?

Сигбрита. И Торбенъ Оксе? Да?—Тебя недавно
Онъ посѣтилъ опять... Что преданъ онъ

Тебѣ—я знаю; но опасенъ также!..
Откуда вишни эти?

Дювеке. Отъ него.
Принесъ ихъ Фоборгъ. Торбена же я
Дня два, пожалуй, не увижу!

Сигбрита. Значитъ,
Ты имъ тѣмъ больше будешь занята!..
Меня, вѣдь, трудно провести!—Признайся
Во всемъ мнѣ! Вѣрь, дитя: надежнѣй друга,
Чѣмъ мать, ни въ комъ ты не найдешь! Тебя...
Но, Боже! Что съ тобой?! Ты поблѣднѣла!..

Дювеке. Мнѣ дурно... Боже! Все горитъ внутри!..

Сигбрита. Дитя! Ко мнѣ!.. Сюда... Присядь!..

Дювеке. Монахъ!
Теперь слова твои я понимаю!..

Сигбрита. Сюда! На помощь!

Дювеке. Я горю вся!.. Ядъ!..

Христіернъ (*входитъ*). Что это значитъ?!—Дювеке моя!

Сигбрита. Она умретъ!.. Дитя мое!..

Дювеке. Король!
Вы здѣсь!.. Туманъ насъ раздѣляетъ!.. Тяжко!..
Горю я, матушка!.. О, Торбенъ!.. (*умираетъ*).

Сигбрита. Яду
Ей дали въ вишняхъ!..

Христіернъ. Адъ и смерть!

Сигбрита. Скончалась!..

Христіернъ. Сказала: Торбенъ... Торбенъ Оксе? Да?

Сигбрита. Да, вишни онъ прислалъ ей!

Христіернъ. Умерла
Моя голубка!.. Нѣтъ! Нѣтъ! Быть не можетъ!
Га! Торбенъ Оксе! Га! Какъ ни высокъ ты,
Я доберуся до тебя! Палачъ
Тебя казнитъ! Я крови жажду, крови!

(*Музыка внезапно смолкаетъ, разрѣшившись дикимъ диссонансомъ; декорація снова мѣняется,—передъ зрителями опять темница. Бентъ привстаетъ и прислушивается къ голосу Христіерна, раздающемуся изъ альковa.*)

Христіернъ. Я крови жажду!

Бентъ. Кровь ему приснилась!..
Она рѣкой лилась въ Стокгольмѣ! Кровь
И виноватыхъ и невинныхъ! Словно
Свирѣпый смерчъ, что губитъ и съ плодами
Деревья—всѣхъ губилъ ты безпощадно!
Твой ангелъ добрый—Дювеке тогда
Тебя покинула уже!.. Бѣдняжка
Была отравлена! И ты, какъ тигръ,
Разсвирѣпѣлъ, почуявъ кровь!.. Дворяне
Съ народомъ такъ-же поступали. Но,
Вѣдь, то, съ народомъ чернымъ! Съ нимъ-то можно
Какъ со скотомъ какимъ-то поступать!
А ты, ты вздумалъ за дворянъ приняться!
Ты окарнать задумалъ крылья хищнымъ
И гордымъ вранамъ! Тутъ-то по странѣ
Ихъ злое карканье и раздалося
О «Христіернѣ Кровожадномъ»!.. Нѣтъ!
Ты другомъ бѣдныхъ былъ! Твоей рукою,
Когда законы ты писалъ, водили
И умъ и сердце! Но твой геній злой
Ее подталкивалъ, когда она
Бралась за мечъ! И датское дворянство,
Тобой напуганное, предалось
Врагу. За помощью ты обратился
Къ роднѣ и отплылъ зá-море съ семьей.
Стоялъ въ тотъ день я на валу и видѣлъ:
Народъ вдоль берега бѣжалъ, корабль
Твой провожая... Плакали всѣ горько...
И я заплакалъ...—Былъ обманутъ ты
Въ своихъ надеждахъ, мой король! На дружбу
Тотъ не надѣйся, кто въ размолвкѣ съ счастьемъ!
(*Пауза*).
Твоя супруга умерла, а дѣти
Разбросаны по свѣту... Гдѣ лежитъ
Сигбриты старой прахъ—никто не знаетъ!
А ты, король мой, гдѣ ты ни блуждалъ,
Ища друзей и помощи! На мигъ лишь
Блеснулъ надежды лучъ и—обманулъ!
Повѣрилъ недруга ты обѣщанью,

Вернулся въ Данію, и вотъ—въ тюрьмѣ!
Цари земные! Чтó вся ваша власть
Когда Небесный Царь васъ покидаетъ!..

(*садится возлѣ алькова и прислоняется головой къ кровати*).

Къ твоей постели прислонить хочу
Свою сѣдую голову, король мой!
Заря ужъ брезжитъ, я же не успѣлъ
И отдохнуть порядкомъ!—Бентъ до гроба
Тебѣ служить, король мой старый, будетъ;
Какъ пудель вѣрный, спать у ногъ твоихъ,—
Умрешь—могилу сторожить твою!

(*Засыпаетъ; начинается тихая торжественная музыка; слышатся мотивы погребальныхъ псалмовъ; съ ними сливаются звуки утреннихъ молитвъ, раздающихся за стѣнами темницы; въ рѣшетчатыя окна ударяютъ лучи солнца*).

Христіернъ (*просыпаясь*). Проклятье! Горе!.. Бентъ!—Ахъ нѣтъ! Все это
Мнѣ лишь пригрезилось! (*отдергиваетъ занавѣску и еще нѣсколько времени сидитъ на краю постели; онъ сѣдъ, одѣтъ въ грубое простое платье*).

Темница та-же!

(*смотритъ на Бента*).

Какъ крѣпко спитъ товарищъ вѣрный мой!..
Что мнѣ пригрезилось! Вся жизнь моя
Передо мной какъ будто промелькнула.
Я молодъ былъ опять... съ своей голубкой
Бесѣду велъ я въ Бергенѣ... Потомъ-же
Я въ Копенгагенъ перенесся, гдѣ
Ее убили!.. Я какъ будто самъ былъ
Всему свидѣтелемъ незримымъ.—Да!
Сгубили Дювеке мою!.. Туманомъ
Заволоклась вся жизнь моя, и кровь
Ручьями хлынула!—Нарушить клятву
Не постыдились датскіе дворяне!
Изгнанникомъ въ землѣ чужой бродилъ я,
А на моемъ престолѣ иноземецъ
Голштинскій герцогъ возсѣдалъ спокойно!—
Потомъ опять приснился Бергенъ мнѣ.
Оттуда въ Данію я отплылъ, слову,
Врагомъ мнѣ данному, повѣривъ слѣпо!..

То было ночью; на кормѣ стоялъ я...
Передо мной лежалъ мой Копенгагенъ!
Мы королевскаго посланца ждали...
Вдругъ надъ водой всплыла морская дѣва...
Она на Дювеке была похожа!
И грустнымъ голосомъ она запѣла:
«Обманутъ ты и преданъ, мой король!»
И вотъ, корабль нашъ съ якоря снялся
И поплылъ къ Сёндерборгу! Красный замокъ,
Что въ Зундъ глядится, сталъ моей тюрьмой!
Слуга мой, карликъ бѣдный, плакалъ горько,
Твердя мнѣ то же: «Ты обманутъ низко
И преданъ, мой король!» Да, я былъ преданъ!—
Во снѣ всю жизнь я снова пережилъ!
Сонъ кончился, но нѣтъ конца неволѣ!
Я посѣдѣть успѣлъ въ тюрьмѣ!.. А, вѣдь,
Задатки добрые во мнѣ таились...
Любовью я горѣлъ къ родной странѣ.
Но Царь царей судилъ мнѣ въ узахъ кончить
Мой вѣкъ! Теперь одинъ мнѣ путь—вокругъ
Стола вотъ этого. И въ камнѣ твердомъ
Мой палецъ борозду уже провелъ!...
Мнѣ снятся сны въ темницѣ, Фредерику—
Въ гробницѣ золотой о томъ, что сдѣлалъ
Со мною онъ!.. Нѣтъ! Мнѣ-ли осуждать!...
Какъ славно свѣтитъ солнышко въ окно!
Ахъ, если бы теперь въ зеленый лѣсъ,
На волю!.. Какъ тамъ хорошо!.. А что-то
Творится въ Даніи? Народъ мой бѣдный!
Междоусобица, война!.. (*преклоняетъ колѣна*). О, Боже,
Даруй ты Даніи злосчастной миръ!
Повырви съ корнемъ сорныя всѣ травы,
Что пьютъ изъ почвы, изъ народа соки!
Обрѣжь дворянамъ—вранамъ хищнымъ, крылья!
Простри свою десницу надъ страной!
Посѣй въ народахъ сѣвера скорѣе
Любви и дружбы сѣмена! Пускай
Сердца ихъ братскою горятъ любовью,
Какъ въ Даніи гербѣ они горятъ! *)

*) Намекъ на пылающія въ датскомъ гербѣ сердца. *Примѣч. перев.*

(До слуха короля долетаютъ напѣвы утреннихъ псалмовъ; онъ стоитъ съ минуту, погруженный въ думы; люкъ на верху въ стѣнѣ открывается; оттуда спускаютъ лѣстницу, и по ней сходитъ рыцарь.)

Рыцарь (*спускаясь, говоритъ кому-то наверху*).

Одинъ спущусь! Мнѣ никого не надо!
Лишь лѣстницу держите крѣпче!—Вотъ
Я и спустился! (*Христіерну*). Къ вамъ посломъ явился
Я, благородный господинъ мой!

Христіернъ. Какъ?
Одни вы? Вамъ позволили со мною
Наединѣ поговорить? Скорѣе
Скажите мнѣ, что Копенгагенъ?
Все осажденъ? И кто послалъ ко мнѣ васъ?

Рыцарь. Все въ Даніи теперь спокойно! Сняли
Осаду съ Копенгагена, и правитъ
Страною Третій Христіанъ!.. Велѣлъ
Онъ мнѣ привѣтъ сердечный передать вамъ
И вотъ письмо! (*подаетъ письмо*).

Христіернъ. Дай Богъ ему успѣха!
Онъ любитъ Данію! Пусть съ миромъ носитъ
Вѣнецъ тяжелый королевскій!

Рыцарь. Вамъ,
Конечно, вѣдомо, мой господинъ,
Что испытать пришлось землѣ родной
По смерти дяди вашего. Дворянство
И духовенство высшее нарочно
Ему преемника не избирали,
Чтобы самимъ хозяйничать въ странѣ!
Пошли раздоры... смуты... Графъ Христофферъ
Съ войсками высадился, началась
Междоусобная война!.. А Любекъ
Послалъ войска въ Голштинію. Ранцау,
Однако, ихъ отбросилъ со стыдомъ.
Ютландцы и Фіонцы королемъ
Признали Христіана, но мятежный...

Христіернъ. Да, шкиперъ Клементъ! Чѣмъ онъ кончилъ?

Рыцарь. Скоро
Его счастливая звѣзда померкла!

И голова его теперь въ свинцовой
Коронѣ выставлена на показъ!
Да, «распрю графскую» забудемъ мы
Не скоро!..

Христіернъ. Копенгагенъ! Съ нимъ что было?

Рыцарь. Да худшіе его враги скрывались,
Вѣдь, въ немъ самомъ! Къ нимъ голодъ и болѣзни
Еще прибавились, и Копенгагенъ
Открылъ мнѣ ворота! И на колѣняхъ
О милости просили герцогъ Альбертъ
И графъ Христофферъ. Христіанъ въ столицу
Вступилъ торжественно. Низвергнулъ онъ
Крамольниковъ-епископовъ и ввелъ
Въ странѣ ученье Лютера!..

Христіернъ. Вотъ радость!
Благодарю тебя за то, мой Боже!
Тебя же, Христіанъ, благословляю!..

Рыцарь. Вы плачете, мой господинъ!..

Христіернъ. Да, плачу!
Что-жъ мнѣ еще осталось старику,
Невольнику?.. Лишь плакать!..

Рыцарь. Съ этихъ поръ
Вамъ предоставятъ бóльшую свободу!
Такъ повелѣлъ король! — Письмо прочтите!
Не можетъ онъ пока освободить
Совсѣмъ васъ!.. Надо дать страстямъ улечься!

Христіернъ. Сливаются всѣ буквы... Слабы стали
Мои глаза! (*опирается на столъ*).

Рыцарь. Дадутъ вамъ помѣщенье
Получше. Будете въ саду гулять,
На свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ...

Христіернъ. Какъ!
На воздухъ выйду!.. Море я увижу!..
О, вы съ собою жизнь мнѣ принесли!..
Глаза туманъ мнѣ заволокъ, но вижу
У васъ я слезы на глазахъ, мой рыцарь!
Лицо знакомо ваше мнѣ, но гдѣ
Я видѣлъ васъ—не помню... Были вы
Такъ молоды тогда... Не брежу-ль я?
Вы такъ похожи на... на Христіана!

Рыцарь (*протягивая ему руку*). Къ тебѣ пришелъ онъ, Христіернъ!

Христіернъ. Кузенъ!
Мой другъ и Даніи король!

Христіанъ III. Пусть Богъ
Ее хранитъ, и ты вздохни свободнѣй!

Христіернъ. Благодарю тебя! Ты вечеръ жизни
Моей лучами солнца освѣтилъ!..
Дневной свой путь ужъ я прошелъ!

Христіанъ III. Такъ пусть
Хоть вечеръ будетъ ясенъ твой!—Увы!
Нельзя съ тобой мнѣ властью подѣлиться:
Одинъ страною править долженъ...

Христіернъ. Ты!
Вѣнецъ по праву твой! Его стяжалъ ты,
Какъ рыцарь истинный!—Но помни Бога
Ты, царствуя! Тебѣ примѣромъ я
Могу служить, что значитъ власть земная!
Меня вѣнчали три вѣнца, а нынѣ
Мое все царство—этотъ уголокъ,
А злато—солнышка лучи въ окнѣ!

Христіанъ III. Сюда изъ Фленсборга заѣхалъ я.
Со мною свиты нѣтъ; лишь двое-трое
Изъ самыхъ близкихъ лицъ. Одинъ смотритель
Тюрьмы объ этомъ посѣщеньи знаетъ.
Оно исторіи принадлежать
Не должно! Сердцу повинуясь, я
Къ тебѣ пришелъ. Сердечное пожатье
Краснорѣчивѣй словъ!—Такъ не питай-же
Ты злобы къ мертвымъ! Вспомни, всѣ мы грѣшны!

Христіернъ. Мои грѣхи напишутъ на скрижаляхъ
Исторіи—мои враги!

Христіанъ III. Зато
Отсюда, изъ твоей темницы, голосъ
Твои вины смягчающій раздастся!
Да вспомнятъ люди и добро, что ты
Народу дѣлалъ! Время справедливо!

Христіернъ. Вчера въ окно крыломъ ударилъ лебедь,
И я подумалъ: смерть моя близка!
Но нѣтъ! То мнѣ свободу предвѣщало!..

Христіанъ III. Въ нашъ Каллундборгскій замокъ ты уѣдешь.

Тамъ чудная охота ждетъ тебя,
И ловля рыбы!.. Дай лишь всѣмъ страстямъ
Улечься, и корабль мой королевскій
Тебя туда доставитъ!.. Ты доволенъ.
Мнѣ это говоритъ твое пожатье!
Итакъ, на волю!

Христіернъ. Да, на волю!—Эй!
Проснись, товарищъ вѣрный мой! На волю
Зовутъ насъ!.. Это что? Рука, какъ ледъ!..

Христіанъ III. Онъ, вѣрно, боленъ!..

Христіернъ (*наклоняясь къ лицу Бента*). Тысяча громовъ!
Не боленъ!.. Нѣтъ!.. Онъ мертвъ!.. Мой старый другъ,
Товарищъ вѣрный мой въ неволѣ!.. Мертвъ!

Христіанъ III. Ужели?..

Христіернъ. Вотъ что значилъ лебедь бѣлый!
Онъ возвѣстилъ свободу намъ обоимъ,
Но ты вкусилъ ее, другъ старый, первымъ!..

Христіанъ III. Тебѣ на воздухъ нужно!.. Кликну я
Сейчасъ людей!..

Христіернъ. Разсказами своими
Ты помогалъ мнѣ коротать часы,
Что такъ томительно текли въ неволѣ!
Еще сегодня ночью ты прикрылъ
Меня своимъ плащомъ и мерзнулъ самъ!..
Кому я въ жизни больше былъ обязанъ?
Король, гляди,—онъ изъ народа вышелъ!
О, будь же добръ къ народу! Имъ страна
Крѣпка!

Христіанъ III (*прикрывая лицо Бента плащомъ*). Накрыли саваномъ тебя
Два короля!

Христіернъ. А твой товарищъ старый
Рыдаетъ горько надъ тобой! Монетой
Ты золотою былъ, лишь безъ герба!..

Христіанъ III. Богъ знаетъ, чтó творитъ! Ничто—мы сами
Предъ нимъ, ничто и власть вся наша!—Братъ,
Идемъ-же!.. Скоро Богъ залечитъ раны
Какъ наши, такъ и Даніи родимой!

(*Занавѣсъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стихотворенія помѣщены здѣсь приблизительно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они находятся въ датскомъ изданіи, съ болѣе, впрочемъ, строгимъ соблюденіемъ хронологическаго порядка.—Возможностью украсить наше изданіе собраніемъ стихотвореній Андерсена въ такихъ прекрасныхъ переводахъ съ подлинника мы всецѣло обязаны любезному содѣйствію русскихъ поэтовъ, которымъ и приносимъ здѣсь нашу искреннюю благодарность.

А. и П. Ганзенъ.

УМИРАЮЩЕЕ ДИТЯ.

(1825 г.)

Какъ усталъ я, мама, если бы ты знала!
Сладко я уснулъ бы на груди твоей...
Ты не будешь плакать? Обѣщай сначала,
Чтобъ слезою щечки не обжечь моей.
Здѣсь такая стужа, вѣтеръ воетъ гдѣ-то...
Но зато какъ славно, какъ тепло во снѣ!
Чуть закрою глазки—свѣта сколько, свѣта,
И гурьбой слетаютъ ангелы ко мнѣ.

Ты ихъ видишь?.. Мама, музыка надъ нами!
Слышишь? Ахъ, какъ чудно!.. Вотъ онъ, мама, вотъ,
У кроватки—ангелъ съ бѣлыми крылами...
Боженька, вѣдь, крылья ангеламъ даетъ?..
Все цвѣтные круги... Это осыпаетъ
Насъ цвѣтами ангелъ: мамочка, взгляни!
А у дѣтокъ развѣ крыльевъ не бываетъ?
Или ужъ въ могилкѣ выростутъ они?

Для чего ты ручки сжала мнѣ такъ больно
И ко мнѣ прильнула мокрою щекой?
Весь горю я, мама... Милая, довольно!
Я бы не разстался никогда съ тобой...
Но ужъ только, мама, ты не плачь—смотри же!
Ахъ, усталъ я очень!.. Шумъ какой-то, звонъ...
Въ глазкахъ потемнѣло... Ангелъ здѣсь... все ближе...
Кто меня цѣлуетъ? Мама, это онъ!

В. С. Лихачовъ.

РОЗЫ И ЗВѢЗДЫ.

(Изъ перваго произведенія Андерсена „Прогулка на островъ Амагеръ" 1828 г.).

Я знаю двѣ звѣзды—лучистѣй звѣздъ небесныхъ,
Двѣ розы видѣлъ я—прекраснѣй розъ земныхъ.
Упала чистая слеза съ тѣхъ звѣздъ прелестныхъ,
Разсыпавшись росой на розахъ молодыхъ.
И сердцемъ полюбилъ я ихъ красу живую,
Она дороже мнѣ и неба и земли...
Ужель напрасно я надѣюсь и тоскую?
Ужели розы тѣ и звѣзды не мои!..

гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

ВЪ МИНУТУ СМЕРТИ.

(1829 г.).

Блескъ вижу необъятный, и мысль смѣлѣй летитъ!
Свѣтъ, свѣтъ необъяснимый, мои глаза слѣпитъ!
Въ усильяхъ мощныхъ духа поникъ я головой...
Свободнѣе на сердцѣ, яснѣе мыслей строй...
И крылья, крылья воли, даны нежданно мнѣ,
Несусь быстрѣе мысли къ надзвѣздной вышинѣ!

Въ лазоревыхъ пространствахъ мнѣ звѣздъ не сосчитать!
И Божій ликъ я вижу... его не описать!
Безсмертье ощущаю во всемъ, въ своей груди!
Весь мракъ и всѣ туманы остались позади,
И ясно познаю я сердца людей другихъ...
Всѣ нѣмощны, всѣ слабы, но нѣтъ совсѣмъ дурныхъ!

О, еслибъ можно было въ сердцахъ людей читать
При жизни, здѣсь, и раньше, чѣмъ станешь умирать!

Какъ знали бы мы ближнихъ, чтобъ все и вся прощать!
Зачѣмъ же только въ смерти дано намъ познавать?
И вотъ я умираю... душа моя вольна...
Стремленья въ ней и трепетъ... и миръ и тишина!

К. Случевскій.

ЛЮБОВЬ.

(1830 г.).

Любовь сильна, какъ смерть,
Прекрасна, какъ утренняя заря.

Эленшлегеръ.

Вотъ, солнце склонилось на лоно морское
И рдѣетъ, пылая любовнымъ огнемъ.
И смолкло все... Нѣтъ! никакимъ языкомъ
Нельзя передать, что таится въ покоѣ
Земли умиленной, и какъ, шелестя
Подъ вѣтромъ, головки свои наклоняютъ
Малютки-цвѣты и тихонько лобзаютъ
Другъ-друга, отъ всѣхъ свои грезы тая...

И темнозеленый камышъ обнимаетъ
Заливъ, гдѣ колышется лодка; на ней
Восторженный юноша съ милой своей;
Онъ молча глядитъ, онъ блаженно страдаетъ...
А небо вездѣ отражаетъ свой свѣтъ:
Въ глазахъ, въ синевѣ, въ засыпающемъ морѣ...
Но самое свѣтлое небо — во взорѣ
Безумцевъ, которыхъ счастливѣе нѣтъ...

Когда-жъ въ небесахъ миріады мерцаютъ
Свѣтилъ, такъ что кажется, — небо сквозитъ,
И думы твои, какъ и звѣзды, блуждаютъ
Въ обителяхъ духа — увы! говоритъ
Тебѣ твое сердце: дитя ты!.. Но строго
Глядишь ты, какъ мужъ вдохновенный, и вотъ,
Ты мыслишь, ты любишь, ты вѣруешь въ Бога
И духа ища, духъ твой въ небѣ живетъ.

Я. П. Полонскій.

ВЕЧЕРЪ.

(1830 г.)

Солнце садится, и небо алѣетъ закатомъ,
Въ копнахъ стоящее сѣно полно ароматомъ,
Въ воздухѣ пляшутъ и хоромъ жужжатъ комары.
Тихо косарь утомленный подходитъ къ деревнѣ.
Гордо поодаль курганъ возвышается древній;
Тамъ, нарушая затишье вечерней поры,
Юность рѣзвится, и всплескамъ веселаго смѣха
Вторитъ надъ лугомъ и сонными рощами эхо...

Къ дому причетника пышный склоняется букъ.
Старецъ подъ букомъ; съ нимъ дѣти, ягнята и птицы
Дружной семьею... Пушистая шкура лисицы
Сохнетъ, повѣшена кѣмъ-то на сукъ.
Аистъ въ раздумьѣ стоитъ на кудрявой верхушкѣ.
Лужей сталъ прудъ,—но забили тревогу лягушки:
Парни, подростки гурьбою поятъ лошадей,
Свищутъ, поютъ... и уносятся къ шири полей!

Двое ребятъ краснощекихъ, здоровыхъ, ядрёныхъ
Заняты, видно, игрою изъ самыхъ мудреныхъ:
Палкой чертятъ на землѣ и строенья, и дворъ;
Мать на отцовскій кафтанъ нашиваетъ заплаты.
Звонъ колокольный несется въ безмолвный просторъ;
Гóспода славитъ крестьянинъ молитвой средь хаты;
Набожно дѣти стоятъ вкругъ большаго стола,—
Сущіе ангелы: дать бы имъ по два крыла!

Тамъ, гдѣ малина растетъ, у церковной ограды,
Сѣла старуха на камнѣ въ часъ тихой отрады;
Прядь серебристыхъ волосъ шевелитъ вѣтерокъ...
Тутъ же, у ногъ, съ молокомъ деревянная чашка;
Палку держа на колѣняхъ и охая тяжко,
Что-то старуха жуетъ: вѣрно, хлѣба кусокъ...
Двое влюбленныхъ сидятъ на пригоркѣ отлогомъ,
Тамъ, за стѣною... И пусть ихъ сидятъ себѣ съ Богомъ!..

В. Величко.

СЫНЪ ПУСТЫНИ.

(1830 г.)

Осѣдлаю коня полудикаго
И помчусь въ безпредѣльную даль:
Не уйду-ли отъ горя великаго,
Не развѣю-ль по вѣтру печаль!

Больно сердцу: какъ солнце палящее
Жжетъ въ родимой пустыни пески,
Жжетъ мнѣ сердце желанье томящее,
Рвется грудь отъ любви и тоски.

Загорается небо безбрежное
Милліонами яркихъ свѣтилъ,
Но свѣтлѣй горитъ пламя мятежное,
Что въ душѣ я своей затаилъ.

Кровь горячей волной подымается...
Конь мой! Дальше, въ раздолье степей!
Сердце, сердце во мнѣ разрывается
Отъ любви безнадежной моей!

Вѣра Рудичъ.

ГЕФІОНЪ*).

Вотъ Гюльфе пируетъ—король молодой...
Горятъ рудожелтыя свѣчи,
Сверкаетъ и пѣнится медъ хмѣлевой,
Медовыя слышатся рѣчи...
Обходитъ веселая чаша гостей,
И снова идетъ въ круговую,
А странница съ арфой стоитъ у дверей,—
Сыграетъ...—«Ладь пѣсню другую!..»
Звенитъ, говоритъ и рокочетъ струна,
Срываются звуки каскадомъ,

*) Сѣв. Миѳол. Въ Эддѣ есть сказаніе о Гефіонѣ, женщинѣ изъ рода Азовъ, которая получила отъ шведскаго короля Гюльфе въ даръ столько земли, сколько могла опахать на 4 быкахъ въ однѣ сутки. Она, превративъ въ быковъ своихъ сыновей, и отпахала отъ Швеціи нынѣшнюю Зеландію. *Примѣч. перев.*

Ростутъ словно буря — стѣною стѣна,
Бѣгутъ дикихъ буйволовъ стадомъ,
И пѣсня бушуетъ, какъ вѣтеръ степей...
Такъ бьются — за стаею стая —
Студеныя волны холодныхъ морей,
Скалистыя кручи лобзая!..
Все громче и громче... Вотъ жалобный стонъ
Впивается въ сердце стрѣлою.
Все тише, все тише... То арфы-ли звонъ,
Иль птицы летятъ стороною?..
И слушаетъ Гюльфе, не чуя души:
— «За пѣсню пѣвицѣ награда,—
«Двѣ пары воловъ запрягай и паши
«Лѣсную новину, услада!..
«Что за́ день успѣетъ отрѣзать твой плугъ,
«Прими въ даръ изъ рукъ изъ царевыхъ!..»
И странница вышла, и смолкли всѣ вдругъ
Въ пиру на скамьяхъ на дубовыхъ...
«Чу, словно запѣла она на струнахъ!..»
— «Нѣтъ, буйволовъ реву я внемлю!..»
«Чу, словно гроза расходилась въ горахъ!..»
— «Нѣтъ, плугъ это врѣзался въ землю!..»
«Чу, пѣсня опять заиграла — грозна,
«Какъ шумъ снѣгового обвала!..»
— «Нѣтъ, это отъ Сконіи плугомъ она
«Новину себѣ отпахала!..
«Вотъ въ борозды справа заходитъ вода,
«Вотъ островъ вздымается слѣва...
«Лѣса и курганы, прощай навсегда!..»
Хвала тебѣ, Гефіонъ-дѣва!..

А. Коринфскій.

„ПОЧКА РОЗЫ"...

Почка розы, ты чиста,
Будто дѣвичьи уста!
Жду, лобзанія прося;
Вижу, какъ горишь ты вся!
Я отвѣта жду, смотрю —
Весь я горю!

Вѣрь ты правдѣ словъ моихъ:
Я не вѣдалъ устъ иныхъ,
Никого не цѣловалъ,
И тебя одну лишь ждалъ!
Изнываю — не брани...
Въ душу взгляни!

Поцѣлуешь — пѣсню дамъ
И прильну къ твоимъ устамъ!
Ты умрешь, но пѣсня—нѣтъ,
Полетитъ тебѣ во слѣдъ
Въ міръ иной, къ тебѣ одной —
Только къ одной!

Дочерямъ родной страны
Пѣсни мной посвящены...
Поцѣлуевъ ихъ я жду!
Пусть торопятся — уйду, —
Не открыть могилы дверь...
Лучше теперь!

К. Случевскій.

КОРОЛЕВА МЯТЕЛЕЙ. *)

Темной ночью мятель и гудитъ и шумитъ,
Подъ окошкомъ избушки летая свиститъ;
А въ избѣ при огнѣ, у сыраго окна,
Ждетъ красотка кого-то одна.
Все на мельницѣ стихло... огонь не горитъ...
Вышелъ мельникъ-красавецъ, къ красоткѣ спѣшитъ.
Онъ и веселъ, и громко и стройно поетъ,
И по снѣжнымъ сугробамъ идетъ.
Онъ и съ вѣтромъ поетъ и съ мятелью свиститъ,
По сугробамъ глубокимъ къ красоткѣ спѣшитъ...
Королева мятелей на бѣломъ конѣ
Показалась вдали, въ сторонѣ.
И завылъ ея конь, какъ израненый звѣрь,
И запѣла она: «Мой красавецъ, теперь —

*) Изъ сборника „Поэты всѣхъ временъ и народовъ“ изд. Костомаровымъ и Бергомъ—Москва, 1862 г.

Ты такъ молодъ, прекрасенъ — со мною пойдемъ!
 Ты не хочешь-ли быть королемъ?
У меня есть чертоги въ горѣ ледяной,
Блещутъ радугой стѣны, и полъ расписной,
И на мягкомъ сугробѣ намъ быстро постель
 Нанесетъ полунóчи мятель».
Все темнó, и мятель и шумитъ и гудитъ...
— Мой красавецъ! Не бойся, что мѣсяцъ глядитъ, —
Чтобъ не видѣлъ онъ насъ — до земли съ облаковъ
 Заколеблется пологъ снѣговъ...
Ярко солнце блеститъ въ голубыхъ небесахъ,
И сверкаютъ пылинки на снѣжныхъ поляхъ,
И на брачной постели покоится онъ —
 Тихъ и свѣжъ его утренній сонъ...

Ф. Н. Бергъ.

МЕЛОДІИ СЕРДЦА.

(1880 г.)

I.

Темнокарихъ очей взглядъ мнѣ въ душу запалъ,
Онъ умомъ и спокойствіемъ дѣтскимъ сіялъ;
Въ немъ зажглась для меня новой жизни звѣзда,
Не забыть мнѣ его никогда, никогда!

II.

Гордая мысль моя мощной скалой
Къ синему небу стремится,
Въ сердцѣ жъ поэта волна за волной,
Словно какъ въ морѣ клубится!

Образъ твой къ небу подъемлетъ скала,
Тамъ онъ царитъ на просторѣ!
Ты же сама свой пріютъ обрѣла
Въ сердцѣ глубокомъ, какъ море!

III.

О, если бы цѣлительная сила
Была въ цвѣтахъ, что ты мнѣ подарила,

Я исцѣлился бы. Но въ нихъ, вѣдь, ядъ разлитъ
И раны сердца мнѣ онъ, какъ огнемъ, палитъ!

IV.

Царицей думъ и чувствъ моихъ ты стала,
Тебя я первую — послѣднюю люблю!
Тебя само мнѣ небо указало,
Люблю тебя, люблю и въ вѣкъ не разлюблю!

V.

Увялъ букетъ, тобой мнѣ данный,
Но вѣрю, вновь—благоуханный
Воскреснетъ въ пѣсняхъ онъ моихъ.
Узнай и встрѣть привѣтомъ ихъ!

VI.

Тебѣ не понятны ни волнъ рокотанье,
Ни звучныхъ аккордо̀въ, ни пѣсенъ рыданье,
Ни запахъ душистый весеннихъ цвѣтовъ,
Ни пламя сверкающихъ въ небѣ міровъ,
Ни пѣніе пташекъ, встрѣчающихъ лѣто,
Такъ гдѣ же понять тебѣ душу поэта?

Ея не сравнить и съ пучиной морскою,
Въ ней звуки рождаются сами собою,
Весеннихъ цвѣтовъ ароматъ въ ней разлитъ,
Священное пламя въ ней вѣчно горитъ!
Въ ней борются духи безсмертныхъ желаній
Со смертью—предѣломъ земныхъ упованій!

VII.

Старинное гласитъ преданье:
Жемчужины созданье
Бѣдняжкѣ-устрицѣ, живущей въ глубинѣ,
Лишь жизни стоитъ—не дороже!
Любовь! Какъ перлъ была дана ты мнѣ
И стоишь мнѣ того же!

Анна Ганзенъ.

У КЛАДБИЩА.

Въ огняхъ зари алѣютъ облака, —
На посохъ опершись, стою я, молча, въ полѣ;
Надъ сердцемъ тѣнь, и свѣтъ, и смутная тоска:
Такъ лебедь молодой одинъ грустить, грустить на волѣ!

Въ душистой мглѣ, окрестъ, ввѣряюся мечтамъ
И чувствую наплывъ святыхъ воспоминаній;
Я душу распахнулъ и небу, и цвѣтамъ—
Такъ жутко—хорошо!.. но грудь полна рыданій.

Молитвенная тишь! и вдругъ, съ родныхъ могилъ,
Гдѣ мракъ объемлетъ персть, нашедшую забвенье,
Какъ сладкій говоръ струнъ, какъ гласъ небесныхъ силъ,
Пернатаго пѣвца струится вдохновенье.

Туманный серпъ луны печально льетъ лучи,
А звуки говорятъ: когда онъ вновь родится,
Ты крѣпко будешь спать въ таинственной ночи,
И небывалый сонъ въ землѣ тебѣ приснится!

Кн. Э. Ухтомскій.

БУКЪ.

Высокó держалъ, какъ знамя,
Я кудрявую главу!
Соковъ жизненное пламя
Стволъ дѣлилъ съ дѣтьми-вѣтвями,
Разодѣтыми въ листву.

Гордыхъ дѣтокъ не бранили
И не били палачи!
Выполняя безъ усилій
Трудъ свободный, вѣтви пили
Утра влагу и лучи.

Мысль отцовская безсмѣнно
И любовь ихъ берегла.
И мечталъ я вдохновенно:
Милыхъ дѣтокъ непремѣнно
Ждутъ великія дѣла!

Каждой вѣтви мачтой стройной
Суждено надъ моремъ встать,
Плыть по безднѣ безпокойной
И въ холодный край, и въ знойный—
И себя тамъ показать!

Всѣхъ вѣтвей тринадцать было,
И одна лишь,—о позоръ!—
Только въ метлы поступила!
Три другихъ, увы! насилу
Были приняты въ заборъ...

Къ остальнымъ неумолима
Доля горькая была!
Печь ихъ жадно приняла.
Разлетѣлась струйка дыму
И осталась... лишь зола!..

В. Величко.

ОСЕНЬ.

Аистъ на югъ улетѣлъ, воробей его занялъ гнѣздо,
Вянетъ листъ, падаютъ ягоды спѣлой рябины на землю;
Холодно, сыро, туманно, и въ рощѣ ужъ рубятъ дрова;
Ходитъ по рыхлому полю крестьянинъ, работая плугомъ;
Въ полѣ надъ ямой кротовъ одинокая ласточка вьется,
Жмется въ тростникъ на болотѣ, о пѣньи забывши и думать;
Падаютъ капли холодныя, крупныя съ вѣтокъ деревьевъ.
Память о прошломъ жива — и щемитъ одиночество сердце.
Точно какъ въ морѣ безбрежномъ предъ грозною бурей,
Въ царствѣ природы нѣмое затишье повсюду настало.
Бури оно предвѣщаетъ, и скоро онѣ разразятся,
Лѣсъ обнажится, напомнитъ собой корабельныя мачты.
Видно унынье повсюду, затихли и радость, и скорби,
Замерло сердце природы, дышавшей величьемъ и силой.

Д. Стахѣевъ.

РОЗА.

Ты улыбнулась мнѣ улыбкой свѣтлой рая...
Мой садъ блеститъ въ росистыхъ жемчугахъ,—
И на тебѣ, жемчужиной сверкая,
Одна слеза дрожитъ на лепесткахъ.

То плакалъ эльфъ о томъ, что вянутъ розы,
Что краток миг цвѣтущей красоты...
Но ты цвѣтешь, — и тихо зрѣютъ грёзы
Въ твоей душѣ... О чемъ мечтаешь ты?..

Ты вся — любовь, — пусть люди ненавидятъ! —
Какъ сердце генія, ты вся — одна краса, —
А тамъ, гдѣ смертные лишь бренный воздухъ видятъ, —
Тамъ геній видитъ небеса!..

П. Гнѣдичъ.

СКАЗКА О ЖЕНАХЪ.

Корзинщикъ не даромъ сидѣлъ—мастерилъ,
Конечно, не áхти что онъ сотворилъ,
Но все же красивая вышла новинка.
— «Ну, вотъ, слава Богу, готова корзинка!
Готова!» сказалъ онъ вошедшей женѣ,
А ей—все равно, равнодушна вполнѣ...
— «Ну, чтó-жъ ты, скажи: слава Богу, готова!»
— «А вотъ, не скажу ничего я такого:
Зачѣмъ говорить, коли самъ ты сказалъ?» —
— «Скажи!»—и супругъ уже палкой махалъ...
— «Нѣтъ, нѣтъ! Не хочу я!» жена повторяла —
И кончилось тѣмъ, что ей крѣпко попало...
И слезы, и крики... Сосѣдка вошла;
Узнавши, за что потасовка была,
Сказала: «задаромъ бѣдняжка побита!»
Сказала и—хлопнула дверью сердито,
А дома повѣдала мужу о томъ,
Какъ плохо сосѣдкѣ съ такимъ муженькомъ...
Но мужъ возразилъ, покачавъ головою:
— «Никакъ не могу согласиться съ тобою!
Жена—не права. Чтó на мужа пенять?
Зачѣмъ же она не хотѣла сказать?» —
— «Затѣмъ, что не нужно, и—кончено! Чтó же,
И я, вѣдь, сама не сказала бы тоже!»...
— «Сама? Даже если бы мужъ приказалъ?
Ну, знаешь, и я бы тутъ палочку взялъ!»...
— «Возьми! Любопытно мнѣ это и ново!» —
— «Агá! Такъ скажи: слава Богу, готова!» —

— «А вотъ, не скажу же! Была не была!» —
И тутъ тоже палочка въ дѣло пошла...
На крики другая сосѣдка влетѣла,
Сейчасъ же узнала доподлинно дѣло
И громко воскликнула: — «Обѣ онѣ,
Обѣ побитыя, правы вполнѣ!» —
Мужу и третья пошла разсказала
И, въ заключенье, подъ палку попала.
Такъ и пошло: городъ былъ не великъ,
Но что ни домъ, то удары и крикъ!
Нѣтъ, не уважено мужнино слово:
«Вотъ, слава Богу, корзинка готова!»
Скоро по всей населенной странѣ
Жены (причины, знать, были однѣ)
Мужниныхъ словъ повторять не желали —
Слышались крики и палки стучали...
Но неужели тутъ правда видна?..
Съ этимъ вопросомъ къ женѣ обратитесь.

МОРАЛЬ.

На поцѣлуи женѣ не скупитесь,
Палку — оставьте, не то — берегитесь:
Палкою станетъ отъ палки жена!

В. Щиглевъ.

КИРСТИНА И ПРИНЦЪ БУРИСЪ.

Въ сонномъ воздухѣ скошенной пахло травой,
И былъ воздухъ прозрачнѣй воды ключевой;
При мерцаніи звѣздъ засыпала земля;
Но, щекою къ щекѣ и съ устами въ уста,
Все прощалась въ саду молодая чета —
Это были принцъ Бурисъ съ сестрой короля.
Имъ прощаться-бъ хотѣлось всю ночь напролетъ:
Дроздъ въ вѣтвяхъ имъ любовную пѣсню поетъ;
Имъ на умъ не придетъ на терновникъ взглянуть,
На росу, что слезами усыпала путь.

Была ночь. Весь дворецъ былъ какъ храмъ освѣщенъ;
А принцъ Бурисъ былъ схваченъ въ ту ночь, ослѣпленъ,
И закованный въ цѣпи, низверженъ въ тюрьму.
Но гремѣли литавры по заламъ дворца,

И сестра Вальдемара, блѣднѣй мертвеца,
Выступая съ нимъ въ пляскѣ, внимала ему:
«Зарумянишься снова ты розою той,
Чтó принцъ Бурисъ сорвалъ дерзновенной рукой.
Я сотру на меня навлеченный позоръ»!
И онъ съ ней танцовалъ, танцовалъ до тѣхъ поръ,
Пока мертвой упала она на коверъ. *).

Гдѣ темница въ свободное море глядитъ,
Прахъ Кирстины въ холодную землю зарытъ;
Тернъ ея окружаетъ могилу.
Каждый день, на цѣпи, изъ тюремныхъ воротъ
Къ той могилѣ слѣпецъ одинокій идетъ —
Онъ влачитъ свою цѣпь черезъ силу;
На лицѣ его блѣдномъ терзанье и боль.
Даровалъ ему велію милость король:
Его ржавая цѣпь небывало длинна —
До безцѣнной могилы доходитъ она.

Пл. А. Кусковъ.

ПОЭТЪ И АМУРЪ.

(1830 г.)

Поэтъ.

Какъ грущу я, одинокій,
Про себя любовь тая!
Сердцу милая далеко:
Ей чужда печаль моя.

Амуръ.

Ободрись, не плачь, не сѣтуй:
Стихъ твой — злато и жемчугъ...
И Амуръ всегда поэту
Покровитель былъ и другъ.

Поэтъ.

Говорить съ ней не могу я,
Жизнь изъ глазъ ея впивать;
И, какъ ласточка, тоскуя,
Близъ окóнъ ея порхать;

*) Историческій фактъ. *Примѣч. перев.*

Видя сердце въ миломъ взорѣ,
Гнать сомнѣнія недугъ!..
Ахъ, любовь мою и горе
Позабудетъ милый другъ.

Амуръ.

Ободрись, не плачь, не сѣтуй:
Ты счастливѣе другихъ.
Вѣдь позволено поэту
Говорить въ стихахъ своихъ.
Напиши же диво-строки,
Какъ страдаешь ты любя.
Кто пойметъ твои намеки?
Но *она* пойметъ тебя.
Напечатай ихъ: для свѣта
Выйдетъ только томъ стиховъ,
Для *нея же* — я поэта
Разъясню смыслъ тайный словъ.

Пл. Красновъ.

*
* *

Пастушокъ пасетъ овецъ;
Тронъ его—пенёкъ сосновый,
Мѣсяцъ—кованый вѣнецъ,
Солнце—плащъ пурпурный, новый.
Онъ стоитъ, мечтой объятъ,
Долго смотритъ на закатъ:
Сердце бьется... Молвить проще,
Горячà младая кровь—
Ахъ, любовь
Краше всѣхъ деревьевъ въ рощѣ!

Загрустила невзначай
Въ мрачномъ замкѣ королевна;
Что ей шелкъ и горностай! —
Доля дѣвичья плачевна.
Мысль летитъ, какъ пташка, вдаль;
Но пройдетъ ея печаль:
Сердце бьется... Молвить проще,
Горячà младая кровь—
Ахъ, любовь
Краше всѣхъ деревьевъ въ рощѣ!

Есть изъ замка тайный ходъ,
Въ темный лѣсъ бѣжитъ тропинка...
Жукъ шепнулъ: «она придетъ!»
— «Вотъ она!» шуршитъ былинка.
Свищутъ пташки и Эолъ:
— «Онъ нашелъ ее, нашелъ!»
Сердце бьется... Молвить проще,
Горяча младая кровь—
Ахъ, любовь
Краше всѣхъ деревьевъ въ рощѣ!

Н. Никифоровъ.

КАРТИНКА.

Вьется змѣйкою дорожка;
Покосившійся немножко
На бокъ домикъ тамъ стоитъ.
Дверь съ петлей слетѣть грозитъ;
Словно щурятся оконца
Отъ лучей вечернихъ солнца.
Вьются ласточки... Щенокъ
Лаетъ, глядя на порогъ.
На порогѣ, улыбаясь
И съ ребенкомъ забавляясь,
Мать-красавица сидитъ;
На щекахъ заря горитъ.
Мальчуганъ здоровьемъ дышитъ
И румянцемъ такъ и пышитъ.
Онъ совсѣмъ не хочетъ спать!
По ножонкамъ толстымъ мать
Бьетъ его за то шутливо.
Котъ преважно, молчаливо
Дремлетъ... Ахъ, какой испугъ!
На носъ муха сѣла вдругъ!
Цапъ!—Не будь такой задорной!—
И опять, что твой придворный
Развалился,—важный видъ!
А дитя какъ ангелъ спитъ!..

Анна Ганзенъ.

ГЕНІЙ ФАНТАЗІИ.

Живу я въ тишинѣ, въ тѣни долины влажной,
Гдѣ рѣзвыя стада пасутся подъ горой,
И часто съ пастухомъ внимаю стонъ протяжный
Влюбленныхъ голубей вечернею порой.
Когда-жъ его свирѣль звучитъ о счастьѣ нѣжно,
И Филисъ падаетъ на грудь къ нему—небрежно
Я возлѣ мыльные пускаю пузыри,
Гдѣ блещетъ радуга прощальная зари...

На сумрачной скалѣ, гдѣ старый замокъ дремлетъ,
Въ развалинахъ шумлю я съ вѣтромъ кочевымъ;
Въ чертогахъ короля мнѣ важность робко внемлетъ,
И въ бѣдной хижинѣ я плачу надъ больнымъ.
Я въ трюмѣ корабля за тяжкими досками
Смѣюся и шучу надъ звучными волнами
И въ часъ, когда горитъ румяная заря,
Задумчиво брожу въ стѣнахъ монастыря.

Въ ущельѣ, между скалъ, въ пещерѣ одинокой
Я демоновъ ночныхъ и призраковъ бужу;
На мрачномъ сѣверѣ, зарывшись въ снѣгъ глубокій,
Я молчаливыя дубравы сторожу.
На полѣ грозныхъ битвъ, въ часъ краткаго покоя,
Побѣдой близкою баюкаю героя,
Со странникомъ въ степи кочую, и пѣвцамъ
Указываю путь къ безсмертнымъ небесамъ!

Ребенокъ самъ—съ дѣтьми я чаще всѣхъ бываю,
Доступнѣй волшебство невиннымъ ихъ сердцамъ,
И маленькій ихъ садъ при мнѣ, подобно раю,
Цвѣтетъ и сладко льетъ душистый фиміамъ.
Ихъ тѣсный уголокъ становится чертогомъ,
И аистъ кажется имъ страннымъ полубогомъ,
Когда онъ по двору разгуливаетъ хмуръ...
И ласточка для нихъ—весенній трубадуръ.

И часто я съ дѣтьми при вечерѣ румяномъ
Гляжу на облака, плывущія вдали.

Какъ дышится легко въ саду благоуханномъ,
Какъ нѣжно намъ журчатъ ручьи изъ-подъ земли!
Мы видимъ, какъ, сребрясь, за горы убѣгаетъ
Гряда отсталыхъ тучъ, и радуга сіяетъ,
Алмазнымъ поясомъ по свѣтлымъ небесамъ,
И чайка бѣлая ласкается къ волнамъ...

Я и съ тобою росъ; когда ты былъ ребенкомъ,
Сидѣли мы вдвоемъ, смотрѣли на каминъ,
Слѣдили за игрой огня на углѣ тонкомъ,
Гдѣ возникалъ и гасъ рой пламенныхъ картинъ.
Мы сказки слушали, не зная лжи опасной,
Звучали вымыслы намъ правдою прекрасной,
И съ херувимами—покорные мечтѣ—
Мы Бога видѣли въ небесной высотѣ!..

К. Фофановъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

На Рейнѣ!
Гдѣ, обвитъ лозой кудрявой,
Старый замокъ величаво
Отражается въ потокѣ;
Колокольный звонъ далекій
Раздается по волнамъ, —
Доведется-ль быть мнѣ тамъ?

Въ Парижѣ!
Тамъ базаръ цвѣтовъ найду я,
Лувръ роскошный осмотрю я,
Предъ Вандомскою колонной
Прахъ почту Наполеона,
Погуляю по садамъ; —
Но придется-ль быть мнѣ тамъ?

Въ Швейцаріи!
Гдѣ глубокія озера,
До небесъ восходятъ горы;
На утесахъ дремлютъ тучи;
И альпійскій рогъ пѣвучій
Раздается по лѣсамъ, —
Доведется-ль быть мнѣ тамъ?

Въ Валенціи!
Гдѣ весною небо дышитъ,
Вѣтръ лимонный цвѣтъ колышитъ,
Гдѣ, смягчая духъ мятежный,
Переливы пѣсни нѣжной
Улетаютъ къ небесамъ, —
Доведется-ль быть мнѣ тамъ?

Въ Данію!
Гдѣ летятъ въ струѣ воздушной
Облака грядой послушной,
Гдѣ живутъ воспоминанья,
Гдѣ волшебныя преданья
Про минувшіе года —
Всей душой стремлюсь туда!

Пл. Красновъ.

ДѢВОЧКА У ЦЕРКОВНОЙ ОГРАДЫ.

Черезъ кладбище путь лежитъ,
Кресты чернѣютъ, снѣгъ блеститъ,
Скрывъ рядъ могилъ отъ взора;
Старикъ-пасторъ домой идетъ,
Луна надъ церковью встаетъ,—
Наступитъ полночь скоро.

Въ сіяніи мѣсячныхъ лучей,
Стоитъ малютка у дверей;
Блѣдна, глядитъ не смѣло.
Подходитъ къ ней старикъ-пасторъ:
«Кто ты и здѣсь съ которыхъ поръ?
Ты вся похолодѣла!»

«Пустите, дѣдушка, меня!
Объ этомъ мамѣ знать нельзя!
Она и такъ все плачетъ».
«Тебѣ не сдѣлаю я зла,
Но ты зачѣмъ сюда пришла?
Кровь на рукѣ, что значитъ?»

«Ахъ, много слезъ я пролила!
Но въ чемъ къ спасенью путь нашла—
Сказать рѣшусь едвали...
За долгъ отецъ въ тюрьмѣ сгніетъ,
Весь скарбъ нашъ взятъ, псалтырь—и тотъ
За бѣдность нашу взяли.

О бѣдныхъ дѣтяхъ плачетъ мать,
Имъ корки хлѣба негдѣ взять...
Тамъ дома, тяжко, тяжко...»
«Не стой же тутъ, мое дитя!
Что за письмо ты отъ меня
Стремишься скрыть, бѣдняжка?

Дай мнѣ его! Мнѣ жаль тебя.
Что-жь это? Кровь на немъ твоя?
Что тутъ ты начертала?»
«О, не сердитесь! Знаю я,
Что дѣлать этого нельзя,
Но мама такъ рыдала!

Она сказала: только Богъ
Въ несчастьи намъ помочь-бы могъ!
Въ его рукахъ спасенье!
Но помощь къ намъ не шла,—тогда
Я ожидать пришла сюда
Полночи наступленья.

Разрѣзавъ руку въ кровь свою,
Я этимъ душу продаю
Не духу зла, а Богу...
Богъ любитъ дѣтокъ,—Онъ возьметъ
Меня къ себѣ, а самъ придетъ
Къ намъ, въ домъ нашъ на подмогу.

Но мамѣ знать о томъ не слѣдъ,
У ней и такъ ужъ много бѣдъ,
А новыхъ слезъ не надо...»
Старикъ ей крѣпко руку жметъ:
«Дитя, Господь тебя спасетъ
И дастъ тебѣ отраду!..»

А. Михайловъ.

ДОЧЬ ВЕЛИКАНА.

(1830 г.)

Глубóко подъ землею, въ утробѣ крѣпкихъ горъ
Палаты великана таятся съ давнихъ поръ.
Тамъ блещетъ позолотой и живописью сводъ,
Тамъ дочка великана красуется-цвѣтетъ...

Стройна и величава въ расцвѣтѣ красоты,
Та дочка вышла ростомъ поболѣе версты...
Въ рукахъ перебирая двѣ пары бревенъ-спицъ,
Она усердно вяжетъ чулочки для сестрицъ.

Когда же отъ работы захочетъ отдохнуть,
Идетъ она на воздухъ, гдѣ легче дышитъ грудь,
Гдѣ куполомъ надъ нею синѣетъ сводъ небесъ,
Гдѣ кажется ей лугомъ густой зеленый лѣсъ...

Дома, лачуги, церковь предъ нею вдалекѣ
Разставлены какъ будто игрушки на лоткѣ...
По лугу вѣковому привольно ей гулять,
На озеро ложиться, на влажную кровать...

Въ вѣнокъ себѣ вплетая бруснику, бересклётъ,
Идетъ она и пѣсню веселую поетъ;
Срываетъ для букета сосну, и дубъ, и кленъ
И дергаетъ березы, какъ верескъ или ленъ.

Но вотъ предъ нею что-то копается въ пыли,
Едва-едва примѣтно надъ скатертью земли...
Къ отцу она съ находкой вбѣгаетъ, весела.
— Смотри, что я сестренкамъ съ прогулки принесла! —

И ручку опускаетъ проворно въ свой карманъ...
Но смотритъ на находку, прищурясь, великанъ
И молвитъ полу-строго: — хвалить я не могу,
Что ты еще не знаешь всю эту мелюзгу.

Пусти ее тотчасъ же! Хоть ростомъ и мелка,
Она не безполезна и разумомъ крѣпка.

Въ моихъ палатахъ каждый крупнѣй ея сверчокъ;
Но это—плугъ съ волами, а это—мужичокъ.

Онъ созданъ, чтобы въ зелень рядить откосы горъ
И сѣять рожь, премилый для плоскости уборъ;
Нѣтъ! надо знать природу и въ горной тѣснотѣ;
Прочти у Блуменбаха объ этой мелкотѣ!

Задумалася дочка—и часто съ той поры
Лучи мелькаютъ свѣта изъ трещины горы:
Въ палатѣ подъ землею свѣча горитъ всю ночь,
Читаетъ до разсвѣта задумчивая дочь.

Вникаетъ въ Блуменбаха, забыла о чулкѣ
И цѣлый день болтаетъ о крошкѣ-мужичкѣ,
О маленькомъ твореньи, налегшемъ на плужокъ...
Сестренки же гуляютъ по заламъ безъ чулокъ.

Н. Аксаковъ.

ЛИЗОЧКА У КОЛОДЦА.

Колодецъ вырытъ подлѣ дома.
Подходитъ Лизочка къ нему,
Глядитъ, задумавшись невольно,
Въ его таинственную тьму.

Малюткѣ мама говорила,
Что въ томъ колодцѣ есть пріютъ
Иль магазинъ такой, откуда
Порою дѣтокъ достаютъ...

Да, да! И даже крошка-Лиза,
Надъ нимъ стоящая теперь,
Тому назадъ четыре года
На свѣтъ пришла чрезъ ту же дверь.

Еще былъ вытащенъ недавно
Ей изъ хранилища ребятъ
И братъ, котораго большіе
Цѣлуютъ такъ и теребятъ!

Въ колодецъ долго смотритъ Лиза.
—«Ужель дѣтей тамъ больше нѣтъ?
«Иль всѣ попрятались за камни
«До появленія на свѣтъ?

«Сестра, положимъ, увѣряла,
«Что аистъ насъ, дѣтей, принесъ.
«Что онъ дѣвчонокъ и мальчишекъ
«Въ гнѣздѣ скрываетъ... Но вопросъ:

«Какъ разбираетъ это аистъ?
«Изъ нихъ никто, вѣдь, не одѣтъ...
«И ихъ такъ много!.. Сомнѣваюсь!
«Оно совсѣмъ не такъ! Нѣтъ! нѣтъ!

«Навѣрно всѣ живутъ въ колодцѣ:
«Вѣдь я сама же тамъ была!..
«Да и теперь тамъ на поверхность,
«Я вижу, дѣвочка всплыла!

«Вишь, улыбается плутовка!
«Ну! вылѣзай ко мнѣ скорѣй!
«Она на Лизочку похожа
«Лицомъ и золотомъ кудрей!

«Ахъ! еслибъ только эту крошку
«Могла достать оттуда я!
«Она куда красивѣй, лучше,
«Чѣмъ кукла глупая моя!..»

В. Величко.

* *
*

Покровъ разсѣялся туманный,
Весна! Вольнѣе дышитъ грудь,
И вѣтерокъ благоуханный.
И солнца лучъ — зоветъ насъ въ путь,
Рождая смутную тревогу!..
Поднимемъ парусъ, и — впередъ.
Безъ колебаній, въ путь-дорогу!
Кто путешествуетъ — живетъ.

Умчимся мы быстрѣе птицы
На крыльяхъ пара далеко́.
Какъ вешнихъ тучекъ вереницы
Кругомъ смѣняются легко,
Бѣгутъ предъ нами прихотливо
Иныя страны, небеса...
Какое счастье — въ часъ прилива
Поднять свободно паруса!

Я слышу пташки щебетанье,
Въ окно стучитъ она крыломъ!
Скорѣй! Умчимся за тепломъ
И свѣтомъ истиннаго знанья!
Сорвемъ рукою смѣлой плодъ
Всего, что дивно и прекрасно!
Поднимемъ парусъ! Небо ясно!
Кто путешествуетъ — живетъ!

О. Чюмина.

ПОЭЗІЯ.

(1832 г.)

Поэзія — мечты въ дѣйствительность стремленье,
Гармонія страстей въ хаосѣ бытія;
Поэзія — небесъ земное отраженье,
Поэзія — всѣхъ чувствъ и мыслей выраженье;
Пусть близится мой путь въ загробные края, —
Я зналъ поэзію, она была — моя!..

За облака взбѣгаютъ горы;
И водопады, и лѣса;
И видятъ, близко видятъ взоры
Обитель Бога — небеса...
Тамъ дремлетъ мысль, но сердце слышитъ,
Что міръ поэзіи съ нимъ дышитъ!

При тусклой лампѣ, подъ землею,
Стальною киркой камень бьетъ
Работникъ шахты и съ тоскою
Одну и ту-же пѣснь поетъ;
Предъ нимъ въ мечтахъ семья родная,
А съ ней — поэзія живая!..

Въ пороховомъ дыму поляны,
За лѣсомъ городъ — весь въ огнѣ. .
Тамъ башни падаютъ титаны,
Тамъ смерть гарцуетъ на конѣ,
Тамъ пули сыплютъ знойнымъ градомъ,
Тамъ бьетъ поэзія каскадомъ!..

Плыветъ корабль... Въ глубокомъ трюмѣ
Попарно скованъ грузъ живой...
Застыло море въ тяжкой думѣ...
Чу, плескъ раздался роковой:
Двумя рабами меньше стало!
И здѣсь — поэзія витала...

Скалистый островъ въ морѣ дальнемъ;
Могила... Въ ней—колоссъ земли,
Умершій странникомъ опальнымъ...
Проходятъ мимо корабли...
И этотъ островъ, эти волны —
Поэзіи высокой полны!..

Когда любовь твою оцѣнитъ,
Когда мечты твои пойметъ
Она — чье сердце не измѣнитъ,
Кого своей твое зоветъ, —
Когда она безъ словъ все скажетъ,
Тебя поэзія съ ней свяжетъ!..

Когда твой лучшій другъ забвенью
Предастъ завѣты лучшихъ дней
И въ жертву чуждому глумленью
Отдастъ цвѣты весны твоей,
И дружба холодомъ повѣетъ —
Тебя поэзія согрѣетъ!..

Ребенка грезы, тихій ропотъ
Старухи-памяти сѣдой,
Разбитой жизни горькій опытъ,
Очагъ съ покинутой женой
Въ кругу дѣтей... Семьи руины...
Во всемъ — поэзіи картины!..

А звуки музыки, а пляска,
А знойной молодости хмѣль!
А зрѣлыхъ лѣтъ живая ласка,
Могила — дней преклонныхъ цѣль!..
Вся жизнь и всѣ ея стремленья
Несутъ поэзіи волненья!..

Я чувствовалъ себя и сильнымъ, и свободнымъ,
Душа моя плела изъ радостей вѣнецъ...
Пусть радостямъ земли, живымъ и благороднымъ,
Какъ листьямъ и цвѣтамъ подъ вихремъ дней холоднымъ,
Въ дни осени моей — безрадостный конецъ, —
Всю жизнь мою согрѣлъ поэзіей Творецъ!..

А. Коринфскій.

АГНЕТА.

(Изъ драматической поэмы „Агнета и водяной". 1833 г.).

Печалить я должна — всѣхъ, съ кѣмъ живу,
Стремясь къ тому, чего сама не знаю.
Живые сны я вижу на яву,
Но жизнь любя, я къ смерти взоръ склоняю.
Мои мечты повсюду — объ одномъ:
Уснуть и вѣчно спать холоднымъ сномъ.

Когда, уставъ, притихнетъ водъ волненье,
Хочу я быть на днѣ морскомъ, вдали,
Лежать и видѣть каждое мгновенье,
Какъ надо мной проходятъ корабли,
И сладко спать въ зеленой колыбели,
Забывъ земныя бури и мятели.

Когда-жъ встаетъ за валомъ дикій валъ,
Когда ворчатъ свирѣпые буруны,
Меня влечетъ — спрыгнуть съ прибрежныхъ скалъ,
Въ душѣ звучатъ загадочныя струны,
На гребняхъ волнъ мнѣ хочется уснуть,
Соленый запахъ брызгъ въ себя вдохнуть.

Какъ трупъ, земля должна парчей прикрыться
Весной одѣться въ мантію цвѣтовъ,
А море вѣчно дышитъ — и стремится
Раздвинуть ширь далекихъ береговъ,
Оно всегда самимъ собой прекрасно,
Таинственно, непобѣдимо, властно.

К. Бальмонтъ.

СТАРЫЙ ШТУРМАНЪ.

(1833 г.)

Устаю на берегу я,
Бремя чувствую годовъ;
Рвусь я въ море, молодѣю
Тамъ вдали отъ береговъ.
И когда, въ конецъ усталый,
Успокоюсь въ вѣчномъ снѣ,
Вы меня, окутавъ флагомъ,
Смѣло ввѣрите волнѣ.
Вѣдь Господь меня, коль хочетъ,
На морскомъ отыщетъ днѣ!

А. Саломонъ.

ДѢТИ ГОДА.

Родилъ двѣнадцать дѣтокъ годъ.
Пущу ихъ аттестаты въ ходъ!..

Январь—сынъ первый, онъ не глупъ:
Отъ стужи прячется въ тулупъ.

Гуляка-братъ его, Февраль;
Рублей на масляной не жаль.

А Мартъ пачкунъ и нравомъ дикъ;
Въ грязи валяться онъ привыкъ.

Апрѣль простуженъ и для насъ
Его улыбки—рядъ гримасъ.

Май съ доброй славою знакомъ.
Но и его бранятъ тайкомъ.

Іюнь сулитъ мильонъ чудесъ
И манитъ въ поле насъ да въ лѣсъ.

Іюль порой обдастъ дождемъ,
Но урожай мы славный ждемъ.

Украситъ Августъ всѣ сады:
Повсюду ягоды, плоды!..

Сентябрь-художникъ: по плечу
Ему лѣса рядить въ парчу.

Октябрь хандритъ: онъ золъ и хмуръ,
Что лѣто кратко черезчуръ.

Ноябрь трубитъ въ волшебный рогъ,
И въ бурю вихрь насъ валитъ съ ногъ.

Декабрь въ углу, въ теплѣ сидитъ
И дѣтокъ «елкой» веселитъ.

Н. Никифоровъ.

ЖЕНЩИНА СЪ ЛУКОШКОМЪ ЯИЦЪ.

(Старая исторія въ новыхъ стихахъ).

Въ деревнѣ, что̀ подъ городомъ, жила, была владѣлица
Крестьянской всякой всячины и курицы единственной.
А курица, какъ курица, несла, извѣстно, яица—
Все по яичку въ день.
По счету этой женщины скопилось два десяточка —
Выходитъ дѣло ладное!..Заботливо, старательно
Сложивши ихъ въ лукошечко, она его на голову
Поставила, какъ слѣдуетъ,
И въ городъ побрела.
Дорога все-же дальняя, а въ одиночку кажется
Она еще томительнѣй, такъ время есть раздумывать,
Да барыши расчитывать... Что̀-жъ, всякому желателенъ
Хорошій-то барышъ!
Идетъ она, торопится, и вслухъ усердно думаетъ:
—«Ну — да̀, за два десяточка рублишко, вѣрно, выручу,

А выручу, такъ парочку я куръ себѣ куплю —
Вотъ, три ужъ будетъ курицы! Извѣстно, значитъ, каждая
Яицъ мнѣ нанесетъ,
И снова будутъ денежки, а коли будутъ — троечку
Къ тѣмъ тремъ пріобрѣту... Ну, вотъ, какъ дѣло сладится,
Яичекъ понакопится, я половину добрую
Продамъ, а весь остаточекъ — на выводку цыплятъ...
Ахъ, батюшки! Глядите-ка:
Куриный цѣлый дворъ!
Яицъ, цыплятъ и курочекъ не сосчитать хозяюшкѣ!
Не долго тутъ — о, Господи, совсѣмъ разбогатѣть!
Гусей куплю я парочку, потомъ барашка славнаго —
Торговля и расширится: есть яица, есть курицы,
Перо и даже шерсть!
А какъ мошна наполнится, тогда и поросеночка
Куплю, да и коровушку, а, можетъ быть, и двѣ!..
Чрезъ годикъ — глядь: высокія хоромы словно выросли!
Работники, работницы идутъ толпой къ хозяюшкѣ,
А съ поля гонятъ скотъ...
Вотъ тутъ женихъ и явится, а у него хоромы-то
Куда моихъ обширнѣе! — «Позвольте, молъ, сударыня,
Мнѣ вашу ручку правую сейчасъ поцѣловать!» —
И — ахъ, какою гордою тогда пройдусь я павою!
Носъ этакъ задеру...»
И задрала!.. Лукошечко свалилось — трахъ! и яица,
Попадавши, разбилися, а вмѣстѣ съ ними рушились
Хоромы разноцвѣтныя... А что-жъ, и это, кажется,
Пожалуй, хорошо?..

В. Щиглевъ.

РОДИНА.

От каждой мелочи ты боленъ:
Въ глаза-ли малая пылинка попадетъ,
Прохожій-ли тебя на улицѣ толкнетъ, —
Тотчасъ ты родиной и жизнью недоволенъ...
И лица глупыя людей,
И лѣстницъ скользкія перила,
И скука мертвыхъ, сѣрыхъ дней —
Вся жизнь тебя своимъ уродствомъ утомила,
За все проклятье шлешь ты родинѣ своей!..

А только что ее покинешь,— за тобой
Воспоминаній ангелъ свѣтлоокій
Летитъ и все поетъ о родинѣ далекой,
О милыхъ лѣтнихъ дняхъ, о жатвѣ золотой,
О многозвѣздной тьмѣ январской ночи. —
И вдругъ — забыто все, полны слезами очи,
И милъ родной языкъ, среди чужихъ людей,
Тебѣ, какъ ласка матери твоей!

Весь міръ ты облети, но какъ бы ни плѣнила
Краса чужихъ небесъ, ты будешь имъ чужой:
Таинственная нить на вѣкъ соединила
Тебя съ родимою землей.
Напрасно ищешь ты свободы:
Чѣмъ дальше отъ нея, тѣмъ крѣпче эта нить,
Тоски по родинѣ ничѣмъ не побѣдить, —
Въ ней — сила вѣчная природы!

Ахъ, все измѣнчиво, и все проходитъ мимо,
Но только власть земли родной неодолима!
Она сердца людей, чрезъ земли и моря,
Таинственно влечетъ, какъ сила янтаря...
Тоска по родинѣ — здоровье, правда жизни;
Она когда-нибудь, отъ горя и заботъ,
На крыльяхъ, болѣе могучихъ, унесетъ
Насъ къ Вѣчному Отцу и къ неземной Отчизнѣ!

Д. Мережковскій.

* * *

Когда весна благоухала,
Сорвавъ одну изъ первыхъ розъ,
Ты въ темный шелкъ своихъ волосъ
Ее съ улыбкою вплетала.

Но лѣто красное пришло,
И ты съ волненьемъ затаеннымъ
Плела вѣнокъ въ саду зеленомъ,
Склоняя юное чело.

Пора осенняя настала,
И пестротой ея цвѣтовъ,
Какъ цѣлымъ рядомъ орденовъ,
Ты грудь безпечно украшала.

Теперь — зима. Среди полей
Цвѣты увяли безнадежно,
И потому ты можешь нѣжно
Прижать меня къ груди своей!

О. Чюмина.

* *
*

Я далеко отъ берега родного,
Я одинокъ, и одинокъ мой путь,
Но ты со мной, пѣснь дѣтства дорогого,
Ты солнца лучъ, тобой согрѣта грудь!

Ты зазвучишь, и розой расцвѣтаетъ
Воспоминаній ласковый цвѣтокъ,
И родины картины открываетъ
Мнѣ, распускаясь, каждый лепестокъ!

Вотъ островъ мой; съ него прохладой вѣетъ,
Задумчиво дремучій лѣсъ растетъ,
И озеро спокойное синѣетъ,
И лебеди скользятъ по лону водъ!

А. Саломонъ.

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯКЪ.

(1833 г.)

Зажигаютъ на елкѣ нарядной огни,
А за дверью завѣтною дѣти толпятся
И смѣются, и къ скважинѣ шумно тѣснятся...
О, какъ бьются сердца, какъ блаженны они!
Ихъ отцы также счастливы нынче и юны...
Только я... О, зачѣмъ васъ, уснувшія струны,
Пробуждать! Вѣдь на радость безпечную ихъ
Я въ замерзшія окна могу любоваться:
Подышу на стекло — и начнутъ расплавляться
Ледяные узоры цвѣтовъ ледяныхъ.

О, безгрѣшное дѣтство! О, юность святая!
О, надеждъ легкокрылыхъ смѣющійся рой!
Всюду радость, — лишь я, о быломъ вспоминая,
Поникаю усталой своей головой.
Я одинъ — въ дни-ль веселья, въ годину-ль ненастья;
Вѣчный сумракъ въ душевной моей глубинѣ.
«Онъ не зналъ никогда безконечнаго счастья
Раздѣленной любви»... — говорятъ обо мнѣ.
Да, мнѣ сладкія грезы солгали, какъ сказки!
Я былъ бѣденъ и молодъ, а годы все шли...
И увидѣлъ я розу — волшебныя краски
Мнѣ блеснули въ глаза... и надежду зажгли.
Всё предъ нею я жаждалъ излить, ослѣпленный,
Все, что звѣздамъ шепталъ я въ часъ ночи безсонной...
Но другой подошелъ и сорвалъ мой цвѣтокъ,
Мой любимый цвѣтокъ, мой цвѣтокъ благовонный...
Оттого-то, о дѣти, я такъ одинокъ,
    Холостякъ, сѣдиной убѣленный!..

Ф. Червинскій.

ВОСХОЖДЕНІЕ НА ВЕЗУВІЙ.

(Во время изверженія 24 февраля 1834 г.)

Подъ защитой горъ лиловыхъ
Спитъ Неаполь. На волнахъ
Рѣетъ Искія въ багровыхъ,
Угасающихъ лучахъ.

Снѣгъ въ расщелинахъ сверкаетъ,
Будто стая лебедей;
Грозный конусъ потрясаетъ
Прядью огненныхъ кудрей.

Выше, выше, по тропинкѣ!
Торопись—уже темно!
Здѣсь не встрѣтишь и былинки:
Безъ слѣда все сожжено.

Мулы, бережно ступая,
Поднимаются съ трудомъ;

Гору звѣздами вѣнчая,
Блещетъ лава надъ жерломъ.

Дальше нѣтъ дороги муламъ,
И долой съ нихъ—въ добрый часъ!
Берегись! Съ зловѣщимъ гуломъ
Камень катится на насъ.

Выше! выше! Издалека
Буря мечетъ въ насъ золой.
О, какъ тяжекъ зной сирокко!
Почва дымитъ подъ ногой.

Тьма нависла черной тучей.
Будто рѣчка между скалъ,
Но безъ волнъ, струей тягучей
Льется пламенный металлъ.

Вмѣсто мѣсяца, надъ нами
Шаръ пылающій виситъ;
Къ небу черными столбами
Дымъ взлетаетъ: все горитъ!

Мѣсяцъ меркнетъ въ клубахъ дыма.
Мы стоимъ не шевелясь.
Громъ и пламя; камни мимо
Низвергаются дымясь.

Мнится, въ безднѣ сокровенной
Небу гимнъ земля поетъ.
Страшно! дивно! несравненно!
Сердце къ Богу съ вѣрой льнетъ.

В. С. Лихачовъ.

МОЕ ИЗВИНЕНІЕ.

(1835 г.)

Пусть осуждаютъ
    Мои стихи
И въ нихъ находятъ
    Вездѣ грѣхи.

Пусть даже скажутъ,
Коли хотятъ,
Что то изъ Гейне
Лишь плагіатъ.

Пускай и въ правду
Сходны они,
Тому виною
Лишь Богъ любви!

Кн. Д. Цертелевъ.

ИЗЪ РОМАНТИЧЕСКОЙ ДРАМЫ „МУЛАТЪ“

(1835 г.)

Нѣтъ на немъ алмазовъ, не блистаетъ злато,
Повелитель негровъ убранъ не богато:
Брошена пантера на нагія плечи...
Онъ идетъ съ охоты. Для веселой встрѣчи
Съ кликами и пѣсней двинулся народъ.

Жрецъ, старикъ степенный, ставъ передъ толпою,
Поздравляетъ князя съ первенцемъ-княжною,
Подаетъ малютку, князь ее ласкаетъ —
На устахъ улыбка, взоръ его пылаетъ.
Грохотъ барабановъ, трубный звукъ растетъ.

Жизнь княжну встрѣчаетъ свѣтлою улыбкой:
Скоро ей на плечи ляжетъ пурпуръ гибкій;
Ей вѣнецъ изъ перьевъ холитъ страусъ бѣлый;
«Жемчугомъ долины» королевичъ смѣлый
Назоветъ любовно княжескую дочь.

Плещется, купаясь, лебедь передъ нею, —
И дрожитъ, и жмется, и сгибаетъ шею...
Новой Афродитой стала дѣва юга,
Изъ пустыни знойной ждетъ она супруга.
Стройнаго красавца, чернаго какъ ночь.

Одинокъ, покинутъ лебедь бѣлоснѣжный:
Кровью и слезами залитъ склонъ прибрежный,

Паруса надулись южными вѣтрами...
Ты плывешь царевна, съ черными рабами.
И тебя отчизнѣ не вернетъ волна!

Ты на полѣ чуждомъ станешь вѣчной жницей,
И покроютъ плети станъ твой багряницей,
Пурпуръ не покинетъ молодого тѣла!
Жни, не уставая, въ счастье вѣруй смѣло:
Ласкою хозяйской ты награждена!

Князь погибъ. Къ кургану, изъ чужого края,
Валъ бѣжитъ привѣтный, тяжело вздыхая...
Время быль о князѣ въ пѣснѣ сохранило...
Грузными слонами стопчется могила, —
Догоритъ въ неволѣ черная княжна.

Вл. Гр. Жуковскій.

ДОБРОВОЛЕЦЪ.

(1848 г.)

Не въ силахъ я медлить... бѣжитъ мой покой,—
Влечетъ меня къ сѣчѣ кровавой.
Свѣтло наше знамя, его Всеблагой
Покроетъ нетлѣнною славой.

Вѣка ты, о Данія, мощной была,
Но буря не даромъ ревѣла:
Ты дрогнула... Нынѣ даль снова свѣтла;
О, слишкомъ ты долго терпѣла!

Мы дышимъ отвагой; не властны надъ ней
Враговъ разъяренныхъ угрозы;
Щиты наши лилій весеннихъ бѣлѣй,
Мечи наши страшны, какъ грозы.

Мой духъ закаленъ, весь я полонъ огня...
Спасибо, о мать, что предъ битвой
Отъ тайныхъ тревогъ и сомнѣній меня
Святой оградила молитвой!

Прощайте-жъ, друзья! Отлетѣлъ мой покой,
Влечетъ меня къ сѣчѣ кровавой.
Свѣтло наше знамя—его Всеблагой
Покроетъ безсмертною славой.

Ф. Червинскій.

„ДАНІЯ—МОЯ РОДИНА.

(1849 г.)

Въ цвѣтущей Даніи, гдѣ свѣтъ увидѣлъ я,
Беретъ мой міръ свое начало;
На датскомъ языкѣ мать пѣсни мнѣ пѣвала,
Шептала сказки мнѣ родимая моя...
Люблю тебя, родныхъ морей волна,
Люблю я васъ, старинные курганы,
Цвѣты садовъ, родныхъ лѣсовъ поляны,
Люблю тебя, отцовъ моихъ страна!..

Гдѣ ткетъ весна узорные ковры
Пестрѣй, чѣмъ здѣсь—богаче и душистѣй?
Гдѣ свѣтитъ мѣсяцъ ярче и лучистѣй,
Гдѣ темный букъ разбилъ пышнѣй свои шатры?..
Люблю я васъ, лѣса, холмы, луга,
Люблю святое знамя «Данеброга»,—
Съ нимъ видѣлъ Богъ побѣдной славы много!..
Люблю я Даніи цвѣтущей берега!..

Царицей сѣвера, достойною вѣнца,
Была ты—гордая своею долей скромной;
Но все-же и теперь на цѣлый міръ огромный
Звенитъ родная пѣснь, и слышенъ звукъ рѣзца!..
Люблю я васъ, зеленыя поля!
Васъ пашетъ плугъ, мѣста побѣдныхъ браней!..
Богъ воскреситъ всю быль воспоминаній,
Всю быль твою, родимая земля!..

Страна, гдѣ выросъ я, гдѣ чувствую роднымъ
И каждый холмъ, и каждый нивы колосъ,
Гдѣ въ шумѣ волнъ мнѣ внятенъ милый голосъ,
Гдѣ вѣетъ жизнь плѣнительнымъ былымъ...

Вы, береговъ скалистые края,
Гдѣ слышны взмахи крыльевъ лебединыхъ,
Вы—острова, очагъ былинъ старинныхъ,
О, Данія! О, родина моя!..

А. Коринфскій.

ТЕРНОВНИКЪ.

(1851 г.)

Графчикъ встрѣтилъ нечаянно Грету-красу:
Землянику она собирала въ лѣсу.
Земляника чудесная, алаго цвѣта...
—«Что за встрѣча!»—вскричалъ онъ.—Ну, милая Грета,
«Я тебѣ помогу, помогу!»

—«Я одну ужъ нашелъ! Какъ свѣжа, какъ чиста!
«Что за вкусная ягодка... эти уста!
«Что красавица ты—лишь тебѣ неизвѣстно...
«Ничего! Какъ пріятель—охотно и честно
«Я тебѣ помогу, помогу!..»

Росъ терновникъ вблизи... Отчего-то стремглавъ
Графчикъ въ кустъ полетѣлъ и забился, упавъ...
Скрылась Грета, «спасибо» сказавъ не безъ смѣха!
Кустъ колючій, щетинистый... То-то потѣха!
Вотъ тебѣ «помогу, помогу!..»

В. Лебедевъ.

ПТИЧКА И СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЪ.*)

За крѣпкой, желѣзной рѣшеткой,
Въ холодныхъ и тѣсныхъ стѣнахъ,
Лежитъ на истлѣвшей соломѣ
Угрюмый преступникъ въ цѣпяхъ.

Вотъ лучъ заходящаго солнца,
Играя, упалъ на окно.
Вѣдь, солнце лучи разсыпаетъ
На злыхъ и на добрыхъ равнó.

*) Переложеніе сказки А. „Съ крѣпостного вала“ (см. т. I стр. 228).
Примѣч. перев.

Играющій лучъ въ казематѣ
И стѣны, и полъ золотитъ.
На лучъ съ отвращеньемъ и злобой
Угрюмый преступникъ глядитъ.

Вотъ птичка къ окну прилетѣла
И съ пѣснею сѣла за нимъ.
Вѣдь птичка-пѣвунья щебечетъ
Равнó и хорошимъ и злымъ.

Сидитъ на рѣшеткѣ желѣзной
Она и щебечетъ: квивитъ!
Вертитъ миловидной головкой
И глазками чудно блеститъ.

И крылышки чиститъ и холитъ,
Встряхнется, на мигъ отдохнетъ —
И перышки снова топорщитъ
На грудкѣ, и снова поетъ.

И, глазъ не спуская, на птичку
Угрюмый преступникъ глядитъ.
По-прежнему руки и ноги
Желѣзная цѣпь тяготитъ...

Но легче на сердцѣ; свѣтлѣетъ
Лицо, злыя думы бѣгутъ,
И новыя мысли и чувства
Въ душѣ одичалой ростутъ.

Ему самому непонятны
Тѣ мысли и чувства, — они
Лучу золотистому солнца
И нѣжнымъ фіалкамъ сродни;

Тѣмъ нѣжнымъ, душистымъ фіалкамъ,
Что въ дни благодатной весны
Ростутъ и цвѣтутъ у подножья
Высокой тюремной стѣны.

Чу! Звуки роговъ... Это трубятъ
Стрѣлки на валу крѣпостномъ.
Какой отголосокъ стозвучный
Прошелъ, прокатился кругомъ!

Испуганно птичка вспорхнула
Съ рѣшотки и скрылась изъ глазъ.
И солнечный лучъ поблѣднѣвшій
Въ тюремномъ окошкѣ погасъ.

Погасъ—и въ тюрьмѣ потемнѣло.
И снова суровъ и угрюмъ,
Преступникъ лежитъ одиноко,
Подъ гнѣтомъ вернувшихся думъ.

А всетаки доброе дѣло,
Что птичка пропѣла ему,
Что солнце къ нему заронило
Лучъ свѣта въ глухую тюрьму.

И. Суриковъ.

ФИРДУСИ.*)

Среди высокихъ пальмъ, верблюды издалёка
Дорогой тянутся; они нагружены
Дарами щедраго властителя страны,
Несутъ богатый грузъ сокровища востока.
Властитель этотъ даръ назначилъ для того,
Кто не искалъ наградъ и жилъ среди лишеній,
Кто сталъ отрадою народа своего
И славой родины... Онъ найденъ, этотъ геній,
Великій человѣкъ, кто низкой клеветой
И завистью людской отправленъ былъ въ изгнанье.
Вотъ бѣдный городокъ: измученный нуждой,
Изгнанникъ здѣсь нашелъ пріютъ и состраданье.
Но что тамъ впереди? — Изъ городскихъ воротъ
Покойника несутъ на встрѣчу каравана.

*) Переложеніе одного изъ эпизодовъ сказки „Тернистый путь славы“ (см. т. I, стр., 455.) Оба переложенія взяты изъ полнаго собранія стихотвореній Сурикова, изд. Солдатенкова. *Примѣч. перев.*

Покойникъ тотъ убогъ; за нимъ нейдетъ народъ,
Онъ въ жизни не имѣлъ ни золота, ни сана.
То былъ холодный трупъ великаго пѣвца,
Умершаго въ нуждѣ, изгнаньи и печали, —
То самъ Фирдуси былъ, котораго искали...
Тернистый славы путь прошелъ онъ до конца! *)

И. Суриковъ.

ЧУДО.

(1875 г.)

Однажды мумію на сѣверъ привезли
Отъ хмурыхъ пирамидъ ея родной земли.
Гласилъ іероглифъ, что множество вѣковъ
Покоилась она среди нѣмыхъ песковъ...
Въ дни смерти мумію украсили пышнѣй
И колосъ золотой вложили въ руку ей...
И здѣсь, на сѣверѣ, изъ рукъ ея зерно
Весной посѣяли — и выросло оно!..
О, чудо! Вмѣстѣ съ нимъ въ насъ вѣра возросла!
Напрасно годы шли, мѣняясь безъ числа—
Зерно ничтожное и жило, и живетъ...
Такъ нашъ безсмертный духъ, среди земныхъ невзгодъ,
Порой покинетъ свѣтъ, покинетъ жалкій прахъ—
Но самъ живетъ, живетъ—и будетъ жить въ вѣкахъ!..
Да, чудо наша жизнь и вѣчности сильнѣй;
Постичь нельзя ея, но чудо, чудо въ ней!..

В. Лебедевъ.

ВЕЧЕРЪ.

И день и ночь—царятъ попеременно.
Безмолвенъ лѣсъ. Не дышитъ вѣтерокъ.
Но есть сердца, гдѣ мракъ царитъ безсмѣнно,
Гдѣ никогда не заблеститъ востокъ.

О, ниспошли Создатель милосердный,
Всѣмъ жаждущимъ, всѣмъ страждущимъ—покой,
Чей духъ не спитъ, тревожный и усердный,
Всѣмъ, кто скользитъ надъ бездною морской.

Кто, бѣдный, утомленной головою,
Тамъ глубоко, въ угрюмыхъ рудникахъ,
Склоняется надъ жилой золотою,
И чахнетъ въ черномъ мракѣ, какъ въ тискахъ.

Всѣхъ, кто не зналъ блаженнаго мгновенья,—
Въ чьемъ сердцѣ—месть, чьи скудны шалаши,—
Пролей бальзамъ цѣлебнаго забвенья,
Всѣхъ успокой, всѣхъ бурныхъ утиши!

К. Бальмонтъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ ПОЭТА.

Часъ пришелъ — такъ бери же, неси меня, Смерть,
Въ безпредѣльныя области духа!
Безъ разспросовъ — куда? я прошелъ путь земной,
Изволеніемъ свыше ведомый...
Что я людямъ давалъ, — я давалъ не свое,
А что было мнѣ подано свыше,
И не зналъ, не считалъ, не цѣнилъ, что даю.
Пѣлъ какъ Божья въ поднебесьи птичка...
До свиданья-жъ, друзья! Міръ цвѣтущій, прощай!
Съ благодарной душой васъ покину —
Славя Бога за все, что мнѣ далъ —что мнѣ дастъ —
Въ безконечномъ пути къ совершенству!..
Уноси-жъ меня, смерть, надъ пучиной временъ,
Ближе—ближе все—къ Вѣчному Свѣту!

А. Майковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

						НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
Стр.	288	строка	2	снизу	унего	у него
»	295	»	8	сверху	имѣте	имѣете
»	347	»	7	снизу	«Капуста?»	«Капуста?
»	457	»	14	сверху	я зову,	я зову